

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК V(II)

СЕРИЯ А. АНТИЧНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА КУЗИЩИНА

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ**

**ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА
ВЫПУСК V(II)**

СЕРИЯ А. АНТИЧНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

**ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

**Севастополь
2011**

Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск V(II). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузищина. - Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2011. – 302 с.

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам докладов профессоров, преподавателей и студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Филиала МГУ в г. Севастополе, сотрудников научных и музейных учреждений России, Украины, Крыма и Севастополя, прочитанных на заседаниях секции «Древняя и средневековая история Причерноморья» в рамках VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» 2010 г. и отобранных оргкомитетом для публикации.

Представленные статьи будут интересны широкому кругу специалистов в области античной и средневековой истории, а также археологии Причерноморья.

Редакционная коллегия:

- Трифонов В.А.,** кандидат химических наук, доцент, директор Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Иванов В.А.,** доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины, зам. директора Филиала МГУ в г. Севастополе по научной работе.
- Кузищин В.И.,** доктор исторических наук, профессор, советник декана исторического факультета МГУ, зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (главный редактор).
- Буйских А.В.** доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины.
- Петрова Э.Б.** доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков ТНУ им. В.И. Вернадского.
- Усов С.А.,** доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Филимонов С.Б.,** доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зав. кафедрой истории России ТНУ им. В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
- Юрченко С.В.,** доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, заведующий кафедрой политологии ТНУ им. В.И. Вернадского, зам. директора по научной работе КРУ «Ливадийский дворец» (зам. главного редактора).
- Цимбаев Н.И.,** доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX – начала XX веков исторического факультета МГУ.
- Бойцова Е.Е.,** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор по научной работе Севастопольского городского гуманитарного университета.
- Мартынкин А.В.,** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Ставицкий А.В.,** кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
- Ушаков С.В.,** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии НАН Украины, ведущий научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический».
- Хапаев В.В.,** кандидат исторических наук, зам. заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (ответственный секретарь).
- Викторов Ю.Г.** кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.

Публикуется по решению Оргкомитета Международной научной конференции «Лазаревские чтения»

© Филиал МГУ в г. Севастополе

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Научное наследие	
<i>†Антонова И.А.</i> Монастырь святого равноапостольного князя Владимира в Херсонесе	6
<i>†Золотарев М.И., †Коробков Д.Ю., Ушаков С.В.</i> О принципах изучения античных водосборных цистерн (по материалам раскопок в ХСVI квартале Херсонеса)	29
История науки	
<i>Петрова Э.Б.</i> Шарль Жильбер Ромм и его «Путешествие в Крым в 1786 году»	71
Античная история и археология	
<i>Дорошико О.П.</i> Святилища горного Крыма позднеантичного времени: к истории исследования	78
<i>Ковалевская Л.А., Сарновски Т.</i> Круглые сооружения на сельской усадьбе 343 хоры Херсонеса	84
<i>Мосейко Ю.Т.</i> Художественная культура эллинистического Херсонеса (на примере расписных стел из башни Зиона)	91
<i>Новикова О.В.</i> Проблема греко-варварских взаимоотношений в Западном Крыму в VI в. до н.э. – II в.н.э.: два подхода в дореволюционной историографии	96
<i>Новицкая Л.Н.</i> Бронзовый треножник из раскопок ХСVII квартала в Херсонесе	101
<i>Самойленко В.Г.</i> Новые данные о крепостном строительстве Херсонеса (по материалам работ на 19 куртине)	103
<i>Струкова Е.В.</i> Виноделие античного Херсонеса: история исследования	116
<i>Ушаков С.В., Дюженко Т.В., Лесная Е.С., Тюрин М.И.</i> Комплекс эллинистического времени из раскопок колодца в алтарной части базилики «Крузе» (предварительная информация по материалам работ 2009-2010 гг.)	129
<i>Ушаков С.В., Лесная Е.С.</i> О характере «ионийской полосатой» керамики из Херсонеса (на примере ХСVII квартала)	150
Средневековая история и археология	
<i>Днепровский Н.В.</i> К вопросу о существовании пещерной церкви у подножия горы Сокол	157
<i>Карнаушенко Э.Н., Карнаушенко А.Д.</i> Реконструкция литургического пространства «Базилики 1935 года» в программе 3D Studio Max 2009 Design	168
<i>Руев В.Л.</i> Боеприпасы к Османской огнестрельной артиллерией 1475 года на Мангупе	175
<i>Ханаев В.В.</i> Жилые усадьбы византийского Константинополя в современном Стамбуле (постановка проблемы)	179
<i>Чореф М.М.</i> О периоде существования и локализации стратегии Климатов: по нумизматическим данным	194
<i>Чореф М.М.</i> От « <i>Imperatorēs dīvī</i> » к « <i>Ἐν τούτῳ νίκας</i> », или религиозные искания первых Ираклидов: нумизматический аспект	203
Переводы и публикации	
<i>Ханаев В.В.</i> Статья А.Л. Бертье-Делагарда « <i>Как Владимир осаждал Корсунь</i> »: текст и комментарий	214
Научное творчество студентов	
<i>Терентьева Е.М.</i> Проблема родового и юридического долга в античном мире и ее интерпретация в европейской литературе XX века (по материалам трагедий Софокла «Эдип в Колоне» и «Антигона»)	260
<i>Тюрин М.И.</i> Столовые эллинистические кувшины Херсонеса из цистерны в ХСVII квартале: вопросы типологии и метрологии	271
<i>Князьков А.А.</i> Религиозная политика киевской княгини Ольги	289
<i>Юрченко В.С.</i> Русский полон в Крымском ханстве и Турции в XV-XVIII веках	293
Сведения об авторах	301

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том избранных статей по материалам докладов, прочитанных в секции античной и средневековой истории и археологии Причерноморья на международной научной конференции «Лазаревские чтения» 2010 года, посвящен 80-летию главного редактора нашего издания, одного из наиболее известных и авторитетных отечественных ученых-античников, заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе Василия Ивановича Кузинщина.

В разделе «Научное наследие» публикуется статья *И.А. Антоновой* (1928-2000) о монастыре св. Владимира в Херсонесе. В ней освещены малоизвестные страницы истории монастыря и начальный период херсонесских раскопок. Статья была написана в 1995 г. и публикуется впервые, с согласия хранителя рукописи профессора Э.Б. Петровой. В этом же разделе редакционная коллегия сочла необходимым переопубликовать малодоступную ныне работу 1997 г. *†М.И. Золотарева, †Д.Ю. Коробкова и С.В. Ушакова* «О принципах изучения античных водосборных цистерн (по материалам раскопок в ХСVI квартале Херсонеса)», которая, как нам представляется, не утратила своего научного значения.

Статья профессора ТНУ им. В.И. Вернадского Э.Б. Петровой посвящена французскому ученому Ш.Ж. Ромму и его путешествию в Крым в 1786 г., которое он совершил совместно с П.А. Строгановы и А.Н. Воронихиным. Повествование дополняется рассказом о записках путешественника.

Большой блок работ освещает античный период истории Крыма. Из них несколько статей – по историографической тематике. В них подводятся итоги исследований, выявляются проблемы и определяются дальнейшие перспективы.

О.В. Новикова обратила внимание на два основных подхода в дореволюционной историографии к важной проблеме античной истории полуострова – греко-варварским взаимоотношениям VI в. до н.э. – II в. н.э. на примере Западного Крыма. Автором сделан вывод, что в изучении отношений между эллинами и местным населением при использовании археологического, а не только чисто исторического подхода был сделан значительный шаг вперед. Данные археологии, найденные эпиграфические документы, подкрепляемые сведениями античной литературной традиции, создавали для ученых того времени хоть и довольно загадочную, но все-таки более ясную, чем прежде, картину взаимоотношений Херсонеса и местных варваров.

О.П. Дорошко рассматривает историю исследования святилищ Горного Крыма, в том числе и святыни в Верхней Аутке, открытого в начале XX в. При скучности письменных источников о духовной жизни населения горной части Таврики именно святилища становятся важным источником для реконструкции идеологических представлений местного варварского населения.

В статье *Е.В. Струковой* представлена история исследований виноделия античного Херсонеса, рассмотрены и работы последних лет. Автор приходит к выводу, что несмотря на значительные объемы археологических исследований, тема виноделия античного Херсонеса не получила в научной литературе адекватного масштабам полевых работ отражения.

Л.А. Ковалевская и *Т. Сарновски* детально описали один из загадочных памятников археологии Гераклейского полуострова – круглые сооружения на хоре Херсонеса (на примере сельской усадьба 343). Хотя к однозначным выводам они и не пришли, но критически рассмотрели все существующие в научной литературе трактовки такого рода сооружений.

Ю.Т. Мосейко обратилась к расписным полихромным надгробным стелам, найденным в башне Зенона. Автор обратила внимание, что херсонесские стелы служат прекрасным образцом памятника прикладного искусства как для Херсонеса, так и для всего античного мира.

Л.Н. Новицкая подводит краткие итоги изучения интересной находки – бронзового треножника (светильника) из раскопок ХСVII квартала Херсонеса.

Новыми данными о крепостном строительстве Херсонеса (в связи с консервационно-реставрационными работами на куртине 19 и башне XVI) поделился *В.Г. Самойленко*. В его статье внимательно проанализированы важнейшие материалы, полученные в результате работ – фрагменты амфор, амфорные клейма, чернолаковая и расписная посуда, монеты. В результате только на участке 19 куртины выявлено четыре строительных периода – от середины IV в. до н. э. до второй половины VI – первой половины VII вв.

С.В. Ушаков, Т.В. Дюженко, Е.С. Лесная и *М.И. Тюрин* публикуют предварительные результаты исследований комплекса находок из эллинистического колодца, обнаруженного в южной конхе базилики «Крузе». Представлена строительная керамика, амфоры, в том числе и клейменые, разнообразная столовая (простая, чернолаковая, расписная, «полосатая», сероглиняная) и культовая керамика.

Еще одна небольшая статья *С.В. Ушакова* и *Е.С. Лесной* развивает тему «ионийской полосатой» керамики из Херсонеса. Сделано это на примере находок их ХСVII городского квартала. К этой группе работ примыкает и статья *М.И. Тюрина*, в которой рассмотрены вопросы типологии и метрологии еще одной слабо изученной группы материалов – столовых эллинистических кувшинов Херсонеса.

Следующий раздел сборника отражает интерес авторов к средневековой истории и археологии. Э.Н. и А.Д. Карнаушенко обратились к проблеме виртуальной реконструкции одного из самых известных храмов Херсонеса – «Базилики 1935 г.». Сделано это на средствами компьютерной программы 3D Studio Max 2009 Design.

H.B. Днепровский рассмотрел уникальный для Восточного Крыма памятник - пещерную церковь у подножия горы Сокол в окрестностях поселка Новый.

B.L. Руев проанализировал находки каменных ядер от турецкой осадной артиллерии на склонах Мангупа. Эти материалы, по мнению автора, опровергают сведения некоторых источников о добровольной сдаче крепости в результате голода, а сохранившиеся ядра и их фрагменты представляют собой важные материалы для реконструкции осады города османским войском в 1475 г.

B.V. Ханаев обратился к проблеме изучения византийского (и позднеантичного) жилища по материалам сохранившихся в неразрушенном состоянии памятников гражданской архитектуры Константинополя. На основании визуальных наблюдений автора, представленных в иллюстрациях, можно сделать вывод об актуальности исследования столь бесценного культурного наследия Византии, как жилая застройка кварталов ее столицы.

M.M. Чореф, на основе нумизматического материала, осветил две важные для средневекового Крыма и Византии историко-археологические проблемы. В одной из публикуемых статей он рассматривает проблему существования и локализации так называемых климатов Херсона. Исследователь считает, что атрибуция гипотетической бронзы Климат (Климатов?), изданной А.М. Гилевич, и проверка определения херсоно-византийской монеты Василия I и соправителей из Чамну-бурунского клада (Мангуп) позволила не только апробировать гипотезы о локализации стратигии Климатов, но и уточнить дату ее ликвидации. Во второй статье автор, на основе нумизматических данных, рассматривает деятельность первых императоров из византийской династии Ираклидов (с 610 г.). Автор приходит к выводу, что в ходе многолетних религиозных исканий этих правителей была апробирована мессианская идея, оказавшаяся неэффективной в кризисной ситуации первой половины VII в. Та же участь постигла и воскрешенный образ царя-первосвященника. В конце концов, в империи вернулись к традиционному представлению о неизбежности сотрудничества светской и духовной властей.

В разделе «Переводы и публикации» представлена работа, которая является одной из важнейших в творчестве историка, археолога и нумизмата *A.L. Бертье-Делагарда* (1842-1920) – «Как Владимир осаждал Корсунь». Она давно уже стала библиографической редкостью, так как в свое время эта была опубликована в малотиражном сборнике «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук». Незаслуженно малое внимание к труду А.Л. Бертье-Делагарда привело к тому, что многие высказанные в ней гипотезы, особенно в части geopolитической реконструкции связанных с Корсунским походом событий, остались незамеченными. Однако многие из них оказались верными и четко укладываются в современную парадигму изучения русско-византийских отношений. Поэтому и была подготовлена предлагаемая в настоящем сборнике публикация полного текста статьи с обширными комментариями *B.V. Ханаева* по полемическим вопросам, требующим продолжения или возобновления научной дискуссии.

Заключительный раздел «Научное творчество студентов» также становится традиционным в нашем сборнике. Исключительно оригинальной является работа *E.M. Терентьевой*, в которой она обратилась к проблеме родового и юридического долга в античном мире и ее интерпретации в европейской литературе XX в. (по материалам трагедий Софокла «Эдип в колоне» и «Антигона»). Автор убедительно доказывает, что такой тип источника служит прямым отражением социальных, экономических и политических процессов, а также культуры людей той эпохи. Сделано это на примере анализа не только упомянутых трагедий, но и произведений Б. Брехта, Ж. Ануя, И.А. Бунина и других писателей. О небольшой статье *M.I. Тюрина*, написанной по канонам классической археологии, было сказано выше.

Работа *A.A. Князькова* посвящена истории Древней Руси. Автор обращается к, казалось бы, известной теме – религиозной политике княгини Ольги, но сделано это на основании штудий источников и научной литературы, и сделано свежо. Автор приходит к выводу, что процесс политического «выбора веры» был начат не князем Владимиром, а как минимум его бабушкой. Владимир лишь завершил начатое ею.

B.C. Юрченко исследует феномен русского полона в Крымском ханстве и Турции в XV-XVIII веках – малоизученное явление в историографии. В небольшой по объему статье удалось проанализировать многие стороны этого явления и показать его значимость как для истории России, так и Крымского ханства и Турции. Редколлегия с удовлетворением констатирует, что среди молодых историков подрастает достойная смена.

Публикую вышеизложенные статьи, мы надеемся на дальнейшее плодотворное научное сотрудничество с их авторами и приглашаем к сотрудничеству новых авторов, как в рамках «Лазаревских чтений», так и на страницах сборника «Причерноморье. История, политика, культура».

Оргкомитет

I

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

**МОНАСТЫРЬ СВЯТОГО РАВНОАПОСТОЛЬНОГО
КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА В ХЕРСОНЕСЕ**

†**АНТОНОВА И.А.¹**

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»

История Крыма сложна и многогранна. Здесь оставили свой след многие народности и многие события. Проникновение в Таврику христианской религии и утверждение ее здесь было событием, повлиявшим на исторические судьбы не только населения полуострова. Вопрос о причинах и времени проникновения христианской религии в Крым является дискуссионным. По версии ряда представителей православной церкви и некоторых исследователей, появление здесь первых христиан относится к I в. н.э. и связывается с миссионерской деятельностью апостола Андрея Первозванного и папы римского Климента. Другая точка зрения, высказанная большинством современных исследователей и поддержанная представителями русской церкви, относит появление христианства в Таврике к IV в., когда оно стало официальным вероисповеданием Римской державы, а введение его на Руси к 988 г. Это событие связывается с именем киевского князя Владимира, принявшего крещение в Херсонесе.

Неоднозначно также решается исследователями проблема возникновения многочисленных монастырей в Крыму. Особенно неизгладимое впечатление производят на путешествующих древние так называемые "пещерные монастыри", храмы и различные помещения которых высечены в отвесных скалах, на обрывистых горных кручах. Часто возникновение их относится к VI-VIII вв. и связывается с монахами-иконопочитателями, бежавшими из Византийской империи, когда там оказало верх религиозное течение, боровшееся против икон в храмах. В последнее время всё большее число исследователей приходит к выводу о более позднем возникновении пещерных монастырей, относя процесс их появления к XII-XIV вв.

---

¹ Инна Анатольевна Антонова (1928-2000 гг.) была выдающимся ученым, исследователем Херсонеса, талантливым организатором науки. С 1955 года работала директором Херсонесского музея. Добилась признания ему в 1979 году статуса историко-археологического заповедника. До последних дней жизни трудилась в заповеднике в качестве ведущего научного сотрудника. Воспитала плеяду учеников: историков и археологов, продолжающих исследование Херсонеса, которому И.А. Антонова отдала без остатка всю свою жизнь. Представленная статья написана в 1995 г. и сохранилась в виде рукописи в личном архиве друзей и соратников И.А. Антоновой – В.Н. Даниленко и Э.Б. Петровой. Публикуется впервые, с согласия хранителя рукописи профессора Э.Б. Петровой (прим. ред.).

В настоящей работе сюжеты сложной жизни и организации этих монастырей освещены не будут. Однако именно они явились одной из побудительных причин возобновления в XIX в. организации на их месте новых монастырей, унаследовавших их названия. История монастырей отражает страницы истории края, истории духовной жизни общества, силу высокого нравственного служения идеи. Они интересны и потому, что, сохранивая память веков, дают нам почувствовать как неумолимость хода времени, так и преемственность прошлого и грядущего. Однако восстановливать историю любого монастыря Крыма достаточно трудно: относительно немногочисленная литература содержит лишь описание некоторых построек и впечатления авторов об общем характере обители, архивные материалы сохранились не полностью, монастыри уже 70 лет не действуют. Между тем, история монастырей вызывает интерес, как у жителей Крыма, так и у многочисленных его гостей и туристов.

Появившиеся в последнее время исследования по истории духовной жизни Таврической епархии серьезно помогли освещению затрагиваемой проблемы, тем более что ранее изданная литература давно уже стала библиографической редкостью [8].

Ко времени присоединения Крыма к России на полуострове сохранилась 51 православная церковь. Почти все они были разрушены или полуразрушены, действовали только две [15]. В первые годы возведение новых храмов осуществлялось медленно, затем строительство ускорилось и к середине XIX в. по данным, сообщаемым Катуниным Ю.А., в Таврической епархии действовало около 80 церквей [8, с. 45]. Монастырь был только один – в 1792 г. возобновилась деятельность Балаклавского Георгиевского монастыря, издавна существовавшего в окрестностях Херсонеса. Это, несомненно, свидетельствовало об определенной слабости позиций православной церкви и отсутствии активности ее служителей. Основной по численности религией в крае был ислам – в 1518 действовавших мечетях совершали богослужение 8411 человек татарского духовенства [15, с.70].

**Иннокентий,
архиепископ Херсонский
и Таврический**

Положение резко изменилось с назначением на епархиальную кафедру архиепископа Иннокентия. Его девятилетняя служба оставила значительный след в делах епархии. Это был один из тех сыновей Отчизны, деятельность которого сыграла большую роль в общественном развитии своего времени. "Великим гражданином земли Русской" называл его известный историк Погодин; "Русским Златоустом" прозвали его современники, а крупнейший церковный историк А.П. Лопухин очерком об архиепископе Иннокентии открыл серию исторических портретов под названием "Духовные светила XIX века". Ни один Энциклопедический словарь, вышедший в России до 1915 г., не обошел молчанием этого имени. Десять объемистых томов большого формата, включающих 20 богословских трудов и около 500 проповедей, и сейчас сохранивших живой интерес, составили литературное наследие архиепископа. Академик Императорской академии наук, доктор богословия,

он являлся почетным членом Московского и Санкт-Петербургского университетов, Санкт-Петербургской, Московской и Казанской духовных академий, принимал активное участие в работе Императорского археологического, Русского географического, вольного экономического и сельскохозяйственного обществ. Неудивительно, что длительное время – более четверти столетия – этот пастырь имел большое влияние на общий строй церковной жизни и ход церковных дел в стране.

Уже будучи овеянным славой и широкой известностью, в феврале 1848 г. Иннокентий становится архиепископом Херсонским и Таврическим. Дела епархии он принял у архиепископа Гавриила, человека просвещенного, знатока древних языков и любителя древней истории, оставилшего статьи с описанием памятников христианской истории Крыма. Его энергичный восприемник архиепископ Иннокентий не ограничился изучением старых

руин, он вознамерился в наиболее почитаемых местах христианской религии создать новые монастыри и киновии. Он грезил о русском Афоне в Крыму. Афон, расположенный в Греции, как известно, является крупнейшим центром православного богословия, начиная со средневековой эпохи местом поклонения святым мощам и множеству христианских реликвий. Весь христианский мир почитал Афон, как важнейшую православную святыню. Такую же святыню, но только на русской земле, стремился создать в Крыму Иннокентий. Обосновывая важность этого дела, преосвященный Иннокентий составил подробную "Записку о восстановлении святых мест по горам крымским". Он писал в ней: "... Таврия далеко превзойдет Афон миром и удобством... Что касается святых воспоминаний, то наша Таврия не уступит никакому Афону" [7, с. 409]. Будучи опытным организатором, архиепископ Иннокентий хорошо понимал, что просьба крупных средств может замедлить и даже погубить дело. Поэтому началу процесса создания Русского Афона были приданы скромные и вполне реальные формы. Планировалось главным средоточием братства крымских иноков сделать средневековую пещерную церковь Успеня Божьей Матери под Бахчисараем под именем Успенского скита. Остальные церкви и часовни всех священных мест полуострова должны были быть подчиненными Скиту киновиями. Под киновиями, имелся в виду такой вид монашеского пустынножительства, при котором несколько иноков образуют тип скита, занимаясь молитвами и каким-либо полезным делом вдалеке от главного монастыря. Аскетические формы отшельничества, уход от реальной жизни, по мнению духовенства, должны были способствовать спасению души.

Именно в киновийном отшельничестве наиболее ярко проявились идеалы монашества. Следует однако отметить, что Иннокентий, основывая киновии, предусматривал для монахов возможность занятий полезным трудом: садоводством, сбором трав и т.д. В Успенском ските и всех киновиях предусматривалось не более 9 монахов и 20 послушников и монашествующих. При этом, учитывая малонаселенность Крыма православными в то время, Иннокентий не настаивал на пострижении иноков, достаточно было, по его убеждению, вести истинно монашескую жизнь, не обязательно будучи монахом. Средства для жизни иноков рассчитывалось иметь от приношений богомольцев и от пожертвований.

Поэтому из многих мест, где имелись древние церкви и монастыри, были выбраны уже имевшие популярность среди верующих. Архиепископ Иннокентий с пылкой верой относился к реализации замысла, он сумел создать значительный круг сподвижников, подобрать людей для создания киновий, найти жертвователей. Быстрому утверждению его плана способствовал начальный капитал 50 тыс. р., почти целиком состоявший из добровольных пожертвований [6, с. 96]. В окружении Иннокентия был провозглашен девиз: "*От казны - ничего, все от Бога!*" [6, с. 97]. 4 мая 1850 г. был подписан правительственный указ, который позволил дело создания русского Афона развернуть достаточно масштабно [6, с. 86].

Какие же священные места были названы архиепископом из множества христианских памятников Крыма, которым суждено было возродиться?

Прежде всего, это Успенский скит, которому предполагалась роль главной святыни. Киновии, подчиненные церкви Успеня Божьей Матери, предполагалось создать у пещерного города Качи-Кальон в церкви св. Анастасии; у источника Суук-Су у подножия Чатырдага, где почитались св. Бессеребренники Козьма и Дамиан; в Херсонесе, на месте крещения киевского князя Владимира; в пещерной церкви в Инкермане; в пещерной церкви Иоанна Предтечи в с. Камары (ныне с. Оборонное) возле Балаклавы. В записке значились Балаклавский монастырь св. Георгия, существовавший со средневековой эпохи, церковь св. Матвея у генуэзской крепости в Судаке, священные места у источников у горных высот Кизил-Таш и Агармыш. После смерти архиепископа в 1857 г. этот список был изменен: вместо церкви Иоанна Предтечи в окрестностях Балаклавы был создан монастырь св. Параскевы в районе г. Феодосии, неподалеку от деревни Топлу.

Основателю Русского Афона архиепископу Иннокентию довелось открыть 4 киновии и 2 скита: Херсонесскую св. Владимира; Инкерманскую св. Клиmenta; Суук-Су – святых Козьмы и Дамиана; Кизил-Ташскую - обятого Стефана Сурожского; Катерлезскую – свято-го великомученика Георгия и Бахчисарайский Успенский скит.

Иннокентий завещал скитам 149 акций Общества пароходства и торговли по Черному морю стоимостью по 150 рублей каждая [13, с. 351-355]. Умер преосвященный Иннокентий 26 мая 1857 г. в Одессе, простудившись в поездке по храмам и киновиям Крыма. Впоследствии организационная основа киновий изменилась, многие из них стали монастырями, содержащимися за счет государственной казны по рангу I и II класса. К этому числу относились монастыри Херсонесский и Георгиевский I класса, Успенский скит и Инкерманский и Топловский монастыри II класса.

Из всех киновий в Таврической епархии, впоследствии ставших монастырями, наибольшего развития и известности достиг монастырь святого Владимира в Херсонесе. Несомненно, значительную роль в этом сыграло местоположение монастыря в Херсонесе-Корсуне, где по сведению русских летописей киевский князь в 988 г. принял крещение. В связи с этим Херсонес рассматривался как колыбель русского православия.

Несмотря на относительно короткое время жизни Владимира монастыря, немногим более 70 лет, история его не отличалась спокойствием, напротив, она изобиловала напряженными и даже драматическими ситуациями. Расположенная у самого входа в знаменитую Севастопольскую бухту, Херсонесская киновия родилась под звуки выстрелов артиллерийских батарей Севастополя и разделяла напряженную судьбу военного города.

В 1850 г. здесь была построена скромная церковь и два небольших помещения для братии, которые размещались вдоль дороги к воротам между древними башнями XII и XIII [29].

Кто же был тот человек, который организовал киновию в Херсонесе? По источникам он известен под именем отца Василия, но характеризуется документами крайне скромно. Игумен Василий (в миру Юдин) постригся в монашество в зрелом, но не старом возрасте, испытав многочисленные превратности судьбы. Происходя из донских казаков, он закончил естественный факультет Московского университета и вернулся в родные места. В один трагический день семья Юдина – жена и две дочери – погибли. После этого Юдин принял постриг, 3-4 года ушло у него на паломничество на Афон, откуда он вернулся иеромонахом. Прибавив к пожертвованиям свои средства, он обратил их на создание Херсонесской киновии. За два с половиной года им было построено два небольших помещения для монахов и церковь, которую он воздвиг в честь князя Владимира¹. Кельи были построены вдоль дороги к нынешним вторым воротам в заповедник, а храм стоял на месте храма Семи Священномучеников. Но с трудами возведенной церкви и кельям была предназначена недолгая жизнь. Военная гроза смела всю киновию дотла, отмерив время ее существования всего лишь полутора годами. На территории Херсонеса во время Крымской войны размещались французские войска. По словам очевидцев, здесь вся местность была изрыта траншеями и котлованами. Архиепископ Иннокентий писал к преосвященному Макарию 29 апреля 1855 г.: "На днях думаю проведать свой Крым. Двух скитов наших - Херсонесского и Инкерманского – как не бывало. Первый, т.е. Херсонесский, построенный едва не одними слезами, пошел на топливо у французов, а второй чуть не развалился весь от английских бомб и ядер. Севастополь сделался истинной кутиною - горит непрестанно и не сгорает. Это теперь европейское кладбище. И здесь-то, особенно теперь, во всей силе дышит и веет русский дух" [11, с. 48-49]. Храм в Херсонесе был сожжен, а на месте келий сооружена французская батарея с пороховыми складами.

После войны игумен Василий отправился на Дон за остальным имуществом, чтобы вновь истратить его на нужды киновии. Там оставались 22 дорогие иконы в окладах, впоследствии присланные в монастырь. По дороге на новый храм собирались пожертвования. Еще не старый, не одряхлевший игумен Василий, возможно, по неосторожности, утонул при переправе через незначительный и неглубокий приток Дона летом 1856 г.

Для восстановления Херсонесской киновии Архиепископом Иннокентием был направлен один из наиболее способных для этих трудных забот иеромонах Евгений. Архиепископ не ошибся выбором.

¹ В ряд изданий попали сведения о том, что первая церковь была построена в честь княгини Ольги, имя которой носила и дочь Юдина (Зверинский В.В. и др.). Однако, это утверждение ошибочно, что хорошо показывает переписка игумена Василия с Городской Управой [26, л. 34].

Новороссийский календарь за 1860 г., со слов архиепископа Евгения, рассказывает об освящении места будущей обители. Явившись в Херсонес в пустынное место, где валялись осколки снарядов и еще ощущался запах гари только что отгремевшей войны, Евгений не нашел здесь ни воды, ни сосуда к освящению. Заметив кожаные рукавицы на руках у одного из своих спутников, он послал его на берег моря, попросив принести воду в рука-вицах. Когда вода была принесена и освящена погружением в нее креста, полил ее на первый камень храма.

Не этот, конечно, находчивый, но не по правилам совершенный обряд освящения, а другие причины лежали в основе неспокойной и нелегкой жизни Херсонесского монастыря. Над ним все 70 лет тяготели мирские заботы и неурядицы. Здесь не было ни отрешенности от мятежа человеческого, ни благостной тишины. Литургии нарушались выстрелами батарей и пением, по выражению одного из настоятелей, "непристойных для святой обители" солдатских песен, заботы об отводе земель были заботами семи настоятелей, но юридически земля так и не была закреплена за монастырем. Монахи постоянно привлекались к отпеванию умерших в карантине, на земле Монастыря в годы бедственных эпидемий, не потухая горели костры из одежды больных.

15 марта 1857 г. иеромонах Евгений был утвержден настоятелем Херсонесской кино-вии, и вскоре им был получен сан архимандрита. Ему в это время было 35 лет. В Херсонесе он пробыл 17 лет. Благодаря ему, и по стечению обстоятельств, именно в эти годы были заложены и основы будущего благосостояния монастыря, и источники его многих бед и тягот. Это оправдывает желание полнее осветить фигуру отца Евгения, тем более что строительство настоятельского корпуса, старой трапезной, старой гостиницы, многих служб было осуществлено им. В годы его настоятельства было начато и строительство величественного Владимирского собора.

**Евгений,
настоятель Херсонесского
монастыря**

Это был полный невысокий подвижный человек, швед по происхождению. В России его родители поселились незадолго до его рождения. В миру его звали Иоанн Экштейн. Рано почувствовав тяготение к священнослужению, он, окончив классическую гимназию в Москве, сразу определился послушником в Балаклавский монастырь; затем был перемещен в Крестовую церковь архиерейского дома в Симферополе. Здесь он был замечен архиепископом Иннокентием.

Приехав в конце января 1857 г. в Херсонес, он в рапорте от 17 февраля сообщал, что им найден купец Петр Андреевич Телятников, который уже приступил к возведению церкви и дома в разоренной киновии на свой счет и ходатайствует о назначении Телятникова П.А. ктитором, т.е. покровителем киновии святого князя Владимира.

30 апреля 1858 г. наскоро построенная деревянная церковь во имя Семи Священномучеников в Херсонесе епископствовавших была освящена настоятелем Балаклав-

ского монастыря архимандритом Геронтием. Но деревянное здание простояло недолго, значительные повреждения заставили уже через 3 года разобрать его, и на том же месте в честь тех же святых был построен новый каменный храм, который освящен был 2 апреля 1861 г. епископом Таврическим Алексием [20, л. 2-4]. Это здание, дважды достраивавшееся, дошло до наших дней.

15 июля 1858 г. был осуществлен первый крестный ход.

В 1860 г. начато строительство настоятельского корпуса, проект которого был осуществлен архитектором Вяткиным, он же руководил работами. Через 3 года, в 1863 г., настоятельский корпус был уже построен. Домовая церковь первоначально размещалась в северной части здания, где сейчас малый средневековый зал музея. В центр здания она была перенесена при ремонте в 1899 г., когда был разобран третий этаж здания. Церковь была посвящена Покровом Богоматери Корсунской и освящена 14 июля 1863 г.

Этой иконой благословил возобновление киновии архиепископ Иннокентий после Крымской войны в 1857 г. Икона почиталась как одно из чудес монастыря и была подарена монастырю в 1861 г. императором Александром II и императрицей Марией Александровной. Сохранилась легенда, что эта икона была копией той, что князь Владимир вывез из Корсуня в 988 г. Оклад иконы многократно украшался драгоценными камнями, и стоимость ее достигла большой суммы.

18 марта 1861 г. "Херсонесская обитель во внимание к историческому значению местности, возведена на степень первоклассного монастыря по окладу Западных епархий" со штатом 22 человека. В этот же год, посетив монастырь, царь Александр Николаевич пожертвовал монастырю деньги на отливку колокола. В ходе строительства проект был изменен, и в пристройке, примыкавшей к зданию с запада и расположенной над входом в подвальное помещение, была устроена колокольня. Именно там, как показывают редкие сохранившиеся в изданиях фотографии, до ремонта 1899 г. был установлен 111-пудовый колокол [31, л. 48].

Этот год был богат событиями. 23 августа, в присутствии царской семьи и свиты, было заложено здание величественного главного собора святого Владимира. Но это особая и важная страница истории монастыря. Собор строился 30 лет и подробнее мы этого коснемся позже.

В 60-е – 70-е годы были построены и строились храм Семи Священномучеников, епископствовавших в Херсонесе, настоятельский корпус с большим числом просторных келий и различных помещений, первая трапезная, монастырская гостиница, так называемый дом архитектора собора, в котором размещался комитет по строительству храма. Не подалеку был построен обширный каменный сарай, а на западном конце усадьбы (напротив трапезной) возведены каретный сарай, кузница и мастерские. Были спланированы и посажены настоятельский и братский парки. Складывался архитектурный облик монастыря. Позже, в последней четверти века, были построены два братских корпуса, баня, новая гостиница, дом эконома и различные хозяйствственные постройки. Следует сказать, что единого плана монастырской усадьбы составлено не было, здания возводились по инициативе того или другого настоятеля и на определенном ими месте. По печальному стечению обстоятельств, настоятельский корпус и многочисленные службы оказались построенными в центральной части древнего города на месте античного театра и монетного двора, римских терм и большого дворцового комплекса. При возведении монастырских домов древние сооружения оказались разрушенными, чем археологическому исследованию Херсонеса был нанесен непоправимый урон.

Архитектура монастырских сооружений производила на современников различное впечатление. Так, известный путешественник по Крыму Евгений Марков, посетив Херсонес в 1866-1870 гг., писал: "Монастырь неуютен, некрасив и не имеет никакой определенной физиономии... Он словно вчера построен, а завтра снова исчезнет. Его дворы и немногие церкви как-то оторваны друг от друга и будто еще не выкарабкались из тысячелетнего мусора, на котором возникли. Общее впечатление - неустройство и беспокойство... Палаты монастырские также не имеют никакой архитектурной физиономии, и уже во всяком случае больше похожи на французский замок, чем на греческий или русский монастырь.

Вокруг дома большая чистота и порядок; садик деятельно разводится кругом, у крылец оранжерейные растения в кадках, везде лак, блеск, парад; недостает швейцара с булавою и красной перевязью" [12, с. 114].

Иное впечатление о монастыре сложилось у архиепископа Никанора, по мнению которого, общего в высшей степени приятного монастырского вида не нарушали служебные постройки. Идиллически прекрасными, напоминающий Афон, рисовались ему и монастырские службы, и сады с пышной зеленью редких кустарников, и ульи смиренных пчел... А храм Семи Священномучеников, который Е. Марков относил к тяжелым сооружениям, оторванным от других построек, архиепископом Никанором характеризовался как "симпатичное строение, особенно по его легкости" [14, с. 24].

Дело, конечно, не в том, что описание Маркова предшествовало описанию архиепископа Никанора, а просто в разнице восприятий.

Сейчас, сквозь романтический покров десятилетий, прикрытые ветвями старых деревьев, вьющимися кустами и темной беленюю тамарисков, монастырские здания кажутся отражением прошлого монастырского умиротворения и спокойствия, но достаточно внимательного взгляда, чтобы увидеть архитектурную блеклость застройки и беспомощность планировочных решений (см. рис. 1).

Несомненно, следует сказать, что для того, чтобы разрытую и разгромленную во время Крымской войны местность сделать аккуратной и благоухающей садами за 20 лет, следовало много потрудиться, особенно учитывая относительно небольшое число монахов. Но при оценке архитектурных достоинств монастырского ансамбля трудно найти основания для восторгов. Только впоследствии выстроенный большой храм святого князя Владимира да дом настоятеля представляли архитектурно выдержаные в одном стиле сооружения. Остальные здания строились по проекту монахов и представляли собой постройки, относящиеся к стилю, метко названному в народе в отличие от барокко – "баракко".

Различно ориентированные и разбросанные на широкой площади, они не объединяются в единый ансамбль, неся на себе печать однообразия. Трудно, конечно, ожидать, что помещения кузницы или столярной мастерской могут быть архитектурными шедеврами, но и все остальные здания Херсонесского монастыря отличаются безликостью и случайной постановкой. Небольшое здание оранжереи у дома настоятеля еще создает впечатление легкости высоким карнизом и большими, стройными пропорциями, оконными проемами, но с западной стороны к постройке вплотную подходит скучная, нерасчлененная и слепая плоскость большого дровяного сарая, полностью уничтожая впечатление как от оранжереи, так и от прихотливого изгиба подходящей к ней ограды. Впечатление тяжеловесности, безрадостности еще более увеличивается огромным забором, которым монастырь пытался оградить усадьбу от археологических исследований.

Для возведения домов необходимы были немалые средства. На какие же деньги производились эти работы, какими были доходы монастыря? Настоятель монастыря архимандрит Евгений быстро понял, что подаяния богомольцев не составят крупных сумм. Такими, например, были по приходно-расходным книгам доходы монастыря в 1873 г. Остаток средств на 1 января – 1 р. 92 коп. и 500 р. государственными билетами; поступило в январе от подаяний 7 р. 88 коп.; от продажи свечей 22 р. 50 коп. В феврале месяце кружечный сбор составил 26 р. 35 коп.; продажа свечей дала 21 р.; поступило подаяний 6 р. 90 коп. В мае продажа свечей – 45 р., подаяния – 22 р. Незначительные отличия по этим статьям от приведенных цифр наблюдаются за другие месяцы и ближайшие годы [19, л. 38]. Эти поступления не покрывали даже самых необходимых расходов, они были мизерны. Между тем, деньги требовались для строительства. Поневоле приходилось архимандриту и братии заниматься хозяйственной деятельностью и добычей средств, которые, естественно, отнимали время от молитв и обращения к Богу. Пользуясь своим выгоном, монастырь завел племенной скот, который давал молоко и мясо, продавался. Содержалось несколько карет и кабриолетов, которые сдавались внаем. Были посажены сады и заведены пчелы. Организовано монастырское кладбище, места на котором продавались. Но главный доход получали от аренды земли и двух монастырских домов в городе. Расширение земельных угодий было важнейшей и многолетней заботой архимандрита Евгения. С просьбой выделить обители участок между Карантинной и Песочной балками отец Евгений обратился к самому монарху. На прошение последовала краткая резолюция: "*Высочайше разрешаю из портовых земель*". Однако выяснилось, что вся земля вокруг монастыря после Крымской войны принадлежала городской управе. Дело с оформлением затянулось на многие годы, да так и не получило благожелательного исхода. Фактически монастырь владел землей, но юридически она не была за ним закреплена. Именно об этом сообщает Таврической духовной консистории на запрос центральная канцелярия межевой палаты Департамента Юстиции в 1910 г. [16, л. 114]. Впоследствии это сыграло роковую роль в отношениях монастыря с Военным ведомством. Зная хорошо положение дела и мотивируя стратегической необходимостью, Военное ведомство размещало на землях монастыря одно сооружение за

другим: шлюпочные сараи, сарай для прожекторов, батареи, офицерские флигеля и казармы со службами, подземные казематы для хранения боеприпасов, шлюпочные мастерские и дом для прислуги артиллерийских батарей. В 1906 г. военные сооружения вокруг монастыря сомкнулись, и уже не только богомольцы, но и монахи не имели возможности выехать за его пределы. Однако все это было потом, а в правление архимандрита Евгения его бурная энергия помогла из неудачи с оформлением высочайше пожалованных земель в Севастополе между Карантинной и Песочной бухтами извлечь основательные выгоды, обеспечившие монастырю основные доходы. Монастырю были в 1862 и 1868 гг. пожалованы крупные массивы пахотных земель в Бердянском и Мелитопольском уездах Таврической губернии, всего 2338 десятин.

Ободренный таким оборотом дела, отец Евгений, сетуя на крайнюю бедность обители и важное значение ее для христианской религии, направлял прошения во все инстанции, присовокупляя к ним свои статьи о крещении князя Владимира в Корсуне и значении этого события для русского народа. Письмо к контр-адмиралу Ключникову с просьбой о выделении участка для сенокоса на Мекензиевых горах закончил изысканно вежливо: "*призываю на Вас благословение божие... с преданностью имею быть Вашего превосходительства усердный слуга и богомолец*" [20, л. 6]. Но контр-адмирал, рискуя потерять богомольца за свою судьбу, в земле отказал. Неудачи огорчили, но не обескураживали архимандрита Евгения, и он снова брался за написание настойчивых просьб. К министру императорского двора он обратился с прошением, подкрепляя его теми же мотивами, выделить монастырю в качестве подворья храм, что внутри Боровицкой башни Кремля и двухэтажную пристройку при здании Оружейной палаты. Ответ гласил, что не было еще примера и не может быть допущено, "*чтобы в дворцовом здании находилось какое-либо монастырское подворье*" [23, л. 4-8]. Но вскоре к просьбе сизошли и пожаловали монастырю дом с большим участком земли, не в Кремле, правда, а в Севастополе на Большой Морской. Земля приобреталась покупкой и в дар. Так, в 1869 г. жена отставного боцмана Абалкина, утратившая во время войны документы на землю, в связи с трудностью хлопот по их восстановлению, пожертвовала монастырю 23 дес. земли в районе балки Бермана. Монастырь брался за хлопоты оформления и выигрывал, как правило, дела.

Вскоре была прикуплена земля в этом же районе, а затем лесная дача. Так Херсонесский монастырь, благодаря энергичным настойчивым действиям и просьбам, покупкам и дарениям стал крупнейшим землевладельцем. Обычные размеры крымских монастырских земельных владений составляли от 30 до 300 десятин. Херсонесский монастырь имел 2498 десятин, уступая только архиерейскому дому в Симферополе. Среди монастырей Крыма он владел наибольшим количеством пахотной земли. Его земли составляли фактически пятую часть монастырских владений всей Таврической губернии [10].

Сдача земли и домов в аренду обеспечила монастырю высокие и постоянные доходы, образуя основу его достатка. Необходимо отметить, что немалая часть доходов достигалась экономным расходованием: даже соленые огурцы покупались оптом в Мелитопольском уезде, где они были дешевле. Несколько меняя стереотипные характеристики, к которым мы давно привыкли, выглядят записи в книгах о приобретении продуктов и вина для причащения в религиозные праздники. Вина никогда не приобреталось более чем 2 ведра. Исключало ли это нарушение монашествующими обета трезвости? Документы показывают, что большинство монахов искренне служили Богу и пастве, хотя случаи нарушения нравственности, плохого поведения и пьянства были.

Ранее уже упоминалось, что Херсонесский монастырь не был привлекательным для братии, несмотря на относительную – близость к городу, удобство жилья, наложенное хозяйство и привилегированное положение. Здесь всегда пустовало 5-6 штатных должностей и было мало послушников. Даже на должность настоятелей не всегда можно было подобрать соответствующие всем требованиям кандидатуры. В 1874-1876 гг. настоятелем был игумен Анфим, с 1877 по 1880 г. должность настоятеля в течение трех лет совместно исполняли иеромонахи Андрей и Евфимий. В 1879 г. из 8 иеромонахов в наличии было только 5, из 4 иеродиаконов – 3, из 3 монахов – 2, из 5 послушников – 2.

Иные настоятели здесь долго не задерживались и переводились в другие епархии. Так, только 5 месяцев был настоятелем архимандрит Иннокентий (Лозянов), только год - архимандрит Михей (Никсеевич), менее года настоятельствовал архимандрит Александр (1876-1877 гг.). Естественно, что рассчитывая на близкие переводы, эти настоятели не вникали глубоко в дела монастыря и не оставили в его летописях памяти о себе. Настоятельствовать в Херсонесском монастыре не было легким делом.

Среди монашествующих было относительно мало крестьян. Основной состав определялся детьми духовенства, мещанами и лицами дворянского происхождения. Пять монашествующих в различные годы имели степень кандидатов богословия, двое служили литургии в церкви царского дворца в Ливадии, один - при церкви Ее Величества королевы Ольги Николаевны в Штутгарте, а затем в Шверине. Немало было и бывших офицеров. Несомненно, с одной стороны это характеризовало общую обстановку в стране, которая стремительно теряла веру в идеалы, и здоровые, жизнеспособные, образованные люди уходили в поисках веры в монастыри, с другой стороны, это определяло духовную атмосферу самого монастыря, учитывая значение которого, Духовная Консистория должна была подбирать кандидатуры настоятелей опытных и образованных. Так, архимандрит Михей (Никсеевич) был до Херсонеса настоятелем крупнейшего Волоколамского монастыря в Москве, архимандрит Александр (Сухоруков) – наместником Московского Донского монастыря.

Проверяя состояние монастырских библиотек, представитель Духовной Консистории обнаружил в составе Херсонесской библиотеки большое число книг на различных европейских языках, причем не только теологического, но и критического содержания. Книги эти были изъяты и перевезены в Симферополь для пополнения училищной библиотеки. Несомненно, это характеризует как уровень знаний настоятелей монастыря, так и братии его. Штат монастыря состоявший из 22 монахов и 5 послушников, получал на содержание 4085 р., из которых 900 р. шли на наем служителей, а остальное распределялось как зарплата, при соблюдении следующего соотношения сумм: годовое жалование архимандрита составляло 500 р., наместника - 120 р., иеромонаха - 40 р., иеродиакона - 35 р., монаха и послушника – по 25 р. Казначей получал дополнительно 30 р., а ризничий - 25 р. Это жалование не было большим, но учитывая, что жилье и еда обеспечивалась монастырем, о нем могли мечтать многие. Зарплата предусматривала самостоятельное обеспечение одеждой и обувью. При общем относительном спокойствии монастырской жизни были и неожиданные срыва, от которых в общее возбуждение приходил весь монастырь. 6 августа 1888 г., после только что отшумевшего праздника 900-летия крещения Руси, монастырская братия, еще не отдохнувшая от праздничных хлопот, находилась на литургии в домовой церкви настоятельского корпуса. Четыре выстрела, раздавшихся из комнаты эконома, прервали торжественную службу. В панике бросились богохульцы в келью эконома Агафодора. Монах лежал около стола, на котором рядом с иконой Божьей матери стояла малая икона с изображением Иудина лобзания и, возле нее, под большим престольным крестом записка Агафодора: "11 часов. Целую крест. О, ужасно за несносное оружие братьсяя, но невозможно переносить клеветы Бестужева" [21, л. 109-116]. Имя архиепископа, архипастыря епархии, подействовало на монахов более ошеломляющее, чем распостертное тело собрата. Однако, как часто бывает, трагедия обернулась фарсом. Из 4-х выпущенных пуль в цель попала одна: процарапав щеку, она застряла в небе и легко была вынута без всяких инструментов. Пролежав 12 дней в больнице, монастырский эконом был благополучно выпущен. В монастыре, тем временем, тщательную проверку и дознание проводила присланная Консисторией комиссия. Финансовые дела эконома оказались в порядке. Архимандрит Иннокентий (Жежеленко) по-торопился принять вину на себя, объясняя случившееся строгостью своего управления. Но дело удалось объяснить проще – утомлением отца Агафора, вызванным подготовкой к празднику. Монах был лишен священничества и на 1 год отправлен на епитимию в Успенский скит. Наиболее тяжко сказался этот эпизод на настояtele монастыря архимандрите Иннокентии, большое сердце которого не выдержало, и недолгое время спустя он

скончался от разрыва сердца. Как архимандрита, завершившего строительство Владимира собора, его похоронили в склепе западного притвора этого храма.

Строительство Владимирского собора - это особая, длинная и напряженная страница истории монастыря.

Вначале ознаменовать принятие киевским князем Владимиром крещения в Херсонесе было решено постройкой небольшой церкви византийского стиля. Идея эта принадлежала главному командиру Черноморского флота и портов вице-адмиралу А.С. Грейгу. Изложена она была в записке, поданной императору Александру I во время посещения им Севастополя. При храме планировалась богадельня для увечных и неимущих, заботу которых должны были составить присмотр и за храмом, и за руинами древнего города. В 1827 г. по инициативе того же адмирала А.С. Грейга в Херсонесе произведены раскопки трех храмов. Один из них, богато отделанный, стоящий на центральной площади, был принят за храм, в котором крестился киевский князь. В 1829 г. принято решение о начале всенародного сбора средств на сооружение храма – памятника крещению. Сбор средств осуществлялся долго. В 1843 г. император Николай I указал другое место для возведения собора святого Владимира – в центре Севастополя на горе. В Херсонесе временно до накопления необходимой суммы было решено поставить только памятную колонну по проекту архитектора Баретти. Строительные материалы и собранные деньги разделены на две части, которые соответственно предназначались для возведения соборов святого Владимира в Севастополе и в Херсонесе, посвященных одному событию – введению христианства на Руси. Собор в городе был заложен 15 июля 1854 г., когда корабли обединенной армады Англии, Франции и Турции уже появились на рейде Севастополя. Война, разрушившая и Севастополь, и монастырские строения в Херсонесе, надолго затормозила постройку храма. Сбор средств приостанавливался и объявлялся вновь в Таврической епархии и по всей России.

10 февраля 1858 г. Высочайшее разрешение на строительство храма, наконец, было подписано. Проект храма, составленный будущим ректором Академии Художеств академиком Д.И. Гриммом, был утвержден 2 июня 1859 г. К этому времени, как мы уже знаем, небольшая киновия в Херсонесе была превращена в первоклассный мужской монастырь святого равноапостольного князя Владимира. 29 июля этого же года монастырю торжественно вручили пожалованную из малой Церкви Эрмитажа частьющей Владимира. Еще тремя неделями позже совершилось событие, более реально обеспечивающее строительство храма – 18 августа 1859 г. создан Строительный комитет. Наконец, 23 августа 1861 г., императорская чета – Александр II и Мария Александровна, сопровождаемые большою свитою, после торжественного молебства, заложили первый камень храма. На первые каменные блоки каждый член царской семьи и царского окружения уложили золотые десятирублевые монеты [31, л. 50]. Однако, этот "золотой дождь" не обеспечил храму быстрого строительства, напротив, средств для возведения храма постоянно не хватало, и строительные работы растянулись на три десятилетия. Первоначальная смета составила 738 тыс. р. и предусматривала отделку здания порфиром, мрамором и другими ценными породами камня. Замена порфира инкерманским камнем, использование балаклавских мраморовидных известняков дали возможность уменьшить сумму до 175 тыс. р. Многолетний долгострой, стремительно растущие цены на материалы уничтожили выигрыш в средствах от замены дорогих материалов на более дешевые: на строительство и отделку храма было затрачено 900 тыс. руб. [2].

Архитекторы последовательно сменяли один другого на руководстве строительными работами. Для 6 настоятелей монастыря это строительство было важнейшей задачей. Какие только стимулирующие методы не придумывались монастырем для продвижения строительства. В 1867 г. после долгих переговоров согласился быть ктитором, покровителем храма Великий князь Владимир Александрович.

Однако личное участие ктитора, заложившего 14 августа 1867 г. первый камень главного престола храма, не предотвратило новой остановки строительных работ по старой причине недостатка средств. Наконец, в 1877 г. постройка собора вчерне была завершена. До 900-летия крещения оставалось 11 лет. Десятилетие ушло на добывание денег на внут-

реннюю отделку. Эти работы удалось продолжить лишь в 1888 г. – на 300 тыс. р., выделенные из казны, с выплатой по 100 тыс. каждый год.

Так как времени до праздника крещения оставалось мало, было принято разумное решение: не ухудшать качества внутренней отделки спешкой и к празднику 900-летия крещения побелить и освятить нижнюю церковь Рождества Богородицы, где и провести торжественную литургию. Завершение всех внутренних работ осуществить в последующие три года.

Но трех лет для отделки и внутренней росписи огромного храма было явно недостаточно, и завершение оформления в срок во многом определила высокая квалификация и талантливость главного руководителя работ академика Н.М. Чагина. К выполнению проекта внутреннего оформления храма был привлечен коллектив талантливых художников и архитекторов. Художнику А.И. Корзухину, имевшему широкую известность, было поручено написание 72 икон. Росписи "Тайная вечеря", "Крещение Господне", "Священномученики Кирилл и Мефодий" (написанная в память посещения ими Херсонеса в 861 г.), являлись важнейшими в оформлении храма. Академик живописи П.Ф. Тихобразов, кроме оформления, разделял с Н.М. Чагиным нелегкий труд организации работ, к которому были привлечены инженер-архитектор М.Ю. Арнольд и сын Н.М. Чагина Владимир. Академик В.И. Нефф, П.Т. Рисс и художник И.А. Майков осуществляли росписи стен храма. Талантливейшему художнику-самоучке крестьянину И.Т. Молокину была поручена реставрация пришедших в негодность икон и роспись алтаря церкви южного притвора Александра Невского. Иконы эти были изготовлены для храма еще в 1849-1850 г.г.

Перед Н.М. Чагиным стояло много сложностей из-за краткости сроков для отделки храма, но он прекрасно вышел из затруднительного положения, организовав одновременную работу каждого из художников созданного им коллектива. В связи с этим все иконы, в том числе знаменитая "Тайная вечеря", писались А.И. Корзухиным не на лесах и подмостках под сводами, а в привычных условиях своей мастерской в Петербурге. Возможно это оказалось потому, что картины писались на линолеуме, который затем накладывался на укрепленную на стене камышовую прокладку, предохранявшую написанное от сырости каменной кладки. Вспомним, сколько физических страданий и неудобств доставила Леонардо да Винчи роспись Сикстинской капеллы, когда ему приходилось лежать на лесах то на спине, то на боку, выписывая детали убранства капеллы. Остроумное решение Н.М. Чагина в значительной мере облегчило работу и улучшило ее качество. "Тайная вечеря" в алтарной части храма была одной из наиболее крупных росписей: около 9 метров в длину при почти пятиметровой высоте. Современники свидетельствовали, что по напряжению, динамичности изображений апостолов и выразительности корзухинская "Тайная вечеря" была одной из лучших в России. Одновременно с написанием икон художник П.П. Прохорьев расписывал орнаментом стены храма, а итальянские мастера Сеппи и Баскерини у себя на родине в Серавессе близ города Каррары изготавливали мраморные части иконостаса, панели, кресты, чтобы в Херсонесе произвести только их окончательную обработку и подгонку. Мастера И.Т. Сафонов и И.А. Морозов выполняли бронзовые работы царских врат, изготавливали паникадила, лампады и фонари. В храме нижнего этажа деревянный резной иконостас, получивший широкую известность тонкостью и изяществом работы, выполнил придворный мастер Тихонов. Не уступал этому иконостасу, а по мнению некоторых даже превосходил, ореховый иконостас в верхнем храме, изготовленный в мастерской Владимира Корецкого [30, с. 817-824].

Высокие панели из каррарского темно-пурпурного мрамора, красиво мерцавшего зелеными, синими и розовыми переливами, прикрывали нижнюю часть стен. Панели завершались светло-розовым мраморным карнизом. Арки окон первого яруса верхнего храма опирались на 54 колонны того же темного мрамора из Каррары, выделяя галерею, которая шла вдоль трех фасадов. Темный мрамор колонн подчеркивал пленительную белизну мраморных баз и капителей строгого тонкого профиля. Высокие, стройных пропорций, полуциркульные окна по форме перекликались с окнами настоятельского корпуса, стараясь, правда, без особого успеха, объединить здания в один ансамбль. Железные рамы имели узорчатый переплет из кругов, который был характерен для византийской архитектуры.

Несложный прием – стекла красного и желтого цвета – создавали в храме иллюзию пространства, пронизанного теплым солнечным светом в пасмурную погоду, и смягчали резкость лучей в ясные, жаркие дни. Полы первого и второго этажей были выложены мозаикой белого, красного, желтого и черного цвета. Эта гамма была обычной для средневековых храмов Херсонеса. Сочетание декоративного оформления с торжественным убранством храма производило сильное впечатление (см. рис. 5).

Церковь первого этажа была темновата, но также богато убрана. Среди этой роскоши и благолепиязывающе торчала грубая бутовая кладка древней церкви – основной святыни и причины собора. Ни тонкой работы иконостас, ни мраморные кресты с текстами об участии императорской семьи в строительстве собора, ни сверкающий мраморной белизной аналогий с мощами равноапостольного князя Владимира – ничто не могло скрасить грубости торчащих ребер бутовых скальных обломков; приглушить их вызов окружающему благолепию. И монастырь решил "причесать", "благообразить" древнюю святыню. Неровно торчащие стены были разобраны до одного уровня и облицованы мрамором. В таком виде древняя кладка, по словам очевидцев, стала похожей на прилавок мясного ларька, по непонятной причине сохраненного внутри действующего храма.

Внешний вид собора отличался монументальностью, торжественностью и величием. В плане это была трехнефная базилика, сочетающаяся с архитектурно подчеркнутыми формами крестово-купольного храма. Расположенный на главной площади древнего города, собор занимал почти всю ее величину и поражал своими размерами. На двадцатишестиметровой высоте отливалась блеском цинковая черепица огромного купола. Основание храма подчеркивалось трехступенчатым цоколем из больших блоков светло-серого гаспринского мрамора. Замена и облицовка предусмотренного проектом порфира на плиты местного песчаника теплого желтоватого оттенка оказалась как нельзя более оправданной для зрительского восприятия здания, не допустив контраста с окружающими древними постройками. Размещенный в низкой части морского побережья, собор был виден из многих мест города, величием и пышностью доминируя над домами окружающих районов Севастополя (см. рис. 3, 4).

Акт приема строительных работ, подписанный академиком Д.И. Гrimмом отмечал, что все части храма были выполнены из материалов превосходного качества, правильно, тщательно и прочно, с применением новейших требований строительной техники, так что вообще исполнение постройки не оставляет желать ничего лучшего и может считаться образцовым как в техническом, так и в художественном отношении [9, с. 73-74].

Ко дню 900-летия крещения Руси при большом стечении народа был освящен нижний храм Рождества Богородицы. В октябре 1891 г. был освящен верхний соборный храм в честь святого равноапостольного князя Владимира и еще годом позже, в 1892 г., храм в южном приделе в честь святого благоверного князя Александра Невского.

Три десятилетия переживаний и трудных забот завершились. Архимандрит Иннокентий (Жежеленко), в годы настоятельства которого были завершены работы, нашел успокоение в только что построенном храме, в склепе западного придела. В южном приделе несколькими годами позже погребен архиепископ Мартиниан, также много занимавшийся строительством собора.

Едва завершилось строительство собора, как детальное изучение древнего храма внутри него, послужившего причиной возведения собора и определившего его огромные размеры, привело исследователей к выводу, что древний храм не мог быть местом крещения князя Владимира, так как в нем не были открыты ни купель, ни баптистерий. В настоящее время это убедительно доказано. Исходя из особенностей обряда крещения, необходимости помещений для оглашенных и крещенных, проведение обряда крещения князя несомненно в кафедральном храме. С.А.Беляев указывает как место крещения князя Владимира баптистерий при самом крупном храме Херсонеса [4]. Этот древний храм был раскопан в 1853 г. графом Уваровым и находится на берегу моря к северо-востоку от построенного собора.

История Владимирского монастыря будет иметь существенные пробелы, если не осветить его отношений с Императорской Археологической Комиссией, которой с 1888 г. было поручено исследование древнего города.

Представляется, что с самого начала вопрос об основании в Херсонесе монастыря для сохранения руин и церкви, в которой предполагалось крещение Владимира, был решен неверно. Это решение явилось в будущем причиной многих тягот как для археологической науки, так и для самого монастыря. Порою конфликты между заведующим раскопками К.К.Косцюшко-Валюжиничем и монастырской администрацией перерастали в жгучую ненависть с обеих сторон, порой противоречия, подогреваемые извне, превращались в острую борьбу, и лишь иногда устанавливались относительно мирные взаимоотношения (рис. 2).

Напрасным было бы искать причины этого в личных качествах К.К. Косцюшко или монастырских иерархов, хотя эти моменты играли определенную роль.

Главной причиной было то обстоятельство, что монастырь считал территорию древнего Херсонеса своей усадьбой, хотя юридически земля ему не принадлежала [16, л. 114]. Археологическая Комиссия смотрела на территорию древнего Херсонеса как на памятник уникального значения, особого научного интереса, подлежащего сплошному археологическому исследованию, "единственного памятника империи, уничтожение которого не может быть вознаграждено никакими средствами" [22, л. 9]. И это было справедливо. Естественно, здесь не могло быть примирения. Каждые новые раскопки монастырь считал ущемлением своих законных прав, отчуждением своей земли. Основания для беспокойства у монастыря были: к 1915 г. под раскопками была пятая часть монастырской усадьбы.

Единственным возможным выходом из положения могло быть выделение денег из казны для строительства новых монастырских зданий в близлежащей местности, за пределами крепостных стен древнего города. Но такая субсидия была малореальным делом, в чем убеждает нас длительная история строительства Владимирского собора. Основать на месте Херсонеса музей, а не киновио, необходимо было в 1850 г. Но время было роковым образом упущенное. И по сей день недоумение вызывает вопрос, почему, обратив внимание на раскопки в округе Одессы и Керчи, русское правительство не сделало того же самого в Херсонесе. Значение Херсонеса для изучения древней истории было правильно оценено еще до присоединения Крыма, о чём говорит присовокупление Екатериной II к своим титулам звания царицы Херсонеса и присвоение имени Херсон городу в нижнем течении Днепра.

Начало раскопок не предвещало монастырю осложнений в будущем. В 60-х годах контроль за состоянием Херсонеса был закреплен за Одесским обществом истории и древностей. Не имея специалистов и считаясь с монастырем, Общество обратилось к архимандриту Евгению с просьбой принять на себя руководство раскопками [22, л. 9]. Отец Евгений был избран членом Одесского общества истории и древностей, на его имя направлялись деньги для производства раскопок. Такое положение сохранялось и позже. В 1884 г. в газете "Севастопольский справочный листок" появилась редакционная статья с уничтожающей критикой метода раскопок Херсонеса монастырем. На самом деле, при постоянно пустующих штатах монастырь не мог выделить никого специально для присмотра за раскопками. Так, обратившись к настоятелю монастыря архимандриту Пахомию, Одесское общество истории и древностей получило четкий и честный ответ. Отец Пахомий писал: "Принять на себя заведывание раскопками я не могу по независящим от меня обстоятельствам, к тому же я совершенно незнаком с археологией, без чего мое заведование будет бесполезно для дела. Полагаю, что назначение для распоряжений и руководства раскопками кого-либо из членов общества будет ближе к цели" [17, л. 234]. Но и Обществу послать кого-либо из специалистов не представлялось возможным. В связи с этим имена монахов, ответственных за раскопки меняются с калейдоскопической быстротой – отцы Андрей, Маркиан, Иоанн, Дионисий, Василий, Агафондор, Феодорий. Монахи, практически не осуществляя надзора, привлекали к раскопкам нижних чинов Черноморской минной роты, затем Керченской минной роты. В результате Одесское общество за несколько лет не получило находок или получало единицы предметов.

В 1887 г. после длительной подготовки решился, наконец, вопрос о передаче раскопок Херсонеса в ведение Императорской Археологической комиссии. Изъятие раскопок из ведения Одесского общества и Херсонесского монастыря прошло бы менее болезненно, если бы в состав членов комиссии, ответственных за раскопки, кроме представителя общества, был включен представитель Херсонесского монастыря. Дипломатическая ошибка повлекла за собой тяжелую обиду, наложившую отпечаток на все последующее течение дел. Восприятие этого факта еще более осложнялось постоянной, то скрытой, то явной борьбой Императорской Археологической Комиссии и Московского Археологического Общества, председателем которого был граф С.А. Уваров, а затем его супруга, энергичная, но свою равная графиня П.С. Уварова. Узнав о готовящейся передаче Херсонеса Археологической Комиссии, в 1887 г., графиня обратилась к императору с пространной запиской о раскопках православной святыни – Херсонеса Таврического, в которой, обвиняя монахов в воровстве и расхищении древностей, предлагала перевести монастырь на положение приходской церкви, а дело раскопок передать в руки компетентного общества. Имелось в виду, как это показало будущее, конечно Московское общество, возглавляемое графиней.

Предложения на первый взгляд казались правильными и радикальными. Именно так они интерпретировались до недавнего времени. Но если положение оценить внимательно, учесть, что расследование Херсонеса передавалось не Обществу, а государственной организации – Императорской Археологической Комиссии, с которой возглавлявшая Московское общество графиня вела то скрытую, то явную борьбу, напрашивается иная оценка предпринятых действий: записка сильно осложняла отношения между Археологической комиссией и монастырем. Положение для монастыря усугублялось тем, что на полях записи графини царственной рукой было начертано: "*Монахам тотчас же запретить торговлю предметами древности*". Синод сообщил в монастырь о готовящихся изменениях и письме графини П.С. Уваровой.

Накануне завершения строительства и оформления Владимира собора архимандриту Иннокентию (Жежеленко) выпали бес покойные дни. Оскорбленный и терзаемый страхами, он направляет письма всем инокам 1880-1888 гг. с большим числом вопросов, для того, чтобы иметь письменные подтверждения в качестве объективных свидетельств. И сейчас, 100 лет спустя, следует отдать должное дипломатическим способностям архимандрита Иннокентия, составившего письма в таком тоне, что вызывая трепет у читающего, они на все заставляли давать отрицательный ответ. Наиболее заслуживают внимания ответы отцов Василия и Иоанна. Первый сообщил, что раскопки производились наемными людьми, но "*тайных раскопок замечено не было*", что все, что находилось, было передано в монастырский музей и сообщено о том в Одесское общество. Второй, отец Иоанн, полностью отрицает возможность присвоения вещей монашествующими, сообщает, что был замечен в продаже древностей послушник Гордий Ткаченко [22, л. 12-13].

Однако впоследствии были установлены дополнительные факты продажи древностей монахами. Наибольшее беспокойство вызывало то обстоятельство, что этим занимался монах, отвечающий за содержание монастырского музея древностей. Естественно, что после обвинения в воровстве и требования превратить монастырь в приходскую церковь для правильного проведения исследований, иноки обители очень подозрительно и настороженно встретили передачу раскопок Археологической комиссии и ее представителю К.К. Косцюшко-Валюжиничу. Замысел П.С. Уваровой в значительной мере оказался осуществленным: у Археологической комиссии начало в Херсонесе было трудным. Страсти то утихали, то накалялись, принимая формы воинственных демаршей по различным конкретным поводам. Обе стороны дипломатично подчеркивали свое уважение и высокую почтительность друг к другу и обе были далеки от понимания взаимных задач. Нарушая обеты братолюбия, в коллективном письме, подписанном настоятелем и пятью иноками, в Археологическую комиссию, обвиняя К.К. Косцюшко во всех смертных грехах, братия сообщала, что монастырь мог бы предложить Археологической комиссии под музей древностей большой каменный новый дом при въезде в обитель у святых ворот взамен жалкого настоящего помещения музея в захолустье на берегу бухты... лишь бы только не жил на территории монастыря К.К. Косцюшко со своей семьей. Заведующий раскопками не оста-

вался в долг у обители и за два дня до престольного праздника святого Владимира начинял раскопки у самого входа в новый собор. Иногда эта холодная война замирала в превратностях нелегкой повседневности, но велась долго, изнуряя обе стороны.

В 1902 г. научная общественность России вновь обратилась к императору с еще более решительными предложениями раскассировать монастырь, резко улучшить расследование Херсонеса, положив в основу научно квалифицированный план. Снова письмо было подписано председателем Московского археологического общества графиней П.С. Уваровой [5, с. 33-35].

Конфликты между заведующими раскопками и монастырем продолжались и после смерти К.К. Косцюшко-Валюжинича в декабре 1907 г., до начала первой мировой войны.

Сетуя на потерю нескольких десятков сажен земли, занятых под раскопки, монастырь вскоре утратил большую площадь земельных владений у Карантинной бухты. В 1904 г., мотивируя стратегической необходимостью, Военное ведомство заявило претензию на значительную часть монастырской усадьбы. Под военные сооружения должны были уйти наиболее интересные участки раскопок: оборонительные стены, цитадель, главная улица и т.д.

Несколько позже, в 1907 г. настоятель монастыря подготовил архиепископу Таврическому обширный доклад, среди многих пунктов которого пункт 5 предлагал войти с ходатайством в Археологическую комиссию и вместе стать на защиту восточной и западной частей городища Херсонеса, ибо это важно для дальнейшего сохранения Херсонеса как общерусской христианской святыни [23, л. 93]. Перед лицом более опасного противника монастырь был готов заключить союз с производителем раскопок.

В последующие годы Военным ведомством были отчуждены земли и в западной части усадьбы. В монастырских донесениях – постоянные жалобы на возведение военных сооружений на территории усадьбы. Монастырь предложил Военно-инженерному Управлению узаконить их отчуждение покупкой. Но Военно-инженерное Управление обратилось к обер-прокурору Синода и получило согласие на безвозмездную передачу 30 десятин и покупку за небольшую плату остальной земли. Безуспешная тяжба о земле шла да 1911 г. "Инженерное ведомство, – писал настоятель монастыря, – пользуясь государственной надобностью, идет вперед, не останавливаясь ни перед чем. Оно распоряжается монастырской землей, как своей собственной, выстроило на ней несколько офицерских флигелей без ведома монастырского управления, возвело вокруг всех своих сооружений каменную стену и железную решетку, которая преградила единственную сухопутную дорогу, ведущую в монастырь из города. Вследствие чего монастырь очутился в середине крепости и сделался недоступным для богомольцев и посетителей, особенно во время вечерних богослужений" [23, л. 110-111]. Изменить положение удалось лишь через Синод, который обратился к Военному министру. Режим был несколько ослаблен, убраны с территории шлюпочные сараи, перенесен каменный забор, что открывало доступ в монастырь, но шоссейная дорога по-прежнему была...¹

...еще более способствовали этому. Судорожные усилия братии в борьбе за существование уже не могли иметь успеха. Причт, за счет малых и больших средств которого родился и несколько десятилетий жил монастырь, теперь коренным образом изменился. Подаяния не поступали. Краткие записи в книге доходов и расходов свидетельствовали о быстром приближении бедственного положения.

В 1916 г. каждая запись о решении приобрести сено, уголь, дрова, огурцы и овес начинается с жалоб на дороживизну, плохое качество и трудности покупки. 19 февраля 1917 г.

¹ В рукописи отсутствует (вырезан маникюрными ножницами) один лист, на котором были отпечатаны страницы 17 и 18. К сожалению, обнаружить еще один экземпляр рукописи не удалось: ни в библиотеке, ни в Научном архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический», ни в личном архиве И.А. Антоновой, сохраняющемся в ее семье. Образовавшийся разрыв текста в публикации обозначен многоточиями (прим. ред.).

принимается решение о посадке собственного картофеля. 25 мая 1917 г. начинается распродажа скота. В книге появляются записи, в которых уже ощущается первое дуновение будущей трагедии монастыря: "...продать пока 3 коровы", "... удалось договориться с симферопольской комиссией о продаже 1 бочки подсолнечного масла".

19 октября 1917 г. пришлось продать еще одну корову с телкою, "так как остающееся количество вполне может обслуживать потребности монастыря". Еще через 2 месяца: "Ввиду невозможности покупки чая монастырем за отсутствием его на рынке, выдавать с 1 декабря братии... ежемесячно по 1 р. каждому на приобретение каждым по своему усмотрению" [3, л. 233-236].

Вскоре монахи разбрелись. Оставшихся больных и старых было совсем немного. Некоторое время их жизнь находила отражение в тех же печальных записях: "продать быка и двух коров", "выдать братии оставшиеся деньги на одежду". Потом ни продавать, ни отдавать стало уже нечего. Оставшиеся представители клира составляли 11 стариков. Они жили в нескольких комнатах новой монастырской гостиницы.

В 1923 г. пустующие помещения монастыря по просьбе городской управы были отданы для размещения инвалидов войны – 25 чел. и городской богадельни – 50 старух и стариков, объединенных общим названием "призреваемые". Вскоре призревать их стало некому. Отрезанные от города, старые и немощные, они вели трудную жизнь больных отшельников.

Кроме богадельни, которая размещалась в настоятельском корпусе и в домах, другие 6 зданий были отданы 7-му стрелковому полку. Более двух лет помещения монастыря занимались богадельней и военными. Последствия бесконтрольного использования монастырских зданий и территории раскопок оказались тяжелыми. Монастырский сад был вырублен для отопления. Устояли лишь исполины акации, рябина и липы. Все остальные деревья вместе с декоративными беседками были сожжены. Растищен инвентарь всех мастерских, в малой церкви сорваны полы, во многих зданиях сожжены рамы и двери. Стихийные разборы начались почти во всех зданиях. На крыше Владимирского собора оказалась сорванной цинковая черепица на протяжении 130 м, уbraneы свинцовые прокладки, в результате попадавшие внутрь дожди сильно повредили многие росписи, а сквозная дыра в крыше над алтарем привела к порче росписи "Тайная вечеря". Из окон многих помещений были вынуты стекла, сожжены деревянная купальня, уборные и даже бочки для соления. Сотрудниками отдела коммунального хозяйства увезены экипаж и мебель из архиерейских покоев. О реквизиции всего инвентаря отделом собеса в 1923 г. говорил последний настоятель монастыря игумен Дионисий. Акт приема настоятельского корпуса под музей фиксировал превращение одного из лучших памятников III в. до н.э. монетного двора – в уборную, мимо северного фасада монастырского здания также пройти было невозможно в связи с тем, что в подвальном этаже протекли канализационные трубы и нечистоты залили подвальные помещения на 80-90 см. Малые церковные колокола были растищены [3, л. 240].

Решением Крымского ЦИКа от 31 января 1924 г. монастырь был ликвидирован. К ликвидации приступили 12 февраля этого же года [28, л. 1]. Вначале приходской совет, побуждаемый 11 монахами, пытался оставить за общиной малую церковь Семи Священно-мучеников. Но на членов приходского совета были заведены дела, каждому из них было предложено заполнить обширную анкету. Некоторые вопросы имели характер настолько устрашающий, что заполнители зябко дрожали и призывали на помощь святых – ваше бывшее сословие, где находятся ваши родные, на какие средства вы и ваши родственники существовали и существуют теперь, где вы были и чем занимались вы и ваши родные до 1914 г., с 1914 до февраля 1917 г., с февраля 1917 до октября 1917, с 1919 по настоящее время, указать местности, в коих вы проживали больше 1/2 года, почему и когда прибыли в Крым, и т.п. Один из пунктов анкеты требовал указать детально, какие цели вы преследуете, вступая в общину. На этот вопрос игумен Антонин ответил: "исполнение церковных треб", а послушники Иоанн и Василий: "после военной службы физически зарабатывали себе пропитание". На вопрос о стоимости имеющегося движимого имущества почти все ответили кратко: "ничего нету" [27, л. 8]. Но анкета была лишь первым пунктом сбора све-

дений. Вскоре община перестала подавать прошения об оставлении храма действующим. В 1925 г. по указанию органов советской власти монахи были выселены из Херсонеса, некоторые из них репрессированы. В далекую ссылку, в Кустанайскую область, был отправлен бывший эконом и архитектор отец Августин (Малашко), оставилший в память о себе здание новой трапезной, где ныне размещается экспозиция античного отдела. История Херсонесского монастыря святого Владимира завершилась.

В августе 1925 г. основные здания были освобождены и переданы Херсонесскому музею, хотя еще долго велась переписка об освобождении других помещений, занятых по-допечными собеса и семьями военнослужащих 7-го стрелкового полка. Вопреки предположениям, немногое из монастырского имущества осталось после двух лет его растаскивания и бесконтрольного использования. Все вещи, включая кочерги и чугунные чаны, зафиксированы в актах приема их музеем [3, л. 70]. Почти все они по распоряжению комитета Госфондов были проданы.

Последняя служба в соборе проведена в праздник св. Владимира в 1926 г. [3, л. 193].

Источники и литература.¹

1. Архив ХГИАЗ. Д.158. Херсонесский музей. Местная переписка. 01.02.-31.12.1925. 173 л.
2. Архив ХГИАЗ. Д.206. «Херсонес Таврический». Рукопись послушника Матвея Головина. 22 л.
3. Архив ХГИАЗ. Д.872. Дело о переходе зданий и имущества монастыря Херсонесскому музею и комплектовании музейной библиотеки. 13.04.1923-24.12.1926. 236 л.
4. Беляев С.А. Крещальня в Корсуне (О точном и подлинном месте крещения князя Владимира) // Наше наследие. 1988. Вып. IV. С. 28-33.
5. Гриневич К.Э. Сто лет херсонесских раскопок. Севастополь: изд. Херсонесского музея, 1927. 56 с.
6. Гроздов А. Архивные документы, относящиеся к истории Херсонесского монастыря // ИТУАК. Вып.5. Симферополь, 1888. С. 81-105.
7. Иннокентий, архиеп. Херсонский и Таврический. Сочинения. М., 1875. Т. X.
8. Катунин Ю.А. Из истории христианства в Крыму: Таврическая епархия (вторая половина XIX – нач. XX вв.). Симферополь: Таврия, 1995. 111 с.
9. Лашков Ф. Архивные документы, относящиеся к истории сооружения в Херсонесе храма св. Р.-ап. кн. Владимира // ИТУАК. Вып.5. Симферополь, 1888. С. 19-75.
10. Любинецкий Н.А. Землевладение церквей и монастырей Российской империи. - СПб. 1900.
11. Маркевич А. Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // ИТУАК. Вып. 31. Симферополь: Тип. Таврич. губерн. правления, 1901. С. 30-57.
12. Марков Е.В. Очерки Крыма: Картинки крымской жизни, истории и природы. СПб.: Товарищество М.О. Вольф, 1902. 324 с.
13. Морошкин М.Я. Материалы для истории православной церкви в царствование императора Николая I / Под ред. Н.Ф.Дубровина. Кн. 2. Спб., 1902. 404 с.
14. Никанор (архиепископ). Херсонесский монастырь в Крыму: История его и настоящее состояние. Варшава, 1907. 30 с.
15. Родионов М. Статистико-хронологическое описание Таврической епархии; общий и частный обзор. Симферополь: тип. Спиро, 1872. 269 с.
16. СГГА. Ф. Р.19. Херсонесский мужской монастырь св. Владимира. Оп.1. Д.7. Об отводе монастырю земли «Севастопольского карантин» и участка «Пан-Кевич». 1858.
17. СГГА. Ф. Р.19. Оп.1. Д.10. О производстве археологических раскопок в местности древнего Херсонеса. 1859.
18. СГГА. Ф. Р.19. Оп.1. Д.23. О земле, подаренной монастырю женой отставного боцмана Абалкиной. 1869.
19. СГГА. Ф. Р.19 Оп.1. Д.25. Приходно-расходная книга монастыря. 1873.
20. СГГА. Ф. Р.19. Оп.1. Д.29. Ведомость о Херсонесском монастыре, о монахах и послушниках (общий обзор). 1878.
21. СГГА. Ф. Р.19. Оп.1. Д.31. Об определении перемещений, увольнении и наградах братии Херсонесского монастыря. 1880.
22. СГГА. Ф. Р.19. Оп.1. Д.35. О раскопках в Херсонесе (Распоряжение севастопольского градоначальника). 1888.

¹ При подготовке статьи к публикации список источников и литературы был заново выверен, выходные данные публикаций уточнены, а ссылки на документы сверены с каталогами соответствующих архивов. Поэтому, данные об архивных фондах и делах, на которые ссылается автор статьи, приводятся максимально подробно. Редакция благодарит за оказанное содействие в проведении сверки ссылок на документы руково-дство и трудовой коллектив Государственного архива г. Севастополя, Государственного архива в Автоном-ной Республике Крым и Научного архива Национального заповедника «Херсонес Таврический». Редакция выражает глубокую признательность преподавателю кафедры истории и МО Филиала МГУ в г. Севастополе М.Ю. Крапивенцеву, а также студентам отделения «История» Филиала А.Ю. Сухановой и М.И. Тюрину за помощь в проведении сверки (прим ред.).

23. СГГА. Ф. Р.19. Оп.1. Д.37. О занятии монастырской земли военным и другими ведомствами. 1893.
24. СГГА. Ф. Р.19. Оп.1. Д. 40. О возвращении из Франции колокола, взятого в плен в Крымскую кампанию. 1898.
25. СГГА. Ф. Р.19. Оп.1. Д.62. Книга приходно-расходная. 1913.
26. СГГА. Ф. Р.19. Оп.1. Д. 67. Рукопись о Херсонесском монастыре.
27. СГГА. Ф. Р.420. Исполком Севастопольского районного Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов. Оп.2(1). Д.83(87)¹. Материалы об организации и деятельности религиозной общины православного вероисповедания при Херсонесской Владимирской церкви. 1923-1925. 40 л.
28. СГГА. Ф. Р.420. Оп.2(1). Д.358(220)¹. Директивы и письма ЦИК и ЦАУ Крымской АССР о закрытии и использовании культовых зданий и церковного имущества. 27 л.
29. Тотлебен А.И. Атлас планов и чертежей к описанию Обороны Севастополя. СПб, 1863.
30. Херсонесский храм во имя святого равноапостольного князя Владимира // Таврические Епархиальные ведомости. 1891. № 19-20. С. 817-824.
31. ЦГА Крыма. Ф.118 Таврическая духовная консистория. Оп.1. Д.6200 Клировые ведомости о службе священнослужителей монастырей епархии. 1894 г. 278 л.

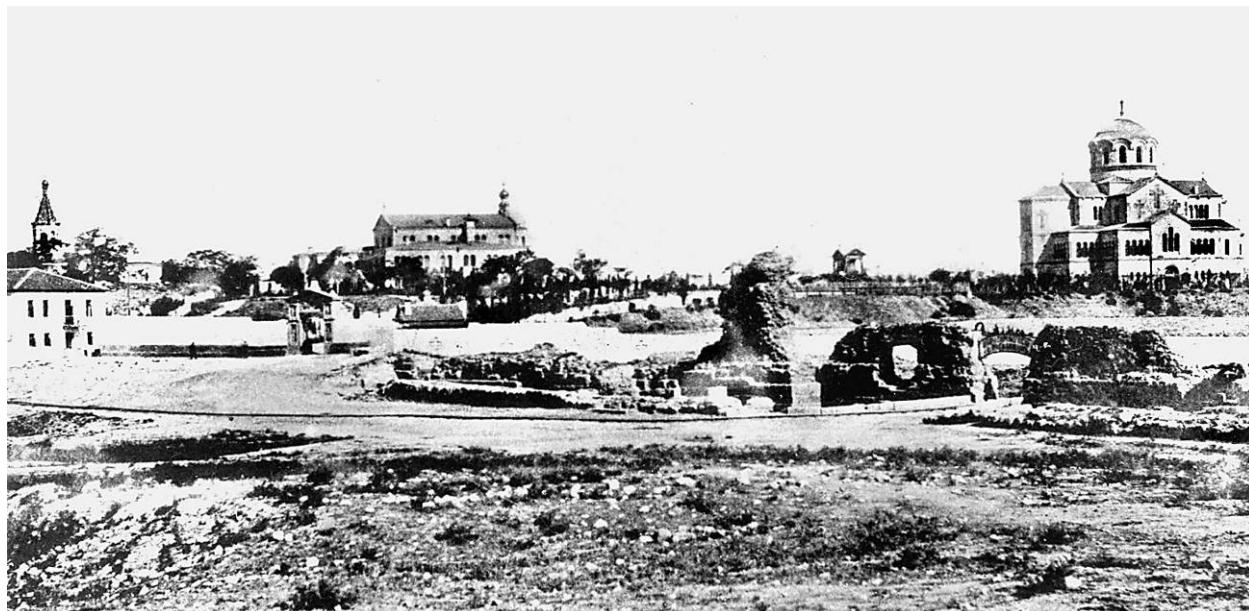
Сокращения.

Архив ХГИАЗ –	Архив Херсонесского государственного историко-археологического заповедника (ныне – Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический»)
ИТУАК –	Известия Таврической ученой архивной комиссии
СГГА –	Севастопольский городской государственный архив (ныне – Государственный архив города Севастополя)
ЦГА Крыма –	Центральный государственный архив Крыма (ныне – Государственный архив в Автономной Республике Крым)

¹ В скобках указана нумерация описи и дела в соответствии с ныне действующей каталогизацией фондов Государственного архива города Севастополя (прим. ред.).

Рис. 1. Херсонесский монастырь. Вид с северо-запада. Фото нач. XX в.

Рис. 2. Общий вид монастыря и раскопок. Фото нач. XX в.

Рис. 3. Владимирский собор. Вид с запада. Фото нач. XX в.

Рис. 4. Владимирский собор. Вид с востока. Фото нач. XX в.

Рис. 5. Владимирский собор. Интерьер храма. Фото нач. XX в.

Приложение 1

Копия
СГГА Оп.1,ф.19, д.37., л.2.

15.01.1917 г.

Справка о монастырской земле

На Всеподданейшем докладе Его Имп. Высоч. Ген.-Адмир. Конст. Никол., в 10 день Февраля 1858 г. Государь Имп. Высочайше повелеть соизволил: представить заведывающему морскою частью в Николаеве передать Х. обители в собственность "те из упомянутых земель и бухт, состоящих в морском ведомстве, которыя он признает возможным".

В силу этого Монастырь фактически вступил во владение землей, лежащей между бухтами Карантинною и Херсонескою (ошибочно назв. в Высоч. докладе Стрелецкою) с 1858 г.

От последовавшей по сему переписки с целью оформить передачу и закрепить за монастырем Высочайше пожалованную землю путем межевания, выяснилось, что эта земля принадлежала не Морскому ведомству, а г. Севастополю, под наименованием "выгонной земли".

Город, не смотря на давление по сему Морского начальства и обещание дать взамен отходящей к монастырю Высоч. Пожалован. земли, своего согласия на уступку (не дал. И.А.). Переписка по сему делу продолжалась с 1858 г. по 1868 г. т.е. 10 лет.

В 1868 г., согласно Указу Губернск. правления 15 марта за №1063 было предписание Таврического губернат. землемеру Гончаревскому вопреки несогласию Городской Думы отмежевать обители землю Высочайше пожалов., которою обитель фактически пользовалась уже с 1858 г. Межевание действительно было произведено в 1869 г., но утверждения Межевой комиссию этого межевания не последовало, а потому утвержденных планов и межевых книг, а равно и вводных во владение листов Морским Ведомством на землю Монастырю не выдано. На этом дело кончилось. Таким образом, монастырь владеет землею, отведенною Морским Начальством не из своих земель (морских), а из городской выгонной земли. При последующих межеваниях земель города (1875) город оспаривал монастырскую землю в свою пользу, теперь последние 20 лет не оспаривает и Монастырь владеет пока бесспорно. Ходатайства о планах и межевых книгах поднимались неоднократно и в последний раз в 1909-10 г.г., но Министр ничего не мог добиться. Московская межевая канцелярия сообщила, что земли Монастыря, хотя и вымежевывались в 1869-1875 г.г. по распоряжению Таврич. Губерн. Правления, но утверждения их не последовало, а потому и в высылке плана и межевой книги отказала и такового в межевой канцелярии, как она сообщила 27 марта 1910 г. на имя Дух. Консистории совсем в отдельности не имеется.

Приложение 2

Копия.
СГГА, ф. I9, оп. I. д. 7
л. II4

Мин. Юст.
Межевая канцелярия
2 экспедиция
3 стол
Москва
марта 27 дн. 1910г.
№ 1236

Земли монастыря
В Таврическую Духовную Консисторию

По соображении в Чертежной Межевой канцелярии
отношения Духовной Консистории от 30 мая 1909 г. за № 8541, с
документами писцового и чертежного архивов оказалось, что земли
Херсонесского монастыря, хотя и вымежевывались в 1853 г., 1869 -
1875 гг. по распоряжению Таврического Губернского Правления, но
утверждения их не последовало, и впоследствие они замежсваны в
дачах: 1. г. Севастополя и 2. новой земли, что видно из утвержден-
ных планов, составленных в 1888 г. землемером Пущеровским, а
именно: 1. Дача г. Севастополя записано во владении того города
жителей, Черноморского портового ведомства и Инкерманской кио-
вии, Херсонесского монастыря с прочими владельцами и 2. дачи под
названием новой земли записана во владении частных лиц и Херсо-
несского монастыря.

Отдельных же планов на монастырские земли в хранении архива Ме-
жевой канцелярии не имеется.

О чём Межевая канцелярия имеет честь уведомить
Духовную консисторию на отношения ее от 30.05.1909 г. за № 8541
и от 5.03.1910 г. за № 4296.

С подлинным верно (епископ Иннокентий).

Копия верна:

О ПРИНЦИПАХ ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНЫХ ВОДОСБОРНЫХ ЦИСТЕРН (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В XCVI КВАРТАЛЕ ХЕРСОНЕСА)¹

†ЗОЛОТАРЕВ М.И., †КОРОБКОВ Д.Ю., УШАКОВ С.В.

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»

Вот уже более четверти века археологическая экспедиция Национального заповедника «Херсонес Таврический» проводит раскопки в Северо-восточном районе Херсонеса. За этот период исследовано несколько городских кварталов, в которых были изучены разновременные и разнохарактерные памятники, а в их составе как открытые, так и закрытые археологические комплексы. Анализ каждого из этих комплексов осуществлялся в два этапа – полевое изучение объекта и камеральная обработка материалов раскопок. Оба направления работы не только тесно взаимосвязаны, но и имеют совершенно равное значение своеобразного инструмента исследования. Более того, мы убедились, что только методически правильная организация обеих стадий единого исследовательского процесса позволяет рассчитывать на получение максимально достоверной научной информации. Если для первой (полевой) стадии исследования методические приемы, применяемые в работе с открытыми и закрытыми комплексами, порою существенно разнятся, то для второй (камеральной) – они, как правило, мало чем отличаются. По нашему убеждению, в основе правильного исследования археологического слоя лежат методические принципы, предложенные И.С. Каменецким [19, с. 165-167; 20, с. 83-94], – безусловно, верные, но, конечно же, не исчерпывающие всей гаммы ситуаций, возникающих в полевой практике перед исследователями античного города. Это касается как нестандартных, так и (может быть, даже в большей степени) рядовых случаев, когда в распоряжении археолога оказывается не стратиграфический слой в «чистом виде», а лишь часть грунта и материалов этого слоя, потревоженная и, зачастую, перемещенная позднейшими перекопами. Ныне, когда порою даже работы по изучению античных некрополей по необходимости сводятся к доследованию и зачистке разоренных погребений, необычайно расширился ранее пренебрегаемый «промежуточный вариант» археологического комплекса: комплексы изолированные компактные по местонахождению, но вторичные (т.е. переотложенные) по происхождению. Сюда могут быть отнесены весьма разноплановые объекты: материалы так называемых «мусорных засыпей», заполнений цистерн и колодцев, а также сохранившиеся в виде своеобразных линз остатки «правильных» слоев, по тем или иным причинам недобраные археологами-предшественниками. Специфика изучения таких памятников до сих пор остается *non grata* в научной литературе, а научная информация об их исследовании по большей части исчерпывается краткой записью в полевом дневнике. Конечно же, заполнение цистерны или колодца не является в строгом смысле слова закрытым археологическим комплексом, как, например, нетронутое погребение, субструкция пола или объекты *in situ*. Приемы раскопок такого резервуара в принципе те же, что

¹ Настоящая работа почти сразу после ее публикации (отдельной брошюрой небольшим тиражом) в 1997 г. стала малодоступной для читателя. Кроме того, иллюстрации материалов раскопок были, по условиям того времени, сделаны в малом масштабе, что затрудняло работу с ними. Кроме того, на сегодняшний день опубликовано недостаточно археологических материалов Херсонеса позднеантичного-ранневизантийского времени. Представляется, что публикация итогов раскопок цистерны не утратила своего значения. По инициативе С.В. Ушакова, редакционная коллегия приняла решение вновь опубликовать представленную работу. Это – дань памяти коллегам, которых, увы, с нами уже нет. В представленной публикации текст оставлен без изменений, откорректирована только система ссылок и заново подготовлены иллюстрации, при сохранении всех номеров рисунков. Хотелось бы выразить благодарность студентке IV курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе Е.С. Лесной за помощь в подготовке текста к публикации. Примечание: городской квартал, который мы именовали № XCVI (к моменту первой публикации статьи) в настоящее время на всех планах и в публикациях нумеруется как XCVII. Однако заглавие статьи оставлено прежнее (С.В. Ушаков, ред.).

применяются при изучении культурного слоя. Тем не менее, при исследовании материалов из древних колодцев и цистерн, столь многочисленных в Херсонесе, как нельзя лучше оправдывает себя строго выверенная процедура фиксации археологических остатков, принятая именно для раскопок «закрытых» комплексов.

Ниже мы изложим навыки, приобретенные нами в процессе исследования нескольких таких объектов. Основное внимание будет уделено описанию методики камерального изучения найденных материалов как более универсальной и равно применимой для открытых и закрытых комплексов. Для апробации применяемых методик была выбрана цистерна, расположенная в девяносто шестом квартале Северо-восточного района Херсонеса (рис. 1), внутри средневекового помещения №8, занимающего южный угол квартала (рис. 2).

I. Археологические раскопки цистерны

Цистерна, о которой пойдет речь, была исследована в 1993-1994 годах. Строительные остатки античного домовладения, которому принадлежала цистерна, не сохранились. Они были уничтожены последующим, средневековым этапом строительства в этом районе города. Можно только предполагать, что цистерна была расположена во дворе здания и, судя по ряду признаков, – в южном углу двора (рис. 14; 15).

Цистерна вырублена в твердой материковой скале. Ее глубина составляет около 3,95 м (считая от поверхности скалы). Цистерна в разрезе по форме напоминает колокол: от горловины она расширяется книзу, ее стенка у основания резко переходит в плоское дно. Диаметр горловины цистерны около 1,1 м; наибольший диаметр нижней (придонной) части – 2,9 м. В центре дна находилось круглое углубление-отстойник, диаметром в 1,2 м и глубиной около 0,23 м. В стене цистерны, на уровне дна, устроены три овальные неглубокие ниши, равноразнесенные относительно друг друга. Назначение их не вполне ясно. Предположительно, они служили для увеличения общего объема цистерны (рис. 3). Объем резервуара, рассчитанный по обмерному чертежу, составляет около 14 м³. Горловина цистерны была окружена невысокой стеной, сложенной из бутового камня. Этот своеобразный «колодезный сруб» в некоторых местах к моменту раскопок сохранился на высоту до 0,7 м.

Стены емкости были покрыты очень плотным известковым раствором, с содержанием крупных фракций темного морского песка. Подобные растворы обычно встречаются в обмазках стен херсонесских колодцев и цистерн. Лучше всего известковое покрытие сохранилось на дне и примыкающих к нему стенах цистерны. Своебразным консервантом, сохранившим обмазку, был слой темно-серой пластичной натечной глины (мощностью около 0,15 м), покрывавший дно цистерны.

Заполнение цистерны состояло из плотного, почти однородного суглинка, перемешанного с множеством бутовых камней и многочисленными фрагментами керамических сосудов. Суглинистая засыпь цистерны перемежалась мощными прослойками раковин морских моллюсков. Бутовый камень в засыпи располагался преимущественно у стен цистерны. Цвет суглинка был неоднороден. Он варьировал, в зависимости от глубины залегания, различными оттенками – от серого до коричневого цвета. Результаты определения цвета грунта для разных горизонтов засыпи по специальному Атласу цветов приводятся в Приложении 1.

Удаление грунта, заполнявшего цистерну, производилось горизонтально размеченными условными порциями-слоями по 0,35-0,40 м толщиной. При этом археологические находки (прежде всего, фрагменты керамических сосудов) из каждой такой порции еще в поле предварительно типологически и хронологически определялись. Объединение находок из различных порций-слоев происходило только после установления их идентичности, а затем производился подбор и склеивание обломков по старым сколам. Применение такого приема в полевой практике раскопок колодцев и цистерн дает возможность точной констатации единовременности засыпи исследуемых резервуаров. Кроме того, полученные при такой методике раскопок археологические материалы из закрытых комплексов можно с успехом применить для разработки схем типологической и хронологической эволюции различных категорий находок. В качестве примера отметим – хронологические разработки некоторых типов раннесредневековой керамики, основанные на материалах одного из исследованных нами колодцев, также расположенного в Северо-восточном районе Херсонеса [31].

II. Археологические материалы из заполнения цистерны

1. Методика полевой и камеральной обработки керамического комплекса

Обычно именно колодцы и цистерны сохраняют представительные выборки тарных и столовых сосудов, что часто позволяет уточнить относительную и абсолютную хронологию археологических памятников, периодизацию древней материальной культуры и подготовить, тем самым, почву для исторической реконструкции.

Поэтому, приступая к археологическому изучению засыпи цистерны под средневековым помещением 8, мы, конечно же, предполагали не только получить данные об этапах существования резервуара, но и уделить самое непосредственное внимание анализу керамических находок. Предварительно был разработан пакет методических правил и рекомендаций по ведению полевой и камеральной обработки массового материала, с целью возможно более точной и полной фиксации первичных данных [25, с. 64-65].

Позволим себе вкратце изложить процедуру начального изучения новооткрытого керамического комплекса – своеобразный итог многолетней работы с керамикой из раскопок в Северо-восточном и Портовом районах Херсонеса. Сделаем это на примере амфор.

1. После мойки и просушки фрагменты амфор были рассортированы по «типам» традиционной классификации, проведена по возможности полная первичная реставрация сосудов.

2. Из массива находок были отобраны все профильные фрагменты, а также стенки амфор с клеймами, граффити и дипинти. Затем они получили сквозную нумерацию в рамках всего комплекса засыпи, не зависящую от нумерации фрагментов керамики других категорий, и были переданы специально обученным рисовальщикам.

3. Стенки амфор были подсчитаны в рамках выделенных групп. Для каждой группы зафиксирован средний вариант описания поверхности и скола черепка (по специальным анкетам), после чего фрагменты стенок амфор были удалены с разборочной площадки.

4. Профильные части амфор зарисованы в виде вертикальных сечений, по строгим правилам и в порядке нумерации. Рядом с чертежом обозначены диаметр и степень сохранности (градусная мера длины дуги) венца или донья, или длина и название сохранившейся части ручки.

5. Проведена сверка рисунков с нарисованными черепками. При этом рядом с рисунком отмечались фактура и цвет глины в сколе, наличие закала, примесей и включений (по системе условных обозначений), а также были проставлены индекс-дата и классификационный тип (или центр производства).

6. По кодовым описаниям (см. пункт 5) профильных фрагментов и данным подсчета стенок амфор (см. пункт 3) составлена полевая опись находок в археологическом комплексе (засыпи). Это перечень венцов-доньев-ручек (ВДР) и стенок амфор, сгруппированных в рамках традиционной классификации, с указанием номеров рисунков.

7. Дальнейшая работа с амфорными находками свелась к сличению рисунков и записей с данными публикаций – для уточнения предварительных определений. Из рисунков скомпонованы графические таблицы к Отчету о раскопках, а по записям проведено статистическое изучение состава керамической выборки (см. Приложения 2, 6-8, 10-11, 13-17).

Важным инструментом такого исследования является дата-индекс (см. пункт 5). Она присваивается каждой новой находке как показатель относительной хронологии, заменяющий громоздкие, плохо сопоставимые и не всегда точные определения – такие, как: «IV – середина III в. до н.э.», «первые века нашей эры», «кримское время». Дата-индекс позволяет причислить ту или иную находку ко вполне определенному этапу материальной культуры Херсонеса, распределить все единицы выборки по ярусам относительной хронологии. Это более надежная и стабильная оценка, чем уточнения абсолютных дат для отдельных групп материала еще и потому, что сохраняется однородное представление первичной информации, не зависящее от неравной степени изученности различных категорий сосудов.

Обычно мы широко применяем обозначение интервалов бытования различных типов черепицы и тарной керамики с помощью дат-индексов. На наш взгляд, это лишь конкретное выражение периодов синхронизации, неявно объединяющих различные типы сосудов в уже существующих классификациях керамики.

Итак, для находок античного времени выделяется пять основных периодов синхронизации. Для обозначения дат-индексов использованы прописные буквы русского алфавита – А, Б, В, Г, Д, Е, Н (А – V в. до н.э., Б – IV – сер. III в. до н.э., В – сер. III – сер. I в. до н.э., Г – сер. I в. до н.э. – I в. н.э., Д – II – сер. III вв.; Е – сер. III – IV вв., Д-Е – II – IV вв.; Н – точно не определяется).

Подобным же образом, с целью разгрузки шкалы графиков и поля таблиц в Приложениях, каждая порция грунта из заполнения цистерны (по высотам) обозначена римской цифрой – от I до IX (см. Приложение 1).

Перейдем к описанию керамического комплекса засыпи (см. также Приложение 2), с учетом характерных особенностей в распределении фрагментов черепицы, тарной керамики, кухонной и столовой посуды.

2. Черепица

Представлена двумя сериями находок: 1) фрагментами соленов и калиптеров периода «Б»; 2) осколками черепиц периодов «Г-Д». Выявить в засыпи цистерны или же подобрать по старым сколам целые экземпляры кровельных черепиц нам не удалось. Все мелкие фрагменты профильных частей (углов, бортиков) были учтены в рамках рабочей классификации, образцы выделенных вариантов их представлены в графической таблице (рис. 4), а описание содержится в Приложении 3. Поскольку пока не существует достаточно полной типологии черепицы для памятников античного времени, большая часть определений и датировок носит предварительный характер и основывается, главным образом, на самых общих наблюдениях. Самостоятельное значение имеет опыт определения цвета черепиц в сколе, выполненного по колористической шкале Атласа Munsell, а также записи о составе примесей в керамическом тесте.

В дальнейшем эти данные могут быть полезны при сопоставлении со строительными материалами из других керамических комплексов, особенно – кровельной черепицей первых веков н.э.

3. Амфоры

a) Общая характеристика

Амфорные находки в засыпи цистерны составили более трети от общего числа фрагментов керамики. Несмотря на относительно большое количество профильных частей, попытки первичной реставрации сосудов дали незначительные результаты. Из фрагментов, происходящих с горизонтов I – V, были подобраны по старым сколам верхние части фасосской амфоры периода «Б» (рис. 4, №38), амфоры типа M273 по Robinson (рис. 5, №27) и амфоры типа «Делакеу» (рис. 5, №30) – периода «Е».

Предполагалось также, что удастся выделить серии профильных фрагментов типологически однородных амфор и реконструировать количество условно целых сосудов – по сумме величин сохранившейся длины дуги их венцов или же по количеству доньев. Оказалось, тем не менее, что в отношении данной выборки эта схема исследований неприменима. При огромном разнообразии типов амфор, представленных в засыпи, количество фрагментов, относящихся к каждому конкретному типу, было крайне мало, и, судя по измерениям диаметра, эти фрагменты принадлежали совершенно разным сосудам. Исходя из вышеизложенных соображений, мы сочли возможным представить информацию об амфорных находках в виде статистической сводки, учитывающей каждый профильный фрагмент в качестве самостоятельной единицы выборки. Сводка содержит сведения о результатах типологического и хронологического определения амфорных находок (Приложение 4-5), проведенного нами на основании генеральных классификаций керамической тары, разработанных И.Б. Зеест [12], С.Ю. Монаховым [27, 28], В.В. Крапивиной [26], А.П. Абрамовым [1], А.Л. Якобсоном [38], Riley [42].

Далее, приводятся данные о распределении фрагментов амфор по глубинам засыпи, по выделенным периодам синхронизации и классификационным типам (Приложения 6, 7, 8, 13, 14, 15 – отдельно по раскопкам в 1993 и 1994 гг.).

На наш взгляд, представленная статистика свидетельствует о том, что учтенные нами фрагменты амфор попали в емкость цистерны единовременно – вместе с переотложенным грунтом, взятым при расчистке под новое строительство какого-то участка внутри квартала

XCVI. При этом были смещены и перемешаны, как минимум, две свиты напластований: более ранняя содержала материалы периодов «А-Б», поздняя – периодов «Д-Е». Благодаря тому, что удалось подобрать значительные по величине фрагменты амфор из осколков, рассеянных в грунте засыпи от горловины цистерны до глубины в 2,9 м, можно говорить о единстве засыпи на этом участке. С другой стороны, некоторые различия в долевом распределении амфор различных периодов на горизонтах V-VII (глубина 2,9-3,3 м) могут указывать, что здесь проходит граница между двумя порциями грунта, составившего единое заполнение цистерны.

Исчезающее мало в представленной выборке присутствие фрагментов амфор периодов «В-Г». Здесь, правда, какие-либо выводы преждевременны, поскольку следует делать поправку на недостаточную изученность керамической тары сер. III в. до н.э. – конца I в. н.э. (за исключением светлоглиняных амфор).

Тем не менее, это может быть и отражением перерыва в накоплении культурного слоя на том участке квартала, откуда был взят грунт.

Более важным нам представляется то обстоятельство, что фрагменты фасосской амфоры периода «Б» снаружи и внутри покрыты известковым морским обрастием. Вполне вероятно, при строительных работах с берега моря для какой-то подсыпки был доставлен грунт, с которым и попали сюда обломки указанной амфоры. Впоследствии, при засыпке цистерны, они оказались переотложены повторно.

Как видим, основной массив амфорного материала засыпи не дает четких оснований для определения интервала функционирования самого резервуара. Очевидно лишь то, что засыпь произведена не ранее середины IV века н.э. (начало распространения амфор типа «Делакеу», сиро-палестинских амфор, амфор Газы, амфор с рифлением типа «набегающей волны» и т.п.) [42, р. 220-221; 26, с. 98]. По незначительности присутствия фрагментов этих позднеантических амфор (Приложение 8), можно заключить также о том, что они находились в верхнем горизонте участка, с которого взят грунт для засыпи. Конечно же, дата засыпи цистерны могла далеко отстоять от момента, когда та была заброшена. По счастью, в нижней части цистерны были зафиксированы *in situ* наиболее показательные находки, предоставляемые датировочный термин для определения прекращения ее функционирования (рис. 6). Это, во-первых, тулово небольшой красноглиняной амфоры периода «Г» с отбитыми горлом, доньем и (вероятно, шилообразными) ручками [42, р. 148] (рис. 5, № 28), обнаруженное на границе горизонтов VIII и IX. У основания горла амфоры сохранилось трехбуквенное граффити по черепку – ГЛН, позволяющее определить, что в ней когда-то содержалось «сладкое» (десертное?) вино. Во-вторых, тут же найден лежавший на боку крупный одноручный красноглиняный кувшин с плоским дном (рис. 5, №29), очевидно упущеный неволкой рукой при наборе воды из цистерны. Поскольку на дне цистерны в виде илистых отложений скопился осадок из взвеси частиц, содержащихся в воде, кувшин, упав на дно, был постепенно затянут илом. Поэтому он не был раздавлен грузом последующей засыпи, а только треснул в нескольких местах, полностью сохранив свою форму. Единственная известная нам аналогичная находка плоскодонного одноручного кувшина происходит из раскопок некрополя Харакса (могила №29); А.И. Айбабин относит это погребение к первой половине V века н.э. [2, с. 170; 3, с. 14-15]. Ил на дне цистерны успел высохнуть, прежде чем тулово амфоры (в переотложенном грунте) легло поверх образовавшегося глинистого слоя. С другой стороны, и в составе самого глинистого слоя (горизонт IX) отмечены фрагменты стеклокерамики позднеантических амфор. Возможно предположить, что цистерна действительно была засыпана вскоре после того, как ею перестали пользоваться.

б) Клейма и дипинти¹

Среди многообразия находок в заполнении цистерны немногочисленную, но весьма показательную группу составляют керамические клейма. Их всего шесть экземпляров, и хотя ни одно из них не имеет отношения ко времени образования керамического комплекса цистерны – сама по себе каждая такая находка представляет определенный интерес. Четыре клейма оттиснуты на горловинах гераклейских амфор, одно на ручке фасосской и одно – на ручке херсонесской амфоры.

¹ Клейма определены М.И. Золотаревым.

1. Оттиснутое в две строки энглифическое магистратское клеймо:

Αρχ-
έλα

Найдено в горизонте с глубинной отметкой 2,9-3,3 м.

Гераклейские клейма с именем магистрата Архелая (в том числе и оттиснутые совершенно аналогичными штемпелями) широко известны среди находок на многих северопричерноморских памятниках. Клеймо относится к 1 группе и датируется кон. V – нач. IV в. до н.э.

2. Энглифическое двухстрочное клеймо на горле:

Θεοξ-
[ένο]

Вторая строка утрачена, но имя восстанавливается бесспорно. Как и предыдущее, клеймо относится к первой хронологической группе, найдено в горизонте, залегающем на глубине 2,9-3,3 м.

3. Оттиснутое ретроградно на горле амфоры энглифическое клеймо, в котором в две строки заключено одно имя:

Αριστ-
ίππος

Клеймо относится к первой хронологической группе конца V – нач. IV в. до н.э. Найдено в горизонте 2,3-2,6 м.

4. Трехстрочное энглифическое клеймо, в котором заключено два имени, одно из которых в сокращении.

Ηρακλ-
έδα Φ[ι]-
η[ρ]

Восстановление клейма безусловно, по совершенно аналогичному клейму, оттиснутому тем же штемпелем, что и наше. Оно найдено в Северо-восточном районе Херсонеса, на VI поперечной улице, в засыпи траншеи водостока в 1978 году [29, с. 10]. Наше клеймо найдено на глубине 2,0-2,3 м. Оно относится ко второй группе (по классификации Б.А. Василенко) и может датироваться в пределах первой четверти IV в. до н.э.

5. Трехстрочное клеймо, на ручке фасосской амфоры. Первая строка стерта:

... . . .
[Φασίω]
Μυίσχ

Полностью аналогичное клеймо опубликовано в каталоге А-М. и М. Бон. Клеймо относится к первой хронологической группе и датируется 400-370 гг. до н.э. Найдено на глубине 2,3-2,6 м.

6. Последнее из найденных керамических клейм принадлежит херсонесской амфоре. На ручке оттиснуто двухстрочное желобчатое астиномное клеймо. Правая часть клейма отбита, но восстановление бесспорно:

Ξά[vύοζ]
Αστ[υνόμου]

Полностью аналогичный штемпель впервые опубликован В.В. Борисовой. По типологии В.И. Каца, клеймо относится к типу 1-88,4 и к первой хронологической группе, подгруппа «Б»; датируется 315-300 гг. до н.э. [23, с. 76].

Помимо керамических клейм, при камеральной обработке материалов раскопок 1994 года выявлено пять фрагментов античных амфор с остатками надписей красной краской на лицевой поверхности. Два из них принадлежали амфорам периода «Б»: в одном случае сохранилась только вертикальная линия какого-то знака (часть буквы?), в другом – восстанавливается крупных размеров буква – «альфа». Два фрагмента – от светлоглиняных узкогорлых амфор периодов «Г-Д»: на первом (плечо сосуда) – буква «мю», на втором (у основания горла) – «гамма». Еще один фрагмент принадлежал красноглиняной амфоре с белым ангобом периода «Д-Е»: знаки «qc» (возможно, обозначавшие цифры) сохранились частично.

4. Бытовая керамика

a) Вводные замечания

В ходе полевой и камеральной обработки находок производились предварительная сортировка и подбор фрагментов по отдельным категориям: керамическая посуда – кухонная, сто-

ловая простая, краснолаковая и чернолаковая, керамические изделия иного назначения – грушила, светильники и т.п., другие находки – изделия из стекла, кости, металла и т.д.

Особо хотелось бы сказать о краснолаковой керамике. Археологические слои позднеантичного времени на Херсонесском городище почти не сохранились. Вследствие этого и материалы первых веков н.э. остались относительно слабо изученными. Из-за большой измельченности наших находок краснолаковой керамики, пришлось их классифицировать почти исключительно по закраинам. Сосуды оказались очень разнообразны, но сохранились столь фрагментарно, что реконструировать целые формы по обломкам, за небольшим исключением, не удалось. Поэтому представленная классификация носит рабочий характер; она, несомненно, будет уточняться и дополняться по мере новых находок этой категории археологического материала. После графической фиксации находок по порциям-слоям мы приступили к изучению всего массива находок по группам (чаши, миски, блюда, кувшины, кубки и т. п.). Эта работа показала, что характер комплекса находок в заполнении на всех глубинах цистерны (от горловины и до самого дна) не менялся. Это позволяло сделать вывод о том, что цистерна была засыпана единовременно, может быть – несколькими порциями.

Материалы полевой описи позволили осуществить предварительную атрибуцию находок и выбрать те фрагменты, которые дают наиболее ясное представление о типах найденных сосудов. Чертежи этих находок с полным восстановлением (внешний вид и профиль) легли в основу трех графических таблиц: (1) миски (чаши), (2) блюда, (3) закрытые сосуды и днища. Подобным образом велось изучение и остальной бытовой керамики (кухонная, простая и чернолаковая столовая), а также стекла.

б) Кухонная посуда (рис. 7)

Отдельные формы кухонных **гончарных** сосудов первых веков н.э. представлены в публикациях В.И. Кадеева [18, с. 83-86], А.В. Буракова [7, с. 83-86]. Лучше всего эта группа керамики разработана на материалах Ольвии последних веков ее существования [26, с. 101-107]. Именно в Ольвии римского времени бытовали сосуды тех же форм, что и в Херсонесе. Наблюдается почти полное совпадение типов. Среди них особенно характерны следующие формы.

1. Кастрюли и горшки с «петлевидными» закраинами, овальными в сечении ручками, со слабо обозначенными желобками (№№1-4, 17). Типичные находки в слоях Херсонеса и Ольвии II-III в. н.э. [26, тип 3, рис. 33, 8].

2. Сковороды или миски, массивные и широкие, с отогнутой закраиной (№№ 5, 6) [26, тип 2в, рис. 36, 14].

3. Сковороды и миски, массивные с утолщенным краем (№№ 7, 8, 35) [№8. – Аналогии: 18, миска, тип 2, рис. 6, 7].

4. Сосуды открытого типа (чаши) с прямым или загнутым краем, иногда – с налепной ручкой (№№ 3, 34). Также имеются аналоги в Ольвийском регионе [№33 – 7, табл. VII, рис. 33, 7, 9; 26, тип 4, рис. 33, 9].

К сосудам открытого типа можно отнести следующие находки:

5. Котлы с подтреугольной в сечении закраиной, профицированной петлевидной ручкой и часто желобчатым туловом (№№9-6). Широко были распространены как в Херсонесе, так и в Ольвии [№№ 9-11 – 26, тип 2д, рис. 34, 10-е; №12 – 26, тип 1а; рис. 32, 2б, II-III вв., с. 102; №№13-15 – 26, тип 2г, рис. 34, 8; 16, рис. 6, 7, миска тип 2].

6. Котлы с закраиной, напоминающей стоячий воротник. Формы закраины очень разнообразны, стенки иногда – желобчатые (№№18-21, 24, 25-27) [№24 – 26, тип 1б, рис. 33, 13].

7. Глубокие кастрюли с желобком для упора крышки и отогнутой закраиной (№№22, 23, 28, 29, 30, 31) [26, тип 2в, рис. 36, 13].

8. Кувшин с ойнохоеидным горлом (№№ 36, 23). Находки сосудов этого типа достаточно редки, хотя они встречаются не только в Северном Причерноморье [18 – рис. 8, 3; 26, тип 2, рис. 37, 3], но и в Восточном Средиземноморье [43, 5, - pl. 23, M101; pl. 14, K104].

Вся лепная керамика условно нами отнесена к кухонной. Некоторые экземпляры (не носившие следов копоти) могли относиться и к столовой посуде. Выделяется два основных типа:

1. Горшки различного размера, с «воротникообразной» стоячей закраиной (№№ 41-47) и округлыми стенками. Сосуды близких форм бытовали как в античных центрах (Боспор) [сосуд большого размера – 22, тип XXX, 4 – Илурат, III в. – с. 166], так и у поздних скотов [11, рис. 4, 1-4]. Вариантам этого типа сосудов являются, небольшие кувшинчики с округлой ручкой (№№ 48, 49) [11, рис. 59].

2. Миски или сковороды с наклонными или вертикальными стенками, подтреугольными в плане ручками и плоским дном (№№ 54-63). Край иногда заострен. Следов насечек на нем не обнаружено.

Среди находок *толстостенной бытовой керамики* отметим фрагменты закраин *корчаг* [26, тип 2, рис. 65, б], у одной из которых сохранилась ручка; обломки закраин и доньев *лутериев*.

в) Столовая керамика

Представлена (перечисляем в порядке уменьшения числа находок) фрагментами красно-лаковой, простой, чернолаковой, сероглиняной с черным покрытием, ионийской керамики

Назовем основные типы краснолаковой керамики.

Открытые сосуды (рис. 8)

I. Глубокие миски и блюда на кольцевом поддоне с загнутым краем. По форме закраины выделяются следующие варианты:

1) край плавно загибается, толщина стенки разномерна (№1). Один из фрагментов – с граффити [Х?]РНСТО[?] (№2);

2) закраина утолщена; образуется валик (№3) или перегиб – внутреннее ребро (№4), край заострен;

3) закраина S-образной формы (№№ 6, 13);

4) миски (чаши) большого размера с толстыми стенками (№ 10);

5) блюда с утолщенным, валикообразным, иногда как бы двулистным краем (№№ 5, 6, 8).

Значительная часть этих сосудов (до одной трети) имеет пережженный черепок темно-серого (иногда – почти черного) цвета, на поверхности – пузырчатые вздутия. Это наблюдение позволяет заключить, что сосуды такого типа производились и в Херсонесе. Аналогии сосудам этого типа известны как в Херсонесе [16, рис. 39, I-3, I-III вв., с. 65-66], так и в Северо-Западном Причерноморье [26, типы 1а-1в, рис. 45, 1-13, 16, I-III вв. – рис. 76], а также на Боспоре [24, №25, рис. 3, 6, Мирмекий, I-III вв.; 32, № 85, рис. 14, б, с. 300, – III век].

Как показали исследования И.С. Каменецкого, классификация краснолаковой керамики по цвету черепка и покрытия практически в настоящее время не перспективна [21, с. 24-25]. Поэтому, повторяя, мы выделяем типы и варианты сосудов по их размерам и характеру оформления закраины.

II. Глубокие толстостенные миски и блюда:

1) с валикообразной, нависающей внутрь закраиной (№7). Такие сосуды бытовали не только в Херсонесе, но и во всем Северном Причерноморье во II-III вв. н.э. [32, рис. 19, 1; 21, тип 1, с. 45, 50; 7, табл. VIII, 15; 26, тип 1, 2, рис. 45, 1-26].

2) толстостенные миски и блюда с заостренным краем (№18, 22, 25, 28), иногда с желобком по внутренней и внешней поверхности (№ 15). Так же, как и предыдущие, были достаточно широко распространены в Северном Причерноморье [21, тип XI, – кон. I в. до н.э. – рубеж н.э., с. 100, тип XVI; 26, тип 13, рис. 48, 17, 18, 21, III-IV вв., с. 109].

III. Толстостенное, плоскодонное блюдо с загнутым краем. Подобные сосуды бытовали с конца I в. до н.э. до IV в. н.э. (№12) [21, тип XX, рис. 27, 207; 26, тип 2, рис. 52, 4].

IV. Тонкостенные чаши со слегка изогнутой, выпуклой стенкой, заостренной закраиной. И.С. Каменецкий называет их *сферическими канфарами* (№14) [21, тип VIII, рис. 20, 165].

V. Встречены и одиночные обломки так называемых цилиндрических канфаров [21, с. 84, кон. I в. до н.э. – I в. н.э., с. 92].

VI. Глубокие миски и блюда с наклонными стенками и прямым, почти вертикальным бортиком. Выделяются следующие варианты:

1) с заостренным краем (№№ 6, 3);

2) с прямым ровным или округлым краем (№№ 11, 19);

- 3) с утолщенным краем (№№ 17, 20);
- 4) Край с бороздкой на верхней кромке (№№ 21, 24, 26).

VII. Чашки, миски и тарелки с наклонными стенками – с вертикальным или слегка изогнутым бортиком. По сохранившимся фрагментам не всегда есть возможность определить, чашки это или тарелки. По характеру оформления закраины, выделяются следующие варианты:

- 1) чашки с вертикально расположенным бортиком, заостренным краем, внешним и внутренним ребром в месте соединения бортика и стенки (№ 31);
- 2) миски и тарелки с закругленным или заостренным краем; иногда в месте перехода бортика к наклонной стенке – внутреннее ребро, снаружи – утолщенный валик (№№ 29, 32, 34, 35, 38, 39);
- 3) тарелки с утолщенным краем, образующим наружный валик (№ 33);
- 4) мисочка или небольшая тарелка с бороздками по внутренней и внешней поверхности (№ 36).

Сосуды этого типа были широко распространены в Причерноморье [32, рис. 1 – I в. – с. 285; – II в. с. 290; 24, рис. 31, посл. треть I-III вв., Мирмекий, тип 9А, кон. I – первая половина III вв., рис. 11,12, с. 312; 18, миски, тип 2, с. 93, рис. 10, 4; 7, табл. IX, 16-18, I-II вв., с. 99; 21, кон. I в. до н.э. – III в. н.э., с. 87]. Относятся, в основном, к самосскому, либо – к пергамскому кругу производства [26, типы 12-19, рис. 51-52, I-III – нач. IV вв.; 41, М. 113, G. 26. Ostsigillata. Немного позднее 4-14 гг. н.э.], в отличие от краснолаковой керамики типов II-VII, целиком относимой нами к малоазийскому импорту. Несомненно, к местной продукции – судя по значительному проценту бракованной керамики – принадлежат сосуды следующего типа.

VIII. Глубокие миски (чашки) с наклонными стенками, вертикальным бортиком и желобками по внешней поверхности, кольцевым поддоном. Основная масса сосудов охватывается первым вариантом, для которого характерно наличие двух желобков – один по краю, и второй – в месте перехода от края к стенке. Кроме этих изделий, отдельные экземпляры дают следующие варианты:

- 1) с округлыми стенками и двумя желобками (№ 27). Возможно, это переходный вариант (ср. тип 1);
- 2) с двумя желобками с внешней стороны края и одним – в месте соединения края и стенки (№ 30);
- 3) с двумя желобками; наклонная стенка имеет резкий перелом (№ 37);
- 4) с желобком по верхней кромке края и двумя желобками по внешней поверхности закраины (№ 40). Сосуды этого типа кроме Херсонеса [18, чашки, рис. 10, 3, тип 3, III в., с. 93] были распространены на Боспоре [24, рис. 2б, Мирмекий, вторая треть I в.; 32, рис. 13, 6, рис. 143, III в., рис. 19, 3, – III в.; 19, тип II, с тремя желобками – наиболее ранние, с. 53-63] и в Ольвии [26, тип 2, рис. 54, I-III вв., с. 114].

IX. Блюда и миски с массивным нависающим краем (подтреугольным в сечении).

В нашем комплексе встречено два фрагмента. Сосуды этого типа кроме Херсонеса [18, рис. 10, 5, миска, тип 3, с. 93] были найдены в других районах Причерноморья [17, рис. 6, 7а, с. 5, I-I вв. н.э.] и Восточного Средиземноморья [43, fig. 13, 74, – I в. н.э.; 41, тип III, G23a, 20 г. I в. н.э., с. 89, Ostsigillata]. Датируются они достаточно широко, в пределах I в. до н.э. – III в. н.э.

X. Толстостенные блюда и сферические чаши с утолщенным или нависающим краем (рис. 9а, №№ 1-5). Часть изделий местного производства, часть привозные, вероятно, из Пергама II-III вв. н.э. [32, рис. 7, 1; 7, табл. VIII, 7, с. 96; 26, тип 4, рис. 4б, 1-7; 43, G. 77, – I в. н.э. прообраз типа].

XI. Небольшие миски с профилированным (№ 8) или закругленным (№№ 9, 10) краем и наклонными стенками. Аналогичные сосуды найдены в Ольвии [26, тип 11в., I-III вв., с. 73].

XII. Тарелки с валикообразным нависающим (№ 6) или профилированным (№ 7) краем. Похожие изделия также были найдены в Ольвии [26, миски, тип 15, рис. 49, 1, 3, I-III вв., с. 73].

XIII. Толстостенные блюда с отогнутым краем (№№ 11-13). Датируются II-IV вв. н.э. [26, тип 14б, рис. 48, 19; рис. 78, тип 3, II-IV вв., с. 75].

XIV. Блюда с широким, почти горизонтально отогнутым краем и кольцевым поддоном (14-37). Формы закраин очень разнообразны, иногда они украшены рельефным орнаментом. Самая многочисленная группа краснолаковой керамики. Однако фрагментированность наход-

док не позволяет нам выделить их варианты. Дата этого типа сосудов не выходит за рамки I-IV вв. н.э. [24, рис. 5, 8, последняя треть I-III вв., с. 305; 32, рис. 4, 3, I в., с. 287; 26, типы 3-5, рис. 52-53, II-III-IV вв., с. 113, рис. 46, 8, II – кон. I-II вв н.э.]. Некоторые из них – так называемые рыбные блюда [17, рис. 8-9, 11, I-III вв; 24, рис. 6, 7, кон. II -начало III в.; 32, рис. 1б, кон. II – нач. III вв., с. 301-302].

Сосуды закрытого типа (рис. 9б)

I. Горшки и кубки с кольцевидными и петлевидными ручками и кольцевым поддоном. Следующих вариантов:

1) горшки с воротникообразной вертикальной закраиной и кольцевидными или петлевидными ручками (№№ 1-4). Широко распространены в Северном Причерноморье [24, рис. 5, I. – Мирмекий. Последняя треть I-III вв.; 7, табл. X. 2, 3. – II в.; 21, №№ 214-215. – I-III вв., с. 114. – III в.; 26, тип 4, рис. 46, 1-7];

2) тонкостенные кубки с петлевидными ручками (№№ 5, 5А-6). Массовые находки на античных городищах и в некрополях Северного Причерноморья [15, рис. 48-50, I-III вв.; 16, рис. 7, 1,2, II-III вв., с. 7 (приведена основная литература); 26, тип 5, рис. 57 ,I-16, I-III вв., с. 116] и Восточного Средиземноморья [45, Heft. 2, № 57, Abl. 25, II в., с. 222; 41, тип 189, K. 25.; тип 191, K. 27, вторая четверть и середина I века];

3) Кубки с четко прочерченными бороздками в верхней части края и острой закраиной (№10). П. Кувшинны (№№12-42).

Фрагменты очень разнообразны и многочисленны – горла, ручки, донья: – но сосуды представлены лишь мелкими обломками, поэтому выделение типов на нашем материале невозможно. В публикациях В. И. Кадеева [18, рис. 11, 1-9] и В.М. Зубаря [15, рис. 44-46] представлены почти все типы кувшинов, определяемых в керамике из заполнения цистерны. Аналогии мы находим также в Ольвии [26, типы 1-5, с. 57 – вторая половина I-III вв., с. 118] и на Нижнем Дону [21, типы III-IV, IVв. до н.э., II в. н.э.].

Единичными фрагментами представлены еще три типа сосудов.

III. Горшок с орнаментом из капель белой краски (№ 44).

IV. Кухонная кастрюля с полочкой для установки крышки (№ 45) и фрагмент такой крышки (№46).

V. Толстостенный горшок с утолщенным, слегка отогнутым краем (№ 47).

Дница (рис. 9б)

Большую часть доньев можно соотнести с тем или иным типом сосудов. В графической таблице форм представлены, например, различные варианты доньев кувшинов (№№ 39-42), днища сосудов закрытого типа (№№ 43, 48-54), мисок и блюд (№№ 55-59, 63-65). Два фрагмента относятся к сосудам с массивным утолщенным поддоном [21, типы III-IV, IV в. до н.э., II в. н.э.; 24, с. 295, тип 17(м), Пергам, I в.; 4, табл., CXLVII, 15, первая треть I – III в. н.э.]. Отметим еще три экземпляра: с рельефным выпуклым орнаментом на внутренней поверхности (№ 63), с арочным орнаментом также на внутренней поверхности (№ 64) и, наконец, днище пергамского блюда, покрытого лаком светло-коричневого цвета, со следами ремонта в древности и частично сохранившимся граффити (№ 65). Пока этим кратким описанием днищ сосудов мы и ограничимся, поскольку большинство морфологических признаков, обычно считающихся хронологически значимыми, вряд ли являются таковыми [21, с. 126-134].

Анализ хронологического распределения находок краснолаковой керамики (по типам) показывает, что основная масса ее относится к I-III вв. н.э. (Приложение 18). Сосуды типов I, XIII и XIV продолжали бытовать и в IV в., не выходя за его рамки. Вероятно, в конце IV или в первой половине V столетия цистерна и была засыпана переотложенным мусором, что явилось следствием каких-то локальных перестроек. Материалом для засыпи послужили, в частности, отходы гончарной мастерской, располагавшейся где-то неподалеку. Бракованных фрагментов (только профильных) насчитывается 258 экземпляров (см. Приложение 11), что составляет 22,24% от общего числа находок и 34,26% от находок профильных частей тех типов керамики, которые мы относим к местному производству. Отметим, что остатки слоя II-III вв.

сохранились не только в помещении 8, но также и в соседнем помещении 12, раскопанном нами в 1992 году.

От общего числа находок столовой посуды (профильных частей) простая, чернолаковая, сероглинняная с черным покрытием и ионийская расписная составляют менее одной трети (Приложение 17). Кратко охарактеризуем эти группы материала (рис. 10).

Простая столовая посуда представлена единичными фрагментами небольших мисок с отогнутым (№№1, 3), прямым (№5) и загнутым (№6) краем; чашек на высокой ножке (№№2, 4, 7) [18, рис. 9, 4, II в., с. 91; 15, рис. 43, I-III в. н.э.]. В комплексе присутствуют фрагменты **кувшинов**: горловины (№№28-12), в том числе и ойнохоевидная (№20); стенки, среди которых встречаются расписанные полосами коричневой краски (№13); и поддоны – как плоские, так и на кольцевой подставке (№№14-19, 21,22).

Среди посуды IV-III вв. до н.э. назовем небольшое количество фрагментов сероглинняной керамики с черным покрытием. Это – закраины сосуда закрытого типа (№53), горла кувшинов двух типов (№№55, 56), закраины рыбного блюда (№57), фрагмент донца с пальметкой (№58) и стенка сосуда (кувшина?) с процарапанным по сырой глине геометрическим орнаментом (№60).

5. Краснофигурная расписная и чернолаковая керамика (рис. 10)

Представлена фрагментами сосудов основных греческих типов: *киликов*, *канфаров*, *скифосов*, *блюд*, *солонок* (№№ 29-51). Среди расписной керамики отметим два фрагмента с изображением женской (№28) и мужской (№ 20) фигур. На обломках шести доньев сохранился штампованный орнамент (№№47-51, 59). Названная керамика датируется концом V-IV вв. до н.э. [44, №№ 335, 343, 759, 784, 870; 6, табл. XIV-XVII, XX, XXI].

Интересна группа так называемой *ионийской керамики*. Это: фрагменты закраин, ручек и доньев киликов; стенок, горл и двустольных ручек кувшинов, рыбного блюда и фимиатерия, покрытых полосками серого, красного, светло- и темно-коричневого цветов (№№63-74). Килики, по классификации М.И. Золотарева, относятся ко второму типу [13, с. 10-11]. Интересны стенки сосудов, расписанные побегами плюща (№№ 67, 68) [13, с. 10-11]. Дата для находок этой категории не выходит за рамки последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. [13, с. 10-11].

6. Прочие находки

Среди керамических изделий иного назначения назовем семь *пирамидальных грузил*, а также *светильники*. Светильники представлены двумя типами: краснолаковые (в мелких обломках) и светильники-плошки (четыре фрагмента) (рис.10, №№61, 62). В Херсонесе светильники-плошки встречаются довольно часто, в том числе при раскопках в Северо-восточном [14, Альбом, рис. 11] и Северном [30, рис. 7, с. 137, II-III вв.] районах городища.

Кроме того, среди находок в заполнении цистерны несомненно заслуживают внимания фрагмент терракотовой *протомы* (голова Деметры), найденный на полу юго-восточной ниши цистерны, обломки костяных крючков, предназначенных, вероятно, для вязания сетей (рис. 12) и декоративная накладная пластинка, обнаруженная в горизонте IX (K=22 мм. кость; первые века н.э.) [Ср.: 33, табл. XV; 34, с. 93]. Находки *костяных крючков* встречаются как на античных [26, рис. 87, 25], так и на позднескифских памятниках (например, на Усть-Альминском городище) [9, рис. 17, 1]. Отметим также обломки *железных гвоздей* (в количестве полутора десятков) и мелкие частицы медных пластин. Относительно немногочисленны *стеклянные изделия*. Они представлены фрагментами стенок, закраин, доньев и ручек стаканов, кубков, чаш и кувшинов (рис. 11). Сосуды этих типов были широко распространены как в Причерноморье [35, рис. 18, III-IV вв., с. 236; 36, тип Б, с. 136-139; 37, тип IAB (вторая половина IV – начало V вв., с. 86-87; 15, рис. 58, 6, тип 6, IV в., с. 91-93; 30, рис. 10, с. 137)], так и в Западной Римской империи. Дата их бытования не выходит за рамки I – начала V вв., причем основная их часть относится к IV веку [39, типы 9, 30, 32, 62в, 64, 110в, 125, с. 349-352].

В заполнении цистерны найдены также *7 монет* (Приложение 12), дата которых не противоречит датам находок стеклянных изделий, как и всего керамического комплекса.

Наиболее примечательная находка, имеющая к тому же значение первоклассного исторического источника – *мраморная плита* с древнегреческой вотивной надписью (рис. 13) [8,

с. 63]⁵. Памятник датируется (по шрифту) серединой III века до н.э. Текст надписи относится к самой плите, посвящаемой (вероятно, в качестве части алтаря) триаде египетских божеств – Исида, Серапису и Анубису. Подробный и тщательный анализ великолепного по сохранности памятника эпиграфики еще предстоит – он возможен только в обширном контексте сведений о религиозно-культурных и межгосударственных контактах эллинистической эпохи, но уже сейчас видно то, насколько ценную, необычную и разноплановую информацию предоставит этот памятник исследователям античного Херсонеса.

* * *

Итак, *время образования засыпи цистерны определяется концом IV – первой половиной V века*. В пользу этого свидетельствуют как приведенный выше детальный анализ керамического комплекса, так и результаты изучения придонных отложений, относящихся к последнему этапу функционирования цистерны. Именно в этих двух группах данных (конечно, с условием, что строго соблюдены правила стратиграфических наблюдений) заключается, на наш взгляд, возможность доказательной интерпретации любого из подобных археологических объектов. В таком контексте только вспомогательное значение могут иметь монеты: они слишком подвержены вероятности случайного перемещения в толще грунта, поэтому даже при точной стратиграфической привязке монет в момент находки они не должны служить основанием для датирования слоя.

Весь предыдущий анализ археологических материалов из раскопок цистерны был призван показать, в частности, то, какие выводы возможно извлечь из рассмотрения каждой конкретной группы находок, а на какую информацию рассчитывать не приходится. Как и в ряде сходных случаев, данные изучения керамики, важные сами по себе, довольно односторонне освещают ситуацию – они отражают лишь завершающую и конечную стадии использования резервуара. Установить время сооружения и первоначальное назначение цистерны по находкам из ее заполнения нельзя. Наблюдения над стратиграфией участка также не дают оснований для содержательных выводов по этому вопросу: со всех сторон цистерну окружают стены средневековых построек, фундаменты которых заглублены до скалы, поэтому слой античного времени здесь прослеживается очень плохо. Вся ситуация в целом чрезвычайно характерна для Херсонеса: по большей части остатки античных домов, которым принадлежали цистерны и колодцы, погублены масштабным строительством последующих эпох. Единственным источником данных в этих условиях может быть только сама цистерна, а именно – форма емкости, ее объем, техника сооружения и отделки.

Возможности для типологического сравнения различных резервуаров Херсонеса потенциально достаточно широки, но практически, к сожалению, весьма ограничены. Основная причина кроется в том, что при большинстве раскопок не выполняются на должном уровне ни обмерные чертежи открытых цистерн, ни детальные описания техники их сооружения, ни тщательный анализ всего комплекса находок (по сопоставимым программам). Кстати, из-за этих упущений существенно страдает полнота знаний о любом из жилищно-архитектурных комплексов, включавших в свой состав цистерны. Поэтому при раскопках ново-открываемой цистерны (или колодца) важно уделить особое внимание безукоризненному выполнению и точности чертежей – двух разрезов и плана цистерны. Специальные приемы построения чертежей, конечно, могут быть подобраны только с учетом специфики конкретного памятника, но есть общие рекомендации, идущие от практики и помогающие справиться с некоторыми техническими трудностями. Так, отсчет высот в раскапываемой цистерне или колодце следует вести от поверхности скалы, а не от какой-либо точки каменной обкладки, окружающей обычно горловину. Обкладку эту следует после необходимой графической фиксации, по возможности, полностью удалять (для безопасного ведения процесса раскопок). Не лишне вбивать на уровне поверхности скалы металлический костьль-репер, чтобы получить строго фиксированную точку для требуемых измерений.

При выполнении обмерного чертежа крест-накрест поверх горловины цистерны натягивают две бечевки, ориентировав их по сторонам света. Это горизонтальные оси будущих разрезов. Из точек пересечения бечевок с краем горловины внутрь впускаются отвесы – вертикальные оси, по которым ведутся горизонтальные промеры боковой поверхности цистерны

для построения ее профильного сечения. Все промеры рельефа дна также ведутся от вертикальных осей-отвесов, с применением мерных линеек и уровня. Помимо двух разрезов, необходимо построить план цистерны, на котором нужно показать не только конструкцию ее горловины, но и очертания дна; а также, если есть необходимость, и развертку стен сооружения.

Даже после окончательной зачистки стен и дна цистерны, нельзя утверждать, что этим завершены ее раскопки. Весьма полезно учесть топографическое соседство цистерны (или колодца) с другими аналогичными сооружениями и выборочно зондировать обмазку ее стен для поиска возможных соединительных каналов. По широко распространенной в античности традиции, нашедшей отражение у Витрувия (*De arch.*, VIII.VI, 15) и Плиния Старшего (*Nat. hist.* XXXVI, LII, §173), рекомендовалось сооружать сразу несколько резервуаров, соединенных между собой – с тем, чтобы в первый из них поступала вода и там же оседала грязь, а из последующих можно было бы брать уже чистую воду. Такие «цепи» цистерн и колодцев особенно хорошо известны по раскопкам в Аттике и Коринфе [76, р. 10]. Очень характерно, что системы цистерн объединяли резервуары различной формы, причем самый первый из них – тот, в который поступала вода – всегда сооружался в виде конуса с широким основанием-дном (в точности, как цистерна, исследованная нами).

Базовая коническая форма цистерны, прием увеличения ее объема устройством дополнительных вырубов-ниш в скале, сооружение «отстойника» в центре дна, обмазка стен слоем извести и крупного песка с последующей трамбовкой – все это весьма характерно для общегреческой практики эпохи эллинизма. Наиболее выразительные образцы подобных сооружений известны в Афинах [77, р. 330, 345-346]. Хотя Витрувий и Плиний Старший отмечают только некоторые из этих деталей, наряду с характерным уже для римской эпохи применением «сигнийской работы» (цемянки) (*Plin., NH*, XXXV, §165; *Vitr., De arch.*, VIII. 14-7) – вне всякого сомнения, это все та же устоявшаяся и достаточно консервативная традиция сооружения цистерн, служащих для сбора воды.

В конкретном приложении к исследованной нами цистерне, сейчас невозможно определить, как она заполнялась – сюда могла отводиться дождевая вода с кровель или, что тоже вероятно, неподалеку могла проходить ветка водопровода из керамических труб, питающего этот район города. Очевиден лишь один факт – в ходе раскопок не удалось выявить какие-либо следы иного применения емкости – будь то для гончарного производства или же приготовления строительных растворов. Напротив, все особенности формы и отделки цистерны свидетельствуют, что она была резервуаром для хранения воды. Весьма значительный запас (не менее 14 м³) мог обеспечивать потребности в чистой питьевой воде как жарким летом, так и в холодное время года, включая период паводков.

Хотя назначение этой цистерны и удалось выяснить, обратившись дополнительно к информации письменных источников и аналогиям, вопрос о точной дате ее сооружения приходится оставить открытым. Не исключено, что продолжение работ в ХСVI квартале позволит нам в дальнейшем по-иному взглянуть на возможное место этой цистерны в системе античной планировки этого района города. С другой стороны, в том случае, если удастся полностью выявить и изучить все колодцы и цистерны ХСVI квартала, можно будет оценить их преемственность в снабжении жителей городского района водой – от эллинистического времени до позднего средневековья. Исследование цистерны в помещении 8, сохранившей весьма интересные античные материалы, – важный, но пока только первый шаг в этом направлении.

Источники и литература.

1. Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. Вып. 3. 1993. С. 4-135.
2. Айбабин А.И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первой половины VII вв. н.э. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в. н.э. К., 1987. С. 164-199.
3. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. 1990. С. 4-86.
4. Античные государства Северного Причерноморья. М. 1984. 392 с.
5. Блаватский В.Д. Харакс // МИА. Вып. 19. 1951. С. 321-335.
6. Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V-III вв. до н.э. Л. 1980. 268 с.
7. Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев. 1976. 158 с.

8. Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес и птолемеевский Египет в III веке до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Тезисы докладов VII международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 1994. С. 63-64.
9. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев. 1994. 207 с.
10. Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935-1938 гг. // МИА. № 25. 1952. С. 135-220.
11. Дашевская О.Д. Лепная керамика Неаполя Скифского и других скифских городищ Крыма // МИА. № 64. 1958. С. 248-271.
12. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. № 83. 1960. 136 с.
13. Золотарев М.И. Херсонесская архаика. Севастополь. 1993. 98 с.
14. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1991 г. // Архив НЗХТ. Д. 3079.
15. Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. Киев. 1982. 142 с.
16. Зубарь В.М., Иевлев ММ., Чепак В.Н. Западный некрополь Херсонеса Таврического (раскопки 1982 г.). Препр. Киев. 1990. 45 с.
17. Кабакчиева Г. Типология и хронология на глиниете червенолакови паници от Тракия (I-IV вв.) // Археология. София. 1983. Кн. 4. С. 1-12.
18. Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I-V вв. н.э. Харьков. 1970. 164 с.
19. Каменецкий И.С. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса // Античные древности Подонья-Приазовья. М. 1969. С. 136-172.
20. Каменецкий И.С. К теории слоя // Статистика-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 83-94.
21. Каменецкий И.С. Городища донских меотов: Вопросы датировки. М. 1993. 176 с.
22. Кастанаян Е.Г. Лепная керамика Боспорских городов. Л. 1981. 176 с.
23. Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического: (каталог-определитель). Саратов. 1994. 166 с.
24. Книпович Т.Н. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935-1940 гг. // МИА. 1952. №25. С. 289-326.
25. Коробков Д.Ю. О методике археологического описания амфорных находок // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины: (Тезисы докладов). Харьков, 1995. С. 64-65.
26. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. К., 1993. 184 с.
27. Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV-II вв. до н.э. (Опыт системного анализа). Саратов, 1989.
28. Монахов С.Ю. Динамика форм и стандартов синопских амфор // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 163-204.
29. Рыжков С.Г. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1978 г. // Архив НЗХТ. Д. 2133.
30. Рыжков С.Г. Керамический комплекс III-IV вв. н.э. из Северо-Восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. Киев, 1986. С. 130-139.
31. Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. из Северо-Восточного района Херсонеса // МАИ-ЭТ. 1991. Вып. II. С. 60-72, 252-265.
32. Силантьева Т.Н. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 1958. №85. С. 283-311.
33. Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. МИА. №178. 1971. 273 с.
34. Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. 128 с.
35. Сорокина Н.П. Стекло из раскопок Пантикея 1945-1959 гг. // МИА. №103. 1962. С. 210-236.
36. Сорокина Н. Т. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмуторакани. М., 1963. С. 234-174.
37. Сорокина Н.П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. №4. С. 85-102.
38. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. 164 с.
39. Goethert-Polaschek. Katalog der romischen Glciser des Rheinischen Landesmuseums. Trier. Meinz am Rhein, 1977. 352 s., 81 taf.
40. Edwards G.R. Corinthian Hellenistic Pottery. Corinth. Vol. VII. Part III. Princeton, 1975. 341 p.
41. Mitsopoulos-Leon V. Die Basilika am Staatsmarkt im Ephesos. Kleinfunde. Teil I. Keramik der hellenistischer und römischen Zeit // Forschungen in Ephesos. Band IX. 2/2. 160 s.
42. Riley J. Coarse pottery // Excavations at Sidi Khreish Benghazi (Berenice). Tripoli. 1979. Vol. 2. P. 112-236.
43. Robinson H.S. Pottery of Roman Period // The Athenian Agora. Princeton, 1959. 149 p, 76 pl.
44. Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery // The Athenian Agora. Vol. XII. Part 2. Princeton. 1970. 472 p.
45. Smalz B. Kaunas 1988-1994 // Archäologischer Anzeiger. 1994. Heft. 2.
46. Thompson H.A. Two Centuries of Hellenistic Pottery // Hesperia. III. 1934. P. 345-369.

Сокращения.

НЗХТ –	Национальный заповедник „Херсонес Таврический”.
МАИЭТ –	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР.
ХСб. –	Херсонесский сборник.

Приложение 1.**ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦВЕТА ГРУНТА* ЗАПОЛНЕНИЯ ЦИСТЕРНЫ ПО ГЛУБИНАМ И ГОРИЗОНТАМ**

№№ п/п	Глуби- на (м)	Характер грунта и включений	Цвет
I	0,00- 1,70	рыхлый, с отесанным крупным и мелким камнем, отесом и керамикой	5 Y 4/2 оливково-серый
II	1,70- 2,00		
III	2,00- 2,30	рыхлый с крупным и мелким бутовым камнем у стен цистерны и керамикой	2,5 Y 5/3 светло-оливково-коричневый
IV	2,30- 2,60		
V	2,60- 2,90	плотный, камней значительно меньше, керамика	2,5 Y 4/2 темно-серовато-коричневый, при высыхании – 2,5 Y 6/2 (светло-коричнево-серый)
VI	2,90- 3,30		
VII	3,30- 3,60		
VIII	3,60- 3,75	однородная плотная глина и керамика	5 Y 4/1 (темно-серый), при высыхании -6/2 (серый)
IX	3,75- 3,90		

*Munsell. Soil color charts. New York. 1992.

Приложение 2.**СОСТАВ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ИЗ ЗАПОЛНЕНИЯ ЦИСТЕРНЫ**

№№ пп	Типы керами- ки	Профильных частей	Стенок	Всего	%
1	Амфоры	957	1550	2507	41,5
2	Краснолаковая керамика	1234	1040	2274	37,6
3	Простая столовая посуда	264	102	366	6,1
4	Чернолаковая керамика	98	30	128	2,1
5	Кухонная гончарная посуда	294	40	334	5,5
6	Лепная посуда	203	90	293	4,9
7	Светильники и грузила	33	-	33	0,5
8	Черепица	106	-	106	1,8
	Всего:	3189	2852	6041	100

Приложение 3.

УКАЗАТЕЛЬ ХАРАКТЕРИСТИК ФРАГМЕНТОВ КРОВЕЛЬНОЙ ЧЕРЕПИЦЫ (СМ. РИС. 4)

№ № пп	Определение образца	Обозначение типа по рабочей классификации	Период	Цвет глины	Фактура	Включения (1-единично, 3-равномерно, 5-насыщенно)	№ рисунка в таблице	№ рисунка в описи	Глубина (горизонт) в цистерне
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Калиптер, борт. Гераклея	тип 1	Б	7,5 YR 7/6 "красновато-желтый"	комковатая	шамот 1 авгит 3 мергель 5	41	26	III
2	Калиптер, угол. Синопа	тип 2	Б	5 YR 7/3 "розовый"	мелко-зернистая	авгит 3 мел 1	42	3	III
3	Калиптер, борт. Херсонес или Синопа?	тип 3	Г-Д	5 YR 6/6 "красновато-желтый"	мелко-зернистая	авгит 3 мел 5 крупный песок 3	43	5	III
4	Калиптер, борт. Херсонес?	тип 3а	Г-Д?	5 YR 6/8 "красновато-желтый"	мелко-зернистая с разрывами	шамот 3 ракушка 3	44	34	III
5	солен типа "лаконика", борт	тип 4	Д-Е	7,5 YR 6,3-6,1 "светлый коричневато-серый"	плотная с разрывами	авгит 1 мергель 1	45	6	III
6	Калиптер, нижний конец	тип 5	Г-Д	2,5 YR 6/5 "бледный-красный"	мелко-зернистая с разрывами	мергель 1 (диффузно)	46	10	III
7	Солен, угол с длинным внешним вертикальным подрезом фальца. Херсонес?	тип 6	Г-Д	5 YR 6/8 "красновато-желтая"	мелко-зернистая	шамот 1 известь 1 (комками) мергель 5 (диффузно)	50	16	II
8	Солен, угол с бортиком, поникающимся к краю	тип 7	Г-Д?	5 YR 6/6 "красновато-желтый"	комковатая	шамот 3 мел 3 железистые включения 3 плагиоклаз 1	51	35	IX
9	Солен, угол. Плавное сужение черепицы книзу, тонкий вертикальный борт с желобком у основания	тип 8	Г-Д	10 YR 8/4 "очень бледный коричневый"	плотная с разрывами	шамот 1 авгит 1 железистые включения 1	48	13	II

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
10	Солен, угол. Слив, с боковым нижним подтесом	тип 9	В-Г?	5 YR 6/8 "красно- вато- желтый"	мелко- зерни- стаяс комка- ми и раз- рывами	шамот 3 каль- цит 3 мергель 1	52	14	II
11	Солен, борт. Хер- сонес?	тип 9а	В-Г?	2,5 YR 7/6 "светлый красный"	плот- ная	авгит 1 кварцевый песок 5 мел 3	53	20	IV
12	Солен, борт. Си- нопа.	тип 10	Б	5 YR 7/3 "розовый"	мелко- зерни- стая	авгит 3 мел 1	47	27	VII
13	Солен, борт. Си- нопа.	тип 10	Б	2,5 YR 6/3-6/4 "слабый красный"		авгит 3 мел 1	39	15	II
14	Солен, борт	тип 11	Г-Д?	5 YR 6/3 "светлый красновато- коричне- вый"	комко- ватая	пироксен 5 ракушка 1 железистые включения 5	49	18	II
15	Солен, борт	тип 11	Г-Д	10 YR 6/14 "светлый желтовато- коричне- вый"	комко- ватая	пироксен 3 авгит 3 мел 1 кварцевый песок 1	55	33	VII
16	Солен, по- перечный борт, с за- цепом. Час- тично обожжен в серо- черный цвет. Ге- раклея.	тип 12	Б	10 YR 7/4 "очень бледный коричне- вый"	мелко- зерни- стая	шамот 1 кальцит 3 мел 1	40	25	V
17	Солен, борт	тип 13	Д-Е?	5 YR 6/6 "красно- вато- коричне- вый"	плот- ная	шамот 1 авгит 1 ракушка 3 железистые включения 1	54	30	IV

Приложение 4.

УКАЗАТЕЛЬ ХАРАКТЕРИСТИК АМФОР ПЕРИОДОВ А-В (СМ. РИС. 4).

№ рисунка в таб- лице	Центр произ- водства или тип (по Зеест)	Пе- риод син- хрони- зации	Публикация (или иное обосно- вание)	№ рисунка в описи	D, см (для венца)	Глубина в цистерне
1	2	3	4	5	6	7
1	Хиос	А	Абрамов, 2.9	711	10	VII
2	Хиос	Б	Абрамов, 3.2	214	12	IV
3	круг фасосских	Б	по составу глин	218	неопр.	IV
4	Менда	А	Абрамов, 2. 92	709	10	VII
5	круг фасосских	Б	по составу глины	646	12	VII
6	Фасос	Б	Абрамов, 3.6	25	8	V
7	Фасос	Б	Абрамов, 3.6	661	12	VII
8	Солоха I	Б	Абрамов, 3.34	701	14	VII
9	Фасос	Б	Абрамов, 3.6+3.	93г.-10	12	I
10	типа 23а (по Зеест)	А	Абрамов, 2.8	303	18	IV
11	Солоха II	Б	Абрамов, 3.39-3.40	596	11	VII
12	Гераклея	Б	Абрамов, 3.21	93г.-№2	12	I
13	Синопа	Б	Монахов, 92г табл. 127.4	96	10	III
14	Синопа (или Херсонес?)	Б	по составу глины	224	12	IV
15	Херсонес	Б	Монахов, 89г табл. XX, 27, т.3	451	8	V
16	Херсонес	Б	Монахов, 89г табл. XX, 61, т.3	454	12	VI
17	Родос	В	Абрамов, 4.10+4.12	368	10	V
18	Хиос	А	Абрамов, 2. 1	93г.-№8	6	I
19	Хиос	А	по форме выемки и составу глины	93г.-№6		I
20	Хиос	А-Б	Зеест, тип 1	361		V
21	Хиос	Б	Абрамов, 3.4	600		VII
22	Хиос	Б	Абрамов, 3.4	931.-№7		I
23	Менда	А	Абрамов, 2. 87	931.-№6		I
24	круг фасосских	А	Абрамов, 2.82	210		IV
25	круг фасосских	А	Абрамов, 2. 84	211		IV
26	Фасос	Б	Абрамов, 3.8	213		IV
27	Солоха II	Б	Зеест, т. 35	462		VI
28	Херсонес	Б	Монахов, 89г. табл. 1,3	93г.-№И		I
29	Херсонес?	Б	Абрамов, 3.57	116		III
30	Гераклея	Б	Абрамов, 3.29	22		II
31	Пантикопей?	Б	Зеест, тип 34	117		III

1	2	3	4	5	6	7
32	Синопа	Б	Абрамов, 3.44	233		IV
33	Синопа	Б-В	по цвету и составу глины	292		IV
34	Херсонес	Б	Абрамов, 3.59	93г.-№13		I
35	Херсонес	Б	Абрамов, 3.59	377		V
36	Херсонес	Б	Абрамов, 3.59	542		VI
37	неустановленный центр (Боспор?)	Д-Е	Ср. также; Абрамов, 3.52	670		VII
38	Фасос	Б	Абрамов, 3.6, т. IIб	УА	10	II-VI

Приложение 5.

УКАЗАТЕЛЬ ХАРАКТЕРИСТИК ФРАГМЕНТОВ ПРОФИЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ АМФОР ПЕРИОДОВ Г-Е, Н (СМ. РИС. 5).

№№ пп	Обозначение типа	peri- од	Основание для определения	№ рисунка в описи	D, см (для венца)	Глуби- на в цистер- не
1	2	3	4	5	6	7
1	Широкогорлые, светлоглиняные	Г	Зеест, тип 65-В	141	12	III
2	Узкогорлые, светлоглиняные	Г-Д	Шелов, тип "В"	33	5	II
3	Узкогорлые, светлоглиняные	Г-Д	Шелов, тип "В"	672	8	VII
4	Широкогорлые, светлоглиняные	Г	Шелов, тип "А"(?)	93г.-№39	10	I
5	Широкогорлые, светлоглиняные	Г	Шелов, тип "А", Крапивина, рис. 29,2	683	8	VII
6	Красноглиняные с белым ангобом (далее КГБА)	Д	Абрамов, 6, 14; Зеест, рис. 73в	150	10	III
7	КГБА	Д	Зеест, рис. 726	93г.-№55	14	I
8	КГБА	Д-Е?	Ср. Крапивина, рис. 29,44 (тип 27)	93г.-№56	20	I
9	КГБА	Д	Зеест, рис. 726	93г.-№ 79	11	I
10	КГБА	Д-Е	Крапивина, т. 27	75	14	II
11	КГБА	Д-Е	Крапивина, тип 20; Зеест, рис. 73 в, е, ж.	77	8	II
12	КГБА	Д-Е?	Крапивина тип 20	79	12	II
13	КГБА	Д	Зеест, рис. 73	735	неопр	VIII
14	Красноглиняные (далее – КГ), с трехгранными венцами	Д	Зеест, рис. 74	685	12	VII

1	2	3	4	5	6	7
15	КГ со сложно-профицированными ручками	Д	Крапивина тип 31; Зеест, тип 75	622	14	VII
16	КГ узкогорлые с высокими ручками	Е	Крапивина, тип 9; Зеест, тип 79	270	8	IV
17	КГБА	Е	Крапивина, тип 26	793	неопр	VIII
18	КГ широкогорлые	Д	Крапивина, тип 31	275	16	IV
19	КГ корчага?	Д-Е	Ср. Крапивина, рис. 30, 27	394	12	V
20	КГ с венцом-воротничком (сирио-палестинские)	Д-Е	Riley, p. 26, type I-A	83	12	II
21	Колхидские	Е	Абрамов, 7, 24?	84	9	II
22	С воронковидным горлом, светлоглиняные	Д-Е	Зеест, тип 90; Абрамов, 6, 39	82	12	II
23	То же	Е?	Зеест, тип 90; Абрамов, 7, 18?	93г.- №133	12	I
24	Фанагорийские	Д	Зеест, рис. 86г	655	10	VII
25	Розовоглиняные (фанагорийские?)	Д	Зеест, рис. 85	774	14	VIII
26	Кувшин красноглиняный	Е-Д	Крапивина, рис. 63, 4	640	10	VII
27	типа М273 (Афинская Агора)	Д-Е	Абрамов, 7.27-7.28	IA	14	V-VII
28	КГБА, с шипообразными ручками	Г	Крапивина, тип 8, рис. 29, 14	II A		VIII
29	Кувшин красноглиняный	Е	См. текст	III A	10	IX
30	"Делакеу"	Д	Зеест, тип 100	IVA	10	IV
50	С рифлением типа "набегающей волны"	Е	Якобсон, тип 9	264		V
51	Узкогорлые (далее – УГ) светлоглиняные	Е	Шелов, тип Д-Е	40		I
52	УГ красноглиняные	Д	Шелов, тип Д	681		VII
53	УГ светлоглиняные		Шелов, тип А	143		II
54	УГ светлоглиняные	Е	Шелов, тип F	41		I
55	УГ светлоглиняные	Д	Шелов, тип С	42		II
56	УГ светлоглиняные	Е	Шелов, тип F	677		VII
57	УГ красноглиняные	Г	Шелов, тип А	250		IV
58	Кувшин или малая амфора	Д-Е	Крапивина, рис. 65.10	49		II
59	То же	Д-Е	То же	46		II
60	Херсонесские	В	Абрамов, 4, 20	189		III
61	С желудевидной ножкой	В	Зеест, тип 67	191		III
62	КГБА неустановл. тип	Д?-Е	глина, ангоб	91		II

1	2	3	4	5	6	7
63	КГБА	Е	Крапивина, тип 25	815		IX
64	КГБА (с воронковидным горлом)	Д-Е	форма ножки	800		VIII
65	Розовоглиняные	Д-Е	Крапивина, тип 30	93г.-№54		I
66	Колхидские	Д?	Форма ножки	779		VIII
67	Колхидские	Г	Абрамов, 7.34	93г.-№124		I
68	КГБА	Д	Крапивина, тип 27	564		VII
69	Светлоглиняные с воронковидным горлом	Д-Е	Абрамов, 7.29	93г.-№117		I
70	КГ с массивным донцем	Д	Крапивина тип 31 , Зеест, 75	93г.-№130		I
71	КГ неустановленного типа	Д?	Зеест, тип 83в?	54		VII
72	КГ с высокими ручками	Е	Абрамов, 7.15, Зеест, тип 79	548		VII
73	Косские?	Г	Абрамов, 5.6	93г.-№127		I

Приложение 6.

**СООТНОШЕНИЕ ПРОФИЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ АМФОР РАЗЛИЧНЫХ ПЕРИОДОВ ПО ГЛУБИНАМ
(Σ ВДР НА КАЖДОМ УРОВНЕ = 100%)**

период глубина	А	Б	В	Г	Д	Е	Н
I	1,4	31,9	0	1,5	36,3	28,9	0
II	0	38,3	0	0	35,1	22,3	4,3
II	0	41,2	0,9	2,6	27,3	17,5	10,5
IV	0,8	41,2	0	0,8	20,6	27,5	9,1
V	0	59,5	0,8	0	23	11,1	5,6
VI	0	80,7	1,1	0	9,2	4,5	4,5
VII	2,3	36,3	0,6	0,6	29,2	21,6	9,4
VIII	0	14,9	2,3	1,2	56,3	21,8	3,5
IX	0	20	0	0	60	6,7	13,3

Приложение 7.

**ДОЛЕВОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АМФОР РАЗЛИЧНЫХ ПЕРИОДОВ ПО ГЛУБИНАМ
(Σ ВДР ДЛЯ КАЖДОГО ПЕРИОДА = 100%)**

глубина период	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
А	28,6	-	-	14,3	-	-	57,1	-	-
Б	10,6	8,9	11,6	13,4	18,7	17,6	15,3	3,2	0,7
В	-	-	16,7	-	16,7	16,7	16,7	33,2	-
Г	22,2	-	33,3	11,1	-	-	11,1	22,7	-
Д	17,4	11,3	11,6	9,6	9,9	2,7	17,4	17,1	3,1
Е	32	9	9	13,9	5,7	1,6	20,5	7,4	0,8
Н	-	6,7	20	20	11,7	6,7	26,6	5	3,3

Приложение 8.

**ВСТРЕЧАЕМОСТЬ ФРАГМЕНТОВ СТЕНОК ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ АМФОР
В ЗАСЫПИ ЦИСТЕРНЫ (ПО ГЛУБИНАМ)**

глубина типа амфор	I	II-III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	всего
тип 79, по Зеест	-	25	5	1	2	13	14	7	67
тип 95, по Зеест	-	3	-	-	-	-	-	-	3
тип 98, по Зеест	-	1	-	-	-	-	-	-	1
тип 100, по Зеест	5	24	3	4	2	52	11	-	101
с рифлением типа "на- бегающей волны"	-	1	-	-	-	-	-	-	-
коричневоглиняных, с гребенчатым рифлением (Газа)		4					2	3	9
тип 103, по Зеест	-	20	3	-	1	-	-	-	24

Приложение 9.

**Индекс-указатель диаметров профильных частей бытовых сосудов
(№ рисунка в таблице, D в см)**

I. КУХОННАЯ ГОНЧАРНАЯ И ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА (РИС.7).				
№1 - D 18	№12- D 26	№22- D 18	№33- D 26	№49- D 13,4
№2- D 14	№13- D 26	№23- D 24	№34- D 24	№54- D 30
№3- D 24	№14- D 12	№24- D 15	№35- D 25	№55- D 34
№5- D 25	№15- D 34	№25- D 12	№41- D 19	№56- D 24
№6- D 23	№16- D 18	№26- D 14	№42- D 14	№57- D 20
№7- D 36	№17- D 12	№27- D 20	№43- D 19	№58- D 36
№8- D 34	№18- D 18	№28- D 14	№44- D 16	№59- D 27
№9- D 24	№19- D 28	№29- D 12	№45- D неопр.	№60- D 21
№10- D 20	№20- D 10	№31- D 20	№46- D 14	
№11- D 18	№21- D 20	№32- D 14	№47- D 16	
II. Днища краснолаковых блюд (рис. 9б)				
№63- D 16		№64- D 14		№65- D 6,5
III.Столовая посуда (рис. 10)				
№23- D 27	№26- D 16	№51- D 10	№58- D 4,5	№72- D 6
№24- D 26	№31- D 12	№53- D 18	№63- D 8	
№25- D 18	№50- D 9	№54- D 16	№69- D 14	

Приложение 10.

**ВСТРЕЧАЕМОСТЬ ПРОФИЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ СТОЛОВОЙ ПОСУДЫ В
ЗАСЫПИ ЦИСТЕРНЫ ПО ГЛУБИНАМ**

Глубина	Количество профильных частей*								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
I	286	23	85	39	8	3		336	21
II	215	17,4	88	9	15	2	3	244	15,3
III	216	17,5	78	30	20	7	3	276	17,3
IV	103	8,3	75,7	29	1	1	2	136	8,5
V	62	5	55,5	20	15	6	8	111	7
VI	70	5,7	48	28	31	9	8	146	9,1
VII	117	9,5	72,2	27	7	5	5	161	10
VIII	88	7,1	82,8	4	-	1	-	93	5,8
IX	77	6,2	82,8	15	1		-	93	5,8
Всего	1234	77,3	-	201	98	34	29	1596	-
Всего %			-	12,6	6,1	2,1	1,8	100	100

- 1 – Краснолаковая керамика.
 2 – % от общего числа профильных фрагментов.
 3 – % от общего числа профильных фрагментов столовой посуды в слое.
 4 – Простая столовая посуда.
 5 – Чернолаковая и краснофигурная расписная керамика.
 6 – Сероглиняная керамика с черным покрытием.
 7 – Ионийская расписная керамика.
 8 – Общее количество фрагментов в слое.
 9 – % от общего числа профильных частей столовой посуды.

Приложение 11.**Соотношение находок профильных частей краснолаковой керамики по типам**

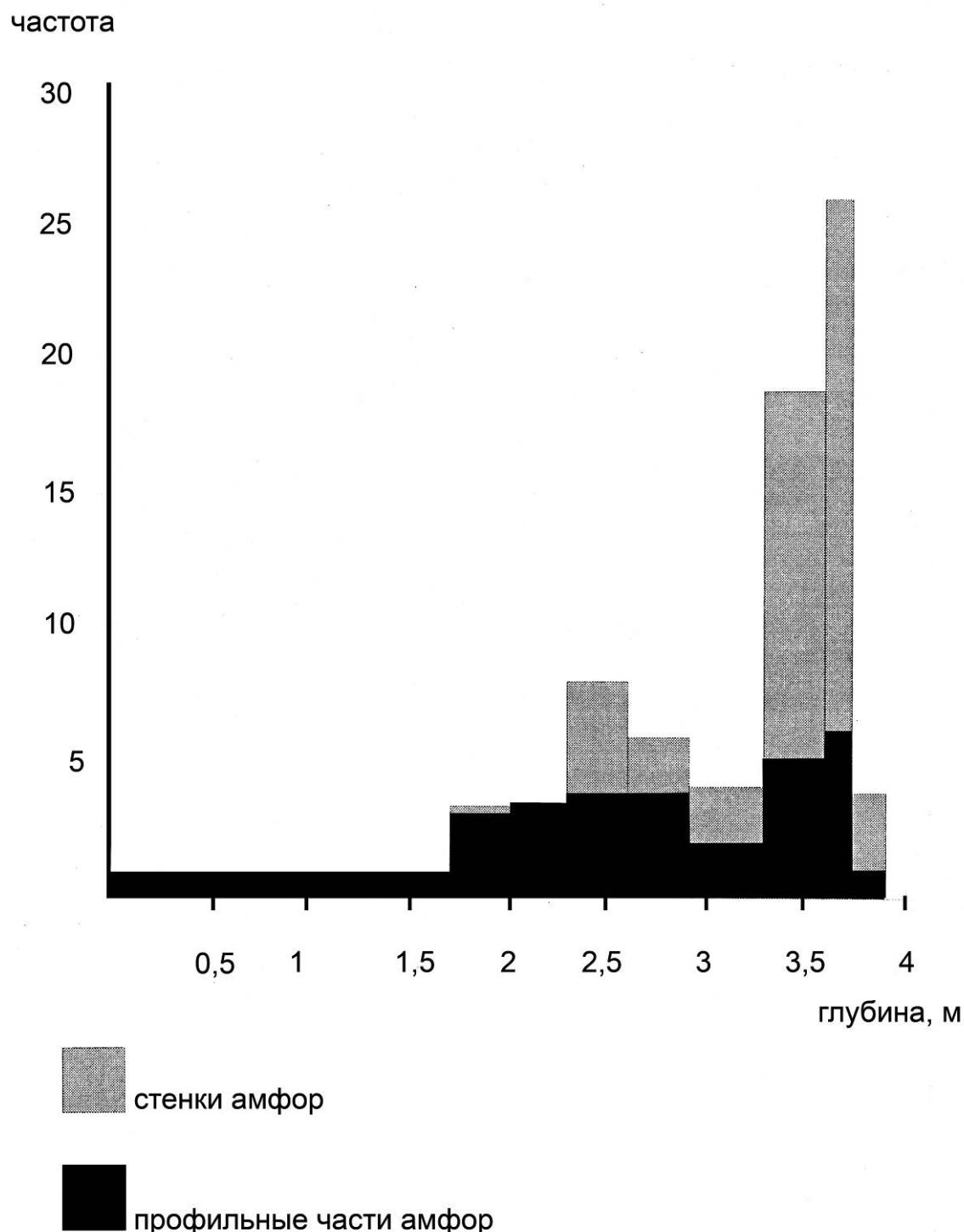
Тип	Количество	%	Из них бракованных
<u>Открытые сосуды</u>			
I	258	22,24	77
II	6	0,52	
III	2	0,17	
IV	3	0,26	
V	5	0,43	
VI	24	2,07	
VII	32	2,76	
VIII	164	14,14	64
IX	2	0,17	
X	17	1,47	3
XI	5	0,43	
XII	4	0,34	
XIII	3	0,26	
XIV	71	6,12	
Всего	596	51,38	144
<u>Закрытые сосуды</u>			
I	37	3,19	
II	150	12,93	11
III	1	0,09	
IV	3	0,26	
V	1	0,09	
Всего	192	16,56	11
<u>Днища</u>			
I. Миски и чашки на кольцевом поддоне	225	19,40	88
II. Миски и чашки плоскодонные	14	1,21	
III. Блюда	89	7,67	16
IV. Закрытые сосуды	44	3,79	
Всего	372	32,07	104
Итого	1160	100	259
Неопределяемые обломки профильных частей – 74			

Приложение 12.

ОПИСЬ МОНЕТ ИЗ РАСКОПОК ЦИСТЕРНЫ В ПОМЕЩЕНИИ 8 (СОСТАВЛЕНА Е. М. КОЧЕТКОВОЙ)

№ № пп	Описание монеты	Ме- талл	Раз- мер	Сохранность	Место находки	Анало- гии	Поле- вой №
1	Л. С. – стерта. О. С. – X[EP]. Рыба и палица вправо. Дилемтон, Херсонес, 2 четверть IV в. до н.э.	Медь	16	Сохранность очень плохая. Мин-на. Поверхности стерты, расслаивается.	Пом. 8, цистерна, глубина 1,70-2,00	Анохин В. А., МДХ, №9-12.	п. №1
2	Минерализована. Л. С. и О. С. стерты, не атрибутируется.	Медь	23	Сохранность очень плохая. Мин-на. Трецина. Расслаивается. Поверхности стерты, изъедена.	Пом. 8, цистерна, глубина 2,00-2,30		п. №2
3	Л. С. – голова быка в фас, украшенная гирляндой. О. С. – X[EP]. Рыба и палица вправо. Дилемтон, Херсонес, 2 четверть IV в. до н.э.	Медь	11	Плохая. Около 1/2 поверхности монеты изъедены.	Пом. 8, цистерна, глубина 2,00-2,30	Анохин В. А., МДХ, №9-12.	п. №3
4	Л. С. – XEP CONHCOY. Гигией в рост вправо, в правой руке змея, в левой чаша. О. С. – [EL]EY[ΘΕΡΑС] Асклепий в рост. Трессис, Херсонес, вып. ок. 212-222 гг.	Медь	20	Плохая. Края обломаны, об. с. – поверхность изъедена, стерта. Изображение едва прослеживается.	Пом. 8, цистерна, глубина 2,00-2,30	Анохин В. А., МДХ, №291.	п. №4
5	Л. С. – голова в лавровом венке вправо (Аполлон). О. С. – Якорь, рак и буква А. Аполлония, автономная ок. 450-300 гг. до н.э.	Медь	9	Плохая. Поверхности стерты	Пом. 8, цистерна, глубина 2,30-2,60	Н.А. Мушмовъ. Античните монети на Балканския полуостров монетить на българският цар – София, 1912.- с.174, №3154, табл. XVI, 11.	п. №5
6	Л. С. – [EL]EY[ΘΕΡΑС]. Бюст божества Херсонас вправо, [справа лира]. О. С. – [X]EPCO[NHC]. Дева в рост, справа лань. Тетраскарий, Херсонес, вып. 222-235 гг.	Медь		Плохая. Поверхности стерты. Изъедена. Края сильно обломаны.	Пом. 8, цистерна, глубина 2,30-2,60	Анохин В. А., МДХ, №297-301.	п. №6
7	Л. С. – [XEP]. Асклепий в рост, под правой рукой жезл, обвитый змеей. О. С. – стерта. Трессис, Херсонес, вып. ок. 180-192 гг.	Медь	20	Плохая. Поверхности стерты. Изображение едва прослеживается.	Пом. 8, цистерна, глубина 2,30-2,60	Анохин В. А., МДХ, №277-279.	п. №7

ПЛОТНОСТЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ АМФОРНЫХ НАХОДОК ПО ГЛУБИНАМ

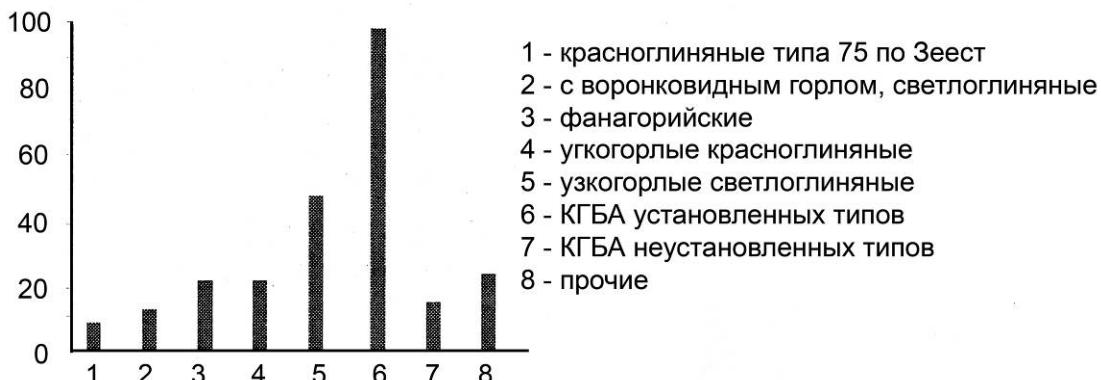
**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ФРАГМЕНТОВ ПРОФИЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ АМФОР
ПО КЛАССИФИКАЦИОННЫМ ТИПАМ**

$\Sigma_{вдр}=368$

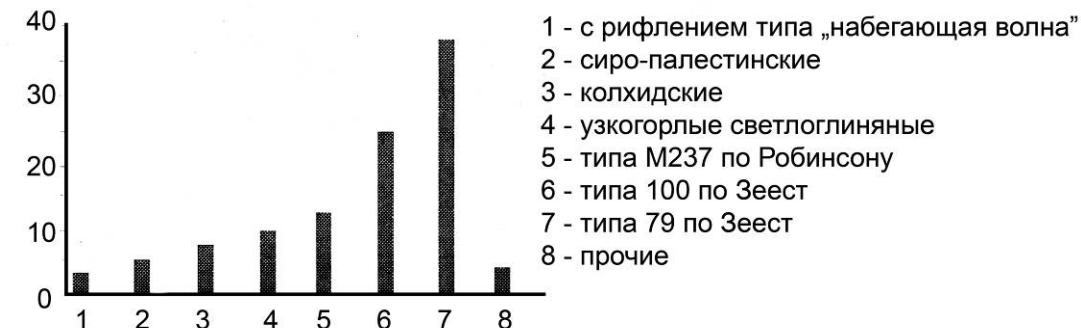
Для периода Б

$\Sigma_{вдр}=256$

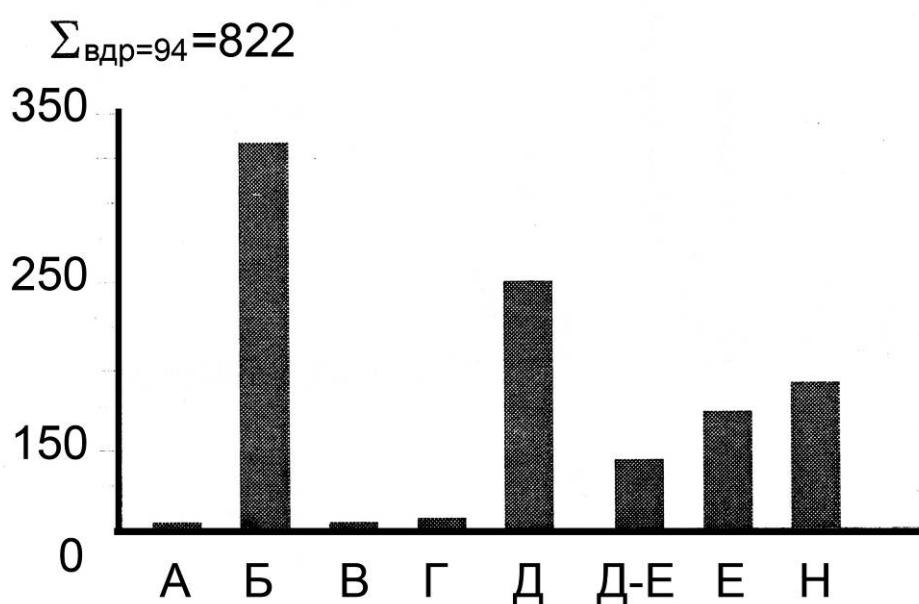
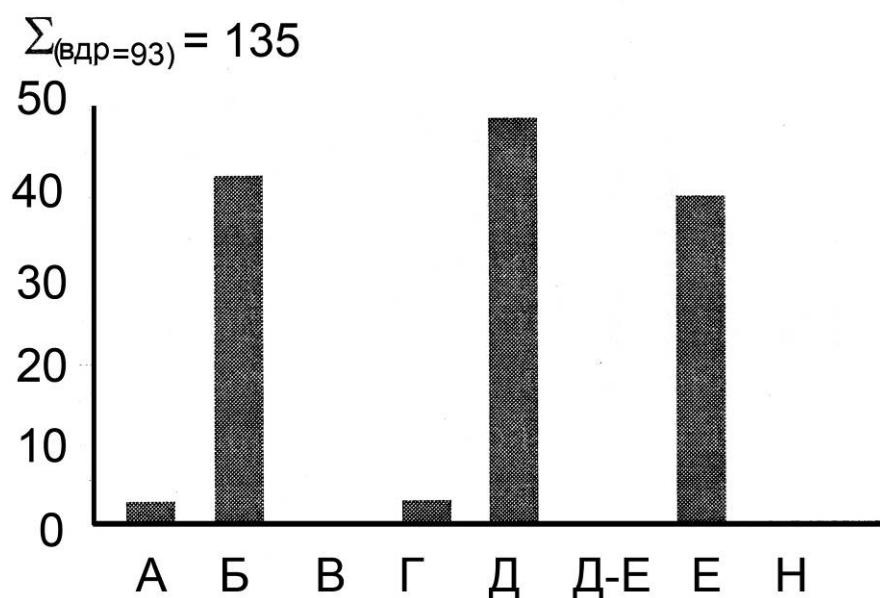
Для периода Д

$\Sigma_{вдр}=95$

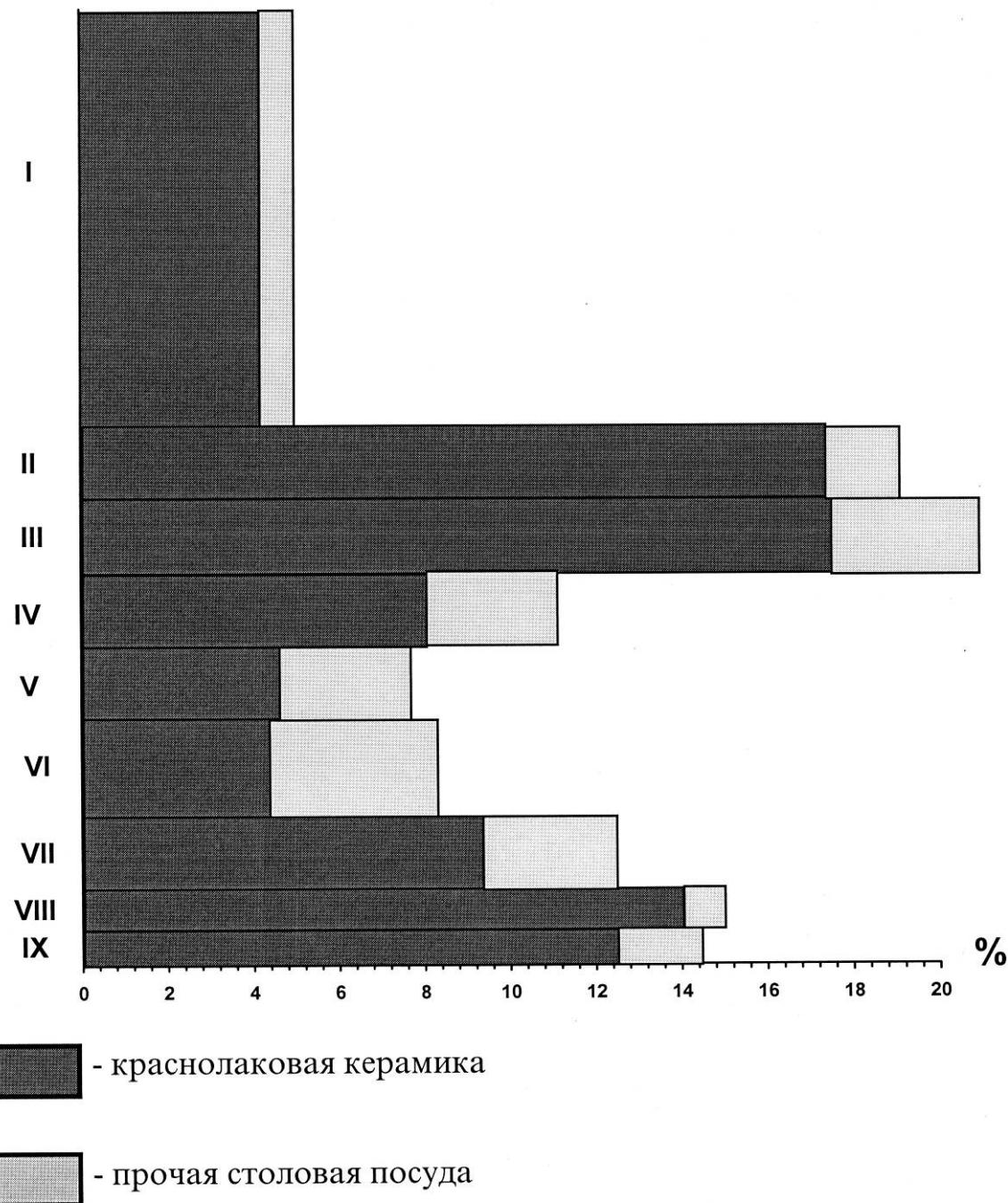

Для периода Е

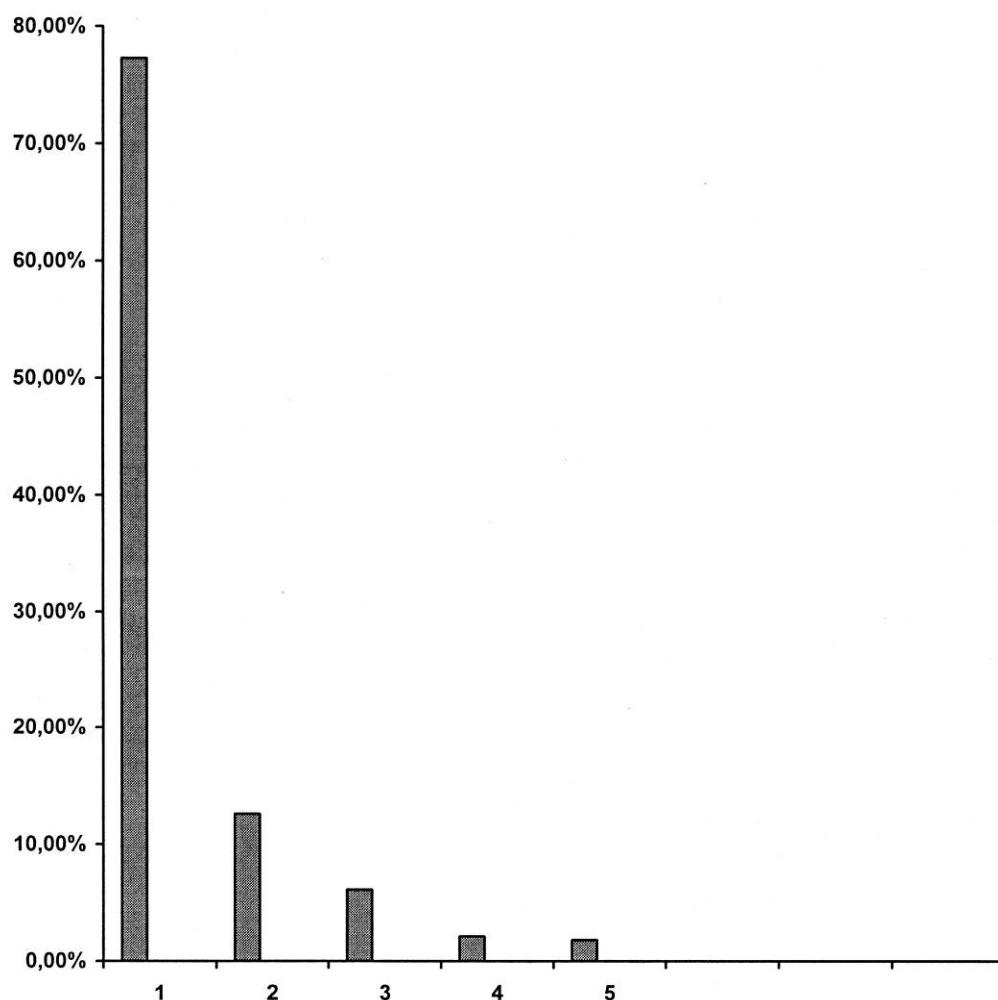
**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ФРАГМЕНТОВ ПРОФИЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ АМФОР
ПО ХРОНОЛОГИЧЕСКИМ ПЕРИОДАМ**

**ПЛОТНОСТЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОФИЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ СТОЛОВОЙ ПОСУДЫ
ПО ГОРИЗОНТАМ (В ПРОЦЕНТАХ)**

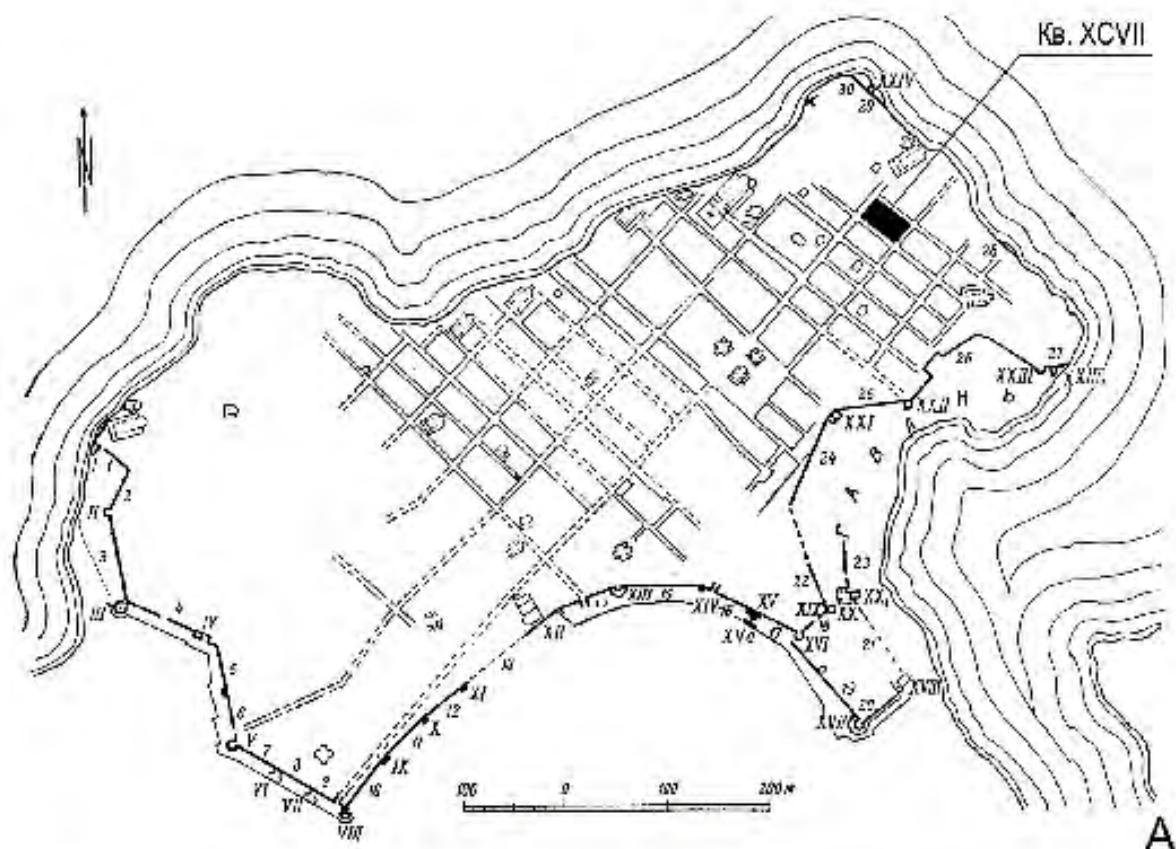
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОФИЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ СТОЛОВОЙ ПОСУДЫ ПО КАТЕГОРИЯМ

- 1 - краснолаковая посуда
- 2 - простая столовая посуда
- 3 - чернолаковая посуда
- 4 - сероглиняная керамика с черным покрытием
- 5 - ионийская керамика

КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА: ТИПЫ И ДАТИРОВКА

типы	даты				
	I до н.э.	I в.	II в.	III в.	IV в.
Открытые сосуды					
I		—	—	—	—
II			—	—	—
III		—	—	—	—
IV	—	—	—	—	—
V	—	—	—	—	—
VI	—	—	—	—	—
VII	—	—	—	—	—
VIII		—	—	—	—
IX	—	—	—	—	—
X	—	—	—	—	—
XI		—	—	—	—
XII		—	—	—	—
XIII		—	—	—	—
XIV		—	—	—	—
Закрытые сосуды					
I		—	—	—	—
II	—	—	—	—	—
III	—	—	—	—	—
IV	—	—	—	—	—
V	—	—	—	—	—

А

Б

Рис. 1. А. План Херсонесского городища с обозначением исследуемого квартала.
Б. Аэрофото Северо-восточного района Херсонеса с обозначением квартала XCVII

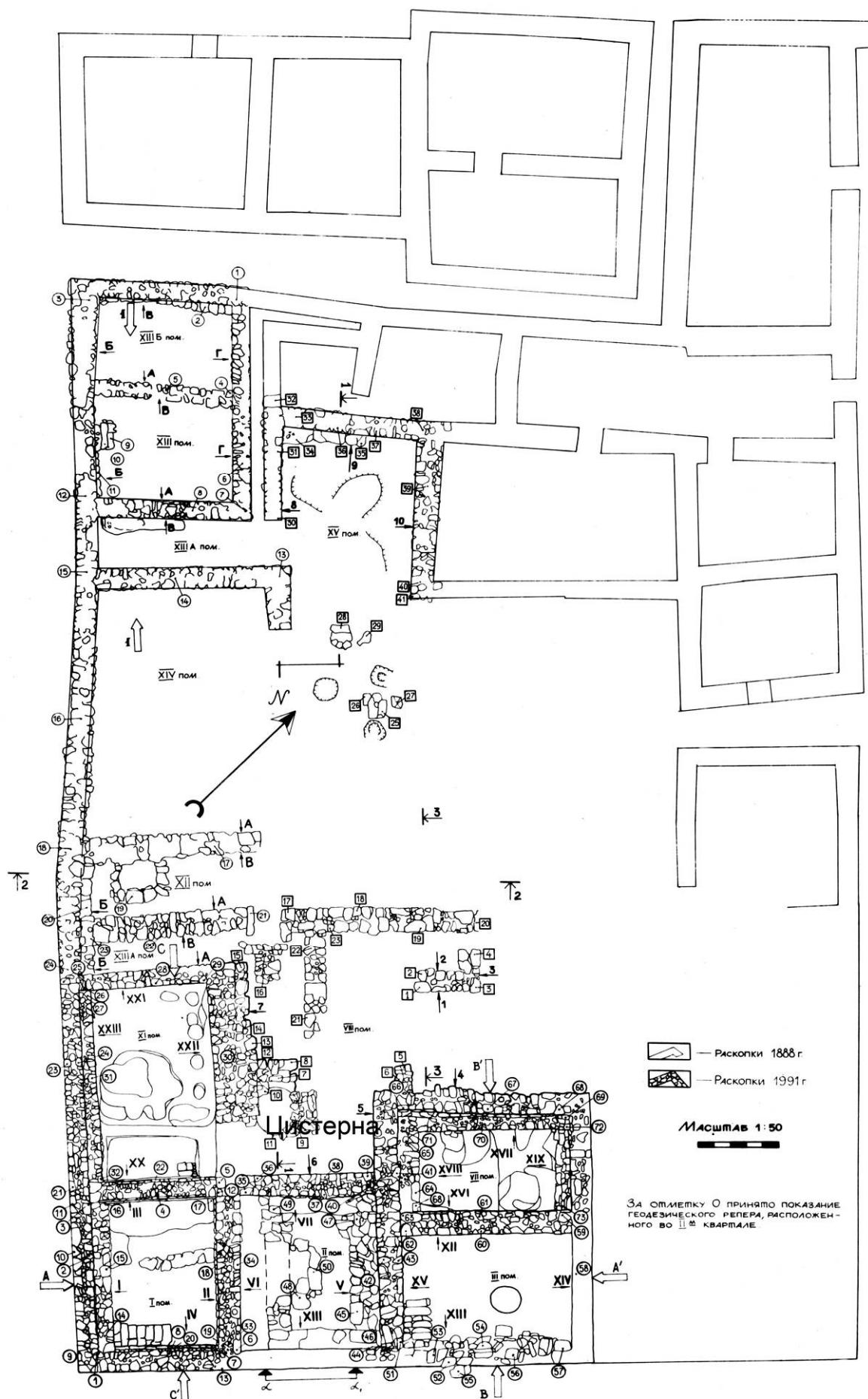

Рис. 2. Общий план квартала ХСVI (ХСVII) по раскопкам 1991-1994 гг.

Херсонес, 1994 г.
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ Р-Н. КВАРТАЛ ХСVI.
ПЛАН И РАЗРЕЗЫ ЦИСТЕРНЫ В ПОМ. 8

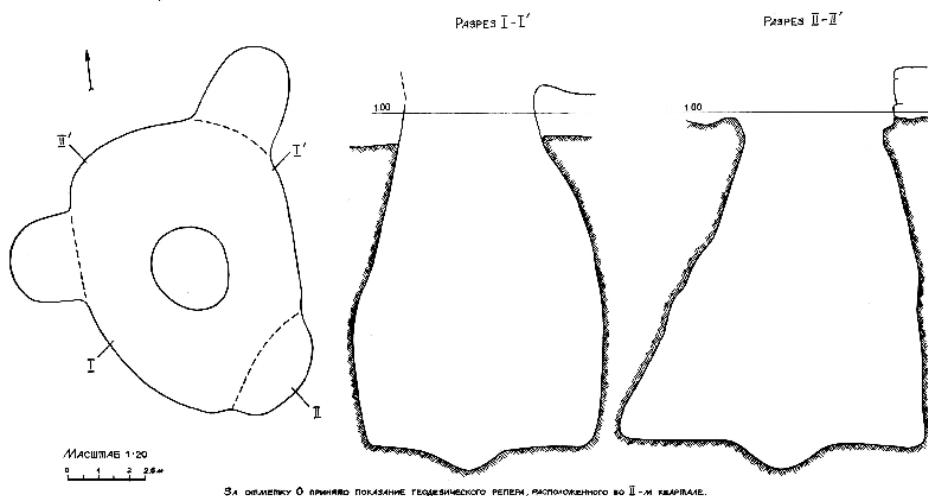

Рис. 3. План и разрезы цистерны

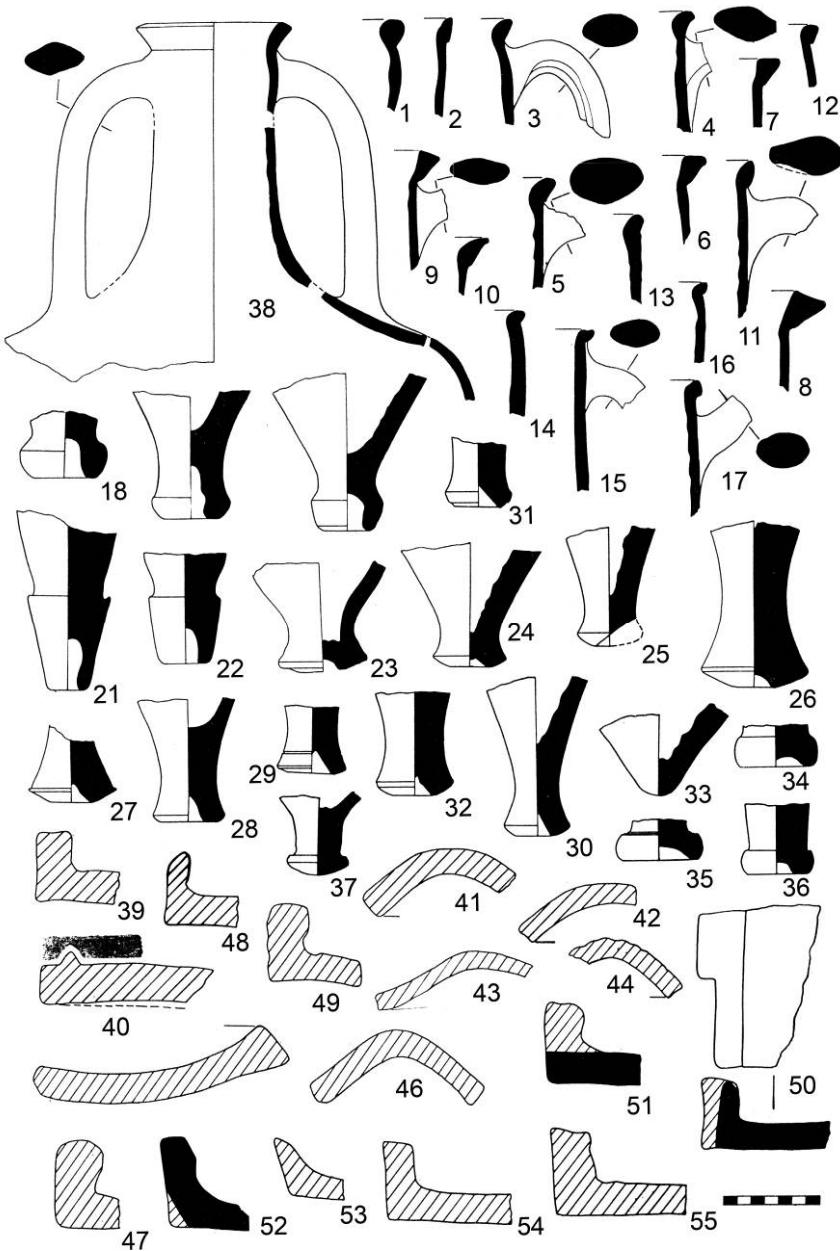

Рис. 4. Фрагменты античных амфор и черепицы периодов А-В

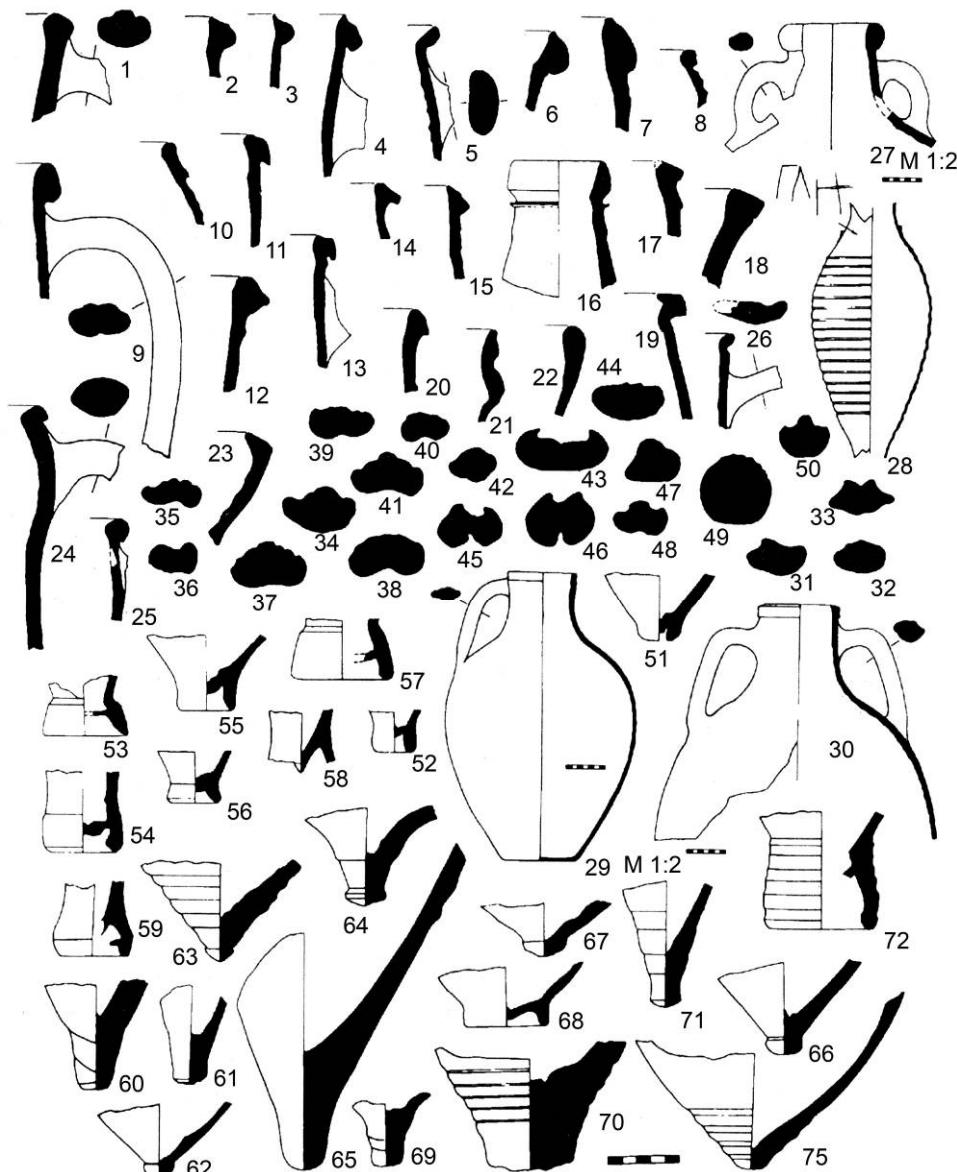

Рис. 5. Фрагменты античных амфор периодов Г-Е

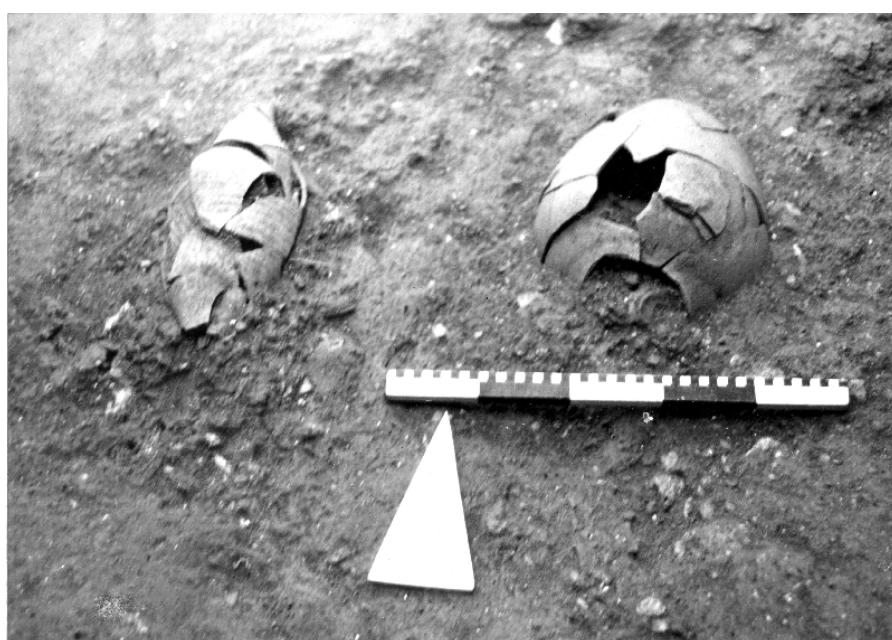

Рис. 6. Амфора и кувшин на дне цистерны

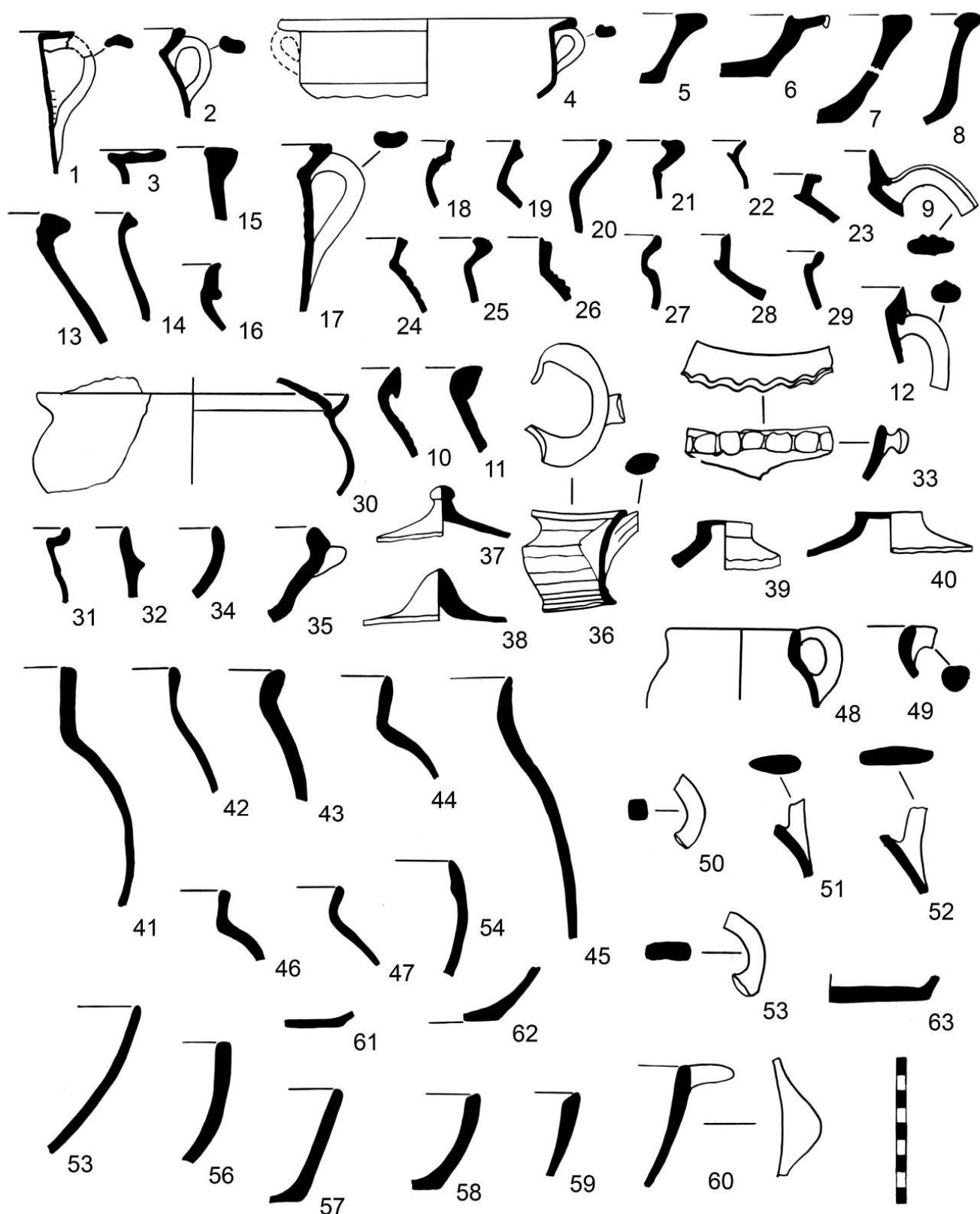
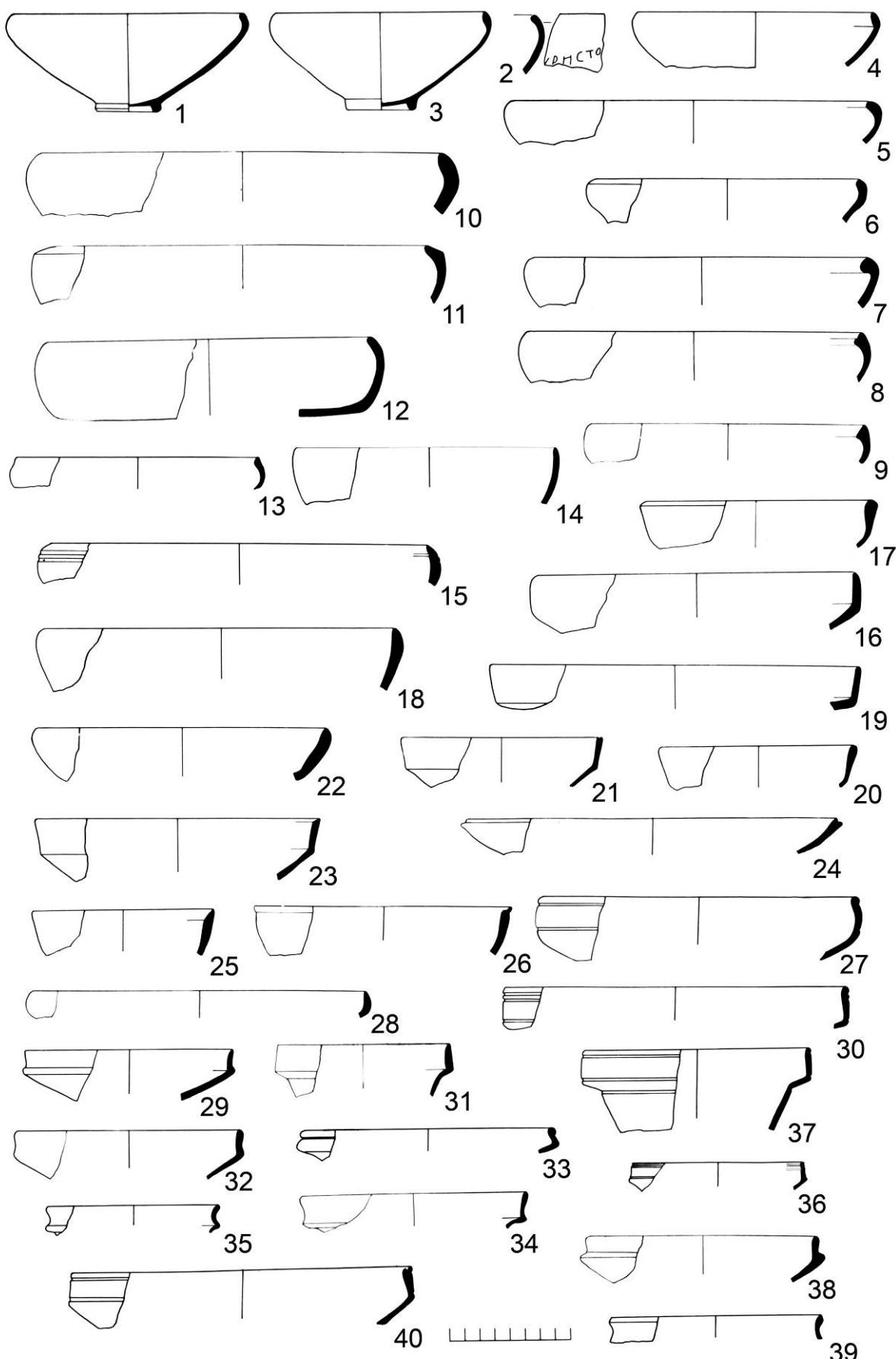

Рис. 7. Фрагменты кухонной посуды из заполнения цистерны

Рис. 8. Краснолаковые миски, чаши и тарелки из заполнения цистерны

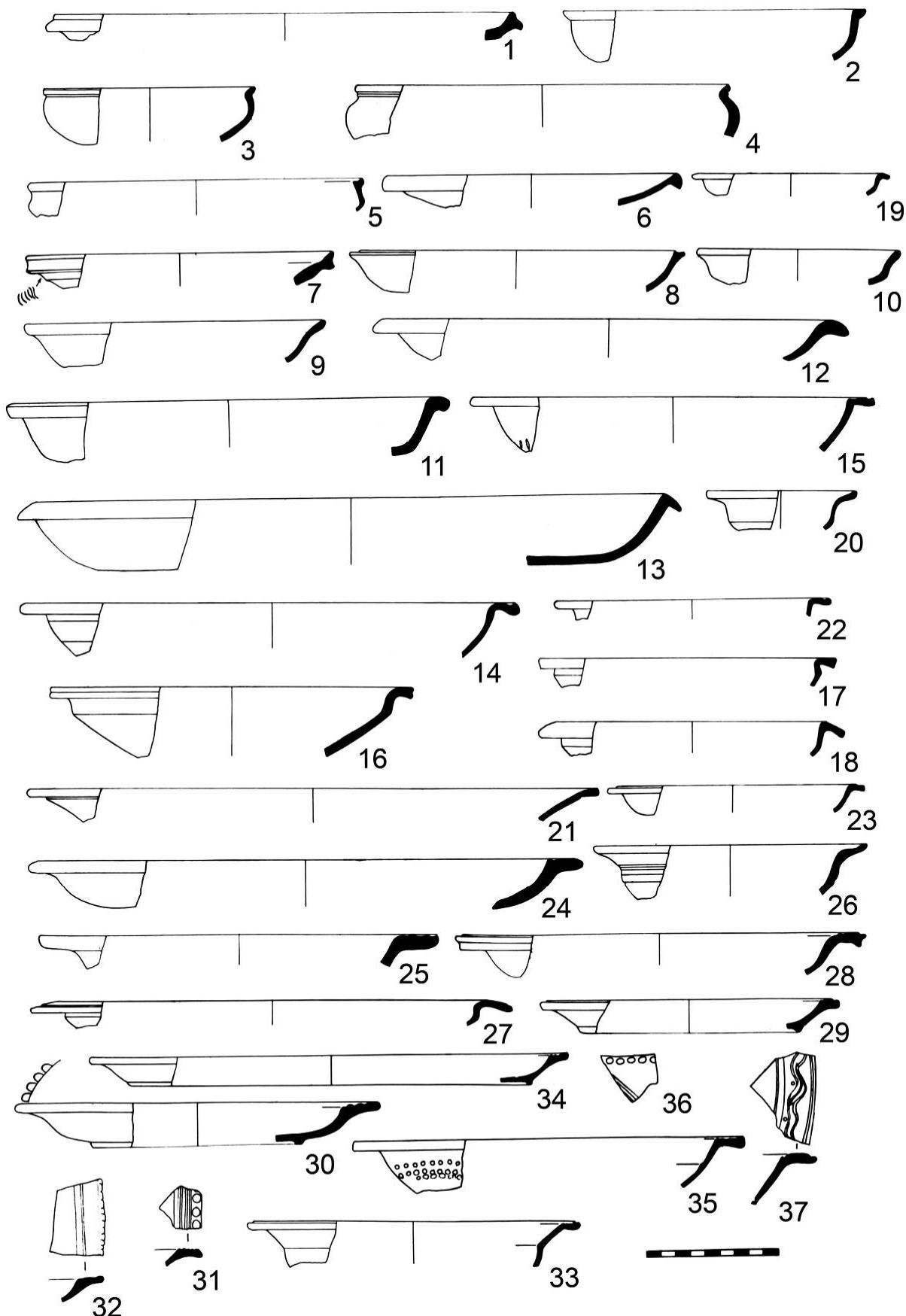

Рис. 9А. Формы краснолаковых сосудов открытого типа

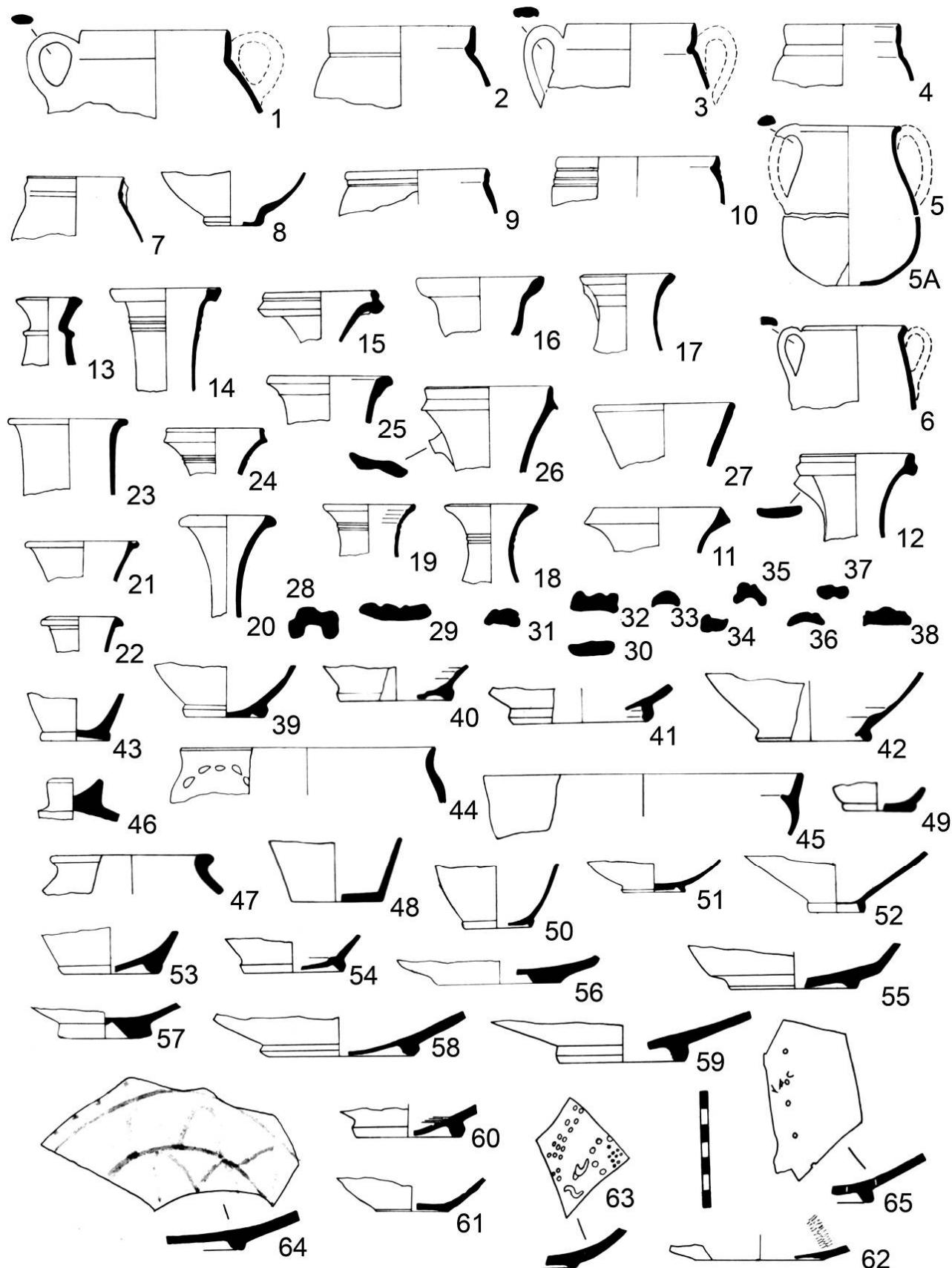
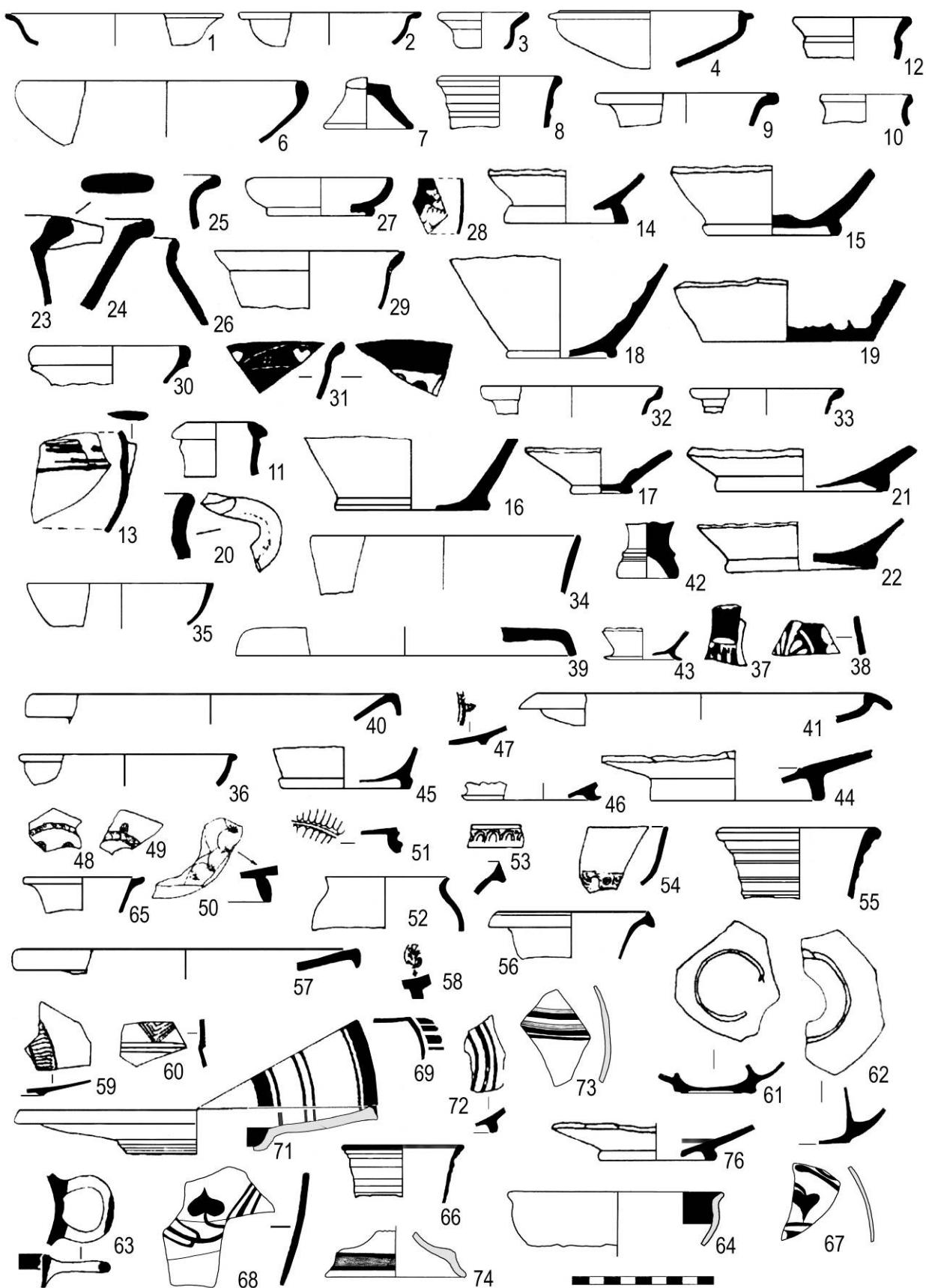

Рис. 9Б. Формы краснолаковых сосудов зарытого типа

Рис. 10. Фрагменты античной столовой посуды: простая, чернолаковая, сероглиняная с черным покрытием и расписная керамика; светильники-плошки

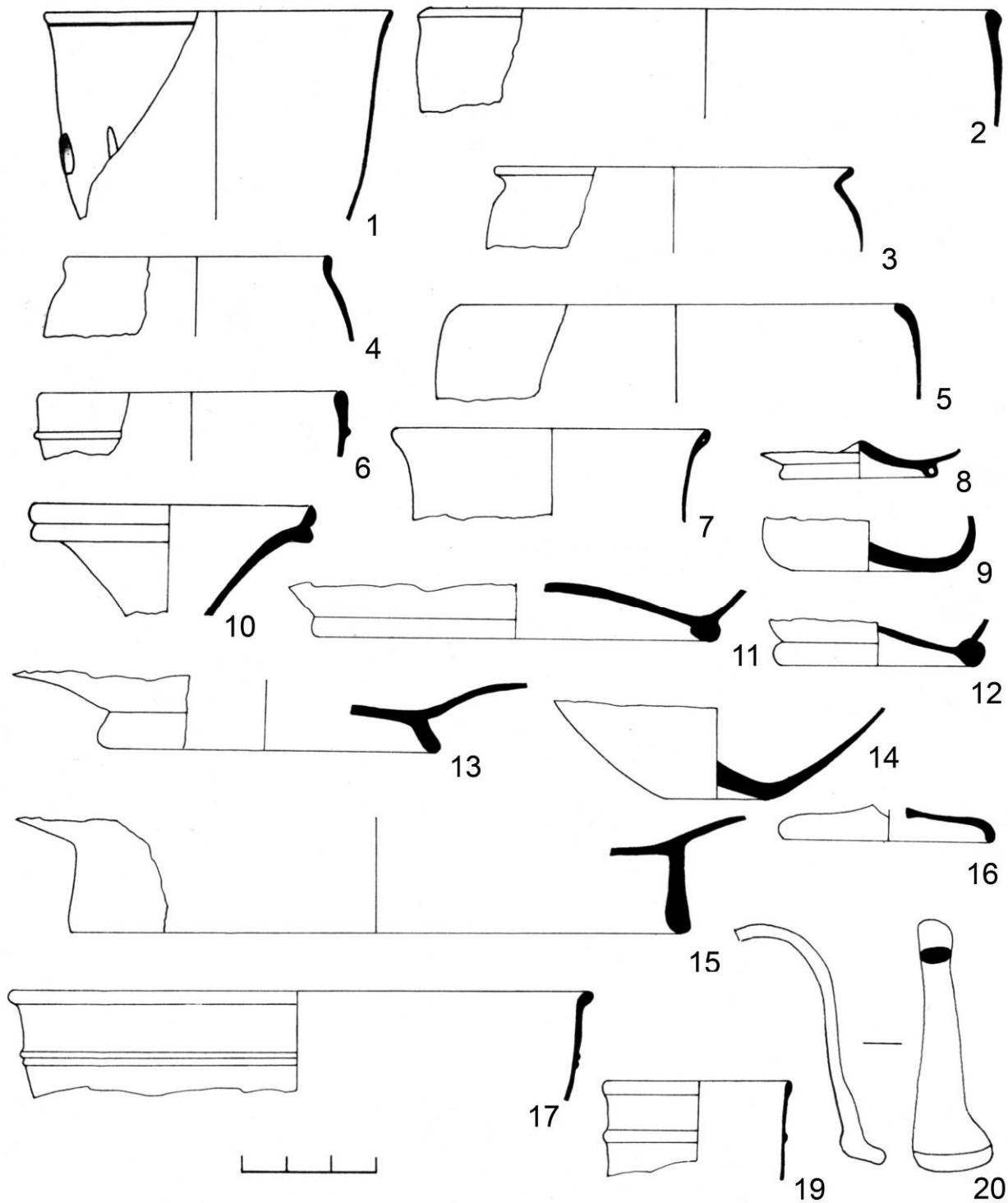

Рис. 11. Фрагменты сосудов из стекла

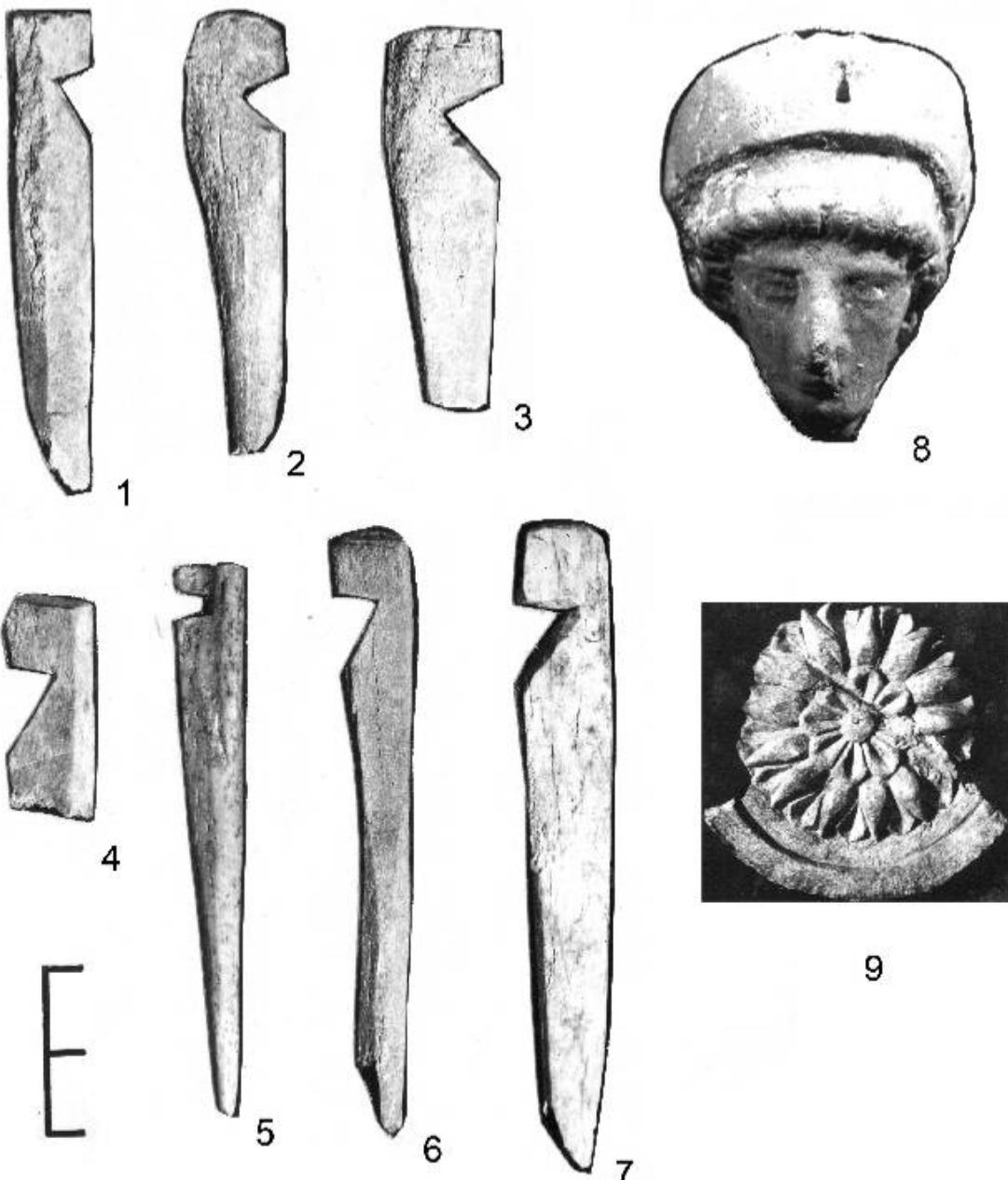

Рис. 12. Изделия из кости и деталь протомы Деметры

Рис. 13. Мраморная плита с посвящением Исиде, Серапису и Анубису

Рис. 14. Квартал ХСVII. Помещение № 8 по завершению раскопок

Рис. 15. Горловина цистерны в помещении № 8. Снято с востока

II

ИСТОРИЯ НАУКИ

ШАРЛЬ ЖИЛЬБЕР РОММ И ЕГО «ПУТЕШЕСТВИЕ В КРЫМ В 1786 ГОДУ»

ПЕТРОВА Э.Б.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

**Шарль Жильбер
Ромм**

Когда Крым после долгих перипетий вошел в состав Российского государства, и в России, и в Западной Европе об истории и даже тогдашней жизни полуострова знали очень мало, а то, что было известно, зачастую носило легендарный, фантастический характер. Во вновь приобретенные земли устремился поток путешественников – российских и иноземных. Некоторые сочли полезным вести путевые заметки. Среди них – французский ученый Шарль Жильбер Ромм.

Весной 1786 г., в то время, когда степь покрывается свежей травой, предгорья краснеют миллионами маков, а небо и море по особому голубые, крымскими дорогами двигалась небольшая экспедиция – три молодых человека в сопровождении слуги. Путешественники с жадным любопытством осматривали природные и исторические памятники, искали богатства недр, вели подробный путевой дневник, делали чертежи и зарисовки.

Впоследствии все трое станут по-своему знаменитыми, проживут недолгие, но замечательные жизни, которые закончатся для каждого по-разному. Один станет пламенным революционером и закончит свою славную биографию в возрасте 45 лет смертью на манер древних героев. Другой окажется другом и ближайшим помощником русского царя Александра I, войдет в его Негласный комитет, станет товарищем министра внутренних дел, сенатором, генерал-лейтенантом, примет участие во всех крупнейших битвах военной кампании 1812–1814 гг., после трагической гибели единственного сына тяжело заболеет и уйдет из жизни также в возрасте 45 лет. Третий прославится как крупнейший русский архитектор, получит звания академика перспективной и миниатюрной живописи и профессора архитектуры Академии художеств, проживет немногим более долгую – 54 года – и мирную жизнь. Их имена – Шарль Жильбер Ромм, граф Павел Александрович Строганов, Андрей Никифорович Воронихин.

Шарль Жильбер Ромм (26 марта 1750 г. – 17 июня 1795 г. по нов. ст.) родился в небольшом французском городе Риоме (провинция Овернь), в семье с весьма скромным дос-

татком¹. Рано лишился отца, бывшего судейским чиновником, тем не менее, получил хорошее образование в Риоме. С 1774 г. жил в Париже, где обучался медицине, химии, минералогии у известных французских ученых. Впрочем, в значительной мере полагался на самообразование. На жизнь и учебу зарабатывал частными уроками. В столице он познакомился с известными в науке людьми. Математик Дюпон ввел его в дом графа А.А. Головкина. Ромм начал давать уроки его сыну. Благодаря Головкину Шарль Жильбер стал входить в лучшие дома французской знати и снискнул уважение к себе высшего парижского общества [1, с. 7-8]. В доме Головкиных он познакомился с графом Александром Сергеевичем Строгановым – представителем старинного рода, одним из богатейших людей в России, известным коллекционером произведений искусства, обладателем одной из лучших по тем временам библиотек, меценатом художников, человеком, близким к Екатерине II. Он сопровождал императрицу во всех путешествиях, в том числе и в ее путешествии по Крыму в 1787 г.

Его единственный сын Павел Александрович Строганов (7 июня 1772 г. – 10 июня 1817 г. по ст. ст.) родился в Париже и до семи лет (пока жил во Франции) не говорил по-русски. В поисках учителя для сына Александр Сергеевич остановился на кандидатуре Жильбера Ромма. Не без колебаний Ромм дал согласие: в его планы входили исключительно занятия наукой, на роль гувернёра он согласился из-за материальных трудностей. Осенью 1779 г. Ромм отправляется с семьей Строгановых в Санкт-Петербург. Вместе с Павлом успешно осваивает русский язык, безукоризненно и с удовольствием выполняет свои учительские обязанности.

Павел и Ромм провели вместе 11 лет – с мая 1779 по декабрь 1790 г., и, кажется, для обоих это были счастливые годы, наполненные радостью общения со многими умными людьми, чтением книг, обсуждением самых разнообразных вопросов, в том числе новых идей, всколыхнувших тогда Европу. Строили светлые планы на будущее – Ромм обдумывал темы предстоящих научных штудий, Павел готовился сделать карьеру на поприще военном и политическом. Тогда им и в голову не приходило, какая трагическая судьба ожидала каждого...

**Андрей Никифорович
Воронихин**

А пока учитель делился со своим учеником всем тем, что знал сам. Занимались естественными науками, математикой, историей, но особую роль в процессе обучения играли модные в ту пору путешествия. Ромм видел в них едва ли не основной метод в деле воспитания и образования. Он писал: «Только путешествуя, по-настоящему познаешь людей» [Цит. по: 9, с. 267]. В 1781–1786 гг. учитель и ученик побывали в Олонецкой губернии, в Архангельске, на берегах Белого моря, в Нижнем Новгороде, Казани, в Пермской губернии, в Новгороде, на Валдае, в Москве и Туле [15]. С ними уже тогда в качестве рисовальщика ездил крепостной Строгановых Андрей Воронихин. Осматривали все, что казалось интересным, собирали коллекции. Ромм вел дорожные дневники, делал зарисовки и приучал к этому Павла.

В марте 1786 г. Ромм с учеником отправился из Киева на юг – в Новороссию и Крым. Павлу тогда было 14 лет, экзотика Крыма не могла не поразить воображение впечатлительного юноши. А рядом всегда был умный и наблюдательный наставник, который мог многое объяснить, обратить внимание на то, что не сразу бросается в глаза, но важно и интересно. Путешествие было и приятным, и очень полезным для всех его участников.

**Павел Александрович
Строганов**

¹ Наиболее подробно биография Ж. Ромма изложена в трудах: [16; 18].

Находясь в гостеприимном петербургском доме Строгановых, Ромм завел знакомство со многими представителями высшего света и, что особенно важно, с людьми науки, литературы, и искусства¹. Граф Строганов представил Ромма Екатерине II, и он ей понравился. В круг его знакомых вошли поэты Г.Р. Державин, И.Ф. Богданович, ученые Х. Эйлер, П.Н. Фусс, Ф.У. Эпинус, Г.К. Разумовский, П.С. Паллас (с коим Ромм был особенно дружен) и другие.

Многие качества Шарля Жильбера импонировали окружающим. Его суровость и неуклюжий вид сочетались с простотой и дружелюбием, спокойствием и терпением в отношениях с окружающими. Люди, знавшие этого человека, отмечали еще одну его черту: он всегда твердо отстаивал свое мнение, если считал его правильным. Ромм был умен, любознателен и очень трудолюбив. Один из его друзей говорил: «*Ромм живет только для того, чтобы мыслить*» [10, с. 4]. Н.К. Загряжская, урожденная графиня Разумовская, блестяще отзывалась о Ромме, часто бывавшем с Павлом Строгановым в ее петербургском доме: «*Он очень был умный человек...*» [8, с. 116].

Много путешествуя, Ромм внимательно наблюдал за всем увиденным, сопоставлял с прочитанным, слушал собеседников, постоянно вел дневниковые записи и многое описывал в письмах, проводил опыты. Сохранились его заметки по минералогии, ботанике, географии, записи путешествий. К сожалению, он не смог все это опубликовать – не хватило времени, ведь он из увлеченного науками человека и педагога вскоре превратился в пыльного революционера.

Ж. Ромм был поклонником выдающегося французского философа и просветителя Жана Жака Руссо и его системы воспитания. Возможно даже, что Ромм дал согласие на предложение графа Строганова взять на себя обязанности воспитателя его сына не только из-за нужды в деньгах (а заодно и из желания повидать новые земли), но и из-за представившейся возможности применить на практике новую систему воспитания. Во всяком случае, в письме к своим близким он заявлял: «*Я хочу сделать из него (т.е. из Павла. – Э.П.) человека, и он будет таковым, когда я его выпущу из своих рук*» [6, с. 44].

Ромм приучал Павла к выносливости, простоте в быту, умению переносить неудобства. Во время путешествий они ходили в основном пешком, поклажу носили на плечах, пищу ели самую простую² и вместе со слугами [4, с. 14]. Ромм не был кабинетным ученым, считал, что наука и практика неотделимы – и это отчетливо проявилось в его подаче уроков Павлу Строганову: путешествия, посещение заводов, фабрик, рудников. При этом Ромм и его ученик не забывали о чтении литературы другого рода – исторической и художественной. Его система воспитания предполагала обсуждение прочитанного. Ученый-практик по своей природе, Ромм и на историю смотрел как на науку, долженствующую иметь практический выход, а именно: воспитывать душу подопечного.

Конечно, Ромму не всегда удавалось применить на практике идеалы Руссо, так как изолировать воспитуемого от влияния общества – дело невозможное. И в России, и в Европе Павла окружало много самых разных людей. Да и бесхарактерным его назвать нельзя – отсюда периодически возникавшие между учителем и учеником разногласия.

По возвращении из крымского путешествия Павел поступил на военную службу (см.: [14, с. 173; 6, с. 56; 5, с. 107 № 148]) и вскоре получил разрешение на заграничную поездку для продолжения образования. Это путешествие сыграло в его жизни, как и в жизни Ж. Ромма и А. Воронихина, судьбоносную роль.

Уже в июле 1786 г. [13] они едут в Европу. В Женеве Павел слушает лекции известных специалистов по физике, астрономии, химии, ботанике, на практике изучает минера-

¹ «... в Петербурге он был принят как младший представитель знаменитой плеяды “просветителей”» [10, с. 4].

² Когда они находились в Жимо, племянница Ромма в письме к кузине делилась своими впечатлениями о Павле: «*Нет необходимости обладать миллионами... чтобы жить в таких лишениях, как г-н Граф. Его воспитание, вместо того, чтобы учить пользоваться своим достоянием, формирует привычку обходиться без оного»;* «... приготовить то, что ему позволено, смогла бы и самая последняя судомойка: жареное мясо, пареные овощи, сырье яйца, молоко и фрукты. Вино – никогда, тем более ликер, и никакого кофе» (Цит. по: [13, с. 47-48].

логию, посещая промышленные предприятия, рудники, совершая поездки в горы¹. В мае 1788 г. прибывают во Францию. И здесь ходят в горы, причем, пешком, налегке, совсем по-спартански – так было задумано Роммом в воспитательных целях. Знакомятся с местной промышленностью. Первое время живут в Риоме и в Жимо, у матери Ромма. Павла здесь называли «русским принцем», которым, по словам племянницы Ромма, «нельзя не восхищаться» (цит. по: [13, с. 44-45]). Затем путешественники знакомились с промышленными предприятиями на востоке Франции. А в декабре 1788 г. отправились в Париж, изменив планировавшийся маршрут путешествий в связи с тем, что внимание Ромма привлек намечавшийся на май 1789 г. созыв Генеральных штатов, не собиравшихся во Франции с 1614 г. Он считал, что это важное событие не должно пройти мимо внимания его ученика.

Поначалу Ромм лишь со стороны наблюдал за событиями в столице и занимался своими прямыми обязанностями – опекал и обучал Павла. Но прошло немного времени, и он, человек увлекающийся и страстный, да еще и почитатель Руссо и других великих личностей эпохи Просвещения, влился в ряды самых яростных борцов против деспотии монархического режима. Едва вступив на этот путь, он все меньше внимания стал уделять занятиям со своим учеником и все больше втягивал его в политические перипетии. Ежедневные поездки в Версаль, посещение всех заседаний Национального собрания отнимали массу времени в ущерб наукам, да и интерес к ним у обоих поостыл.

В столицу Франции Павел Строганов прибыл 16-летним юношей, еще немного знавшим о жизни, а покинул человеком, на глазах которого вершились великие исторические события и которому довелось видеть и слышать людей, чьи имена навсегда вписаны в мировую историю. Молодого графа захватила стихия борьбы за новый мир. Он был в Париже, когда 14 июня 1789 г. пала Бастилия, а 26 августа того же года Учредительным собранием принятая «Декларация прав человека и гражданина». В августе 1790 г. Павел Александрович Строганов становится членом революционного Якобинского клуба (он был в нем единственным русским), слушает невероятно крамольные, в представлении его сословия, речи. Все было так необычно: столько событий, столько интереснейших людей! Среди них, между прочим, и небезызвестная Теруань де Мерикур. Не удивительно, что юноша увлекся этой необыкновенной женщиной – «генеральшей революционных амазонок» [2, с. 79], да еще красавицей (впрочем, куртизанкой). Нужно, однако, сказать, что членом Якобинского клуба Павел пробыл считанные дни, так как в том же августе 1790 г. покинул Париж.

У Ромма было немало недоброжелателей во Франции. Благодаря их доносам, заинтересованные лица в Петербурге узнавали, что он в своих пропагандистских речах отрицает религиозные принципы и уважение к королю, «вдабливает» это «в разум и сердце своего ученика и хочет убедить его в том, что увенчанием его славы явится осуществление революции в России» [4, с. 15-16]. Эти слухи дошли до Екатерины II. Отец Павла просит Ромма увезти сына из Парижа и продолжить путешествия. Пришлось повиноваться и ненадолго покинуть столицу, не прекращая, однако, революционных дел даже в деревне – в Жимо.

А в начале декабря 1790 г. за Павлом из России прибыл его двоюродный брат граф Н.Н. Новосильцев. И уже 14 декабря Павел писал Ромму из Страсбурга: «Я вспоминаю об этой прекрасной революции, свидетелями которой мы были... и с ужасом приподнимаю край завесы, скрывающей от меня будущее, страшный призрак деспотизма. Это зрелище издали мне ненавистно и, тем не менее, я должен к нему приблизиться» [6, с. 307]. С такими грустными мыслями пребывал еще некоторое время за границей, а затем вернулся в родные пенаты молодой граф Строганов. До него, конечно, доходили слухи о том, что происходило во Франции, и душой он наверняка был рядом со своим учителем. Но свидеться им уже не пришлось...

Как только Павла увезли из Франции, Ромм вернулся в Париж, где его буквально поглотил водоворот страшных революционных будней, унесших столько жизней...

Еще раньше он с небольшим кругом единомышленников создал «Общество друзей закона». Позже вступил в Якобинский клуб, стал активным участником якобинского прави-

¹ А.В. Чудинов отмечает, что почти двухлетний швейцарский период жизни Ж. Ромма и П. Строганова был особенно насыщен их тесным общением со многими видными деятелями науки и культуры Просвещения и имел важное значение для идеальной эволюции как ученика, так и учителя [12, с. 120, прим. 1].

тельства, был избран в Законодательное собрание, затем в Конвент. В Конвенте голосовал за упразднение королевской власти и смертную казнь Людовика XVI¹. При новой власти Ромм оказался среди тех, кто участвовал в выработке новых законов, выполнял сложные миссии. В Комитете образования и просвещения он занимался подготовкой реформ в области образования. Ему принадлежит приоритет в выработке знаменитого республиканского календаря.

Ромм принял участие в народном восстании 1-4 прериаля III года республики (20-23 мая 1795 г.), вызванном контрреволюционной политикой термидорианского Конвента. Восставшие требовали хлеба и возвращения конституции 1793 г. Восстание было подавлено, начавшийся террор обрушился в первую очередь на шестерых депутатов так называемой вершины, среди них – Ромм. Последнее слово суворого республиканца Шарля Жильбера Ромма на суде – а суд был недолгим – завершалось словами: «*Я исполнил свой долг, мое тело принадлежит закону, душа же остается независимой и незапятнанной. Мой последний вздох... будет за республику, единую и неделимую, за родину, так жестоко истязаемую, которой я служил верой и правдой, за несчастный и угнетенный люд...*» (Цит. по: [3, с. 120-121]).

Приговоренные к смертной казни последние монтаньяры – «мученики прериаля» – при выходе из суда передавали друг другу тайком пронесенные в тюрьму два карманных ножа и один за другим (Ромм был первым) лишили себя жизни, не позволив врагам насладиться их публичной казнью.

Взаимоотношения Ж. Ромма и Павла Строганова и их необыкновенные судьбы потрясают. Не удивительно, что их история стала сюжетом не только многих научных исследований, но и художественных произведений [12].

* * *

**Шарль Жильбер Ромм
(миниатюра)**

Шарль Жильбер Ромм – один из тех ученых мужей, которые посетили Крымский полуостров вскоре после присоединения его к России и оставили записи о своих наблюдениях и впечатлениях. Записки Ромма после их первой публикации в 1941 г. стали известны под названием «Путешествие в Крым в 1786 году».

Ромм и его спутники опередили по времени своего путешествия даже экспедицию академика П.С. Палласа, состоявшуюся в 1793–1794 гг. А это означает, что они видели полуостров в самом начале его освоения, любовались первозданными уголками природы, застали раритеты, которые уже довольно скоро были руинированы или уничтожены в процессе интенсивного освоения земель и строительных работ – разбирались остатки древних построек, камни с надписями и рельефами закладывались в новые строения. Так что каждое упоминание о них бесценно для истории.

Путешествие Жильбера Ромма, Павла Строганова и Андрея Воронихина по Новороссии длилось два месяца. Ехали налегке – пара буйволов и две кибитки. Посещение Крыма отменено следующим маршрутом: Перекоп – Армянский Базар – Карасубазар – Судак – Феодосия – Керчь – Ени-Кале – Арабат – Симферополь – Алушта – Малый Ламбад – Партенит – Гурзуф – Никита – Ялта – Алупка – Симеиз – Кучуккой – Балаклава – Севастополь – Инкерман – Бахчисарай – Чуфут-Кале – Тепе-Кермен – Симферополь – Козлов (Евпатория) – Перекоп. Очевидно, что путешественники проделали большой и трудный путь (бездорожье, отсутствие элементарного комфорта) и смогли многое увидеть.

Главное внимание Ромм в своих записях уделяет тому, что его всегда особенно интересовало: реки, источники, озера, равнины и долины, скалы и гроты, горные породы, природные ископаемые, овраги, ветры. Повсюду, в том числе в Крыму, он собирал минералы и вывез из России большую их коллекцию (она впоследствии поступила в музей французского города Монпелье [10, с. 267, прим. 2]). Говорят Ромм о медицине, в которой знал толк, о дорогах, военном деле. В особенности его привлекали разного рода производства.

¹ «Заклятый враг деспотизма сделался самым лютым деспотом. Это был нежный сын, верный друг, добросовестный ученый и учитель, и все эти качества не помешали ему пролить потоки крови...» [1, с. 6].

Но Ромма интересовало и многое другое: сельское хозяйство, торговля и цены на товары (зерно, соль и др.), традиции, обычаи, быт разных слоев населения и представителей разных народов. Довольно обширны его этнографические описания, это и понятно – ранее незнакомые народы всегда интересны. Его внимание привлекает все необычное: курганы, остатки крепостей и других сооружений. На все это наставник Павла Строганова обращал внимание своих молодых спутников. И во всем чувствуется исследовательский подход – идет ли речь о природе или о каком-нибудь историческом памятнике.

Нужно, конечно, иметь в виду, что в те времена научных данных о Крыме было очень мало, и когда речь заходила, например, об исторических памятниках или фактической истории, Ромм за неимением достоверных источников зачастую вынужден был ориентироваться на сведения легендарного характера, которые получал от местных жителей. Отсюда и вкравшиеся в его текст некоторые ошибки.

Ромму всегда доставляло удовольствие общение с людьми, в первую очередь с людьми созидающими. Путешествия – это блестящая возможность завязать новые знакомства. В крымских записках Жильбера Ромма – люди разных профессий, разного интеллекта, разных судеб. А это интересно и нам, ведь речь идет о тех, кто жил и работал на крымской земле два с лишним столетия тому назад, кто изучал и осваивал ее. Отзывы Ромма о людях, с которыми он встречался во время путешествия, доброжелательные, он ценит их гостеприимство, добрый нрав, знания, скрупулезно записывает ту информацию, которую от них получал.

Его источники – личные наблюдения и впечатления, рассказы старожилов, легенды, прочитанные книги. Ромм был наблюдательным человеком и, конечно, аналитиком. Он любил и умел слушать, в его сочинении встречаются выражения, вроде: «*как говорят*», «*нас уверяют*», «*как я узнал*», «*существует предание*». Собираясь в крымское путешествие, он имел возможность познакомиться с трудами В.Ф. Зуева, К.И. Габлица, хотя в те времена литературы о Крыме было еще очень мало.

Сочинение Шарля Жильбера Ромма относится к той категории записок вояжёров, которые наиболее насыщены разнообразными и полезными для нас сведениями. Автор стремится к точности, конкретности, не пренебрегает мелочами, отдает предпочтение цифровым данным – сообщает о количестве жителей и домов в городах и поселках, о ценах на продукты питания и промышленные товары, строительные материалы, о размерах торговых оборотов крымских портов. Все говорит о его скрупулезности и научном подходе к делу.

Читая «Путешествие...» Ж. Ромма, мы имеем возможность больше узнать и о самом авторе – человеке неординарном. Интересно также проследить эволюцию его взглядов на социальное и политическое устройство общества. Живя в России, Ромм с сочувствием относился к этой стране, к русским людям, терпимо относился к крепостничеству, к религии, и не был столь яростным противником монархии, как после, по возвращении во Францию. В целом он считал прогрессивными основные мероприятия российских властей на новых землях, но видел и резко критиковал недостатки, в особенности те, которые свидетельствовали о бесхозяйственности, бескультурье или затрагивали интересы простых людей. Его удручают заброшенные поля и виноградники, города и порты, пустующие селения. Весьма тревожит уничтожение памятников старины, он называет это варварством, отсутствием уважения к древностям [11, с. 34].

* * *

К сожалению, рукопись Ж. Ромма о путешествии в Крым не была завершена, отредактирована и переписана начисто. Наверняка автор планировал в дальнейшем поработать над ней, отсюда частые многоточия, когда он хочет назвать те или иные цифры – расстояния от одного пункта до другого, количество жителей в том или ином месте. Автор намеревался снабдить текст чертежами и рисунками (своими или Воронихина? А может быть, теми и другими?), но, видимо, не успел, так как вскоре по возвращении в Петербург отправился со своим воспитанником в путешествие по Европе, из которого уже не вернулся, хотя, судя по всему, поначалу собирался это сделать.

Жильбер Ромм не подготовил к публикации и не издал свое сочинение о поездке в Крым. Но, к счастью, рукопись сохранилась, пережив многие перипетии в жизни России, и ныне находится в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН [17]. Она увидела свет в русском переводе через полторы сотни лет после ее написания (Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 году / Пер. с рукописи, вступ. ст., прим. К.И. Раткевич. Л.: Издво ЛГУ, 1941. 79 с.) Ныне эта небольшая и более чем скромно изданная небольшим тиражом (500 экз.) книга является библиографической редкостью и мало доступна читателям. Нужно сказать, что и исследователями недостаточно используют содержащиеся в ней сведения, мысли, гипотезы.

Я давно думала о необходимости еще раз опубликовать записки Ромма с надлежащими комментариями, очерком жизни Шарля Жильбера Ромма, Павла Александровича Строганова и Андрея Никифоровича Воронихина, с иллюстрациями. Такая возможность появилась благодаря моему сотрудничеству с симферопольским издательством «Бизнес-Информ». Книга выйдет из печати в ближайшее время [7]¹.

Источники и литература.

1. Бартенев П. Французский террорист Жильбер Ромм и граф П.А. Строганов: К истории нашей образованности нового времени // РА. 1887. Кн.1.
2. Вилье Марк де. Женские клубы и легионы амазонок / Пер. с фр. М., 1912.
3. Виргинский В. Жильбер Ромм: История одного якобинца // Борьба классов. М., 1936. №4.
4. Далин В.М. Люди и идеи. М., 1970.
5. Купцов И.В. Род Строгановых. Челябинск, 2005.
6. Николай Михайлович (вел. кн.). Граф П.А. Строганов (1774–1817): Историческое исследование эпохи императора Александра I. СПб., 1903. Т.1.
7. Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году». Симферополь: Бизнес-Информ, 2010. 176 с., ил.
8. Пушкин А.С. Разговоры Н.К. Загряжской. Июнь 1836 г. // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М., 1964. Т.8.
9. Раткевич К.И. К биографии Жильбера Ромма: Его рукописное наследство в архивах СССР // Уч. зап. ЛГУ. № 52. Серия историч. наук. Л., 1940. Вып. 6.
10. Раткевич К.И. Путешествие Жильбера Ромма в Крым в 1786 г. // Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер. с рукописи, вст. ст., прим. К.И. Раткевич. Л., 1941.
11. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер. с рукописи, вст. ст., прим. К.И. Раткевич. Л., 1941.
12. Чудинов А.В. «Русский принц» и француз-«цареубийца»: История необычного союза в документах, исследованиях и художественной литературе // Исторические этюды о Французской революции: Памяти В.М. Далина (К 95-летию со дня рождения). М., 1998. С.120, прим. 1.
13. Чудинов А.В. «Русский якобинец» Павел Строганов: Легенда и действительность // ННИ. 2001. № 4.
14. Чудинов А.В. Снова о Павле Строгонове // ВИ. 2001. № 6.
15. Чудинов А.В. О путешествии Жильбера Ромма в «Сибирь» (1781 г.): Гипотезы и факты // Европа: Международный альманах. Тюмень, 2007. Вып.7.
16. Galante Garrone A. Gilbert Romme: Histoire d'un revolutionnaire (1750–1795). Р., 1971.
17. Romme G. Voyage en Crimée. 1786 // СПб ИИ РАН. Научно-исторический архив. Западноевропейская секция. Фонд 8. Жильбер Ромм. Картон 372. Ед. хр.2.
18. Vissac M. de. Romme le Montagnard. Clermont-Ferrand, 1883.

Сокращения:

- ННИ – Новая и новейшая история (Москва)
РА – Русский архив (Москва)
СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук
Уч. зап. ЛГУ – Ученые записки Ленинградского государственного университета

¹ Выход книги счастливо опередил публикацию настоящей статьи. Поэтому, у заинтересованного читателя есть теперь возможность подробнее познакомиться с биографией Ш.Ж. Рома и его спутников в крымском путешествии, а также с текстом самих записок. Мы от всей души поздравляем профессора Э.Б. Петрову и ее ученицу Т.А. Прохорову с новой публикацией, прекрасно оформленной и полноцветно изданной (прим. ред.).

III

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

**СВЯТИЛИЩА ГОРНОГО КРЫМА ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ:
К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ**

ДОРОШКО О.П.

Южноукраинский национальный педагогический университет

До недавнего времени территория Горного Крыма оставалась самой малоизученной археологами частью полуострова. В первую очередь, это связано с труднодоступностью региона, а в связи с этим – сложностью исследования; участие в горных работах требует достаточной физической подготовки и энергии, и под силу не каждому исследователю. Однако постепенно (особенно – с конца XX в.) территория Горного Крыма перестаёт быть «белым пятном» на археологической карте региона. В результате разведок, а иногда и планомерных раскопок, были открыты и исследованы ранее неизвестные археологические памятники разных типов (поселения, могильники, святилища, скопления керамики и проч.).

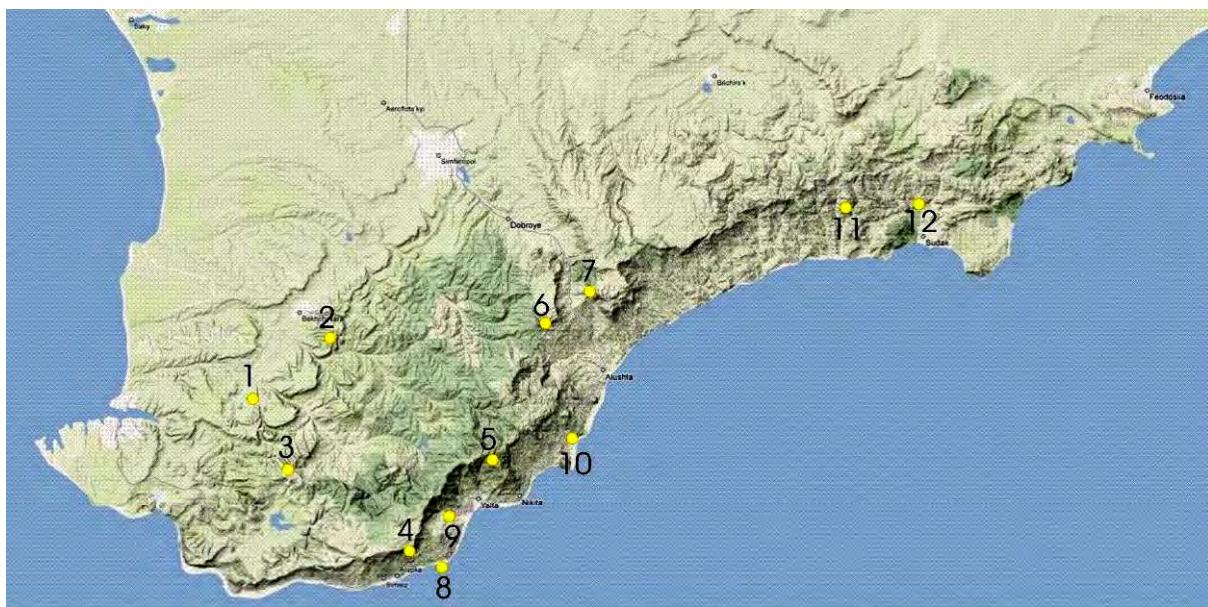
В данной работе речь пойдет только об одной группе таких памятников – святилищах, интерес к изучению которых значительно возрос в последние годы. К настоящему времени можно говорить об истории исследования памятников, которое продолжается уже более столетия. В зависимости от степени изученности святилищ как археологических объектов, а также целей, которые ставили перед собой исследователи, хронологически выделяются следующие этапы их исследования:

- 1) XIX – начало XX вв. – изучение предполагаемых мест святилищ;
- 2) 1905-1970 гг. – обнаружение первых святилищ и их первичная интерпретация;
- 3) 1980-е – до настоящего времени – расширение круга исследованных святилищ; разработка методики их изучения.

Рассмотрим каждый из этих этапов подробнее. Отличительной чертой истории изучения культовых мест позднеантичного времени является то, что интерес к данной теме возник еще в XIX в., то есть до фактического обнаружения святилищ. В этот период под пристальным вниманием ученых-историков, а иногда и просто любителей древностей, путешествовавших по Крыму, оказался миф об Ифигении, известный из различных литературных источников. Интерес был связан с тем, что именно с конца XVIII – начала XIX вв. происходит освоение Крыма Российской империей. В результате представители русской интеллигенции, часто приезжавшие сюда, стали интересоваться историей полуострова, в том числе и древней, а, как

известно, история о дочери Агамемнона, ставшей жрицей богини Девы в Тавриде, – один из немногих древнегреческих мифов, действие которого происходит в Северном Причерноморье. Таким образом, увлечение античными литературными источниками по древней истории Крыма стало побудительным мотивом для археологических и топографических изысканий местоположения храма Ифигении.

Тогда, в зависимости от трактовки упоминания у Страбона о мысе Парфений, на котором располагался храм, ученые-путешественники локализовали его в двух регионах Крыма. Первый из них – район Херсонеса (мыс Парфений отождествляли с мысом Фиолент). Храм располагали возле греческого Георгиевского монастыря (П.С. Паллас) или у Херсонесского мыса (А.Л. Бертье-Делагард). Второй – район г. Аю-Даг – название Парфений ученые связывали с районом Партенита, в связи с чем, помещали храм возле этого населенного пункта (П. Блаламберг, И.М. Муравьев-Апостол) (см. лит. [20, с.535]).

Святилища и места предполагаемых святилищ позднеантичного времени на территории Горного Крыма:

1 - Красный Мак;	7 - Пахкал-Кая;
2 - Бешик-Тай;	8 - Харакс;
3 - Бабулган;	9 - Аутка;
4 - Ай-Петри;	10 - Алигоры I;
5 - Гурзуфское Седло;	11 - Ай-Серез;
6 - Эклизи-Бурун;	12 - Таракташ.

Своебразную точку зрения выдвинул тогда Ф. Дюбуа де Монпере. Он предположил, что святилища таврской богини Девы могли существовать во многих местах Горного Крыма, чаще всего на вершинах с отвесными скалами [4, с.159-160]. Их исследователь располагал на мысе Парфений у Херсонеса, на мысе Аяя, на г. Аяя-Бурун и на г. Аю-Даг [4, с. 160, 222].

Не имевшая тогда никакой археологической основы, данная идея была подхвачена и развита другими исследователями. Святилища стали «видеть» в тех памятниках, которые уже были известны к тому времени. Так, М.А. Сосногорова доказывала, что на мысе Аяя и на утесах в долине Ласпи сохранились остатки языческих храмов [19, с. 286], скорее всего, путая их со средневековыми исарами. А. Фабр со святилищами (жертвениками) связал каменные могильные ящики, и назвал их «кельтическими» [22, с. 36-46], повторив эту мысль вслед за Анри Мартеном [19, с. 284]. Последняя точка зрения уже тогда вызвала справедливую критику (В.Х. Кондараки, Н. Чекалев); сооружения же были названы могилами, правда, греческими [25, с.516-518; 19, с.268-269].

Как видно, исследователи XIX в., при великолепном знании произведений античных авторов, практически не располагали данными археологических источников. В связи с этим, о топографии святилищ античного времени в Горном Крыму возникали умозрительные заключения, не подкрепленные вещественным материалом. О выделении позднеантичного периода в истории Горного Крыма, естественно, тогда не могло быть и речи.

С открытием остатков святилищ, в начале XX в., начинается качественно новый этап в истории исследования представленной темы. Первым на территории Горного Крыма было обнаружено святилище выше Ялты, возле бывшего селения Верхняя Аутка (в настоящее время включено в жилую застройку Ялты). В январе 1905 г. по Ялте стали ходить слухи о находке там клада древних монет. Часть из них (римские и боспорские) нашел товарищ Председателя Ялтинского Отделения Крымско-Кавказского Горного Клуба Ф.Д. Вебер; эти монеты в том же году были приобретены для музея этого отделения, и в последующем были исследованы членом Правления Клуба И.Н. Загорданом [27, с.54]. Эти слухи привлекли внимание А.Л. Бертье-Делагарда, жившего тогда в Ялте. Оказалось, что к северу от города, в горах, в результате плантажных работ на земельном участке, принадлежавшем А.А. Смульскому, было выброшено много монет и «кое-каких вещиц» [1, с.19-21]. Открытое святилище получило название по месту своего расположения: Ялтинское, Ауткинское или Селим-Бек (Селим-Бек – первое имя отца А.А. Смульского, военного инженера из Севастополя, а также название урочища, где расположен участок).

А.Л. Бертье-Делагард провел обследование данного памятника. Все находки были сделаны на пространстве 15-20 кв. саженей, при этом никаких остатков жилых построек не было обнаружено. Более всего А.Л. Бертье-Делагарда заинтересовали монеты, определение которых он привел в публикации. На основании монет он датировал святилище концом I в. до н.э. – второй четвертью IV в. н.э., при этом расцвет памятника приходится на конец II – последнюю четверть III вв. Исследователь интерпретировал памятник как лесное святилище, посвященное женскому божеству [1, с.19-21].

Еще несколько святилищ позднеантичного времени были обнаружены на территории римской крепости Харакс, где любительские раскопки начались еще в конце XIX в. под руководством Великого Князя Александра Михайловича [16]. Через 10 лет случайные изыскания на памятнике превратились в систематические раскопки, давшие наиболее важный материал для изучения религии населения Харакса. Именно тогда были обнаружены остатки, по крайней мере, двух святилищ. Их остатки в виде «развалин», обнаруженных в 1907 г., упоминает в своей работе М.И. Ростовцев [17].

Наибольшую популярность в литературе получило святилище, которое М.И. Ростовцевым было названо святилищем бенефициариев по найденным там двум алтарям, поставленным бенефициариями. Его остатки в виде сильно разрушенного здания (данный факт оказался причиной, не позволившей М.И. Ростовцеву определить саму планировку постройки) были обнаружены за пределами внешней оборонительной стены. Там были найдены алтари с латинскими посвящениями Юпитеру Лучшему Величайшему, а также рельефные изображения Диониса, Гермеса, Митры, Гекаты, Фракийского всадника [17, с. 1-42]. Второе святилище связывают с культом Артемиды. Сами архитектурные остатки святилища открыты не были, однако на земле проф. Малышева найдено пять вотивных плит с изображением богини [17, с.15].

Таким образом, на данном этапе были раскопаны два достоверно известных к настоящему времени святилища. В то же время следует отметить, что исследования того времени носили любительский характер, были несистематическими. До настоящего времени не сохранились точные планы раскопок, отсутствует документация найденных предметов, из которых опубликованы лишь единичные экземпляры. Все это делает практически невозможным использование материалов дореволюционных раскопок для реконструкции идеологических представлений населения Горного Крыма позднеантичного времени.

Длительное время (1907-1983 гг.) эти святилища оставались единственными подобного рода памятниками, найденными в Горном Крыму. За этот период в научном мире неоднократно обращались к материалам из раскопок святилищ Харакса и Аутки. И если на счет святилищ Харакса спорных вопросов не возникало, то по поводу Ауткинского раз-

вернулась дискуссия, в первую очередь, о его этнической принадлежности, поскольку А.Л. Бертье-Делагард высказался по этому вопросу достаточно осторожно, отнеся его к «варварскому населению» [1, с. 20]. Не добавил конкретики и А.Н. Зограф, изучавший монеты из Аутки, назвав святилище близ Ялты общекрымским [6, с. 156].

Интерес к памятнику возобновился в послевоенные годы, когда в археологической науке наибольшее внимание стало уделяться изучению культур местных этносов. Поскольку по письменным источникам территории Горного Крыма в античную эпоху была заселена таврами, именно с этим народом ученые стали связывать функционирование святилища. Данное утверждение впервые появляется в статьях Н.В. Пятышевой [15, с. 181]. Исследовательница исходила из собственной концепции о существовании местного греко-тавро-скифского божества в регионе, доказывая влияние варварской культуры на античную. А.И. Тюменев, исследуя взаимоотношения Херсонеса и тавров, принял идею Н.В. Пятышевой, правда, более осторожно высказываясь по данному вопросу [21, с. 85]. Вновь возвращается к идеи о таврском происхождении памятника в монографии 1965 г. А.М. Лесков [9, с. 186].

Следует отметить, что разработанная еще в 40-х гг. XX в. Н.В. Пятышевой теория о едином греко-тавро-скифском божестве, которая давно опровергнута в научном мире, до сих пор не дает покоя некоторым исследователям. Так, М.Е. Бондаренко вновь вернулся к идеи о единой для херсонеситов и тавров богине Деве и даже удревнил Ауткинское святилище до IV в. до н.э. на основании терракотовых статуэток [2, с.19-21], не обратив внимание, что подобные статуэтки обнаруживаются на греческих поселениях Северного Причерноморья, где большая их часть относится к позднеантичному времени (см. например [7, с.124; 8, с.87-91]).

Новая трактовка Ауткинского святилища начинает формироваться с 1970 г., после публикации И.Б. Клейманом терракотовых статуэток из раскопок этого памятника. Сам исследователь полагал, что эти статуэтки принадлежали «местному эллинанизированному населению» [7, с. 124]. При этом ученый отметил, что подобные находки происходят из многих древнегреческих поселений Северного Причерноморья [7, с. 124]. На основании исследований И.Б. Клеймана в 90-е гг. XX в. идея о связи Ауткинского святилища с варварским населением была подвергнута критике. Так, И.С. Пиоро указывает, что в святилищах вообще отсутствуют «этнические черты» [14, с. 19], а И.Н. Храпунов считал, что они относятся к памятникам «кантичной культуры» [24, с. 24-25].

Обнаружение нового памятника – святилища у перевала Гурзуфское Седло – открыло новый этап в изучении культовых мест Горного Крыма. Святилище было открыто совершенно случайно, в результате прокладки газопровода Ялта – Алушта через яйлу. В 1981 г. гурзуфский краевед И.Д. Дроздов сообщил в Ялтинский краеведческий музей о том, что при ведении земляных работ для строительства газопровода в районе перевала Гурзуфское седло были обнаружены бронзовые вещи античного происхождения. В этом же году начались планомерные исследования святилища экспедицией под руководством Н.Г. Новишенковой. В результате десятилетних исследований памятника был собран богатый археологический материал, отдельные категории которого введены в научный оборот автором раскопок. Одновременно с публикацией и интерпретацией предметов из раскопок святилища была сделана попытка реконструкции истории и культуры населения Горного Крыма позднеантичного времени (см. лит. [13]).

В 2002 г. вышла в свет монография Н.Г. Новишенковой «Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло» [13], в которой были опубликованы результаты многолетних исследований памятника, проанализирована стратиграфия святилища, а также основные группы вотивного инвентаря. Исходя из датировки множества разнообразных находок, сделанных в святилище, Н.Г. Новишенковой дана историческая периодизация памятника, а также охарактеризована его культовая обрядность в зависимости от периодов существования. В то же время сама исследовательница отметила, что вопросы сакральной символики святилища, затронутые в работе, еще не решены окончательно и требуют дальнейшей обработки материала [13, с. 154].

С момента открытия памятника наиболее спорным вопросом в литературе стала проблема его этнической идентификации (см., напр.: [18, с.63]). При этом территориальная близость святилища у перевала Гурзуфское Седло и Ауткинского святилища, а

также идентичность (схожесть) их ритуала позволили говорить и о близости их этнической принадлежности.

До настоящего времени святилище у перевала Гурзуфское Седло остается наиболее исследованным памятником подобного рода в Горном Крыму. Н.Г. Новиценковой была использована методика изучения святилищ, отличная от применяемой в процессе изучении поселений. В основе данной методики лежит точная фиксация положения (условий залегания) каждого артефакта, для чего применялась сетка квадратов со сторонами 1 х 1 м., которые исследовались в шахматном порядке. Ведь в изучении святилищ важна не только вещь как таковая, но и ее место в ритуале.

Период середины 1990-х – начала 2000-х гг. ознаменовался открытием еще ряда святилищ позднеантичного времени. Заслуга в этом принадлежит исследователям, которые проводили и проводят разведки в такой труднодоступной местности, как Горный Крым (С.М. Жук, А.В. Лысенко, И.Б. Тесленко, Ю.П. Зайцев, А.А. Филиппенко и др.).

Часть открытых к настоящему времени памятников (Алигоры-I, святилища Таракташ), кроме шурfovок были подвергнуты также раскопкам.

В феврале 1994 г. учащимися Партенитской средней школы при рытье ямы для очага на одной из вершин скалы Алигоры были обнаружены древние монеты. В этом же году на месте их обнаружения отрядом Горно-Крымской экспедиции были проведены охранные раскопки. Исследована площадь 76 кв. м, на которой, помимо монет, найдены фрагменты керамики (гончарной и лепной), стеклянных сосудов, бусы, перстни, фибула, браслет и зеркало. Кроме того, найдены обломки костей животных [11, с. 202-204].

В 1995 г. на южном склоне Таракташской гряды Горно-Крымской экспедицией Крымского филиала ИА НАНУ (начальник экспедиции В.Л. Мыц), на месте грабительской ямы было исследовано святилище позднеантичного времени. На площади 130 кв. м были обнаружены и исследованы остатки двух храмовых построек и погребение, составляющие единый культовый комплекс [12, с. 102-110]. В 2002 г. недалеко от этого места, под гребнем горы Таракташ, Славяно-Сарматской экспедицией Государственного Эрмитажа (начальник М.Б. Щукин) было открыто и исследовано еще одно святилище римского времени [26, с. 459-464]. Здесь обнаружен разнообразный археологический материал, который не только дает возможность реконструировать культовую обрядность населения, оставившего данные памятники, но и определить хронологические рамки их функционирования.

В 1997 г. Алуштинским отрядом Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАНУ был обнаружено еще одно святилище – на г. Эклизи-Бурун. Пока здесь проводились только разведочные работы и небольшие раскопки (изучено 50 кв. м из в 10000 кв. м приблизительной площади памятника) [10, с. 383].

Однако следует отметить, что на многих святилищах (Бабулган [3, с. 92-95], Бешик-Тау [5, с. 33-34], у с. Красный Мак [23, с. 53-54], возможно, – Ай-Петри, Пахкал-Кая, на г. Хашки у пос. Ай-Серез [10, с. 377] и др.) были проведены только разведочные работы.

В результате обнаружения большого числа памятников подобного рода (и это число увеличивается с каждым годом) назрела объективная необходимость систематизации данных по всем известным святилищам Горного Крыма.

Первую попытку, и пока единственную, подобной работы осуществил А.В. Лысенко, который обобщил материалы по наиболее исследованным святилищам южной части Горного Крыма (Харакс, Аутка, Алигоры I, Гурзуфское Седло, Эклизи-Бурун, Таракташ). Исследователь не только охарактеризовал каждый памятник, но и дал классификацию святилищам, выделив 6 групп в зависимости от обрядности [10]. В дальнейшем подобная работа должна быть продолжена, причем систематизации должны быть подвергнуты не только святилища южной части Горного Крыма, но и предгорных районов.

Таким образом, в настоящее время исследование святилищ на территории Горного Крыма переходит на качественно новый уровень. Благодаря наличию большого числа материалов стало возможным его использование, наряду с другими источниками, в изучении истории этого региона в позднеантичное время. Кроме того, при скудости письменных источников о духовной жизни населения Горной части Таврики именно святилища становятся важным источником для реконструкции идеологических представлений местного населения.

Источники и литература.

1. Бертье-Делагард А.Л. Случайная находка древностей близ Ялты // ЗООИД. Т. 27. Одесса, 1907. С. 19-21.
2. Бондаренко М.Е. Изобразительное искусство как важнейший источник для изучения религиозных представлений тавров // БФ. СПб, 2009. С. 402-406.
3. Герцен А.Г. Позднеантичное святилище на горе Бабулган // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы конф. Керчь, 2004. С.92-95.
4. Дюбуа де Монпере, Фредерик. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым. В 6 тт. Т. 5, 6. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
5. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Неневоля И.И. Святилище Бешик-Тау первых веков н.э. в Юго-Западном Крыму // Археологічні дослідження в Україні 2005-2007 рр. Київ-Запоріжжя, 2007. С. 33-34.
6. Зограф А.Н. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ в Черноморье // СА. VII. 1941. С. 156.
7. Клейман И.Б. Статуэтки из святилища у г. Ялты // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г 1-11. М., 1970. С. 124.
8. Кругликова И.Т. Идолы из Дильберджина // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977. С. 87-91.
9. Лесков А. М. Горный Крым в I тыс. до н.э. К.: Наукова думка, 1965. 200 с.
10. Лысенко А.В. Святилища римского времени южной части горного Крыма (опыт систематизации) // Stratum Plus. 2005-2009. № 4. С. 374-400.
11. Мыц В.Л., Жук С.М., Лысенко А.В., Татарцев С.В., Тесленко И.Б. Об охранных работах в Партените // АИК 1994. Симферополь, 1997. С. 202-204.
12. Мыц В.Л., Лысенко А.В., Семин С.В., Тесленко И.Б. Позднеантичное святилище у с. Дачное (бывш. Таракташ) // АИК 1995. Симферополь, 2007. С. 102-110.
13. Новишенко Н. Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта: РИО КГГИ, 2002. 215 с.
14. Пиоро И.С. Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье). К.: Лыбидь, 1990. 200 с.
15. Пятышева Н.В. Античное влияние на культовую скульптуру Северного Причерноморья // ВДИ. 1946. № 3. С. 181.
16. Ростовцев М. И. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // Отд. оттиск из ЖМНП. 1900. Март. 19 с.
17. Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре. ИАК. 1911. Т. 40. С. 1-42.
18. Русаяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. - Киев: Издательство дом "Стилос", 2005. 559 с.
19. Сосногорова М. А.Мегалитические памятники в Крыму // Русский вестник. 1875. Кн. 7. С. 266-287.
20. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII - середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
21. Тюменев А. И. Херсонесские этюды. III. Херсонес и местное население: тавры // ВДИ. 1949. № 4. С. 75-86.
22. Фабр А. О памятниках некоторых народов варварских, древле обитавших в нынешнем Новороссийском крае // ЗООИД. 1848. Т.2. С. 36-46.
23. Филиппенко А.А. Святилище Кузу-Кулак-Бурун // Культ святых мест в древних и современных религиях. Тезисы докл. Севастополь, 2005. С. 53-54.
24. Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь. 1995. С. 24-25.
25. Чекалев Н. Предполагаемые Кельтийские жертвенные на южном берегу Крыма // ЗООИД. 1867. Т.6. С. 516-518.
26. Шаров О.В. Святилища на склонах горы Таракташ в восточном Крыму// БФ. 2009. С. 459-464.
27. Ялтинское отделение Крымско-Кавказского Горного Клуба в 1906 г. // Записки ККГК. № 3, 5. Одесса, 1906. – С.44-63.

Сокращения:

АИК –	Археологические исследования в Крыму
БФ –	Боспорский феномен
ВДИ –	Вестник дневней истории
ЖМНП –	Журнал министерства народного просвещения
Записки ККГК –	Записки Крымско-Кавказского Горного Клуба
ЗООИД –	Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК –	Известия императорской археологической комиссии
РИО КГГИ –	Редакционно-издательский отдел Крымского государственного гуманитарного института
СА –	Советская археология
САИ –	Свод археологических источников

КРУГЛЫЕ СООРУЖЕНИЯ НА СЕЛЬСКОЙ УСАДЬБЕ 343 ХОРЫ ХЕРСОНЕСА

КОВАЛЕВСКАЯ Л.А., САРНОВСКИ Т.

Крымский филиал ИА НАНУ, Варшавский университет

Последние годы в связи с участвовавшими грабительскими раскопками совместная украинско-польская экспедиция в основном проводит свои исследования на территории памятников археологии, более всего пострадавших от подобного характера «общественных работ». Одним из объектов, на котором осуществляются научно-охраные археологические раскопки, является сельская усадьба земельного надела 343 на хоре Херсонеса. Памятник археологии расположен на водоразделе балки Бермана и Верхне-Юхариной, в Балаклавском районе г. Севастополя.

Охранные работы были начаты в 2007 году на поверхности, где прослеживаются строительные остатки двух усадеб. В современном состоянии комплекс древних объектов составляют, прежде всего, две похожие прямоугольные башни (на усадьбе 343 имеет размеры 10,70 x 9,70 м, на усадьбе 344 – 11,30 x 9,50 м), удаленные одна от другой приблизительно на 30,0 м. и отделённые античной дорогой направлением юго-восток – северо-запад, согласно с размежевкой всего Гераклейского полуострова (рис. 1). Углы стен обеих усадеб имеют направление по сторонам света. Именно по причине схожести расположенных близко друг от друга башен памятник археологии и получил название «Близнецы» [16, л. 26; 10, с. 128].

С севера к комплексу примыкают две круглые структуры, которые находились на территории земельного надела 343, на расстоянии 17,00 м на север от башни усадьбы. Именно данные архитектурные сооружения и привлекли наше внимание, и на их площади осуществлялись основные работы. Круглые структуры были обнаружены и частично исследованы еще 1987-90 гг. сотрудником Национального заповедника «Херсонес Таврический» В.В. Созник [12].

Круглое сооружение 1 (рис. 2, 3) было почти полностью исследовано в 1980-х годах. Отличается большими размерами, его внутренний диаметр достигает 7,0 м, внешний - 9,0 м. Стены постройки сохранились на высоту до 1,40 м, сложены из камней средних и крупных размеров, иногда имеющих регулярную форму. Внутреннее пространство круглой постройки разделялась стеной-перемычкой, имеющей направление юго-запад – северо-восток, на две почти равные изолированные части. Каждое из этих помещений имело отдельный вход в западной части по обе стороны разделяющей стены. Вход северо-западной половины круглого сооружения оформлен каменным порогом, который представляет собой профилированный блок известняка прямоугольной формы длиной 0,88 м, шириной 0,50 м. С юго-восточного края камня на верхнем выступе порога имеется пятонная выемка – паз под конструкцию двери. В помещение ведёт лестница, которая примыкает вплотную к западному краю стены-перемычки и состоит из 4-х ступеней, причём две нижние выполнены из плоских подтёсанных плит прямоугольной формы. Юго-восточная половина круглого сооружения также имела отдельный вход, дверной проём которого был оформлен каменными блоками. Следов капитальной конструкции лестницы не обнаружено.

Стратиграфия обеих частей круглого сооружения 1 почти одинакова. Под дерновым слоем наблюдается плотный завал камней, мощностью до 1,50 м (слой 2). В заполнении данного слоя прослеживаются прослойки золы серого цвета, пятна горелого грунта и большого количества фрагментов керамики. Слой 3 мощностью до 0,25 м характеризуется плотным грунтом рыжеватого оттенка, который, по-видимому, являлся засыпью земляного пола [13, л. 3-22].

В результате исследования слоя 3 удалось выйти на горизонтальную поверхность скалы, неровности которой были выровнены мелким щебнем и грунтом оранжевого цвета.

При зачистке в 2007 году было обнаружено несколько десятков костей животных (овцы/козы – 68 %, крупного рогатого скота – 18 %, пса – 18 %, дельфина – 6%) Помимо этих находок, нами обнаружено внутри той же структуры 1, у основания западной части стены, в двух очень неглубоких ямках, два почти целых скелета козлят в возрасте 3-4 месяцев.

В развалинах, образовавшихся в результате пожара, находились между прочими: обломок мраморной витиевой плитки, глиняные светильники нескольких типов, пряслица, бронзовый ключ, а главное – многочисленные фрагменты глиняных сосудов (амфоры, импортная и местная краснолаковая посуда, кружальная и лепная кухонная керамика). Весь исследованный керамический комплекс датируется концом II – первой половиной III вв. н.э. [13, с. 89-91; 5; 14, с. 238-262; 8, с. 113-119].

Скорее всего, круглая постройка была двухэтажной, и высота наземной постройки должна была составить 2,50-3,0 м с учётом высоты крыши [6, с. 51; 5, с. 84].

Круглое сооружение 2 (рис. 2, 4) расположено впритык к первому. Как показывает план комплекса, западный участок стены более крупного круглого сооружения 1 частично заходит на восточный участок стены сооружения 2. Скорее всего, в определённый момент более ранней структуры 2 было уже недостаточно или, вероятнее всего, она была разрушена итоге к ней решили пристроить другую, больших размеров. Внутренний диаметр структуры 2 достигает 4,60 - 5,20 м, внешний – 6,50 – 7,50 м. Широкая, местами достигающая 1 м стена сооружения, также как в случае структуры 1, была построена на скале, вокруг внутреннего края окружного котлована. Кладка стены была выполнена из разной величины, очень нерегулярных камней местного известняка, местами соединённых глиной. Камни, использованные для строительства стены, сохранившейся на высоту 0,80 - 1,20 м, были найдены где-то поблизости от усадьбы, возможно, часть из них взята из скального основания в пределах самой структуры. Вход в заглублённое на 1,0 – 1,20 м внутреннее пространство помещения находился в южной части. Ширина входа составляет 0,70-0,75 м. Внутрь помещения проводили три крутых и довольно сильно наклонённых каменных ступени из нерегулярных камней средних размеров. Следует отметить, что верхняя поверхность ступеней сильно заглажена. Дневной поверхностью внутри помещения структуры 2 являлась достаточно горизонтальная поверхность скалы, дополненная на участке входа средних размеров плитами.

В заполнении круглой структуры 2, достигающем мощностью едва 0,40 – 0,75 м, нами выделены под дёром два слоя: слой каменного завала, возникший в результате натурального разрушения помещения и развала его стен, ниже – слой достаточно твёрдой и грязной земли, серо-ржавого и серо-коричневого оттенка, мощностью около 0,30 м. В этом слое имеются горелые пятна от пожара и пережженной земли.

На полу сооружения 2 между плит, на уровне материка, обнаружена медная монета (античная, херсонесский тетрассарий, выпуска около 285-295 гг. н.э.)

Изучение довольно многочисленных и невыразительных фрагментов керамических сосудов (в основном амфор, а также столовой и кухонной посуды) свидетельствует, как и в случае структуры 1, о доминировании материала конца II - начала III вв. н.э. [3]. Но встречаются фрагменты сосудов, которые хронологически относятся к средневековью. Так, например, по всей толще культурных напластований имеются фрагменты амфор IX-XI вв. [1, с. 88-89, рис. 15]. Данный факт может свидетельствовать о том, что помещение 2 было заброшено и впоследствии могло служить какое-то время для сваливания бытового мусора.

Сооружение 2 должно было быть достаточно низким, его стены, похоже, не превышали высоты 1,5-2,0 м над поверхностью грунта с внешней стороны, причём круглая структура 2, в которой не найдено черепицы, скорее всего, была покрыта лёгкой крышей из камыша или соломы, в то время круглая структура 1 – черепицей.

Среди более чем ста фрагментов костей животных из заполнения сооружения 2, которые удалось определить и, которые в большинстве следует признать за остатки пищи, 76 % составили кости овец и коз, а 11,5 % крупного рогатого скота.

В 2007 году в результате геофизических исследований на расстоянии приблизительно 17 м на юго-запад от двух уже выявленных круглых помещений была зафиксирована электромагнитная аномалия, указывающая на существование круглой структуры. В 2009

году на указанном участке были начаты археологические раскопки, в результате которых действительно обнаружена ещё одна круглая конструкция.

Круглое сооружение 3 (рис. 5) правильной формы, небольших размеров, внутренний диаметр равен 4,00 м. Стены по внешнему периметру ещё не выявлены. С северо-восточной стороны в помещение ведёт вход (который первоначально приняли за дромос, ведущий в погребальную камеру). Длина входа – 2,60 м, ширина – 0,90 м. Стенки входа, как и самого круглого помещения, выложены камнем.

Высота выявленных стен с внутренней стороны достигает 0,80 - 1,40 м. Кладка состоит из камней средних и крупных размеров. Некоторые представляют собой большие блоки, хорошо обработанные, особенно угловые – участки перехода ко входу. Основание стены почти везде покоятся на материковой скале. Само помещение, как и в предыдущих случаях, заглублено на 0,40 м в скалу.

Общая мощность культурных напластований круглой структуры 3 – 1,20-1,40 м. Под дёром можно выделить два слоя. Слой 1, мощностью 1,00 -1,20 м., представляет собой каменный завал, возникший в результате разрушения стен помещения. Ниже - слой ржаво-коричневого сыпучего материкового грунта с небольшим содержанием щебня, мощностью 0,07 – 0,10 м. В этом слое имеются горелые пятны от пожара и пережжённой земли. В слое 1 под дёром обнаружен железный наконечник копья (стрелы).

В центральной части помещения обнаружена яма глубиной до 0,60 м, выдолблена в скале (размеры 1,40 x 1,50 м), которую заполняет грунт тёмно-коричневого цвета, почти без камней. Содержание ямы: кости животных (рыбы, грызунов), тонкостенная керамика, амфоры, немного лепной керамики, мало фрагментов черепиц, фрагмент оселка, фрагмент жернова.

В результате исследований круглого сооружения 3 обнаружен многочисленный керамический материал (фрагменты черепицы, пифосов, амфор, столовой и кухонной посуды), который в основном относится к II – III вв. н.э. [3], но встречаются фрагменты более ранних сосудов. Привлекает внимание необыкновенная раздробленность и хаотичность расположения фрагментов керамического материала. Функциональное назначение данного круглого сооружения представляется не совсем ясным. Скорее всего, оно служило хозяйственным целям.

Во всех круглых структурах не обнаружено следов существования остатков подстилки (навоза), характерной для стойла.

Ни план и архитектура, ни археологический материал не дают однозначного ответа на вопрос о функциях круглых в плане строений. Ответ на данный вопрос, возможно, принесут дальнейшие исследования, в результате которых мы сможем выяснить связь окружных структур со строением усадьбы 343 и, не исключено, также с усадьбой 344. Однако уже сейчас можно критически рассмотреть существующие гипотезы.

С одной стороны, их заглубление и крутые ступени входа, скорее всего, исключают возможность интерпретации структур 1, 2 и 3 как загородки или стойла для овец и коз, а с другой два скелета, возможно, сдохших козлят как раз могут свидетельствовать об этой функции [9, с. 228].

Датировка обеих структур концом II - началом III вв. н.э. решительно исключают предложение В.М. Зубаря видеть в них, как в случае других круглых сооружениях на Гераклейском полуострове, юртоподобные строения, используемые в качестве жилищ кочевым населением в V и VI вв. [4, с. 232-260].

Мало правдоподобным является также предложение А.В. Буйских, которая склонна причислить круглый объект на усадьбе 343 к группе производственных сооружений [2, с. 241]. В археологическом материале, обнаруженному в данных структурах, совершенно отсутствуют следы, которые можно было бы отнести к какой-либо продукции. Е.Ю. Клёнина, которая без оснований выделяет две фазы функционирования структуры 1, считает на основании находок светильников типа *Palaimonion*, что в первой фазе помещение могло использоваться в качестве домашнего святилища Деметры и Коры [5, с. 84]. Однако, так как светильники упомянутого типа обнаруживаются в слоях римского времени на памятниках археологии Гераклейского полуострова и Херсонеса в контекстах, не имеющих сакрального зна-

чения [8, с. 118], упомянутая гипотеза теряет смысл. Для второй фазы Е.Ю. Клёнина предлагает жилищно-хозяйственное назначение сооружения 1, в чём поддерживает высказанный несколько лет назад взгляд первого из авторов настоящей статьи [6, с. 52].

Самые близкие аналогии нашим сооружениям 1, 2 и 3 находим на усадьбе земельного надела 227 в центральной части Гераклейского полуострова, где два круглых помещения Kr-I и Kr-II имеют подобное заглубление внутренней части, выровненный пол, узкие входы и крутые лестницы [9, с. 227]. Если не считать существования стены, разделяющей на две половины структуру 1 на усадьбе 343, то главным отличием круглых помещений на усадьбе 227 от исследованных нами являются размеры. Диаметр сооружений усадьбы 227 достигает только 4,0 м. В данный момент, авторы соглашаются, что в случае круглых сооружений мы имеем дело, скорее всего, со складскими помещениями для хранения продуктов животноводства (мясо, сыр) [15, р. 22]. Подобную функцию «своего рода холодильные камеры для хранения скоропортящихся продуктов: мяса, сыра, молока» то есть складирования признают В.И. Кузицин и А.И. Иванчик обнаруженным круглым помещениям Kr-I и Kr-II на усадьбе земельного надела 227 [9, с. 227-228]. В свою очередь В.М. Зубарь выступает с обоснованной критикой данной гипотезы [4, с. 246]. Что касается ещё одного круглого сооружения на усадьбе 227, которое достигает диаметром 30,0 м, по мнению исследователей, оно предназначалось для содержания овец [9, с. 227-229] или также лошадей [4, с. 254]. Мы, на основании паралелей из провинций Римской империи, высказали мнение о предназначении данного сооружения для выездки лошадей (7, с. 91).

В свою очередь А.В. Буйских, на основании параллелей в Аттике, трактует упомянутый объект как ток для обмолота зерновых [2, с. 241-242], с чем мы не можем согласиться, учитывая отсутствие каких-либо данных о выращивании зерновых на совершенно непригодной для этой цели большей части территории Гераклейского полуострова, в том числе, и в окрестностях усадьбы 227. В ситуации, когда в пределах упомянутой застройки усадьбы 227 имеются ещё, по крайней мере, два прямоугольных помещения, предназначенные, без сомнения, для овец и коз, большой круглый в плане объект, стоящий отдельно, имеет (при столь характерной форме) все черты греческого гутоса, то есть круглой площадки для выездки коней.

Таким образом, мы видим, что круглые сооружения, встречающиеся на территории античной сельской округи Херсонеса в последние годы, привлекают пристальное внимание учёных, интригуют в смысле интерпретации их функционального назначения. Хочется надеяться, что дальнейшие открытия смогут принести дополнительную информацию.

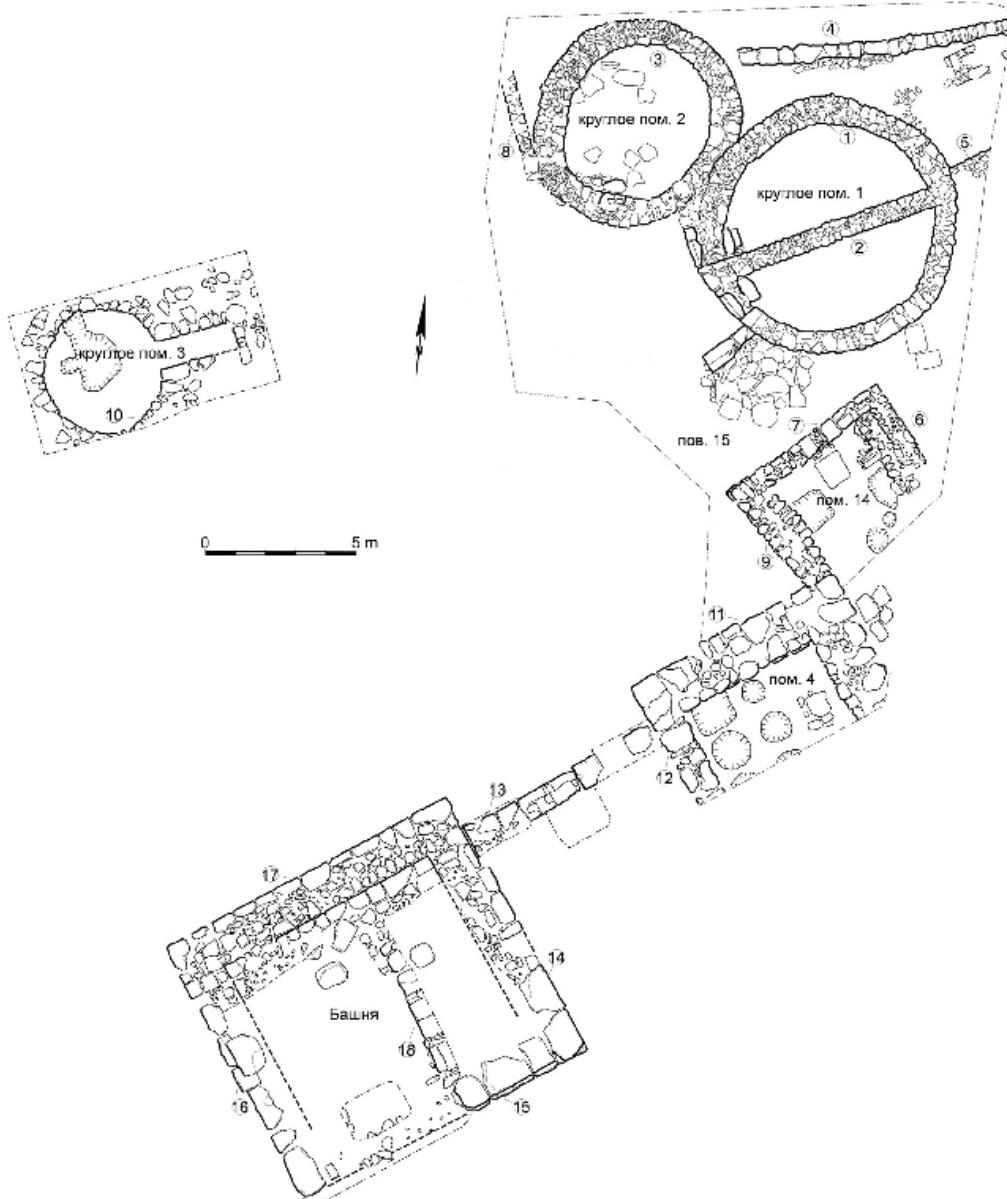
Источники и литература.

1. Антонова И.А., Даниленко В.Н., Иващуга Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. № 7. С. 81-101.
2. Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху Симферополь, 2008.
3. Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. 136 с.
4. Зубарь В.М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове: Итоги раскопок и некоторые итоги изучения. К., 2007. 318 с.
5. Клёнина Е.Ю., Созник В.В. Керамические сосуды II-III вв. н.э. из усадьбы „Близнецы” (хора Херсонеса Таврического). Познань, 2004. 113 с.
6. Ковалевская Л.А. Типы построек римского времени в округе Херсонеса // Światawit. 1999. 42. С. 49-53.
7. Ковалевская Л.А., Сарновски Т. О хозяйственном укладе одной из херсонесских усадеб в позднеримское время // ВДИ. 2002. № 3. С. 85-92.
8. Ковалевская-Сарновска Л.А. рецензия на книгу: Клёнина Е.Ю. (при участии Созник В.В.) Керамические сосуды II-III вв. н.э. из усадьбы «Близнецы» (хора Херсонеса Таврического). – Институт истории Университета им. А. Мицкевича. Poznań 2004 // Археология. 2005 (укр.). № 4. С. 113-119.
9. Кузицин В.И., Иванчик А.И. «Усадьба Басилидов» в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. 1998. № 1. С. 205-233.
10. Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастровый IV-III вв. до н.э. Часть II, Севастополь. 2001. 164 с.
11. Сарновски Т., Ковалевская Л.А. О защите Херсонесского государства римским военным контингентом // Российская археология. 2004. № 2. С. 40-50.
12. Созник В.В. Отчёт о раскопках усадьбы надела 31 в Юхариной балке под названием «Близнецы» и надела 46 в западной части Гераклейского полуострова. 1988 год. // НЗХТ. Д. № 2984.

13. Созник В.В. Керамический комплекс римской эпохи из раскопок на Гераклейском полуострове // Тезисы докладов VIII международной конференции „Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и в средние века», Ростов-на-Дону, 1996. С. 89-91.
14. Созник В.В. Круглая башня на усадьбе „Близнецы” на хоре Херсонеса Таврческого // Боспорские исследования. 2005. № 8. С. 238-262.
15. Osborne R. Is it a Farm? The Definition of Agricultural Site and Settlements in Ancient Greece // Agriculture in Ancient Greece. Stockholm. 1992.
16. Янышев Н. Краткое описание древних сооружений, находящихся на Гераклейском полуострове. 1932 год // НЗХТ. Д. № 476.

Сокращения.

АДСВ –	Античная древность и средние века
ВДИ –	Вестник древней истории
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР
НЗХТ -	Национальный заповедник „Херсонес Таврический”

Рис. 1. План строительных остатков круглых сооружений на земельном наделе 343.

Рис. 2. Круглые сооружения 1 и 2, вид с юго-востока.

Рис. 3. Круглое сооружение 1, вид с юго-запада.

Рис. 4. Круглое сооружение 2, вид с юго-запада.

Рис. 5. Круглое сооружение 3, вид с северо-востока.

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ХЕРСОНЕСА
(НА ПРИМЕРЕ РАСПИСНЫХ СТЕЛ ИЗ БАШНИ ЗЕНОНА)**

МОСЕЙКО Ю.Т.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

Эллинистический период для Херсонеса является периодом расцвета во многих сферах жизни города. Оживляется градостроительная деятельность, появляются прекрасные образцы скульптуры, архитектуры и живописи. Расцвет херсонесского искусства отражается и в памятниках архитектуры малых форм, образцом которых являются надгробные сооружения. Прекрасный пример таких надгробий – расписные стелы из башни Зенона.

Расписные надгробные стелы – явление в античном мире достаточно редкое, поэтому, каждая находка является уникальной, становится предметом пристального изучения. Расписные стелы известны в Афинах, на Кипре, в Македонии, в некрополе Сайды (совр. Турция), особенно много их в некрополе города Деметриас, около современного г. Волос (Греция). Памятники эти сохранились плохо, слой краски виден лишь на некоторых из них, и то лишь фрагментарно. В несколько лучшем состоянии надгробия из Большого кургана в Вергине.

На этих памятниках сохранился красочный слой, поскольку они были обнаружены в насыпи кургана, т.е. не находились под открытым небом.

Ввиду немногочисленности и плохой сохранности античных расписных надгробных памятников, херсонесские стелы являются бесспорно важным источником не только по истории Херсонеса, но и античного мира в целом.

Первые расписные надгробия были обнаружены в Херсонесе К.К. Косцюшко - Валюжиничем в 1897 г. К сожалению, учёный не датировал памятники и оставил очень скучное их описание. В 1910 г. четыре стелы обнаружил в ходе исследования башни Зиона Р.Х. Лепер. Памятники сохраняли следы полихромии, но из-за плохих условий хранения их очень скоро утратили.

Через полстолетия многочисленные надгробные памятники были обнаружены в ходе консервационных работ в башне Зиона под руководством С.Ф. Стржелецкого и В.Н. Даниленко. Из ядра башни было извлечено 345 фрагментов различных типов надгробий и архитектурных деталей, из которых 165 сохранили остатки полихромной росписи, 42 имеют надписи. Было собрано 146 фрагментов надгробных стел, некоторые из них удалось собрать полностью. Кроме того, были найдены фрагменты архитектурных сооружений, которые также относились к погребальным сооружениям – в частности, фрагменты наисков и саркофагов.

Поскольку херсонесские расписные стелы находились в забутовке ядра башни и не были подвержены воздействию природных явлений, многие из них почти полностью сохранили красочный слой. Такая степень сохранности позволяет судить не только о погребальном обряде, экономике города и составе населения, но и об уровне художественного мастерства эллинистических мастеров, прежде всего, собственно херсонесских.

Тогда же, в 1960-е годы, стелы были подробно описаны. Надгробные памятники, прежде всего как исторический источник, были блестяще проанализированы В. Н. Даниленко. Ему же принадлежит типология херсонесских стел. Также изучением надписей, рельефов и росписи стел занимались Э. И. Соломоник, С. Ф. Стржелецкий, Л. Г. Колесникова.

В последующие годы стелы считались сравнительно изученным материалом, однако публикации А.В. Буйских, Б.Н. Фёдорова, работы Дж. Картера показывают, что предстоит решить ещё ряд вопросов. Предполагается, что не все надгробные памятники извлечены из башни. Не до конца ясны условия, при которых надгробия попали в крадку первого строительного периода башни. Стелы, проливая свет на разнообразные сферы жизни Херсонеса, ставят, тем не менее, перед исследователями ряд вопросов. Чем объясняется строгость погребального обряда в Херсонесе? Как выполнялись росписи стел (состав некоторых красок, ин-

струменты, которыми выполнялись росписи – все это остается пока неизвестным)? Наконец, как выглядело надгробие и херсонесский эллинистический некрополь в целом? Эти вопросы решены сегодня только на уровне гипотез.

Восстановленная стела выглядит как вертикально стоящая плита, высотой от 160-170 до 200 см, шириной от 27 до 48 см и шириной от 11 до 22 см. К верхней части стела сужается, это предаёт ей лёгкие и стройные пропорции. Херсонесские стелы имеют местное происхождение, сделаны из местного известняка, т. н. «кинкерманского камня». Привозными были, очевидно, только редкие детали – мраморные акротерии и розетки (аттические). Внизу каждая имеет прямоугольный шип, с помощью которого она крепилась на постаменте, скорее всего, ступенчатом. На лицевой грани писалось имя умершего: для мужчины это его имя с именем отца, для женщины – её имя с именем её мужа и именем её отца (иногда только имя мужа или только имя отца). Под именем рельефно или живописно изображались атрибуты умершего. Это правило очень строгое для Херсонеса, где изображение людей на эллинистическом надгробии, в отличие, например, от Афин, встречено только в одном случае (стела Лисханорида, сына Эукла). Следует учитывать, что Эукл был иностранцем с острова Тенедос, чем объясняется необычность памятника. Во всех же остальных случаях изображение умершего заменяется изображениями, с ним связанными. Для женщин это всегда яркая лента – тэнция и ала-бастр. Мужчины в Херсонесе, как в типичном дорийском полисе, делились по возрастным группам. Мальчики и юноши проходили гимнастическое обучение, взрослые мужчины-воины защищали родину с оружием в руках, старики воевать уже не могли. Соответственно этому делению, атрибутами умерших на стелах были: для юношей – стригиль и сосуд для масла (арифалл), необходимые каждому атлету; для умерших в зрелом возрасте – меч с портупеей; а для тех, кто отправился на Острова Блаженных, уже достигнув преклонного возраста, – сучковатый посох, символ старости и мудрости [3, с. 15].

Каждая стела – это миниатюрная копия храма. В эллинистический период наблюдается почти повсеместная для античного мира героизация умерших, которых, даже если они не были выдающимися людьми, чтили и в какой-то мере опасались потомки. Таким образом, как божество обитало в храме, так и обожествлённый герой обитал в месте своего погребения, имитирующем храм.

В зависимости от того, как стелы представляют внешний вид храма или отдельных элементов его архитектуры, В. Н. Даниленко были выделены 4 их типа.

I тип – стелы с фронтом.

II тип – стелы с антефиксами.

III тип – стелы с акротерием в виде пальметки.

IV тип – стелы с простым профицированным карнизом.

I тип надгробий – это модель храма с простой двускатной крышей. Эволюционно такие памятники происходят от героонов и наисков. Впоследствии эта форма использовалась не только для надгробий. В частности, Херсонесская присяга выполнена именно в виде плиты, которую венчает фронтон. Кроме того, в виде фасада храма с фронтоном выполнены некоторые херсонесские алтари, также принадлежащие эллинистическому периоду. Надгробия с фронтоном широко распространены в Аттике, Этолии, Лаконии, Фессалии, Северной Африке, Западном Средиземноморье и на Боспоре. В эллинистическом Херсонесе памятники с фронтоном ставили только на погребениях женщин.

II тип стел представлен надгробиями с антефиксами. Этот тип тоже изображает храм, только в ином виде. Храм показан не спереди, а сбоку. Зритель видит как бы один скат крыши с рядом антефиксов по краю. Характерной особенностью этого типа является то, что такие стелы устанавливались только в качестве мужских надгробий. Единственное исключение – стела Адеи. Аналогичные памятники встречаются в Афинах. На Боспоре стелы с антефиксами неизвестны, в отличие от стел I типа. Такое оформление стел I и II типов, которое позволяет издалека, без прочтения надписи, определить, кому поставлен памятник – женщине или мужчине – неизвестен в других античных центрах.

Стелы III типа (получившие название стел-акротерииев) венчаются одним акротерием, основание которого равно ширине стелы. Акротерии либо вырублены из той же плиты, что и стела, либо соединяются при помощи шипа. В последнем случае акротерий изготавлялся из

более мягкого камня, чем стела. Некоторые акротерии имеют рельефные украшения: пальметки, растительный орнамент. Ряд акротериев, напротив, имеет гладкую лицевую поверхность. В таком случае орнамент рисовался на камне. Стелы с акротерием широко распространены в разных центрах античного мира, особенно в Афинах. Именно под аттическим влиянием они распространились в античных городах-государствах Северного Причерноморья.

IV тип стел наиболее лаконичен и строг по форме. Памятники этого типа заканчиваются простым карнизом.

Стелы III и IV типов ставились и женщинам, и мужчинам. Правило ставить стелы 1-го и 2-го типа только на женские или на мужские погребения уже в римское время не соблюдалось так строго [4, с. 9].

Поскольку стелы представляют собой миниатюрные копии храмов, интересно соотношение традиций культовой архитектуры эллинистического Херсонеса и архитектурных памятников малых форм. В Херсонесе известны храмы, решённые в дорийском и ионийском ордере [6, с. 197-222]. Концом IV – началом III вв. до н.э. датируются фрагменты ордера пропильного ионийского храма (реконструкция И.Р. Пичикяна, М.И. Золотарёва и А.В. Буйских). В Херсонесе зафиксировано следование двум архитектурным школам – ионийской и аттической. Для ордера малоазийской школы характерно наличие богатой рельефной прорезки. Для аттической типична полихромная роспись профилей, имитирующих резьбу. Херсонесские стелы выполнены в аттическом варианте ионийского ордера – их венчающие и цокольные части украшены не рельефом, как, например, боспорские надгробия, а полихромной росписью: лесбийский киматий, овы. Другие архитектурные детали надгробных памятников из башни Зенона, в частности, антовые капители, выполнены как в аттической, так и в малоазийской манере и имеют либо рельефный декор в виде ионийского и лесбийского киматиев, либо полихромную роспись [2, с. 22].

Дорийский ордер получил распространение в Херсонесе в первой половине IV в. до н. э. И.Р. Пичикяну принадлежит реконструкция дорийского храма этого времени. Стел, выполненных в дорийском ордере, нет. Судя по всему, дорийский ордер также присутствовал в погребальной архитектуре эллинистического Херсонеса, но только в оформлении наисков [1, с. 24-25].

Росписи, сохранившиеся на стелах из башни Зенона, были выполнены восковыми красками в сложной и трудоемкой технике.

Эта техника называется энкаустической и заключается в том, что художник наносил расплавленные восковые краски на мраморную или другую поверхность. Краски таким образом вжигались в поверхность, а художник, работающий в этой технике, назывался у греков «вжигающим», а сами мастера энкаустики подписывались с добавлением к своему имени слова «ενεχαε» («он вжег»). Эта техника живописи позволяла создавать поразительно реалистичные картины. «*Еще мгновение – и ты, воск, залечешь!*» – такими были слова восхищения Анакреонта, повествующего о правдоподобности изображения, выполненного в технике энкаустики [8, с. 9]. О восковой живописи подробнее всего из античных авторов рассказывает Плиний Старший в «Естественной истории». Он приводит различные примеры высокого мастерства художников, прежде всего греческих, владевших техникой энкаустики, и отмечает поразительную реалистичность их картин. Когда греческий мастер Зевксис нарисовал мальчика, несущего виноград, этот виноград слетелись клевать птицы. Кроме того, отмечает Плиний, греческие мастера умели применять светотень и оттенки цветов. Такая живопись, безусловно, высоко ценилась у современников и у последующих поколений. Важным является также рассказ Плиния о применении восковой живописи греками для росписи своих кораблей, так как «*такая роспись... не страдает ни от солнца, ни от солёной морской воды, ни от ветров*» [7, XXXV, 149].

Росписи херсонесских стел в полной мере подтверждают свидетельства древних авторов. Сохранность живописи беспрецедентна, и не только из-за условий хранения, но и благодаря свойствам восковой живописи. Применение греческими мастерами светотени, обратной перспективы и других художественных приемов свидетельствуют как росписи стел, так и росписи других фрагментов погребальных сооружений, составлявших, по всей видимости,

единый комплекс со стелами. Вершины херсонесской живописи эллинистического времени – роспись саркофага и фрагмент с изображением головы юноши.

Необходимо отметить, что практически бесспорным является местный характер производства херсонесских стел. В отличие от редких привозных деталей, основные элементы надгробий были изготовлены в стенах города. На это указывает материал – известняк, встречавшийся буквально в нескольких сотнях метров от Херсонеса. Все шесть красок, применявшиеся для росписей стел, - белая, черная, красная, желтая, синяя и зеленая – имеют природное происхождение и также могли быть изготовлены на месте. Экономический подъём в эллинистическом Херсонесе, по всей видимости, способствовал притоку в город мастеров, возможно, из других античных центров, принесших архитектурные традиции различных школ. Возможно, отсюда – малоазийские и аттические мотивы в оформлении стел. Дж. Картер предполагает наличие в Херсонесе сразу нескольких мастерских по производству стел, выполнявших надгробия различных типов [5, с. 32-39].

Таким образом, херсонесские полихромные стелы, являясь массовым материалом местного производства, дают прекрасный материал не только для изучения социальной, экономической, политической и этнической истории города, но и служат прекрасным образцом памятника художественного искусства как для Херсонеса, так и для всего античного мира.

Источники и литература.

1. Буйских А. В. О культовой архитектуре античных городов Северного Причерноморья VI-V вв. до н. э. // ХСб. 1997. VIII. С. 23-26.
2. Буйских А. В. К изучению стилей в монументальной архитектуре Херсонеса Таврического первых веков н. э. // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Севастополь. 2001. С. 13-33.
3. Даниленко В. Н. Опыт реконструкции херсонесского надгробия // АДСВ. 1963. С. 14-26.
4. Даниленко В. Н. Стелы эллинистического Херсонеса как исторический источник // Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Харьков, 1968. 17 с.
5. Картер Дж. Надгробия Херсонеса: Исследования и консервация. Севастополь, 2006. 91 с.
6. Пичикян И. Р. Малая Азия – Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М, 1984. 295 с.
7. Плиний Старший об искусстве. Одесса, 1918. 90 с.
8. Хвостенко Т. В. Энкаустика. Искусство, пережившее тысячелетия. М., 1985. 92 с.

Сокращения.

АДСВ –	Античная древность и средние века
ХСб. –	Херсонесский сборник

Рис.1. Женские надгробия первого типа

Рис. 2. Мужское надгробие второго типа

Рис. 3. Стела с акротерием

**ПРОБЛЕМА ГРЕКО-ВАРВАРСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ЗАПАДНОМ КРЫМУ В VI В.
ДО Н.Э. – II В. Н.Э.: ДВА ПОДХОДА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Новикова О.В.

Южноукраинский национальный педагогический университет

Проблема греко-варварских контактов на периферии античного мира представляет собой фундаментальную проблему древней истории. Процесс исторического развития окраинных районов греческой ойкумены во многом был обусловлен характером их взаимодействия с местным населением. Этот вопрос всегда привлекал интерес и находился в центре внимание исследователей, ученых и путешественников.

В настоящей статье предлагается рассмотреть дореволюционный этап изучения греко-варварских взаимоотношений в Западном Крыму, который охватывает большую часть XIX и начало XX столетий. В этот период изучения греко-варварских взаимоотношений условно, можно выделить два подхода. Первый предполагает при написании обобщающих работ использование сообщений древнегреческих авторов (нарративных источников), в той или иной связи касавшихся событий, происходивших на территории Северного Причерноморья, в частности Западного Крыма и соседних «варварских народов». Второй подход («археологический»), предполагает использование вещественных источников (археологических, эпиграфических, нумизматических). Его применение начинается с использованием научных методик раскопок античных городов и использования археологических материалов как исторического источника.

Применение первого подхода соответствует начальному историографическому этапу в изучении греко-варварских взаимоотношений. Этот этап, согласно периодизации И.В. Тункиной, длился с конца XVIII до середины XIX вв. и обозначается ею как становление русского научного знания об античных памятниках Северного Причерноморья [14, с. 314].

Следует отметить, что появление интереса к античному Причерноморью в целом и Херсонесу Таврическому в частности, началось еще в конце XVIII в., после присоединения Крыма к России. Путешественников интересовали многочисленные хорошо сохранившиеся памятники и связанные с ними исторические события, скучные сведения о которых встречались в трудах античных писателей (Страбона, Плиния), в частности, в описаниях военно-политических событий времен Митридата Евпатора (см. рис. 1).

Большинство первых исследователей Крыма (Мартин Броневский, П. Сумароков, Е.А. Болховитинов) считало, что у тавров и скифов с греческими колонистами складывались враждебные отношения, которые перерастали в войны между ними (херсонеситов со скифами). П. Сумароков, например, писал: «*Притеснения, насильственные действия скифов вынудили обратиться за помощью к Митридату VI, царю Понтийскому. Митридат, пришедший на защиту, победил скифов...*» [13, с. 30].

В изданиях того времени распространилась точка зрения, что Херсонес существовал в окружении воинственных и обычно враждебных ему племен – тавров и скифов, но эти выводы основывались лишь на сведениях античных авторов, и подтвердить его учени-путешественники не могли.

Не меньшей популярностью пользовалась и древняя топонимика. Неоднократно предпринимались попытки локализовать античные города, скифские крепости Неаполь, Хабеи и Палакий, упомянутые Страбоном. Памятники пытались локализовать интуитивно, без археологического обоснования, а потому неточно.

Например, в сочинениях И. Тунманна и С. Сестренцевич-Богуша изложение многих исторических процессов и конкретных исторических фактов страдает множеством дефектов, ошибок, пробелов. В историческом очерке И. Тунманна «Крымское ханство»

упоминается, что «тавры понемногу распространили свое владычество почти на весь полуостров. Они теснили Боспорское государство и Херсонесскую республику налогами и опустошениями до тех пор, пока эти отдалились под власть целиком Митридату Понтийскому около 112 г. до Р.Х.» [15, с. 18]. Эти представления оказались ошибочными. В историческом очерке «История царства Херсонеса Таврического» (1806 г.) С. Сестренцевич-Богуш предпринял попытку локализовать перечисленные Страбоном скифские крепости. Палакий, Хабеи и Неаполь ученый митрополит разместил в районе Инкермана [3, с. 239]. Вышеуказанные авторы не бывали в Крыму, и при написании своих трудов использовали доступные им сведения античных и средневековых авторов.

Попытку идентификации многих находок, сделанных на территории Крыма, с сопоставлением имеющиеся сведений письменных источников (труды Страбона, Геродота) предпринял П.И. Кеппен. Так, найденный в 1826 г. на левом берегу Салгира, в развалинах древнего укрепления, камень-песчаник с изображением всадника на коне и греческой надписью, упоминающей Скилура, по его предположению, свидетельствовал о существовании здесь Неаполя, одного из трех укреплений, созданных сыновьями скифского царя Скилура, о котором упоминает Страбон (VII, 312) [8, с. 36-37]. Археологические раскопки подтвердили верность этой гипотезы.

Второй подход, согласно современной историографии античности, относится к периоду с конца XIX в. до 1917 г., и связан с расширением источниковедческой базы и изменением в организации научных исследований [6, с. 139].

Интерес к раскопкам в Херсонесе и Северо-Западном Крыму возрос в связи с открытием летом 1878 г. почетного декрета в честь понтийского полководца Диофанта – надписи, дополнившей сообщение Страбона о ходе войны херсонесцев и понтийцев со скифами, а также о крепостях, полководцах и стратегических целях понтийской армии [10, с. 36] (см. рис. 2).

Первыми находку охарактеризовали В.Н. Юрьевич и П.О. Бурачков [17; 4]. По мнению В.Н. Юрьевича, упомянутые происшествия дают возможность определить с большой достоверностью последовательный порядок войн Митридата VI со скифами до окончательного завоевания Таврического полуострова и утверждения в нем династии Ахеменидов [17, с. 15].

П. Бурачков писал, что надпись, удостоверяющая нахождение в Крыму Керкинитиды и Калос-Лимена, заслуживает особенного внимания со стороны археологов. «Чисто греческое название и местонахождение Калос-Лимена в средине Скифии, в близком расстоянии от Геродотовского Каркинитеса, показывает, с одной стороны, влияние, которое имели на скифов, а с другой, открывает источник происхождения вещей греческого искусства, встречаемых в приднепровских курганах» [4, с. 247].

Еще один сюжет, который можно рассматривать через призму взаимоотношений греков и скифов, связан с существованием некой оборонительной стены (или стен). Вопрос о «баснословном укреплении» принадлежал к числу спорных вопросов истории Херсонеса. Подробно историю этого вопроса описывает А.А. Бобринский (1905 г.): «через весь перешеек, между портом Ктенунтом (от Севастополя или Инкермана) и гаванью Символов было, по рассказу некоторых историков, выстроено укрепление, длиною в 40 стадий, которое называлось стеной херсонесцев, и должно было оградить колонию от набегов скифов. По другим сведениям, эта стена находилась гораздо восточнее, между Феодосией и небольшим полуостровом на Меотиде (Азовском море), носившем название Херронеса Зенона» [2, с. 16]. О существовании укреплений в Херсонесе говорит Аппиан, писатель II века до Р.Х., называющий Херсонес «крепосцей» [2, с. 17].

Некоторые путешественники по Тавриде, например П.-С. Паллас в 1793 г., И.М. Муравьев-Апостол, ссылаясь на Страбона, упоминавшего об осаде этой стены скифами, писали, что видели остатки стены и рва перед нею [12, с. 97; 11, с. 73].

Многие авторы использовали эти сведения в изданиях, носящих научно-популярный характер, при этом их данные почти не отличались друг от друга. Так, митрополит Евгений (Болховитинов) в статье «О следах древнего Греческого города Херсона, доныне видимых в Крыму» (1822 г.) ссылаясь на Страбона, также высказывает предположение о существовании

оборонительной стены от скифов: «*В те времена, когда Митридат защищал Херсонес от нападения Тавров и скифов, Диофант, полководец его, провел для лучшей обороны каменную стену от Ктеноса до Херсона, и оба города посредством этого были вместе соединены. Где точно Ктенос находился, не обозначается, кажется, что ему должно быть посередине гавани того же имени*» [5, с. 154-155].

Б. В. Кене приводит свидетельство древнего писателя Гипсикрата, повествующего, что укрепление херсонесцев было сложено из больших неотесанных каменей, без цемента, и имело 360 стадий в длину (66 верст). Стена служила как средство защиты от нападений скифских наездников [7, с. 199].

Историки, допускающие существование названного укрепления, показывают разное время его сооружения. «*Одни говорят, что стена воздвигнута была вскоре после основания Херсонеса, другие относят эту защиту города к концу II века, ко времени борьбы города с скифским царем Скилуром, третьи приписывают построение укрепления босфорскому царю Асандрю, в I веке до Р.Х.*» [2, с. 17].

А. А. Бобринский полагал, что если допустить существование названной стены между Балаклавой и Севастополем, то площадка, на которой расположился город Херсонес, обращается в обширную крепость, главным укреплением которой представлялся сам город с его защитными стенами, толщиной 6 футов.

Военный инженер и ученый А. Л. Бертье-Делагард первым обратил внимание на полную невозможность существования между Инкерманом и Балаклавой стены, воздвигнутой на тринадцативерстном расстоянии гарнизоном Диофанта, на ее бесцельность и необъяснимое совершенное исчезновение [9, с. 57]. При этом А. Л. Бертье-Делагард указывал о топографической ошибке древнего географа Страбона [1, с. 56]. Впоследствии исследователь согласился, учитывая результаты раскопок 1889 года (открытие древнегреческой стены Херсонеса IV века до Р.Х.), что придерживаться мнения Страбона о перенесении города на другое место больше нельзя. Таким образом, описание осады, данное Страбоном, может относиться только к поселению около Казачьей бухты (где, по всей вероятности, и расположена была одна из крепостей херсонитов) [16, с. 65]. По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, Страбон точен в описании топографии побережья, просто со стороны моря две бухты могли быть приняты им за одну [1, с. 56].

В 1890 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич по указанию А. Л. Бертье-Делагарда исследовал остатки оборонительных стен и башен на перешейке в верховьях Казачьей бухты [9, с. 57]. По его мнению, на этом месте мог быть расположен не только гарнизон Диофанта, но и целый город, который находился там сравнительно недолго, был малолюден и беден, и около III в. до н. э. перенесен на новое место [9, с. 55].

Таким образом, проведенные раскопки не обнаружили никаких следов громадных укреплений. В дальнейшем, начиная с конца XIX в., вопрос о времени возникновения поселения на Маячном полуострове (так называемый «старый Херсонес»), и оборонительной стены, открытой К. К. Косцюшко-Валюжиничем и в последующем исследованной Н. М. Печенкиным, послужила темой для научных дискуссий.

Подводя итог дореволюционному этапу изучения греко-варварских взаимоотношений в Западном Крыму, можно заключить, что при использовании «археологического» подхода, был сделан значительный шаг вперед: внимание исследователей сосредоточилось на изучении отношений между эллинами и местным населением. Однако продвинуть вперед историко-географическую идентификацию археологических объектов можно было только применяя комплексный подход, когда наряду с археологическими источниками для освещения той или иной стороны истории, быта или искусства привлекались труды древних авторов. Данные археологии, найденные эпиграфические документы, подкрепляемые сведениями античной литературной традиции, создавали для ученых этого времени хоть и довольно загадочную, но все-таки более ясную, чем прежде картину, взаимоотношений Херсонеса и местных варваров.

Источники и литература.

1. Бертье-Делагард А. Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. СПб. 1893. № 12. 64 с.
2. Бобринский А. А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. СПб., 1905. 196 с.
3. Богуш-Сестренцевич С. История царства Херсонеса Таврийского. СПб., 1806. Т.1. 440 с.
4. Бурачков П. Опыт соглашения открытой в Херсонисе надписи с природой местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Диофанта полководца Митрадата со Скифами // ЗООИД. Одесса. 1881. Т. 12. С. 222-248.
5. Евгений [Болховитинов Е. А.] О следах древнего Греческого города Херсона, доныне видимых в Крыму // ОЗ. СПб. 1822. Ч.9. С. 145 – 157.
6. Историография античной истории / под ред. В. И Кузицина. М., 1980. 415 с.
7. Кёне Б. В. Херонес (Севастополь) // ЖМНП. СПб. 1855. Ч. LXXXVIII. №11. С. 110 – 132.
8. Кеппен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических // Крымский сборник. СПб. 1837. 409 с.
9. Косюшко-Валюжинич К. К. Важное археологическое открытие в Крыму // ИТУАК. Симферополь. 1891. Т. 13. С. 55-61.
10. Латышев В.В. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсониса Таврического // ЖМНП. СПб, 1884. Ч. XXXIII. С. 35-77.
11. Муравьев-Аpostол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820. СПб., 1923. 333 с.
12. Паллас П. Путешествие по Крыму в 1793 и 1794 годах академика П. С. Палласа // ЗООИД. Одесса. 1881. Т. 12. Ч. 1. С. 62 – 208.
13. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М., 1806. Т.1. 238 с.
14. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII - середина XIX в.). М. 2002. 676 с.
15. Тунманн. Крымское ханство. Симферополь. 1991. 96 с.
16. Штерн М. Я. О результатах новейших раскопок в Херсонесе / М. Я. Штерн // ЗООИД. Одесса. 1900. Т. 22. С. 62-66.
17. Юрьевич В.Н. Об именах иностранных на надписях Ольвии, Боспора и других греческих городов северного прибрежья Понта Евксинского // ЗООИД. Одесса. 1872. Т.8. С. 4-38.

Сокращения.

ЖМНП –	Журнал Министерства народного просвещения.
ЗООИД –	Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗОРСА ИРАО –	Записки Отделения Русской и Славянской Археологии Императорского Русского Археологического Общества
ИТУАК –	Известия таврической ученой архивной комиссии
МАР –	материалы по археологии России
ОЗ –	Отечественные записки.

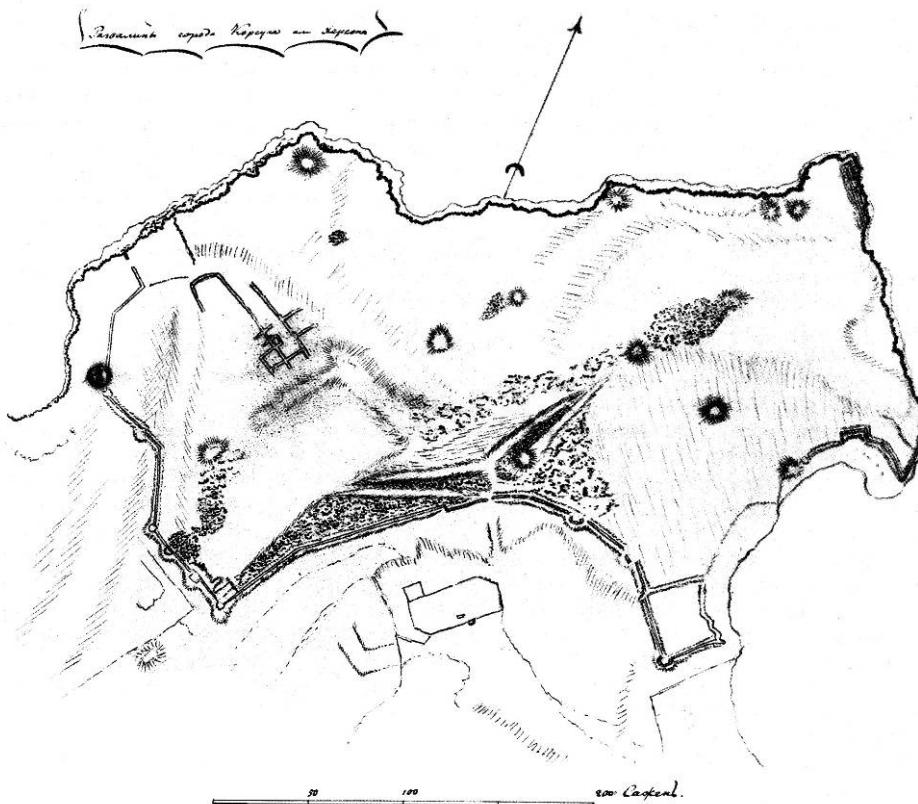

Рис. 1. Развалины города Корсун или Херсона.
Копия П.И. Кёппена с чертежа неизвестного автора. 1819 г.

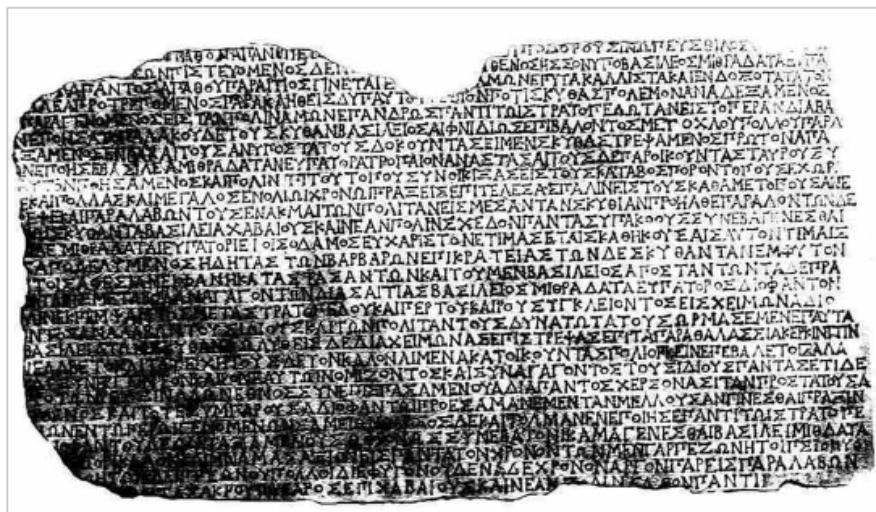

Рис. 2. Декрет граждан Херсонеса в честь Диофанта

БРОНЗОВЫЙ ТРЕНОЖНИК ИЗ РАСКОПОК ХСVII КВАРТАЛА В ХЕРСОНЕСЕ

НОВИЦКАЯ Л.Н.

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»

Истории и археологии античного Херсонеса (византийского Херсона) посвящены сотни работ – статей, каталогов и монографий. В то же время можно отметить, что за многие десятилетия раскопок Херсонеса и его округи накопилось огромное количество материала, который до сих пор не введен в научный оборот. В частности, археологические исследования Северо-восточного района, начатые еще Одесским обществом истории и древностей, К.К. Косцюшко-Валюжиничем и Р.Х. Лепером, с 70-х гг. XX в. были продолжены экспедицией под руководством М.И. Золотарева, в результате чего были получены разнообразные материалы для дальнейшего изучения этого района города. Относительно херсонесских материалов в целом, можно отметить, что за последние годы стали появляться публикации, посвященные комплексам керамических находок, предметам из стекла. Однако к находкам из металла исследователи пока не обращались, а этот материал не стоит оставлять без внимания, так как его анализ поможет сложить более полную картину материальной культуры, развития ремесел, экономических и культурных связей Херсонеса сPontийским регионом и восточным Средиземноморьем. Находки из металла достаточно многочисленны и потребуется время для их детального изучения. Поэтому, в данный момент работа по изучению отдельных предметов только начинается, и некоторые предварительные результаты ее будут представлены в настоящей публикации.

Рис. 1. Бронзовый треножник из раскопок ХСVII квартала Херсонеса. 1992 г.

из бронзы, по времени вписывающихся в этот хронологический период. Среди указанной группы предметов ножки, выполненные в виде звериных лап, встречаются весьма часто, и характерны как для античности, так и для раннего средневековья.

Так, в Керчи при раскопках некрополя в 1895 и 1912 гг. были найдены два бронзовых канделябра в виде каннелированных стержней на трех ножках, изображавших звериные лапы [4, №№ 1159, 1161]. Эти канделябры считаются предметами итальянского производства I в. н. э. [3, с. 51]. К тому же типу можно отнести канделябр из Новороссийска [4, № 760; 1, с. 221]. Аналогичен керченским и канделябр из Недвиговки, Ростовской обл. [4, № 1157; 9, с. 90, рис. 123]. Высота канделябров достигала более 1 м, в верхней их части располагалось

Речь пойдет только об одном предмете. В 1992 г., в ходе раскопок ХСVII квартала в помещении № 12а, был найден небольшой бронзовый треножник (рис. 1). Две ножки его утрачены, сохранившаяся оформлена в виде звериной лапки. Край бортика чаши оформлен зубцами (сохранились 12 и основание 13-го), высота их составляет 1 см. Размеры треножника: высота – 5 см, высота сохранившейся ножки – 2,5 см, диаметр нижнего основания чаши – 3,5 см, диаметр чаши от концов лепестков – 6,5 см.

В отчете о раскопках треножник упоминается как бронзовый подсвечник из позднеэллинистического слоя, поэтому было решено начать поиск аналогий среди подсвечников, канделябров

небольшое навершие (чаще всего в форме чаши), которое служило площадкой для установки светильника. Форма ножек указанных изделий стилистически схожа с треножником из Херсонеса, но верхняя их часть имеет совершенно иной характер. У одного из керченских канделябров в месте присоединения стержня к подставке имеется чашечка, по верхнему краю оформленная 12-ю лепестками [8, табл. LX]. Значительно меньший размер херсонесского треножника и форма его чаши с покатыми стенками, расширяющаяся кверху, указывают на то, что стержень в данном случае не предусматривался.

Найденный в Усть-Лабинске Краснодарского края в 1902 г. бронзовый канделябр на трех ножках и с основанием в виде перевернутой чаши [4, № 1156; 7, с. 78], имеет тот же мотив изготовления ножек, но верхняя его часть с херсонесским треножником не соотносится. Возможно, более близкой по характеру можно считать бронзовую подставку под лампу из Керчи [4, № 1158; 6, с. 60], ножки которой также были выполнены в виде звериных лап, прикрепленных к уплощенному круглому основанию. Подставка датируется по сопутствующему материалу, в частности, по византийской монете императора Льва I (457-474 гг.). Форму ножек подставки, которые являются более схематичными, чем у импортных изделий I в. н. э., сопоставляют с памятниками V-VI вв. [5, с. 49]. В коллекции херсонесского музея также есть несколько бронзовых подсвечников, датируемых V-VI вв.

Учитывая столь широкое распространение звериного мотива в изготовлении ножек бронзовых предметов и характерность его для разных периодов, представляется затруднительным использование этого признака для определения датировки находки. По форме чашечки аналогии еще предстоит найти. При дальнейшей работе по атрибуции херсонесского треножника стоит также учитывать и тот факт, что практически все перечисленные выше бронзовые канделябры найдены в погребениях и являются предметами культового назначения. Помещение № 12 XCVII квартала Херсонеса, где был найден бронзовый треножник, представляет собой скорее часть жилой застройки.

Делая предварительные выводы относительно датировки херсонесского треножника, можно опереться на материал раскопок, найденный в том же пятом слое 12 помещения. Амфорная тара из этого слоя датируется I-III вв. н. э. [2, с. 17]. Фрагменты краснолаковых тарелок, чашек с отогнутым и загнутым краем относят к I-II вв. Там найдена также монета имп. Лициния (308-324 гг.). Таким образом, по сопутствующему материалу треножник можно датировать временем не позднее IV в. В отношении его функционального назначения представляется возможным говорить о том, что треножник мог быть использован как светильник открытого типа (после реставрации невозможно установить наличие следов копоти и масла) или же служил подставкой для светильника. Таковы предварительные результаты исследования одной из находок XCVII квартала Херсонеса.

Источники и литература.

1. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. 622 с.
2. Золотарев М.И., Ушаков С.В., Коробков Д.Ю. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1992 г. // Архив НЗХТ. Д. 3109.
3. Книпович Т.Н. Танаис. Историко-археологическое исследование. М.-Л., 1949. 180 с.
4. Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. - V в. н.э.) // САИ. Вып. Д1-27. М., 1970.
5. Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926. 66 с.
6. ОАК за 1891 г. СПб., 1893.
7. ОАК за 1902 г. СПб., 1904.
8. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. СПб., 1913. Таблицы I-CXII.
9. Толстой И.И., Кондаков Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. I. СПб., 1889. 118 с.

Сокращения.

НЗХТ - Национальный заповедник «Херсонес Таврический».

ОАК - Отчет Археологической Комиссии.

САИ - Свод археологических источников.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КРЕПОСТНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ХЕРСОНЕСА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ НА 19-Й КУРТИНЕ)

САМОЙЛЕНКО В.Г.

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»

Археологические исследования 2008 года, о которых пойдет речь ниже, проводились в рамках консервационно-реставрационных работ на куртине № 19 и башне № XVI. В процессе изучения состояния фундамента стены и археологических наслойений, были заложены шурфы и траншеи для подведения нового фундамента (рис. 1).

Куртина 19 представляет собой западную оборонительную линию так называемой «цитадели», расположенной в Юго-восточном районе Херсонеса. «Цитадель» - участок, размером 42x90 м., территориально отделенный от основной оборонительной системы города и окружённый оборонительными стенами (рис. 2). Куртина 19 расположена между башнями № XVI и № XVII. Длина куртины около 89 м., ширина на разных участках колеблется от 3-х до 4-х метров. Стена в нижней части сложена из больших камней насухо. Верхняя часть представляет собой ряды кордонной кладки с бутовым заполнением на известковом растворе и добавлением цемянки (рис. 3). В северо-западной части куртины расположены две калитки, относящиеся к разным строительным периодам: одна из них расположена выше другой (рис. 4).

Предыстория наших исследований такова. Юго-восточный участок оборонительной системы Херсонеса Таврического открыт раскопками К.К. Косцюшко-Валюжинича в конце XIX века. Куртина 19 частично изучена им в 1900 году (рис. 5). К.К. Косцюшко-Валюжинич сделал вывод о её строительстве во вторую половину греческого периода [11, с. 1]. По монетам и большому количеству клейм на ручках амфор херсонесских астиномов куртина 19 датировалась III-II вв. до н.э. [11, с. 8]. К западу от куртины 19 К.К. Косцюшко-Валюжинич произвёл раскопки большого комплекса керамических печей эллинистического периода [11, с. 1].

Через несколько лет известный учёный и военный инженер А.Л. Бертье-Делагард провёл обследование оборонительной системы Херсонеса. Автор отметил, что первоначально оборонительные сооружения юго-восточной части Херсонеса располагались в пределах XIII, XIV, XV, XVI и XIX башен. Весь участок, расположенный далее к югу, и представляющий собой неправильный четырёхугольник с башнями XVII и XVIII пристроен позднее [3, с. 91]. Автор отверг возможность датировки куртины по монетам и клеймам. Датирующим фактором могут служить технические особенности арочного проёма калитки, в которых прослеживается римское влияние. Он предположил, что она могла появиться не ранее первой половины I века до н.э. [3, с. 153] (рис. 6). После смерти К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1907 г. раскопки в юго-восточной части Херсонеса продолжил новый заведующий музеем Р.Х. Лепер. В 1910 г. Р.Х. Лепер раскопал ядро башни «Зинона» первого строительного периода и выявил, что башня составляет одно целое с 19 куртиной и второй стеной 20 куртины [6, с. 147].

Со стороны цитадели участок около 19 куртины изучался К.Э. Гриневичем в 1928 году (рис. 7). Проведенные им раскопки 1927-1928 гг. позволили сделать предположение о постройке «цитадели» не ранее конца IV- начала III вв. до н.э. (рис. 8). С тыльной стороны куртины, около арочного хода, был открыт фрагмент, являющийся продолжением «древнейшей» стены, открытой с тыльной стороны 16 куртины и датированной VI-V вв. до н. э. [8, с. 60]. В результате К.Э. Гриневич сделал вывод о существовании в портовом районе архаического ионийского поселения [8, с. 64]. В послевоенное время работы по изучению оборонительных сооружений в Юго-восточном районе продолжил С.Ф. Стржелецкий. Он определил строительство 19 куртины не ранее начала III и не позже начала II в. до н. э. [15, с. 25]. Средневековые строительные ярусы 19 куртины изучались А.Л. Якобсоном. Кордонная кладка в северо-

западной части куртины датируется им концом V века. Квадровая кладка, выполненная на известковом растворе с добавлением цемянки, была отнесена к VI веку [17, с. 96].

Большую часть своих исследований И.А. Антонова посвятила изучению оборонительных сооружений юго-восточного района Херсонеса. Автор выделяет несколько строительных периодов 19 куртины. Стена первого строительного периода датируется серединой-концом III в. до н.э. [2, с. 120]. Ряды крупных блоков мшанкового известняка, положенных в системе двурядной орфостатной сложной кладки с забутовкой на известковом растворе относятся к VI веку [2, с.121, 128]. Два ряда бутовых камней, к югу от западного угла куртины, и однорядная орфостатная простая кладка представляет собой третий строительный период, продатированной ею IX-X веком [2, с. 121]. В X веке в южной части куртины с тыльной стороны возводится стена с целью её укрепления и предотвращения опрокидывания под давлением насыпного грунта в периболе [2, с. 123].

А.В. Буйских, проанализировав материал, полученный И.А. Антоновой из раскопок заполнения между 1 и 2 стеной 20 куртины, оставила без изменений установленную автором дату строительства первых оборонительных сооружений цитадели [4, с. 87].

Раскопки 2008 года проходили в северо-западной части 19 куртины (рис. 9). Оказалось, что куртина с напольной стороны не имеет каменного основания, а построена на плотном, толщиной около 0,2 м. слое с включением фрагментов херсонесской керамики, известняковой крошки и морского песка. Стена построена на археологических наслойениях мощностью от 0,7-1 м и более. В ходе работ были открыты слои деятельности керамической мастерской и три слоя известнякового отёса. Каждый слой отёса хорошо уплотнён и являлся отсыпкой грунта при вырубке скалы для устройства печей и инфраструктуры располагающегося выше Керамика. Под слоями отёса прослежены последовательно три слоя античной дороги.

Находки керамического материала из слоя под основанием стены представлены фрагментами херсонесских кувшинов (рис. 10, 9-11), венцами II типа херсонесских амфор (рис. 10, I, 4-5) и ножками II типа херсонесских амфор, датирующихся концом IV – началом III вв. до н.э. (рис. 10, 3, 6-7) [13, с. 72]. Из слоя также извлечены фрагменты херсонесских амфор с ножками IV типа конца IV – начала второй трети III вв. до н.э. (рис. 10, 2) [13, с. 73]. Из слоя происходят также стенки херсонесских мисок с загнутым внутрь краем. По клеймам и сопутствующим керамическим находкам из слоя мы датируем основание стены концом последней четверти IV – началом III вв. до н. э.

Находки керамического материала из нижнего слоя отёса представлены фрагментами фасосской амфоры коническо-биконического типа биконического варианта развитой биконической серии II-B-1 70-30 гг. IV в. до н. э. [14, табл. 43, № 3], амфор Пепарета солохинского варианта I-A первой половины IV вв. до н. э. [14, табл. 68, № 4], Гераклеи II типа вариант II-2 70-30 г. IV вв. до н. э. [14, табл. 94, № 3], Книда с высоким цилиндрическим горлом и грибовидным венцом варианта I-B (геленджикский) середины - III четверти IV вв. до н. э. [14, табл. 71, № 5].

На поверхности верхнего слоя дороги, в завале керамики, обнаружена ручка синопской амфоры с клеймом [ΑΣΤΥ] ΝΟΜΟΥΝΤΟΣ [ΜΑΝΤΙΘ]ΕΟΣ Голова Гермеса вправо, датированного (по Федосееву) ок. 354 г. до н.э. [16, с. 45] или 30-20 гг. IV в. до н.э. [10, с. 267].

Находки керамического материала из слоя под дорогой (на скале) представлены фрагментами гераклейских амфор конического типа варианта II-1 70-40 гг. IV в. до н.э. (рис. 11, I) [14, табл. 93, № 4], конического типа варианта II-3 60-30 гг. IV в. до н.э. (рис. 11, 8) [14, табл. 94, № 5], конического типа варианта I-1 80-70 гг. IV в. до н.э. (рис. 11, 7) [14, табл. 86, № 2], типа I-A варианта I-A-2 70-40 гг. IV в. до н.э. (рис. 11, 5) [14, табл. 92, № 4], пифоидного типа варианта I-3 рубежа V – начала IV вв. до н.э. (рис. 11, 10) [14, табл. 87, № 1].

Кроме них – фрагмент синопской амфоры пифоидного типа вариантов I-D-1 40-х гг. IV в. до н. э. (рис. 11, 4) [14, табл. 101, № 1], фрагмент псевдо-фасосской амфоры последней четверти V в. до н.э. (рис. 11, 9) [14, табл. 56, № 2], фрагмент фасосской амфоры коническо-биконического типа конического варианта II-C-1 конца V в. до н.э. (рис. 11, 2) [14, табл. 47, № 1], фрагмента фасосской амфоры коническо-биконический тип развитой биконической серии II-B-2 40- середины 30-х годов IV в. до н.э. (рис. 11, 6) [14, табл. 44, № 6]. Среди других находок нужно отметить крупный фрагмент книдской миски, фрагменты аттических тарелок с овами и пальметтами между двух кругов и дном скифоса с

двумя кольцевыми кругами на дне (рис. 11, 11, 13). Датируются они серединой IV в.а до н.э. [9, с. 30, 34]. Из слоя под дорогой происходит фрагмент кратера с орнаментом на внутренней поверхности в виде изображения крыла, нанесённого пером (рис. 11, 12). Для внутренней росписи использован разбавленный коричневый лак. По аналогиям техники исполнения росписи из Керкинитиды [5, с. 105, № 89] фрагмент может быть датирован серединой IV в. до н.э. В заполнении естественной ямы на скале найден венец милетской амфоры классического типа Ольвийского варианта II-A (рис. 11, 14) второй четверти - середины V в. до н.э. [14, табл. 19 № 6]. Все эти находки датируются, таким образом, в пределах середины V - середины IV вв. до н.э. Под дорогой встречены херсонесские монеты от 80-х годов до середины IV века до н.э. [15, с. 68].

Раскоп со стороны цитадели прошёл по участку, исследованному К.Э. Гриневичем в 1928 году [7, с. 2]. Заполнение состояло из двух последовательных засыпей, в которых встречен материал XX столетия. В результате исследований нами отмечено неравномерное залегание фундамента с напольной и тыльной стороны куртины. В северо-восточной части, около арочного хода в цитадель, 19 куртина опирается на стену предшествующей постройки, имеющей несколько иное северо-восточное направление. Удалось проследить 5 рядов каменной кладки из хорошо обработанных с лицевой стороны блоков известняка. Размеры блоков неравномерны, в среднем около 0,2x0,4 м.

На расстоянии 32,5 м от арочного хода в цитадель с тыльной стороны 19 куртины был обследован вертикальный шов в кладке. В отчёте 1928 года об этих конструктивных особенностях стены ничего не сообщается. На момент начала раскопок высота вертикального шва составляла 2,2 м. Шов перекрывается кладкой фундаментного ряда строительного периода раннесредневекового времени. Кладка стены в разных частях не соответствует по типу и высоте рядов. В результате обследования выяснилось, что кладка стены имеет продолжение на глубину более 1,5 м и опирается на скальную поверхность. По мере заглубления, шов в стене из вертикального переходил в ступенчатый, опускаясь в сторону арочного прохода калитки около башни XVI. Таким образом, было выяснено, что часть стены, расположенная справа, построена позднее на основании частично разобранной стены более раннего времени. Полная, прослеженная раскопом высота раннего участка 19 куртины составляет 3,7 м. Стена в юго-западной части шурфа опирается на скалу (рис. 12). Полученная в результате раскопок информация и общие технические особенности обеих частей куртины позволили сделать предположение о расположении под существующим фрагментом 19 куртины стены раннего времени, выделив его в первый строительный период.

Для ослабления давления куртины на нестабильные участки кладки было принято решение разобрать верхнюю часть забутовки на протяжении 16 метров, начиная от арочного прохода около башни XVI. Выборку предполагалось производить до уровня эллинистического периода.

Первая часть кладки (III строительный период) представляет собой «кордон на ребро, плита на образок». Прослежена кладка на расстоянии 8 м., начиная от арочного прохода около башни XVI. Забутовка сплошная. Состоит из рваного известнякового камня, фрагментов архитектурных деталей эллинистического и римского периода, керамики III-V вв., скреплённых известковым раствором с добавлением цемянки. Эта кладка опирается непосредственно на кладку и забутовку стены эллинистического периода, верхний ряд которой представляет собой также кладку «кордон на ребро, плита на образок». По керамическому материалу строительный период датируется не позднее V века.

С юго-восточной стороны к кладке стены V века вплотную примыкает бутовая кладка фундамента стены раннесредневекового времени. Фундамент состоит из трёх рядов кладки, сложенной из крупных необработанных блоков известняка и скреплённых известковым раствором с добавлением цемянки. На месте соединения кладок прослеживается характерный вертикальный шов. Основная кладка стены двухлицевая, трёхслойная. Лицевые блоки неравномерны, часто обработаны только с внешней стороны или вторичного использования. В верхней части кладки на высоту 1-1,2 м. лицевые блоки не сохранились. Забутовка сплошная, состоит из рваного известнякового камня, фрагментов архитектурных деталей эллинистического и римского периода, керамики от периода эллинизма до V – первой половины VII вв.

Из слоя забутовки происходит монета императора Льва I 457-474 гг. [18, р. 369, п. 4339]. Там же найден фрагмент мраморного надгробия с изображением стилизованного храма и рельефным портретом юноши (рис. 13, 1). Из второго ряда фундамента извлечена монета императора Юстиниана I [1, с. 156-157, табл. XXII, № 311-314] и фрагменты погребальных конструкций эллинистического периода (рис. 13, 2-3). По керамическому материалу и монетам этот строительный период 19 куртины датируется в пределах второй половины VI – первой половине VII веков.

После снятия третьего ряда фундамента средневековой стены открылся уровень забутовки эллинистического периода, с частично сохранившимся слоем. Основное количество обнаруженных раскопками 2008 года архитектурных фрагментов IV-III вв. до н.э. происходят из этого слоя.

С целью дальнейшего выявления архитектурных фрагментов и обследования забутовки стены эллинистического периода, на расстоянии 2,5 м от лицевой части с арочным проходом, был заложен шурф размером 1,8x3 метра. Размеры шурфа обусловлены особенностями кладки внутренней части куртины и крупными камнями забутовки. Шурф прошёл через всю толщу забутовки стены. Максимальная глубина шурфа составила 3,4 м.

В заполнении стены обнаружен незначительный керамический материал, состоящий из фрагментов херсонесских амфор с венцами II типа конца IV – начала III вв. до н.э. [13, с. 71], ножками херсонесских амфор II типа, датирующихся тем же временем [13, с. 72], мисок, стеклокувшинов с красными полосами на тулове, стенок чернолаковой тарелки, канфара и двух фрагментов ручек херсонесских амфор с клеймами астиномов первой хронологической группы подгруппы В ΑΘΑΝΑΙΟ[Υ] ΕΙΣΕΜΠΟ[ΡΙΟΝ] и [ΠΑ]ΣΙΩΝ[ΟC] [ΑC]ΤΥΝ[ΟМОΥ] первой четверти III в. до н.э. [10, с. 302].

Под основанием куртины были открыты слои деятельности гончарной мастерской и дороги, аналогичные по стратиграфическому залеганию слоям, открытых нами со стороны перебола. Найдена ручка херсонесской амфоры с фрагментированным клеймом [ΑΓΑΣΙΚΛΕΟ]С [ΑСΤΥΝΟ]МОΥ первой четверти III вв. до н.э. [10, с. 303].

В основании шурфа слои, образовавшиеся в результате деятельности гончарной мастерской, перекрывали остатки лицевой кладки стены шириной 1,65-1,7 м первого строительного периода куртины № 19 (рис. 14, 1-2). Открыты три ряда лицевой кладки стены и забутовка. По характеру кладка двухлицевая трехслойная с забутовкой на глине. Панцирные блоки хорошо обработаны только с наружной стороны. Ширина блоков лицевой кладки 0,45-0,5 м, внутренней – 0,3-0,35 м. С северной стороны шурфа расчищены два блока тыльной стороны 19 куртины первого строительного периода. На поверхности забутовки найдена ножка гераклейской амфоры конического типа варианта II-2 50-40 гг. IV в. до н.э. [14, табл. 94, № 2]. Небольшой шурф вдоль лицевой части стены первого строительного периода доведён до слоёв отёса и песчаного слоя античной дороги, открытой нами со стороны перебола.

Таким образом, на исследуемом в 2008 году северо-западном участке 19 куртины выявлены четыре строительных периода.

Стена первого строительного периода прослежена с тыльной стороны цитадели на протяжении почти 50 метров. Она практически повторяет направление существующей 19 куртины с небольшим отклонением к северо-востоку около башни XVI. Максимальная высота сохранившейся кладки составляет 3,7 м. Первый строительный период 19 куртины надёжно датируется по перекрывающим её слоям деятельности гончарной мастерской, античной дороги, примыкающей к лицевой кладке стены со стороны перебола. Дорога перекрывает слои с материалом конца второй четверти-середины IV века до н.э. Учитывая значительную высоту сохранившихся частей, их ширину и ряд других технических особенностей, можно заключить, что стена выполняла функции оборонительного назначения. Аналогичная по конструкции оборонительная стена Керкинитиды датирована серединой IV в. до н.э. [12, с. 145]. Мы относим открытую в 2008 году стену первого строительного периода к участку ранней оборонительной линии Херсонеса середины IV в. до н.э. и не связываем её со строительством «цитадели».

В конце IV в. до н.э. стена первого строительного периода 19 куртины частично разбирается. Об этом свидетельствует фрагментарная сохранность ранних стен, перекрытых обо-

ронительными стенами позднего времени. Северо-западный участок стены 19 куртины перекрывают слои деятельности керамической мастерской с клеймами херсонесских и синопских астиномов. Ко второму строительному периоду мы относим организацию «цитадели». Датирующим фактором для времени устройства 19 куртины второго строительного периода служит керамика и керамические клейма, обнаруженные в слоях под основанием или забутовке стены. Строительство 19 куртины второго строительного периода, следуя хронологии керамических клейм, разработанной В.И. Кацем, произошло в пределах 80-70 годов III в. до н.э. Керамический материал из забутовки куртины также не выходит за пределы позднее первой четверти III в. до н.э.

Третий строительный период 19 куртины характеризуется кордонной кладкой и по керамическому материалу датируется не позднее V века.

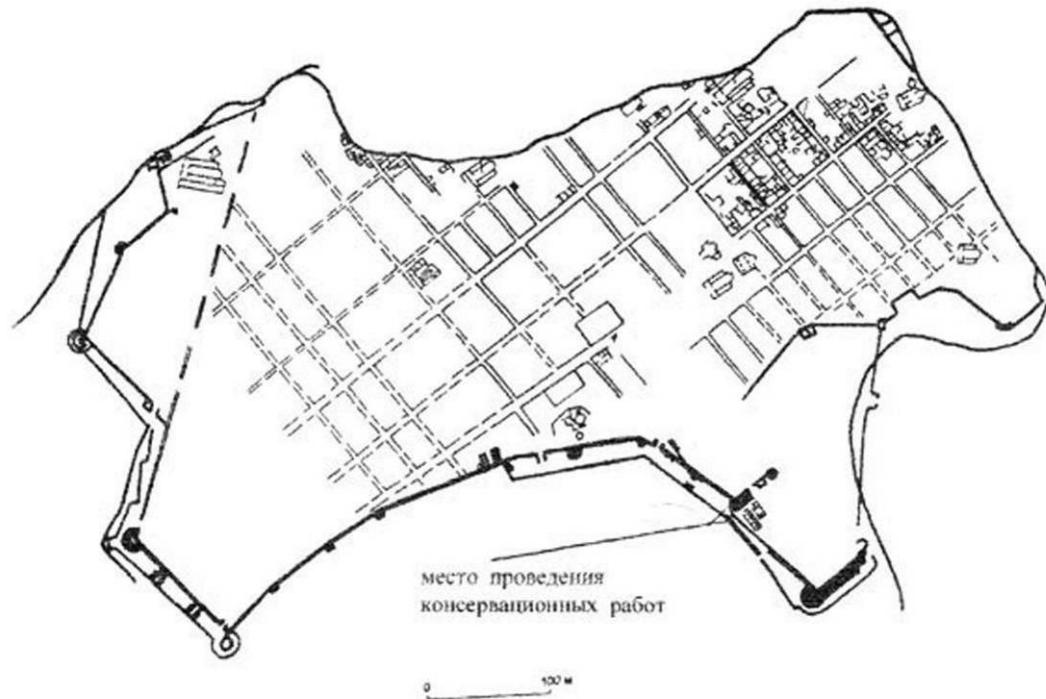
При строительстве куртины чётвёртого строительного периода использовалась квадровая кладка. По монетам и керамическому материалу она датируется в пределах второй половины VI - первой половины VII веков.

Источники и литература.

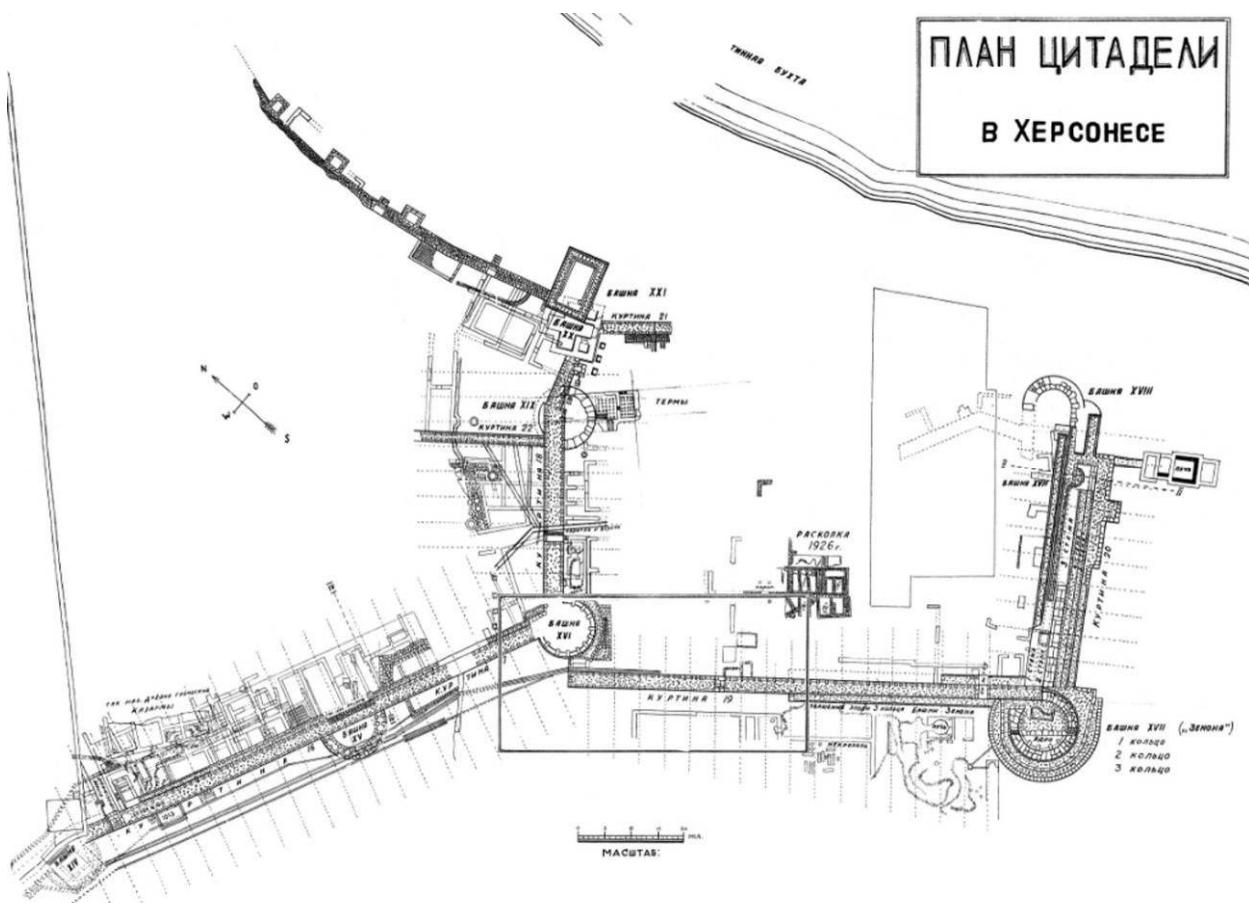
1. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э.-XII в.н.э.). К. 1977. 174 с.
2. Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб. 1996. Вып.VII. С. 101-131.
3. Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21. 207 с.
4. Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. SUPPLEMENT. Вып. 5. Симферополь. 2008. 424 с.
5. Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы из крымских музеев. Каталог коллекции. Симферополь. 2003. 128 с.
6. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчёт за 1900 год // Архив НЗХТ. Д. № 9. 82 с.
7. Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч.2. // ХСб. 1927. Вып. 2. С. 7-104.
8. Гриневич К. Э. Отчёт о раскопках в 1928 г. Архив НЗХТ. Д. № 276.
9. Гриневич К. Э. Техника и типы кладок датированных стен античного Херсонеса // Техника обработки камня и металла. М. 1930. С. 61-69.
10. Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV-II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма // М. 2009. 209 с.
11. Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма. Симферополь-Керчь. 2007. 478 с.
12. Кутайсов В.А. Керкинитида. Симферополь. 1992. 192 с.
13. Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV-II вв. до н.э. Саратов. 1989. 156 с.
14. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Москва-Саратов. 2003. 352 с.
15. Стржелецкий С.Ф. Башня Зенона. Исследования 1960-1961 гг. // Сообщения херсонесского музея. Симферополь. 1969. С. 7-29.
16. Федосеев Н.Ф. Уточнённый список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе // ВДИ. 1993. № 2.
17. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. Вып. 63. 364 с.
18. Sear D.R. Roman coins and their values. London. 1988.

Сокращения.

ВДИ –	Вестник древней истории.
ИАК –	Известия археологической комиссии.
НЗХТ –	Национальный заповедник „Херсонес Таврический”.
МАИЭТ –	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР.
ХСб. –	Херсонесский сборник.

Рис. 1. План Херсонеса с указанием места проведения работ

Рис. 2. План цитадели с указанием участка работ

Рис. 3. Северо-западный угол куртины перед началом работ

Рис. 4. Арочный свод калитки 19 куртины. Вид со стороны цитадели

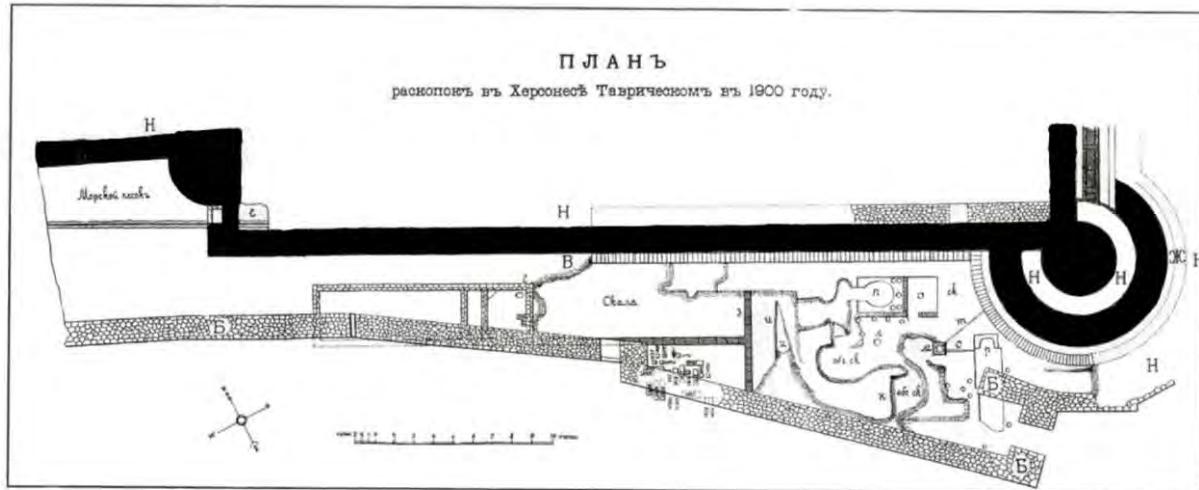

Рис. 5. План раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1900 году

Рис. 6. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича около башни XVI и 19 куртины

Рис. 7. План раскопок 1928 года около 19 куртины

Рис. 8. Ход раскопок вдоль 19 куртины в 1928 году. Вид с юго-востока

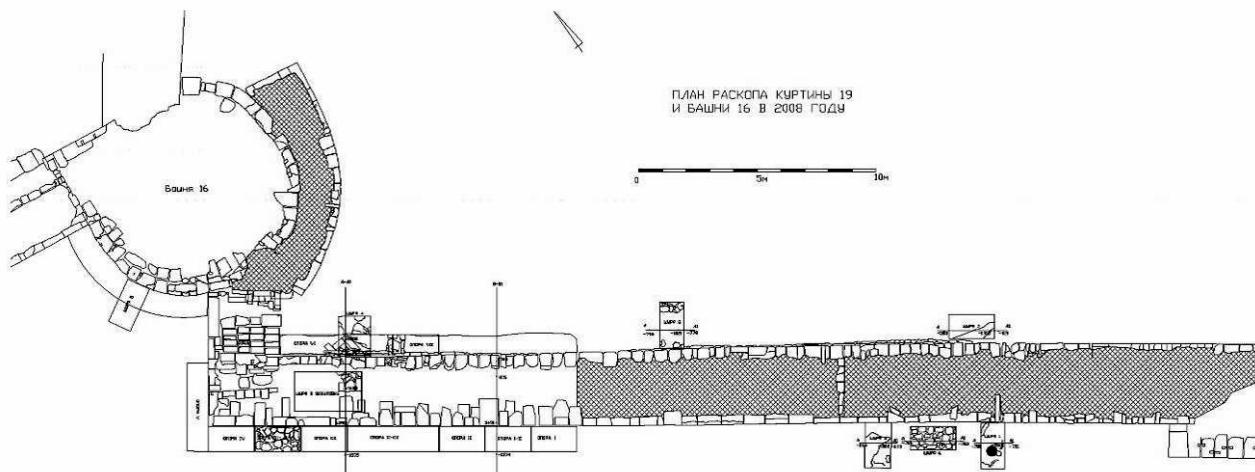

Рис. 9. План раскопа 19 куртины и башни XVI в 2008 году

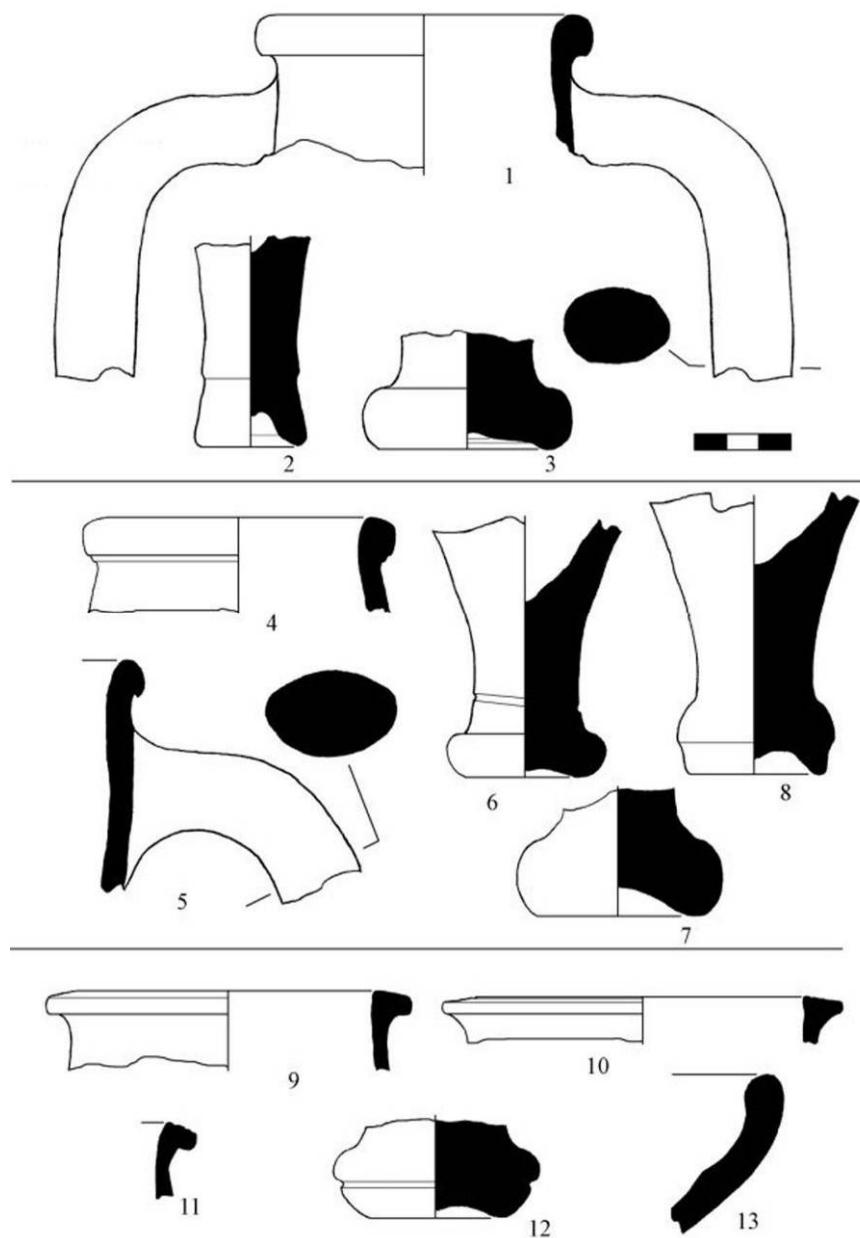

Рис. 10. Керамика из слоя деятельности гончарной мастерской

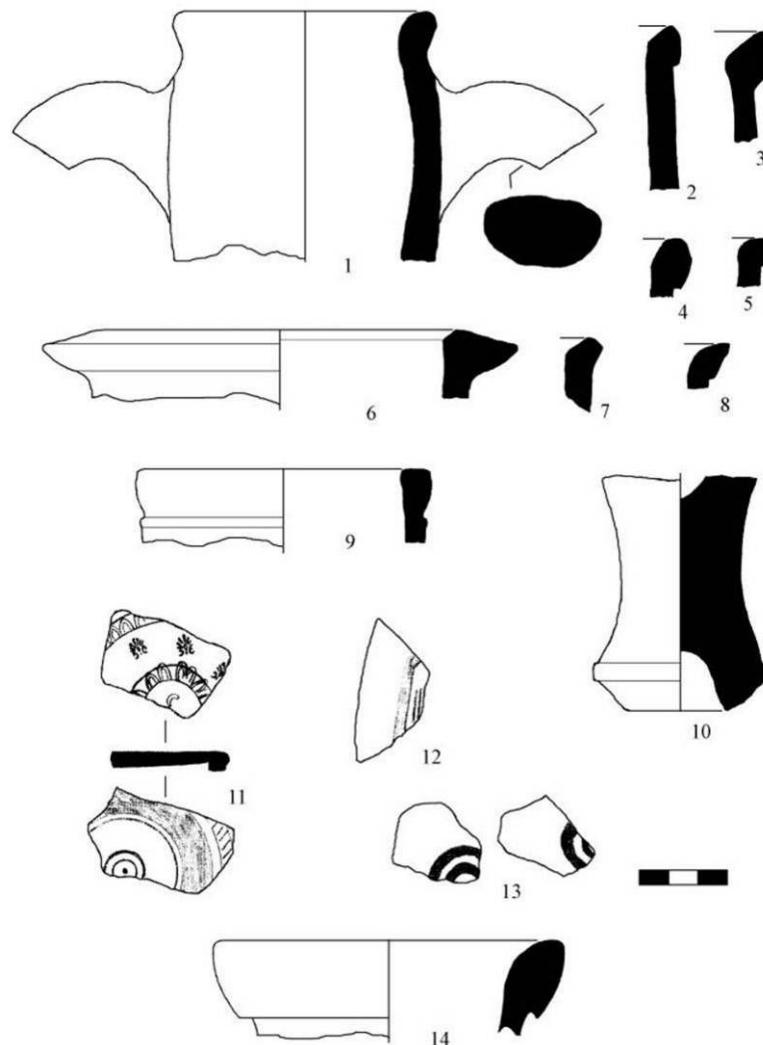

Рис. 11. Шурф II. Керамика из слоя на скале

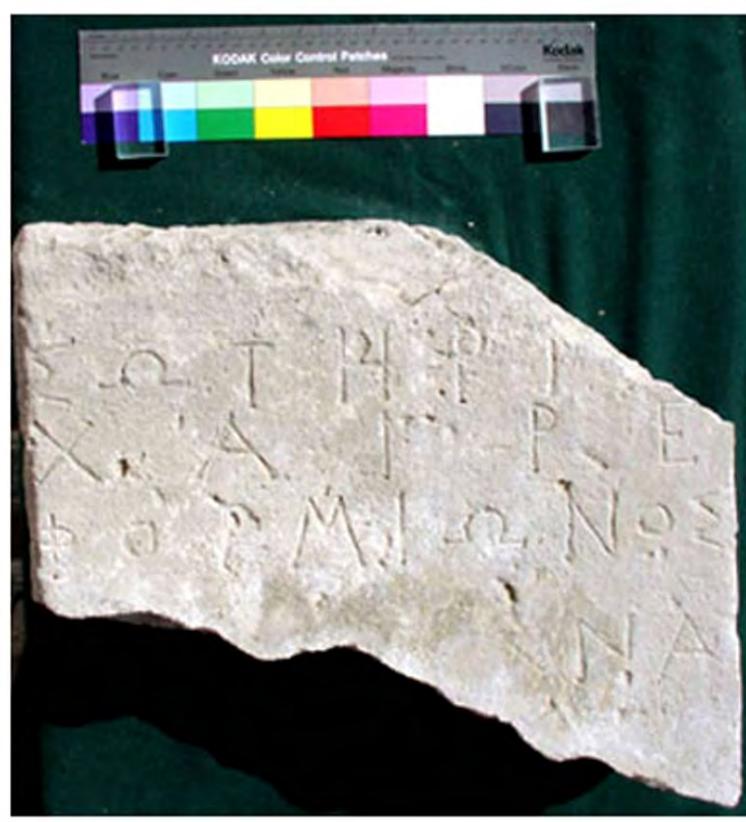
Рис. 12. Шурф VII. Шов в кладке стены

1

2

3

Рис. 13. Фрагменты архитектурных деталей из средневекового яруса кладки

1

2

Рис. 14. Шурф в стене.

1. Общий вид раскопа. 2. Фрагмент лицевой кладки и забутовка 19 куртины первого строительного периода

ВИНОДЕЛИЕ АНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА: ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Струкова Е.В.

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»

С началом Великой греческой колонизации Черноморский бассейн входит в зону античной средиземноморской цивилизации. Несмотря на более суровый климат Северного Причерноморья, греки-переселенцы пытаются возделывать здесь если не всю триаду средиземноморских сельскохозяйственных культур (оливки, пшеницу, виноград), то хотя бы две последние из них. Херсонес Таврический здесь не исключение: во второй-третьей четверти IV в. до н. э., с присоединением массива земель ближней (Гераклейский п-ов) и дальней (Северо-западный Крым) хоры, он превращается в крупное территориальное государство. Основными занятиями херсонеситов становятся виноградарство и виноделие.

Обращение к историографии данной проблемы – не только дань уважения трудам наших предшественников, но и единственно возможный и необходимый способ обобщения накопленной информации. Без изучения опыта прошлого нельзя двигаться вперед.

Возможны различные варианты подачи историографических данных: в хронологической последовательности, *тематическими блоками*, в зависимости от методологических и методических подходов. Возможны и иные варианты. Например, И.С. Каменецкий в статье «История изучения меотов» [20, с. 85-98] соединяет хронологический и методический подходы, определяя этапы исследования проблемы следующим образом: случайные упоминания, работы дилетантов, профессиональное изучение памятников. Так как наша работа посвящена более узкой теме, подход И.С. Каменецкого представляется тем более приемлемым: он дает наиболее полное представление не только об этапах исследования херсонесского виноделия, но и об изучении процесса становления и развития античного Херсонеса в целом.

Таким образом, хронологический обзор будет состоять из следующих частей. Первый период – *описательный*. Он начинается с присоединением Северного Причерноморья к Российской империи. Второй период – *сознательная фиксация и «работы дилетантов»* – начало выделения среди других археологических памятников объектов, связанных с виноградарством и виноделием; и время, когда начинаются раскопки, а частный интерес перерастает в научные исследования (вторая половина XIX – начало XX вв.). Третий период связан с *масштабными исследованиями хоры и специальным вниманием к развитию сельского хозяйства и экономики Херсонеса* в целом и к виноградарству и виноделию в частности.

Открывается первый – описательный – период наблюдениями академика Петра Симона Палласа. В 1794 году профессор «натуральной истории» знакомится с памятниками полуострова. Он первым обращает внимание на следы виноградарства: «*В продолжении долины у бухты, находится несколько одичалых виноградных кустов и дикий хмель, - признаки бывшей некогда культуры этих мест*» [24, с. 90]. Описывая древнюю стену, точнее, «*продолговатую возвышенность*», которая идет по линии, направленной от Балаклавского залива прямо на север, к Инкерману, академик сделал предположение, что эти стены «*древних построек*» могли быть оградами полей [24, с. 97]. Далее Паллас дает замечательно подробное описание сохранившихся фундаментов построек и плантажных стен на древних виноградниках. В соответствии с этим описанием получается, что плантажные стены на виноградниках возвышались над поверхностью земли, и в проездах тщательно закреплялись с торцовой стороны [27, с. 9]. Ученый упоминает постройки с башнями, находящиеся в стороне от города: «*Я нашел этих построек ... по крайней мере 13; много других еще находится, близко одно к другому... Некоторые остатки стен тянутся от башен на поля*» [24, с. 108]. Академик П.С. Паллас стал первым исследователем, подробно

описавшим Гераклейский полуостров. Его работа оказала огромное влияние на труды последующих путешественников и ученых. Его двухтомник «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах», изданный на немецком языке, не был переведен на русский язык в течение всего XIX столетия, и лишь в 1881 и 1883 гг. в «Записках Одесского общества истории и древностей» появилось два фрагмента этого труда. Впервые книга П.С. Палласа была издана на русском языке целиком только в 1999 г.

Павел Сумароков, путешествовавший в Крыму в самом конце XVIII в., писал: «*Да, здесь стоял древний тот город, основанный почти за 500 лет до Рождества Христова Гераклея на землях мирных Тавров... я открывал тут некоторые стенки, длинные ряды из каменьев, на самом же мысу, как утверждают, находился фар, или освещенный маяк для мореходцев*» [28, с. 199]. Таким образом, плантажные стенки виноградников П. Сумароков принял за развалины древнего Страбонова Херсонеса.

В течение 40-х гг. XIX в. капитан первого ранга Захарий Андреевич Аркас составил труд под названием «Описание Ираклийского полуострова и древностей его». Так же, как и его предшественники, З.А. Аркас называет сельскохозяйственные наделы и усадьбы развалинами «Древнего Херсониса». В его работе дан краткий перечень основных памятников: «*остатки стен больших зданий; ...основания больших четырехугольных оград, заключающих в себе обработанную землю, на которых и доныне остались одичалые смоковничные деревья и местами изсохшие виноградные коренья, огромнойтолщины*» [6, с. 16]. В этой фразе для нас примечательно упоминание о виноградных кореньях.

В 1841 г. вышел в свет труд А. Демидова «Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году». В нем А. Демидов приводит две точки зрения на строительные остатки Маячного полуострова. Одна из них заключается в традиционной гипотезе о древнем Херсонесе, вторая же говорит о стенах как о границах пахотных наделов. И далее автор делает замечание, основанное на собственных наблюдениях; он отмечает, что сохранившиеся фундаменты стен мало углублены, что «*стены, очевидно, не могли принадлежать к большим зданиям*» [10, с. 361].

Таким образом, среди путешественников и ученых «описательного периода» (конца XVIII - первой половины XIX вв.) сложилось два мнения о назначении стен херсонесской хоры. Одни считали, что это остатки Страбонова Херсонеса, другие же были сторонниками гипотезы П.С. Палласа о сельскохозяйственных функциях этих строений. Причем, с течением времени, вторая версия находила все больше сторонников и подтверждений, однако это не мешало исследователям продолжать поиски Страбонова Херсонеса. И именно благодаря их поискам, появились первые археологические свидетельства о возделывании виноградных культур и изготовлении вина жителями Херсонеса Таврического.

Второй период – «сознательная фиксация и «*работы дилетантов*» – благодаря Фредерику Дюбуа де Монпере, хронологически попадает в рамки первого, поскольку труд этого известного швейцарского путешественника «Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым», точнее шестой том «Путешествие в Крым» (рис. 1) был издан в Париже в 1843 г. Само же путешествие осуществлялось еще раньше – в течение 1831-1834 гг. На русском языке эта книга (V и VI тт.) впервые вышла в Симферополе в 2009 г.

В этом труде Дюбуа де Монпере уделяет достаточно места подробному описанию Херсонеса и Гераклейских памятников (рис. 2, 3). Исследователь обращает внимание на хозяйственное назначение ряда оставшихся сооружений. Отдельный рассказ он посвящает виноградникам Херсонеса. В нем ученый говорит о той роли, какую играла культура винограда в экономической жизни Херсонеса. Дюбуа де Монпере стал первым, кто отметил исключительно большое значение виноградарства и предположил, что район Гераклейского полуострова к западу от Стрелецкой бухты составлял часть главных виноградников Херсонеса. Ему же принадлежит описание виноделен и процесса производства вина. Автор сообщает: «*...мы можем оценить изобретательность жителей, которые, чтобы избежать расходов на чаны и деревянные прессы, высекали их в скале...*» [11, с. 216]. Как отметила Г.М. Николаенко, Дюбуа де Монпере, составив описание агротехнических сооружений и сельских усадеб, снабдил последние довольно точными планами, которые с

определенной долей вероятности позволяют восстановить и архитектурный облик сельских жилищ [22, с. 108]. Таким образом, этот известный путешественник и энциклопедист положил начало исследованию херсонесского виноградарства и виноделия.

С октября 1876 г. начинаются систематические раскопки Херсонесского городища [13, с. 30-31]. Главной проблемой для исследователей становится поиски христианских древностей и точного установления места основания города. Решением последнего вопроса занимались исследователи херсонесских древностей К.К. Косцюшко-Валюжинич и А.Л. Бертье-Делагард. Необходимость определения места нахождения первого Херсонеса отдала изучение проблем, связанных с сельскохозяйственной жизнью херсонеситов, в том числе и с виноградарством и виноделием.

Тем не менее, поиски ответа на вопрос о местоположении Херсонеса заставили исследователей продолжать раскопки на Маячном полуострове. В 1910 г., с 6 сентября по 10 октября, любитель-археолог полковник Н.М. Печенкин «за свой страх и риск» провел там археологические разведки [25, с. 109]. Несмотря на то, что главной задачей экспедиции Н.М. Печенкина было обнаружение раннего Херсонеса, именно благодаря его работе открылись первые археологические подтверждения существования виноградарства и виноделия на ближней хоре Херсонеса. Первой его находкой, буквально сразу после начала работ, стал «громадных 1,15x0,70x0,30 размеров» тарапан [25, с. 110]. Далее он занялся исследованием параллельных стен в этом районе и обнаружил, что это был, как он выражался, остаток виноградника [25, с. 110]. Также были начаты (но, к сожалению, не завершены) раскопки здания на морском берегу. Это сооружение было частично разрушено морем; тем не менее, именно там Н.М. Печенкин обнаружил пифоссарий, в котором нижняя часть одного пифоса сохранилась *in situ* [25, с. 117]. Таким образом, второй период дал нам первые *материальные* свидетельства о наличии виноградников и производстве вина на Маячном полуострове.

Третий этап изучения виноделия Херсонеса начинается в связи с широкомасштабными раскопками ближней хоры в период между I и II мировыми войнами. По результатам этих работ в 1942 г. Евгений Георгиевич Суров опубликовал обобщающую статью с материалами к истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом [29, с. 93-128]. В этой статье, состоящей из двух частей, одна из которых посвящена технологии выращивания винограда, а вторая виноделию, он обстоятельно изложил результаты археологических исследований за весь период изучения Гераклейского полуострова. Это была первая профессиональная работа, посвященная виноградарству и виноделию сельскохозяйственной округи античного Херсонеса.

В период раскопок 1931 и 1947-1948 гг. памятники античного виноделия были открыты и на территории самого города, начиная с винодельни на берегу моря и хрестоматийно известного «дома винодела» (рис. 4, 5) в северном районе Херсонеса с тремя винодавильными площадками, цистернами и пифоссарием (раскопки Г.Д. Белова, 1948 г.). Впоследствии С.Д. Крыжицким была выполнена архитектурно-графическая реконструкция этого комплекса (рис. 6). В работе «Херсонесские винодельни» Г.Д. Белов дает подробное описание «дома винодела», обозначив его как винодельня № 2. Другой комплекс, рассматриваемый в названной публикации – уже упомянутая винодельня, расположенная у моря, т.н. винодельня № 1 [7, с. 225-237].

С.Ф. Стржелецкий в своей работе «Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи», опубликованной в 1959 г. и ставшей следующим масштабным исследованием в этой области [26, с. 121-159], подверг критике ряд выводов, сделанных его предшественником. В частности, он был не согласен с одним из утверждений Г.Д. Белова о том, что амфоры Херсонеса, находимые не только в Херсонесе, но и за пределами Северного Причерноморья, свидетельствуют о широком развитии виноградарства и виноделия в античную эпоху [7, с. 226]. С.Ф. Стржелецкий называет это утверждение ничем не аргументированным и добавляет, что наличие вина во всех амфорах требует доказательства (впрочем, подобное замечание им было высказано и к работе Е.Г. Сурова) [26, с. 121-122]. Так же исследователь не соглашается со временем функционирования винодельни № 1 и предлагает датировать ее не «римским временем», а III – серединой VI вв. В той же работе

он впервые представляет разработанную типологию винодавилен; приводит ряд статистических данных, например, по процентному распределению земель между садами, полями и виноградниками [26, с. 153] и подтверждает ведущую роль виноделия в экономике эллинистического Херсонеса. Эта замечательная для своего времени работа вкупе с монументальным трудом «Клеры Херсонеса Таврического», изданным в 1961 г., и книгой В.Д. Блаватского «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья», заложила основы для изучения античного херсонесского сельского хозяйства. Однако, этим работам уже более 50 лет, а новые обобщающие труды, посвященные херсонесскому виноделию, которые содержали бы информацию, накопившуюся за последние полвека, до сих пор не написаны.

За истекшее время продолжались раскопки как херсонесского городища, так и исследование хоры. С 60-70-х гг. XX в. работы стали особенно масштабными: здесь развернули исследования экспедиции Института археологии АН СССР (И.Т. Кругликова и С.Ю. Сапрыкин), МГУ им. М.В. Ломоносова (В.И. Кузишин), Херсонесского заповедника (Г.М. Николаенко, Е.Я. Туровский, А.С. Кобелев и др.), к которым присоединились американские коллеги (Дж. Картер). Винодельческим комплексам на городской территории Херсонеса успел уделить внимание М.И. Золотарев [12]. В 1978 г. он исследовал остатки винодельни в III квартале Северо-Восточного района. В ходе раскопок были обнаружены ямы под пифосы, место для установки пресса, железный виноградный нож. В период работы экспедиции в XCVII квартале зафиксированы 3 ванны для виноградного сока, яма для установки пресса, пифоссарий.

Раскопки не прекратились и позднее. Новые винодельческие комплексы были открыты на ближней хоре в ходе раскопок Л.А. Ковалевской и И.Ю. Сухановой [21, с. 11-14] (рис. 7); Г.М. Николаенко. При новейших исследованиях сельскохозяйственной территории Херсонеса стали применяются новые методы: данные аэрофотосъемки, геофизические методы разведки, привлекаются специалисты по палеоботанике для определения сельскохозяйственных культур.

Памятникам хоры Херсонеса посвящен ряд обобщающих работ. В монографии В.М. Зубаря «Херсонес Таврический в античную эпоху» (1993) рассмотрены вопросы социально-экономической истории полиса. С.Ю. Сапрыкин в книге «Ancient farms and land-plots on the khora of Khersonesos Taurike» (1994) обобщил опыт изучения сельских усадеб и земельных участков на Гераклейском полуострове (прежде всего, по результатам исследований Института археологии АН СССР). Г.М. Николаенко на основе материала раскопок, топографических данных, аэрофотосъемки и других источников составила своеобразный херсонесский земельный кадастр IV-II вв. до н.э. (книга «Хора Херсонеса Таврического» (1999; 2001). Эта работа положила начало систематизации имеющейся и вновь открывающейся информации о хоре. В последние годы жизни В.М. Зубарь издал ряд работ, посвященных истории исследования памятников хоры Херсонеса на Гераклейском полуострове и некоторым вопросам интерпретации ее памятников [15, 16, 17]. Что же касается виноделия, то в предпоследней книге В.М. Зубаря [18] эти вопросы затронуты лишь попутно и специально не рассмотрены. В посмертно изданной в 2009 г. его статье, исследователь, среди других вопросов, подробно рассмотрел античные винодельни как на территории города, так и на ближней хоре [19, с. 235-278].

В 2007 г. была издана книга Н.И. Винокурова «Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья». Автор большое внимание уделяет именно виноградарству (поскольку тема виноделия раскрыта им в предыдущей книге «Виноделие античного Боспора», а в дальнейшем он обобщает опыт исследования по всему Северному Причерноморью). Что же касается виноделия именно Херсонеса, то автор собрал и систематизировал данные из опубликованных ранее источников и литературы, поскольку неопубликованная информация в силу ряда причин (и он сам говорит об этом) была ему недоступна [9, с. 112-122]. В результате этого в его работе отсутствуют новые данные, которыми мы располагаем сейчас. В частности, открытый в 2001 г. винодельческий комплекс в XCVII квартале (рис. 8, 9) и пифоссарий в «казарме» (рис. 10, 11).

В качестве нового направления в рассмотрении проблем виноделия Херсонеса можно назвать работы Н.П. Андрушенко, которые посвящены техническим вопросам реконструкции

античных виноделен Херсонеса [1, 2, 3, 4]. В 2009 г. вышла его работа, посвященная реконструкции виноделен на территории городища, точнее, трем из них. Это винодельня № 1 в XII квартале (винодельня №1 по Г.Д. Белову), винодельня №2 в XVIII квартале – «Дом винодела» и винодельня №3 в III квартале. Автор соглашается с выводами М.И. Золотарева относительно находок в III квартале – наличии там трех углублений под суслоприемники и углубления, предназначенного для опорного каменного блока рычажно-винтового пресса (рис. 12) [5, с. 38]. Также он приводит реконструкцию прессового оборудования винодавильни на этом участке (рис. 13) [5, с. 39]. После столь убедительных аргументов, исследователь делает неожиданное заключение, ссылаясь на мнение В.М. Зубаря, что «*вряд ли можно определять этот комплекс как безусловно винодельческий*» [19, с. 236]. Тем не менее, Н.П. Андрущенко говорит о наличии археологических остатков пяти античных виноделен на территории Херсонесского городища. И затем утверждает, что только три из них, в том числе и винодельня в III квартале, имеют достаточное количество исходных данных для выполнения реконструкции их первоначального вида [5, с. 41-42].

Таким образом, можно заключить, что несмотря на значительные объемы археологических исследований, тема виноделия античного Херсонеса не получила в научной литературе адекватного масштабам полевых работ отражения. В настоящее время перед исследователями стоит ряд важных задач:

1. Публикация массового археологического материала из раскопок прежних лет.
2. Уточнение хронологии винодельческих комплексов хоры Херсонеса.
3. Уточнение хронологии городских винодельческих памятников.

4. Обобщение данных и определение роли виноделия в экономике Херсонеса. Можно сказать, что история виноделия античного Херсонеса должна быть написана на новом современном уровне в соответствии с последними достижениями науки.

Источники и литература.

1. Андрущенко Н.П. Технические достижения в конструировании рычажных прессов (по материалам виноделен Херсонеса Таврического) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб. 2004. С. 138-143.
2. Андрущенко М.П. Унікальна знахідка в Херсонесі // Пам'ятки України: науковий часопис. 2005. № 2. С. 39-41.
3. Андрущенко Н.П. К вопросу о реконструкции античных виноделен: херсонесский «дом винодела» // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 45-52.
4. Андрущенко Н.П., Бажанова Т.И. Реконструкция античных винодельческих прессов по сохранившимся каменным остаткам (на примере виноделен Херсонеса Таврического) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Часть I. Киев - Судак, 2004. С. 7-19.
5. Андрущенко Н.П. Античные винодельни на Херсонесском городище / Центр историко-градостроительных исследований. Киев, 2009. 45 с.
6. Аркас З.А. Описание Гераклийского полуострова и его древностей его. История Херсонеса. Николаев, 1879. 29 с.
7. Белов Г.Д. Херсонесские винодельни // ВДИ. 1952. №2. С. 225-237.
8. Винокуров Н.И. Виноделие античного Боспора. М., 1999. 191 с.
9. Винокуров Н.И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. К., 2007. 456 с.
10. Демидов А. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году. М., 1853. 543 с.
11. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5, 6. Симферополь, 2009. 328 с.
12. Золотарев М.И. Организация виноделия в позднеантичном Херсонесе // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб. 2004. С. 135-138.
13. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал Северо-восточного района Херсонеса // ХСб. 1997. Вып. VIII. С. 30-45.
14. Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). Киев, 1993. 140 с.
15. Зубарь В.М. Изучение сельскохозяйственной округи Херсонеса в конце XVIII – середине/третьей четверти XX в. // Боспорские исследования. 2005. № 10. С. 296-360.
16. Зубарь В.М. Изучение сельскохозяйственной округи Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове в 70-80-х гг. XX в. // Боспорские исследования. 2006. № 11. С. 331-386.

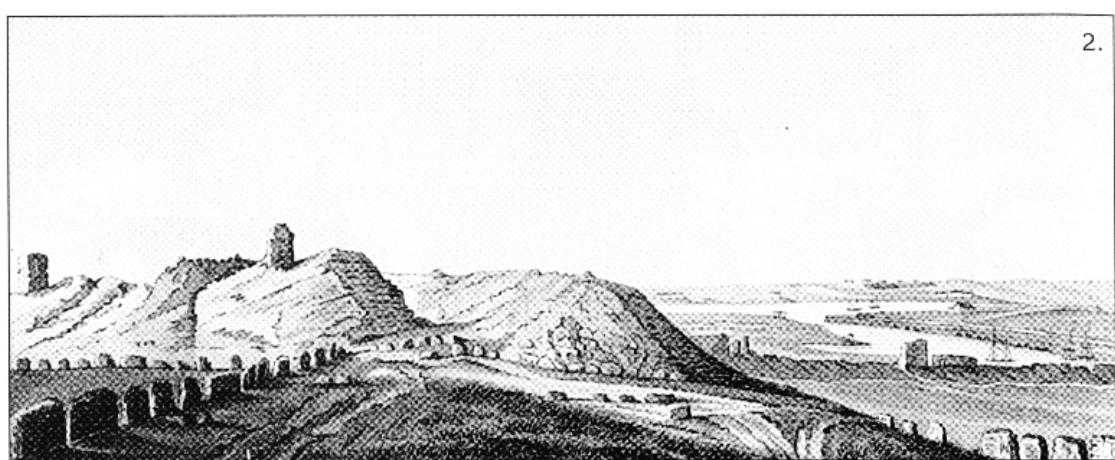
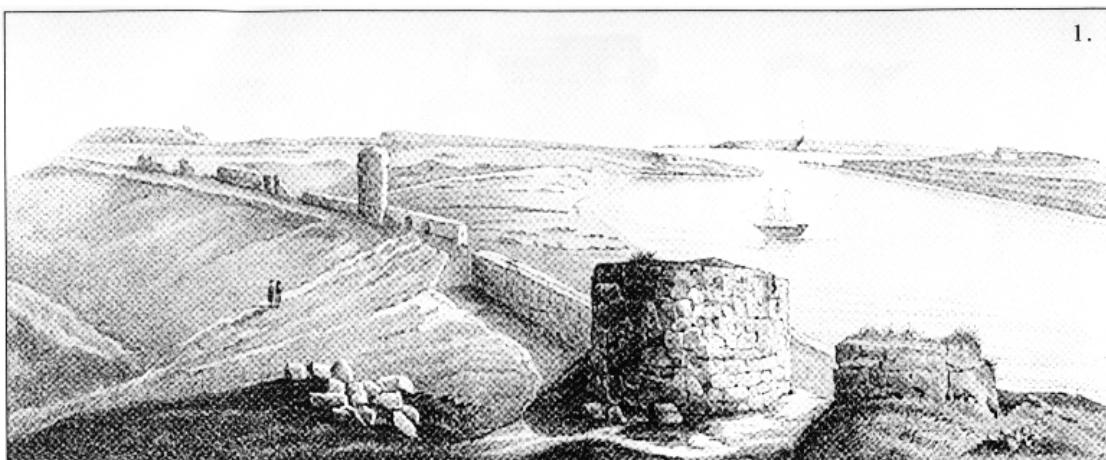
17. Зубарь В.М. Об интерпретации некоторых памятников Маячного полуострова второй половины IV – начала III вв. до н. э. // Боспорские исследования. 2006. № 11. С. 146-162.
18. Зубарь В.М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове: история раскопок и некоторые итоги изучения. К., 2007. 318 с.
19. Зубарь В.М. Из истории экономического развития Херсонеса-Херсона во второй половине I в. до н.э. – VI н.э. // Боспорские исследования. Вып. XXI. Симферополь-Керчь, 2009. С.226-295.
20. Каменецкий И.С. История изучения меотов // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сб. статей по материалам XII науч. Конф. Ростов-на-Дону, 2009. С. 85-98.
21. Ковалевская Л.А., Суханова И.Ю. Винодельня римского времени на хоре Херсонеса Таврического [Электронный ресурс] // МАИАСК. Вып. I. Симферополь, 2008. С. 11-14. Режим доступа: <http://www.msusevastopol.net/index.php?ac=science&science=public&public=maiask08&sub=public>
22. Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Ч. I. Севастополь, 1999, Ч. II. 2001.
23. Паллас П.-С. Путешествие по Крыму акад. Палласа в 1793-1794 гг. // ЗООИД. 1881. Т. XII. С. 62-208.
24. Печёнкин Н.М. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса // ИАК. 1911. Вып. 42. С. 108-126.
25. Стржелецкий С.Ф. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи // ХСб. 1959. Вып. V. С. 121-159.
26. Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. Симферополь, 1961. 247 с.
27. Сумароков П. Досуги Крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. I. СПб., 1803. 226 с.
28. Суров Е.Г. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом // УЗ МГПИ. 1942. Т. 28. Каф. ист. древ. мира. Вып. 1. С. 93-128.
29. Saprykin S. Ancient farms and land-plots on the khora of Khersonesos Taurike (Research in the Herakleian peninsula - 1974-1990). Amsterdam, 1994.

Сокращения.

ВДИ –	Вестник древней истории
ЗООИД –	Записки Одесского общества истории и древностей
НЗХТ –	Национальный заповедник „Херсонес Таврический”
МАИАСК –	Материалы по археологии, истории античного и средневекового Крыма
УЗ МГПИ –	Ученые записки Московского государственного педагогического Института
ХСб.. –	Херсонесский сборник

Рис. 1. Мыс Фиолент (по Дюбуа де Монпере)

Рис. 2. Руины Херсонеса (по Дюбуа де Монпере)

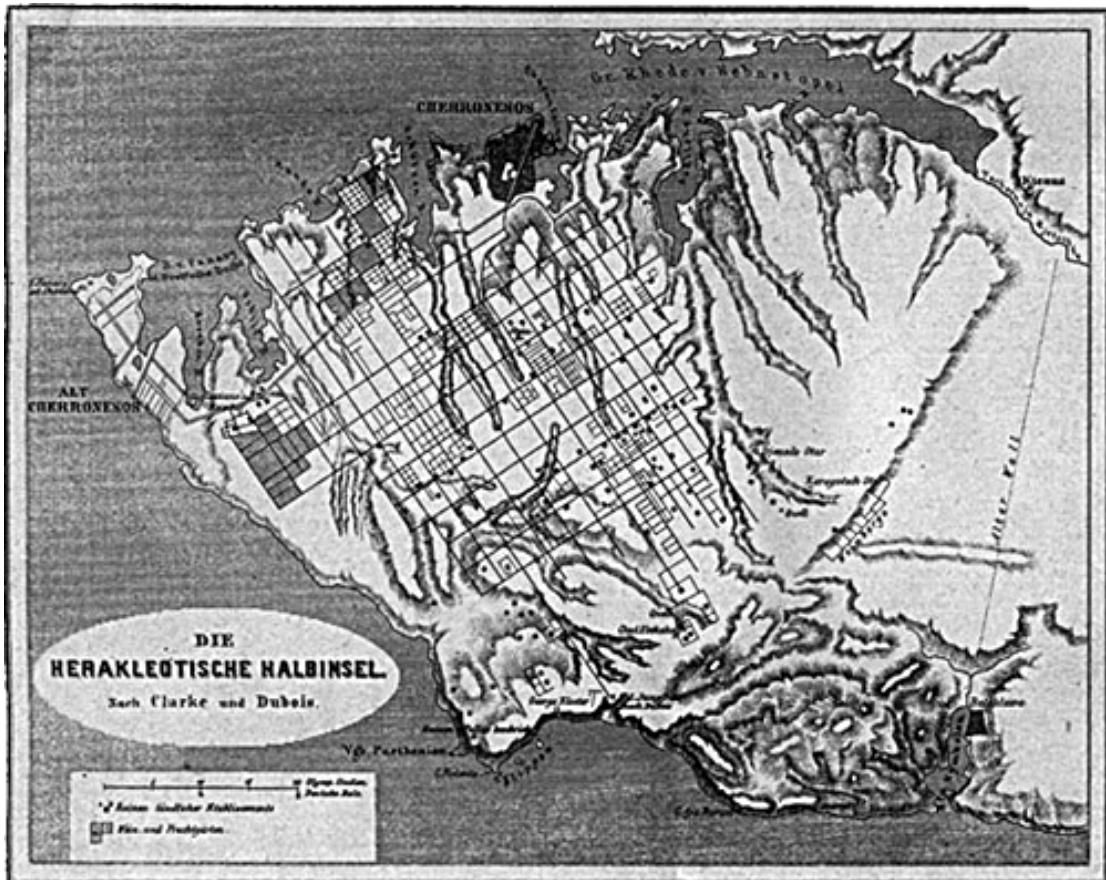

Рис. 3. Гераклейский полуостров (по Дюбуа де Монпере)

Рис. 4. «Дом винодела». Современный вид.

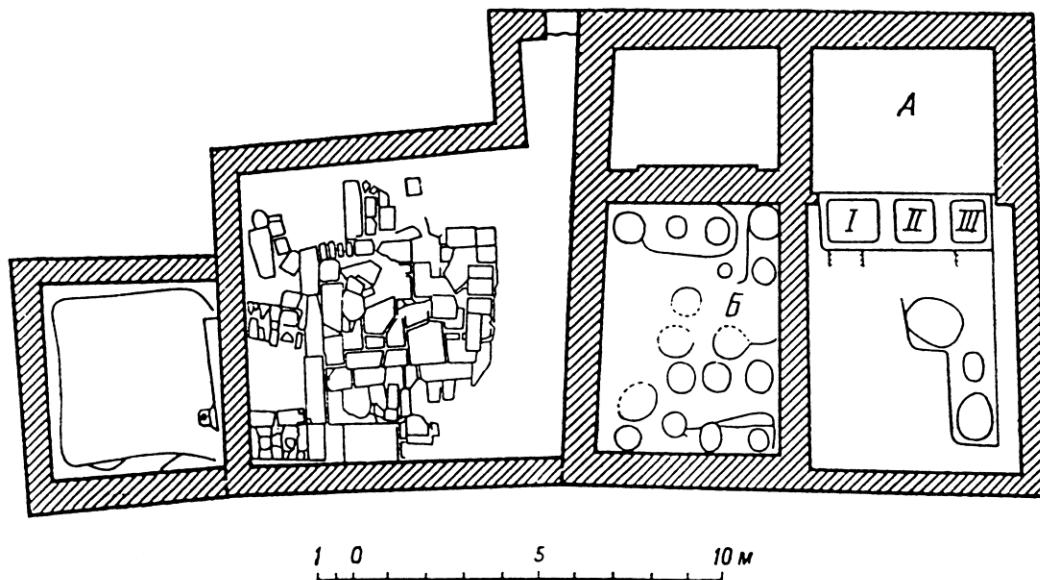

Рис. 5. План «Дома винодела» (по Г.Д. Белову)

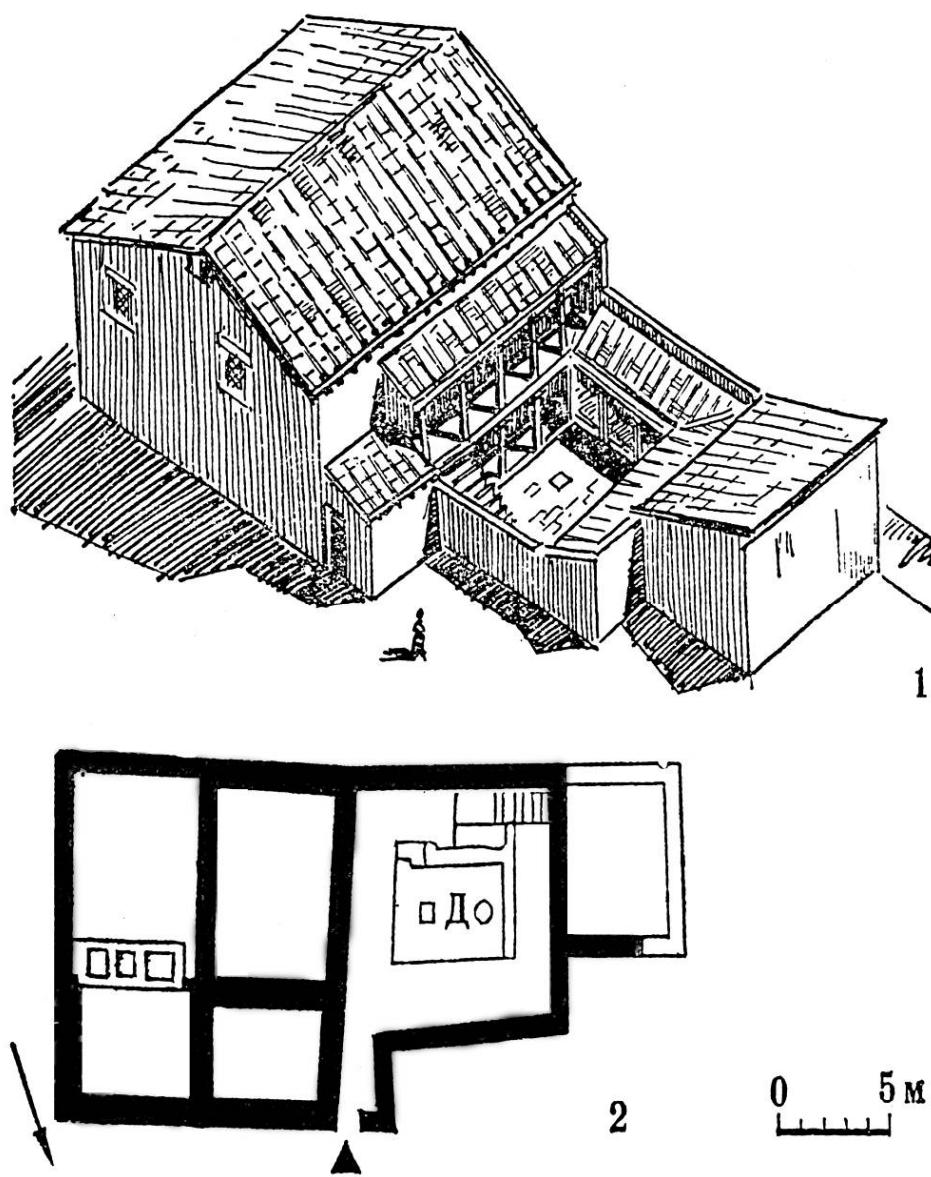

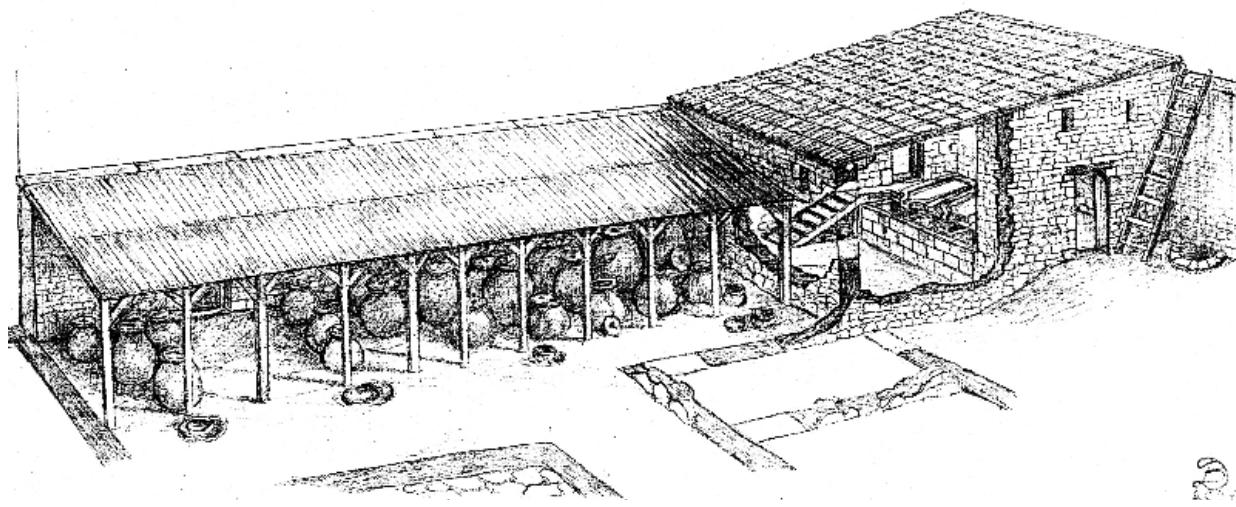
Рис. 6. Реконструкция и план «Дома винодела» (по С.Д. Крыжицкому)

Рис. 7. Винодельня усадьбы 340 (по Л.А. Ковалевской и И.Ю. Сухановой)

Рис. 8. Пифоссарий в ХCVII квартале

Рис. 9. Реконструкция винодельни в ХСVII квартале (рис. В.В. Дорошко)

Рис. 10. Пифоссарий в «казарме»

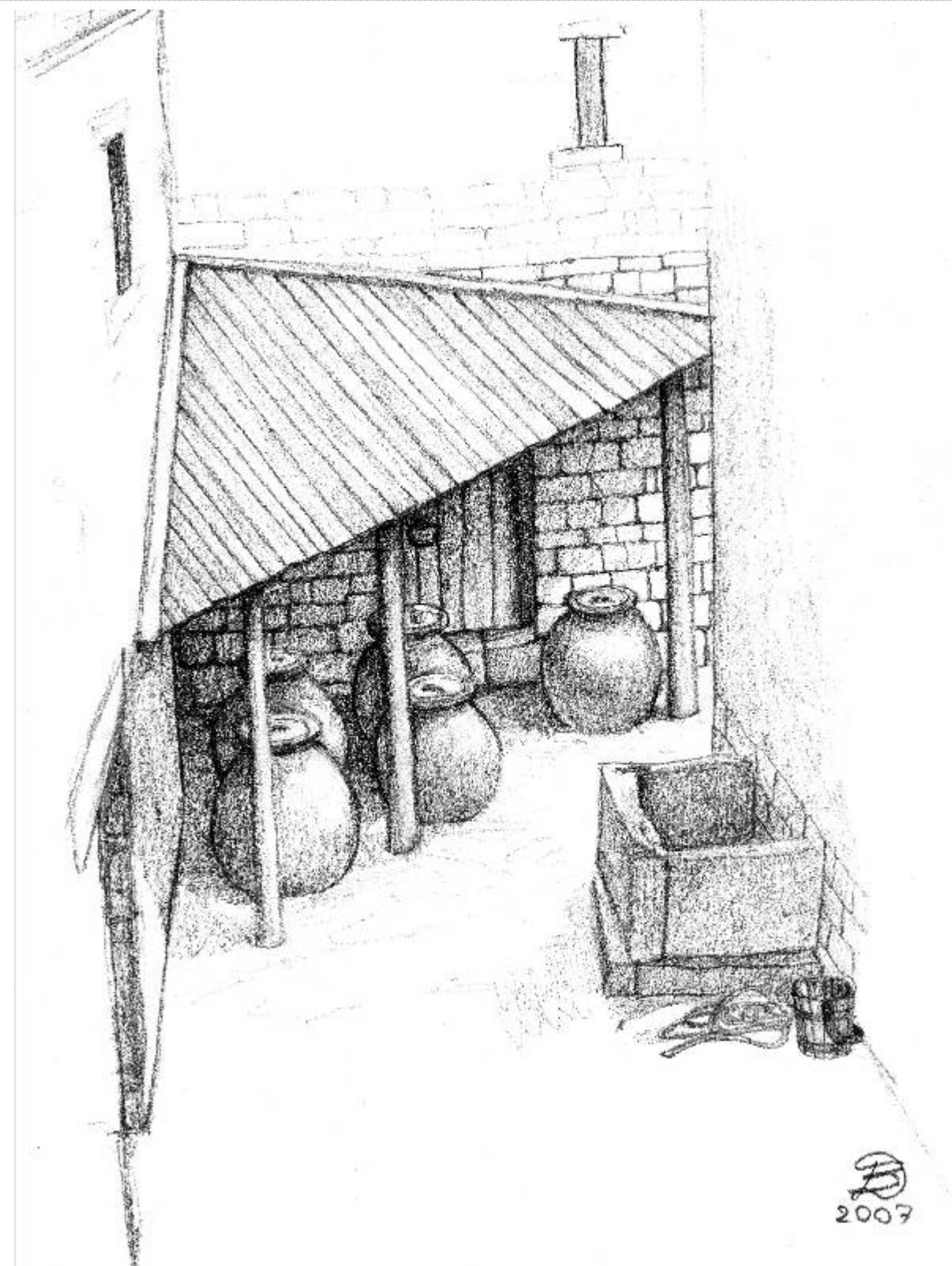
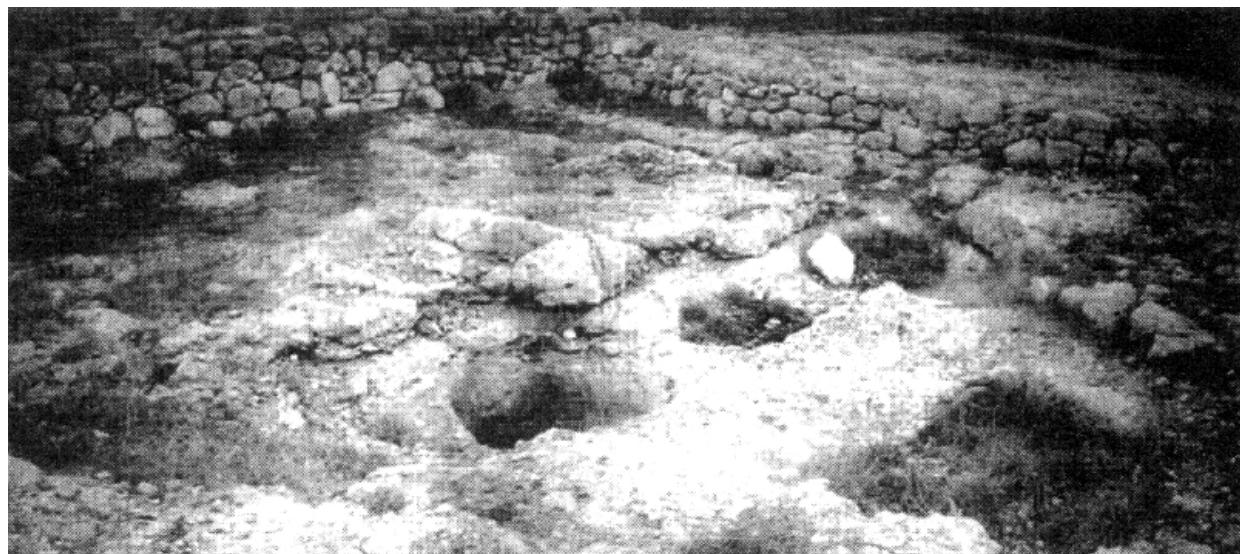
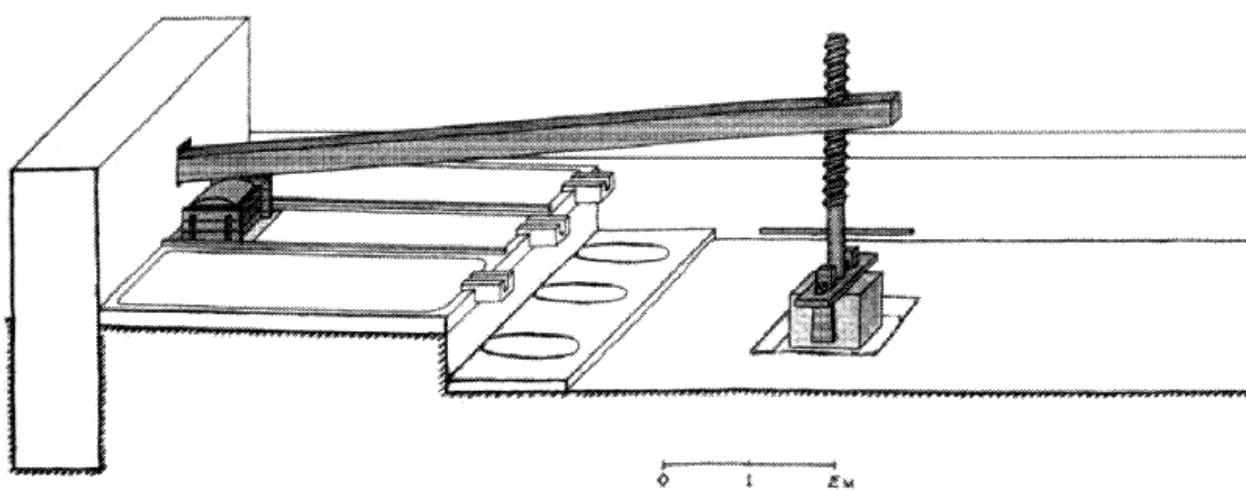

Рис. 11. Реконструкция пифоссария в «казарме» (В.В. Дорошко)

Рис. 12. Остатки винодельни в III квартале (по Н.П. Андрушенко)

Рис. 13. Реконструкция винодавильни в III квартале (Н.П. Андрушенко)

**КОМПЛЕКС ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК КОЛОДЦА
В АЛТАРНОЙ ЧАСТИ БАЗИЛИКИ «КРУЗЕ»
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ 2009-2010 ГГ.)**

Ушаков С.В., Дюженко Т.В., Лесная Е.С., Тюрин М.И.

**Крымский филиал Института археологии НАН Украины,
Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
Филиал МГУ в г. Севастополе**

Вот уже шестой год наша экспедиция ведет планомерные раскопки на участке уникального памятника Херсонеса ранневизантийского периода – базилики «Крузе» [14]. Здесь исследованы многочисленные и разнохарактерные объекты разного времени. Среди них большое значение имеют условно закрытые комплексы – цистерны и колодцы, позволяющие выстроить хронологическую колонку не только средневекового, но и античного времени. Полученный массовый керамический материал в сочетании с данными нумизматики позволяет уточнить этапы строительной истории всего этого района и служит важной основой построения периодизации истории Херсонеса по археологическим данным.

В прошлом (2009 г.) полевом сезоне в южной (правой) малой апсиде нами было обнаружено сооружение, по виду напоминающее цистерну или колодец, которое мы раскопали тогда лишь до глубины в 1,5 м. [14, с. 13] (рис. 1). Материал из засыпи относился преимущественно к I - III вв. н.э., в частности, в верхней подсыпке, которая была компенсацией осадки грунта, найден *краснолаковый светильник* середины I-II вв. н.э. с волютами (рис. 2). Края щитка украшены рельефным изображением оливкового венка. На сохранившейся части, в центре щитка, изображена человеческая фигура с головой, повернутой влево, и согнутой в колене правой ногой. Среди строительных материалов найдены разновременные фрагменты керамид синопского производства, лаконского типа первых веков н.э., плинфа. Имелось большое количество черепиц с гладкими полями, покрытых светлым ангобом. Среди них следует отметить находку керамиды с отверстием для светового окна.

В 2010 году раскопки были продолжены. «Цистерна» оказалась колодцем редкой овальной в плане формы. Удалось удалить заполнение колодца до глубины 7 м. В засыпи колодца ниже 1,5 м все находки без исключения относились к позднеклассическому и эллинистическому времени. К этому времени и относится засыпь. Чтобы точнее определить время функционирования колодца и прекращения его использования по назначению, необходимо подробнее охарактеризовать основные категории находок.

Строительные материалы из колодца¹. Важно отметить, что раскопки эллинистического колодца в 2010 г. дали аналогичный (или, во всяком случае, очень близкий по типам) строительный материал, что и раскопки так называемой «ямы» в 2009 г. (участок раскопок перед базиликой – подвал эллинистической постройки) [14, с. 29-48]. Это позволило «подтвердить» выделенные рабочие типы и уточнить их датировку. Краткая характеристика их следующая. Тип А – керамиды с красно-коричневой глиной, насыщенной песком, с шамотом и железистыми включениями; поверхность иногда покрыта тусклой бурой обмазкой (рис. 3, 1). Тип Б – керамиды с бледной розовато-коричневой глиной с примесью пироксена. Тип С (2) – характерная глина синопская с примесью песка, пироксена, желтоватых известковых включений; поверхность покрыта светлым желтоватым ангобом (рис. 3, 3). Значительную часть находок составили фрагменты однотипных калиптеров (рис. 3, 4, 6). Кроме наиболее распространённых полукруглых в сечении калиптеров, были найдены фрагменты гранёной формы (рис. 3, 7), отличающиеся по глине, а сле-

¹ Материал обрабатывался и готовится к подробной публикации.

довательно, и по центрам производства. Гранёные калиптеры были широко распространены в IV-II вв. до н.э. на Боспоре и в Ольвии. Для Херсонеса это достаточно редкая находка. Среди других редких находок этого же времени – фрагменты синопских керамид, покрытых своеобразной «глазурью» (рис. 3, 2, 8).

Из раскопок колодца 2010 г. происходит несколько фрагментов керамид с синопскими клеймами (рис. 3, 10), которые датируются 50-20 гг. IV в. до н.э. (по В.И. Кацу). Четыре фрагмента с изображением эмблемы города (орла, клюющего дельфина) относятся к наиболее ранним синопским клеймам. Заметим, что именно этот тип красноглиняных керамид отсутствовал в засыпи «ямы» (2009 г.).

Можно заключить, что в целом для комплекса строительной керамики характерно доминирование синопской продукции. Описанные выше типы черепицы, вероятно, относятся к середине IV-III вв. до н.э., так как материал из колодца (в котором встречаются аналогичные типы черепицы) не даёт находок позже этого времени. Красноглиняная черепица из раскопок 2010 г., относящаяся к херсонесскому производству, не всегда может быть однозначно отнесена к нему, так как технологические приёмы, перенятые у синопских мастеров (а, возможно, и работа приглашённых синопских ремесленников) иногда затрудняют выделение местной херсонесской черепицы. Уточнить этот вопрос помогут находки бракованных и пережжённых изделий (рис. 3, 5, 9) (также очень близких по типам из раскопок 2009 и 2010 гг.), а также проведение сопоставлений.

Амфоры. Комплекс не очень многочислен – всего найдено около сотни профильных фрагментов, из них большую часть (40) составляют амфоры Херсонеса, второе и третье места занимают сосуды Синопы (27, преимущественно обломки ручек) и Гераклеи (13), остальные амфоры представлены единичными экземплярами: Хиоса – 6, Менды – 4, Родоса – 3, Книда – 2, Колхиды, Фасоса и Самоса – по одному (см. Табл. 1). Тара средиземноморских центров и, вероятно, амфоры Гераклеи, являются своеобразной «примесью снизу». Так, фрагмент амфоры Менды (на рюмкообразной ножке) (рис. 4, 15) [7, с. 89, т. Х-XI] можно отнести к т.н. мелитопольскому варианту II-C по С.Ю. Монахову третьей-четвертой четверти IV в. до н.э. [13, 2003, т. 62; 63; 64, 1; 65, 3]. Фрагмент венчика еще одного сосуда мы отнесли к Самосу (рис. 4, 10) [13, т. 15, 5-7; кон. VI – середина IV вв. до н.э.] достаточно условно – по его морфологии. Хиос представлен характерной колпачковой ножкой (рис. 4, 16) [13, т. 11-12]. Венчик фасосской амфоры (рис. 4, 9а) [7, т. IX, 20к, кон. III-нач. II вв.] можно отнести к биконическому варианту конического-биконического типа раннебиконической серии II-B-1 [13, т. 42, 4-7. – нач. IV в.]. Фрагменты синопской тары малоинформативны, единственный венчик можно отнести к типу пигоидных варианта II-C, бытующих, по определению С.Ю. Монахова, с конца IV по конец III вв. до н.э. [13, с. 158, т. 102, 2]. Фрагменты амфор Херсонеса (рис. 5) многочисленны, но обычны по морфологии для этого центра.

Для датировки комплекса большое значение всегда имеет такая группа находок, как **амфорные клейма** (рис. 6). Всего из засыпи колодца происходит 14 амфорных клейм и их фрагментов. Краткий их перечень следующий (номера клейм соответствуют номерам рисунков).

1. Синопа. На ручке.

**ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ
ΜΝΕΣΙΚΛ[ΕΣ]
ΕΚΑΤΑΙ[ΟΥ]**

IV МГ – 80-е – 90 – е гг. III в. до н.э. [12, с. 435].

2. Синопа. На ручке.

**ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ
ΕΣΤΙΑΙΟΥΤΟΥ κανφάρ
ΑΡΤΕΜΙΔΟΡΟΥ**

VI-C группа. 50-е – середина 10-х гг. III в. до н.э. [12, с. 435].

3. Синопа. На ручке.

**αφλαστον ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ
ΔΕΛΦΙΟΣ ΤΟΥ**

**АРТЕМИДОРОУ
ΕΥΚΛΗΣ**

VI-D группа. 50-е – середина 10-х гг. до н.э. [12, с. 436].

4. Синопа. На ручке.

Фрагмент клейма с изображением грозди винограда.

5. Херсонес. На ручке.

ΗΡΑΚΛ[ΕΙΟΥ] ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ[ΝΤΟΣ]

21-й штемпель; Лунарная Сигма. 1-Б хронологическая группа (325-287 гг. до н.э.) [11, №47-48].

6. Херсонес. На ручке.

ΞΑΝΘΟΥΥ / ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ

штамп 4. 1-Б хронологическая группа (325-287 гг. до н.э.) [11, №88].

7. Херсонес. На ручке.

ΝΙΚΕΑ [(ΤΟΥ) ΗΡΟΕΙΤΟΥ] / ΑΣΤΥ[ΜΟΜΟΥΝΤΟΣ] (?)

2Б хронологическая группа (272-266 гг. до н.э.) (11, № 86) varia **ΝΙΚΕΑ [ΤΟΥ ΝΙΚΕΑ] / ΑΣΤΥ[ΝΟΜΟΥΝΤΟΣ]** [11, № 87] (?). 2-В хронологическая группа (265-240 гг. до н.э.).

8. Херсонес. На ручке.

ΛΥΚΩΝΟΣ ΤΟΥ [ΑΠΟ]Λ / ΛΩΝΙΟΥΑΣΤΥ[ΝΟΜ]Ο(Y).

2Б хронологическая группа (272-266 гг. до н.э.) [11, №71].

9. Херсонес. На ручке.

[ΑΓΑΣΙΚΛ(?)]ΕΟΣ / ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ.

1-В хронологическая группа (325-287 гг. до н.э.) [11, №2].

10. Херсонес. На ручке.

Β[ΑΘΥΛΛΟΥ?] / Α[ΣΤΥΝΟΜΟΥ?].

1-А хронологическая группа (?) (325-287 гг. до н.э.) [11, № 32].

11. Херсонес. Ручка.

Фабрикантское клеймо-монограмма: **ΠΑ.**

I-Б, В Хронологические группы (325-287 гг. до н.э.) [11, №32, штамп 17].

12. Херсонес. На ручке.

ΜΑΙ.

В каталоге В.И. Каца отсутствует.

- 13.Херсонес. На ручке.

ΜΑΙ.

В каталоге В.И. Каца отсутствует.

14. Гераклея. На горле.

...ΟΙΔ...

Можно заключить, что наиболее поздними в этом небольшом комплексе являются синопские клейма VI группы, бытовавшие до последнего десятилетия III в. до н.э. (рис. 7). Аналогичную верхнюю дату дает и остальной археологический материал, в чем можно убедиться ниже.

Простые сосуды представляют третью по количеству группу керамических находок из комплекса засыпи колодца (после строительной керамики и амфор – 17 % профильных фрагментов) и наиболее впечатительную (56,5 %) долю находок столовой керамики. По характерной глине сосудов и украшениям в виде концентрических горизонтальных полос темно-красного цвета можно обоснованно говорить, что это преимущественно фрагменты кувшинов местного, херсонесского производства (рис. 8, 9). На настоящий момент ведется реставрация части сосудов, но уже возможно сделать некоторые предварительные выводы.

Большую часть *кувшинов* составляют красноглиняные сосуды без покрытия. Черепок в изломе от бледно-оранжевого до светло-коричневого, в тесте имеются многочисленные примести известковых частиц. Среди профильных фрагментов можно выделить *венцы* различных форм: горизонтально отогнутые (рис. 8, 1), валикообразные (рис. 8, 18), клюво-

видные (рис. 2, 4, 15, 19). Донья условно плоские (рис. 9). Ручки овальные, уплощенные, в единственном случае – выпуклым продольным валиком. Эти фрагменты, в большинстве своем, принадлежат, по всей видимости, кувшинам с биконическими и овальными туловами, широко известными на территории херсонесского городища и хоры. Несколько подтреугольных и клювовидных в сечении венцов (рис. 8, 8, 12, 13, 18, 26, 29), судя по сужающемуся горлу, принадлежат кувшинам с приземистым шаровидным туловом, низким горлом и загнутой над венцом ручкой. Тесто с многочисленными примесями известняка и авгита. Подобные сосуды Г.Д. Белов и С.Ф. Стржелецкий относили ко второму типу херсонесских кувшинов [1, с. 42]. Значительная часть сосудов (более 80 фрагментов стенок), как уже отмечалось, была украшена горизонтальными красными полосами. Полосы наносились на поверхность тула на уровне нижнего прилепа ручки, иногда также и на горле.

Вызывают интерес стенки тонкостенного кувшина из хорошо промешанного однородного теста, украшенные сложным растительным орнаментом из спиралей и листьев (рис. 10, 3). На горле помещено изображение оливкового(?) венка. Туло еще одного сосуда декорировано побегом плюща; на горле – гирлянда (рис. 10, 2). Во всех случаях орнаментация тонкими красными полосами нанесена на предварительно слаженную лощеную поверхность. Из колодца происходит также массивный отогнутый клювовидный венчик кувшина с красной полосой по внешнему краю. На горле частично сохранился орнамент: точки накладной красной краской, часть орнамента в виде венка. Верхняя часть аналогичного сосуда происходит из комплекса «ям» перед базиликой Крузе, из квартала С в Северо-восточном районе Херсонесского городища [9, рис. 8, 1], в слое пожара Калос-Лимена конца первой-начала второй третей III в. до н.э. [Уженцев, 2006, с. 26, рис. 73, 1]. Именно это время можно принять за *terminus ante quem* для возникновения этого типа кувшинов. Значительную часть находок (38 профильных фрагментов) составляют кувшины со светлым ангобом. Следует также обратить внимание на фрагмент гидрии с уплощенной прилепленной к стенке ручкой. На светлый ангоб красной краской нанесены полосы и стилизованный венок.

Немногочисленную группу представляют *культовые чаши* (всего 3 фрагмента). Две чаши с близкими по форме ножками происходят из дома Аполлония в Северном районе Херсонеса, где основная часть материала относится ко II в. до н.э. [6, с. 44, №№ 91, 92].

В целом же простая столовая керамика из колодца в южной конхе базилики Крузе повторяет по своему составу аналогичный материал из цистерны в ХСVII квартале, раскопанной в 1991 г. Засыпь последней М.И. Золотарев относил к середине последней четверти III в. до н.э. [21, р. 198]. Это еще раз подкрепляет наше определение верхней хронологической границы материалов из колодца в пределах рубежа III-II вв.

Большой интерес представляет комплекс **чернолаковой керамики** (рис. 11, 12) из засыпи колодца. К сожалению, ни одной целой формы по старым сколам собрать не удалось, возможно, по той причине, что колодец раскопан пока не до конца или материал был значительно раздроблен еще до попадания в него. Поскольку засыпь была единовременной, что подтверждается находками фрагментов одного и того же сосуда на разных её уровнях, существует вероятность того, что в следующем полевом сезоне будут найдены пока еще недостающие фрагменты.

Первое место по числу находок занимают *канфары*. Большинство из них относятся к первому типу классической серии канфаров с прямым венчиком по классификации С. Ротрофф [20. Part 1, р. 83 и сл.]. Особенно интересным среди этой группы находок является фрагментированный канфар, от которого сохранилась большая часть тула и ножка (рис. 11, 12; 12, 1). Канфар покрыт тусклым, но ровным слоем лака, который местами сильно потёрт. Ко второму типу классической серии канфаров – сосудов с «формованным» венчиком (*«moulded rim»*), уверенно можно отнести всего лишь один венчик (рис. 12, 2). Среди находок также встретились кольцевые поддоны *кубков-канфаров* (рис. 12, 3), фрагменты венчиков и ручек кубков-канфаров с биконическим тулом и ручка кубка-канфара с формованным венчиком. Два фрагмента украшены орнаментом в стиле «западного склона афинской Агоры» (рис. 11, 3; 12, 5).

Группа мисок представлена 2 традиционными формами с загнутым и отогнутым венчиком. Превалируют миски с отогнутым венчиком (всего 20 закраин), качество их лакового покрытия различное, некоторые фрагменты со следами ремонта. Миски с загнутым краем представлены 7 закраинами, внешняя поверхность венчика одной из них украшена орнаментом в виде волнистой линии, выполненной белой краской (рис. 12, 6). Два донца и один фрагмент стенки украшены резным и штампованным орнаментом: два ряда насечек окружают четыре пальметки (рис. 11, 4, 9, 13; 12, 8). Интересен также фрагмент широкой отогнутой закраины блюда, поверхность которой профилирована 2 врезными линиями, между которыми располагается растительный орнамент в виде листьев и побегов плюща: стебель выполнен врезной линией, а листья белой накладной краской (рис. 11, 6). Близкие аналогии нашему фрагменту мы нашли в материалах раскопок афинской Агоры [20, р. 174, fig. 44, №602-603; 19, р. 523 № 1190 (P20048)], где авторами публикаций подобные формы датируются концом V – началом IV вв. до н.э.

Относительно точную датировку дают *тарелки* с валикообразным краем (всего 7 закраин); нам удалось найти близкие аналогии почти для всех фрагментов; некоторые из них датируются концом IV – началом III вв. до н.э. [10, с. 225]. Такую же дату дают и два фрагментированных горла гуттуса (рис. 11, 1, 2; 12, 10), одно из них близко по форме сосуду из раскопок Чайкинского городища, датируемому Т.В. Егоровой концом IV – началом III вв. до н.э. [10, с. 229, №511]. Из закрытых сосудов также стоит упомянуть покрытый известковым раствором фрагмент амфориска – сохранилась его нижняя часть туловы и донышко (рис. 11, 14; 12, 11).

Также из раскопок колодца происходит шесть фрагментов **расписной краснофигурной керамики**: закраина, две ручки и две стенки кратера, и фрагмент дна мисочки на кольцевом поддоне (рис. 13). Закраина кратера (рис. 13, 4) со следами ремонта украшена с внешней стороны росписью в виде венка, а отогнутый край декорирован росписью в виде волн. Лак нанесён неравномерно тонким слоем. Близкие аналогии этому фрагменту мы нашли среди кратеров из Керкинитиды, датируемых серединой – третьей четвертью IV в. до н.э. [4, с. 83, рис. 97, 1,2,3]. Одна из ручек кратера (?) (рис. 13, 3) имеет подпрямоугольную форму с выемкой, похожую на деталь оформления ручки у сосуда из Пантикея [4, с. 21, №6.]. Вторая ручка с сохранившейся стенкой в месте одного из прилепов уже более традиционной формы (рис. 13, 1). К сожалению, определить сюжет росписи не представляется возможным. Первый фрагмент стенки кратера со следами ремонта украшен фризом из меандра, над которым частично сохранилось изображение пальметты. Рисунок выполнен аккуратно, густой, насыщенный лак нанесён ровным слоем. На втором фрагменте сохранилось изображение крыла или края одежды. Лак нанесён неравномерно, на внутренней поверхности он имеет коричневатый оттенок. Особенно выделяется донышко миски (?) на кольцевом поддоне, который профилирован выступом-подставкой. На внутренней поверхности дна частично сохранилась многофигурная композиция – читается изображение головы коня (глаз и ушко) и складки одежды (рис. 13, 6). Мелкие детали тщательно выписаны тонкими линиями. Хорошо сохранилось лаковое покрытие. Лак густой, блестящий, хорошего качества, нанесён ровным слоем. Глиняное тесто всех фрагментов плотное, хорошо промешанное, с мелкими примесями слюды и небольших частиц известняка.

Самой малочисленной группой столовой керамики из засыпи колодца является **сероглиняная керамика с чёрным покрытием** (рис. 14). Имеется всего лишь 7 профильных частей от сосудов разных типов: глубоких мисок с разной толщиной стенок (рис. 14, 1-4), рыбного блюда (рис. 14, 5), донца (рис. 14, 6). В литературе нет однозначного мнения по поводу места производства и датировок таких сосудов, несмотря на то, что они достаточно широко распространены в Причерноморье и Крыму [18, р. 167-185]. Найдки из Херсонеса чаще относят к местному производству [см.: 3, с. 31, прим. 11; 11, с. 11, 12, 64-181, рис. 49-52]. Однако есть веские основания настаивать на их импортном происхождении из Малой Азии или Аттики [16, с. 45-47; 17, с. 125-138].

Относительно незначительную по количеству группу находок представляют и фрагменты так называемой **ионийской «полосатой» керамики или керамики ионийского**

типа (рис. 15, 16). Для Херсонеса эта группа материала имеет особое значение, поскольку на базе её находок и ряда других источников М.И. Золотарёвым и Ю.Г. Виноградовым была выдвинута гипотеза о более ранней дате основания Херсонеса [5, с. 41], чем предложенная Х. Шнайдервиртом и затем развитая А.И. Тюменевым (422 г. до н.э.). На данный момент публикаций этой группы херсонесской керамики совсем немного, типология её также пока окончательно не разработана, не решён вопрос и о месте её производства [ср.: 8; 2] (см. статью С.В. Ушакова и Е.С. Лесной в настоящем сборнике). Сосуды этой группы датируются очень широко – второй половиной VI-V вв. до н.э. и в засыпи колодца она является примесью «снизу». Открытые формы представлены фрагментами чащ с петлевидными ручками, это закраины (рис. 15, 1-4), ручки (рис. 16) и донышко. Все закраины загнутые, одна с заострённым краем, они покрыты полосами коричневого «лака» разных оттенков по внутренней поверхности и верхней части венчика. Ручки также с полосками «лака» у основания и в месте изгиба, лак нанесён неравномерно, тонким слоем. Донышко на кольцевом поддоне украшено тремя концентрическими полосами лака на внутренней поверхности (рис. 15, 5). «Лак» нанесён не очень аккуратно, тонким слоем. Закрытые сосуды представлены лишь двумя ручками от кувшина и кубка (рис. 15, 6, 7). Ручка кувшина уплощённая, украшена пятном тёмно-красного «лака». Ручка от кубка уплощённая, с частью нижнего прилепа, на левой стороне также сохранилось «лаковое» покрытие.

* * *

В итоге можно резюмировать, что керамический комплекс колодца адекватно отражает материальную культуру Херсонеса классического и эллинистического времени и является, несмотря на относительную малочисленность, представительной выборкой строительной керамики, тарных сосудов и разнообразной столовой посуды. Из наиболее выразительных находок керамики можно отметить фрагменты расписной керамики, канфар с отбитым венчиком, а также целый светильник, фрагменты терракотовых статуэток (эти материалы находятся в стадии изучения). Интересно, что некоторая часть керамического материала представлена окатанными морем фрагментами; вероятно, земля для засыпки колодца, содержащая большое количество примесей глины, была взята из прибрежной части городища. В целом, в засыпи найден материал, не выходящий за пределы рубежа III - II вв. до н.э. Среди нумизматических находок наиболее поздними являются 2 монеты, датированные последним десятилетием III в. до н.э., что подтверждает наши датировки, сделанные по керамическим материалам. Вероятно, в это время в Херсонесе и на его хоре произошли события, которые нашли свое отражение в многочисленных перестройках, выразившихся, среди прочего, в перепланировках и засыпке ставшими ненужными колодцами.

Источники и литература.

- Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы 15 и 16 (Раскопки 1937 г.) // МИА. 1953. Вып. 34. С. 32-108.
- Буйских А.В. Херсонес Таврический в VI в. до н.э.: реальность историческая или археологическая? // АМА. 2006. Вып. 12. С. 263-277.
- Буйских А.В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Suhhlementum. Вып. 5. Симферополь, 2008. 424 с.
- Вдовиченко И.И. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье. Симферополь, 2008. 352 с.
- Виноградов Ю.Г., Золотарёв М.И. Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. 1998. Вып. 9. С. 36-46.
- Зайцева К.И. Культовые чаши V-I веков до н.э. из Северного Причерноморья // ТГЭ. 1997. Вып. XXVIII. С. 38-53.
- Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 136.
- Золотарёв М.И. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993. 98 с.
- Золотарев М.И., Ушаков С.В., Один средневековый жилой квартал Северо-восточного района Херсонеса // ХСб. 1997. Вып. VIII. С. 30-45.
- Егорова Т.В. Чернолаковая керамика с памятников Северо-Западного Крыма IV-II вв. до н.э. М., 2009. 256 с.
- Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 1994. 174 с.
- Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь-Керчь. 2007.

13. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Москва; Саратов, 2003. 352 с.
14. Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса (базилика «Крузе») в 2009 году // НА НЗХТ.
15. Ушаков С.В. Струкова Е.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок ХСVII квартала Херсонеса Таврического // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Сборник материалов XII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 2007. С. 45-47.
16. Ушаков С.В. Струкова Е.В. Сероглиняная керамика с черным покрытием из раскопок ХСVII квартала Херсонеса Таврического // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону. 2009. С. 125-138.
17. Ушаков С.В., Дорошко В.В., Тюрин М.И. Раскопки в Северо-восточном районе Херсонеса (базилика «Крузе») в 2008 году / С.В. Ушаков, М.И. Тюрин // Археологічні дослідження в Україні в 2008 році. Вип. 10. Київ, 2009.
18. Handberg S., Stolba V., Ušakov S. Classical and hellenistic Grey Ware from the Western Crimea // Pontica. 2009. XLII.. P. 167-185.
19. Moore Mary B. Attic Red-Figured and White-Ground Pottery // The Athenian Agora. Vol. 30. 1997. P. 419.
20. Rotroff S.I. Hellenistic Pottery Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. Vol. XXIX. Part 1, 2. Princeton, New Jersey, 1997. 575 p., 148 pl.
21. Zolotarev M.I. A Hellenistic Ceramic Deposit from the Nort-eastern Sector of Chersonesos // Chronologies of the Black Sea Area in the period c. 400 – 100 BC. 2005. P. 193-216.

Сокращения.

АМА –	Античный мир и археология
НЗХТ –	Национальный заповедник „Херсонес Таврический”
МАИЭТ –	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР
ТГЭ –	Труды Государственного Эрмитажа
ХСб. –	Херсонесский сборник

Приложение 1.

Таблица 1. Профильные части амфор из колодца

№ п/п	Амфоры	Количество профильных частей				Литература, датировка
		венцы	ручки	ножки	всего	
1.	Менда	3		1	4	Монахов, 2003, т. 62; 63; 64, 1; 65, 3.
2.	Хиос	1	4	1	6	
3.	Гераклея	9	4		13	
4.	Синопа	4	23		27	Монахов, 2003, с. 158, т. 102, 2.
5.	Родос	1	2			Зеест, 1960, т. XIV, 50; Монахов, 2003, т. 83, 7, 8; 84, 7.
6.	Книд			2	2	
7.	Амфоры с кубаревидными ножками			2	2	Зеест, 1960, т. XIV, 33e.
8.	Колхида	1			1	Цецхладзе, 1992 ¹ .
9.	Красногл. (Самос)	1			1	Монахов, 2003, т. 15, 5-7; кон. VI – серединой IV вв. до н.э.
10.	Фасос	1			1	Зеест, 1960, т. IX, 20к, кон. III-нач. II вв.; Монахов, 2003, т. 42, 4-7 – нач. IV в.
11.	Херсонес				40	Монахов, 1989 ² , т. XVIII-XX.
Всего		21	33	5	100	

¹ Цецхладзе Г.Р. Производство амфорной тары в Колхиде // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 90-110.

² Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV-II вв. до н.э. Саратов, 1989. 158 с.

Рис. 1. Колодец в южной конхе базилики «Крузе»

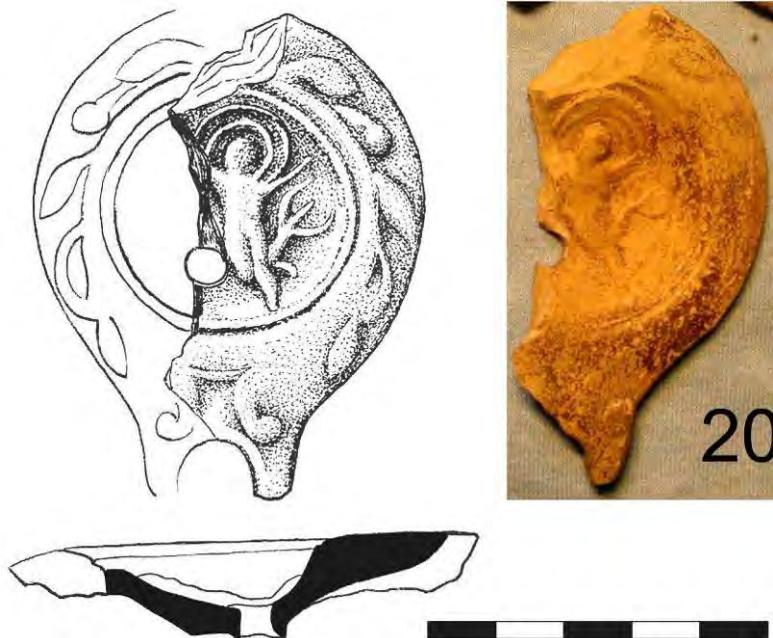

Рис. 2. Щиток краснолакового светильника из засыпи верхней части колодца

Рис. 3. Фрагменты эллинистической черепицы

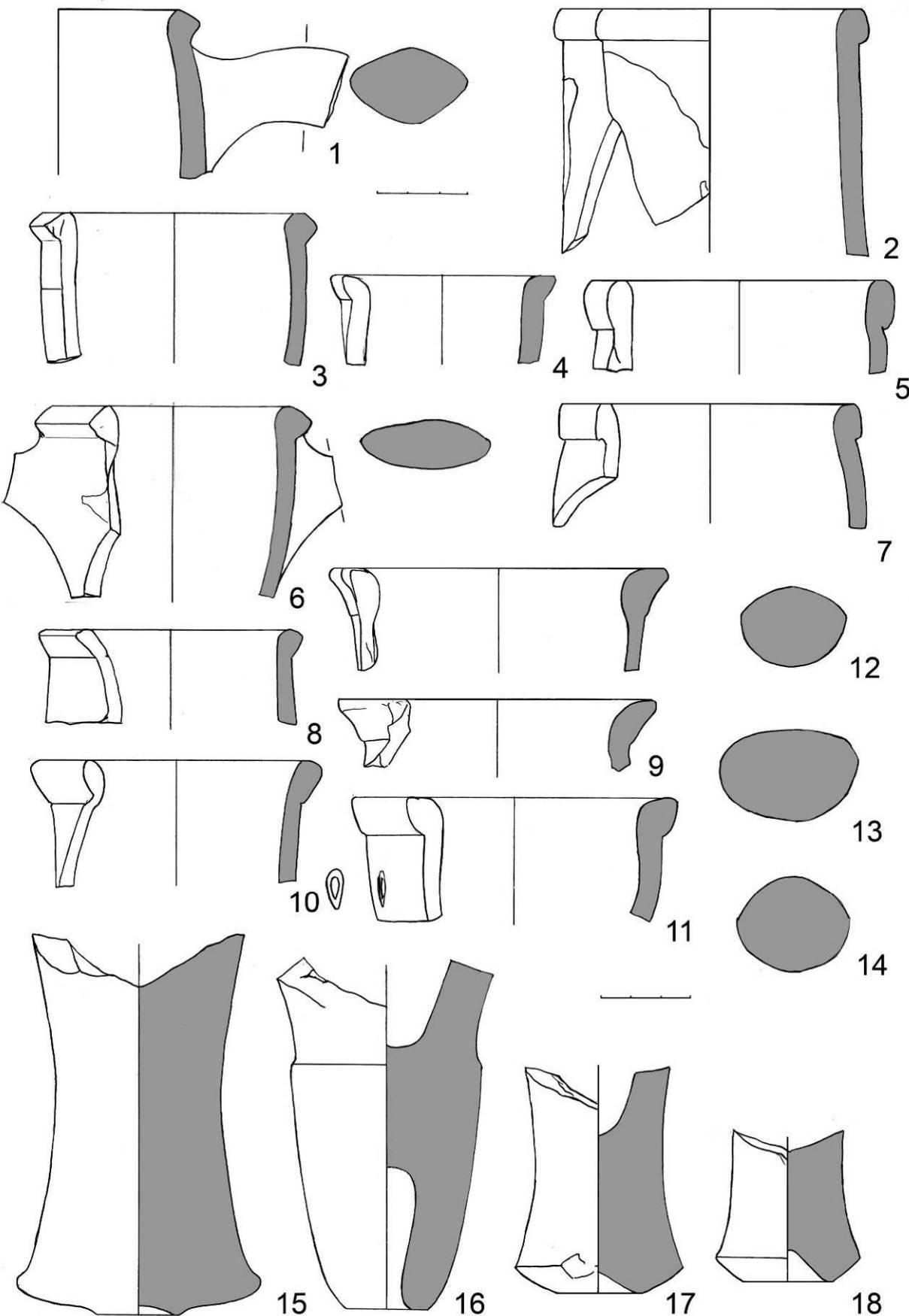

Рис. 4. Фрагменты амфор Самоса, Фасоса, Хиоса, Гераклеи и Синопы

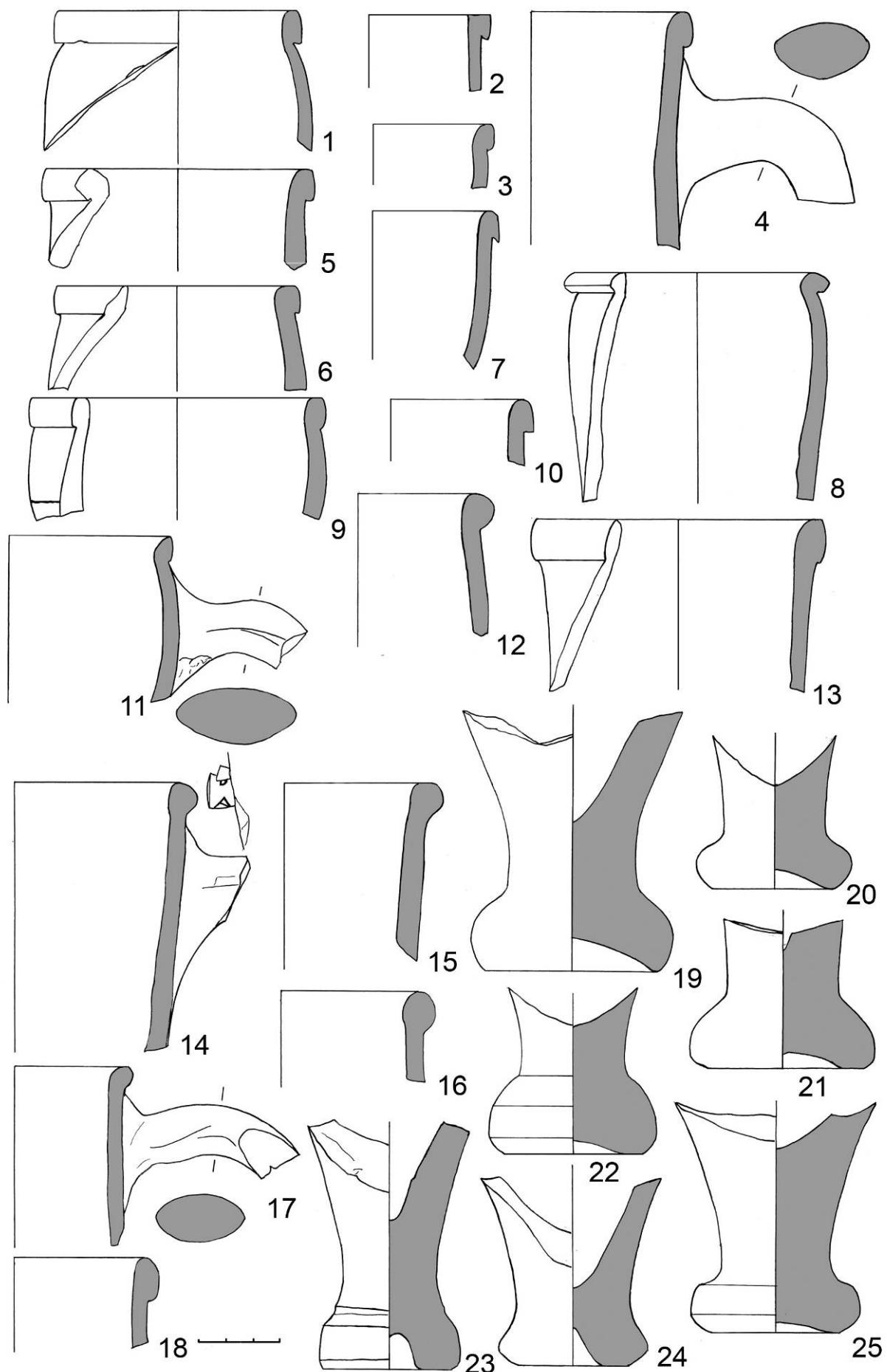

Рис. 5. Фрагменты херсонесских амфор

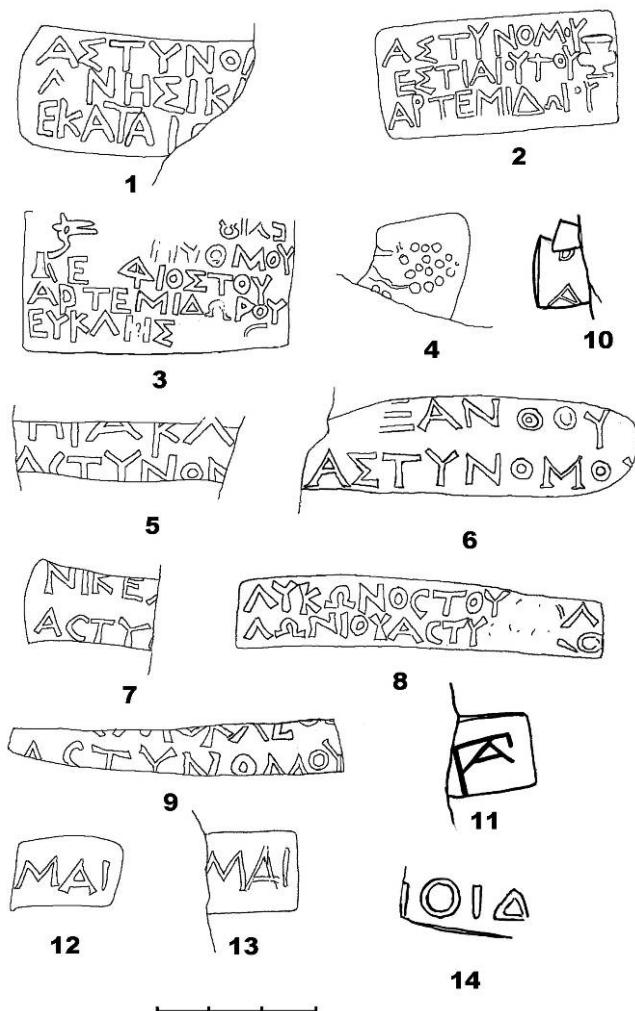

Рис. 6. Прорисовки амфорных клейм

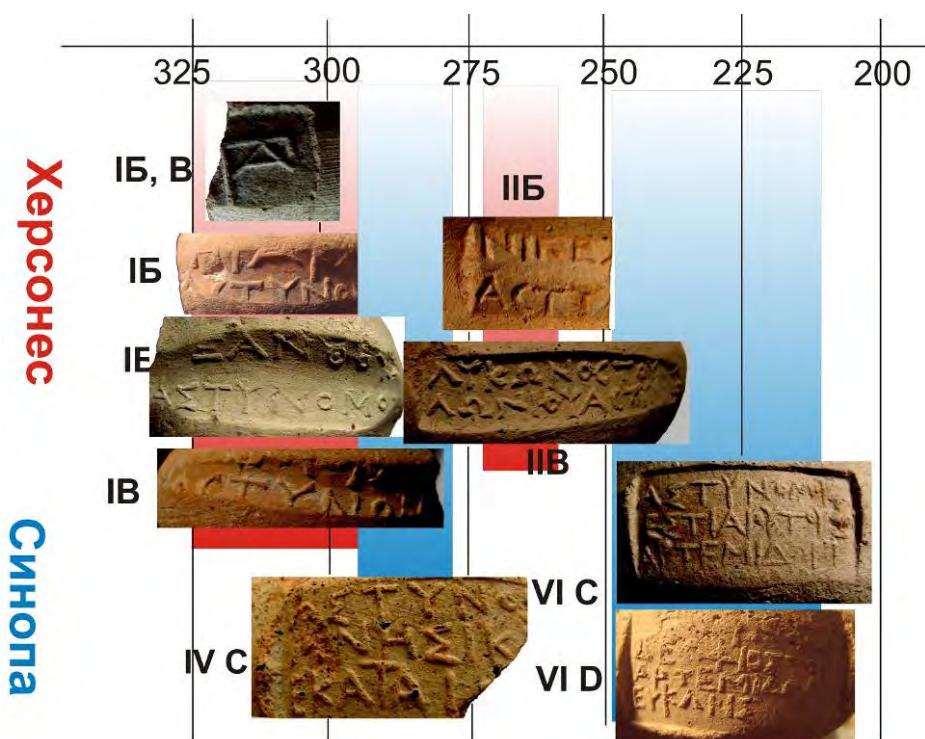

Рис. 7. Хронологическое распределение амфорных клейм

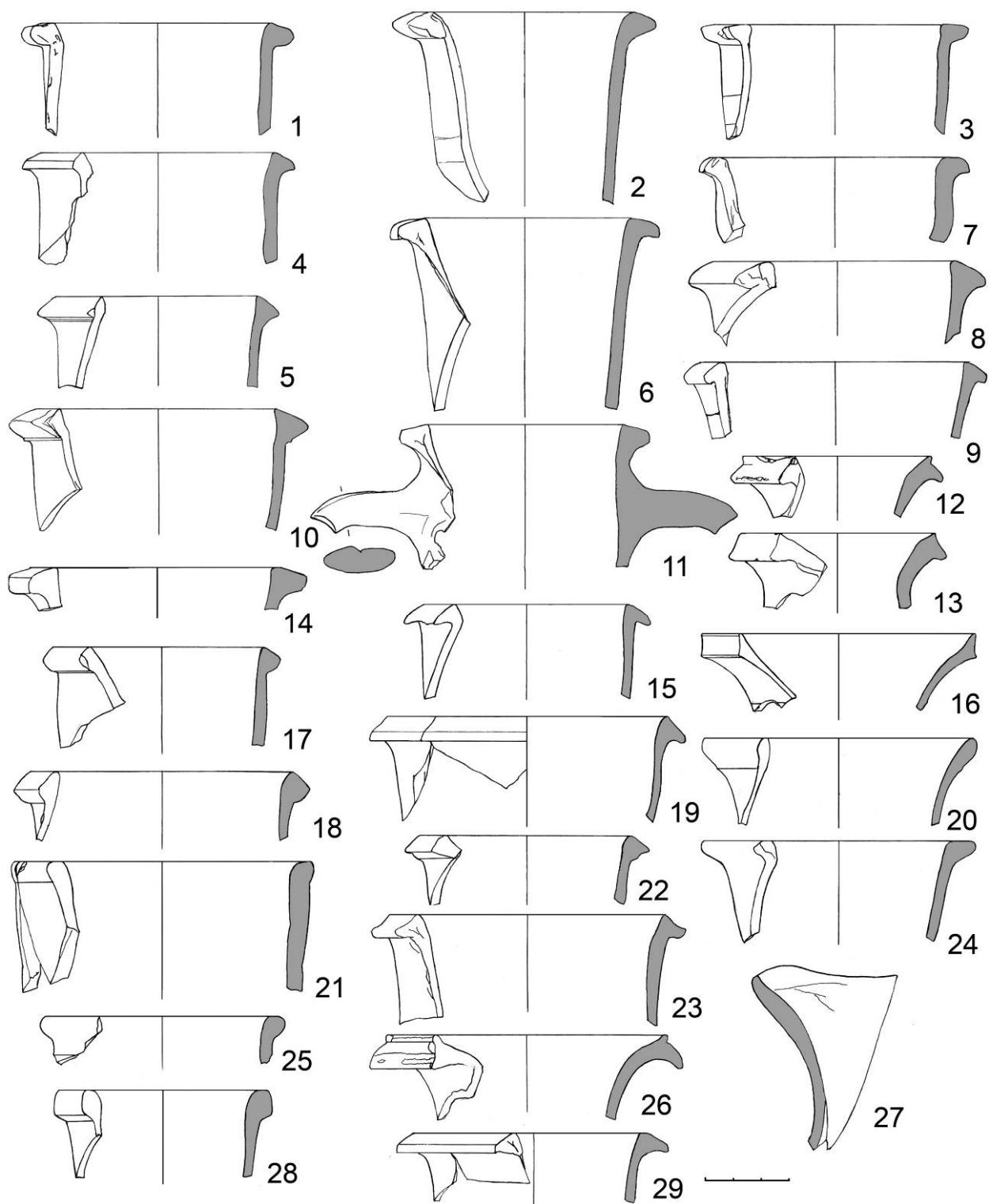

Рис. 8. Венцы херсонесских столовых кувшинов

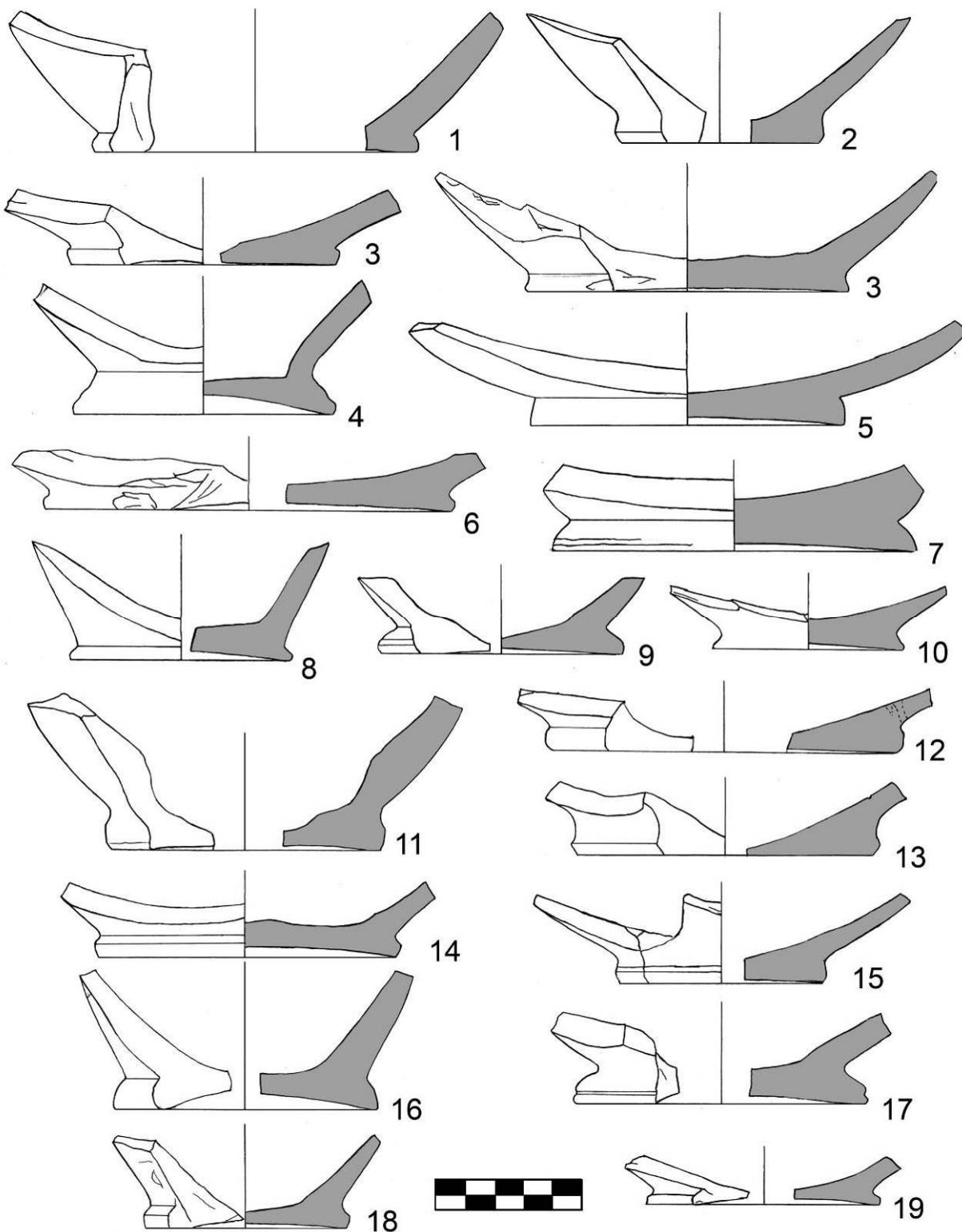

Рис. 9. Донъя кувшинов

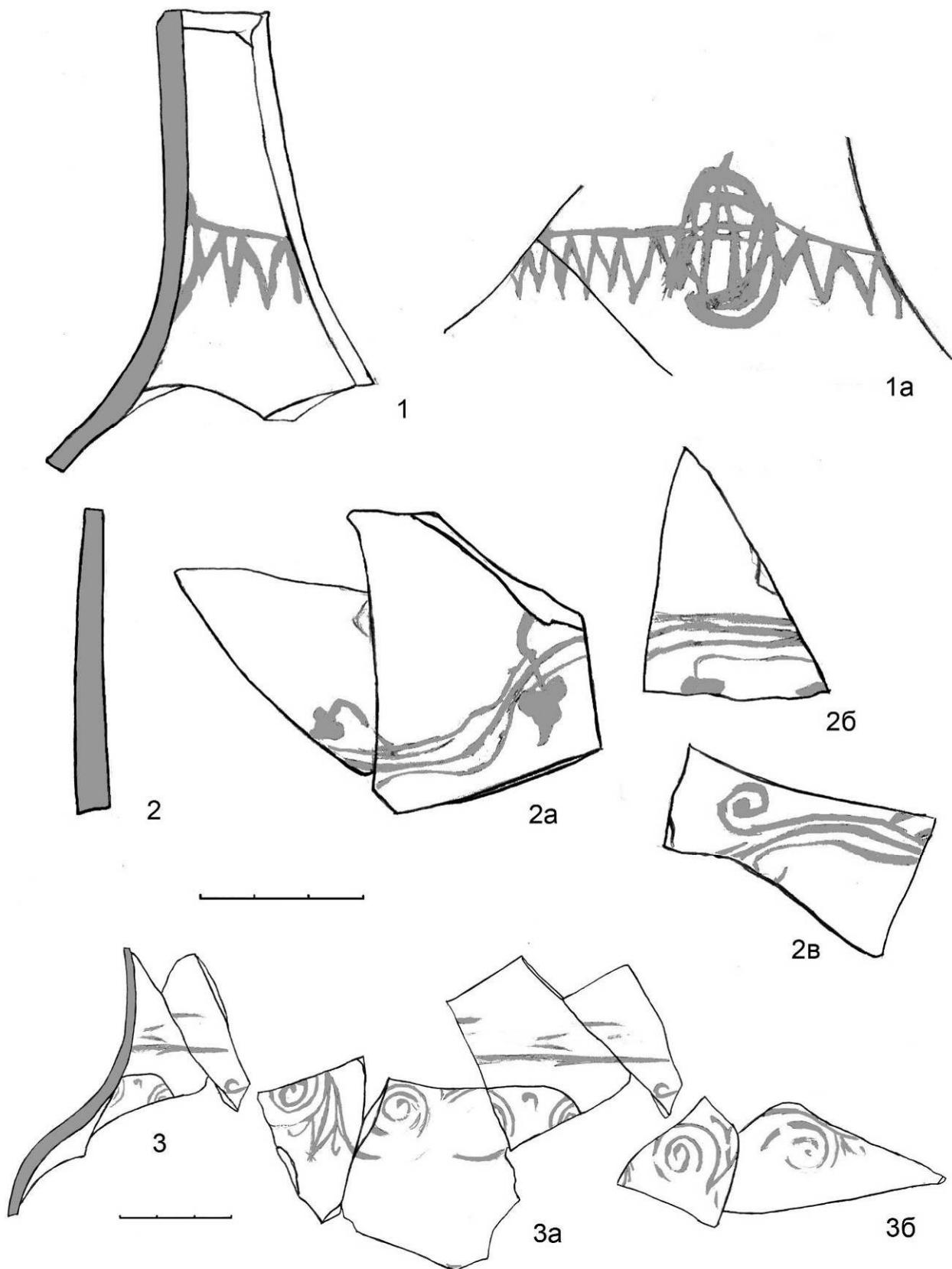

Рис. 10. Фрагменты кувшинов с росписью

Рис. 11. Фрагменты чернолаковой посуды

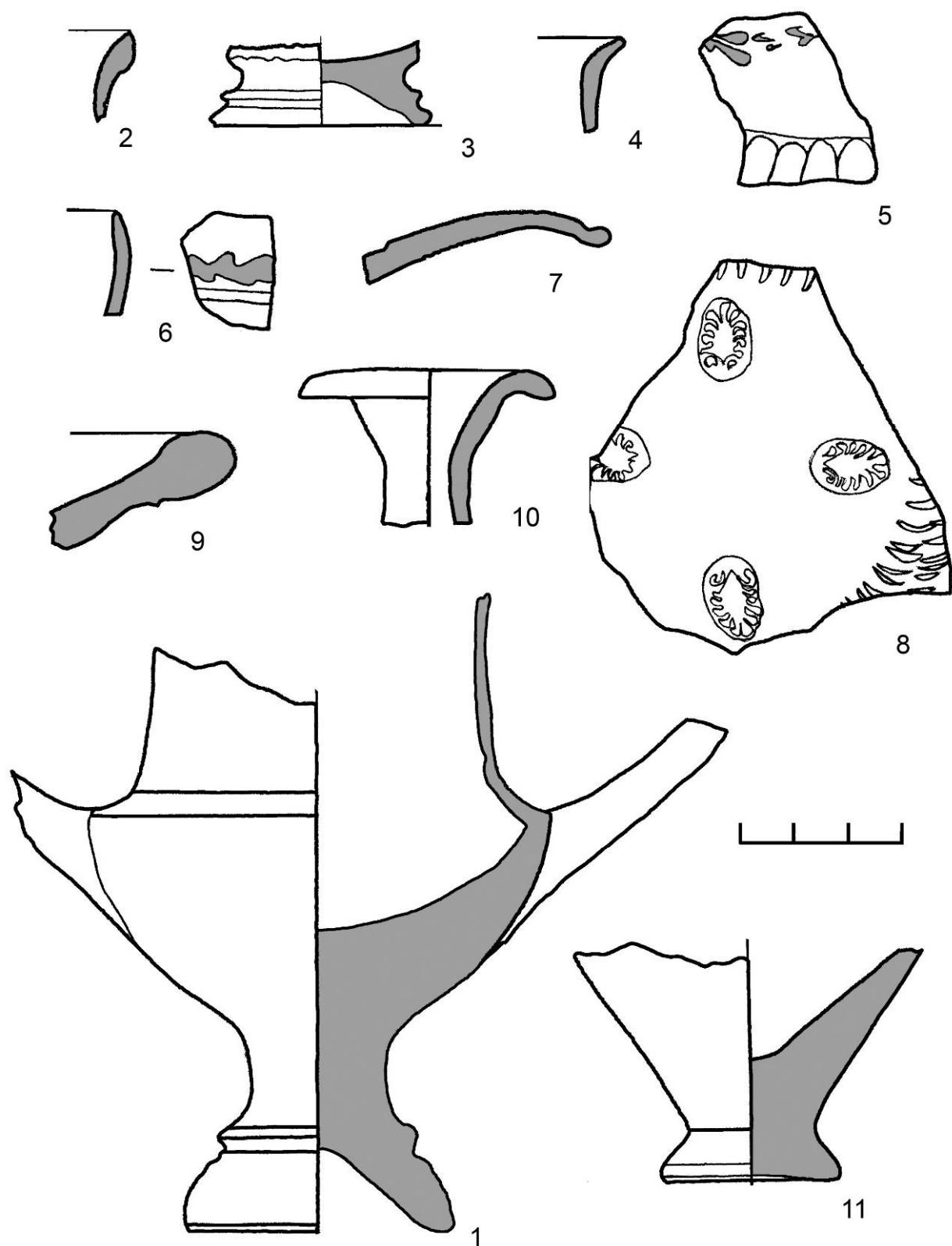

Рис. 12. Чертежи находок чернолаковой посуды

Рис. 13. Фрагменты расписной краснофигурной керамики

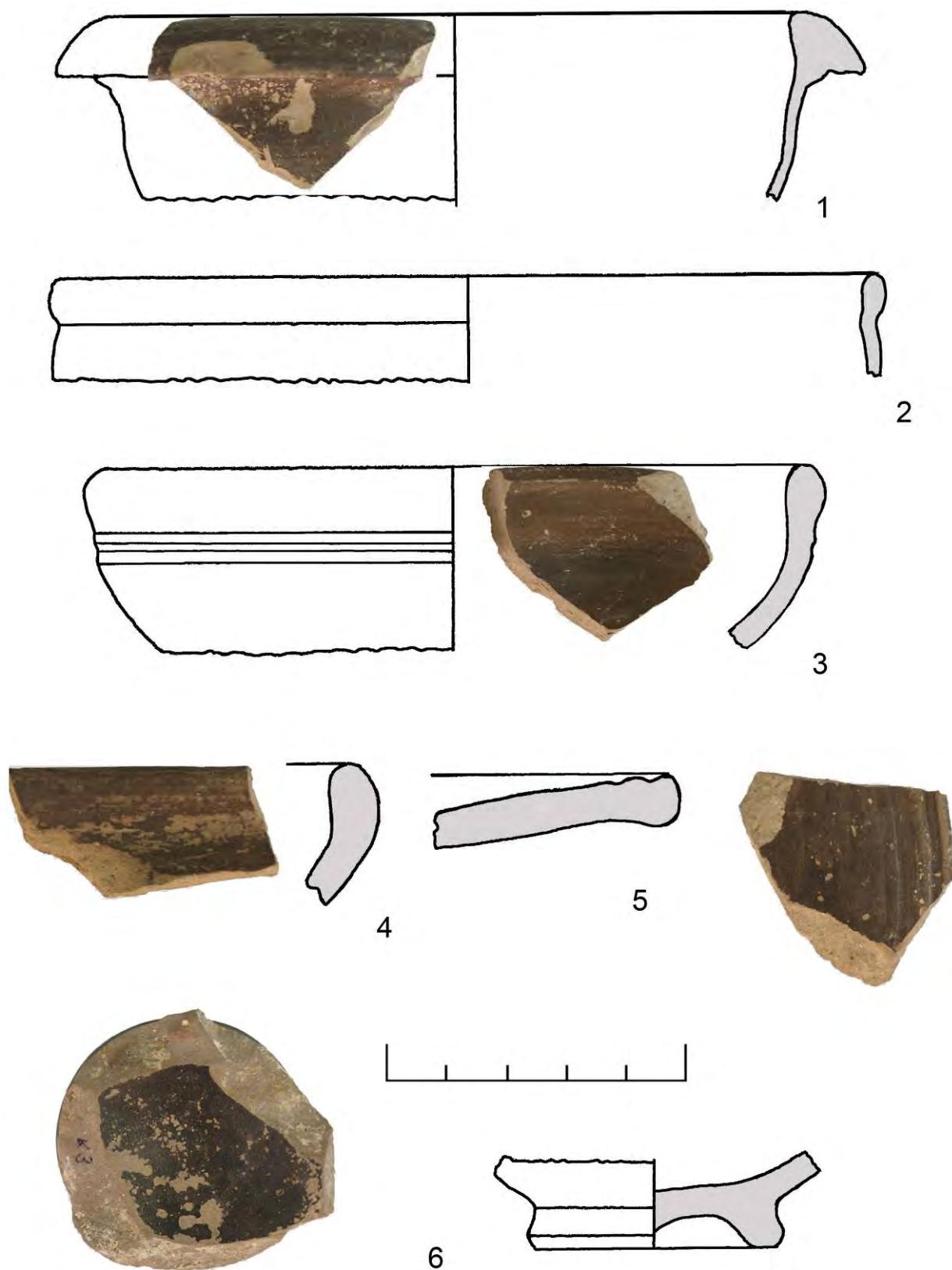

Рис. 14. Найдки сероглиняной керамики с черным покрытием

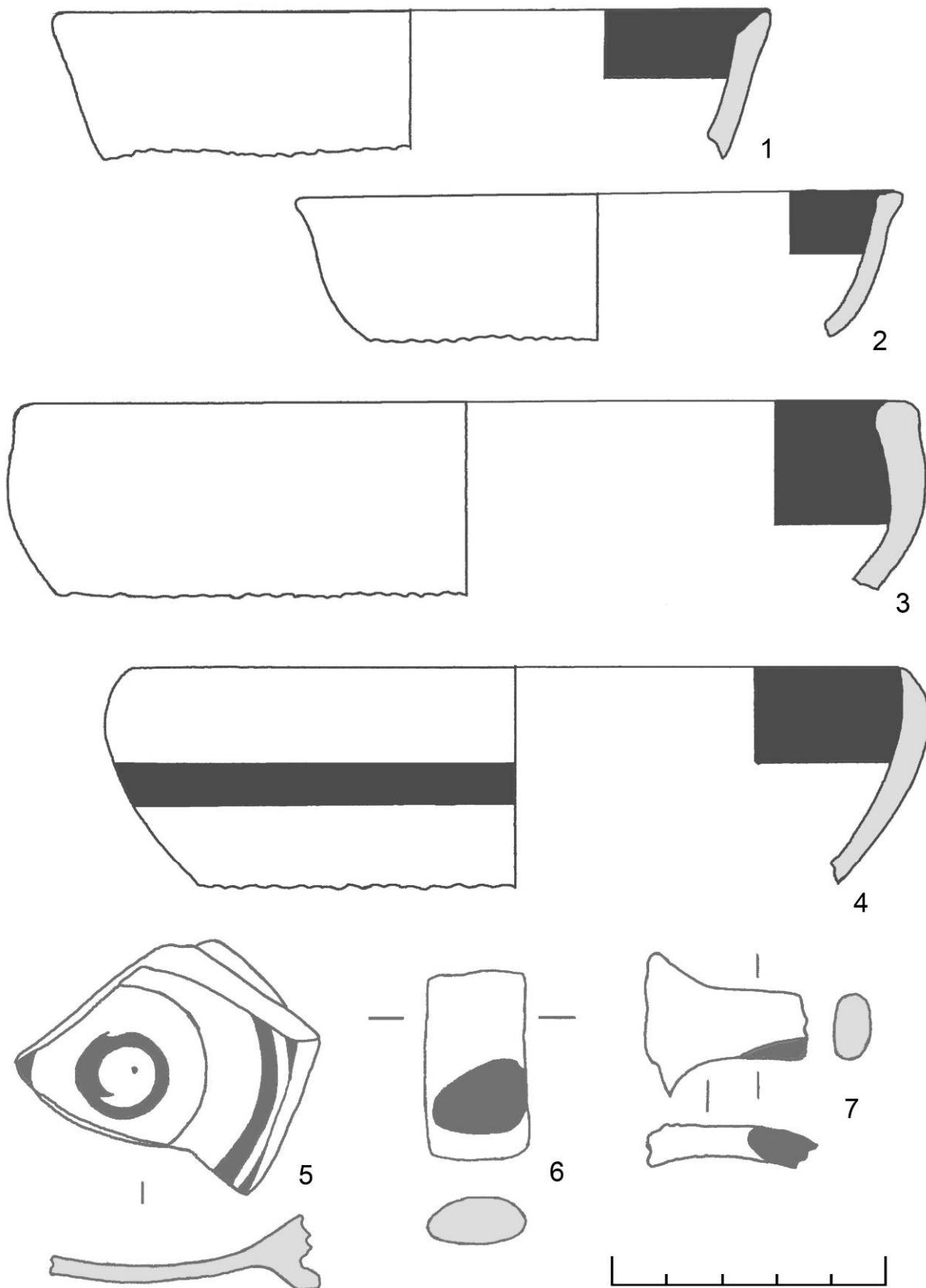

Рис. 15. Фрагменты керамики «ионийского типа»

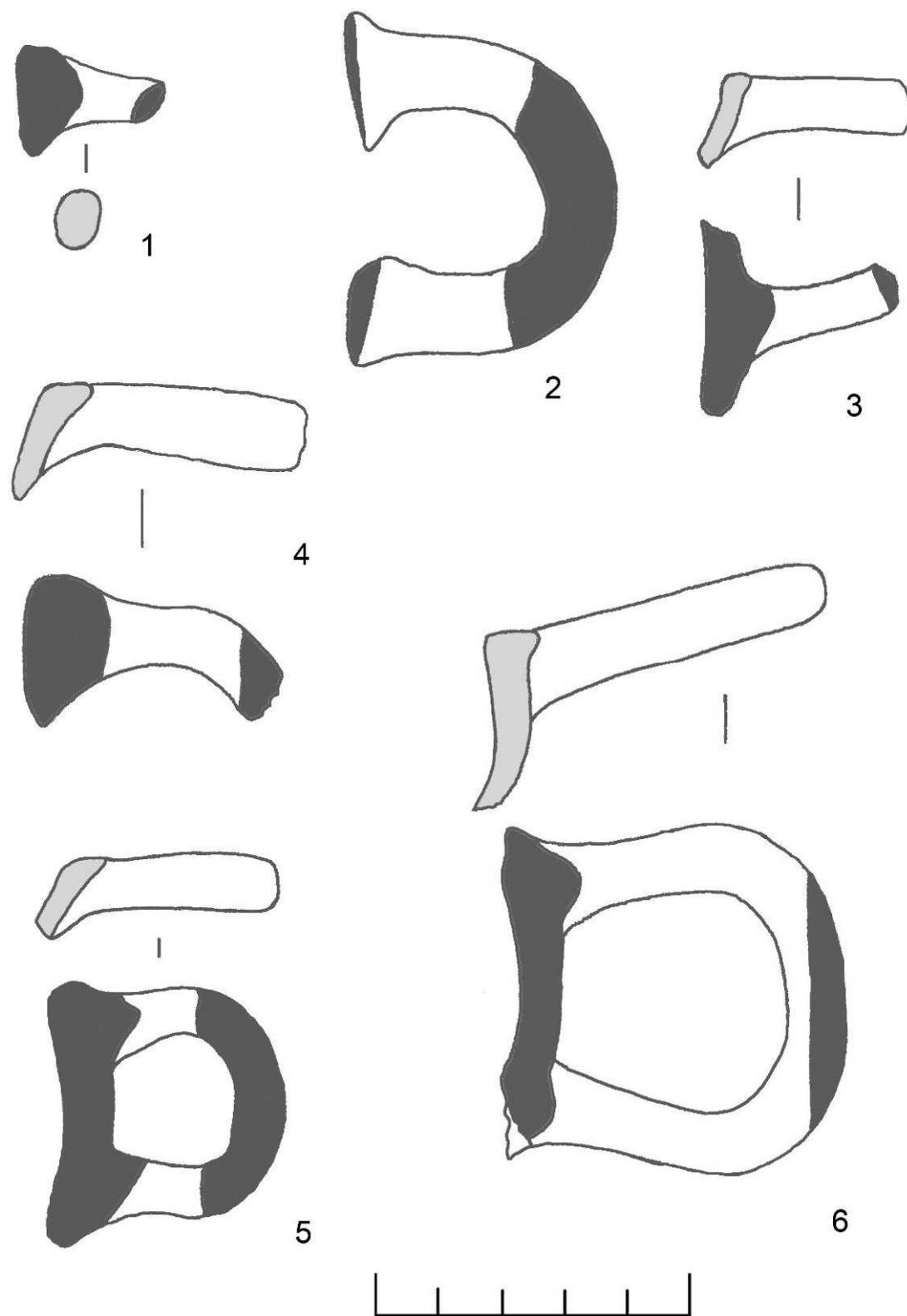

Рис. 16. Ручки чаш «ионийского типа»

**О ХАРАКТЕРЕ «ИОНИЙСКОЙ ПОЛОСАТОЙ» КЕРАМИКИ ИЗ ХЕРСОНЕСА
(НА ПРИМЕРЕ ХСVII КВАРТАЛА)**

УШАКОВ С.В., ЛЕСНАЯ Е.С.

**Крымский филиал Института археологии НАН Украины,
Филиал МГУ в г. Севастополе**

Среди разнообразных археологических материалов классического и эллинистического Херсонеса есть группа находок, вызывающая неоднозначную трактовку специалистов: речь пойдет об одной из важнейших категорий археологического материала Херсонеса Таврического, которая относится к раннему периоду существования античного полиса. Это так называемая «ионийская «полосатая» керамика, которая встречается в ранних слоях среди материалов V-IV вв. до н.э., совместно с аттической краснофигурной, чернолаковой, сероглинянной с чёрным покрытием керамикой, амфорами Фасоса, Хиоса, Менды, Гераклеи; присутствует она и в качестве „примеси снизу“ в комплексах более позднего времени [7, рис. 10, 63-74; 11, рис. 11, 9-14]; является массовым археологическим материалом и в других греческих городах Северного Причерноморья (Ольвия, Пантикопей и другие города Боспора). Речь идет преимущественно о столовой посуде (кувшины, чаши), покрытой горизонтально полосами светлокоричневого или темно-красного „лака“.

Впервые эта группа керамики из раскопок херсонесского некрополя была введена в научный оборот Г.Д. Беловым и отнесена им к V в. до н.э. [1, с. 21, 23]. Ему же принадлежит и первый краткий обзор находок, как он пишет, «ионийской керамики из Херсонеса» [1, с. 17]. Тогда же Г.Д. Белов высказал мысль, что херсонесская посуда эллинистического времени, украшенная поясками или растительным орнаментом, является продолжением традиции ионийских мастеров [1, с. 24].

Новые находки ионийской керамики через двадцать с лишним лет были опубликованы М.И. Золотаревым, который предварил свое описание типов находок кратким историографическим очерком, упомянул Р.Х. Лепера и К.Э. Гриневича, которые первыми обратили внимание на эту группу материала [6, с. 4-5]. Позднее М.И. Золотарев несколько раз вновь обращался к «ионийской полосатой керамике» [напр.: 9, с. 14, рис. 2-3], всегда специально выделяя ее в археологических отчетах [6, с. 7, рис. 52; 8, с. 16, рис. 89, 119]. На основе этих (и других) материалов была высказана и обоснована гипотеза о том, что Херсонес как постоянное поселение возник в 528 г. до н.э. [3; 4]. Дискуссия по этому поводу до сих пор не утихла [2; 10], и на сегодняшний момент созрела необходимость нового обращения к данной группе материалов.

Кажется удивительным, что к этому весьма важному для Херсонеса материалу исследователи обращались крайне редко, и то, лишь мимоходом упоминая его в различного рода работах, касающихся истории жизни города. Лакуна эта, как уже говорилось выше, начала заполняться с 1972 г., когда Г.Д. Беловым были опубликованы сосуды, найденные при раскопках херсонесского некрополя. М.И. Золотарёв, который спустя 20 лет продолжил публикацию керамики этого типа, провёл «ревизию фондов», и ввёл в научный оборот материал из раскопок Р.Х. Лепера и К.К. Косцюшко-Валюжинича, а также возглавляемой автором Херсонесской экспедиции в 70-80-е гг. XX в. Тогда М.И. Золотарёвым был составлен каталог, в который включены описания 200 фрагментов ионийской керамики, таблицы с рисунками и карта – план Херсонеса Таврического с обозначением северо-восточной части городища, где была обнаружена основная масса керамики этого типа. Поскольку на сегодняшний день дискуссия как вокруг новой даты основания Херсонеса Таврического, так и вокруг самой этой группы ионийской керамики не утихла, необходимым является продолжить работу Г.Д. Белова и М.И. Золотарёва по публикации этого материала.

Результатом первого этапа этой работы стал каталог находок, который мы начали составлять, – в него было включено чуть более 100 фрагментов керамики ионийского типа, происходящих из раскопок ХСVII квартала Херсонеса (рис. 1). Они происходят из следующих комплексов: 1) ранние слои в помещении 2 и 2а (1991 г.); 2) эллинистическая цистерна, обнаруженная под полом помещений 1 и 11, засыпь которой датируется началом – серединой последней четверти III в. до н.э. (1991 г.); 3) наскальный слой в помещениях 2 и 12а (1992 г.); 4) наскальные слои во внутривартальном дворе и прилегающих к нему помещениях 14 и 15 (2001 и 1993 гг.); 5) цистерна в помещении 8 (1993-1994 гг.); 6) цистерна в центре двора (2001-2003 г.); 7) наскальный слой в помещении 10 (2003 г.); 8) колодец античного – ранневизантийского времени в помещении 4 (2004-2005 гг.).

В качестве образца нами был взят каталог, составленный М.И. Золотарёвым, однако, мы изменили порядок расположения групп сосудов: в начале, как и у М.И. Золотарёва, описываются фрагменты кувшинов, чаши, затем крышки лекан(?) и единственный фрагмент рыбного блюда. Поскольку в основном при составлении каталога мы работали не столько с самим материалом, сколько с полевыми описями (к сожалению, не всегда фрагменты этой группы керамики сдавались в фонды), то не везде мы можем привести описания характера глины, что, несомненно, является крайне важным при определении места производства керамики этого типа. Однако, в тех случаях, когда цвет глины был указан в полевой описи, или же у нас была возможность работать непосредственно с самими фрагментами, мы постарались дать как можно более подробное описание глиняного теста. Работа эта не закончена, и мы бы хотели поделиться только самыми первыми ее результатами.

Группа кувшинов не самая многочисленная, она представлена 12 фрагментами закраин горла, 6 из которых с рифлением внешней поверхности (рис. 2, 1-8), 7 двустольных (рис. 2, 9-11) и 7 уплощённых ручек (рис. 2, 12-14). Что же касается стенок, то 2 фрагмента принадлежат, возможно, одному сосуду, они украшены орнаментом в виде побегов и листьев плюща, выполненным темно-красным «лаком» (рис. 3, 1-2). Остальные стенки (всего 9 фрагментов) орнаментированы традиционными горизонтальными полосками «лака», за исключением одного с вертикальными полосками (рис. 3, 3-7). Тесто плотное, хорошо промешенное, с мелкими и в некоторых фрагментах довольно крупными включениями известняка. Цвет лака варьируется от светло-коричневого до тёмно-коричневого, покрытие нанесено неравномерно, местами небрежно. Цвет глины также различен: от светло-бежевого до светло-оранжевого. Согласно типологии кувшинов, предложенной М.И. Золотарёвым [5, с. 9], нам удалось выделить только один тип – IV. Это кувшины с массивным жгутообразным венчиком, двустольная ручка прикреплена к его верхней кромке и высоко поднимается петлёй над горлом сосуда (рис. 2, 1-4). Кувшины с рифлением горла по внешней стороне у М.И. Золотарёва отсутствуют, возможно, в этом случае мы можем говорить о выявлении нового типа (рис. 2, 5-8).

Самой значительной по количеству является группа фрагментов открытых сосудов – чаш, или, как называл её М.И. Золотарёв, – чащ-киликов [2, с. 270-271; 5, с. 10]. Она представлена всеми профильными частями: бортиками (загнутыми, отогнутыми, прямыми), петлевидными ручками, донышками на кольцевом поддоне (всего более 60 фрагментов). Венчики вне зависимости от формы орнаментированы полосками «лака» по внутренней и внешней поверхности и, в некоторых случаях, по верхнему краю (рис. 3, 8-18). Ручки также декорированы полосками «лака» у основания и в месте изгиба (рис. 4, 1-7). Донья украшены не только концентрическими полосками, выполненными различными оттенками красного и коричневого «лака» (рис. 4, 8-15) но и серой краской (напр.: рис. 4, 8, 10). Что касается глины, то тесто плотное, хорошо промешанное, с примесями известняка, иногда с мелкими включениями слюды.

Группа предположительно крышек представлена 4 фрагментами закраин и стенок, традиционно украшенных полосками «лака» (рис. 4, 16-17).

Также из раскопок ХСVII квартала происходит один фрагмент рыбного блюда с вместилищем для соуса (D 22,5 см). По внутренней поверхности углубления для соуса и закраине нанесены полоски красного «лака», а сама поверхность блюда орнаментирована четырьмя тонкими концентрическими полосками серой краски (рис. 4, 18).

А.В. Буйских, вслед за Г.Д. Беловым, предложила называть эту группу материалов из Ольвии и Херсонеса керамикой «ионийского типа». Она неоднородна по составу, в чем легко убедиться, просмотрев коллекции этой посуды в собрании Херсонесского заповедника: меньшая часть более изящных пропорций, представлена тонкостенными чашами, покрытыми тонкими полосами лака в сочетании с пурпуром и белой краской [5, с. 4]. Она может относиться к ионийским центрам Эгейды и датироваться концом VI – серединой V вв. до н.э. Большая часть сосудов – более «грубых» форм, не столь тонко выделанных; это одноручные чаши-килики и кувшины. Происхождение этой группы не совсем ясно. Можно предполагать, вслед за М.И. Золотаревым, ее импортное происхождение [5, с. 11-14] или думать, что это местная посуда, выполненная по привозным образцам. А.В. Буйских утверждает, что данные образцы не производились в Херсонесе, а были привезены сюда из милетской «ионийской» колонии Ольвии. Действительно, в «счастливой» Ольвии подобная керамика многочисленна, насчитывает многие сотни экземпляров. Однако предварительное рассмотрение этих сосудов показывает, что она там также «распадается» на две большие группы. Первая, многочисленная и разнообразная, также является импортом из ионийских центров Эгейской Греции, вторая может признаваться местной. Она украшена не полосами лака, а достаточно грубым покрытием, да и формы самих сосудов более грубы по исполнению. Однако ни та, ни другая керамика из Ольвии не похожа на херсонесскую второй группы, более изящную и тоньше выделанную. Стоит отметить, что наши выводы носят сугубо предварительный характер.

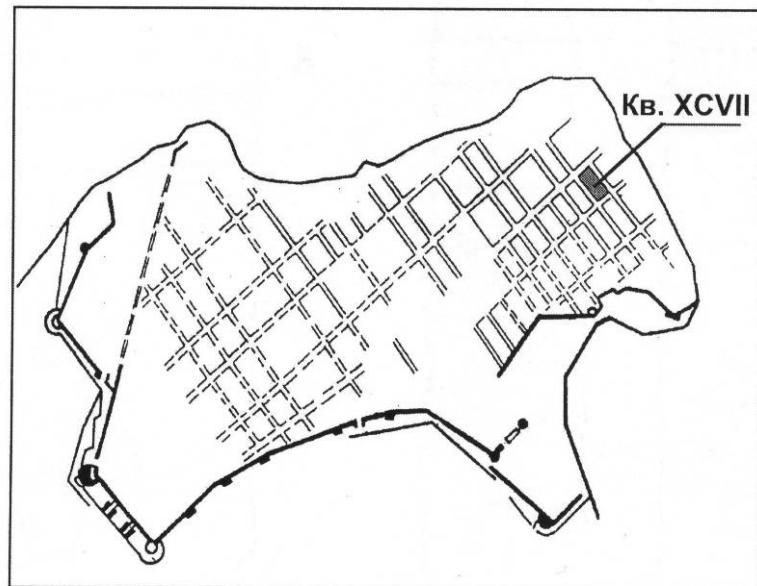
Таким образом, проблема происхождения и хронологии всей этой группы материалов далека от решения. Однако уже сейчас можно выделить основные типы сосудов и хронологические рамки их бытования – по сопутствующему материалу – чернолаковой и расписной краснофигурной посуде и амфорам. Безусловно, требуется специальный анализ этих находок на фоне подобных сосудов не только из Херсонеса, но и из других центров Причерноморья и Восточного Средиземноморья. Тогда «полосатая» керамика из Херсонеса станет полноценным археологическим источником.

Источники и литература.

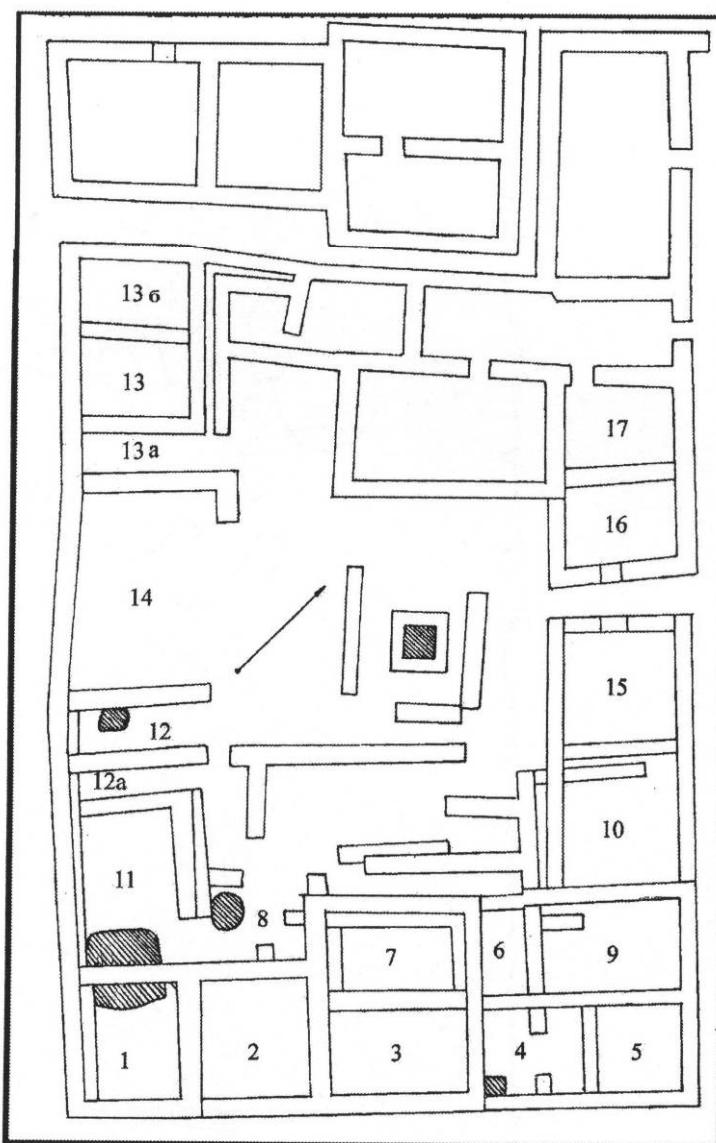
1. Белов Г.Д. Ионийская керамика из Херсонеса // ТГЭ. 1972. XIII. С. 17-26.
2. Буйских А.В. Херсонес Таврический в VI в. до н.э.: реальность историческая или археологическая? // АМА. 2006. Вып. 12. С. 263-277.
3. Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 36-45
4. Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1999. С. 91-129.
5. Золотарев М.И. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993. 98 с.
6. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1990 г. // Архив НЗХТ. Д. 2972/1.
7. Золотарев М.И., Ушаков С.В., Один средневековый жилой квартал Северо-восточного района Херсонеса // ХСб. 1997. Вып. VIII. С. 30-45.
8. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 2003 г. // Архив НЗХТ. Д. 3596.
9. Золотарев М.И. Херсонес Таврический. Основание и становление полиса // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 13-44
10. Зубарь В.М. Еще раз о времени основания Херсонеса Таврического. Боспорские исследования. 2010. Вып. XXIII. С. 63-89.
11. Ушаков С.В., Дорошко В.В., Кропотов С.И., Макаев И.И., Струкова Е.В. Керамический комплекс засыпи цистерны V-VI вв. в ХСб. 2006. Вып. XV. С. 191-216.

Сокращения.

АМА –	Античный мир и археология
НЗХТ –	Национальный заповедник „Херсонес Таврический”
ТГЭ –	Труды Государственного Эрмитажа
ХСб. –	Херсонесский сборник

1

2

Рис. 1. Графические планы Херсонеса

- 1 – Схематический план Херсонеса с указанием места квартала XCVII.
- 2 - Схематический план квартала XCVII

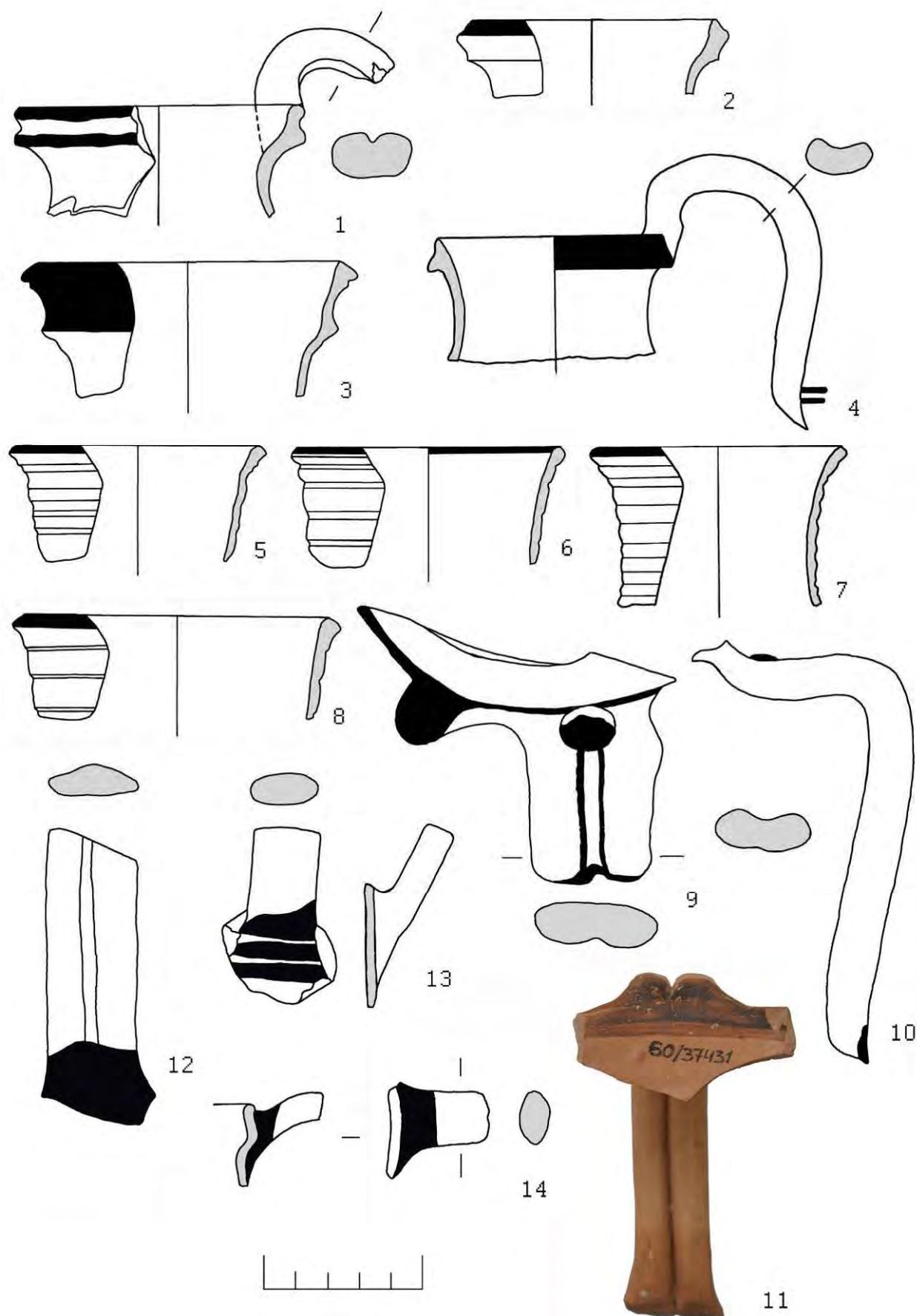

Рис. 2. Фрагменты венчиков и ручек кувшинов

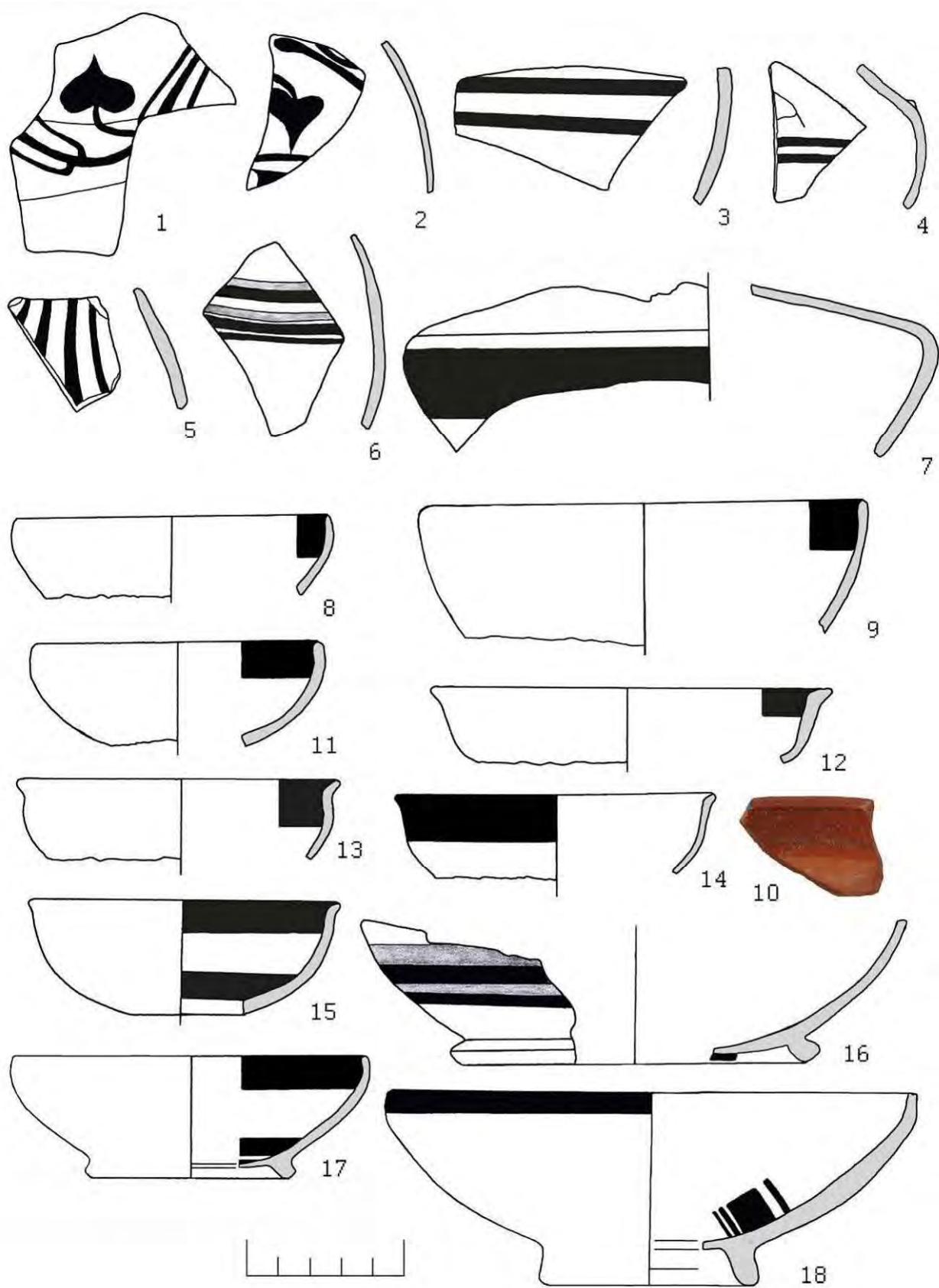

Рис. 3. Фрагменты стенок кувшинов и чаш

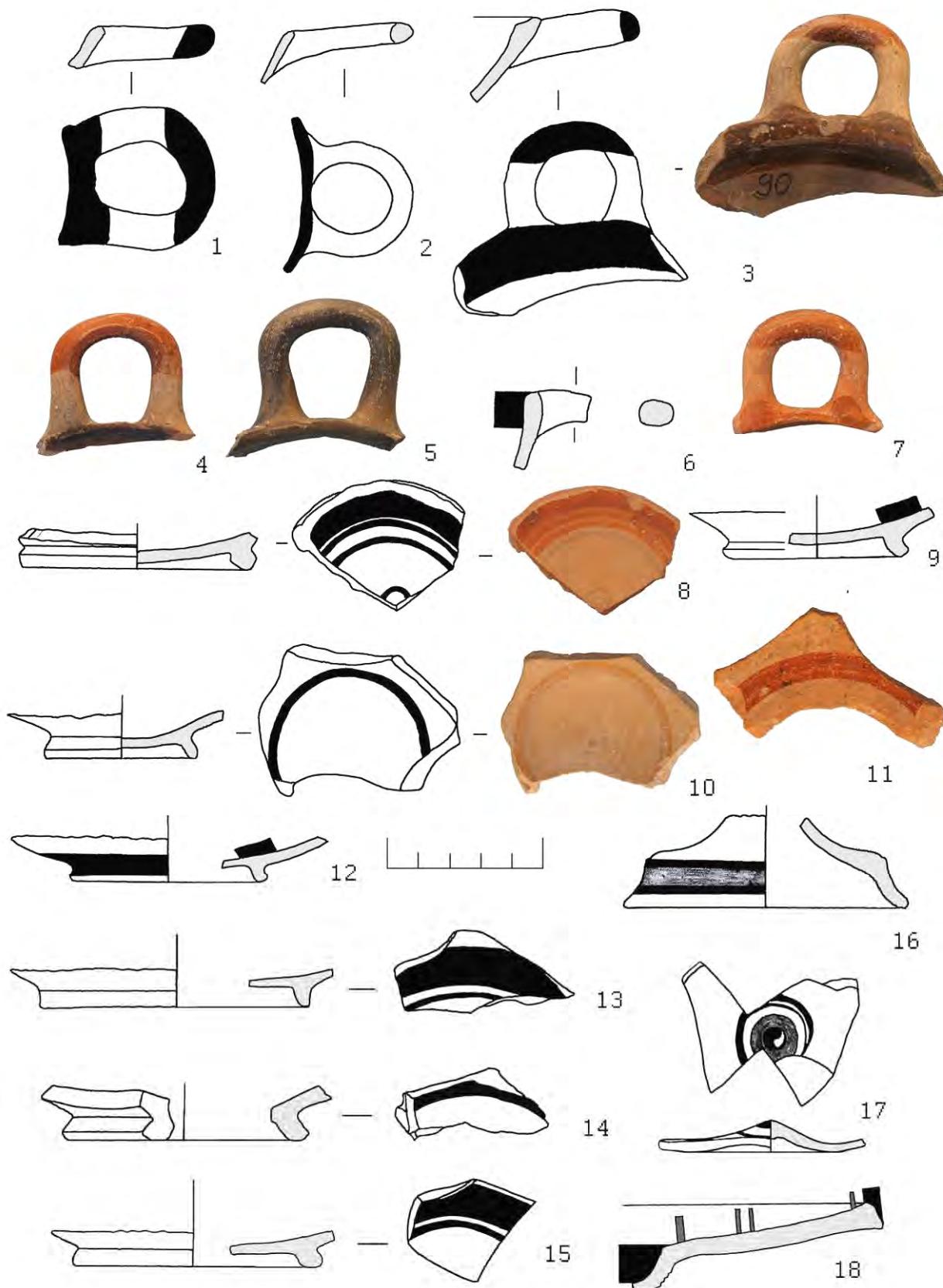

Рис. 4. Фрагменты чаш, крышек и рыбного блюда

IV

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

**К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ПЕЩЕРНОЙ ЦЕРКВИ
У ПОДНОЖИЯ ГОРЫ СОКОЛ**

ДНЕПРОВСКИЙ Н.В.

Издательство «Невская Лавра», г. Санкт-Петербург

Как известно, пещерные храмы встречаются, главным образом, в составе «пещерных городов» и пещерных монастырей Юго-западного Крыма. Тем более интересными представляются сведения о единственной в Восточном Крыму пещерной церкви в окрестностях Нового Света, расположенной у подножия горы Сокол¹.

Однако эти сведения, мягко говоря, не слишком хорошо согласуются между собой. Это представляется тем более удивительным, что данный объект расположен буквально у всех на виду и обозначен даже на популярных туристских картах [1, с. 41].

Так, в известной картотеке А.И.Маркевича читаем: «*Новый Свет, близ Судака. В горах несколько пещер. В одной признаки древней греческой церкви. В другой были следы росписи*» [3, л. 78]. В то же время Ю.М. Могаричев утверждает, что пещерные церкви «*отсутствуют в Восточном Крыму, хотя скальная порода позволяла их создать*» [4, с. 102].

В современном путеводителе [5, с. 115-116] говорится: «*У последнего перед поселком мыса с дороги виден огромный срез обвалившегося песчаника с удивительно ровными стенами. Здесь находился средневековый пещерный монастырь. Основание его, возможно, относится к эпохе иконоборчества в Византийской империи (VIII в.)... Сохранилась часть одной из монашеских келий – задняя часть пещеры с высеченным крестом на стене. У подножия скалы, высоко над морем, археологи расчистили остатки исчезнувшего храма. О существовании монастыря у подножия Сокола сообщает архиепископ Гавриил: “При подошве горы Сокол заметны остатки древнего греческого каменного монастыря во имя “святого великомученика Георгия”, разрушенного во время турецкой войны”.*

Заметим, что архиепископ называет монастырь не «пещерным», а просто «каменным», а разрушить пещерное сооружение (тем более до стадии «исчезновения»), в от-

¹ Мы не рассматриваем в данной работе культовую пещеру на горе Бор-кая, которую часто именуют «пещерной церковью», поскольку ни её литургическое устройство, ни даже конфессиональная принадлежность до сего дня достоверно не определены. Наши разведки и обмеры данного объекта в 2008-2009 гг. также не позволили прийти к определённому заключению.

личие от каменной постройки, достаточно сложно. Автор вышеупомянутого путеводителя, А.Д.Тимиргазин в личной беседе с автором настоящей статьи уточнил, что храм, о котором идёт речь, является наземным, а нашедшим его археологом является старший научный сотрудник отдела «Судакская крепость» Национального заповедника «София Киевская» А.В.Джанов.

А вот что пишет непосредственный открыватель пещерного комплекса Н.В.Лезин: «*В 5 верстах от Судака, под горою «Сокол», вблизи «Нового Света» открыты три пещерки искусственного происхождения, высеченные в сплошном пласте песчаника, толщиною около 2 сажень и представляющих, по всей вероятности, остатки некогда существовавшего здесь пещерного монастыря, подобного пещерным монастырям Тене-Кермена и Черкес-Кермена. Доступ к этим пещерам затруднителен, почему они до сих пор не привлекали ничьего внимания. Первая из этих пещер обращена на восток и имеет форму куба без верхней и передней грани, т.е. другими словами, сохранился пол пещеры и 3 стены. В задней стене высечен в скале крест и маленькая скамеечка или полочка около пола. Вторая пещера, обращённая на юг, сохранилась очень плохо, и можно только догадываться об её искусственном происхождении. В третьей же пещере сохранились и потолок, и часть передней стены, со следами штукатурки или краски. Пол этой пещеры покрыт толстым слоем песка и пыли, раскопать которую до дна ножом мне не удалось» [5, с.84].*

Как видим, о церкви в первоначальном описании памятника вообще нет ни слова.

В 1936 году этот памятник исследовала экспедиция, результаты работы которой частично отличаются от данных Н.В. Лёзина: «*В 4 км от Судака, под горою «Сокол», вблизи «Нового Света», имеются три пещеры искусственного происхождения, высеченные в пласте песчаника толщиною около 4 м и представляющие, по всей вероятности, остатки некогда существовавшего здесь пещерного монастыря. Нижняя пещера доступна для осмотра и представляет собой искусственно выдолбленное в скале помещение, весьма небольшое, использованное, по-видимому, под церковь или часовню, о чём свидетельствуют высеченные в пещерке кресты. Верхняя пещерка мало доступна для осмотра, так как внутрь её приходится спускаться по верёвке. Крестов в верхней пещерке нет* (выделено мной – авт.). *Внизу, рядом с первой пещеркой, заметны следы нескольких других пещерок, обрушившихся в море»* [1, п. 68].

А.В. Джанов также сообщил нам, что храм, по его мнению, располагался в нижнем помещении со следами штукатурки и носил, предположительно, полукупольный характер, но его дальнейшим изучением до настоящего времени никто не занимался.

По-иному трактует данный вопрос В.Г. Тур, впервые давший полноценное научное описание верхнего помещения, но не коснувшийся нижнего: «*Одним из объектов исследования стал известный, единственный в регионе, вырубленный в скале храм, расположенный на берегу моря у подножия горы Сокол... Южная половина помещения давно обрушилась, и доступ в оставшуюся часть был возможен при помощи спелеологического снаряжения. Ввиду природного воздействия разрушение оставшейся части храма продолжается, однако обмеры данного памятника ранее не проводились.*

Храм ориентирован на восток с небольшим отклонением к югу. Оставшаяся часть помещения имеет общую длину 6,5 м. На расстоянии 1,5 м от восточной стены алтарная ограда обозначена сохранившейся подрубкой правильной прямоугольной формы. Вдоль восточной стены вырублены две ступени шириной по 26 см и в центре – ниша глубиной от 5 см по краям до 15 см в центре, шириной 1,3 м и высотой 1,6 м.

Пол помещения почти полностью разрушен в результате природного воздействия. Вход в храм обозначен в центре с южной стороны храма тремя вырубленными ступенями шириной 25 см и высотой около 10 см. Над верхней ступенькой на высоте 15 см едва прослеживается контур полукруглой в верхней части ниши высотой 50 см и шириной 30 см.

Вдоль северной стены фрагментами сохранился выступ высотой около 40 см и шириной 25 см. В стене сохранились контуры углубления высотой 1,4 м и шириной 5м, в алтарной части высота составляет 2,8 м. В нижней части стены, в 20 см от алтарных ступеней, также видны контуры ниши высотой 30 см и шириной 85 см. В верхней вытесненной части северной стены, сохранившейся на высоту около 6 м, на различной высоте

вырублены два креста. Вдоль западной стены также частично сохранился указанный выступ и на высоте 1,8 м от уровня пола вырублена крест размерами 30x25 см. Южная часть храма полностью разрушена. Со слов местных жителей, ранее у подножия скалы, западнее памятника, прослеживались следы подрубок помещений, которые, вероятно, были связаны с храмом, но ныне они не сохранились.

Внутри храма культурный слой отсутствует. На осыпи и между обломками обрушившейся скалы встречаются невыразительные фрагменты гончарных сосудов: кувшинов оранжевой глины и поливных тарелок зелёного и коричневого цвета, которые имеют широкую дату от XII до XVI вв. Таким образом, можно предположить, что данный храм, как и большинство христианских культовых объектов в Судаке, был сооружён не ранее XII-XIV вв. и не исключено, что он являлся частью небольшого монастырского комплекса» [6, с. 329-330].

Итак, относительно существования монастырского храма у подножия горы Сокол было высказано шесть версий:

1. Пещерных церквей в Восточном Крыму не существует (Ю.М. Могаричев).
2. Церковь была наземной каменной (А.Д. Тимиргазин и – косвенно – архиепископ Гавриил).
3. Церковь располагалась в пещере (А.И. Маркевич). Такие храмы, действительно, известны в Крыму и могли размещаться как в естественных пещерах (Иограф, Басман-5), так и в искусственных (пещерный комплекс № 3 на Мангупе).
4. Полупещерная, отождествляемая с остатками помещения со следами штукатурки (А.В. Джанов).
5. Нижняя искусственно выдолбленная пещера использована под церковь или часовню, т.е. первоначальное назначение этого помещения неизвестно (О.Н. Бадер).
6. Единственным в регионе вырубленным в скале храмом является верхняя труднодоступная пещера (В.Г. Тур).

При этом кресты оказываются то в верхней, то в нижней пещере, диапазон датировок памятника оказался в пределах от VIII до XIV вв., а приведённое в работе В.Г. Тура описание памятника не соответствует его ориентации на плане, помещённом в этой же статье (рис. 1).

Всё это вынудило нас повторно обследовать интересующие нас помещения. Установлено следующее.

1. Комплекс, по-видимому, состоял не менее чем из четырёх помещений (фото 1). Два из них практически полностью разрушены, расположены южнее и ниже помещения с крестами, а в северном на высоте потолка сохранились остатки вырубок для крепления балок или стропил. Остатком ещё одного помещения, возможно, является сильно выветренная ниша под юго-восточным углом помещения с крестами, форма которой близка к прямоугольной. Четвёртое помещение (со следами штукатурки), как оказалось, находится от этого комплекса на удалении 150 м к западу, за небольшим мысом (фото 2). Автор сумел найти его исключительно благодаря указаниям А.В. Джанова, которому мы приносим свою искреннюю признательность.

2. Скальное помещение с высеченными на стенах крестами (фото 3) ориентировано с юга на север (рис. 2), то есть верной является ориентация на плане, приведённом в работе В.Г. Тура, а не в её тексте.

3. Общая форма всего помещения в целом близка к прямоугольной. Максимальная длина его достигает 5,0 м. Полностью отсутствует потолок. Пол в значительной мере сохранился. Минимальную ширину – 1,94 м – уцелевшая часть пола имеет на расстоянии 1,56 м от южной стены (фото 4). Ширина пола у южной стены – 2,2 м, а в северной части помещения составляет 2,4 м и ограничивается относительно хорошо сохранившимся ступенчатым каменным выступом шириной (до края обрыва) 0,9 м, длиной (от его конца до северной стены) примерно 1,75 м и высотой около 0,45 м. На расстоянии 2,56 м. от южной стены поперёк помещения проходит ступенчатая подрубка, на краю обрыва завершающаяся прямоугольным расширением (фото 5).

4. В обрыве под юго-восточным углом помещения находятся три сильно разрушенных ступенчатых уступа (первые два на 0,6 м и на 1,3 м ниже уровня пола, до третьего без

специального оборудования дотянуться не удалось), возможно, представляющие собой остатки подрубок для крепления лестницы в помещения нижнего яруса.

5. Хорошо сохранившаяся западная стена (фото 6) в своей южной части отклоняется от направления «север-юг» по часовой стрелке примерно на 5 градусов, а в северной – на 23 градуса.

6. Вдоль неё от юго-восточного угла тянется выступ длиной 1,54 м, шириной 0,24 м и максимальной высотой от 0,14-0,17 м до 0,25 м (в углу). Для скамьи он слишком низок, зато совпадает по высоте со ступенчатой подрубкой в полу помещения. Возможно, эти подрубки использовались для настилания деревянного пола.

Над выступом нижняя часть западной стены на всём своём протяжении рассечена трещиной или промоиной, а выше неё на расстоянии 1,53 м от южной стены имеется углубление чрезвычайно сложной формы. Оно тянется до северной стены и включает в себя целый комплекс сильно разрушенных ниш различного размера и глубины, первоначальное назначение которых неясно. На высоте 50 см над кромкой южной части углубления аккуратно вырублен крест с расширяющимися концами высотой 0,3 и шириной 0,2 м и глубиной около 0,05 м (фото 7). Ещё один такой же крест высечен на 2,5 метра выше и чуть правее, под самой бровкой обрыва. Схематическое изображение западной стены дано на рис. 3, где цифры указывают глубину впадин и ниш в метрах относительно плоскости основной части стены

7. Южная стена отклоняется от направления «запад-восток» на 3-4 градуса против часовой стрелки. При касательном падении солнечных лучей на ней выявляется теневой контур, возможно, соответствующий первоначальному помещению (фото 8), причём он почти в точности сопрягается по высоте с углублением на западной стене, а по ширине – с положением выступа на северо-восточном краю пола помещения. В таком случае, первоначальные конфигурация и объём помещения могут быть восстановлены достаточно точно. Максимальная высота его составляла примерно 2,3 м, ширина примерно 2,2-2,4 м. В юго-восточном углу помещения высота контура уменьшается, а его форма переходит из округлой в плоскую. С учётом нижерасположенных ступенчатых выступов это позволяет предположить наличие здесь лестничного перехода на нижний ярус.

Точно в центре контура первоначального помещения на высоте 0,75 м вырублен крест высотой 0,44 и шириной 0,2 м (фото 9, 10).

8. Говорить о направлении северной стены трудно из-за её сильного разрушения и наличия выступов, ступенек и ниш (фото 11). Высота этой части над полом северного отрезка помещения составляет 1,35-1,4 м. Если считать эту часть алтарной, то назначение уступа такой высоты непонятно: для солеи, как и для синтрана, он слишком высок.

На восточной части этого уступа имеется сильно разрушенный каменный выступ высотой 0,46 м, шириной около 0,5 м и длиной 0,6 м, одной стороной примыкающий к скале. Под углом в 45 градусов с юго-востока к этому выступу вырублены ступени высотой около 0,25 м (над слоем натёчного грунта просматриваются две из них). Если считать выступ остатками престола, то, во-первых, ступени и, соответственно, царские врата оказываются в углу помещения, причём с ориентацией наружу. Во-вторых, престольная доска при этом оказалась бы на высоте в 1,8 метра над уровнем пола помещения. Левее выступа имеются ещё две ступенчатые подрубки большей высоты, назначение которых также неясно.

С севера над помещением просматриваются остатки ступеней, ведущих с верха скалы и обрывающихся над северной стеной. Если считать эту стену алтарной, то назначение ступеней непонятно. Нам представляется более логичным считать верхние и нижние ступени остатками некогда существовавшего лестничного перехода.

9. Стены имеют несоразмерно большую, чем ширина помещения, высоту до 6 м и в верхней части отклоняются не внутрь помещения, а наружу. При этом следы обработки на стенах идут ровными последовательными рядами (фото 12). Следы стропил, водоотводных канавок и пр. в верхней части стены отсутствуют.

На наш взгляд, наиболее правдоподобное объяснение всех этих фактов состоит в том, что на определённом этапе объект использовался как каменоломня. Памятные кресты в этом случае могли быть вырублены позднее. Сложная форма северной стены помещения

– это не алтарные литургические устройства, а следы каменной ломки, которые местами прослеживаются весьма отчётливо (фото 13 и 14). Это подтверждается и результатами обследования окрестностей, где в скалах имеются ниши и вырубки, абсолютно тождественные присутствующим в помещении с крестами (фото 15), а местами скала срезана каменоломными работами со следами обработки камня, идентичными наблюдаемым в помещении с крестами (фото 16, 17).

Всё вышеуказанное позволяет усомниться в том, что помещение с крестами первоначально было пещерным храмом.

Совершенно иная картина имеет место в отношении так называемого «помещения с остатками штукатурки». Характер его полупещерный. Имея трапецидальную, почти прямоугольную в плане форму (рис. 4), оно в целом ориентировано по длинной оси на северо-восток, что характерно для большинства крымских храмов. Потолок, северо-западная и юго-западная стены были высечены в скале. Потолок имеет цилиндрическую форму, т.е. имитирует коробовый свод (фото 18). Юго-восточная стена была сложена из камня и имела направление около 60 градусов к востоку, о чём свидетельствуют остатки фундамента (фото 19, 20). От юго-западной стены сохранилась верхняя четверть (фото 21). Северо-восточная часть помещения накрыта огромной каменной глыбой, рухнувшей с потолка, по свидетельству А.Д.Тимиргазина, на рубеже XX и XXI вв. На её нижней стороне слой штукатурки сохранился особенно хорошо (фото 22). Это обычная известково-песчаная, хорошо заглаженная штукатурка. Следы росписи на ней не сохранились. Уходящие под глыбу камни фундамента северо-восточной стены вполне отчётливо формируют полукружие, характерное для основания алтарной абсиды (фото 23). Глыба не позволяет определить наличие следов престола, а разрушенные стены помещения не дают возможности выявить следы алтарной преграды. Вырубленные кресты на стенах внутри помещения, о которых писал О.Н. Бадер, на сегодняшний день отсутствуют, хотя на скале снаружи помещения высечен тамгообразный знак в виде буквы «Ш» (фото 24). С учётом того, что Н. Лезин о крестах в этой пещере также не упоминал, можно предположить, что в описание О.Н. Бадера вкраилась ошибка, поскольку одновременно с утверждением о крестах в *нижнем* помещении он подчёркивает их отсутствие в *верхнем*, где они, как нам известно, существуют, и где их видел ещё Н. Лезин.

Максимальная высота помещения составляет 2,0-2,1 м. Радиус цилиндрического свода и максимальная ширина фундамента помещения позволяет оценить его ширину примерно в 2,1-2,2 м. Максимальная общая длина сооружения от внутренней юго-западной стены до внешнего закругления абсиды составляет около 5,6 м. Камни фундамента начинают закругляться в виде алтарного полукружия на расстоянии около 4,1 м от юго-западной стены. Судя по ним, толщина стены могла составлять 30-50 см. Следовательно, с учётом длины наоса в 3,5 м и его ширины около 2 м, глубина абсиды могла составлять порядка 1,5-2 м, а её диаметр – около 1,5 м. Все эти размеры являются достаточно типичными для небольших крымских средневековых церквей, как пещерных, так и наземных.

Таким образом, наше обследование скальных объектов Нового Света позволило устраниТЬ противоречия в сведениях предшествующих исследователей. Есть все основания предполагать наличие в Восточном Крыму по крайней мере одной полупещерной церкви или часовни. Мы, вслед за О. Н.Бадером и А.В. Джановым, отождествляем её с помещением со следами штукатурки. Учитывая уникальность для данного региона, целесообразно провести её детальное археологическое исследование. В то же время, по нашему мнению, наличие пещерного храма в верхнем комплексе с крестами, до неизвестности разрушенном каменоломней, является проблематичным. А большое расстояние между верхней и нижней пещерами (150 м) ставит под сомнение их принадлежность к одному и тому же монастырю св. Георгия. Возможно, это были связанные между собой, но всё же отдельные объекты.

Автор выражает глубокую признательность А.В. Белому, А.В. Джанову и И.И. Лободе за ценные консультации и предоставленные материалы.

Представленные в приложениях фотографии выполнены автором статьи.

Источники и литература.

1. Атлас «Путешествуем по Горному Крыму». НПЦ «Союзкарта», Симферополь, 2007.
2. Бадер О.Н. Материалы к археологической карте восточной части горного Крыма // Труды Научно-исследовательского института краеведения и музейной работы. М., 1940.
3. Маркевич А.И. Материалы к историко-археологической карте Крыма. Архив ИИМК. Ф. 32, Арх. № 53.
4. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. «Таврия», Симферополь, 1997.
5. Новый исторический памятник в Судакском районе.// «Крым», №1. Российское общество по изучению Крыма. Главнаука Н.К.П. М., 1925.
6. Тимиргазин А.Д. Судак. Путешествия по историческим местам. «СОНАТ», Симферополь, 2000.
7. Тур В.Г. Археологические разведки в Юго-Восточном Крыму. Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии, вып. X, Симферополь, 2003.

Сокращения.

ИИМК – Институт истории материальной культуры
Н.К.П. – Народный комиссариат просвещения

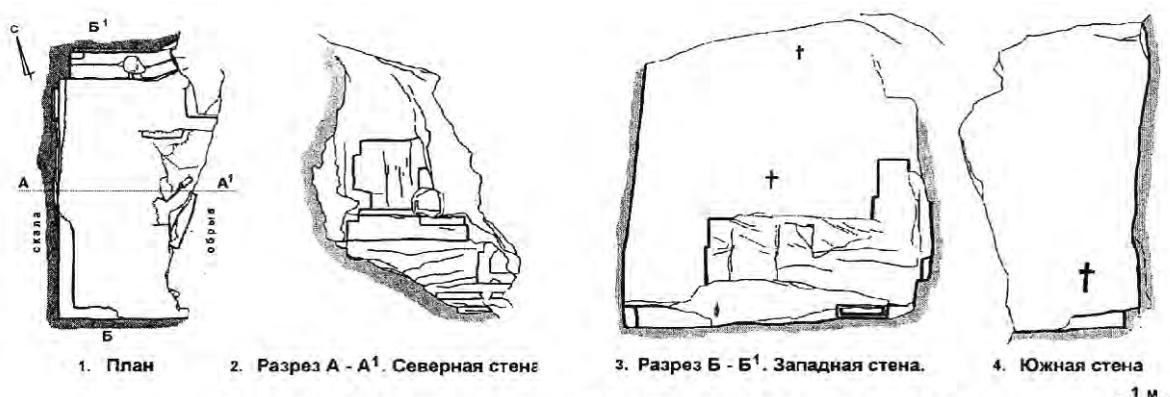

Рис. 1. План и разрезы помещения с крестами по В.Г.Туру [7, с. 339, рис. 12.].

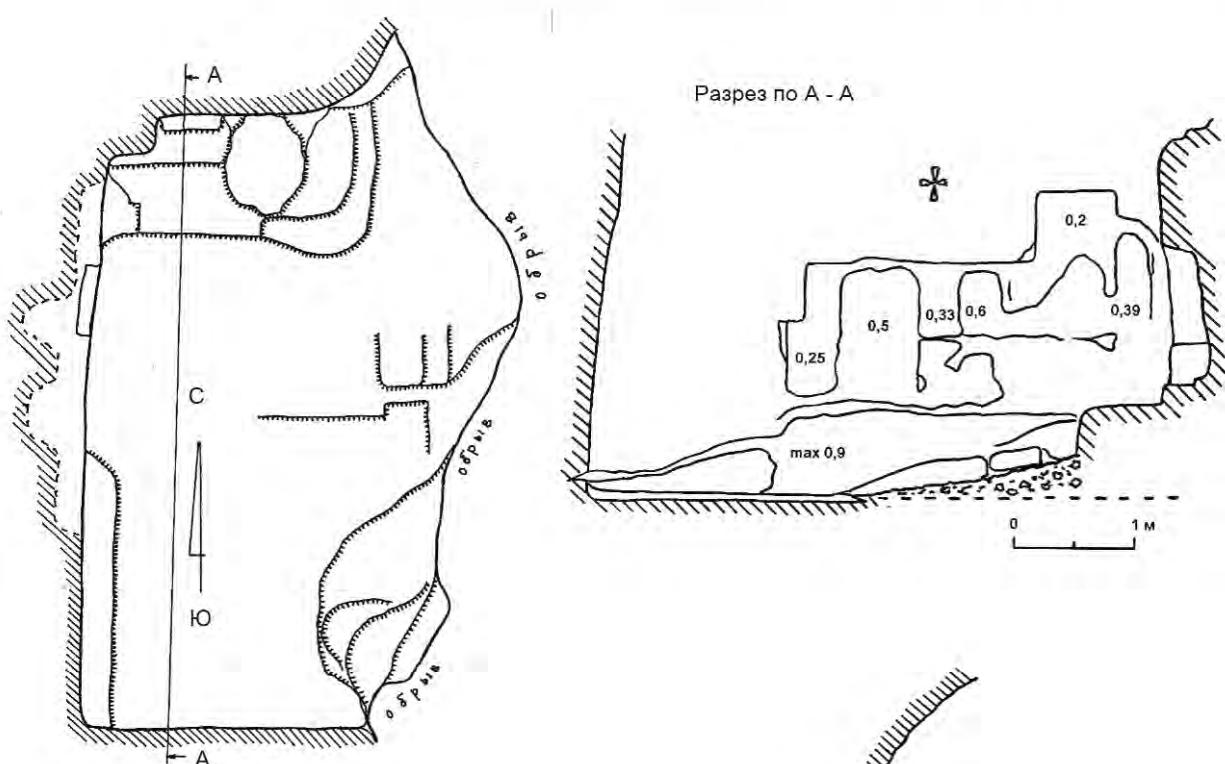

Рис. 2 (вверху). План помещения с крестами (обмеры автора)

Рис. 3 (справа вверху). Западная стена помещения с крестами (обмеры автора). Цифры в нишах соответствуют их глубинам в метрах.

Рис. 4 (справа). План помещения со следами штукатурки (обмеры автора)

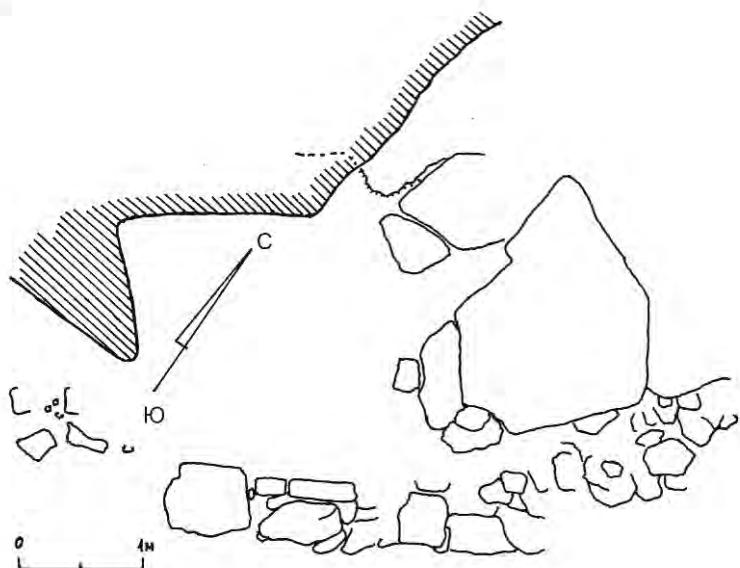

Фото 1. Скальный комплекс в Новом Свете. Общий вид.

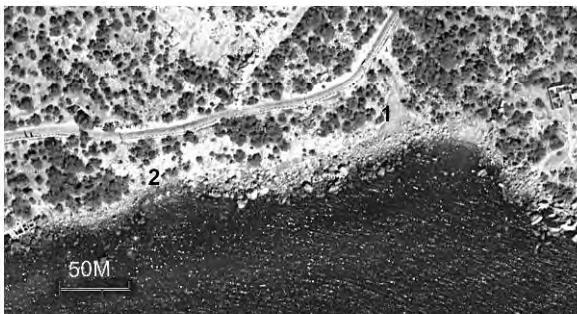

Фото 2. Фрагмент спутникового снимка Google. 1 – местоположение помещения с крестами, 2 – местоположение помещения со следами штукатурки.

Фото 3 (вверху). Помещение с крестами. Общий вид.

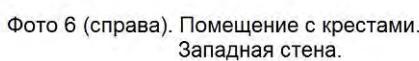

Фото 4. Помещение с крестами. Вид с юга

Фото 5. Выступ и подрубка в северной части помещения.

Фото 6 (справа). Помещение с крестами. Западная стена.

Фото 7 (слева). Нижний крест на западной стене помещения с крестами.

Фото 8(справа). Теневой контур предполагаемого первоначального помещения на южной стене помещения с крестами.

Фото 9 (слева). Помещение с крестами. Южная стена с высеченным крестом.

Фото 10 (слева внизу). Помещение с крестами. Крест на южной стене.

Фото 11 (внизу). Помещение с крестами. Северная стена.

Фото 12. Характер обработки камня на западной стене помещения с крестами

Фото 15. Вырубки в соседней скале, аналогичные нишам в западной стене помещения с крестами.

Фото 16. Остатки каменоломни в Новом Свете.

Фото 13. Следы каменоломных работ на западной стене помещения с крестами

Фото 17. Остатки каменоломни в Новом Свете.

Фото 14. Следы каменоломных работ на северной стене помещения с крестами

Фото 18. Помещение со следами штукатурки. Вид с северо-востока.

Фото 19. Помещение со следами штукатурки. Камни фундамента юго-восточной стены.

Фото 20. Помещение со следами штукатурки. Вид с юго-востока.

Фото 21. Помещение со следами штукатурки. Остатки юго-западной стены

Фото 22. Помещение со следами штукатурки. Остатки штукатурки под рухнувшей каменной глыбой.

Фото 23. Помещение со следами штукатурки. Остатки северо-восточной стены.

Фото 24. Помещение со следами штукатурки. Вид с юго-запада.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИТУРГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА БАЗИЛИКИ 1935 ГОДА СРЕДСТВАМИ 3D STUDIO MAX DESIGN

Карнаушенко Э.Н., Карнаушенко А.Д.

Исследователи

История и археология помогает нам восстановить картины прошлого. Визуально реализовать наши представления помогает компьютерная графика. В настоящей статье мы представляем реконструкцию литургического пространства херсонесской Базилики 1935 года. Она была открыта экспедицией во главе с Г.Д. Беловым в 1935 году, находится в Северном районе Херсонеса, в XIX квартале. Конструктивной особенностью Базилики 1935 года является то, что фундамент ее основан не на скале, а на насыпи, и внешние стены базируются на стенах здания античного периода (предположительно это была синагога). На этом месте хронологически располагалось как минимум три базилики. Это видно на плане раскопок (рис. 1). Самая ранняя базилика в этом районе была сооружена в V веке. По замечанию обнаружившего памятник Г.Д. Белова: «*Первая базилика просуществовала недолго; в следующем столетии она была разрушена или разобрана, и на том же месте построена была большая новая базилика*» [2, с. 89].

Вторая базилика, построенная в VI веке, была большего размера (32,8 x 18,5 м). В южном нефе ее сохранился мозаичный пол, а средний неф был выложен большими мраморными плитами [4]. В Базилике 1935 года сохранилось крестовидное отверстие для вложения мощей, которое было устроено в центре апсиды, под престолом. С южной стороны базилики располагалась просторная пристройка, состоящая из двух или трех помещений. Меньшее из них, восточное, имело небольшую квадратную купель и сообщалось с боковым нефом храма [3, с. 727-730].

Хотя христианская базилика имела не менее трех строительных периодов, нас интересует наиболее яркий период ее существования, именно вторая базилика, построенная в VI веке. Хорошая сохранность стен базилики, частичная сохранность и в апсиде, большое количество архитектурных частей и деталей, найденные при раскопках, облегчают задачу реконструкции.

Опираясь на книгу «Ранневизантийские элементы и архитектурные детали Херсонеса Таврического» под редакцией Анджея Бернацки [1], этот своеобразный каталог византийских архитектурных деталей Херсонеса, мы сделали виртуальную попытку собрать из этих деталей алтарную преграду базилики. С одной стороны мы исходили из размеров алтарного пространства. С другой стороны, имелся набор найденных здесь мраморных плит. С третьей стороны, мы опиралась на последние данные литургической науки об алтарных преградах. Первоначально реконструкция была произведена в программе Adobe Photoshop CS3 (рис. 2, рис. 3). Мы предположили, что при ширине алтарного пространства примерно в 7,5 м и выступающем на 2,7 м вперед от алтарных столбов, алтарная преграда спереди будет делиться на пять частей. Средняя широкая часть центральных алтарных врат будет составлять примерно 2 метра. Остальные четыре части будут иметь расстояние около 1 метра при том, что 6 алтарных столбиков имеют ширину не более 25 см. Среди найденных при раскопках базилики мраморных плит действительно есть фрагменты плит алтарной преграды с шириной 104 см. Высота этих плит 90 см. Именно такая алтарная плита была взята в качестве модуля.

Далее мы предположили, что высота алтарных колонн с капителями будет равняться примерно 110 см. И около 20 см будет высота архитрава. Средняя часть над вратами, возможно, была выделена более высоким архитравом или аркой. Что касается боковых сторон алтарной преграды, то ближе к столбам были боковые двери, шириной около метра.

Итак, реконструкция алтарной преграды началась с реконструкции плиты с рисунком креста, заключенного в круге. Размер этой плиты 104 x 90 см, как уже было сказано, наиболее подходил к размерам алтарной преграды, ширина которой должна была быть около 760 см. Установив 4 плиты на своем проекте, мы нашли среди столбиков алтарной преграды такой, пазы которого по высоте соответствовали бы высоте имеющейся у нас алтарной преграды. Этот столбик, датируемый тем же временем (VI в.) не имеет привязки к определенному месту. Но так как он подходит по размерам к имеющимся деталям базилики 1935 года, то мы берем его как подобный тем, которые могли бы стоять на этом месте. Ширина столбика 28 см. Теперь можно рассчитать ширину центральных врат алтарной преграды. Это примерно 192 см, что вполне совпадает с ожидаемым результатом.

Далее на столбиках алтарной преграды должны устанавливаться колонны. Исходя из ширины столбика (28 см), нижний диаметр колонны должен быть не более 25 см. Взятый нами для примера столбик имеет на верхней плоскости основание колонны. Верхний диаметр базы равен 20 см. Итак, нам понадобятся колонны с нижним диаметром 20 см, которые подойдут к алтарным столбикам. При высоте около 100 см верхний диаметр такой колонны будет примерно 17 см.

Когда размеры колонн определены, остается водрузить на них капители. Верхний диаметр колонн должен соответствовать нижнему диаметру капители. Не смотря на то, что в фондах музея имеется несколько найденных в этой базилике капителей, которые делятся на два разряда: коринфские и феодосианские, эти капители, на наш взгляд, не могут быть отнесены к алтарной преграде иконостаса. Меньшие из них – феодосианские – достаточно большие и имеют нижний диаметр равный в среднем 35-36 см. Поэтому предположим, что колонны с этими капителями окружали престол и являлись частью кивория. Но, тем не менее, небольшие колонны реконструируемой алтарной преграды имели завершения в виде небольших капителей. Капители с небольшим нижним диаметром тоже были найдены в Херсонесе. Капитель, числящаяся в фондах музея под № 565/973, была взята нами за основу реконструкции. Венчает алтарную преграду архитрав. В базилике 1935 года не было найдено фрагментов архитрава. Рассмотрев несколько херсонесских фрагментов архитравов, мы обнаружили, что на них повторяется один рельефный орнамент: пятилистник, заключенный в вытянутый по вертикали полукруг. Так мы реконструировали архитрав с типичным орнаментом. Когда алтарная преграда стала иметь конкретные очертания, встал вопрос о пространстве центральных врат. Возможно, оно перекрывалось обычным архитравом, возможно там была перекинута арка. Попробовав перекрыть пространство алтарных врат обычным прямым архитравом, мы поняли, что это противоречит чувству гармоничных пропорций, присущему грекам. Ведь пространство алтарных врат почти вдвое шире, чем пространство между колоннами слева и справа от врат. Очевидно, что это пространство было как-то выделено, и вполне возможно, что оно было выделено с помощью арки. Возможно, что арка эта была подобна той, которая была найдена в Херсонесе (точное место находки неизвестно) и числящаяся в фондах под № 648/973. По найденному фрагменту мы восстановили внешний вид этой архитектурной детали и увенчали ею пространство над центральными вратами. Этому сопоставлению способствовал тот факт, что размеры арки совпадали с размерами центральных врат.

Теперь надо сказать о боковых сторонах алтарной преграды. Длина боковых сторон равна 275 см. Вероятно, здесь были проходы шириной не более метра. Ширина трех столбиков по 28 см, плюс алтарная метровая плита, итого на проход приходится около 90 см, что вполне соответствует размерам боковых дверей.

Далее предстояло определить, как проходила солея, и где находился амвон. Естественно, что следов на полу базилики от солеи и амвона не осталось, так как в более позднее время посередине базилики была построена маленькая часовня. Ее алтарная часть как раз приходилась на предполагаемое место амвона. Но амвон, несомненно, был здесь, так как в Базилике 1935 года при раскопках найдено достаточное количество фрагментов амвона. Итак, опираясь на археологический план, мы провели от царских врат солею к центру нартекса, шириной около 190 см, которая должна была заканчиваться амвоном (рис. 4). Тут возник вопрос, где же находился амвон. Когда мы наметили его местоположение исходя

из пропорций храма, то уточняя размеры амвона и солеи по сохранившимся фрагментам плит, пришли к очень интересному результату. Если брать пространство наоса (без алтарной части), то середина его совпадает с западной границей амвона. Если взять все пространство храма (наос и алтарь), то его середина совпадет с восточной границей амвона.

А теперь определим длину солеи. Солея, по нашему мнению, была огорожена плитами, по рисунку очень напоминающими плиты алтарной преграды – это крест в круге, заключенный в прямоугольную раму, но по размерам длиннее алтарных плит. Высота плит солеи, как и плит алтарной преграды, равнялась 90 см, но длина их была около 183 см. Вместе со столбиками, условная длина которых 28 см, как столбиков алтарной преграды, солея имела длину около 4 метров. Столбики были увенчаны, вероятнее всего, приплюснутыми, утопленными шариками, какие можно видеть на столбиках, имеющих в фондах № 570 и № 241 [1, табл. 213]. Итак, данные плиты предположительно принадлежали солее: во-первых, из-за сходства по высоте с плитами алтарной преграды, Во-вторых, из-за сходства рисунка с плитами алтарной преграды. В-третьих, из-за своей ширины, которая вместе со столбиками вполне укладывалась в пространство между алтарной преградой и амвоном.

Перейдем к амвону. Его верхняя площадка составляла, предположительно, 150 на 150 см., что вполне позволяло находиться на амвоне епископу (пресвитеру) с двумя диаконами. Обработав найденные при раскопках фрагменты амвона, мы попытались найти их примерное расположение. Надо сказать, что фрагменты, к сожалению, небольшие и разнородные. Но, тем не менее, это ценный материал для реконструкции. Трехмерная реконструкция Базилики 1935 года (рис. 6) была сделана на основе реконструкции Ю.Г. Лосицкого (рис. 5). В интерьер трехмерной модели была помещена трехмерная реконструкция литургических устройств: алтарной преграды, солеи, амвона и престола (рис. 7, рис. 8). Надеемся, дальнейшие исследования позволят сделать более точную реконструкцию Базилики 1935 года.

Источники и литература.

1. Andrzej B. Biernacki. Wczesnobizantyjkie Elementy I Detale Architektoniczne Chersonesa Taurydzkiego.
2. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-36 гг. Симферополь: КрымГиз, 1938. 349 с.
3. Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Харьков: Майдан, 2005. 1648 с.
4. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. №. 63. 364 с.

Сокращения.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

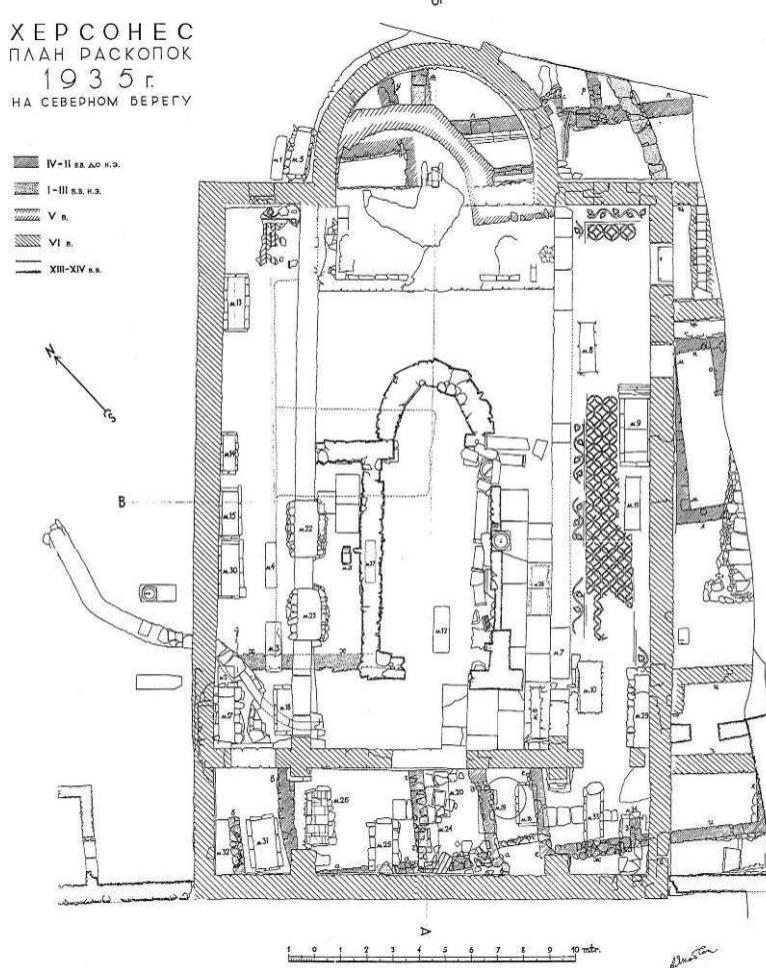

Рис. 1. Базилика 1935 г. План раскопок 1935 г.

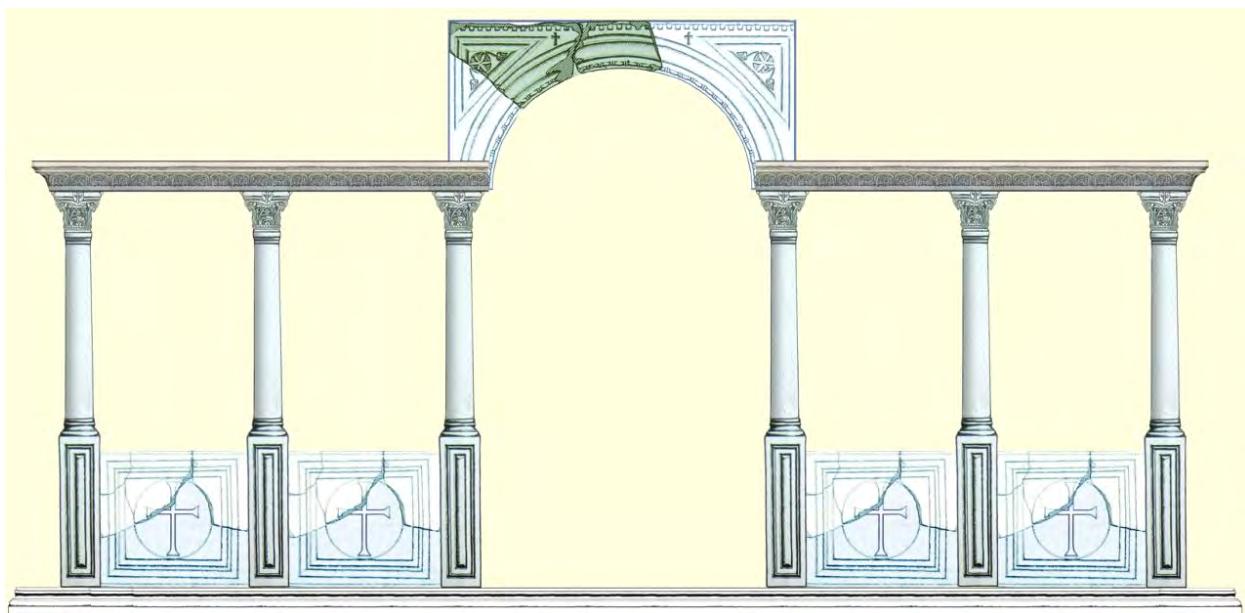
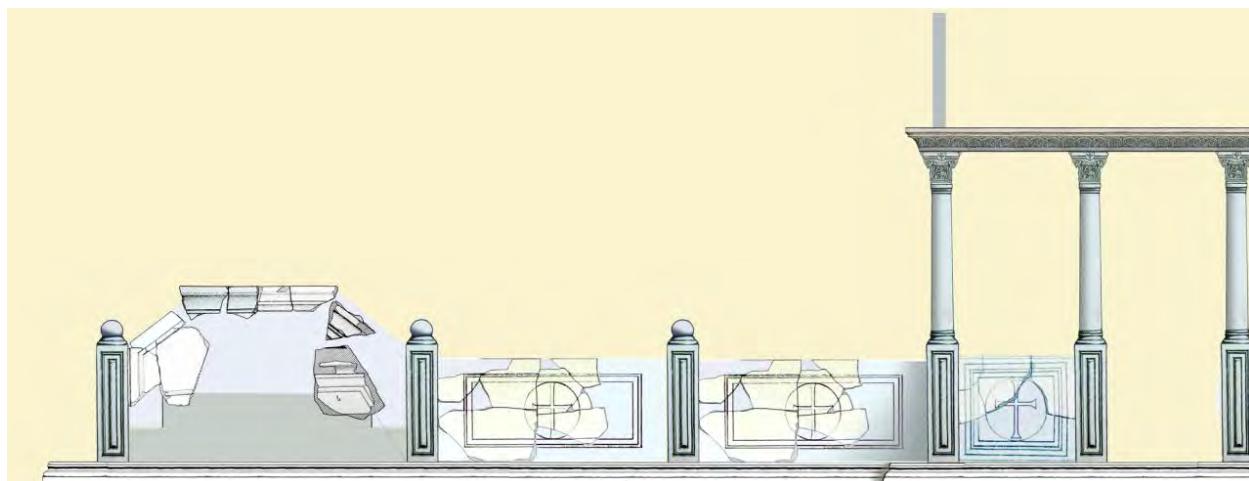
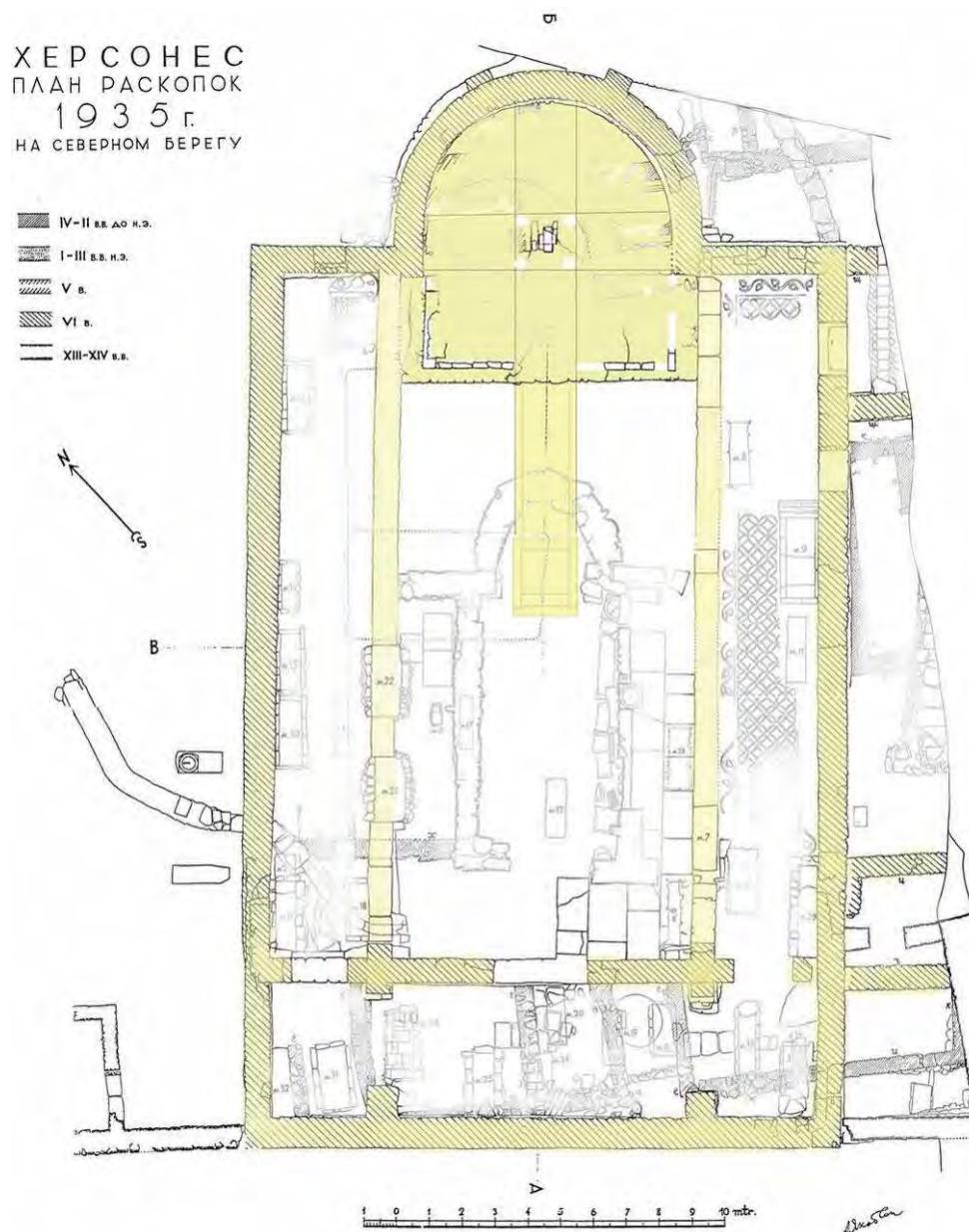

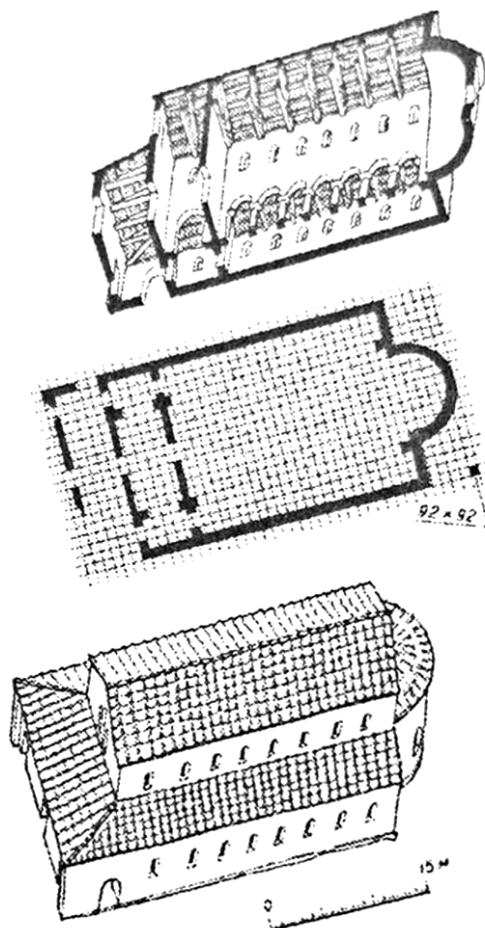
Рис. 2. Реконструкция алтарной преграды базилики 1935 г., фронтальный вид

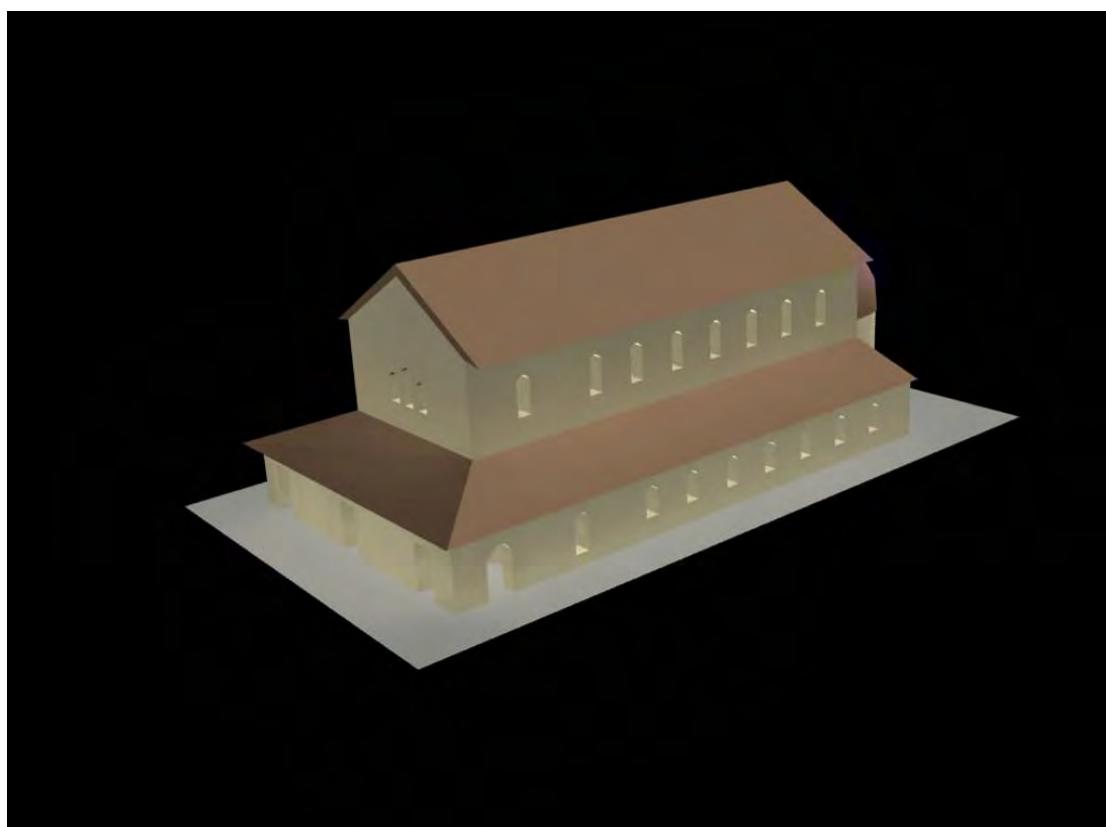
Рис. 3. Реконструкция алтарной преграды, солеи и амвона базилики 1935 г., вид сбоку

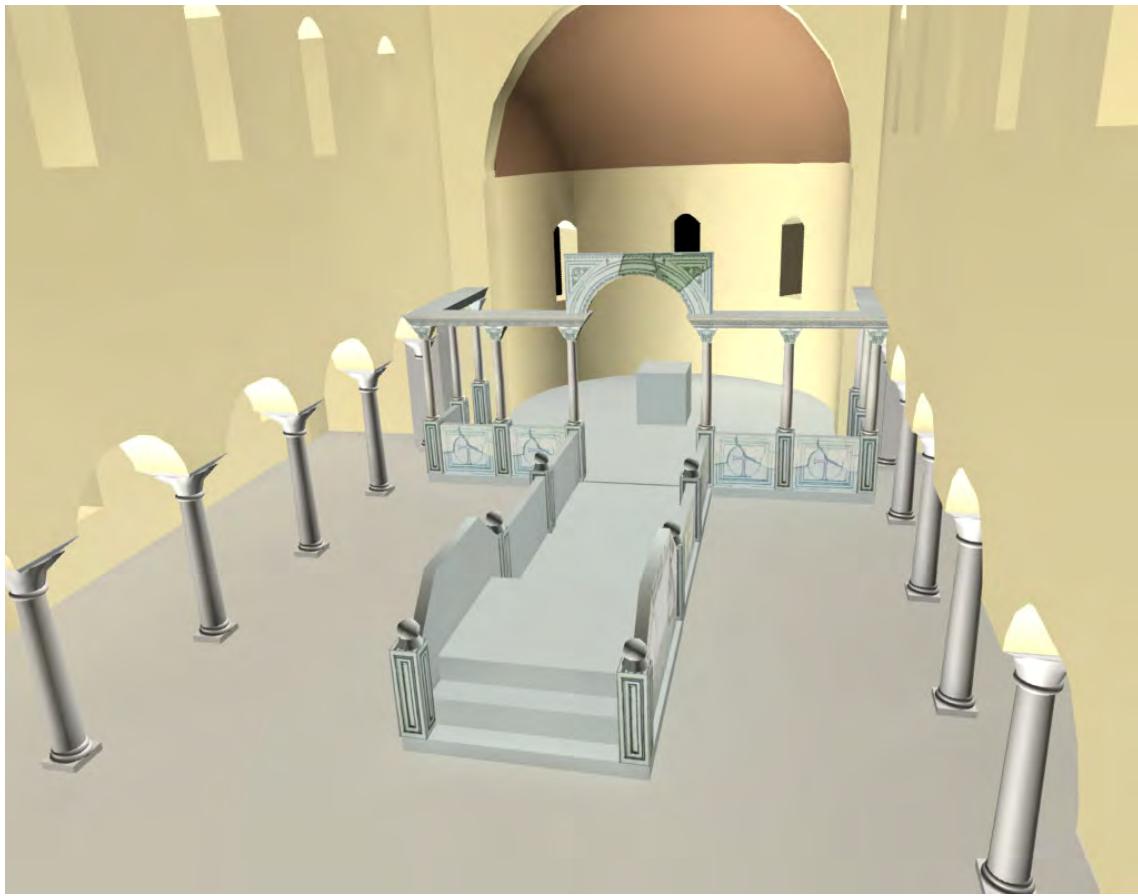
Рис. 4. План базилики 1935 г. с выделением пространства литургических устройств

**Рис. 5. Реконструкция базилики 1935 г.
Разрез, план и аксонометрия по Ю. Г. Лосицкому**

Рис. 6. 3D реконструкция базилики 1935 г, экстерьер

Рис. 7. 3D реконструкция базилики 1935 г, интерьер, вид со стороны входа

Рис. 8. 3D реконструкция базилики 1935 г, интерьер, вид из алтарной части

БОЕПРИПАСЫ К ОСМАНСКОЙ ОГНЕСТРЕЛЬНОЙ АРТИЛЛЕРИИ 1475 ГОДА НА МАНГУПЕ

РУЕВ В.Л.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

Археологическое исследование объектов, непосредственно связанных с событиями 1475 года, показало достаточно широкомасштабное применение турками огнестрельной артиллерии. В настоящее время пока трудно сказать, каким образом прорвались турки на Мангуп – в результате успешного артиллерийского обстрела и преодоления укрепления А.XIV (А – Главная линия обороны Мангупа, далее идет порядковый номер укрепления по нумерации А.Г. Герцена, см. рис.1) [2, с.153], либо с помощью военной хитрости [3, с. 382-385; 7, 127-121]. Вместе с тем становится очевидным, что османская артиллерея сыграла одну из ключевых ролей для скорейшего завоевания Мангупской крепости в 1475 г.

Учитывая, что для крымской кампании турки привезли 14 больших осадных пушек [11, р. 242], в условиях пересеченной местности склонов Мангупа разместить удалось не более 7-8 единиц: из них 4-5 – на южном склоне против укрепления А. XVII, 3 – в балке Гамам-Дере против укреплений А.XIV и А.XV. Помимо тяжелых осадных пушек применялась артиллерея малого и среднего калибров.

Находки каменных пушечных ядер к османской артиллерию обнаружены в слоях с материалом XV – XVII вв. Подобные артефакты автор склонен связывать с событиями 1475 г., даже несмотря на то, что после захвата Мангупа турки разместили в крепости свой гарнизон. Уже в первой половине XVI в. в составе крепостного арсенала находилось 26 мало- и среднекалиберных пушек, но только три из них были в состоянии боеготовности [1, с. 197]. Кроме того, в XVI-XVIII вв. на Мангупе не было серьезных военных столкновений, при которых могла быть использована артиллерея. Однако на большинстве снарядов имеются следы ударов о твердые предметы, обнаружено большое количество осколков. Поэтому единственным событием, при котором могли быть выпущены эти ядра, остается осада и штурм османами Мангупа.

Перейдем к морфологическому анализу имеющихся каменных артиллерийских снарядов и их фрагментов. Главной их характеристикой в сравнении с камнеметными ядрами является правильная шарообразная форма и хорошо обработанная поверхность. Было изучено 73 образца каменных ядер – 25 целых экземпляров и 48 фрагментов. Все образцы разделены в соответствии с размерами на 3 группы:

1. Ядра к крупнокалиберной артиллерии

Места находок – южный склон Мангупа ниже укрепления А.XVII, район могильника «Южный-1», территория жилой застройки в районе т.н. «храма Богородицы», укрепление А.XIV и склон под ним, пространство за северной куртиной цитадели (раскоп № 9), территория бывшей деревни Адым-Чокрак. Всего изучено 35 образцов – 11 целых и 24 фрагмента (1 фрагмент в статистике не учитывается из-за отсутствия внешней части). В данной группе можно выделить две подгруппы:

а) 386-440 мм (целых – 7 экз., фрагментов – 22 экз.). Максимальный вес артиллерийского снаряда из данной подгруппы – 109 кг. Диаметр большинства находок колеблется в пределах 403-440 мм (23 экз.). Наиболее часты целые и фрагментарные экземпляры диаметром 424-425 мм (вес 106-109 кг) (10 экз.), 410 мм (около 101 кг) (5 экз.). Здесь речь может идти о производстве тех или иных видов изделий определенной группой мастеров.

б) 314-348 мм (целых – 4 экз., фрагментов – 1 экз.). Максимальный вес целого экземпляра из подгруппы составляет 60 кг.

Разброс в диаметрах при выделении подгрупп не мог существенно влиять на баллистические свойства снаряда и скорость его полета. Здесь необходимо отдавать должное погрешностям, которые были характерны при производстве конкретных ядер с учетом работы различных мастеров. Для пушек с диаметром ствола около 450 - 500 мм, которые были установлены под Мангупом, эти расхождения вряд ли могли играть существенное значение.

Ядра из данной группы изготавливались из гранита, габбро-диабаза, диабаза. Плотность этих материалов весьма высока и составляет 2,6-2,8 г/см³ у гранита, у габбро-диабаза и диабаза доходит до 3 г/см³. Плотность описываемых гранитных ядер – около 2,8 г/см³, что также может свидетельствовать о едином центре их изготовления.

2. Ядра к среднекалиберной артиллерии

Места, в которых сделаны находки – укрепление А.XIV, раскопы №№ 9,10 цитадели. Всего было изучено 7 артефактов – 1 целый и 6 фрагментов. В группе выделяется две подгруппы:

а) 220-273 мм (целых – 1 экз., фрагментов – 4 экз.). Вес целого снаряда составил 15 кг.

б) 180 мм (фрагментов – 2 экз.). Вес – около 9 кг. К этой подгруппе, вероятно, относится и упомянутая А.Г. Герценом находка на А.XIV диаметром 150 мм. Ядра из группы изготавливались из гранита, габбро-диабаза и диабаза.

3. Ядра к малокалиберной артиллерии

Места обнаружения - укрепление А.XIV, раскопы №№ 9,10,12,13 цитадели, южный участок дворца. Всего рассмотрен 31 образец – 13 целых и 18 фрагментов. В этой группе, как и в предыдущих, выделяется две подгруппы:

а) 90-110 мм (целых – 2 экз., фрагментов – 4 экз.). Необходимо оговориться, что информация о ядре диаметром 110 мм известна на основании результатов исследований А.Г. Герцена на А.XIV. При обработке материала максимальная величина диаметра ядра из этой подгруппы составила 105 мм. Вес ядер составляет около 1 кг. Материал – мрамор и габбро-диабаз.

б) 70-80 мм (целых – 11 экз., фрагментов – 14 экз.). Вес ядер колеблется в пределах 500-700 гр. (за исключением одной находки с низким качеством изготовления, вес которой составил 450 гр.). Материал изготовления – мрамор, и лишь один экземпляр представлен мраморовидным известняком. По своей плотности мрамор не уступает граниту - 2,60 – 2,90 г/см³. Плотность материала изученных находок лежит в промежутке указанных значений. В целом для изготовления большинства ядер использовали мелкокристаллический мрамор, отличавшийся высокой плотностью и лучшей полируемостью (в западной литературе описаны случаи, когда османы для изготовления мраморных ядер использовали архитектурные детали из античных поселений [9, с. 177]).

Пушки, относящиеся к тяжелой осадной артиллерией, турки именовали *шахи*. В эту категорию входили *бальемез*, *бадалушка*, *бачалушка*, *базилик*, *эждердехен*, *калакуб* и *паранки* (или *пранги*). К среднекалиберной артиллерией (*мияне*) относились *дарбазен* (зарбазен, дарбзен). Мелкокалиберную артиллерию называли *шайка*, и в основном размещали на кораблях. Таким образом, при осаде Мангупа османы применили комбинированное использование всех трех категорий орудий. Сами ядра турки называли *гюлле* [4, с. 295, 499].

Письменные источники, в которых упоминаются эпизоды османской осады Мангупа, также предоставляют сведения об использовании турками артиллерию. Об этом упоминает современник событий Ашик Паша Заде. В одном из его переводов сообщается, что [турки – В.Р.] «остановившись у крепости, установили пушки» [8, с. 365]. Однако в иной версии перевода сочинения Ашик Паша Заде сообщается, что: «[Турецкие – автор перевода] воины попытались пробить стены крепости в слабых местах, но поняли, что не в состоянии взять ее силой...» [10, р.254]. «Слабые места» в последнем переводе употребляются во множественном числе, что вполне соответствует археологической реконструкции применения огнестрельной артиллерии – обстрелу укреплений А.XVII, XIV, XV. Нельзя не упо-

мянуть и сведения османского историка XVI в. Сад эд-Дина: «Этот очень мощный город [Мангуп – В.Р.] он [Гедик Ахмед паша – В.Р.] обложил осадой и после боев разрушил его стены», – так о применении артиллерии сообщает средневековый автор [10, р. 256]. В упоминаниях сообщается, что турки успешно смогли разбить крепостные стены, а вот прорваться через разрушенные рубежи Мангупа они так и не смогли. Это еще раз свидетельствует, что османские войска так и не смогли взять город прямыми штурмовыми действиями, и были вынуждены обратиться к военной хитрости. После прорыва на территорию города турки в последний раз применили артиллерию против защитников цитадели. Осада последнего рубежа продолжалась недолго – в противном случае были бы подтянуты имеющиеся в распоряжении тяжелые осадные пушки и начался бы безудержный обстрел куртин цитадели, однако следов обстрела цитадели из осадных орудий не имеется (за исключением одного фрагмента гранитного ядра группы 1а, вероятнее всего, попавшего туда извне).

Что касается абсолютной датировки применения пушек в осадных действиях, то здесь стоит упомянуть сообщение неизвестного флорентийского купца от 25 августа 1475 г. [6, с. 246], на основании которого можно заключить, что на Южном склоне Мангупа османы разместили артиллерию в августе 1475 г., в балке Гамам-дере – в сентябре-октябре 1475 г.

Найденные каменные пушечные снаряды полностью опровергают сведения некоторых источников о добровольной сдаче крепости в результате голода в стане защитников [5, с. 17]. В настоящее время сохранившиеся ядра и их фрагменты к турецкой артиллерии представляют собой важные материалы для реконструкции событий 1475 г. в истории Мангупа.

Источники и литература.

1. Бочаров С.Г. Картографические источники по топографии турецкого города Мангуп // Бахчисарайский историко-археологический сборник. –Симферополь: Антиква, 2008. Вып. 3. С.191-211.
2. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. I. С.88-166.
3. Герцен А.Г. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма // МАИЭТ. 2001. Вып. 8. С.366-387.
4. История Османского государства, общества и цивилизации: В 2-х т. / под ред. Э.Ихсаноглу; пер. В.Б.Феоновой под ред. М.С.Мейера. М.: Вост. лит., 2006. Т.1: История Османского государства и общества. 2006. 602 с.
5. Колли Л.П. Исторические документы о падении Кафы // ИТУАК. 1911. № 45. С.1-18.
6. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
7. Руев В.Л. К вопросу о применении турками военной хитрости в период осады Мангупа в 1475 г. // КНП. Симферополь, 2008. Вып. 128. С.127-131.
8. Хайбуллаева Ф.Х. Новый турецкий источник по истории Крыма // МАИЭТ. 2001. Вып. 8. С. 362-365.
9. Greenhalgh M. Kultur aus dem Kanonenrohr? Die Belagerung Konstantinopels und der Verlust von Altertümern // Sultan Mehmet II. Eroberer Konstantinopels – Patron der Künste. Böhlau, Verlag, Köln, Weimar, Wien, 2009. S.177-210.
10. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936. 293 p.
11. Vigna A. Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'Ufficio di S.iorgio (MCCCCLIII-MCCCCLXXV). T.II/2 (1473-1475, supplementi, aggiunte, dissertazioni) // Atti della Società Ligure di storia patria. Genova, 1879. Vol. 7: цит. по: Мыц В.Л. Кафа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. С. 419.

Сокращения.

ИТУАК –	Известия Таврической ученой архивной комиссии
КНП –	Культура народов Причерноморья
МАИЭТ –	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

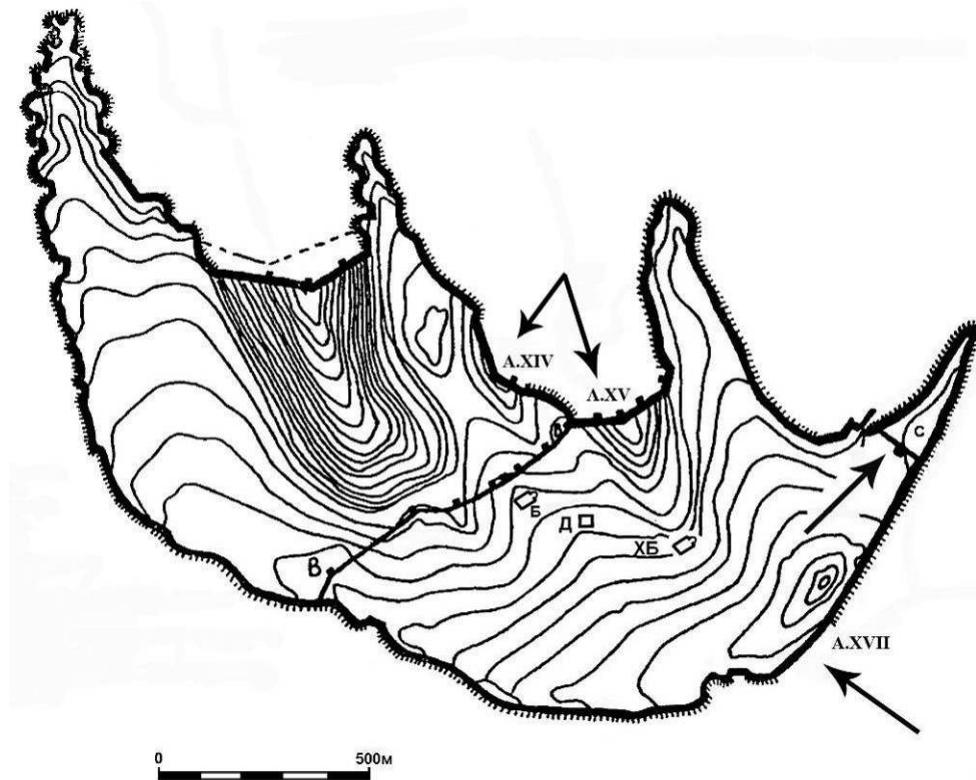

Рис. 1. Основные направления артиллерийского обстрела укрепления Мангупа в 1475 г.

Условные обозначения:

- А – Главная линия обороны
- В – Внутрення линия обороны
- С – Цитадель
- ХБ – «Храм Богородицы»
- Д – Дворец
- Б – Базилика

Рис. 2. Фрагмент ядра подгруппы 1.а, засевший после попадания в кладку укрепления А.XIV

ЖИЛЫЕ УСАДЬБЫ ВИЗАНТИЙСКОГО КОНСТАНТИНОПОЛЯ В СОВРЕМЕННОМ СТАМБУЛЕ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

ХАПАЕВ В.В.

Филиал МГУ в г. Севастополе

Одной из наименее исследованных сторон жизни византийцев является их домашний быт, и в частности, внешний вид, конструкция и устройство византийского жилища. Еще в 1943 году на это указывал в своем научном завещании «Основные проблемы византийской истории» великий французский историк Шарль Диль: «Мы очень смутно представляем себе, чем был византийский дом» [6, с. 172]. Действительно, тысячелетняя империя, некогда располагавшаяся в трех частях света, оставила лишь единичные археологические и архитектурные памятники, позволяющие реконструировать внешний облик и устройство византийского жилища.

В качестве образца ранневизантийского дома, как правило, приводятся руины жилых усадеб VI века в заброшенном городе Сергила, находящемся в горной части Сирии, на правом берегу реки Оронт [26]. Однако после арабского завоевания эти поселения были заброшены, и их гражданская архитектура развития не получила (см. рис. 1 и 2).

В качестве примера поздневизантийской жилой застройки традиционно приводятся руины усадеб XI-XIII вв. с херсонесского городища [20, с. 37] (см. рис. 3) или (несколько более поздние) из пещерных городов Крыма [19, с. 255-256]. До начала XX века сохранилась неразрушенной богатая жилая усадьба в болгарском городе Мельник, построенная в начале XIII в. для деспота Алексия Слава (см. рис. 4).

При этом неоднократно подчеркивалось, что мы не имеем представления о том, как выглядела ранневизантийская жилая усадьба в Херсоне, равно как и позднеримская [13, с. 135-143, 14, с. 290; 21, с. 297-298]. Известно, что на рубеже VI и VII вв. Херсон пережил генеральную реконструкцию и перестройку, вызванную, вероятнее всего, землетрясением [18, с. 753].

Обнаруженные строительные остатки этого времени (как церковных, так и общественных и частных зданий), свидетельствуют, что строительство в Херсоне юстиниановской и пост-юстиниановской эпохи (вероятно, вплоть до правления Юстиниана II включительно) велось в монументальной технике квадровой кладки или кладки «opus mixtum» [1, с. 1-126; 18, с. 704-706; 12, рис. 17].

В историографии многократно подчеркивалось, что ни один из найденных фундаментов усадеб ранневизантийского Херсона не сохранился полностью [21, с. 296-298]. Поэтому невозможно реконструировать не только внешний облик, но даже план такой усадьбы (см. рис. 5). При этом обращает на себя внимание очень значительная толщина несущих стен в таких строениях – 0,8 м. и даже более, при использовании тесаного камня и римского цемента (см. рис. 6). Это позволяет предположить, что в раннесредневековую эпоху в Херсоне возводились дома повышенной этажности: не в 2, а в 3-4 этажа. Но как представить себе их конструкцию и внешний облик?

Огромным, но совершенно невостребованным источником по истории византийского жилищного строительства является город Константинополь. Причем, в данном случае речь идет не о руинах, не об археологических раскопках, а о реально существующих зданиях. При этом вызывает удивление, что на них практически не обращают внимания ни европейские, ни турецкие ученые, ни специалисты постсоветского пространства (рис. 7).

Это тем более удивительно, что вот уже несколько лет ведутся бесплодные разговоры о возрождении Русского археологического института в Константинополе. Бесплодные, на мой взгляд, потому, что нет стержневой идеи, которая позволила бы наполнить смыслом его существование. Традиционные направления византийской археологии на терри-

тории Турции (и в Стамбуле в частности) без каких-либо перерывов продолжают развивать европейские и американские ученые (династия Тэлбот-Райс, Джон Хейс, Роберт Оустерхаут, Альбрехт Бергер и др.). Поэтому, шансов, что нам удастся серьезно потеснить иностранные археологические школы в изучении крепостной, церковной или дворцовой архитектуры Византии на территории Турции, практически нет.

А вот изучение реально существующей в Константинополе (и, полагаю, в Фессалонике, Никее, Никомедии и других городах) жилой застройки остается интереснейшей и никем не заполненной нишой. Случайные фотографии византийских жилых домов, выложенные в Интернете даже на специальных сайтах (например, «Византийская держава») публикуются без адреса (и уж тем более без датировки), а участники профессиональных форумов (византисты) недоумевают, где это находится (рис. 7) [3].

Несмотря на то, что Константинополь (а затем Стамбул) пережил множество катастроф (пожаров и землетрясений), крепко построенные средневековые дома (и, полагаю, позднеантичные тоже) до сих пор находятся в эксплуатации в пределах городских стен эпохи Феодосия II (рис. 11).

Как известно, перед основанием Нового Рима в 324 году, Византий пребывал в упадке. После основания на его месте новой римской столицы, в городе было предпринято массированное строительство. Кроме того, стремительная урбанизация Константинополя, наблюдавшаяся в IV-VI вв., совпала по времени с дезурбанизацией Рима, в котором с V века надолго прекратилось жилищное строительство [4, с. 17, 44-45]. К концу правления Константина Великого Константинополь насчитывал 100 тысяч жителей, при Феодосии II – 150 тысяч, а при Юстиниане уже 300-500 тысяч [10, с. 101, 106-107; 24]. Разница в оценках численности населения Константинополя зависит от представлений исследователей о плотности застройки пространства Эксокиония между стенами Константина и Феодосия и об этажности застройки центральной части города: 3, 4 или 5 этажей в качестве нормы.

Таким образом, можно обоснованно предположить, что строителями Константинополя как столицы Римской империи были в значительной степени выходцы из города Рима, равно как и люди, заселявшие вновь построенное жилье: чиновники, ремесленники и торговцы, не представлявшие себе жизни вне столицы. Напомню, что согласно *Notitia dignitatum*, в Константинополе ко времени правления Феодосия II было построено 4488 каменных домов для знати, 52 аркады-портика, 161 баня, 140 хлебопекарен, 5 хлебохранилищ, 5 боен, 14 церквей, несколько гаваней, рынков и театров. Город был разделен на 14 районов и 322 квартала [25, р. 227-247; 10, с. 106]. При этом количество домов для простолюдинов и их архитектура в данном источнике не указана.

Учитывая, что возводимые в то время храмы слепо копировали римские образцы (первая и вторая Софии), что городские стены, водопроводы и другие элементы инфраструктуры были типично римскими (см. рис. 8), такой же должна быть и жилая застройка. Есть основания предполагать, что в Константинополе IV-VI веков строились (а затем веками эксплуатировались) римские инсулы. Напомню, что в Риме, позади рынка Траяна (рис. 9), на *Via Biberatica* до сих пор сохранились в эксплуатации античные инсулы, правда, с надстроенными в средние века этажами [17, с. 66, прим. 7] (см. рис. 10).

Соответственно, такую же картину следовало искать в Константинополе. В августе 2010 года эти поиски были предприняты мною вместе с группой студентов Исторического факультета МГУ и отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе.

Сложность поиска была связана с тем, что ни в путеводителях, ни на туристических картах, ни в экспозиции Стамбульского Археологического музея не говорится о средневековой жилой застройке Константинополя. На зданиях практически отсутствуют аннотационные доски. Лишь на одном доме 1314 года постройки в генуэзской Галате висит такая доска, во всяком случае, больше пока обнаружить не удалось (рис. 12).

В ходе поисков был выявлен, на мой взгляд, очень перспективный район для изучения. Это – находящийся к северу от исторической улицы Меса так называемый Итальянский квартал (см. рис. 11), некогда разделенный на венецианский, пизанский и генуэзский секторы. Его создание, видимо, относится к 1082 году, когда место для поселения венецианцев (наряду с широкими торговыми привилегиями) было выделено императором Алек-

сеем I Комнином [5, с. 107]. В дальнейшем итальянцы занимали этот квартал с кратким перерывом. В 1171 году Мануилом Комнином были выселены венецианцы. В 1182 г., после учиненного горожанами «антилатинского» погрома, выселили пизанцев и генуэзцев, но в 1187 году вернулись венецианцы [11, с. 147, 167-169]. В дальнейшем итальянские купцы жили здесь вплоть до падения Константинополя в 1453 году.

Источники не содержат информации о том, куда были переселены ранее обитавшие здесь ромейские жители. Вероятно, власти лишь выдали разрешение итальянцам селиться в определенном месте, а вопрос о выкупе помещений или земельных участков у прежних владельцев итальянцы решали сами. Также источники не содержат информации о массированном строительстве, связанном с основанием Итальянского квартала. Значит, иностранцы заселялись в существующие дома, а уже затем перестраивали их, надстраивали и ремонтировали. Косвенным подтверждением этого является договор, подписанный Византией с генуэзцами в 1192 г. о передаче им в собственность ряда объектов недвижимости, в частности, так называемого Дворца Вотаниатов, располагавшегося, вероятно, близ берега Мраморного моря, к западу от Готской колонны (на территории современного дворца Топ Капы) [22].

На прилагаемых к статье фотографиях показано современное состояние уочек Итальянского квартала, идущих от Золотого к Египетскому рынку или (в рамках средневековой топонимики) от форума Тавра (Феодосия) к воротам Перамы (рис. 13, 14, 16А).

Следует обратить внимание на конструктивное отличие первых этажей зданий от верхних. Первые этажи – это типичные римские арки (рис. 14), схожие с арками подпорных субструкций Сфенды (боковой полукруглой трибуны) Ипподрома, датируемых IV в. (рис. 15). Поэтому, рискну предположить, что мы видим сохранившиеся первые этажи позднеантичных константинопольских инсул.

Вторые этажи, на первый взгляд, представляются более поздними. Действительно, если сравнить их со зданиями XIV века, сохранившимися на другом берегу бухты, в Галате, заметно сходство (рис. 16).

Однако здесь встает пока не решенная проблема преемственности: кто копировал? Если посмотреть на средневековые дворцы Венеции и сравнить их с византийским дворцом Буколеон, построенным в IX веке императором Феофилом, ясно, что, по крайней мере, на начальном этапе культурного взаимодействия итальянцы копировали византийские образцы, а не наоборот (рис. 17-18). В данном случае я веду речь о городской жилой застройке повышенной этажности, характерной для центральной части Константинополя (как ранее Рима) и, возможно, других городов империи, в частности, Херсона.

В отдаленном районе Константинополя, Фанаре, куда Мехмед II переселил греческое население захваченной византийской столицы, обнаружены сохранившиеся и заселенные образцы городской усадебной архитектуры (рис. 11). Как и ранее представленные жилые дома, эти усадьбы (стамбульские гиды обычно небрежно датируют их XII-XIII веками), построены в технике opus mixtum (рис. 19-20). Они стоят на улице Демир Хиссар между двумя оживленными автомагистралями и уцелели только потому, что в Стамбуле действует строгий запрет на снос и даже повреждение исторических памятников¹. Однако каких-либо признаков изучения и тем более мемориализации эти дома не несут.

Тем более актуально начать работы по тщательному изучению столь интересной и малоизученной части византийского культурного наследия, как жилая застройка Константинополя.

Источники и литература.

1. Айналов Д. В. Развалины храмов. М.: Тов. Тип. А.И. Мамонтова, 1905. 145 с. (Памятники христианского Херсонеса, вып. I).
2. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // МИА. 1953. № 34. С. 160-236.
3. Византийская частная архитектура [Электронный ресурс] // Византийская держава. История, религия, философия, литература. Режим доступа: <http://theatron.byzantion.ru/topic.php?forum=12&topic=70&start=2>
4. Грегоровиус Ф. История города Рима в средние века (от V до XVI столетия). М.: Альфа-книга, 2008. 1280 с.

¹Именно поэтому город заполнен полуразвалившимися деревянными домами Османской эпохи (см. рис. 20).

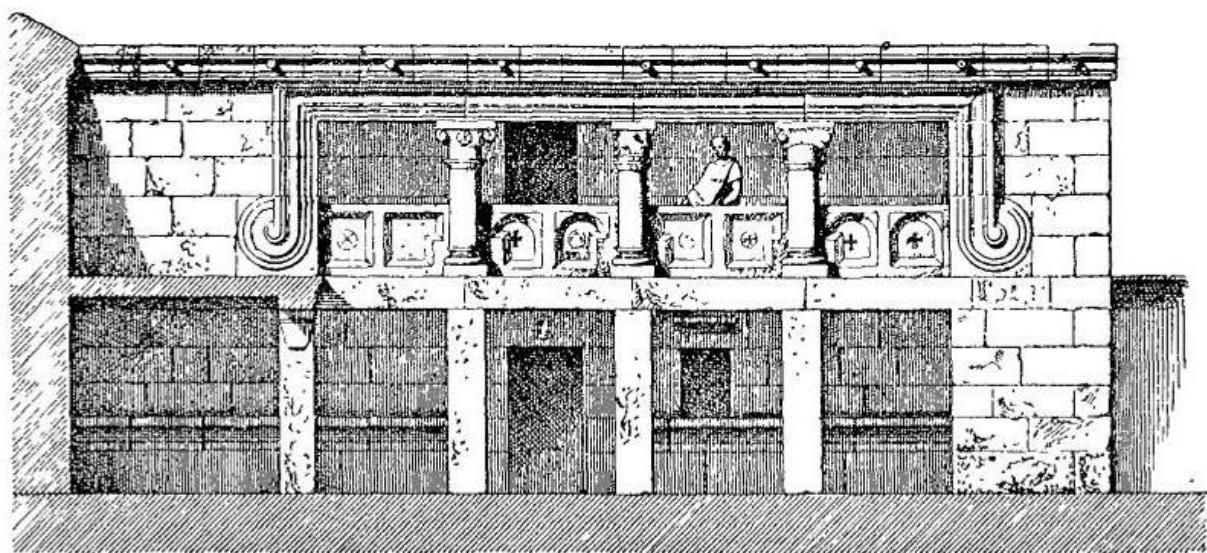
5. Диль Ш. История Византийской империи. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1948. 158 с.
6. Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1947. 184 с.
7. Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. СПб.: Тип. Альтшулера, 1908. 687 с.
8. Достопримечательности [Электронный ресурс] // Официальный сайт г. Мельник (Болгария). Режим доступа: http://www.melnik-bg.eu/tu/sightseeings.php#Bolyarska_house
9. Исторический центр Венеции [Электронный ресурс] // Исторические места Европы. Сайт. Режим доступа: <http://www.historycity.ru/?p=557>
10. История Византии: в 3 т. / [отв. ред. С. Д. Сказкин]. Т. 2. М.: Наука, 1967. 524 с.
11. Норвич Дж. История Венецианской республики. М.: ACT, 2009. 862 с.
12. Отчет императорской археологической комиссии за 1903 год [Электронный ресурс] // ... Многоуважаемый Карл Казимирович... К.К. Косцюшко-Валюжинич и его отчеты в Императорскую археологическую комиссию. Режим доступа : <http://www.kostsyushko.chersonesos.org/1903/1903.php?year=1903>
13. Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 390 с.
14. Рыжов С.Г. Средневековые жилые кварталы в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 290-311.
15. Рынки Траяна [Электронный ресурс] // Государственный музей архитектуры им. А.В. Щусева. Официальный сайт. Режим доступа: http://www.muar.ru/exhibitions/2009/ryunok_exib.htm
16. Рынок Траяна [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. Сайт. Режим доступа: http://dic.academic.ru/pictures/wiki/files/82/Rynki_Trajana.JPG
17. Сергеенко М.Е. Жизнь древнего Рима. СПб.: Летний Сад; Нева, 2000. 368 с.
18. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1-2. [Отв. ред. Г. Ю. Ивакин]. Харьков: Майдан, 2005. 1648 с.
19. Тюркские народы Крыма. Карабалы. Крымские татары. Крымчаки / [Отв. ред. С. Я. Козлов, Л. В. Чижова]. М.: Наука, 2003. 459 с.
20. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес // МИА. 1950. №. 17. 256 с.
21. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. №. 63. 364 с.
22. Berger A. Palace of Botaneiates [Электронный ресурс] // Byzantium 1200. Сайт. Режим доступа: <http://www.arkeo3d.com/byzantium1200/botenai.html>
23. Crimean Chersonesos : city, chora, museum, and environs / [Glenn R. Mack, Joseph Coleman Carter editors]. Austin : ICA, 2003. 232 p.
24. Jacoby D. La population de Constantinople à l'époque byzantine. Bvz. 1961, т. XXXI, с. 81-109.
25. Notitia dignitatum accedunt notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi provinciarum / ed. O. Seeck. Berolini: Weidmann, 1876. – 339 p.
26. Sergilla [Электронный ресурс] // Rome art lover. Сайт. Режим доступа: <http://romeartlover.tripod.com/Sergilia.html>
27. Via Biberatica. Archeology in Europe [Электронный ресурс] // Skyscraper city. Сайт. Режим доступа: <http://www.skyscrapercity.com/showthread.php?p=36808966>

Сокращения:

МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР
МАИЭТ –	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

Рис. 1. Жилой дом. Сергилла. Сирия. VI в. [26]

**Рис. 2. Реконструкция византийского дома VI в.
(по материалам Сергиллы) [7, с. 445, рис. 146]**

**Рис. 3. Жилой квартал Херсона XII-XIII вв.
Реконструкция А.Л. Якобсона, рис. А. Шалкевича [23, р. 32]**

**Рис. 4. Так называемый Болгарский дом (резиденция деспота Алексия Слава).
Мельник (Болгария). XIII в. [8]**

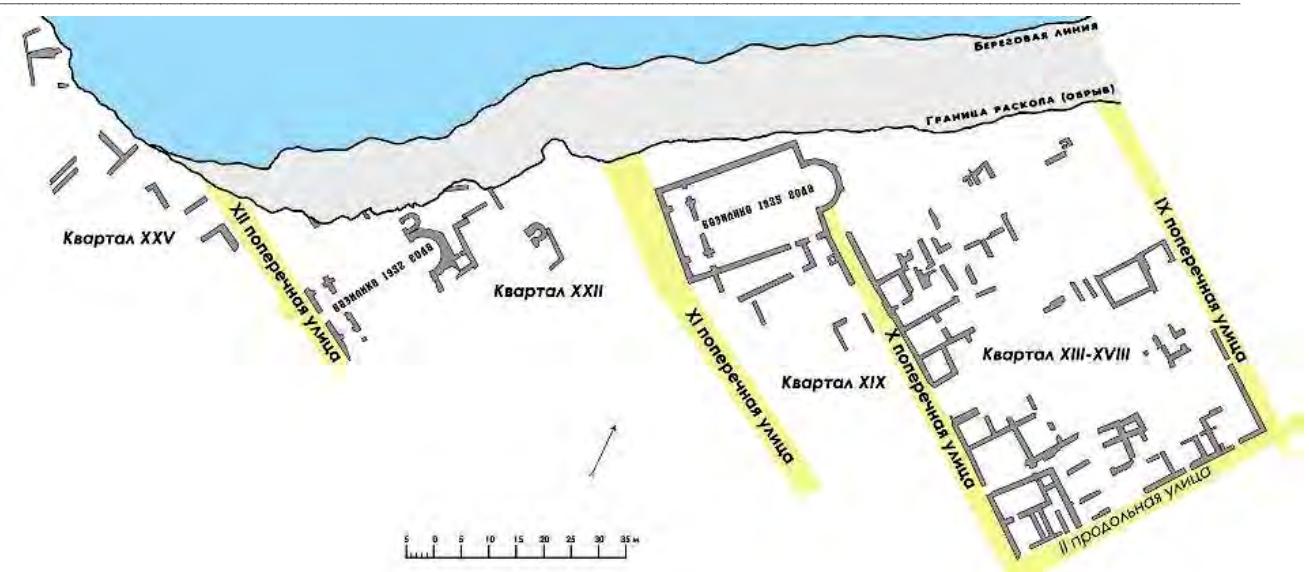

Рис. 5. Остатки фундаментов построек Северного района Херсонеса, разрушенных на рубеже X-XI вв. (по Г. Д. Белову и А. Л. Якобсону) [21, вкл.]

Рис. 6. Фундаменты раннесредневековой жилой усадьбы в XVIII квартале Херсонеса (раскопки Г.Д. Белова) [2, с. 205, рис. 52]

Рис. 7. Здание византийского периода в Стамбуле [3]

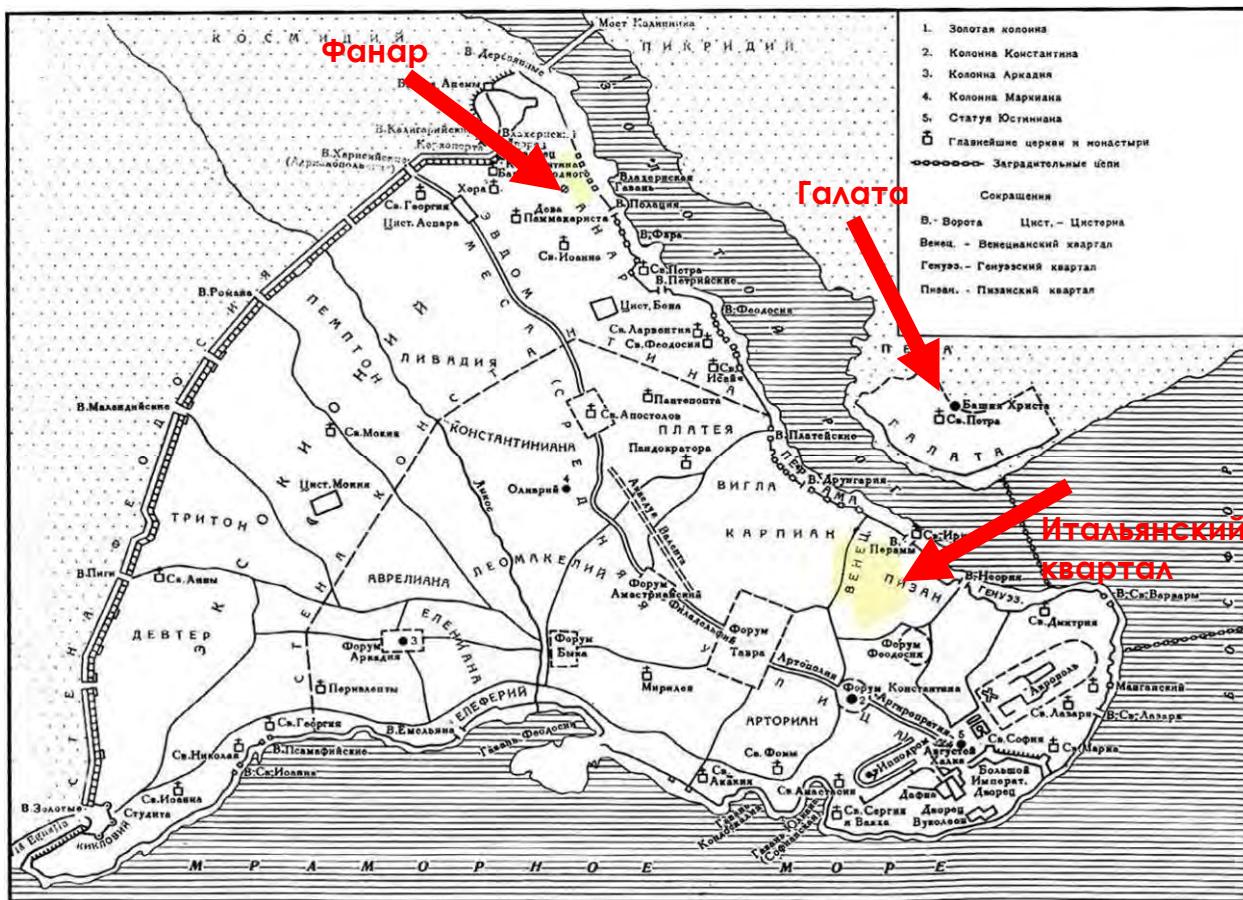
Рис. 8. Акведук Валента. IV в. Стамбул. Фото А.А. Чибисовой (2010 г.)

Рис. 9. Рынок Траяна (Mercatus Traiani). II в. Рим [16]

**Рис. 10. Рим. Via Biberatica (позади рынка Траяна).
Античные инсулы с надстроенными средневековыми 3-м и 4-м этажами [27]**

**Рис. 11. План Константинополя рубежа XII-XIII вв.
(по Ф.Р. фон Хюбнеру и А. ван Миллингену) с указанием местоположения районов,
в которых сохранилась жилая застройка византийского периода**

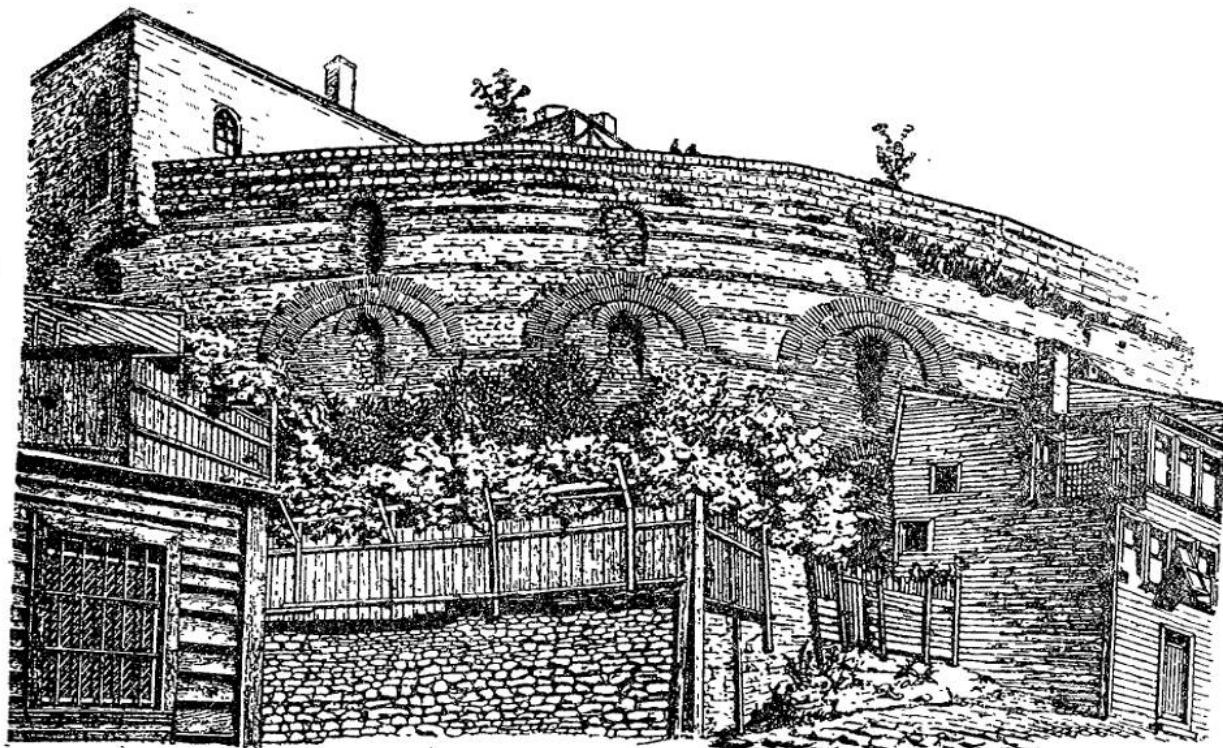
Рис. 12. Генуэзский дом. 1314 г. Стамбул, Галата [3]

Рис. 13. Стамбул. Итальянский квартал. Современный вид. Фото А.А. Чибисовой (2010 г.)

Рис. 14. Итальянский квартал. Арочные конструкции I этажа. Фото А.А. Чибисовой (2010 г.)

Рис. 15 Сфенда Константинопольского ипподрома. Рис. XIX в. [7, с. 456, рис. 149]

Рис. 16. Постройки византийского периода в Стамбуле.

А. – Итальянский квартал в Константинополе. Фото А.А. Чибисовой (2010 г.).
Б. – Галата [3]

Рис. 17. Венеция. Дворец дожей (Palazzo Ducale). XIV в. [9]

Рис. 18. Константинополь. Дворец Буколеон. IX в. Фото сер. XIX в. [7, с. 96, рис. 31]

Рис. 19. Квартал Фанар. Византийские дома. Фото А.А. Чибисовой (2010 г.)

**Рис. 20. Квартал Фанар. Византийский дом XII-XIII вв. А. Виды с улицы. Б. Вид со двора.
Фото А.А. Чибисовой (2010 г.) и В.В. Хапаева (2008 г.)**

**Рис. 21. Квартал Фанар. Дом османского периода (XVI-XVIII вв.).
Фото Я.И. Грибанова (2010 г.)**

**О ПЕРИОДЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ЛОКАЛИЗАЦИИ СТРАТИГИИ КЛИМАТОВ:
ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ**

М.М. ЧОРЕФ

Тюменский государственный университет

*Non Bibulo quidquam nuper, sed Caesare factum est:
Nam Bibulo fieri consule nil memini.*

(Suet. Caes. 20:5)

*ταύτας ὅπ' ὅψιν ἴδων οὐτος ὁ παραπαίων τί τε εἰσὶν
ἐπινφάνετο, καὶ πλησιέστερον διέβαινεν. ἡ δὲ “τὰ
καλά μου” ἔθησεν οἵτως ἀγροιχιχῶς “νινία καὶ
ἀγαπῶ ταῦτα πολλά.”*

(Theophanes Continuatus Lib. III:6,17-19)

Большинство исследователей, занимающихся изучением истории Византии, сталкиваются с проблемой перевода исторических источников. К примеру, в неоднократно штудированном всеми трактате Константина VII Багрянородного (913–959) «De administrando imperio» есть фразы: «πᾶσαν τὴν Χερσόνος γῆν καὶ τῶν κλιμάτων καὶ τῆς Βοσπόρου γῆν» [17, 42:81-82, р. 186] – «всю землю Херсона и климатов, и землю Боспора» и «πρός τε Χερσόνα καὶ Βόσπορον καὶ τὰ κλίματα» – «до Херсона, Боспора и климатов» [17, 42:85-86, р. 186]. Как будто бы все понятно. Очевидно, что под «климатами» император-ученый имел в виду близлежащие к Херсону земли, вернее всего, Крымскую Готию и часть южного побережья Таврики. Однако заметим, что климаты тогда были не только близ Херсона. По тому же Константину VII Багрянородному: «”Οτι τὰ ἐννέα κλίματα τῆς Χαζαρίας τῇ Ἀλανίᾳ παράκεινται, καὶ δύναται ὁ Ἀλανός εἰ ἄρα καὶ βούλεται, ταῦτα πραιδεύειν καὶ μεγάλην βλάβην καὶ ἔνδειαν ἐντεῦθεν τοῖς Χαζάροις ποιεῖν ἐκ γὰρ τῶν ἐννέα τούτων κλιμάτων ἡ πᾶσα ζωὴ καὶ ἀφθονία τῆς Χαζαρίας καθέστηκεν» [17, 10, р. 64] – «Девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может правитель алан, если, конечно, хочет, грабить их и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, так как из этих девяти Климатов поступают все средства к жизни и изобилие Хазарии». Кроме того, со временем Клавдия Птолемея климатами называли географические пояса. Древние были склонны делить на одноименные широтные зоны всю обитаемую часть земли. Этот термин использовали и арабские географы: *الْأَقَالِيمُ السَّبْعَةُ* – «семь климатах» жили все известные им народы. Как видим, климатами называли как отдельные области или страны, так и обширные географические регионы. Новое значение слово *κλίματα* получило в конце правления Феофила (829–842), когда по совету спафарокандидата Петроны Каматира в Таврике была создана одноименная стратегия (дор. *στρατηγία*, ион. *στρατηγίη* – «должность, пост стратега»)¹, входившая в состав фемы Херсон. Руководить преобразованиями был направлен сам ини-

¹ К сожалению, в современной историографии укоренился досадный обычай игнорировать ранги правителей фем. Да и названия последних частенько искажают. Вернее всего, именно эти упущения не позволили ряду исследователей проследить динамику развития государственной структуры империи. Дело в том, что в рассматриваемый нами период фемы делились на дукаты и стратегии [20]. По мере сил постараемся исправить это упущенение. Заметим также, что по «Τακτικόν» Ф.И. Успенского в Тавриде в 842–843 гг. служили «ὁ ἀνθύπατος πατρίκιος καὶ στρατηγὸς τῶν Χερσόνος» [6, с. 114] – «канфипат патрикий и стратиг Херсона» и «ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς τῶν Κλιμάτων» [6, с. 115] – «патрикий и стратиг Климатов», занимавший явно подчиненное положение по отношению к первому вельможе.

циатор нововведения, которого император почтил самом протоспафария¹ [17, 42:50-51]. Однако, как ни странно, в Херсоне сохранились архонты, протевоны и другие представители городской знати, прослеживаемые, в первую очередь, по печатям². Сохранили они и позиции в чиновничьей иерархии империи. Так, ἄρχοντες Χερσόνος³ упомянуты в «Тактикон» Ф.И. Успенского [6, с. 124; 22, р. 56–57]. Складывается впечатление, что организация фемы совершенно не затронула городскую жизнь. Στρατηγοί Χερσόνος, избранные по императорскому указу из местных жителей⁴, явно руководствовались интересами горожан. Очевидно, что Константинополь и не ставил перед собой цели подчинить Херсон. Заметим, что не одно поколение ученых пытались найти объяснение этому явлению. Причем не все они смогли удержаться в рамках научной этики. Так, Ш.Б. Газе в своем «Anonymus» [21, р. 496–505] упоминает гипотетический город τὰ Κλίματα [21, р. 502, 504], который, по логике исследователя, и был центром климатов, согласно Константину VII Багрянородному располагавшихся близ Херсона. Его умелая мистификация ввела в заблуждение ряд ученых, пытавшихся локализовать таинственный τὰ Κλίματα в различных регионах Северного Причерноморья. Правда, им так и не удалось обнаружить его в Таврике. Насколько нам известно, последним к этой проблеме обращался И.А. Баранов, который вслед за М.И. Артамоновым и И. Божиловым заключил, что τὰ Κλίματα мог находиться на Дунае⁵ [1, с. 142]. По мнению ученого, именно этот город и мог являться центром одноименной фемы. Историк считал, что стратегия Херсон была создана в спешке и непродуманно, само ее появление носило «кратковременный и чрезвычайный характер». По И.А. Баранову, постоянная фема в Таврике могла быть создана только при Константине VII Багрянородном [1, с. 137–145]. Однако практически одновременно с его статьей на научное обсуждение была вынесена небольшая публикация нумизматического материала, найденного в Херсоне. Она примечательна тем, что ее автор – А.М. Гилевич – опубликовала монету, отлитую в Херсоне, по ее мнению, от имени наместников Климатов (Κλίματων?) [3, с. 217. Табл. 1,2]. Правда, последние две гипотезы, как и выработанные их сторонниками доводы практически не получили широкого признания. Однако к настоящему времени в научной среде уже нет единства мнений ни по вопросу локализации κλίμάτων Константина VII Багрянородного и одноименной стратегии, ни по ранней истории фемы Херсон. Мы не ставим перед собой цели прояснить все эти спорные моменты. Считаем достаточным выработать и вынести на научное обсуждение наше видение состояния монетного дела Херсона в первые десятилетия после утверждения фемного строя. Надеемся, что анализ нумизматического материала позволит прояснить эти темные моменты истории раннесредневековой Таврики.

Начнем⁶ с исключительно редкой бронзы⁷, изданной А.М. Гилевич [3, с. 217. Табл. 1,2,3] (Рис. 1,1). Сразу же заметим, что исследователь привела практически безупречное

¹ Считаем необходимым отметить ценное замечание, сделанное А.И. Барановым. Ученый справедливо заключил, что протоспафарий не мог быть стратигом фемы [1, с. 141]. Мы согласны с логикой исследователя. Раз Петрона Каматир не был анфипатом и патрикием, то он не мог без нарушения иерархического принципа управлять столь важной военно-административной единицей. Подобное назначение трудно объяснить даже личной приязнью василевса к своему протеже. Остается только предполагать, что Феофил мог избрать на столь ответственный пост только самого верного, талантливого и перспективного сподвижника, каким, вернее всего, и зарекомендовал себя Петрона Каматир в ходе строительства Саркела.

² Судя по моливдовулам, раннесредневековым Херсоном управляли императорские придворные: ипаты и спафарии, которые одновременно являлись и городскими архонтами [16, р. 183, 184. № 82.1–82.3].

³ Считаем необходимым акцентировать внимание читателя на том, что наряду с ними в «Тактикон» Ф.И. Успенского упомянуты «ἄρχοντες τοῦ Διρραχίου» – «архонты Диrrахия» и «ἄρχοντ Δαλματίας» – «архонт Далмации» [6, с. 124; 22, р. 56–57]. А, как мы помним, упомянутый город был одним из важнейших портов империи, и сам регион стал очагом возникновения городских республик.

⁴ Нам кажется, что следующую фразу императора-ученого «ἐξ οὐ καί μέχρι τὴν σήμερον ἐπεκράτησεν ἀπὸ τῶν ἐντεῦθεν εἰς Χερσόνηα προβάλλεθαι στρατηγού» [17, 42:48-49, р. 184] следует переводить только так: «С той поры до настоящего дня стало правилом избирать для Херсона стратигов из местных».

⁵ Действительно, климаты известны и во Фракии.

⁶ Считаем, что денежное производство в феме Херсон началось не при Феофиле, а при его сыне. Наше прочтение монограммы «DNTH» обосновано в: [11, с. 192–198; 12, с. 161–165; 13, с. 138–140].

⁷ По словам В.А. Сидоренко, к настоящему времени известно всего четыре монеты этой разновидности.

описание монеты. По ее словам, на аверсе была оттиснута строчная аббревиатура «МВ», а на реверсе – сложная монограмма из букв «К», «Л» и, возможно, «М». Добавим только, что первые две буквы надписи оборотной стороны были вписаны в окружность (или часть дуги?), в нижней части которой просматривается рельефный квадрат, принятый нумизматом за «М». А.М. Гилевич видела в этих символах сокращение слова «Кλιμάτα» («Кλιμάτων»?) [3, с. 217]. Впрочем, она не настаивала на своей дешифровке, так как у нее сложилось впечатление, «что монета отлита в изношенной форме, в которой была трещина, или стертым был штампик для изготовления матрицы» [3, с. 217]. Кроме того, она отметила, что имела дело с «плохим качеством литья» [3, с. 217]. Действительно, физические параметры изучаемой ею монеты (вес – 0,88 г, диаметр – 1,1 см) не соответствовали нормам херсонских гемифоллисов первой половины IX в. Заинтересовавшая ее бронза содержит чуть более половины необходимого металла [9, с. 121].

Как видим, А.М. Гилевич не была уверена в безукоризненности своей атрибуции. Однако ее осторожные и крайне нетвердые выводы были восприняты на веру рядом исследователей, всерьез рассуждающих о возможности эмиссии монеты в таврическом городе та Климате.

Мы считаем эту проблему крайне важной и приведем несколько соображений. Во-первых, на аверсе бронзы, изданной А.М. Гилевич, уверенно читается «МВ». Следовательно, она была отлита при Михаиле III [10, с. 121–124]. Действительно, при этом василевсе, судя по «Τακτικόν» Ф.И. Успенского, существовала должность «πατρίκιος καὶ στρατηγὸς τῶν Κλιμάτων» – «патрикий и стратиг Климатов» [6, с. 115; 22, р. 48–49]. И, если логика А.М. Гилевич верна, то у нас есть основания отнести изданную ею монету к эмиссии местного стратига. Возникает, правда, несколько вопросов. Начнем с того, что, действительно, на монетах Романии было принято размещать метки эмиссионных центров¹. Как правило, они представляли собой аббревиатуры названий городов – центров денежного производства². А вот названия провинций на монетах Византии не встречаются. И уж совершенным nonsense была монета второразрядного чиновника, каким был стратиг Климатов. Следовательно, мы не можем согласиться с предлагаемыми А.М. Гилевич расшифровками аббревиатуры, состоящей из «К», «Л» и, возможно, «М». У нас нет никаких оснований видеть в ней сокращение слов Климаты или Климатов. Во-вторых, если прочтение А.М. Гилевич все же верно, то у нас есть основания видеть в распознанной ею монограмме сокращение гипотетического та Климаты. Однако, как уже было сказано выше, такой город в Таврике не известен. На всякий случай заметим, что он был упомянут только в «Anonymus», сфальсифицированном Ш.Б. Газе. В-третьих, монета, опубликованная А.М. Гилевич, столь неудачно отлита, что у нас есть все основания вслед за ней же усомниться в ее прочтении. Предполагаем, что бронза гипотетического та Климаты является ординарным гемифоллисом Михаила III. Заметим, что технология денежного производства в Херсоне при этом василевсе была далека до совершенства и в обращение иногда поступали монеты с довольно нечеткими оттисками аверса и реверса. Правда, с бронзой, изданной А.М. Гилевич, все обстоит несколько по-другому. К сожалению, исследователь неверно развернула оборотную сторону изучаемой монеты. Если бы она повернула ее на 135° по часовой стрелке, то получила бы не немыслимое «К-Л-М», а ординарное «Р°С»³.

Заметим, что встречаются и куда более гротескные экземпляры. Обратим внимание на гемифоллис, изданный И.В. Соколовой [5, Табл. VII, I] (Рис. 1,3). Его вполне можно атрибутировать, несмотря на то, что на его аверсе отсутствует «В», а на реверсе не оттиснулись верхние половины букв аббревиатуры «Р°С». Кстати, при определенной доле фан-

¹ Разбор систем эмиссионных обозначений приведен в статье «К вопросу о возможности золотой эмиссии в византийском Херсоне» [8].

² Исключением являются выпуски Сардинии и Сицилии. На их меди, чеканенной при Ираклидах и Исаврах, а так же при Леонтии (695–698) и Тиверии III Апсимаре (698–705), проставляли метки «SCL» («СИК») и «SK» соответственно. Однако на рубеже IX в. эти обозначения с монет исчезли [18, р. 616, 619, 634. № 11, 17–18.4, 20; 19, р. 84, 24, р. 350. № 18].

³ Предполагаем, что А.М. Гилевич ввела в заблуждение неописанная ею дуга, образовавшаяся на монете в результате разрушения фрагмента штампа, на котором находилась верхняя часть «П».

тазии можно и в них увидеть «К» и «Л». Правда, основная масса монет Херсона в это время отливалась достаточно качественно (Рис. 1,4), чем и объясняется значительная редкость бракованных гемифоллисов, один из которых и был издан А.М. Гилевич.

Итак, если наши рассуждения верны, то Херсон остался единственным эмиссионным центром одноименной фемы. Следовательно, у нас есть все основания предполагать, что перипетии, происходившие в его властных структурах, должны были получить отражение в денежной эмиссии. Попытаемся их проследить. Обратим внимание на уникальный клад, найденный при раскопках укрепления мыса Чамну-Бурун (Рис. 2). Он состоял из семи медных и бронзовых имитаций солидам Льва III Исавра (717–741)¹ (Рис. 2,1–7) и одной монеты литья Херсона (Рис. 2,8). Тщательный анализ подражаний позволил исследователям установить технологию их изготовления. Все они были выбиты на специально изготовленных пластинках одной парой штемпелей (Рис. 2,9) [2, с. 127–128. Рис. 6], вернее всего, вырезанных на Константинопольском монетном дворе [7]. Однако низкое мастерство мангупских монетчиков не позволило получить качественные оттиски. Предполагаем, что «умельцы» попросту уничтожили штемпели, а позже скрыли плоды своего творчества в малопосещаемом районе плато. Но нас не должны интересовать эти обстоятельства. Куда интереснее выяснить, когда и почему на Мангупе осмелились копировать византийские солиды? Конечно, можно, согласиться с мнением А.Г. Герцена и В.А. Сидоренко: «Подобное заключение² и реконструкция организации производства мангупских монет-имитаций говорят о значительных масштабах чеканки, вполне отвечающих требованиям провинциального монетного двора». А использование подлинных константинопольских штемпелей, по мнению исследователей, изготовленных на месте, говорит «не о частном, а легальном, более организованном характере производства монет-подражаний на Мангупе» [2, с. 130].

Но, с нашей точки зрения, нет никаких оснований делать подобные выводы. Ведь в клад выпало только семь бракованных экземпляров, а качественные имитации, выбитые этими же штемпелями, до сих пор не обнаружены. Очевидно, что выпуск подражаний стал возможным только в результате утери империей контроля за Горной Таврикой. Т.е., эмиссию имитаций можно увязать с ликвидацией стратегии Климатов. Но, очевидно, что определить дату этого события в результате анализа подражаниям солидам Льва III Исавра не удастся. Переходим к единственной подлинной монете из Чамну-Бурунского клада (Рис. 2,8; 3,1). На ее аверсе оттиснута «В», а на реверсе хорошо виден крест на Голгофе, окруженный неотчетливой легендой. Предполагаем, что ее определение позволяет выявить истинную информацию. Как заключили А.Г. Герцен и В.А. Сидоренко, на обратной стороне изданной ими монеты читается верхний сегмент надписи: [ΛΕ]ОНКА[Ι]КО[Ν]СТАΝ[ΤΙΝΟΣ] ([Λέ]он κα[ι] Κο[ν]σταντίνος) – «Леон и Константин». Именно это обстоятельство и позволило исследователям датировать монету правлением Льва III Исавра. Однако заметим, что пары одноименных императоров не единожды находились у власти. И все они успевали воспользоваться монетной регалией. Так, известны совместные выпуски Льва IV Хазара (775–780) и Константина VI (780–797) [19, р. 328–335. Pl. XII; 24, р. 393–396. Pl. XV, 20–21, XLVI, 1–4], а также Льва V Армянина (813–820) и его сына Константина [19, р. 375–386. Pl. XVIII; 24, р. 409–413. Pl. XLVII, 10–20]. Да и Константин V (741–775) сначала продолжил эмиссию от имени своего отца, а потом поместил на деньги изображение и имя своего сына Льва IV Хазара [19, р. 299–324. Pl. VIII–XI; 24, р. 378–388. Pl. XLIII, 22–23, XLIV, XLV, 1–15]. Следовательно, мы не можем датировать херсоно-византийскую монету из Чамну-бурунского клада только по этому фрагменту легенды оборотной стороны.

¹ Наши предложения по атрибуции этих монет приведены в: [7].

² Исследователи установили, что мангупские монетчики расклепали сопряженные штемпели после того, как уничтожили чекан аверса. Потом они будто бы скрепили два штампа реверса (Рис. 3,2) и продолжили производство до полного их разрушения [2, с. 130]. Заметим, что именно это обстоятельство и не позволяет нам даже предполагать о какой-то легальности и организованности, да и собственно, о продуманности производства подражаний.

Также заметим, что в предложенной исследователями расшифровке легенды реверса есть ряд досадных неточностей. Начнем с того, что, по их мнению, на буквосочетание «KON» отводилось значительно меньше места, чем для союза KA (καὶ). Точнее, на выделенном А.Г. Герценым и В.А. Сидоренко для этого пространстве можно было разместить только одну букву (Рис. 2,8, 3,1). Отметим также и то, что καὶ в легендах византийских монет не встречается. Считаем, что вместо гипотетического KA[Ι]KO[Ν]CTAN[TINO_ζ] монетчик все же разместил ординарное KONCTAN[TINO_ζ]. Тем более что на том месте, на котором, по мнению исследователей, мог быть оттиснут слог «ΚΟ[Ν]», явно просматриваются следы сглаженной буквы «Ν». Заметим, что треугольная форма «Ο» в имени Константина не должна нас смущать. Дело в том, что резчику штампа реверса этой монеты явно не удавались как прямые линии, к примеру, перекладины креста (Рис. 2,8, 3,2–3), так, впрочем, и округлые элементы букв. Обратим внимание хотя бы на весьма неординарное написание «Ω» в слове [ΛΕ]ΩΝ, а именно так, кстати, а не как [ΛΕ]ОН, на монете прописано имя первого из правителей. К сожалению, мы вынуждены акцентировать внимание читателей и на этой погрешности А.Г. Герцена и В.А. Сидоренко. Дело в том, что на приведенной ими прориси легенды написание имени верно, т.е. такое же, как и на монете, через «Ω»¹, а в тексте статьи оно было прописано уже через «Ο» [2, с. 129, 132. Рис. 6,7–8].

Итак, выявленные обстоятельства позволяют нам уточнить расшифровку надписи. Предполагаем, что ее следует читать как [ΛΕ]ОНΚΟΝСΤΑΝ[TINO_ζ] ([Λέ]ων Κονσταν[tīo_ζ]). Но, в любом случае, даже дешифровка этого фрагмента легенды не дает нам возможности датировать монету. Для поиска дополнительной информации обратим внимание на другие бронзы этой разновидности. Действительно, на реверсе всех известных к настоящему времени экземпляров монет этого типа (Рис. 3,2–3) просматривается круговая легенда разной степени сохранности [4, Табл. В, 12; 15, с. 119. № 174]. Так, на бронзе, изданной А.В. Орешниковым (Рис. 3,2), в нижней части реверса хорошо видны буквы «Α», «Β», «Ε», «Λ» и «Σ». Первые две из них просматриваются ниже и правее креста. Литеры «Λ» и «Ε» видны непосредственно под культовым символом. Буквы «Σ» видны после «Α» и ниже второго «Ν» в слове KONCTAN[TINO_ζ]. Как видим, у нас есть все основания считать, что и в этой части монетного поля также находится элемент надписи, подлежащий дешифровке. Судя по буквам, там могло быть только ΒΑΣΙΛΕΥΣ. Это буквосочетание можно расшифровать как βασιλεὺς – «vasilevs» или как Βασίλειος – «Βασιλιй». Заметим, что вероятность первого прочтения минимальна, ведь подобное титулование обоих императоров не встречается на золоте и меди Исаакия и его преемников вплоть до правителей Македонской династии. Куда правдоподобнее второе предположение. К примеру, хорошо известны фоллисы трех василевсов ромеев: Василия I Македонянина (867–886) и его сыновей Льва VI Мудрого (886–912) и Константина (870–879). При них на аверсах помещали изображения правителей, а на реверсах – легенды с их именами. Причем текст размещали так, чтобы портрет императора и соответствующая ему подпись находились по центру [19, р. 496–500. Pl. XXXII; 24, р. 440–441. Pl. L, 11–19, L, I]. Считаем, что выпуск литой монеты с «Β» на аверсе, с крестом и легендой ΒΑΣΙΛΕΙΟΣ[ΛΕ]ΩΝΚΟΝСΤΑΝ[TINO_ζ] на реверсе следует относить к совместному правлению Василия I Македонянина, Льва VI Мудрого и Константина, т.е. к 870–879 гг. Заметим, что нашему предположению не противоречит наличие на аверсе исследуемой монеты единственного элемента оформления – большой буквы «Β», что, как известно, было свойственно именно херсонским эмиссиям основателя Македонской династии [24, р. 442. Pl. LI, 4–6].

Кроме того, на монете из коллекции И.В. Шонова (Рис. 3,3) просматриваются изображения, отсутствующие на бронзе, изданной А.В. Орешниковым. На ее лицевой стороне правее «Β» виден фрагмент императорского одеяния, а на оборотной, под крестом на Голгофе, определенно различим широкий полукруг, увенчанный крестиком. Заметим, что именно эти элементы изображений были описаны А.Г. Герценом и В.А. Сидоренко как следы перечеканки. Примечательно то, что на заинтересовавшей нас монете, очевидно, не

¹ Заметим, что подобное написание имени, т.е. как Λέων, не было свойственно монетному делу Византии, свойственно средневековому и современному греческому.

контрамаркированной, они просматриваются в тех же местах, что и на чамну-бурунском экземпляре. Да и по конфигурации они совершенно аналогичны. Нам остается только предполагать, что заинтересовавшие нас бронзы этой разновидности не были перечеканены. Вернее всего, они были отлиты в переделанной форме, в которой могли ранее изготавливать монеты с изображениями императоров на обеих сторонах.

Конечно, у нас нет оснований предполагать, что в Херсоне могли отливать столь плохо оформленные имитации солидам. Вернее всего, в переделанной форме планировали выпускать первые фоллисы этого города. Но по неясным причинам она не была пущена в дело. По крайней мере, отлитые в ней монеты до нас не дошли. Судя по следам на изученных нами бронзах, ее небрежно подрезали, использовали некоторое время, а позже заменили на специально изготовленные штампы, которыми была сформована монета, изданная А.В. Орешниковым.

Обратим внимание на еще один достаточно любопытный нюанс в оформлении бронз этой разновидности. Дело в том, что предполагаемое слово Βασίλειος расположено под фразой Λέοντος Κονσταντίνος. Можно только строить предположения, почему эти слова были размещены на штампе в таком порядке. Возможно, что таким образом хотели поместить имя автократора ближе к центру композиции или расположить его под крестом. Но, в любом случае, неумелый херсонский монетчик не смог вырезать круговую надпись на лицевом штампе. В результате чего все редчайшие экземпляры этой разновидности несут на своем реверсе неотчетливые следы весьма трудно читаемой легенды.

Итак, высказав наши соображения по вопросу о периоде эмиссии херсоно-византийской монеты из клада, попытаемся определить ее номинал. Сразу же заметим, что она не могла быть гемифоллисом, так как на ее реверсе нет стандартного для того времени обозначения номинала – «Р°С», да и весит она примерно в два раза больше этих мельчайших монет литья Херсона VIII–IX вв. Вернее всего, она была первым херсонским фоллисом¹. Именно этим обстоятельством можно объяснить поиск стиля ее оформления. Но так как производство бронз этой разновидности оказалось слишком трудоемким², а полученные экземпляры уж очень некачественными, то вскоре вместо них в обращение поступили куда проще оформленные фоллисы с монограммой правителя на аверсе и с крестом на Голгофе на реверсе. Но, в любом случае, получается, что денежную реформу в Херсоне, приведшую к выпуску нового номинала, можно приурочить к совместному правлению Василия I Македонянина, Льва VI Мудрого и Константина, т.е. к началу 870-х гг.

Попытаемся изложить и обосновать исторические выводы, вытекающие из проделанной нами нумизматической атрибуции Чамну-бурунского клада. Мы уверены, что они не дают нам оснований сомневаться в слабости византийского влияния в Юго-западном Крыму к моменту его сокрытия. Очевидно, что Горный Крым в третьей четверти IX в. уже не входил в состав Византии. Ведь чеканить фальшивые монеты на территории империи было бы небезопасно.

В любом случае, сам факт выпуска на Мангупе имитаций семисов, тримисов и четвертей номизм³ штампами солида свидетельствует как о его неподчинении византийским властям, так и о слабом знакомстве местных монетчиков с реалиями денежного дела империи. Вернее всего, эта эмиссия стала возможной в результате сжатия зоны контроля фе-

¹ Мы вынуждены заметить, что в публикации [9, с. 129. Рис. 1,16] мы допустили ошибку при определении достоинства этой монеты. В заблуждение нас ввело наличие восьмиконечного креста на ее аверсе. Учитывая обстоятельства, выясненные при изучении Чамну-бурунского клада, выделяем бронзу с «В» на аверсе и с круговой надписью вокруг креста на реверсе в первый тип фоллиса монетного двора Херсона.

² Следует учесть и то, что перегруженность символикой лицевого штампа приводила к его быстрому выгоранию. Поэтому оттиски реверса всех известных монет изучаемой разновидности изобилуют наплывами металла. Это обстоятельство не могло не повлиять на выбор нового стиля оформления фоллисов Херсона. Отметим, что подобное явление наблюдалось в монетном деле этого города в 1070–1080-х гг. На реверсах отлитых в тот период т.н. «анонимных фоллисах» прослеживается постепенное упрощение лигатуры πόλις Χερσόνεως. Под конец она была заменена ординарным крестом на Голгофе. Правда, это явление объясняется не столько упрощением оформления лицевых форм, сколько политическими переменами в Херсоне в кон. XI в. [14, с. 35–41].

³ Все эти подражания весят значительно меньше нормы солида. Мы попытались дать тому объяснение в [7].

мы Херсона до собственно города и его ближайших окрестностей, приведшей, кроме всего прочего, к ослаблению торговых связей в регионе. А, как известно, с конца IX в. из византийских «табелей о рангах» исчезли сведения о стратиге Климатов. Они отсутствуют уже в «Κλητορολόγια» Филофея. В ней упомянуты только наместник фемы – «ἡ τοῦ στρατηγὸς Χερσῶνος» [22, р. 100–101], который был антипапом и патрикием [22, р. 138–139], а также, собственно, городской стратиг – «ὁ στρατηγὸς Χερσῶνος» [22, р. 104–105]. Первая должность, судя по «Τακτικόν» В.К. Бенешевича, существовала и во времена Константина VII Багрянородного [22, р. 246–247]. Заметим, что нам известны печати, которые, по мнению издателей, можно приписать стратигам Климатов и Херсона [5, с. 149–150. № 14; 16, р. 182. № 81.1]. Следовательно, у нас есть все основания для локализации «κλίματον» в Таврике. Учтем, что, по мнению И.В. Соколовой, эта военно-административная единица существовала до 870-х гг. [23, р. 99]. Таким образом, атрибуция гипотетической бронзы Климата (Климата?), изданной А.М. Гилевич, и проверка определения херсоно-византийской монеты Василия I и соправителей из Чамну-бурунского клада позволила не только проверить гипотезы локализации стратигии Климатов, но и уточнить дату ее ликвидации.

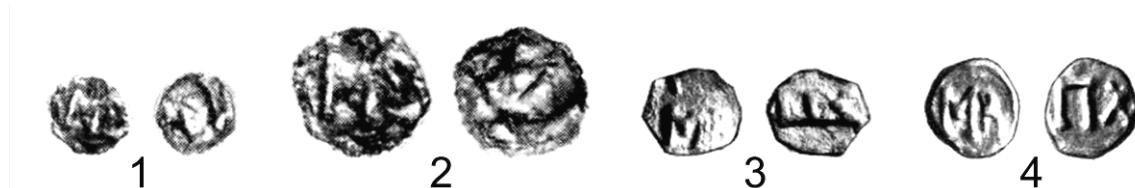
Источники и литература.

1. Баранов И.А. Административное устройство раннесредневекового Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III.
2. Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ: Вопросы социального и политического развития. Свердловск, 1988. Вып. 24.
3. Гилевич А.И. Новые материалы к нумизматике византийского Херсона // ВВ. 1991. Т. 52.
4. Орешников А.В. Херсоно-византийские монеты (Дополнение) // НС. М., 1911. Т. 1.
5. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
6. Успенский Ф.И. Византийская табель о рангах // Известия ИРАИК. Константинополь, 1898. Т. III.
7. Чореф М.М. К атрибуции Чамну-Бурунского клада (в печати).
8. Чореф М.М. К вопросу о возможности золотой эмиссии в византийском Херсоне (в печати).
9. Чореф М.М. К вопросу о номиналах литых бронз раннесредневекового Херсона [Электронный ресурс] // МАИАСК. Симферополь, 2008. С. 117-130. Вып. I. Режим доступа: <http://www.msusevastopol.net/index.php?ac=science&science=public&public=maiask08&sub=public>
10. Чореф М.М. К вопросу об атрибуции монограмм на гемифоллисах Херсона первой половины IX в. [Электронный ресурс] // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск III. Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы Международных научных конференций «Лазаревские чтения» Севастополь, 2010. С. 121-125. Режим доступа: <http://www.msusevastopol.net/index.php?ac=science&science=public&public=prich03&sub=public>
11. Чореф М.М. Монетное дело Херсона в первой половине VIII в. [Электронный ресурс] // МАИАСК. Севастополь–Тюмень, 2010. Вып. II. С. 192-198. Режим доступа: <http://www.msusevastopol.net/index.php?ac=science&science=public&public=maiask10&sub=public>
12. Чореф М.М. Монетное дело Херсона в первой половине VIII в. // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской сессии византинистов. М., 2008.
13. Чореф М.М. Монетное дело Херсона первой половины VIII в. // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2008 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008» / Под ред. В.А. Трифонова, В.А. Иванова, В.И. Кузищина, Н.Н. Миленко. Севастополь, 2008.
14. Чореф М.М. Позднейшие эмиссии Херсона, или к атрибуции монет с монограммой «Rw» // Вестник ТГУ. Тюмень, 2009. № 7.
15. Шонов И.В. Монеты Херсонеса Таврического. Каталог. Симферополь, 2000.
16. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art / Ed. J. Nesbitt and N. Oikonomides. Washington, 1991. Vol. I. – Italy, North of the Balkan, North of the Black Sea.
17. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. G. Moravcsik. Tr. R.J.H. Jenkins // CSFB. Washington, 1967. Vol. I.
18. Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R. Bellinger and P. Grierson. Washington, 1968. Vol. II. P. II. – Heraclius Constantine to Theodosius III, 641-717.
19. Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R. Bellinger and P. Grierson. Washington, 1973. Vol. III. P. I. – Leo III to Michael III, 717-867.
20. Λεβενιώτης Γ.Α. Η πολιτική κατάρρευση του βυζαντίου στην Ανατολή. Το Ανατολικό σύνορο και η κεντρική Μικρά Ασία κατά το Β' ήμισυ του 11^{ου} αι. Θεσσαλονίκη, 2007.
21. Leonis Diaconi caloënsis Historiae / Rec. C.R. Hasi. Bonnae // CSHB, 1828.

22. Oikonomides N. Les Listes de Préséance Byzantines des IXe – et Xe Siècles. Paris, 1972.
23. Sokolova I.V. Les sceaux byzantins de Cherson // Studies in Byzantine Sigillography. Washington, 1999. № 3.
24. Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908. Vol. II.

Сокращения.

АДСВ –	Античная древность и средние века
ВВ –	Византийский временник
ИРАИК –	Известия Русского археологического института в Константинополе
МАИАСК –	Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
МАИЭТ –	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
НС –	Нумизматический сборник
ТГУ –	Тюменский государственный университет
CFHB –	Corpus fontium historiae Byzantinae
CSHB –	Corpus scriptorum historiae Byzantinae

Рис. 1. К атрибуции монеты с «К–Л–М» на реверсе (по А.М. Гилевич)

1,2—фотографии из публикации А.И. Гилевич: *1*—натуальная величина,

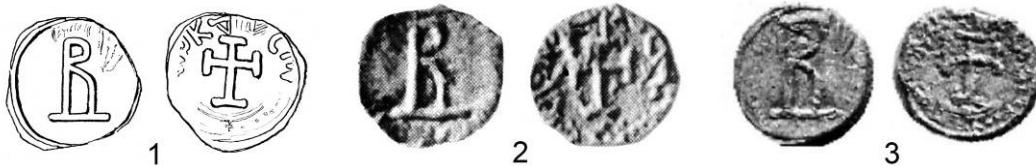
2—увеличено в два раза;

3 — бракованный гемифоллис Михаила III (по И.В. Соколовой);

4—стандартная монета этой разновидности.

Рис. 2. Чамну-Бурунский клад и реконструкция штемпеля, использованного для производства подражаний (по А.Г. Герцену и В.А. Сидоренко)
1–7—имитации солидов; 8—херсоно-византийская монета; 9—реконструкция штемпеля, использованного фальшивомонетчиками

Рис. 3. Херсоно-византийские монеты с «В» на аверсе и с крестом, окруженным надписью ВΑΣ[Ι]ΛΕ[ΙΟ]Σ[ΑΕ]ΩΝΚОНСТАΝ[TINOΣ] на реверсе
1—прорись бронзы этой разновидности из Чамну-бурунского клада (по А.Г. Герцену и В.А. Сидоренко); 2—изданная А.В. Орешниковым; 3—хранящаяся в коллекции И.В. Шонова

**ОТ «*Imperatorēs divī*» к «*Ἐν τούτῳ νίκας*»,
ИЛИ РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСКАНИЯ ПЕРВЫХ ИРАКЛИДОВ: НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

М.М. ЧОРЕФ

Тюменский государственный университет

ΙΣΤ. ἔχεις οὐκοῦν, ὃ βασίλεια, τὸ ζητούμενον αὐτοσχέδιον ἔρμαιον. ἐκεῖνος ἀγεψύχωσεν, ὥσπερ ἐκ τάφου τινὸς τῆς ἀλογίας ἀναλαβόμενος, οἵαπερ Ἀλκηστίν τινα ἀλεξικάκου τινὸς Ἡρακλέους ἀναστησάμενος ῥώμῃ.

(Theoph. Simoc. Hist., Διάλογος, 9:10–12)

Anne se préoccupait des monnaies, surtout des monnaies de cuivre, qui sont les basses et les populaires; elle voulait y faire grande figure.

(Victor Hugo. L'Homme qui rit)

Известно, что в римской религиозной традиции практиковалось посмертное обожествление выдающихся личностей. Вернее всего, оно сформировалось вследствие развития культа ларов. Так, первым его удостоился легендарный Ромул, по легенде, взятый живым на небо. Возводили храмы и оказывали божеские почести его преемникам: Нуме Помпилию и Сервию Туллию. Во времена поздней республики возник культ победоносных полководцев, высшей точкой развития которого стало обожествление Гая Юлия Цезаря. В последующем римские императоры разрешили почитать и себя как потомков *Divi Iulius*. Правда, первоначально их не считали богами. Гай Октавий Цезарь Август разрешал строить храмы, посвященные его гению—покровителю, но божеские почести он решительно отвергал. Однако уже его ближайшие преемники ввели свой культ по всей империи. Так, Гай Цезарь Германник (Калигула) (37–41) учредил себе и храмы, и жрецов (Suet. Gaius Caesar Caligula, Cap. XXII: 3–12, p. 814– 820). В дальнейшем, если не считать случаев цезарянского безумия Нерона Клавдия Цезаря¹ (54–68), Тита Флавия Домициана (81–96), позволившего именовавшего себя *«dominus et deus»* (Suet. Titus Flavius Domitianus, Cap. XIII: 4, p. 597), и Луция Элия Аврелия Коммода (Марка Аврелия Коммода Антонина) (180–192), провозгласившего себя Гераклом (SHA. Antoninus Diadumenus, 7: 10, p. 192), культ императоров развивался поступательно и без заметных эксцессов. При жизни их почитали

¹ Крайне интересно то, что у него представления о своем неземном могуществе сочетались с вульгарным атеизмом. По словам Гая Светония Транквилла *«Religionum usquequaque contemptor, praeter unius deae Syriae. Hanc mox ita sprevit, ut urina contaminaret, alia superstitione captus, in qua fola pertinacissime haesit. Siquidem icunculam puellarem, cum quasi remedium insidiarum a plebejo quodam, et ignoto muneri accepisset, detecta confestim conjuratione pro summo numine, trinisque in die sacrificiis colere perseveravit, volebatque credi monitione ejus futura praenosceret»* (Suet. Nero Claudius Caesar, Cap. LVI: 1–3, p. 307–308) – «Ко всем святыням он относился с презрением, кроме одной лишь Сирийской богини (прим. М.Ч. – Սուրբ Արա (Тарата)). Считалась супругой Дагона, не единожды упомянутого в Библии. Изображалась в виде рыбы или русалки. Важнейшими центрами ее культа были Аскalon (ныне Ашkelон), Гелиополь (сейчас Баальбек) и Эдесса (совр. Шанлы-Урфа)), да и то стал ею гнушаться настолько, что мочился на нее. Его обуяло новое суеверие, и только ему он хранил упрямую верность: от какого-то неведомого плебея он получил в подарок маленькую фигурку девушки как охрану от всех коварств, и когда тотчас после этого был раскрыт заговор, он стал почитать ее превыше всех богов, принося ей жертвы трижды в день и требуя, чтобы все верили, будто она открывает ему будущее».

как Отцов Отечества и потомков богов, а после смерти обожествляли¹. По всей империи строили храмы цезарям, повсеместно устанавливали им памятники. Однако почитание правителей носило официозный характер, его трактовали как ординарное выражение лояльности Римскому государству (*Pliny. Letters, Lib. X: 96, 97, p. 400–407*).

Ситуация изменилась к середине III в. Общий кризис античного мира привел к значительной трансформации государственного культа. Сначала, при Гае Мессии Квинте Траяне Деции (249–251) в 250 г. ото всех жителей империи потребовали участия в общественных жертвоприношениях [22, р. 626–627]. Конечно, можно объяснить это требование исключительно стремлением властей выявить тайных христиан, подозреваемых в антигосударственной деятельности. Однако примечательно, что всем участникам жертвоприношений, в том числе и жрецам языческих культов, выдавали справки – *libelli* [22, р. 315, 627]. Вернее всего, мы имеем дело с одним из многих общенародных молений, традиционно устраиваемых в Риме во времена бедствий или больших побед. И не случайно в их молитвенную формулу была включена просьба о «благополучии августов». Очевидно, что неисполнение эдикта расценивали как свидетельство нелояльности. Те же причины сподвигли Публия Лициния Аврелия Валериана (254–260) в 257 и в 258 гг. издать эдикты против клириков и представителей римской знати, принявших христианство [22, р. 630, 644–645].

Однако эти меры не смогли сплотить подданных вокруг правителей. И во второй половине III в. эфемерные императоры эпохи «тридцати тиранов» восприняли персидские традиции своего прижизненного обожествления. Очевидно, что они не ставили перед собой цели добиться всеобщего преклонения. Вряд ли у них было время строить такие планы. Да, они были и «победительны», и «трофееносны». Но они вели бесконечные войны, причем большинство из них погибло в сражениях или в результате заговоров. Правили же они считанные годы. Вернее всего, безродные ставленники армии желали отгородиться пышным ритуалом от не всегда верных подданных. Не удивительно, что наивысшая степень развития культа императора совпала с периодом первой тетрархии (293–305). Тогда империей управляло два августа: Гай Аврелий Валерий Диоклетиан (284–305), создавший эту систему и провозгласивший себя Йовием, а также его друг и соправитель Марк Аврелий Валерий Максимиан (286–305, 306–308), объявленный Геркулием [22, р. 70, 171]. Обожествленным правителям помогали их цезари, не удостоенные собственного культа. В благодарность они должны были унаследовать власть после отставки августов, и, соответственно, стать богами [22, р. 71, 75]. Однако, как ни универсальна была система тетрархии, она не смогла удовлетворить требования многочисленных полководцев, вступивших в борьбу за власть после отречения Диоклетина–Йовия. В конце концов, одержал победу Гай (Луций или Марк (?)) Флавий Валерий Константин (306–337), ставший первым императором–покровителем христиан. Однако он не перестал поддерживать языческие культуры, и от ординарной для позднего Рима императорской титулатуры не отказался. И хотя наследники Константина провозгласили христианство государственной религией, они, как и их языческие предшественники, продолжали именовать себя *imperatore divis*. Подобное положение сохранялось в ранней Византии [10, с. 32–33].

Однако уже в первой половине VII в., т.е. в период правления первых Ираклидов, от этой концепции отказались. Заметим, что подобные явления весьма редки в мировой истории. Целью нашего исследования стало выявление причин этих преобразований. А так как разменные монеты являются точнейшим индикатором состояния дел в раннесредневековом государстве, то мы попытаемся проиллюстрировать историю правления первых Ираклидов на сериях меди периода их правления.

Величайшие потрясения, пережитые Романией в начале VII в., не могли не повлиять на духовный настрой ее жителей. Знать и народ, подавленные невзгодами, надеялись только на чудо. Как никогда упал престиж государственной власти. Ведь ни один из *Imperatorēs divī* конца VI в. не смог остановить вторжения аваров и славян, доходивших до

¹ Причем практиковалось обожествление и членов императорской семьи, а также их приближенных. К примеру, Публий Элий Траян Адриан (117–138) объявил божеством своего фаворита Антиона (SHA, Hadrianus. 14, р. 14).

Константинополя, обезопасить Восток, умиротворить столичные партии и, главное, приимирить монофиситов и халкидонитов. Да и о каком пиете перед правителями могла идти речь, если власть в империи смог захватить «полуварвар из племени киклопов», «распутный кентавр» тиран Фока, казнившего последнего императора из Дома св. Юстиниана¹ [4], вырезавшего его семью и залившего земли Византии кровью ее подданных? Романию охватила смута: восстали Киликия, Сирия, Палестина и вся Малая Азия, волновался Египет. Многие видели в происходящем «перст Божий». Все ждали чуда. И оно произошло. В 608 г. экзарх далекого западного Карфагена консулляр Ираклий отказался посыпать в столицу хлеб. Местные жители и окрестные варвары поддержали его. Экзарх собрал армию и двинул ее на Египет (Theoph. Chron., p. 290–298). Командование он поручил Никите – сыну своего помощника патриция Григория (Theoph. Chron., p. 295–296). Успех сопутствовал всем их начинаниям. В первом же бою повстанцы разбили верные Фоке войска и вскоре заняли Египет. Население повсеместно поддерживало инсургентов. Однако ни экзарх Ираклий, ни патриций Григорий и не пытались захватить престол. Развивая успех, карфагеняне собрали большой флот и отправили его на Константинополь. Командование им было поручено сыну экзарха – молодому Ираклию. Экзарх Ираклий и патриций Григорий решили отдать престол тому из командиров инсургентов, которому первому удастся войти в столицу (Theoph. Chron., p. 297). Одновременно формировались органы управления освобожденными территориями. Судя по скромным свидетельствам древних историков, ими управлял совет, состоявший из византийских вельмож и римских сенаторов. При этом большую роль в управлении играли старший и младший Ираклии. На монетах² (Рис. 1,1–2), выпускавшихся в освобожденных провинциях, изображали обоих правителей, причем, судя по надписи «dNERACLIO CONSULE(I)» («Domini nostri Heraclii consulēs») – «Господина наших Ираклиев консулы»³, младший Ираклий во время восстания был избран consulē populi romani⁴ – «консулом римского народа». В 610 г. карфагенские корабли с изображением Богородицы на парусах подошли к Константинополю (Theoph. Chron., p. 298). Фока не смог организовать им никакого сопротивления. «Тиран» бежал, но был схвачен и казнен (Theoph. Chron., p. 299).

Собственно, ничего нового не произошло. Неправедного старого царя сменил молодой, и, как считалось, более богоизбранный. Саул погиб, а к власти пришел Давид. Именно так воспринимали эти события византийские историки. И, казалось бы, всенародные надежды начинают оправдаться. Считали, что к власти пришел избранный Богом император. Тем более, что молодой Ираклий I (610–641) заявил о своей приверженности православию. Мало того, он сделал Константинопольского патриарха Сергия своим главным советником. Два года молодой правитель пытался успокоить империю. Идеи умиротворения отразила монетная эмиссия. На смену небрежно выбитым разменным монетам Фоки и инсургентов в обращение поступили изящно оформленные медные выпуски Ираклия I (Рис. 1,4).

К сожалению, Ираклий I принял империю в крайне незавидном положении. Ее провинции были разорены длительными войнами и восстаниями (Theoph. Chron., p. 299–300). Чиновники вышли из под контроля центрального правительства. Бунтовала армия, годами

¹ О таврических монетах с изображением св. Юстиниана на реверсе см.: [11, с. 139–143; 12].

² Очевидно, что их датировали по индикту. Так, самые ранние выпуски повстанцев поступили в обращение в тринадцатый год индикта (609/610 г.). Их эмиссия закончилась в следующем году [15, p. 353, Pl. 10, 164, 167].

³ Действительно, варварская латынь легенды аверса этой монеты создает определенные проблемы дешифровщику. Но очевидно, что CONSULE не может быть прочитано как consulis – «консулом». Вернее всего, конечно же «I» должна была, по мнению монетчика, также обозначать множественное число. Да и сам факт появления на ней обоих правителей в консульских одеяниях опровергает устоявшуюся точку зрения на прочтение надписи. Мы уверены, что надпись δNERACLIO CONSULE(I) нельзя читать как Domini nostri Heraclii consulis. Также нет оснований видеть в ней надпись Dominorum nostrorum Heracliorum consulūm – «Господ наших Ираклиев консулов», так как слово consulēs не имеет окончания –им родительного падежа множественного числа.

⁴ Только этим обстоятельством можно объяснить его появление в консульском одеянии на датированных монетах периода восстания (Рис. 1,3).

недополучавшая жалование. Денег в казне не хватало¹. Границы некогда могучей империи оказались открыты для варваров, регулярно разорявших не только приграничные провинции, но и доходивших до крупнейших городов Средиземноморья. И Ираклию I пришлось воевать – отстаивать целостность своего государства. Первые годы выдались на удивление трудными. В 614 г. персы захватили Иерусалим и увезли Животворящий крест Господень (Theoph. Chron., р. 300). В 616 г. они вторглись в Египет, а уже в 619 г. пала Александрия (Болотов, с. 449; Theoph. Chron., р. 301)². Положение империи казалось столь безысходным, что Ираклий I раздумывал о переносе столицы на запад – в спокойный и безопасный Карфаген. Только просьбы патриарха удержали его в Константинополе [1, с. 440]. Император решился на борьбу с казалось бы неодолимыми противниками. Для этого он был вынужден пойти на меры, немыслимые для его предшественников.

Во-первых, Ираклий I, нарушив придворный этикет, сам возглавил войско. Во-вторых, раз казна была пуста³, то он повелел конфисковать часть церковных сокровищ (Theoph. Chron., р. 302–303). Ираклий I стал императором-полководцем, героем народных легенд. Его походы в Персию длились семь лет (622–628 гг.). Они носили характер священной войны за возвращение Животворящего Креста Господня и во имя торжества христианской веры (Theoph. Chron., р. 303–304). Переломным стал 626 г., когда в отсутствие императора авары, славяне и персы осадили Константинополь (Theoph. Chron., р. 315–317). Однако горожане во главе с патриархом Сергием отстояли столицу. А уже 15 мая 628 г. в Храме св. Софии читали народу письмо императора, сообщающего подданным о разгроме персов и гибели их царя – «высокомерного и богоборного... богоненавистного Хосрова». Столица ликовала.

В 629 г. Ираклий I вернулся в Византий. Его встречали как героя, равновеликого Александру Македонскому. Ведь ему удалось не только вернуть Животворящий крест Господень и восточные провинции, но и посадить на персидский трон своего ставленника (Theoph. Chron., р. 326–327). Всеобщий пиетет позволил Ираклию I изменить свою титулатуру. Так, если каждый император из Дома св. Юстиниана именовал себя согласно римской традиции «ἐν ὀνόματι τοῦ δεσπότου Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν αὐτοκράτορα καῖσαρα... ἀεισέβαστος ἀγύουστος» – «во имя Господа Нашего Иисуса Христа самодержец кесарь... вечносвященный август», то, в преамбуле новеллы 629 г. он и его старший сын Ираклий II Константин выступали как «πιστοὶ ἐν Χριστῷ βασιλεῖ» – «верные во Христе цари» [17, р. 24]. Можно, конечно, конечно объяснить это новшество стремлением повысить авторитет Византии на международной арене, как это делал В.Е. Вальденберг [2, с. 111; 3, с. 142]. Однако, с нашей точки зрения, оно могло быть мотивировано значительно более существенными идеями. Во-первых, принятием титула «βασιλεὺς» Ираклиды подняли себя до уровня библейских царей – Мессий «избранного народа»⁴. Во-вторых, βασιλεὺς периода античности были не столько правителями, сколько первосвященниками государственного культа. В рассматриваемом случае, очевидно, речь шла о положении «первого христианина» и «господина вселенной». Как помним, римляне называли василевсами только своих государей и крайне неохотно признавали право на этот титул за иностранными монархами. Но, в любом случае, βασιλεὺς – Ираклиды должны были восприниматься современниками как Мессии. Питать эти представления должна была и процедура инаугурации. Вернее всего, при Ираклидах был введен обряд миропомаза-

¹ О сложном состоянии государственных финансов говорит перечеканка монет императоров V–VI вв. Причем переделка шла в такой спешке, что прежние изображения даже не сглаживали (Рис. 1,5). Часто монеты били на случайных заготовках (Рис. 1,6).

² На Рис. 1,7 приведено изображение монеты в двенадцать нуммов, чеканенной в те годы в Александрии от имени персидского царя Хосрова II Парвиза (591–628). Примечательно, что фигура правителя на ее аверсе обрамлена изображениями солнца и луны.

³ Перечеканка монет продолжалась. На Рис. 1,8 приведено изображение фоллиса Ираклия I, Ираклия II Константина и Ираклона, выпущенного в Константинополе в 615–624 гг. [15, р. 357. Pl. 20,354].

⁴ В иудейской традиции „מֶשֶׁכְנֹעַם, מֵשֶׁכְנָהָיִם, פָּמָזָןְנִיקָם“ являлись цари, происходящие их Дома Давида, правившие по воле Божьей. Допускаем возможность и того, что Ираклиды желали приравнять себя с „מֶשֶׁכְנֹעַם, מֵשֶׁכְנָהָיִם, חָסְמָנוֹאַיִם“, освободивших Израиль от апостатических Селевкидов.

ния, сохранившийся в Византии до конца ее существования и распространившийся со временем по всей Европе¹. Заметим, что свершения Ираклия I отразила и монетная эмиссия. В обращение поступили полновесные изящно оформленные медные монеты² с изображением правителя в военных доспехах (Рис. 1,9).

Казалось бы, Византия находится на пике своего могущества. Ираклий I, окрыленный внешнеполитическими успехами, решился на очередную революцию. Он решил примирить³ монофиситов и халкидонитов. Император поддержал концепцию патриарха Сергия, выработавшего учение о монофелитизме и моноэнергизме. Однако это начинание не получило всеобщей поддержки. Идею Сергия не восприняли большинство церковных иерархов Запада. Однако она оказалась весьма перспективной на Востоке. Первым успехом Сергия стало объединение с официальной церковью Армении на Соборе 633 г., прошедшем в Феодосиуполе. На нем армяне–монофиситы признали Никейский символ веры⁴ [7, с. 294]. В том же году ставленник Сергия Кир, патриарх Александрийский, ранее назначенный Ираклием I наместником Египта, провозгласил «Пакт об объединении»⁵, в котором призывал к объединению халкидонитов и монофиситов. Он содержал формулу, предложенную еще св. Дионисием Ареопагитом: «*Он не был человеком не как не-человек, но как из людей произошедший, пребывающий над людьми и превыше человека, воистину ставший человеком и затем все совершивший не как Бог божественное и не как человек человеческое, но как ставший мужем Бог некой новой, богомужней энергии с нами жительствуя*» [5, Послание IV, с. 777, 779].

Как видим, догматический компромисс был первоначально провозглашен в форме моноэнергизма [7, с. 297]. Вслед за этим Кир попытался подчинить себе монофиситов. Однако его власть признали только греки и сирийцы. Копты сохранили верность монофиситскому патриарху Вениамину [7, с. 297]. Критически восприняли новшества и халкидониты. Софоний – лидер палестинского монашества – обратился к реформаторам с критикой *Пакта*, по мнению богослова, позволяющего реабилитировать монофиситство и возродить ересь Аполлинария. Сергий был вынужден пойти навстречу консерваторам. Он издал т.н. Ψήφος (греч. «мнение, судебное постановление»). *Ψηφοс* предписывал Киру никому более не позволять рассуждать ни об одной, ни о двух энергиях во Христе, хотя в тексте давалось понять, что его автор предпочитает формулу с единой энергией [7, с. 298]. Издание этого документа на время примирило фракции халкидонитов.

Однако уже в 634 г. Софоний, избранный патриархом Иерусалимским, не затрагивая вопрос о «двух энергиях» во Христе, выступил с критикой учения о «единой энергии». Конец полемике положило завоевание Палестины арабами (638 г.). В том же году Сергий получает поддержку с Запада. За «единую энергию» высказался папа Гонорий [7, с. 299]. Воспользовавшись ситуацией, патриарх подготовил проект *Ἐκθῆσις* (греч. «изложение») императорского эдикта, в котором кодифицировал монофелитский символ веры. Однако в 639 г. Сергий умер, так и не дождавшись одобрения *Ἐκφίσιса*. Его преемник Пирр созвал в 640 г. собор в Константинополе, на котором добился принятия этого документа. Издание *Ἐκφίσиса* означало конец политики времен *Ψηφоса*. Во вновь

¹ Известно, что история возвышения большинства древнейших европейских королевских династий окружена легендами, важнейшим элементом которых является предание о Божьем избрании. К примеру, Хлодвиг (481–511) – первый франкский король Галлии из дома Меровингов, будто бы был помазан на царство миром, принесенным с неба ангелом, принявшего для этого вид голубя. Правда, об этой истории ничего не было известно св. Григорию Турскому, составившему жизнеописания первых франкских королей. Вернее всего, начало преданию положил архиепископ Реймский Гинкмар, возглавлявший самую почетную кафедру Франции во второй половине IX в.

² Их также выбивали на ранее выпущенных монетах.

³ Заметим, что поиск компромисса начался еще в первые годы правления Ираклия I. Так, по инициативе императора и патриарха Сергия прошел Александрийский собор 616 г. На нем пытались примирить петритов и дамианитов [7, с. 296].

⁴ В середине VII в. в Армении возобладала актиститская церковная партия, добившаяся отмены решений Феодосиупольского собора [7, с. 294].

⁵ Состоял из девяти анафематизмов. За расплывчивость формул получил в среде халкидонитов наименование ἡ ὑδροβαφὴ ἔνωσις – «бесцветное, водойписаное объединение» [1, с. 460].

принятом догматическом документе декларировалась единство воли (θέλημα) во Христе, вытекающее из единства энергии. Моноэнергетизм перерос в монофелитство.

Но вернемся к Ираклию I. Если принятие им титула «βασιλεύς» давало нам только основания предполагать о его «мессианстве», то характер проводимых им реформ совершенно убеждает в нашей правоте. Очевидно, что Ираклий I ставил перед собой мессианские задачи [6, с. 121–149]. Он считал для себя возможным не только примирение всех направлений христианства, но и крещение Персии, а также ее подчинение Византии. И, как мы помним, были моменты, когда время исполнения этих замыслов казалось близким. Одно время даже его современники согласились с тем, что Ираклию I была уготована роль если и не Мессии, то его ближайшего предвестника. В любом случае, его почитали при жизни как святого.

Обо всем этом говорила и официальная имперская идеология. В частности, с 628 г. и до конца правления Ираклия I в обращение поступали медные монеты с каноническим изображением императора – святого воина–покровителя империи (Рис. 1,9–12). Очевидно, что такой характер почитания правителя не допускал его именования *divi*. Вследствие этого в Византии утвердилось привычное христианское понимание сущности монархической власти. Заметим также, что отнюдь не случайно св. Ираклия изображали с таким знаковым для современников культовым символом, как длинный крест. Как помним, его держали в правой руке не только ангелы, но и св. Юстиниан на меди таврического чекана конца VI – начала VII в. Только учитывая это, мы можем осознать апокалиптический ужас, охвативший ромеев после сокрушительных поражений, нанесенных Византии прежде неведомыми врагами – мусульманами. Казалось бы, неизбежное крушение Романии представлялось гибелью всего мира. Можно сказать, что конец истории наступал, но совсем не по тому плану, который был намечен для него в официальной идеологии Ираклия I. И на его разменных монетах продолжали оттискивать каноническое изображение правителя (Рис. 1,10–12).

Правда, само качество их чекана разубеждало ромеев во всемогуществе существующего святого императора. Дело в том, что критическое состояние экономики подвигло власти периодически портить стопу разменных денег. Сначала их чеканили на половинках монет прежних эмиссий (Рис. 1,10), а позже и на бесформенных обрубках (Рис. 1,11–12). Так что не стоит удивляться безуспешности официальной пропаганды. Ромеи видели в арабском нашествии кару за неправедную политику императора. Однако выступать против него не решались. Неудачи считали временными, а авторитет императора – непререкаемым.

Именно этим обстоятельством можно объяснить сохранение его изображения на монетах ближайших наследников. Так, при Ираклоне (641) в обращение поступила медь с канонической фигурой основателя династии на аверсе¹ (Рис. 2,1). Очевидно, что, по мнению непопулярного правителя, ее выпуск мог бы укрепить его пошатнувшийся авторитет. Традиция размещения изображения святого Ираклия на разменной меди сохранилась и при Константе II (641–668). В первые годы его правления в обращение поступили бронзы, на аверсе которых было оттиснуто хорошо узнаваемое изображение бородатого правителя², держащего длинный крест (Рис. 2,2–6). Вокруг фигуры была размещена зна-

¹ Заметим, что ее издатели П.Ю. Сабатье и А. Коэн отнесли ее к правлению Ираклия I [19, Pl. XXXI,28]. Действительно, на монетах основателя династии встречается изображение его второй жены Мартини. Правда, размещали его исключительно на меди, выбитой до приобщения Ираклона к власти. К примеру, хорошо известны фоллисы 615–627 гг., на аверсе которых оттиснуты бюсты самого Ираклия I (в центре), его старшего сына Ираклия II Константина (641) (справа) и Мартини (слева) [15, р. 374]. Кстати, изображение одного из них приведено нами на Рис. 1,8. Считаем, что монеты с фигурами Ираклона и Мартини могли появиться в обращении только в период правления упомянутого младшего сына Ираклия I. Косвенным подтверждением нашей правоты является редкость этих бронз, объясняемая непроложительностью его правления.

² И, хоть качество чекана в тот период было не очень высоким, на всех известных монетах нижнюю часть лица императора обрамляет окладистая борода. Правда, передавали ее не очень реалистично. Часто бороду обозначали несколькими линиями. Вернее всего, именно это обстоятельство и позволило Ю.П. Сабатье и А.Коэну выделить медь с изображением безбородого правителя [19, Pl. XXXII,21] (Рис. 2,2).

ковая для каждого ромея легенда: «’Εν τούτῳ νίκας» – «сии победиши». Ведь, как помним, по мнению верующих, одной из величайших заслуг Ираклия I стало возвращение Животворящего креста Господня.

Однако наследники святого императора не были столь харизматичны. Они оказались вынужденными пойти навстречу оппозиции и заняться поисками решения проблем, возникших в результате принятия *Экфисиса*. Об остроте догматической полемики говорит факт восстания в 646 г. Григория – экзарха Карфагена, опиравшегося на поддержку противников монофелизма. Неизвестно, чем мог бы закончиться этот мятеж, но в 647 г. его предводитель пал в бою с арабами.

Император Констант II был вынужден пойти на компромисс с диофелитами. Вскоре после подавления движения Григория он отменяет *Экфисис* и возвращается к политике *Псифоса*. В том же 647 г. император издает Τύπος τῆς πίστεως (греч. «образец веры»), согласно которому запрещалось «враждовать, спорить и какого бы то ни было рода обсуждения вопроса об одной воле и одной энергии или о двух энергиях и двух волях» [7, с. 301]. Учтем, что *Типос* был законом, а не догматическим документом. И его неприятие жестоко преследовалось. Кроме того, принятие *Типоса* говорит о стремлении императора контролировать Церковь. Самим фактом его принятия он провозгласил себя ее первоцервеником.

Но диофилиты посчитали уступки Константа II незначительными, а претензии чрезмерными и не приняли *Типос*. В 649 г. папа Мартин I на Латеранском соборе предал его анафеме. Фактически императора обвинили в ереси. Констант II был вынужден вновь переключить свое внимание на ситуацию в Италии. Однако его попытки усмирить мятежников руками Олимпия – экзарха Равенны – закончились неудачей. Наместник императора предпочел встать на сторону папы. Два года (650–652) он был императором Италии. По-суги, на два года возродилась Западная Римская империя. Когда же после смерти Олимпия Равеннский экзархат снова вошел в состав империи, папа Мартин был арестован и доставлен на суд в Константинополь. Победа монофелитов нашла свое отражение в чеканке западных провинций, в т.ч. и Сицилии. В 654 г. в их эмиссионных центрах было наложено производство красиво оформленных медных монет, на аверсе которых оттиснуто каноническое изображение св. Ираклия¹ и фигура молодого Константа II (Рис. 2,7–11).

Вернее всего, в это же время в Таврике прошла эмиссия фоллисов с изображениями самого василевса и Константина – его старшего сына и соправителя на аверсе и св. Ираклия на реверсе (Рис. 2,13–15). Эти монеты примечательны тем, что при их изготовлении были задействованы всего две пары штемпелей. Для первой характерны крупные, хорошо проработанные рельефные фигуры императора и его наследника (Рис. 2,13–14). Причем резчик смог не только мастерски воспроизвести одеяния правителей, но и их прически. Обратим внимание на характерные завитки волос, обрамляющие головы этих Ираклидов. Заметим, что мода на такую укладку волос появилась при Константе II. Не менее примечательна густая борода, копной ниспадающая на грудь старшего августи. Отметим, что таким изображали Константа II в последний период его правления. Не менее изящно оформлен и реверс: изображенный мужчина определенно похож на Константа II. Очевидно, что они родственники. Однако усы у него прямые, а не закрученные кончиками вверх, его волосы свободно ниспадают вниз, в них не заметны завитки. Кроме того, пышная борода этого мужчины разделена надвое. В свою очередь, наличие в его правой руке длинного креста дает нам основание видеть в нем святого. А так как он определенно не схож с таврическими воспроизведениями образа св. Юстиниана (Рис. 2,16–17), то у нас есть все основания видеть в нем фигуру св. Ираклия, как помним, изображавшегося бородатым и усатым. Вторая пара штемпелей была изготовлена со значи-

¹ Заметим, что ныне принято трактовать фигуру бородатого вооруженного императора с длинным крестом в правой руке как изображение Константа II. Действительно, с 650-х гг. и до конца правления упомянутого внука Ираклия I изображали бородатым. Однако традиционное с 628 г. изображение святого воина-императора на аверсе изучаемых монет Константа II не дает нам оснований усомниться в нашей правоте.

тельно меньшим искусством. С ее помощью на аверсе выбивали мелкие, нереалистичные, небрежно переданные изображения правителей (Рис. 2,15). Хотя фигура св. Ираклия на реверсе передана вполне традиционно.

Обратим внимание на символические обозначения, различимые на оборотных сторонах этих монет. Литеру «К», просматривающуюся правее фигуры св. Ираклия, очевидно, следует считать монограммой имени Константа II¹, а буква «В», размещенная ниже, очевидно, является эмиссионным символом – меткой монетного двора Воспора (*sic!*). Мы согласны с точкой зрения Ф. Гриersona и В.А. Сидоренко, отнесшим подобные монеты к выпуску этого города [8, с. 374–376. Табл. XIII; 16, р. 38–39].

Дальнейшее развитие монетного типа византийской меди отразило перемены во внутренней политике Константа II. В 660 г. он превратил свое правление в тиранию, имевшую характерные черты теократии. Желая обеспечить передачу власти своим сыновьям: Константину, Тиверию и Ираклию, император сначала насильно постриг в монахи, а позже убил своего брата Феодосия. Недовольство населения вынудило его в 661/2 гг. покинуть Константинополь. Однако в 662 г. Констант II, официально не отменяя *Typos*, организовал и провел судилище над одним из лидеров диофелитов – св. Максимом Исповедником. Против него было выдвинуто множество политических обвинений. Остановимся на анализе только одного из них, с точки зрения судей, самого важного. В ходе процесса подсудимого обвинили в том, что он не признает императора первосвященником. На провокационный вопрос «Τί οὖν; οὐκ ἔστι πᾶς βασιλεὺς Χριστιανὸς καὶ ἱερεὺς», св. Максим Исповедник решительно ответил «οὐκ ἔστιν» [1, с. 487]. Нарушителя императорской воли подвергли бичеванию, отрубили ему правую руки и отрезали язык, после чего сослали в Лазику, в крепость Схимарис. Не пережив страданий, 82-летний старец умер.

Заметим, что сама расправа над св. Максимом Исповедником стала одним из самых одиозных, но не единственным проявлением тирании императора–первосвященника. Последние восемь лет его правления стали периодом жесточайшего гонения на диофелитов. Конечно, можно по-разному объяснить политику Константа II в 660–668 гг. Однако, судя по монетам, он стремился организовать культ себя и своей семьи. В последний период его правления на монетах появляются изображения императора и всех принцев его дома (Рис. 2,12). Но его надежды на эффективность жесточайшей тирании и единственность имперско-теократической пропаганды не оправдались. Его старший сын и наследник Константин IV Погонат (669–685) прекратил гонения, и, не отменив *Typos*, стал поддерживать диофелитов. Со временем учениеmonoфелитов было вовсе отвергнуто. Только немногочисленные сирийские христиане–марониты остались верными идеям Сергия и Кира. Они до сих пор почитают Ираклия I как святого [7, с. 292]. О претензиях же василевсов на первосвященство и вовсе забыли.

Как видим, стремления упрочить императорскую власть, создать новую идею ее легитимизации, сподвигли первых Ираклидов отказаться от ее обожествления. В ходе многолетних религиозных исканий была апробирована мессианская идея, оказавшаяся неэффективной в кризисной ситуации первой половины VII в. Та же участь постигла и воскрешенный арабами–мусульманами ветхозаветный образ царя–первосвященника. Ему не дано было воплотиться в весьма сложной структуре многополярного византийского общества.

В конце концов, в империи вернулись к традиционному представлению о неизбежности сотрудничества светской и духовной властей, сформулированному еще в Евангелии: «Ἀπόδοτε οὖν τὰ Καίσαρος Καίσαρι · καὶ τὰ τοῦ θεοῦ τῷ θεῷ» [Мф. 22:21] – «возвратите кесарю кесарево, а Божье Богу».

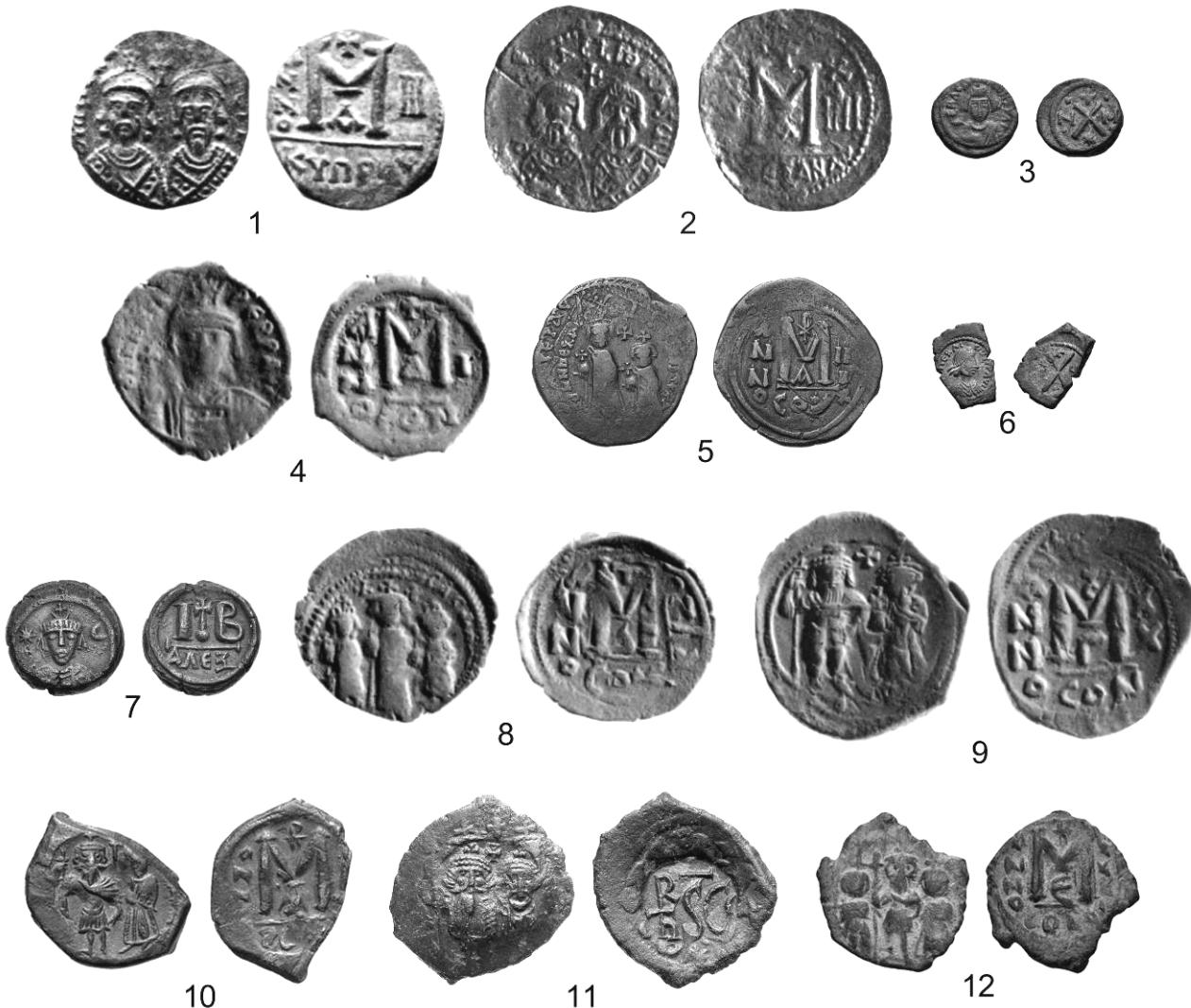
¹ Как, собственно и считал ее первооткрыватель И.И. Толстой [9, с. 775–776. № 282. Pl. 56,282].

Источники и литература.

1. Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. Петроград, 1918. Т. IV. – История церкви в период вселенских соборов.
2. Вальденберг В.Е. Государственное устройство Византии до конца VII века // Византийская философия. СПб., 2008. Т. 3.
3. Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008.
4. Геростригиос А. Юстиниан Великий – император и святой. М., 2010.
5. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб., 2002.
6. Лурье В.М. Александр Великий – «последний римский царь». К истории эсхатологических воззрений в эпоху Ираклия // Византинороссика. СПб., 2003. Т. 2. - Деяния царя Александра. Уникальный памятник средневековой торевтики из села Мужи Ямало-Ненецкого автономного округа. Материалы коллоквиума, проведенного Санкт-Петербургским Обществом византино-славянских исследований 10-12 сентября 1998 г.
7. Лурье В.М. История византийской философии. Формативный период. СПб., 2006.
8. Сидоренко В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590-668 гг.) // МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. X.
9. Толстой И.И. Византийские монеты. СПб., 1914. Вып. VII. – Монеты Константа II и Константина Погоната.
10. Удальцова З.В. Особенности экономического, социального и политического развития Византии (IV – первая половина VII в.) – В кн.: Культура Византии (IV – первая половина VII в.). М., 1984.
11. Чореф М.М. К истории монетного дела византийской Таврики в конце VI – начале VII веков [Электронный ресурс] // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2010 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2010» / Под ред. В.А. Трифонова, В.А. Иванова, В.И. Кузищина, Н.Н. Миленко. Севастополь, 2010. С. 143-147. Режим доступа: <http://www.msusevastopol.net/index.php?ac=science&science=public&public=sb2010&sub=public>
12. Чореф М.М. О возможности датирования раннесредневековых базилик Таврики по нумизматическому материалу, или к атрибуции т.н. «трехфигурных» монет таврического чекана // Христианство в регионах мира, 2010. Вып. 3 (в печати).
13. Gaji Suetonii Tranquilli Opera, et In Commentarius Samuelis Pitisci. quo antiquitates romanæ, tum, ab interpretibus doctissimis, Beroaldo, Sabellico, Egnatio, Ursino, Grutero, Torrentio, Casaubono, Marcilio, Boxhornio, Graevio, Babelonio etiam explicatæ, tum ab illis neglectæ, ex auctoribus idoneis permultis, græcis & latinis, veteribus & recentioribus, perpetuo explicantur: huic accedunt index auctorum, ... imperatorum, imperatoresque arctissimo gradu contingentium icones, & figuræ ex veterum monumentis ... Trajecti ad Rhenum [Utrecht]: Ex officina Francisci Halmæ, 1690. Vol. I.
14. Gaji Suetonii Tranquilli Opera, et In Commentarius Samuelis Pitisci. quo antiquitates romanæ, tum, ab interpretibus doctissimis, Beroaldo, Sabellico, Egnatio, Ursino, Grutero, Torrentio, Casaubono, Marcilio, Boxhornio, Graevio, Babelonio etiam explicatæ, tum ab illis neglectæ, ex auctoribus idoneis permultis, græcis & latinis, veteribus & recentioribus, perpetuo explicantur: huic accedunt index auctorum, ... imperatorum, imperatoresque arctissimo gradu contingentium icones, & figuræ ex veterum monumentis ... Trajecti ad Rhenum [Utrecht]: Ex officina Francisci Halmæ, 1690. Vol. II.
15. Grierson P. Byzantine Coins. London, 1982.
16. Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R. Bellinger and P. Grierson. Washington, 1968. Vol. II. P. II. – Heraclius Constantine to Theodosius III, 641-717.
17. Novellæ constitutiones post imperatorem Iustinianum (Ius graeco-romanorum) / Ed. Zachariae Bon Lingenthal. Leipzig, 1857. P. III.
18. Pliny Letters / Trans. W. Melmoth, Rev. W.M.L. Hutchinson. London, 1924. Vol. II.
19. Sabatier J., Cohen M.H. Description générale des monnaies Byzantines frappées sous les empereurs l'Orient depuis Arcadius jusqu'à la prise de Constantinople, par Mahomet II. Paris, 1862. T. I.
20. Scriptores historiae Avgustae. Ab Hadriano an Numerianum / Rec. H. Iordan, F. Eyssenhardt. Berlin, 1864. Vol. I.
21. Scriptores historiae Avgustae. Ab Hadriano an Numerianum / Rec. H. Iordan, F. Eyssenhardt. Berlin, 1864. Vol. II.
22. The Cambridge Ancient History / Ed. A.K. Bowman, P. Garnsey, A. Cameron. Cambridge, 2007. Vol. XII. – The Crisis of Empire, A.D. 193–337.
23. Theophylacti Simocattæ Historiae / Ed. C. de Boor. Lipsae, 1887.
24. Thephanis Chronographia / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. I – Textum graecum continens.

Сокращения.

- МАИЭТ** – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
SHA – Scriptores historiae Avgustae

Рис. 1. Медные монеты Ираклия I

1–3—периода восстания: 1,2—фоллисы чекана Кипра (1) и Александрии (2),
а также деканумий эмиссии Карфагена (3);

4—фоллис первого года правления, чекан Константинополя;

5—фоллис Ираклия I и Ираклия II Константина третьего года правления,
чекан Константинополя;

6—декануммий Ираклия I, чекан Константинополя;

7 — монета в двенадцатьnummов, чекан Александрии (620-е гг.);

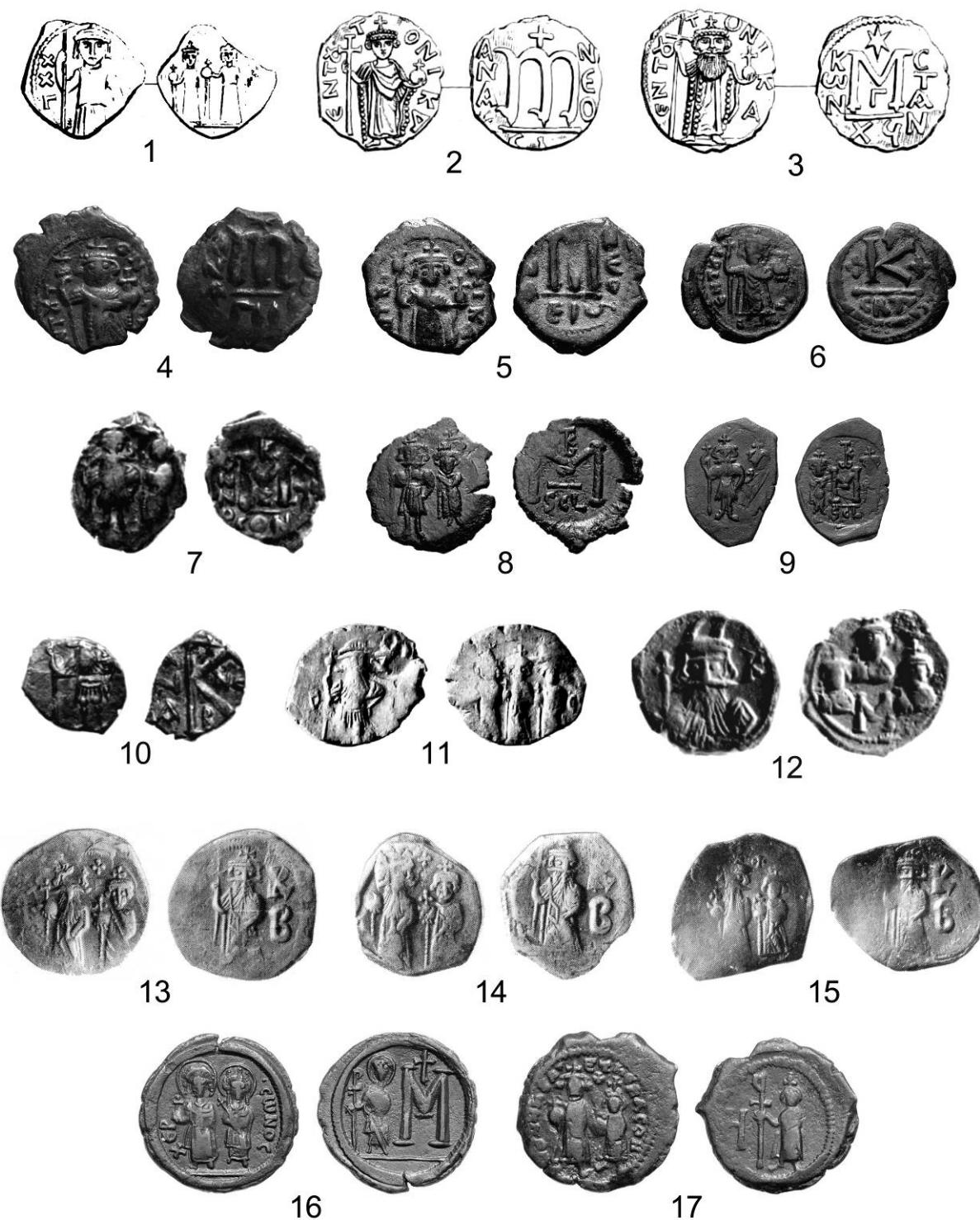
8—фоллис Ираклия, Ираклия II Константина и Мартини (615–624 гг.),
чекан Константинополя;

9—константинопольский фоллис Ираклия I (630 г.);

10—фоллис 631–640 гг., чекан Константинополя;

11—сицилийский фоллис, выпущен в последние годы правления Ираклия I;

12—константинопольский фоллис 640–641 гг.

Рис. 2. Медные монеты наследников Ираклия I

1—фоллис Ираклона;

2—7—фоллисы Константа II серии «Ἐν τούτῳ νίκας», чекан Константинополя;

8, 9—фоллисы 650-х гг. сицилийской чеканки;

10—константинопольский гемифоллис 655—656 гг.;

11—константинопольский гемифоллис 659—668 гг.;

12—фоллис последних лет правления Константа II, чекан Константинополя;

13—15—боспорские фоллисы Константа II;

16—17—таврические фоллисы с изображением св. Юстиниана на реверсе.

V

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

**СТАТЬЯ А.Л. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРДА
«КАК ВЛАДИМИР ОСАЖДАЛ КОРСУНЬ»: ТЕКСТ И КОММЕНТАРИЙ**

ХАПАЕВ В.В.

Филиал МГУ в г. Севастополе

Александр Львович Бертье-Делагард (1842-1920) завершил свой жизненный и творческий путь более 90 лет назад. Однако обширный массив его трудов по-прежнему является неотъемлемой частью историографии истории древнего и средневекового Крыма. Его труды усердно изучаются, с их автором по-прежнему остро полемизируют исследователи Херсонеса, памятников горного Крыма, Южнобережья и Боспора.

Судьба многих его публикаций сложилась счастливо, особенно – с появлением обширных Интернет-библиотек старинных изданий (в том числе периодических). В наши дни в свободном доступе находятся все без исключения выпуски Записок Одесского общества истории и древностей, Отчетов и Известий императорской археологической комиссии, Материалов по археологии России, в которых опубликована большая часть трудов А.Л. Бертье-Делагарда. За это научное сообщество должно выразить глубокую признательность научной библиотеке Национального заповедника «Херсонес Таврический» и осуществляющему ею проекту *«Bibliotheca Chersonessitana»* (www.library.chersonesos.org), в рамках которого опубликованы фотокопии вышеупомянутой периодики.

Гораздо менее повезло одной из важнейших в творчестве А.Л. Бертье-Делагарда, крупнейших по объему и наиболее полемических статей – «Как Владимир осаждал Корсунь». Эта статья была опубликована в малотиражном сборнике «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», который на сегодняшний день доступен только в крупнейших библиотеках стран СНГ. И несмотря на то, что ссылки на эту статью присутствуют практически во всех публикациях, затрагивающих тему Корсунского похода, истории и археологии Византийского Херсона X-XI вв., большинство из них являются перекрестными, т.е. авторы знакомились не с оригиналом статьи, а с ее упоминаниями и пересказами в иных изданиях. Поисковые системы Яндекс и Google выдают по 40 прямых ссылок на запрос *«Бертье-Делагард А.Л. Как Владимир осаждал Корсунь»*, но подавляющее их большинство это – ссылки на библиографические списки, а не на научную критику.

Из-за малотиражности сборника, в котором была опубликована статья, она не стала предметом широкой дискуссии ни в дореволюционные, ни в советские годы. Более того, статьи, в которых можно обнаружить подробное научное оппонирование идеям А.Л. Бертье-Делагарда, были опубликованы, в основном, в крымской научной периодике. В качестве примера приведу статью П.В. Маслова «Поход св. князя Владимира на Корсунь»

1916 г. в ИТУАК [14] и публикацию Б.Д. Грекова «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь» 1929 г. в Известиях ТОИАЭ [7].

Столь малое внимание к труду А.Л. Бертье-Далаграда, являющемуся этапным как в творчестве самого исследователя, так и в истории изучения Корсунского похода, привело к тому, что многие высказанные в ней гипотезы, особенно в части геополитической реконструкции связанных с Корсунским походом событий, остались незамеченными. В дальнейшем развитие русско-византийских отношений рубежа X-XI вв. изучалось практически без учета выкладок А.Л. Бертье-Делагарда, за исключением явно ошибочной (и впоследствии широко растиражированной) гипотезы о тайном посольстве Василия II к Владимиру в 986 г. с просьбой о военной помощи и предложением руки принцессы Анны.

Более пристальное внимание на статью обратили археологи, точнее, на ту ее часть, где обсуждается топография осады Херсона Владимиром [см. например: 7; 35; 36; 21; 22].

Но, как показало время, многие историко-политические гипотезы А.Л. Бертье-Делагарда оказались верными и четко укладываются в современную парадигму изучения русско-византийских отношений.

Вышесказанное предопределило наше стремление сделать статью «Как Владимир осаждал Корсунь» доступной широкой научной общественности: как в нашей стране, так и за рубежом. Поэтому, была подготовлена предлагаемая ниже публикация полного текста статьи с обширными комментариями по полемическим вопросам, требующим, на наш взгляд, продолжения (или возобновления) научной дискуссии.

При подготовке статьи к публикации авторская стилистика была полностью сохранена, а орфография и пунктуация приведены в соответствие с требованиями современного русского языка. В соответствии с традициями нашего сборника, сохранена нумерация страниц первой публикации (**она приведена красным цветом в круглых скобках**), полностью сохранен (в том числе и оформительски) использованный автором научный аппарат и первоначальные номера ссылок (они приводятся в тексте черным цветом). **Красным цветом** приводятся номера ссылок (**как авторских, так и комментарии публикатора**) настоящей публикации.

Таким образом (и это тоже стало для нас традицией), мы даем возможность исследователю ссылаться как на страницы оригинальной публикации, так и на наше переиздание, в соответствии с его свободным выбором.

Синим цветом в примечаниях публикатора выделены ссылки на источники и литературу, использованные публикатором (их список приводится ниже).

Публикатор выражает глубокую признательность студентам отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе О.В. Дудке, Е.А. Лесной и М.И. Тюрину за техническое содействие в подготовке этой статьи к публикации.

Источники и литература (использованные публикатором во вводной статье и комментариях).

1. Антонова И.А. Оборонительные сооружения // НА НЗХТ. Д. 1606. Отчет о раскопках портового квартала и оборонительных сооружений Херсонеса в 1966 г. Ч. II, л. 1-55.
2. Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции ЛОИА в 1976 г. // НА НЗХТ. Д. 1904, 37 л.
3. Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции ИА АН СССР в 1977 г. // НА НЗХТ. Д. 1910, 29 л.
4. Богданова Н.М. О значении точного прочтения исторического источника // ВВ. 1989. Т. 49. С. 195-201.
5. Вилинский С. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Ч. 2. Тексты // Записки Новороссийского ун-та: Историко-филологический ф-т. Одесса, 1911. С. 179-208.
6. Голубинский Е. История русской церкви. М.: Университетская тип., 1901. Т.1. Ч 1. 884 с.
7. Греков Б.Д. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь // Изв. ТОИАЭ. 1929. Т. 3 (60). С. 99-112.
8. Константин Багрянородный. Об управлении империей / [ред. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцева]. М.: Наука, 1989. 496 с.
9. Костомаров Н.И. Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях. // Костомаров Н.И. Раскол: Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1994. С. 5-130.
10. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л.: Изд-во АН СССР, 1926-1928. Т. 1. Изд. 2-е. 579 стлб.
11. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.: Тип. имп. АН, 1896. 143 с., 13 табл.
12. Лев Диакон. История / [пер. М.М. Копыленко]. М. : Наука, 1988. 240 с.

13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. IX. 288 с.
14. Маслов П.В. Поход св. князя Владимира на Корсунь // ИТУАК. № 53. Симферополь: тип. Тавр. туб. Земства, 1916. С. 7-37.
15. Отчет императорской археологической комиссии за 1890 год. СПб: Тип. Гл. упр. уделов, 1893. 142 с.
16. Повесть Временных лет. Ч. II. Приложения. / [Статьи и комментарии: Д.С. Лихачев]. М.,Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 556 с.
17. Пономарев А.Л., Сериков Н.И. 989 (6496) год – год Крещения Руси (филологический анализ текстов, астрология и астрономия) // Причерноморье в средние века. М.: Московский университет, 1995. Вып. 2. С. 156-185.
18. Поппэ А.В. О причинах похода Владимира Святославича на Корсунь 988-989 гг. // Вестник Московского университета. 1978. № 2. С. 45-58.
19. Пятышева Н.В. «Земляной путь» рассказа о походе Владимира на Корсунь // СА. – 1964. № 3. С. 104-114.
20. Романчук А.И. Западный загородный храм Херсонеса // ВВ. 1990. Т. 51. С.165-171.
21. Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 390 с.
22. Романчук А. И. Исследования Херсонеса-Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы: в 2 ч. Ч. 2: Византийский город. Екатеринбург: УрГУ; НПМП «Волот», 2007. 664 с.
23. Рыжков С.Г., Седикова Л.В. Комплексы Х в. из раскопок квартала Х «Б» Северного района Херсонеса // ХСб. 1999. Вып. X. С. 312-329.
24. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков: Майдан, 2000. 828 с.
25. Сорочан С.Б. Об архитектурном комплексе фемного претория в византийском Херсоне // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 108-121.
26. Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1-2. [Отв. ред. Г. Ю. Ивакин]. Харьков: Майдан, 2005. 1648 с.
27. Страбон. География в 17 книгах. М.: Наука, 1964. 944 с.
28. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX-XI вв) / под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клениной // ХСб, 2006. Supplement 1. Севастополь, 2006. 240 с.
29. Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII-середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
30. Хапаев В.В. Славянская диаспора в средневековом Крыму: к преодолению историографических иллюзий // Сугдейский сборник. Вып. III. К.-Судак: Академпериодика, 2008. С. 238-249.
31. Хапаев В.В. Корсунский поход князя Владимира в контексте византийской смуты 70-80-х гг. X века // III Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сборник научных работ. Т.II. Севастополь: Гит пак, 2009. С. 167-177.
32. Хапаев В.В. Поход Владимира на Корсунь // Родина. 2009. № 10. С. 102-104.
33. Хапаев В.В. Поход Владимира на Корсунь (окончание) // Родина. 2009. № 11. С. 44-45.
34. Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении князя Владимира. СПб.: Изд-во имп. АН, 1906. 126 с. (Сборник в честь В. И. Ламанского. отд. отт.).
35. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес // МИА. 1950. №.17. 256 с.
36. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. №. 63. 364 с.

Сокращения (использованные публикатором во вводной статье и списке литературы).

АДСВ –	Античная древность и средние века
ВВ –	Византийский временник
Изв. ТОИАЭ –	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК –	Известия Таврической ученой архивной комиссии
МИА –	Материалы по истории и археологии СССР
НА НЗХТ –	Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический»
ПСРЛ –	Полное собрание русских летописей
СА –	Советская археология
ХСб. –	Херсонесский сборник

КАК ВЛАДИМИР ОСАЖДАЛ КОРСУНЬ¹

А.Л. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД

(С.241): Крещение Руси, изначально или последовательно, находится в прямой связи с Корсунем, а чрезвычайная важность этого события определяет особую к нему внимательность наших историков, не пренебрегавших в этом вопросе самыми мелкими объяснениями. Наиболее существенную частью по всем этом было взятие самого Корсуня, а потому Начальная летопись и украсила его писание разными обстоятельствами, правильное объяснение и понимание которых имеет значение во многих отношениях. Мелкие подробности осады и взятия города издавна объяснялись многоразлично, а в последнее время они, вместе со всею легендой о крещении Руси, подверглись всестороннему рассмотрению академика А.А. Шахматова¹⁾² и, отчасти, г. Шестакова²⁾³. Новый свод Корсунской легенды академика Шахматова, по этому вопросу, в значительной мере основан на особом понимании подробностей осады Корсуня. Однако, эту осаду ни старые, ни новые толкования не обставили вполне ясно. Они не согласованы с военным существом дела и с местными особенностями, наглядно представляющимися в рассмотрении топографических условий самой местности вокруг Корсуня и данных от раскопок на руинах этого города. Мне уже приходилось касаться этого вопроса, но лишь случайно и косвенно поэтому самому не- (С.242): достаточно наглядно и определенно¹⁾⁴ и я думаю, что теперь не бесполезно будет пересмотреть весь этот вопрос вновь, подробнее и последовательнее. Такой пересмотр может дать меру военного искусства древней Руси во времена Владимира, он же покажет, насколько допустимы те понимания летописей, которые основаны на толковании событий самой осады города.

У нас были историки, полагавшие, что весь летописный рассказ о взятии Корсуня есть чисто песенный вымысел.⁵ Едва ли теперь возможно удержаться на таком крайнем положении, хотя бы уже потому, что самое взятие Корсуня и вслед за тем женитьба Владимира на сестре царей Визан-

¹ Бертье-Делагард А.Л. Как Владимир осаждал Корсунь // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1909. Т. 14. Кн. 1. С. 241-307.

² 1) Корсунская легенда о крещении Владимира [отд. Отт. Из сборника ст. в честь В.П. Ламанского]; СПб. 1896.

³ 2) Памятники христианского Херсонеса, вып. III, Очерки по истории Херсонеса в VI-X веках по Р.Х., Москва, 1908.

⁴ 1) Раскопки Херсонеса, СПб., 1893, стр. 14, примеч.; О Херсонесе, СПб., 1907, стр. 116, Извест. Арх. Ком., 21 вып.

⁵ Автор, видимо, имеет в виду мнения Н.А. Костомарова, Е.Е. Голубинского и А.А. Шахматова. Н.А. Костомаров по этому поводу писал: «Вглядываясь в склад и дух сказания о походе Владимира под Корсунь, о взятии этого города, о сватовстве Владимира вслед за тем, мы увидим, что оно составлено под влиянием того же присущего народной поэзии образа молодца, добывающего город, наводящего страх на врагов и заставляющего давать себе дары, из которых одни вслед за другими отвергая, он выбирает самое дорогое, обыкновенно красавицу... Победитель Владимир требует себе именно того, чем удовлетворяется герой наших колядок – девицы... Объявление, сделанное Владимиром Корсунцам “если не сдадитесь, буду стоять три года”..., сразу отзывается народной поэзией уже и потому, что здесь число три выступает на первый план. Пущение стрелы с надписью о перерыве воды есть такой, можно сказать избитый образ, который легко найти и прежде, и после Владимира... Принимая все это во внимание, мы считаем весь рассказ о взятии Корсуня чисто песенным вымыслом» [9, с. 100-101]. Е.Е. Голубинский вторил ему: «... неумолимый долг историка заставляет нас сказать, что повесть эта не заключает в себе ничего истинного, что она есть позднейший вымысел, по всей вероятности, не русский, а греческий» [6, с. 105]. А.А. Шахматов, автор термина «Корсунская легенда», считал ее поздним и «искусственным произведением, построенным не на фактическом, а на чисто литературном материале» [34, с. 5-6]. (прим. публ.).

тии не подлежит сомнению. Скорее, казалось бы, можно допустить вымысел мелких подробностей летописной осады, а потому и отбросить их, как то делают новейшие исследования. Знающие местные условия, конечно, никогда не согласятся с таким решением, потому что в этих подробностях указаны черты столь сходные с тем, что могло быть в Корсуне, с его местностью, его морем, его стенами, что неизбежно приходится видеть в них сказанное и сделанное лицами, бывшими на месте и превосходно осведомленными со всеми сторонами этого вопроса. Не могла же осада произойти без каких либо частных событий, так или иначе влиявших на сдачу города, способствовавших его покорению, и я попробую показать, что о ней обычные рассказы «Начальной Летописи» или «Жития Влад. особ. сост.», во всех мелких подробностях, вполне ясны и точны, не заключая никакого противоречия ни в самих себе, ни с внешними условиями, следовательно, на их основе можно сделать описание осады города. Возможно предположить, что здесь, выдумывая, старались о точном правдоподобии, но к чему прибегать к столь сложному приему когда хорошо была известна и подлинная правда.

«Повесть Вр. Лет» так выражается об осаде Корсуня¹: «Въ лѣто 6496, иде Володимеръ съ вои на Корсунь градъ Греческій, и затвори- (С.243): шеся Корсуняне въ градѣ; и ста Володимеръ объ онъ полъ города в лимени, дали града стрѣлище едино, и боряхуся крепко изъ града, Володимер же обѣстоя градъ. Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражданомъ: «аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта». Они же не послушаша того. Володимеръ же изряди воа свое, и повелъ приспу сыпати къ граду. Симъ же спущимъ, Корсуняне, подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую персть и ношаху к собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града; воини же присыпаху боле, а Володимеръ стояше. И се муж Корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настас, напсав сице на стрѣле: «кладязи, яже суть за тобою отъ востока, ис того вода идетъ по трубѣ, копавъ переими». Володимеръ же се слышавъ, возвѣвъ на небо, рече: «аще се ся сбудеть, и самъ ся крещю». И ту абы повелъ копати прекі трубамъ, и преяша воду; людье изнемогоша водною жажею и предашася».

Этот подробный рассказ надобно разделить на несколько моментов, для более удобного разбора и сравнения. Мы видим, что здесь указаны: 1) Покорение; 2) Стан в заливе [лимени], близ города; 3) Обстояние [обложение] города с суши; 4) Угрозы; 5) Активные действия осаждающего в виде каких-то замысловатых работ и безуспешность их; 6) Сообщение стрелой о водопроводе, перенятие воды и сдача города от жажды.

В исследовании Корсунской легенды академик А.А. Шахматов полагает, что многие подробности осады, показанные в «Нач. Лет.», неверны и должны быть иначе изложены, по «Жит. ос. сост.». А именно соответствующее место так читается:¹⁾²

«Кнѧзь же Владимиръ въбѣрзъ събира воя своя, Варяги и Словѣны и Кривичъ и Бѣлгары Чѣрныѣ и иде на Корсоунъ, градъ Грѣческыи, и затвориша Корсоуняне въ градѣ. И ста Владимиръ объ онъ полъ града въ лимени, въдале града стрѣлище едино. И боряхауся крѣпко граждане. И

¹ 2) Лаврентьевская, под 6496 г.

² 1) Шахматов, ор. с., 110. (На самом деле автор цитирует здесь не Житие особого состава (два его варианта опубликованы на С. 46-49 труда А.А. Шахматова [34]), а текст реконструированной Шахматовым гипотетической первоначальной «Повести о крещении Владимира». Эта реконструкция основана не только на «Житии особого состава», но и на текстах Новгородской 1-й летописи Младшего извода и «Повести временных лет» по Лаврентьевскому, Радзивилловскому, Ипатьевскому, Хлебниковскому спискам, с учетом сведений, сообщаемых Обычным и Чудовским вариантами Жития св. Владимира, «Слова о том, како крестися кнѧзь Владимиръ», Тверской и Переяславской летописями и Торжественником Румынского музея № 435 (прим. публ.)

рече Владимиръ къ гражданомъ: аще ся не въдасте, имамъ стояти съде за три лѣта. Они же не послоушаша того. И стояше Владимиръ бѣ мѣсяцъ, и не истомиша гладъмъ Корсоуняне. Бѣ же въ Корсоуни моужъ ([С.244](#)): Варяжанинъ, именъмъ Жьдѣбернъ. Сии же стрѣли въ пѣлкъ къ Варягомъ и рече: донесѣте стрѣлоу сио кѣнязю Владимиру. Напыса же сице на стрѣль: кѣняже Владимире, приятель твои Жьдѣбернъ великоу сягоу имѣть къ тебѣ, нѣ о семь ти възвѣщаю: аще стоиши ты съ силою подъ градъмъ годъ или дѣва или три, не имаши гладъмъ истомити Корсоуня; корабльници бо приходять поутъмъ землянымъ съ питиемъ и съ кѣрмъмъ въ градъ, есть же поутъ тъи оу твоего воинъства отъ вѣстока. Кѣнязъ же Владимиръ, оувѣдѣвъ поутъ Варяжинъмъ, абие повелъ и прекопати. И люди изнемогоша гладъмъ и водъною жаждею и по трыхъ мѣсяцихъ предашася».

Разлагая этот рассказ на моменты согласно объяснений г. Шахматова [подчеркиваю не сходные с первым изложением], мы получим: 1) Поход; 2) Стан в заливе близ города; 3) Блокада только с моря; 4) Стояние 6 месяцев, угрозы; 5) Сообщение стрелой о провозе корма, перекапывание пути; 6) Сдача города от голода и жажды.

Между первым и вторым изложением усматриваются существенные различия, следовательно недостаточно только объяснить летописные показания, приходится еще и сделать выбор между ними; поэтому всего лучше будет рассмотреть их по порядку, сразу оба изложения, в логической их последовательности, сравнивая и вместе с тем давая пояснения общего свойства.

1) *Поход*. В летописных показаниях нигде не говорится прямо: был ли поход Владимира под Корсунь сухопутный или морской. Известны набеги russов на берега Черного моря и прочное, давнее торговое движение из Киева в Царьград и обратно, по Днепру и морю, причем самъ этот путь носил название «Греческого»¹⁾¹. С другой стороны, какого либо сухопутного похода в Тавриду мы не знаем и тягости его, для большой дружины, должны были быть чрезвычайны, по трудной проходимости степей с враждебными кочевниками. Косвенно и вышеприведенные слова «Нач. Лет.» тоже указывают на поход морем; там говорится: «ста объ онъ полъ града в лимени», т.е. в заливе, в гавани. Отсюда еще Карамзин заключал о мор- ([С.245](#)): ском походе ¹⁾². Однако, само по себе указание лимана не решает дела, так как можно стать в заливе, придя туда и сухим путем, но в таком случае совсем невозможно объяснить, как могла эта стоянка быть названной лежащей «объ онъ полъ града», т.е. по ту сторону города. Такое обозначение положения залива, по местным условиям, понятно только применительно к направлению морского подхода к городу с севера, как пояснится далее. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что поход был морской.

Не невозможно предполагать, что подобные походы в Таврику шли через Азовское море²⁾³, но, вообще говоря, этот путь слишком кружен и едва ли даже осуществим для сколько ни будь значительных дружин, по крайней мере во времена Боплана казаки этим путем ходили редко и то малым числом лодок, конечно, меньших размеров, чем обычные их члены³⁾⁴.

Делались предположения о походе под Корсунь из Тмутаракани, но кроме физической возможности, на то нет каких-либо указаний. Это выражение вынуждалось необходимостью чрезвычайно ускорить осаду Корсуня.

¹⁾ Ипатская, под 6678 г.

²⁾ Карамзин, Ист. Гос. Рос., I, гл. IX, примеч. 449.

³⁾ Брун, Следы древн. речн. пути из Днепра в Азовское море, Черноморье, I, 98; Барсов, Очерки ист. географ., 2-е изд., 21.

⁴⁾ Beauplan, Description d'Ukraine, 1660, 60; также замечания Бурачкова в «Зам. по древн. геогр.», Геогр. Извест., XI, 318.

ня для согласования ее с иными предположениями, в чем мне надобности не видится. Не имея указаний на пребывание Владимира когда-либо в Тмутаракани, не полагаю возможным думать, что он ушел так далеко от всех своих сил и средств именно в самую горячую пору переговоров с царями, посыпки им вспомогательных отрядов и неизвестности чем все это кончится. Такое удаление тем более невероятно, что для бытия в Тмутаракани весной надо было уйти из Киева еще летом предыдущего года.

Бурачков думал о походе Владимира под Корсунь сухопутьем, от Днепра, т.е. его низовьев, не высказываясь точнее и определеннее⁴⁾¹. Это предположение, однако, ничем не было доказано. Спуститься ([С.246](#)): в низовья Днепра на лодьях, преодолев все трудности порогов, а затем бросить столь удобный и налаженный водный способ, пойти сухопутьем, по пустынным, частью даже безводным местам северной Тавриды и к ней прилегающих степей, дело едва ли вероятное.

Из сказанного заключаю, что поход Владимира был не только морской, но и шел именно по Днепру, обычным греческим путем, а затем вдоль берегов Тавриды.

Сила дружины Владимира в этом походе ни в каком источнике не показана; приходится определять ее и число судов лишь по догадке. Ранее бывшие походы в Царьград не могут служить образцами, тем более, что указания числа судов и воев Олега, Игоря или Святослава, крайне преувеличены¹⁾²; во всяком случае, вести большую рать только на такой далеко заброшенный, оторванный от всякой возможной помощи, предоставленный одним своим силам и хорошо известный город, как Корсунь, не было повода, если даже и была возможность. Мне кажется, что число воев Владимира в устьях Днепра было не более шести-восьми тысяч и эти силы получаются из соображений приводимых далее. Брать под Корсунь даже и такую рать не было ни малейшей военной надобности, а между тем содержать ее в столь мало плодородном месте, как окрестности Корсуня, трудно, чего не мог не знать Владимир. Я думаю, что под Корсунь пошло не более пяти – шести тысяч, на полуторастах-двухстах лодьях. С такими же или немного большими силами [200-360 лодей, что точно известно, ибо показано и греками, всячески такие сведения преувеличивавшими] Аскольд и Дир были под Царьградом, ворвались в Золотой Рог и обложили город²⁾³. Небольшой Корсунь, судя по его площади и постройкам, в ту пору не мог иметь более десяти тысяч жителей, всего³⁾⁴, следовательно для него и такие силы Владимира были слишком велики, но они и собраны были не для Корсуня.

¹⁾⁴ Бурачков, О зап. Готского топарха, Ж. Мин. Нар. Пр., 1877, июль, 226.

²⁾¹ Даже и в походе Олега едва ли были более десяти тысяч; см. Ламанский, Славянское жит. св. Кирилла, Ж. Мин. Нар. Пр., 1904, январь, 142-143.

³⁾² Лаврентьевская, под 6374 и 6479; Лопарев, Свид. О полож. ризы Богор., Виз. Врем., II, 614-619.

⁴⁾³ Более подробно «Раскопки Херс.», 10, прим. 5.

В указанном примечании А.Л. Бертье-Делагард пишет: «Для ясности последующего замечу, что площадь города внутри крепостных стен заключает около 70.000 кв. саж.; из этого числа около четверти не было застроено, представляя пустырь, отчасти покрытый могилами и горюю городского мусора. Если из застроенных пространств исключить около четверти (судя по вскрытым местам) под площади и улицы, то останется не более 35.000 кв. саж. под домами и дворами; отсюда следует, что фантазия Дюбуа де Монпере, предположившего существование в Херсонесе 5000 домов и 50000 жителей безмерна. Судя по сделанным раскопкам, можно считать, что во всем городе от одной до полутора тысяч лачужек и от пяти до десяти тысяч жителей. Я говорю о том городе, развалины которого нам достались, а не о каком-то возможном, но нам неизвестном». По подсчетам С.Б. Сорочана [26, с. 1218], население Херсона в X в. составляло примерно 5-6 тысяч человек. А.И. Романчук [22, с. 559] полагает, что в Херсоне X в. обитало 4725-5580 жителей и насчитывалось не более 1000 домовладений. Однако накануне осады численность населения города могло существенно измениться, причем, динамика этого изменения представляется очень сложной. Боеспособные горожане, узнав о приближении врага по морю, могли отправить своих небоеспособных домочадцев (детей, старииков, частично женщин) в горные районы полуострова – к родственникам и знакомым, чтобы уберечь их от опасности

(С.247): Морскую силу Владимира составляли самые простые и грубые лодьи; их улучшенные последования были челны казаков, описание и рисунок которых показаны Бопланом¹⁾¹. Казачьи челны были длиной 60, шириной 10-12, полной глубиной 12 футов. В каждом таком челне находилось 50-70 человек, с вооружением, маленькими пушками [фалкопетами] и припасами. По лодьям руссов людей было менее, не более 40 человек на каждой²⁾², а следовательно, самые лодьи были меньшего размера, как и должно быть, потому что на них приходилось спускаться по всем порогам и, частью, тащить их волоком, чего не делали казаки с челнами, начиная плавание ниже порогов.

Не без значения и время года, в которое начался поход. Военный историк кн. Голицын полагал, что Владимир был под Корсунем в конце апреля, но это предположение невероятно³⁾³. Уже и в древности Вегеций [конец IV века] для крепких, больших военных судов указывает, даже в мягком Средиземном море, что верное плавание возможно только с половины мая до начала сентября⁴⁾⁴. По исключенному правилу, доставшемуся от византийцев, конечно, а тем от еще более древних времен, на Черном море суда следовали подобному же условию, не выходили из портов ранее дня св. Георгия, т.е. 23-го апреля⁵⁾⁵, но и это условие касается крепких, настоящих морских судов, а не самодельных, речной постройки лодей и челнов. Для последних казаки держались правила выходить после начала июня⁶⁾⁶. Что близко того же правила держались в Варяго-Руссы, видно из по-(С.248): хода Аскольда и Дира, подступивших в 860 году к Царьграду 18-го июня¹⁾⁷. Игорь также был у этого города 11 июня, в 941 г.²⁾⁸ Из устьев Днепра они, стало быть, выходили около половины июня, так как на переходе по морю в удобное время довольно двух-трех дней³⁾⁹. Все это имеет глубокое основание в свойствах Черного моря, где даже в мае погоды еще не очень надежны, особенно для таких невежественных речных посудин, как лодьи киевлян или челны казаков. Думаю, что снарядить все в Киеве, на пути по несколько раз перегружаться, перетаскиваться в порогах, собраться в устье Днепра, там вновь переснарядиться, вычиниться, пополнить снабжение; устроить больных, занимало очень много времени, едва ли менее, чем до конца мая. Допустим, что в море могли выйти несколько ранее, потому что шли на Корсунь под берегами, но все же не могли к нему подойти прежде начала июня. Немногим ранее можно предположить начало осады, если допустить поход не из Киева, а из Тмутаракани⁴⁾¹⁰: выход в море и прибытие в Корсунь не скорее кон-

---

и уменьшить количество едоков в городе. С другой стороны, население ближней хоры могло искать убежища за стенами города. Но данных, которые позволили бы реконструировать вызванные военной опасностью миграции населения Херсона и Херсакея как по количеству людей, так и по половозрастному признаку, у нас нет. Тем не менее, логично предположить, что в осажденном Херсоне было больше боеспособных мужчин, чем обычно, и меньше стариков и детей (прим. публ.).

¹⁾ Beauplan, op. c. 55, 58.

²⁾ Ипатская, под 6415 г. В переговорах Олега с греками, показанное число не только кораблей, но и воинов в них, конечно, преувеличено. У норманнов тоже бывало, вообще говоря, не более 40 человек на судно, кроме редких исключений.

³⁾ Голицын, Речн. и морск. поход Влад., Рус. стар. 1889, октябрь, 187.

⁴⁾ Inst. rei milit., 1. v., cap. IX.

⁵⁾ Chardin, Voyage en Perse, èd. 1811, I, 121; Подробнее д. Асколи, Опис. Черн. моря, примеч. 14, Зап. Од. Общ. Ист. и Др., XXIV.

⁶⁾ Beauplan, op. c. 58; «après la S. Jean», т.е. 24 июня по новому стилю, 14-му, нашего.

⁷⁾ Ламанский. Жит. св. Кирилла, Ж. М. Нар. Пр., 1903, декабрь, 392. Лопарев, Свидет. о Полож. ризы Богородицы, Виз. Врем., II, 582, 623; Васильевский, Год первого нашествия русских на Конст., Виз. Врем., I, 258.

⁸⁾ Веселовский, Видение Василия Нов., Ж. Мин. Нар. Пр., 1889, январь, 80; По Воскрес. списку, 10-го июня были у берегов Вифинии.

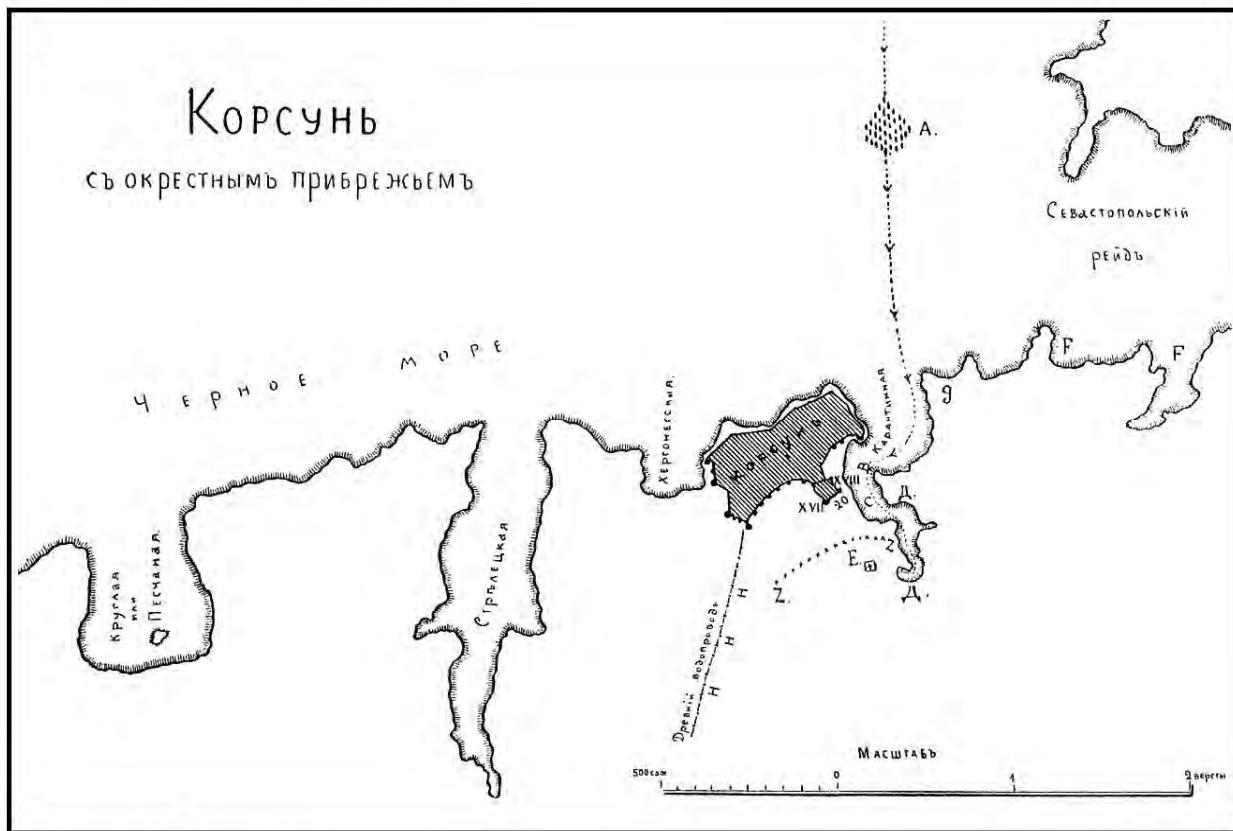
⁹⁾ Казаки, в выбранное ими время, из устьев Днепра доходили до берегов Анатолии в 36-40 часов. Beauplan, op. c. 58.

¹⁰⁾ Соболевский, В каком году крестился св. Владимир, Ж. Мин. Нар. Пр., 1888, июнь, 401, примеч.

ца мая. Впрочем, есть вероятие, что по иным, особым причинам, о чем далее, осада началась гораздо позже, в конце лета.¹

2) Стан дружины в лимане близ города. Этот момент похода определяется летописью весьма кратко: «и ста Володимеръ объ онъ полъ града в ли мени, дали града стрѣлище едино», но выдумать симоль подробное и точное топографическое показание невозможно. Толковали это речение различно, но если обратить внимание на топографические особенности Корсуня и морских берегов вокруг него, то это показание окажется как нельзя более точным и понятным. Для лучшего понимания (C.249): этого основного вопроса описания осады города, прилагаю небольшую карту, с современными названиями ближайших прибрежий вокруг Корсуня.

А. Бертье-Делагардъ. Какъ Владимиръ осаждаетъ Корсунъ.

Изъ собр. И. Огд. И. А. П., т. XIV (1869), чи. 1.

Флот Владимира, держась берегов Тавриды, идя кратчайшим путем, мог подходить к Корсуню только в направлении прямо с севера на юг, как показывает линия точками на карте. На виду Корсуня он был в точке А той же линии, а для того чтобы в отношении своего направления оказаться «объ онъ полъ града», т.е. по ту сторону города, он должен был войти в гавань, в залив, в лиман Корсуня, в нынешнюю Карантинную бухту, пройти мимо города и стать в глубине бухты в Д-Д карты; только здесь он был *по ту сторону города* и никакого иного решения нельзя придумать.²

¹ Приведу дополнительный аргумент в пользу того, что Корсунский поход начался в конце лета или начале осени. В Плигинской редакции «Жития Владимира особого состава» среди воинов князя упоминается «черный люд», т.е. крестьяне: «Кнзъ ж Владимиръ вборзе собра воеводы своя Варягі і Словяны і Кривичи и Болгары и с черными людми, поиде в Корсун, і осади град» (цит. по: [34, с. 46]). Если эта информация верна (а ее опровергений источники не содержат), то следует предположить, что крестьяне могли отправиться в поход только после уборки урожая (прим. публ.).

² Действительно, стоянка в глубине Карантинной бухты очень удобна и защищена от ветров, что было важно для сохранения людей Владимира, особенно в зимний период. Но предположение А.Л. Бертье-Делагарда о возможности прорыва росов вглубь главной херсонесской гавани представляется совершенно невероят-

В этих словах полагали видеть указание пристани с западной стороны города, в Круглом заливе [т.е. вероятно в Херсонесском]¹⁾¹⁾. На карте легко усмотреть, что подлинный Круглый залив лежит от города далеко к западу, а Херсонесский [Круглый авторов], хотя и прилегает к городу, но в направлении пути от Киева лежит в стороне от города, а не по ту сторону его; к тому же этот залив совершенно негоден для стоянки судов по своей полной открытости, ничтожной величине и мелководью; заливом это место величает лишь щепетильность современных карт, в действительности же это ничтожная выщербина берега. Вся эта бухточка находится под выстрелами и на виду с городских стен; даже очень малому флоту тут совсем не поместиться. Осаждающим требовался залив хорошо укрытый, достаточно большой и лежащий у самого города; этим условиям удовлетворяла вполне самая бухта, которая служила портом, лиманом городу [Карантинная]. В ее верховыи и по берегам, вне выстрела, даже из тяжелых тогдашних камнеметов, легко помещается, только в один ряд, более двусот лодей, а если поставить их в несколько рядов и часть вытащить на берег, как то всегда и делалось, то поместится и вдесятеро больше. Стоянка здесь безусловно, (С.250): тищейшая, при каких бы то ни было погодах, мало того, с точки зрения чисто осадной, он и весь стан вокруг были за горой, вне какого либо наблюдения из города, а стоило пройти двести-триста шагов, как с командующих высот Z-Z' открывался весь город, даже его внутренность, как на ладони. Тут же, к этой же бухте, прилегала и наиболее уязвимая часть

ным. Во-первых, потому что этот прорыв не мог быть внезапным для херсонитов: берег к северу от Херсонеса отлично просматривается на десятки километров. Кроме того, херсониты имели свои эмпории в устье Днепра: о них говорится в русско-византийском договоре 945 г. [10, стлб. 50-51]. Известно, что в 941 и 944 гг. именно херсониты предупредили Константинополь о нападении росов.

О донесении 941 г. сообщает Житие св. Стефана Нового: «... а через несколько дней распространилась весть во дворце и между жителями города (Константинополя – В.Х.) об их набеге на нас, а через несколько дней херсонский стратиг прислал василевсу донесение, заявлявшее о том, что они уже приближались к этим областям» [5, с. 201].

О донесении 944 г. говорится в ПВЛ: «Игорь же совкупивъ вои многи . Вар⁴ги Русь и Поланы . Словѣни и Кривичи . и Тѣверьцѣ и Печенѣги [наа] . и тали оу нихъ поа . поиде на Греки въ лодыа^х и на конихъ хота мъстити себе . се слышавше Корсунци . послаша къ Раману глыце . се иде Русь бѣ-щисла корабль » [10, стлб. 45].

Соответственно, в 987 г. херсониты не могли не заметить похода неприятеля на их собственный город. Даже если предположить, что херсонесская гавань не была защищена цепью (а это маловероятно), упоминаемые в древнерусских источниках кубары (тяжелые византийские корабли) херсонитов могли достаточно эффективно отразить попытку прорыва росов в узкую бухту. Если принять предположение А.Л. Бертье-Делагарда, придется признать, что херсонский флот, пришвартованный у городских стен, оказался в тылу у росов и не оказал им сопротивления. Что опять-таки маловероятно (прим. публ.).

¹⁾ Голубинский, Истор. русской церкви, 2-е издание, I, 227, примеч.; Шестаков, ор.с., 88.

Ввиду дискуссионности вопроса о местонахождении лагеря Владимира, привожу здесь цитаты из историографии, на которую ссылается А.Л. Бертье-Делагард, полемизируя с ее авторами:

Е.Е. Голубинский: «Топографию Корсуни см. в ЗООИД, т.2, отд. 1., стр. 256 нач. sqq. Она (Корсунь – В.Х.) находилась на мысу между двумя заливами – нынешней Карантинной бухтой с восточной стороны и нынешним Круглым заливом с западной (в двух верстах к западу от Севастополя). “Лимень обь онъ поль града”, т.е. по ту сторону города в направлении от Киева – пристань в Круглом заливе» (прим. 1. на с. 227).

С.П. Шестаков на указанной А.Л. Бертье-Делагардом с. 88 (в прим. 1) присоединяется к мнению Е.Е. Голубинского. Наиболее удачна, на мой взгляд, гипотеза Б.Д. Грекова, предположившего, что флот Владимира разместился в Стрелецкой бухте, а его осадный лагерь – близ западных оборонительных стен Херсона [7, с. 108-112]. Замечу в этой связи, что в легенде о Гикии, пересказанной Константином Багрянородным в середине X в., упоминается залив Лимон вблизи Херсонеса (*Λιμόνι* (по версии публикатора) или, как написано в сохранившейся рукописи «Об управлении империей», *λίμυφ*. В публикациях встречается и такое написание: *λαιμόνι*). Вопрос о том, является ли это слово именем нарицательным (искажением греческого слова «лиман», т.е. бухта) или собственным, т.е. названием некой бухты, остается спорным. Выдвигались предположения, что это – Карантинная или Песочная бухты (прилегающие к Херсонесу с востока и запада) [8, с. 263; comment. 37 на с. 455-456] или же, как предположил Б.Д. Греков, Стрелецкая бухта. Полагаю, что упоминание топонима Лимон Константином Багрянородным в X в., а древнерусскими летописцами и агиографами слова «Лимен» в XI-XVII вв. в связи с Корсунским походом не случайно. Одна из бухт вблизи Херсона (но вряд ли к нему примыкающая), скорее всего, именно Стрелецкая, возможно, носила такое название (прим. публ.).

укреплений Корсуня¹⁾¹. Наконец, то же верховье бухты обладало редким, в местном смысле, неоценимым, важнейшим условием жизни – изобилием пресной воды в нескольких колодцах, на самом берегу бухты²⁾². Понятно, почему Владимир решился захватить этот порт города и там основаться для осады; он или его советники не могли не сознавать всех чрезвычайных выгод этого. Замечу еще, что на этих прибрежьях летом, днем, дует ежедневно, правильный, свежий бриз от северо-запада, попутный для входа во все бухты, и в былье времена парусного флота это составляло одно из особо важных достоинств Севастополя; этот же бриз был как нельзя более на руку и Владимиру.

Мне думается, что зрелище было истинно грозное, когда стая лодей, окрыленных парусами, при свежем попутном ветре, ударив в весла для ускорения хода, влетала в вражий порт, с криком и звоном оружия наполняющих их воинов. Понятен ужас граждан.³

Однако само это предприятие, блестящее в военном смысле, отважное до дерзости, не было опасно. Входящие лоды, придерживавшиеся противоположного городу берега залива, могли поражаться с городских стен только на очень малом протяжении их берега В-С, да и то (С.251): выстрелаами на излете, далее двухсот шагов, всего в течение двух-трех минут каждая. И если пораженные неожиданностью граждане догадались и успели пустить несколько стрел, то и на лодьях, конечно, выставили щиты с городской стороны, чтобы укрыться даже и от случайного попадания. Как бы то ни было, такой подвиг обнаруживает незаурядные военные способности вождя и воинов, указывая на очень умелую разведочную службу, так как задуман и выполнен он мог быть только с превосходным знанием местных условий, для чего, вероятно, были собраны, расспрошены и взяты с собой торговые гости, бывалые воины, простые перебежчики.

Значение только что описанного предприятия хорошо понимал и источник летописца, прибавивший, что в лимане Владимир стал «дали града стрѣлище едино», «или мало вяще», как поясняет другая летопись¹⁾⁴, т.е. вне выстрела. Само собою разумеется, что всякий стан располагается вне выстрела, это так понятно и естественно, что об этом никогда и не говорят, здесь же это упомянуто только ввиду особенностей местной обстановки. Летописец указывает, что лоды влетели в чужой лиман, так сказать, во вражью пасть, вот почему он и нашел надобным прибавить коротенькое замечание, показывающее, что это было не столь уж страшно, потому что в губине лимана имелось укрытое и безопасное от выстрелов место. Нет ни надобности, ни возможности усматривать в этом совершенно естественном, необходимом и понятном само по себе, чисто военном замечании, с чрезвычайно тонким и метким пониманием исключительности местных особенно-

¹⁾ Относительное военное значение частей ограды Корсуня подробно рассмотрено в ст. «О Херсонесе», в *Извест. Имп. Арх. Ком.*, XXI, 123-126 и другие. Там же приложен и большой план с горизонтальными, табл. II. Командующая высота на нем обозначена буквой Z; ближайшие к стану и слабейшие части ограды помечены башни XVII и XVIII и куртина 20. На приложенной выше карточке горизонтали высот не показаны, чтобы не пестрить ее, но расположение высот, командующих городом и закрывающих от него стан, показано линией Z-Z'. Наиболее доступные башни и куртина обозначены теми же номерами: башни XVII и XVIII, куртина 20.

²⁾ Недавними раскопками открыты превосходные древние колодцы в этом месте, кроме издавна известных.

³ В соответствии с аргументами, приведенными мною выше, считаю версию о внезапном прорыве росов в Каратинную бухту не реалистичной (прим. публ.).

⁴⁾ Никоновская, изд. 1767, под 6496 год. «Стрѣлище» - условное расстояние, приравниваемое к «полету стрельи». Д.С. Лихачев, комментируя этот пассаж из «Повести временных лет», со ссылкой на труд Л.В. Черепнина «Русская метрология», полагает, что «стрѣлище» составляло примерно 60-70 метров [16, с. 337] (прим. публ.).

стей, какой-либо вымысел книжника, старающегося приспособить расположение стана Владимира к последующей выдумке выстрела Анастаса²⁾¹.

(С.252): 3) *Обстояние города, блокада.* Начальная летопись прямо не говорит, но по всему ее смыслу и выражениям очевидно, что город был обложен с суши. Все летописные подробности этой осады и выражения, употребленные для ее описания, сухопутные: «обстоять» город, «сыпать приспу» к нему, «пустить стрѣлу», «копать прекі трубамъ», возможно только на сухом пути. Академик А.А. Шахматов полагает, что Владимир начал обложением города только с моря и лишь после долгого шестимесячного стояния и то по указанию Варяга Ждьберна, сделанному из города, перешел к обложению его с сухого пути. Основание такого утверждения видится в вышеперечисленных словах летописи «сталъ об онъ поль града въ лимени», как будто означающих блокаду с моря. Допустив такое объяснение, из него уже следует, что дальнейшие сухопутные подробности осады в летописи являются противоречием и, стало быть, вымыслом; им всем предпо- (С.253): чтен иной рассказ из "Жития ос. сост.", в котором уже нет противоречий¹⁾². Таким образом, определение стороны обложения, с моря или с суши, решается, что именно составляет вымысел в дошедших до нас летописных сказаниях об осаде, а потому в этом деле необходимо разобраться прежде, чем идти далее.

Искони и поныне Русь была и осталась сухопутной и пешей; вся дружина Владимира была таковой; ладьи ей служили только и единственно средством сообщения и ни малейшего боевого смысла не имели. Да и не только такими невежественными посудинами невозможно было обложение города, но и никакими иными того времени. Флот и поныне, кроме особенных случаев, без помощи сухопутных сил не может осаждать крепость. Горчайшие воспоминания, столь близкие нам, о гибели государственного значения и боевой славы в Севастополе и Порт-Артуре, воочию о том свидетельствуют.

¹⁾²⁾ Сравн. Шестаков, *оп. с.*, 126. (На приведенной А.Л. Бертье-Делагардом странице С.П. Шестаков пишет: «...в то время как в Житии особого состава Жберн пускает стрелу к своим соплеменникам в стане Владимира, с припискою: "донесите стрелу сию князю Владимиру", в летописи в «Слове о том, како [крестися князь Владимир – В.Х.]» Владимир располагается станом "дали града стрелище едино". Этого приспособления расположения стана Владимира к последующему выстрелу Анастаса, правда, нет в обычном житии...». – прим. публ.).

Мне кажется пригодным прибавить здесь несколько слов, не имеющих прямого отношения к осаде. Стан Владимира расположился вокруг недавно открытого крестообразного храма [на карточке Е], который и был, вероятно, разграблен или даже сожжен в ту пору. По литературным источникам, г. Шестаков полагает [*оп.с.*, 134-135], что этот храм был во имя пресв. Богородицы Влахернской и что именно в его усыпальнице погребен папа св. Мартин; в крестильне же храма, будто бы сохранившимся до сих пор, могли быть крещены дружины Владимира. Об этом храме дано много подробностей, как в описаниях раскопок, так и в моих к нему пояснениях [*О Херсонесе, Извест.*, вып. XXI, 1-70]. Сравнивая все это с указанием г. Шестакова, можно заключить следующее: название, предложенное для храма, возможно и вероятно; никаких усыпальниц в нем самом или находившихся с ним в связи не имеется, следовательно, предполагать погребение св. Мартина возможно лишь в одной из могил обширного христианского кладбища вокруг храма не имеется и никогда не было, а сохранилась лишь раковина для слива воды, которая никак не может быть крестильнею, потому что, имея глубину более аршина, сделана в виде Т, ширина сторон которого всего около 7-8 вершков. Не только трижды погрузиться в такой купели нельзя, но и влезть в нее можно лишь очень малому и тощему, да и то с помощью акробатических приемов; предполагать в этой раковине чье либо крещение невозможно [подробнее см. *О Херсонесе*, 22-25].

Это соображение не мешает допустить возможность в этом храме крещения части дружины Владимира, но в каких либо особых приспособлениях временного характера. В «Слове о том како» [Шахматов, *оп. с.*, 42-43], говорится, что дружина Владимира крестилась в церкви Богородицы, но это не даст для крестообразного храма, так сказать, осознательной вероятности, ибо нельзя утверждать, что не было иной церкви во имя пресв. Богородицы, в самом городе. Всего труднее предположить, чтобы варварская дружина, простоявшая вокруг этой кладбищенской церкви 9 месяцев, не уничтожила ее столь основательно, что какое либо священнодействие еще было возможно после того.

Это примечание А.Л. Бертье-Делагарда (о вероятности «уничижения» загородного крестообразного храма дружины Владимира) дало повод А.Л. Якобсону утверждать, что именно Бертье-Делагард был автором гипотезы о разрушении Херсона Владимиром [35, с. 14 прим. 2; 36, с. 65 прим. 2] (прим. публ).

²⁾¹⁾ Шахматов, *оп. с.*, 87, 90.

Из этих примеров вполне ясно, что и современный флот, обладающий огромной силой дальнобойного разрушения, все таки является второстепенным, не решающим элементом, при осаде крепости, древний же флот еще менее мог что либо сделать сам по себе в таких случаях, особенно если на нем, как у Владимира, не было боевых машин. Хождение такого флота перед крепостью, кроме издевательства от осажденных, ничего иного вызывать не могло. С другой стороны, как ни мало сведущи были Владимир и его дружины, но ведь все они до того занимались из года в год войнами и осадами городов [Полоцк, Киев, Родня, Червень, Переяславль] и очень хорошо знали, что первое условие успеха в таких предприятиях, а при неумелости и единственное, было обступить город, отрезать его от сообщения с внешностью, взять его измором. Это представление не есть ученое военно-стратегическое, оно доступно инстинктивному пониманию любой толпы взбунтовавшихся мужиков или дикарей самой низкой степени культуры²⁾¹. Сам Владимир осаждал (С.254): Родню так, что «бѣ гладъ великъ в немъ», т.е. значит, город был тщательно и сторожко обложен; да и с другими городами было то же, но только о том не упомянуто, потому что они сдавались скоро. Как же возможно думать, что такого самопервойшего правила не соблюли под Корсунем? И если бы в самом деле случилось, что, забыв сушу, обложили город лишь с моря, то не шести месяцев, а и нескольких дней было бы довольно для показа, что море не шутит, и ладьям долго в нем держаться совершенно невозможно. Ведь впереди Корсуня открытое море, к тому же весьма бурное, даже в летние месяцы оно не по долгу бывает спокойным, а тут речь идет о шести месяцах блокады. Значит, не только невероятно, но и прямо невозможно думать, чтобы при тогдашнем ведении осад, пешая дружина вздумала осаждать город с моря, а не с суши.

Только что выше определено значение, в отношении местных условий, речения «объ онъ поль града въ лимени» и следует прибавить, что оно не только не указывает на морскую блокаду, но что именно одних этих слов достаточно, даже если бы и ничего иного не было в летописи, для утверждения обложения города с суши, с какой целью Владимир и ворвался в гавань города, к самым слабым местам его стен. Теперь видно, что во всем этом никакого нет противоречия в «Нач. Лет.», и по этому поводу не приходится отказываться от всех ее дальнейших показаний, почему я и далее буду на них же основываться.

Быть может, казалось необходимым, хотя к тому и нет данных, предположить морскую блокаду для объяснения указания Ждьберна о свободном доставлении продовольствия сухого пути, но это обстоятельство, как будет далее показано, превосходно объясняется одними топографическими условиями Корсуня, не требуя отказа от всего рассказа «Нач. Лет.», к тому же в таком отказе тем менее надобности, что блокада с моря не заключается и в указаниях «Жит. ос. сост.»; и тут осада, как и должно, показана с самого к ней приступа, явно сухопутной. Ждьберн *пускает стрелу*, в полк варягов, просит *донести* ее Владимиру, пишет ему о бесполезности *стояния* под городом, наконец, сам Владимир, будто бы властелин (С.255): деющий морем и держащийся на нем, удаляет не суда, доставляющие продовольствие, а копает *путь земляной*. Все эти выражения и самый способ действия, обозначаемый ими [стрела, перекапывание], возможны только на суше и при сухопутном обложении. Таким образом, если бы приходилось от чего либо отказывать-

¹²⁾ Напр. осада Киева печенегами, впервые пришедшими в 6476 (968 г. – В.Х.), когда горожане изнемогали гладом и водою; осада Белгорода ими же в 6505 (997 г. – В.Х.); Половцы, осаждая Торческ, отняли воду и окружили так, что люди изнемогали водною жажею и голодом, в 6601 г. (1093 г. – В.Х.) [Лаврент., под сочт. годами].

ся, то предпочтительнее было бы оставить без внимания рассказ Ждьберна, а не такой цельный и правдивый, как в «Нач. Лет.». Но ни от чего отказываться и не следует, так как оба рассказа явно только дополняют, а не заменяют друг друга, что и будет показано вслед за сим.

4) *Стояние 6 месяцев, угрозы.* Итак, город непременно был обложен с суши; конечно, присматривали и за морем, может быть, даже посыпали туда, в тихую погоду, очередные сторожевые ладьи. Во всяком случае, и на суше кроме простого стояния, иного способа воздействия на укрепленный город у Владимира не было. Искусство тогдашней полиоркетики ему было не ведомо, осадных машин у него не имелось, оставался один исход: стараться взять город измором, долгим стоянием. Именно это последнее и указывает «Житие ос. сост.» говорящее, что Владимир «стоя 6 мѣсяцъ» или «многое время», дополняющее этим сведеньем «Нач. Лет.»¹⁾¹. Но и в последней нетрудно заметить то же самое, хотя и не точно определенное, но все же достаточно ясное указание на весьма долгое стояние Владимира под городом. В самом начале рассказа в ней говориться: «боряхуся крѣпко изъ града», а затем, тут же, «изнемогаху въ градѣ людье». Чтобы сделать первое замечание надо не малое время, а для второго и вовсе большое. Можно с уверенностью думать, что город, так же как и Владимир, имел своих соглядатаев, лазутчиков, торговых людей и гулящих авантюристов-воинов, следовательно, должен был знать о готовящемся против него походе. Примером может служить предупреждение о походе Игоря, данное в Царьград, теми же Корсунянами²⁾². Наконец, и корсунские (**C.256**): рыбаки из устьев Днепра, увидя русскую дружину, на много дней упередили ее и подняли в городе тревогу. Все это дало ему достаточно времени для приготовления к долгой осаде, сбором всяческих запасов. Лет за двадцать до осады Корсуня, царь Никифор Фока указывал, чтобы в городе угрожаемом осадой каждый житель делал запасов не менее как на четыре месяца¹⁾³. Но в особых предосторожностях для Корсуня не было надобности, так как иметь на складах много запасов и умеренно их потреблять город был приучен издавна, самым своим положением, зависевшим от подвозов со стороны и даже из-за моря²⁾⁴. Подвозы морем могли делаться и делаются главным образом летом, следовательно, к концу лета, когда началась осада [о чем далее], город уже был обильно снабжен не менее, как на полугодовую потребность, т.е. на всю осень, зиму и весну. Всего ближайшие средства, местная жатва [снимаемая в июне], также уже были собраны и, конечно, по общему тогдашнему правилу, свезены в город. Из сказанного прямо следует, что изнеможение могло наступить в Корсуне очень не скоро, не ранее лета будущего года. Долгое стояние Владимира чувствуется и в последующей его угрозе «стоять и за три лѣта». Такую угрозу надо понимать не иначе, как вторую часть полного речения: «стоял очень долго, буду стоять и еще дольше, без конца». Первая часть была весьма ощущительна, ее нечего было повторять, потому и сказани лишь вторая. В этой угрозе видно настолько долгое стояние Владимира, что он начал терять терпение, так как не мог думать, чтобы крепкий город скоро ему предался. Усмотреть же в этой угрозе песенную выдумку, и это лишь потому, что здесь сделано указание на число три едва ли допустимо. Мы ведь ежедневно говорим «целый век не виделся», «в три года не доскачешь» и из этих физически вздорных

¹⁾ Шахматов, *оп. с.*, 46, 48.

²⁾ Лаврентьевская, под 6452 г.; Веселовский, *Вид. Василия Нов. Ж. Мин. Нар. Пр.*, 1889, январь, 88.

³⁾ Никифор Фока, *О сшибках с неприятелем*, гл. об осаде города, 154, в *Ист. Льва Диак.*, пер. Попова, 1820.

⁴⁾ Об этом подробнее, *О Херсонесе*, 192-194, *прим.*, *Изв. Арх. Ком.*, XXI.

выражений, значащих просто неопределенную долготу времени, невозможно же заключать о не бытии и песенной выдумке всех тех случаев, где эти выражения могут встретиться. Угроза Вла- ([С.257](#)): димира значила: буду стоять долго и ничего более, так и поясняются эти слова в Никоновской «имамъ стояти много лѣта»¹⁾¹.

Итак, стояли очень долго. Вероятно, сначала город делал разные попытки к прорыву и посыпале гонцов, соглядатаев; устраивали вылазки с целью добывчи продовольствия или для наибольшего беспокойства неприятеля. Многие из этих предприятий были удачны, отсюда и пошло «боряхуся крѣпко изъ града». Всего более, конечно, занимались обе стороны безбидной перестрелкой или душуотводящей усиленной бранью, словесной и письменной, на стрелах²⁾². «Володимеръ же много тружався не успѣваше ничтоже», откровенно и правдиво поясняет Никоновская лет.³⁾³; да это и понятно со стороны храброй, но невежественной дружины лапотников, ставшей лицом к лицу с сапожной культурой, перед городом с хорошиими высокими стенами. Отсутствие успеха повело к тому, что все это стояние стало всем надоедать. Началась бескорミца в малоплодородной и опустошенной стране; наступили долгие и холодные осенние и зимнее ночи; развились неизбежные болезни. Все это было тяжело и трудно переносимо; и вот тут сторожевая служба, и без того плохая, как во всяком народном ополчении, надо думать, дошла до полного упадка и пре-небрежения. Этим и воспользовался город, так успешно, что и после долгого обложения мог на угрозу Владимира не обратить внимания: «они же [т.е. горожане] не послушаща того».

5) [По «Жит. ос. сост.】. *Сообщение стрелой о провозе корма, прекращение этого.* В это время получилось из города извещение от приверженца Владимира, его почитателя или, вернее, кондотьера тогдашнего стиля, служившего там, где было лучше, и сообразившего, что городу все равно не уцелеть, а потому, следует заранее войти в ([С.258](#)): милость к Владимиру. Варяг Ждѣберн на стреле уведомил о тайном провозе в город кормов и это извещение очень важно, потому что так верно и тонко рисует местные особенности, что не может быть ни отвергнуто, ни даже заподозreno. Рассмотрю сначала его внешние стороны, а потом существо.

Ждѣберн свое донесение послал на стреле, и это, по-видимому, кажется всего страннее. Если не ошибаюсь, особенно в подобном указании усматривали столь явный элемент сказочности, что и весь летописный рассказ о взятии Корсуня признавали чистым вымыслом. Такое мнение, отчасти, понятно в наше время, когда о стреле мы только и знаем, что из былин да песен.⁴ Совсем не то было в течение тысячелетий господства стрелы как метательного оружия. Тогда это было удобное и подручное средство для сообщений. На стрелах повсюду, а в осадах, так сказать, повседневно, пересыпались всяческие предложения, указания, новости, истинные или вымышленные, подговоры, брань, угрозы в особенности, даже огонь и всякая мерзость. Это оружие было не только удобное, но и верное, потому что полет стрелы был приметен, тем более место ее падения; затем, стрелы все и всеми подбираются, чтобы переотправить их обратно, значит, и перенесенное ими дос-

¹⁾ Никоновская , изд. 1767, стр. 85. Поздний свод, но повторявший древние списки, а если и пояснявший старую речь, то все же не с нынешним, а с старинным [ранее XVI в.] ее пониманием.

²⁾ Усиленные убеждения византийского вельможи не носят неприятеля со стен города, служат доказательством распространенности и в то время этого древнейшего приема. Васильевский, Советы виз. боярина XI в., Ж. Мин. Нар. Пр., 1881, июль, 156.

³⁾ Никоновская, стр. 85.

⁴⁾ Как, например, Н.М. Костомаров (см. прим. выше) – прим. публ.

тигало своего назначения и не терялось¹⁾¹⁾. Таким образом, надо было удивляться не тому, что о таком способе передачи известий бывают указания, а тому, что их так мало. В песне, в былине они не умозрительная выдумка, а лишь слабое отражение действительности.

Немудрено было из Корсуня послать стрелу, гораздо хитрее тогда было написать на ней то, что надо, а потому, приходилось принимать особые меры, чтобы такая редкость не затерялась и дошла по назначению, и вот это очень толково обставил Ждьберн. Он крикнул со стены, чтобы стрелу подняли и донесли Владимиру, но подобный крик (С. 259): был явным предательством, за которое нигде не хвалили, поэтому, он послал стрелу в полк варягов, которым мог кричать на непонятном для горожан языке викингов, объяснив гражданам этот крик обычной бранью, всеми посыпаемой; на расстоянии полета стрелы голос человека слышится еще достаточно. Весь этот рассказ очевидно схвачен прямо с натуры. В этом деле Ждьберн является случайным человеком, а это показывает, что у Владимира не было подготовленных приверженцев в городе, и что осада была настоящая, а не для вида только.²⁾

По своему существу указания Ждьберна еще любопытнее. Он говорил, что судовщики [корабленицы] вносят продовольствие в город с сухого пути, с востока. Такой удивительно сложный способ не мог быть выдуман и находить себе объяснения в местных условиях. Если бы блокада была с моря, то Корсунским судам приходилось бы останавливаться так далеко, вне возможной видимости, что самая переноска с них кормов стала бы едва ли исполнимой. При этом свободная, открытая сухопутная сторона города вовсе не вызывала участия судовщиков, и продовольствие могли бы просто доставлять прямо с суши. Вот тут и приходится вспомнить как все вышесказанное, так и положение Корсуня вообще. Не морская, а именно сухопутная сторона города была тесно обложена, так что через нее не пробраться; кроме того, с сухопутной стороны немногое можно было ждать; по словам Константина Багрянородного, чтобы его заморить, стоило не пускать к нему судов из-за моря. Разумеется, и здесь, говоря о морской доставке, должно понимать не одну заморскую, невозможную в эту пору года, но также и ту, которую, ввиду чрезвычайных обстоятельств, можно было организовать с ближайших прибрежий, особенно со стороны нынешней Евпатории, входившей издавна в сферу влияния Корсуня.³⁾ Итак, во время осады продовольствие

¹⁾ Чтобы неприятель не воспользовался стрелами для обратной посылки, их надрезали, но такие стрелы трудно сохранялись, а в бою надрезывать некогда. Мне пришлось видеть в Видине у турок большую башню древнего замка, почти на половину высоты заваленную стрелами с совершенно перегнившим деревом, но все же стрелы были без надрезов. Турки уверяли, что эти стрелы еще болгарские, что очень возможно.

²⁾ Эта мысль А.Л. Бертье-Делагарда представляется очень важной, т.к. существует не только версия об осаде Владимиром Херсона чтобы вернуть якобы «взбунтовавшийся» город к покорности Македонской династии (сейчас эту точку зрения отстаивает А. Поппэ [18]), но и фантастическая версия о существовании в городе с IX в. некоего «постоянного подворья русов». Вот что пишет об этом С.Б. Сорочан: «есть основания предполагать, что уже с конца IX века, когда стала развертываться торговля руссов с византийцами, в Херсоне-Корсуне образовалось постоянное подворье руссов, с тех пор столетиями не прекращавшее своего существования» [24, с. 279]. Аргументы в пользу того, что славянской диаспоры в Крыму (и в Херсоне в частности) не было вплоть до XIII в. см. в статье [30] (прим. публ.).

³⁾ Сведениями (археологическими или из письменных источников) о наличии византийских земледельческих поселений в районе современной Евпатории наука не располагает. Зато известно о достаточно плотной заселенности романизированным христианским населением Южного Берега Крыма, горной части полуострова, крымского побережья Киммерийского Боспора. Большая часть этих земель (за исключением Керченского полуострова) входила, вероятнее всего, в состав фемы Херсон. На Южном берегу Крыма находились портовые города и поселения: Сугдя, Партенит, и др. Поэтому, гораздо логичнее предполагать, что именно оттуда приходили корабли с продовольствием. Причем, делалось это по приказу и под руководством византийской администрации, подчиненной стратигу (прим. публ.).

могло доставляться в город только так, как сказано в «Жит. ос. сост.», т.е. с моря, следовательно, с участием судовщиков, но прямо, непосредственно, и они ничего не могли сделать. Гавань, порт Корсуня, был захвачен врагом, а с открытого моря, т.е. с севера города, скалистые берега не позволяют ни приставать, ни разгружаться, ни стоять в сколько-нибудь дурную по-(С.260): году, а это было постоянно в ту пору осады, о которой говорится, т.е. в глубокую осень и зиму. Приходилось прибегнуть к особому ухищрению: суда незаметно, по ночам, входили в большую бухту [ныне Севастопольский рейд], там они становились в мелких заливчиках [F – F карты], укрываясь в совершенстве берегами и горами от непогоды и от досмотра неприятелем; тут они могли свободно выжидать удобной минуты. Отсутствие хорошей сторожевой службы у Владимира позволяло судовщикам, по ночам, переносить все к мыску G карты, посуху, а затем уже горожане сами перевозили доставленное через устье залива, на мелких лодках, спрятанных за стенами, и потому, не уничтоженными осаждающим. Весь этот путь к городу шел именно с востока, как говорит рассказ «Жития ос. сост.». Чтобы установить все это надо было время, но оно и нашлось при долгом стоянии.¹

Узнав, Владимиру нетрудно было прекратить эту тайную доставку, поставить с востока же, при мыске G, достаточно сильный сторожевой полк, который, будучи отделенным от стана верстой расстояния, быть может, и окопался, устроив временное укрепление. Только так можно понимать поведение Владимира «поуть...перекопати», так как в обыкновенном смысле перекапывание пути ничему не могло здесь помешать. Это не какая-нибудь узкая стезя над пропастью, перекопание, т.е. обрушение которой уничтожает и возможность прохода; здесь место свободное, широкое, перекопать его трудно и долго, а забросать малую часть перекопа, если он сделан, для прохода весьма просто и легко. Впрочем, само появление в «Жит. ос. сост.», а также и некоторых других в нем несообразностей, будет объяснено далее, при сравнении с рассказом об Анастасе.

б) [По «Нач. Лет.】 Активные действия в виде земляных работ, их безуспешность. Конечно, принятыми мерами доставка продовольствия приостановилась, но заметного влияния на ускорение осады от прекращения тайного проноса корма не сказалось; по крайней мере «Жит. ос. сост.», в котором подробно изложен эпизод Ждьберна, если в его рассказ не вносить прибавлений из других источников, ничего о том не говорит, и лишь замечает, что после (С.261): того Владимир «по трехъ мсцѣхъ взялъ градъ»². Такое большое время поясняет, «прекопаніе пути», т.е. безусловно строгое обложение решительного значения не имело, может быть, даже оно и не вполне удалось, т.е. осажденные все еще находили какие-нибудь лазейки. Да и помимо таких случаев, этого и следовало ожидать ввиду вероятных больших запасов продовольствия, сделанных городом с самого начала, как показано выше, и значительного их пополнения во время недосмотра сторожевых частей и

¹ Если принять господствующую в современной литературе версию о западной локализации осадного лагеря и действий Владимира, можно сформулировать несколько иную реконструкцию схемы доставки продовольствия в город. Н.В. Пятышева [19] обосновала гипотезу, что продовольствие доставлялось к калитке у башни XIV оборонительной стены по заболоченной Каратинной балке. Учитывая, что «Житие особого состава» упоминает «земляной путь», вероятно, в этом районе существовал подземный ход (как будет показано далее, херсониты (как и вообще византийцы) широко использовали подземные коммуникации в обороне города). С гипотезой А.Л. Бертье-Делагарда о том, что византийские корабли с продовольствием причаливали в бухтах к востоку от Херсона можно согласиться. Но, вероятнее всего, это были не отдаленные Мартынова или Артиллерийская бухты, а тот самый исток Каратинной бухты, в котором А.Л. Бертье-Делагард располагает флот росов (прим. публ.).

² 1) Шахматов, оп. с., 46.

прорыва блокады. Наученные опытом дружинники, может быть, сторожили и лучше, но город все же не сдавался, и осаждающим надо было приступить к каким-либо осадным работам, хотя бы с целью занять людей в глухую зимнюю пору, поддержать в них боевую деятельность и веру в скорое взятие города. Только потеряв надежду взять город измором, решились приступить к активным действиям.

Не обладая осадными орудиями, прибегли к единственному доступному средству, правда, самому грубому, искони употреблявшемуся на первых ступенях цивилизации. Повели особого рода земляные работы, очень кратко, но вполне понятно и отчетливо указанные в «Нач. Лет.» словами: «повелъ приспу сыпти къ граду». Если бы и не было далее в той же летописи разъясняющих эти слова соображений о причине неуспеха этих работ, то и их одних было бы достаточно для совершенно точного понимания работы, предпринятой осаждающими. Однако, ясность этого не для всех очевидна; точное и простое объяснение этих слов давно показано²⁾¹, но осталось незамеченным, а потому, повторю его подробнее, показав для начала неудобоприемлемость обычных толкований. Возьму лишь наиболее подробные из них, далекие по времени одна от другого.

Карамзин понимал эти слова как указание «вала, насыпаемого перед стенами, чтобы окружить оные, по древнему обыкновению военного искусства»³⁾².

Г. Шестаков держится того же объяснения, он полагает, что (С. 262): был сделан «осадный вал заграждающий город, отрезывающий его, против чего Корсуняне вели контр-апроши»¹⁾³.

Г. Ласкин много останавливался на этом вопросе, озаглавив его: «О способе осады посредством насыпного вала»; он говорит далее «осадили, очевидно, насыпав вал»²⁾⁴.

Вал перед стенами, осадный вал – житейские выражения, не имеющие в военной технике какой-либо определенности; под ними можно понимать весьма многое и совершенно различное по виду и смыслу. Способ осады посредством насыпного вала также ничего точного не указывает; это то же, что сказать: способ осады посредством пушек. В исторических примерах такого вала, приводимых г. Ласкиным, указаны три приема, совершенно различных по виду и смыслу.

Из многих способов осадных работ, в которых большее или меньшее значение имеют валы, земляные работы, наиболее подходящий к объяснениям вышеуказанных авторов будет, говоря языком военной техники, устройство контрвалационной линии, на следующей основе. Осаждающий желает быть обеспеченным от вылазок, нечаянных нападений, порывов из осажденного города. Простая стража не может промешать этому, ибо она почти всегда будет слабее выбирающего время и место нападающего из города, а пока к ней подойдут подкрепления, цель вылазки или прорыва может быть достигнута. Все это вынуждало осаждающего прикрыть себя, стать самому за крепостной оградой. С такой целью предпринимались особые работы, иногда огромного размера, и если они окружали весь город непрерывно, то назывались контрвалационными линиями. В таких случаях все устройства бывали не только из земли, в виде простых валов, но часто к ним прибавлялись башни, палисады, непременно рвы, разные препятствия и проч.; случалось, что строили даже двойные большие кирпичные стены, с такими же

¹ 2) Раскопки Херсонеса 14, примеч. 2.

² 3) Карамзин, Истор. Гос. Рос., I, гл. IX, 130, примеч. 450.

³ 1) Шестаков, оп. с., 88, 135-136.

⁴ 2) Ласкин, Соч. Константина Багрян. «О Фемах», 175, прил. 16, стр.

башнями, вокруг всего города [Платеи – но часть осажденных все-таки прорвалась]. Лишь такого рода работы могут подразумеваться под именем «осадного вала» или «приспы окружающей (С. 263): город». Этот прием известен, конечно, очень давно, но никак нельзя сказать, что он бывал всегда, при всякой осаде, и потому «осадили» не может непременно значить, что и вал кругом насыпали, устроили контрвалационную линию.

Невозможно здесь указывать многочисленные отрицательные и положительные примеры устройства этих линий, я думаю, довольно будет заметить, что они известны с незапамятных времен. Римляне, большие искусники в земельных работах и любители их, пользовались ими очень часто в больших размерах; греки, напротив, не любили и употребляли сравнительно мало. Причины тому понятны. Все эти работы очень длительны и тяжелы, а потому всячески, всегда войска их избегали, особенно ополчения, не обладающие железной дисциплиной римских легионов хорошего времени; позже и эти отстали от подобных работ¹⁾¹. Употребление таких осадных валов русскими дружинами, Владимира времени, мне неизвестно и не кажется вероятным. Ни умения, ни терпения, ни потребных инструментов у дружин, имевших характер ополчения, не было. Случалось, что вместо окружной линии устраивали отдельные укрепления, чтобы быть в них безопасными и нападать из них, когда покажется выгодным. Так поступал, обыкновенно, осаждающий, не чувствовавший себя очень сильным, что и было с тем же Владимиром, при осаде им Киева, когда он и сам окопался²⁾².

Если и, вообще говоря, ожидать от дружин Владимира применения подобных осадных валов, то, в частности, под Херсонесом это и вовсе невероятно. Вал контрвалационной линии, чтобы иметь значение, должен был быть не малых размеров, а вся почва вокруг Корсуня есть сплошная почти скала, едва прикрытая тощим слоем земли; в таких условиях проложить контрвалационную линию было почти невозможно для дружины Владимира, по неминению инструмента и навыка к такой работе. Следы подобных сооружений сохраняются очень долго, по-(С. 264): тому что никому не хочется их изглаживать, по трудности и бесполезности этого; напр., римские стоянки, места осад, лагери приметны и не в таких почвах, но и малейшего следа чего либо подобного нет вокруг Корсуня. По самому смыслу своему эти работы имеют охранительных характер, и потому, к ним приступают первым делом, в самом начале осады, между тем в «Нач. Лет.» о них идет речь после долгого стояния. В сущности, такие работы, служившие более для защиты осаждающего, прямо не угрожали городу, и предпринимать меры для их уничтожения не было и повода, так как Корсунь не мог же думать вступить в борьбу с Владимиром в чистом поле, потому что силы последнего безмерно пре-восходили Корсунские; и всё же мы видим, что «Нач. Лет.» особенно настаивает на указании стараний осажденного для уничтожения этих работ, значит, они были иного рода и имели большое значение для него. Землю приспы уносили в город и делали это тайно, но уносить землю с окружающего вала в город не к чему, и этого никогда не делают; если уже надо, то такие устройства просто разбрасывают и тем уничтожают, если могут. Но землю приспы уносили не просто, а тайно, что уже и физически невозможно. Нельзя же землю больших работ вокруг всего города, сделанных далеко от его стен, вне выстrela, унести незаметно для осаждающего, как бы небрежно ни исполнял он сторожевую службу. Да еще уносить так, что осаждающие не могли догадаться, куда исчезает земля. В таких условиях это была бы не военная хитрость, а волшебство. Карамзин говорил, что такой вал называется *спом*

¹⁾ 1) Vegetius, *Instit. rei milit.*, IV, сар. XXVIII. Подобно описаны и значение и вид работ.

²⁾ 2) Лаврентьевская, под 6488. «Стояще Владимиръ, обрывся на Дорожичи».

или *приспом*¹⁾). Теперь вал зовется насыпью, а *приспа* сохранилась в слове присыпь, что совсем не однозначащее с насыпью. Довольно сказать, что «Нач. Лет.» говорит «*приспу* сыпать к граду и, конечно, это не может значить «сделать *насыпь* вокруг города», как следовало бы, если бы здесь дело шло об окружающем вале. Из всего сказанного следует, что устройство осадного вала в виде контрвалационной линии не может быть выведено ни из существа осады вообще, ни из слов «Нач. Лет.».

(С. 265): Второй способ осадных работ, могущий, до некоторой степени, пониматься под названием осадного вала – возведение боевых террас. Они также устраивались на некотором расстоянии от стен, желая с их помощью доставить возможность осадным орудиям и стрелкам осаждающего стоять на уровне или выше верха стен города. Ясно, что и этого не для чего было делать при такой осаде, где только и умели, что стоять, и никаких машин не знали. Из такой террасы также совершенно невозможно тайно и незаметно уносить землю.

Но есть еще способ, а именно – присыпь земли к стенам, для того чтобы по этой присыпи, ложащейся в виде откоса, влезть на верх стены. Этот способ был простейшим, заменявшим лестницы, самым естественным для невежественных войск, подобных дружины Владимира, не имевших понятия об искусстве осады города. Земля была под рукой, наскрести и насыпать ее можно было чем попало.²⁾ Прогоняя стрелков со стен своими выстрелами, почти безбедно доходили к подошве стены, а затем, на протяжении десяти, двадцати сажен ее сыпали землю под стену; такая насыпь достигала верха стены, по ее отлогости могли всходить воины целой толпой, оказываясь сильнее стоящих на стене защитников, ибо там многим не поместиться, как то возможно на приспе. Такая работа, понятно, угрожала городу самым прямым образом и избегнуть этой опасности можно было лишь единственным способом – не допуская возвысить присыпь до верха стены. Для этого, дав приспе немного вырасти, пробивали стену внизу,³⁾ и в эту пробоину, совершенно незаметно и безопасно, выгребали землю низа приспы внутрь города, от чего она оседала, непонятным образом для осаждающего. Прием активной осады с помощью приспы едва ли не древнейший из известных, во всяком случае, наипростейший; уже на ассирийских памятниках его можно видеть. Он же был известен и варварским народам, напр., его применили готы под Филиппополем в 250 году, причем самый способ осажденных помешать успеху такой работы был точно тот самый, что показан в нашей «Нач. Лет.»¹⁾⁴⁾. Эта помеха, будучи (С. 266): очень старой и известной,

¹⁾ Карамзин, Ист. Рос., I, гл. IX, прим. 450. Первое слово в смысле вала показано под 6497 г. [Лейбович, Св. Лет.]; второе находил лишь в опис. Корс. осады.

²⁾ Следует, однако, учитывать, что земля вокруг Херсонеса – скалистая. Поэтому, задача ее «наскрести» очень трудна. Кроме того, чтобы приспа не оседала от естественной усадки и была пригодна для восхождения большой массы людей, ее необходимо делать не столько из земли, сколько из камней. Поэтому, говорить о легкости предпринятого российским войском мероприятия не приходится (прим. публ.).

³⁾ Источники говорят о подкопе под стеной, а не о ее пробивании («*подкопав стену градную*»), тем более что отверстие в стене (при уменьшении приспы) могло быть замечено осаждающими и использовано ими для прорыва в город. Кроме того, копать ход под землей намного легче, чем ломать скрепленную римским цементом трехслойную двухпанцирную кладку. Поэтому, речь, безусловно, идет о подкопе под стеной, не нарушавшем ее конструктивной устойчивости и не вредившем ее оборонительной функции. Тем более что известно: в первой половине X в. жители Херсонаса уже использовали подземный ход для активной обороны: во время осады города хазарским полководцем Песахом они атаковали стан врага: «... они вышли из земли наподобие червей». Кембриджский аноним X в. Цит. по: [26, с. 1548] (прим. публ.).

⁴⁾ Дексипп, Визант. Истор., перев. Дестуниса, 39. Акад. г. Голубинский полагает, что подобную присыпь делали руссы под Царьградом, при Аскольде (С. 266): и Дири [Ист. Русск. Церкви, 2-е изд., I, 51]. Это основано на словах патр. Фотия, сказавшего, что покровом ризы пресвятой Богородицы «их насыпь рассыпалась». Однако, ни из чего не видно, что эту насыпь руссы делали к стене города. Слишком для них велики тройные стены Царьграда, со рвом; да и стояли руссы под Царьградом то-

все-таки на дружину руссов действовала подавляющим образом и твердо запечатлелась в ее памяти.

Точность данного объяснения подтверждается более подробными толкованиями слов «Нач. Лет.», данными в ее других списках, хотя и менее древних, но все же весьма давних по существу. В Архангелогородском прибавлено: «*землю наносити и присыпати и с горы приступати*¹⁾¹⁾. Никоновская, назвав *приспу – приметом*, дает такое пространное объяснение: «*Корсуняне жъ тайно извнутрь града подкопавше стѣну градную, крадяху сыплемую перстъ у ратныхъ. Елико же ратни сыпляху землю вровъ, толико жъ граждане тайно крадяху у нихъ землю, и ношаху среди града. Володимеръ же зря удивляшеся, яко ничтоже успеваху сыплуще*²⁾²⁾. Кажется нельзя яснее показать, в чем было дело. Надо только к этому заметить, что земля сыпалась не в ров, которого нигде в Херсонесе не было, а просто к стене (приметывалась), которую и пробивали защитники; но вымысла нет и в указании рва. В Херсонесе впереди главной стены была малая передовая и пространство между двух стен, в котором именно и сыпалась приспа, легко могло прослыть рвом; ошибка даже и в наши дни повторяемая.

Для совершенной ясности всего этого прилагаю маленький рисунок схематического свойства, показывающий разрез городской стены и работы с обеих ее сторон, согласно с высказанным выше пониманием летописных указаний. Рисунок сделан с моих слов и не имеет притязания на археологическую и топографическую точность, это (С. 267): только схема возведения земляной приспы и сопротивления ее возрастанию. Однако, приблизительно, имелась в виду стена 20 куртины и XVII башня Корсуня [см. эти части стен на карте].³

(С. 268): Как ни естественен рассказ о приспе, но по общеизвестности самого дела он мог бы казаться заимствованным, выдуманным для Корсуня, если бы и в нем не было чисто местной черты. Тайно уносимую землю корсуняне, по словам летописца, сыпали посреди града, а далее прибавлено, что Владимир на этой насыпанной горе построил церковь «я же стоить и до сего дне». Очевидно, что так не выдумывают, и работа приспы действительно сопровождалась всеми сказанными подробностями. Разумеется, объяснение

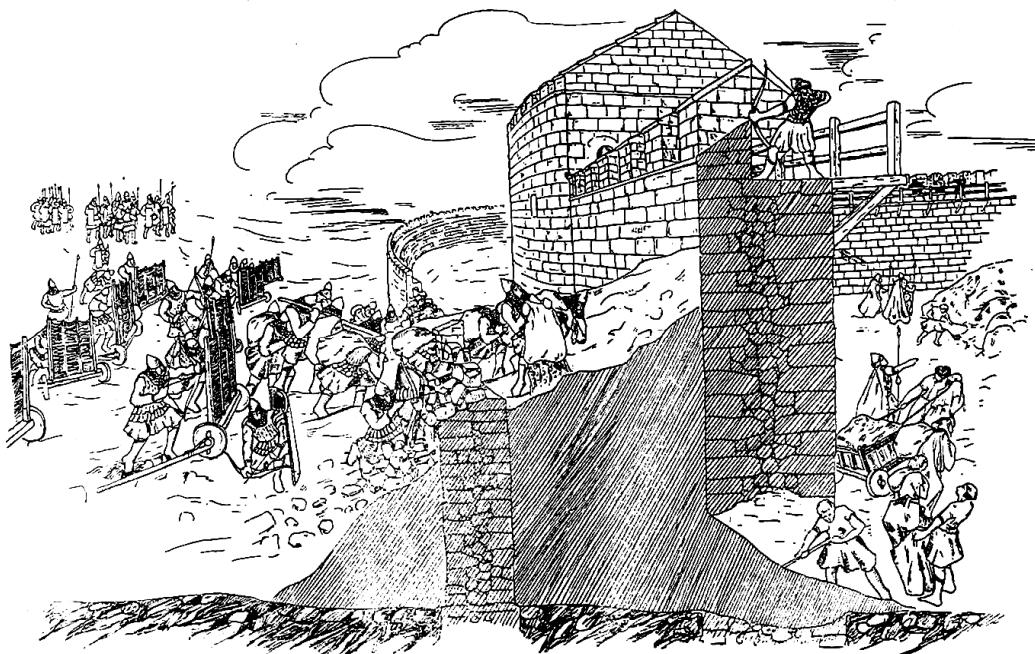
гда всего одну неделю, с 18 по 25 июня 860 года [Лопарев, ор.с., Виз. вр., II, 582, 686], а в такой короткий срок немного можно сделать. Быть может они просто только попробовали засыпать ров или устраивали для себя какие-то окопы; «ограда неприятелей разрушилась» [Лопарев, ор.с., 627], можно понимать скорее как ограду, насыпь, делаемую для защиты себя, чем против стен города.

^{1) 1) Лейбович, Сводн. летопись, I, 82.}

^{2) 2) Никоновская, стр. 86.}

^{3) 3) 20 куртина защищена протейхизмой. Кроме того, она расположена практически на уровне моря. Поэтому, попытка сделать под ней подкоп была бы неудачной из-за близости грунтовых вод, зачастую не позволяющих и в наши дни вести в этом месте раскопки «до скалы». Подкоп же нужно было значительно углублять под дневную поверхность. Кроме того, чтобы засыпать перибол, осаждающим необходимо было овладеть протейхизмой и непрерывно контролировать ее во всё время засыпания перибола. Причем делать это нужно было под непрерывным обстрелом с башен XVII и XVIII, который велся бы в этом случае практически в упор. Учитывая это соображение, можно констатировать, что присыпание осадного вала было возможно только к той части крепостной ограды, которая не защищена протейхизмой. Таких участков стены (с сухопутной стороны города) – два: в южном секторе обороны, между башнями VIII и XII, и в западном – между башнями I и II [1, табл. II]. Однако первый из упомянутых участков находится на кругом склоне холма, спускающегося в балку [29, с. 481, рис. 120]. Делать здесь «приспу» неудобно и опасно. Во-первых, земля и камни скатываются по склону. Во-вторых, лучники осаждающих, прикрывающие огнем работу саперов, стреляют снизу вверх (что снижает убойную силу оружия), а осажденные – сверху вниз, имея дополнительное преимущество. Кроме того, южный фланг обороны равнouдален от обоих «клименов». Участок стены между I и II куртинами находится близ берега Песчаной бухты, на пологом склоне. Здесь же раскопками И.А. Антоновой был обнаружен ров [20, с. 165-171], который упоминается в Никоновской летописи. О его существовании А.Л. Бертье-Делагард не знал. Учитывая все вышеописанные соображения, следует признать, что осаду Владимир вел именно с западной стороны (прим. публ.).}

г. Шестакова, о невозможности носить землю приспы в геометрическую середину города и о необходимости понимать выражение «по средѣ», как значущее просто внутри, вполне основательно и верно. Также верно, что и церковь здесь построена не на горе, а поверх ссыпанной земли. На горе свежей насыпи ничего нельзя построить, развалится, да и насыпать гору нельзя было, ибо руссы могли заметить и догадаться. Земля ссыпалась где-нибудь вблизи куртины 20, к которой, всего вероятнее, вели приступ¹⁾¹⁾.

Осада города Корсунь.

¹⁾ Шестаков, ор.с., 135-137. Тут же говорится о контр-апрошах корсунян для уничтожения приспы. Никаких контр-апрошай здесь не могло быть и самое это слово не то значит; древним и самое дело, им обозначаемое, едва ли было известно, кроме разве редчайших случаев; единственный известный мне, и то если принять мои толкования, был при осаде скифами древнего Херсонеса [О Херсонесе, 183, примеч.]. Говоря о контр-апрошах против скифов, А.Л. Бертье-Делагард имеет в виду следующую информацию Страбона (VII.IV.7): «*Была еще какая-то крепость – Евнаторий, основанная Диофантом, когда он был полководцем Митридата. Это – мыс приблизительно в 15 стадиях от стены херсонесцев, образующий значительной величины залив, обращенный к городу. Над этим заливом расположен лиман, где есть соляная варница. Здесь была также гавань Ктенунт. Осажденные воины царя (Митридата – В.Х.), чтобы удержаться, разместили на упомянутом мысе сторожевое охранение; они укрепили это место и засыпали вход в залив до города, так что можно было легко пройти туда сухим путем, и из двух получился некоторым образом один город. С этого времени им стало легче отражать скифов. Когда же скифы напали на стену, построенную через переиек у Ктенунта, и начали заваливать ров соломой, то царские воины ночью сжигали возвведенную днем часть моста и выдерживали вражеский написк до тех пор, пока не одолели*» [27, с. 285].

Нельзя согласиться с гипотезой А.Л. Бертье-Делагарда о рассыпании земли из приспы вблизи 20 куртины, даже если предположить, что подкоп делался под ней. 20 куртина фланкирует замкнутое со всех сторон пространство цитадели Херсонеса, где располагались армейские и административные здания (т.н. преторий) [36, с. 102; 25, с. 108-113]. Здесь была очень плотная застройка, и совершенно нет места для рассыпания земли. Тем более что куча земли мешала бы оборонительным действиям и хорошо просматривалась с господствующей с востока высоты – Девичьей горы, на которой в наше время находится памятник св. Владимиру. В западной части города, где, по всей вероятности, и произошла история с приспой, есть достаточно большие пологие пространства, невидимые осаждающим (из-за отсутствия господствующей с их стороны высоты), на которых можно незаметно разбросать землю. Разумеется, землю не разбрасывали на какой-либо горе, т.к. это – лишний труд, который могли заметить осаждающие. Реплику летописи «*поставиже цркви в Корсунѣ на горѣ . иже съсыпаша средѣ града . крадуще приспу*» [10, стлб. 116] следует понимать так: церковь Владимир поставил на горе, которая находится там, где ссыпали землю осаждающие, т.е. возвышается над этим местом. Данному условию удовлетворяет высота, вероятно, именовавшаяся Ликофрос, в Западном городском районе. На ее вершине находятся руины т.н. Базилики на холме, поздний храм которой построен на рубеже X-XI вв., в спешке, из разноразмерных строительных деталей. Вокруг этого храма обнаружены захоронения, идентифицируемые как варяжские или славянские [15, с. 33; 3; 4]. Данные соображения служат дополнительным аргументом в пользу западной локализации осадных действий Владимира (прим. публ.).

6) Сообщение стрелой о водопроводе, пренятие воды и сдача города. Последняя попытка осаждающего подготовить возможность взять город приступом, на копьё, потерпела полную неудачу. Терялась надежда взять город каким бы то ни было путем; вместе с тем весь размах Владимира оказывался напрасным, грозили рухнуть и все его политические надежды о родстве с царями Византии, о связях с тогдашними культурными странами, а всего важнее, о вознаграждении дружины грабежом или окупом взятого города. Понятен восторг Владимира, когда получилось новое, неожиданное извещение, на этот раз ударившее осажденный город в самое сердце: Владимиру указали, что вода в город подается извне, водопроводом, который можно перерезать; больших запасов воды иметь нельзя и сдача города после того ([С. 269](#)): неизбежна. Очень можно поверить, что возможность восторжествовать, показанная именно в минуту совершенно вероятного уныния, вызвала со стороны Владимира взрыв радости и обещаний, если сведение окажется верным. «Нач. Лет.» говорит, что он обещал в таком случае креститься, в чем нет ничего удивительного, и это обещание уже принявшего крещение Владимира не должно казаться неудачным вымыслом. Его надо только понимать в том смысле, что свое тайное крещение Владимир обещал сделать явным, приготовляя к тому дружины.

Сообщение оказалось верным, водопровод был найден, а затем, через несколько дней «людье изнемогоша водною жаждею и предащася». Так трагически для старого города кончилось столь долгое стояние под ним дружины руссов, несмотря на его упорную и очень умелую, девятимесячную оборону.¹

Заключительная часть летописного описания осады Корсуня ныне за-подозрена: академик А.А. Шахматов ее вовсе выпустил в своде Корсунской легенды; однако для меня нет сомнения в том, что всего менее можно высбросить этот эпизод, венчающий осаду, до такой степени он жизнен, правдив и точен.

Много лет тому назад, веря «Нач. Лет.», я вздумал поискать на местности линию древнего провода воды в Корсунь, на которую давно уже, не раз, натыкались случайно хуторяне окрестностей Севастополя. Мы не только сразу же нашли ее, но и проследили на протяжении 5-6 верст, сделав это в течение нескольких дней, с затратой всего десятков рублей, до такой степени просто и очевидно, где мог полегать водопровод. Особенно легко было найти его перед входом в самый город. Здесь мы нашли не одну, а три различные линии, две из гончарных труб и одну в виде каменного желоба; все три вели, по-видимому, к одному источнику [до которого, однако, мы не доходили] и очевидно работали не сразу, а заменяя одна другую по времени. На приложенной карточке показано буквами Н-Н, где пролегал водопровод и для ясности следует прибавить, что не только иного нигде не было, но по местным условиям и быть не могло. Перед самым входом в город водопроводные линии идут по до- ([С. 270](#)): вольно заметному перешейку, от которого местность склоняется в стороны; здесь трубы лежат под землею, не глубже

¹ Если принять гипотезу А.Л. Бертье-Делагарда о том, что осада началась в конце лета, придется признать, что в это время большинство рыбозасолочных цистерн в городе стояли пустыми, т.к. путина на Черном море начинается осенью, а прежние запасы были уже вывезены и проданы. Значит, зная о приближении осады, горожане могли залить часть цистерн водой для создания резерва если не питьевой, то технической влаги. Кроме того, в городе имелись многочисленные колодцы и аккумулирующие цистерны, подобные обнаруженной в 2003 г. в VII квартале [28]. Поэтому, несмотря на то, что городское водохранилище, расположенное у 13 куртины, было засыпано в IX веке [23], город обладал значительными резервами воды, и иссякнуть за несколько дней они не могли. Поэтому, логичнее предположить, что канал доставки продовольствия был перекрыт через 3-4 месяца после начала осады, а водопровод – через 6 месяцев. После этого город продолжался еще 3 месяца, и уже тогда «людье изнемогоша гладъмъ и водною жаждею и по трыхъ мѣсяцихъ предащася» [34, с. 111].

одного аршина¹, даже менее, так что найти их было крайне просто и легко. Именно об этом водопроводе Анастас сообщал на стреле: «кладязи, яже суть за тобою отъ въстока, и с того вода идеть по трубѣ, копаевъ перейми». В этом сообщении есть одно слово, отъ въстока, явно невозможное и с местностью не согласимое ни при каких предположениях. Одно время я думал видеть в этом обмolvку самого Анастаса¹⁾², но теперь мне кажется более вероятным полагать здесь вставку летописца, попавшую не на свое место, что и покажу далее.³ Затем в существе этого сообщения, в отличие от указания Ждьберна, видно личное, непосредственное обращение к вождю руссов, поэтому, можно думать, что Анастас пустил стрелу в сторону самого Владимира именно тогда, когда видел его около точки Н. В таких условиях показание Анастаса было совершенно определенное, так как линия водопровода вся тянулась именно позади князя, и не найти ее было почти невозможно. К этому фактическому подтверждению слов «Нач. Лет.» надобно прибавить, что едва ли удалось бы иным путем, кроме жажды, вынудить сдачу города, следовательно, исключить этот эпизод совершенно невозможно. Продовольствием, видимо, город был снабжен обильно и надолго, это показывают не только приведенные выше соображения, но и все известия о ходе осады; взять город силой или искусством осаждающие явно не могли. Может казаться не совсем подходящим делом стрельба Анастасу-священнику, но он здесь назван, без сомнения, как умыслитель, глава партии, стоявшей за сдачу, в чем он не мог быть одиноким; рукой же исполнявшей был простой воин, вероятно, даже и не ведавший, что творит.⁴ Наконец, полное подтверждение истинности эпизода Анастаса извлекается и из сопоставления древних показаний, а именно из рассмотрения крупного топографического разномыслия в этом отношении, между только что показанными словами «Нач. Лет.» и «Житием блаж. Волод.» [Обычное житие]. В последнем говорится, что Анастас написал на стреле совсем иначе: (**С. 271**): «ко кладезю отъ въсточныя страны града въ градъ по трубамъ воды сведены, копаевъ перейми я»⁵). Г. акад. Голубинский вполне верно заметил, что значит, по «Житию» «в колодец или цистерну, находящуюся на восточной стороне города, по трубам проведены воды» и что здесь оказывается разноречие с «Нач. Лет.», неверно

¹ Аршин = 71,12 см. (прим. публ.).

² 1) О Херсонесе, Изв. Арх. Ком. XXI, 166-167.

³ Как было показано в примечаниях публикатора выше, гипотеза А.Л. Бертье-Делагарда об осаде Херсона со стороны Карантинной бухты не выдерживает критики: аргументы в пользу этого надуманны и легко опровергаются; аргументы в пользу западной локализации осады естественны и подтверждаются как топографией, так и данными археологии. Поэтому, информация о нахождении водопровода к востоку от осаждающих ни в какой корректировке не нуждается: где бы ни находились вводы в город водопровода, эксплуатировавшегося в X веке, они в любом случае располагались к востоку от Владимира, осаждавшего Херсон с западной стороны (прим. публ.).

⁴ Гипотеза о том, что за Анастасом стояла прорусская партия в Константинополе, не имеет источниковой основы. Все без исключения письменные источники, имеющиеся в нашем распоряжении, говорят о том, что предательство – дело рук одиночки, а не группы людей. Информация источников о том, что город, лишенный возможности пополнить запасы воды и пищи, продолжал держаться, свидетельствует: боевой дух херсонитов был высок. Предположение о том, что стрелу пускал не Анастас, а воин, не ведающий что творит, также умозрительно. Во-первых, Византия была страной массовой грамотности. Во-вторых, даже если лучник не мог прочесть записку, он ее в любом случае должен был увидеть. Ее наличие на стреле, направляемой в стан врага (по логике А.Л. Бертье-Делагарда получается, что воину приказали выстрелить, не целясь в противника), он не мог не заметить. Иначе как предательство расценить такие действия солдат не мог. Значит, стрелять пришлось самому Анастасу. Но здесь нет противоречия: многие византийцы принимали духовный сан после политической или военной карьеры. Так что априори предполагать, будто Анастас не умел стрелять, нет оснований. Тем более что факты его дальнейшей жизни (втирание в доверие к Владимиру в 988 г., переезд в Киев и назначение настоятелем Десятинной церкви в 989 г., переход в 1018 г. сначала на сторону Святополка Окаянного, затем – на сторону польского князя Болеслава, бегство из Киева с княжеской казной [10, стб. 116, 121-122, 144]) рисуют нам образ не смиренного служителя церкви, а прожженного авантюриста (прим. ред.).

⁵ 1) Голубинский, Ист. русск. церкви, I, 227.

поправившей показание «Жития»²⁾¹. Разноречие очевидно, но укор «Нач. Лет.» напрасен, потому что оба эти показания верны, блестяще подтверждая взаимно совершенную точность и невыдуманность всего рассказа, все дело в том, что они даны с разных сторон, а потому и не одинаковы, будучи каждое по своему вполне точным. Водопровод, войдя в город, действительно сводил воды трубами к цистерне и эта цистерна в точности находилась на восточной стороне города³⁾². Стало быть показание «Жития описывает то, что находилось внутри самого города; очевидно, что такое описание могло быть дано только греком и корсунянином, чем и подтверждаются вполне определения наших ученых о том, кто был автором этого «Жития». Но подобное указание устройства водопровода не могло быть сделано Владимиру, так как для него не имело никакого смысла знать, что делается внутри города, куда он не мог проникнуть и где не мог копать. «Нач. Лет.» указывает положение водопровода извне города, т.е. доступное Владимиру; следовательно, это показание не только не ошибочно, но именно оно и есть истинное то, которое стало известным на стороне руссов и которым они воспользовались. Грек, писавший «Житие» много после самого события, как корсунянин, знал об измене Анастаса, знал и положение водопровода на улицах своего родного города, его именно и изобразил, не понимая самого смысла этого дела или не вникая в него. Ему хотелось лишь объяснить и оправдать сдачу своего города, для чего он и указал на неотвратимое событие – измену и измор города жаждой; ни единого более намека о подробностях осады у него нет, тогда как «Нач. Лет.» дает подробное и точное описание всей осады. Во всяком случае, указываемое (С. 272): разногласие источников служит прямым и точным подтверждением с противной стороны измены Анастаса и взятия города жаждой¹⁾³.

^{1) 2) Голубинский, оп. с., I, 227.}

^{2) 3) Подробности об этой цистерне и ее месте, О Херсонесе, Изв. Арх. Ком., XXI, 86-87. На указанных страницах статьи «О Херсонесе» А.Л. Бертье-Делагард описывает наземную цистерну, примыкавшую к стенам крещальни Уваровской базилики, расположенной на северном берегу Херсонеса (Северо-Восточный городской район), у приморской стены крепостной ограды города, т.е. в стороне, противоположной возможному месту входа водопроводных труб в город. Пол цистерны был выше пола крещальни на 0,5 м., емкость (по оценкам А.Л. Бертье-Делагарда) – 4-5 тысяч ведер (48-60 м³). Если А.Л. Бертье-Делагард считал эту цистерну «водохранилищем Херсонеса», понятно, почему он думал, что город не мог иметь значительных запасов воды. Но на сегодняшний день доказано, что город имел гораздо лучшее водоснабжение: см. прим. выше (прим. публ.).}

^{3) 1) Не лишне будет заметить, что не только эпизод Анастаса, но и многое другое в «Житии бл. Волод.» ясно указывает на автора-грека, желающего сократить и смягчить впечатление летописного сказания в отношении царей. Первый приход царских послов к Владимиру, просительный, вовсе не показан; ни о каком приеме послов Владимира в Царьграде и особенном для них служении патриарха не упомянуто; изо всей осады говорится только о предательстве Анастаса, но не забыто долгое стояние руссов; печаль царей, их упрашивание сестры исключены; если не крестится Владимир, цари решительно и резко отказываются дать сестру, а не ссылаются на нечто от них не зависящее, они говорят «не дадим», тогда как в «Нач. Лет.» «не можемъ дати». Мне кажется, что автор «Нач. Лет.» не позднейший и совершенно ничего из «Жития» не заимствовал. Всего вероятнее, что из подробного, первоначального, русского источника заимствовано и «Житие», и «Нач. Лет.», но первое очень кратко, с тенденциозными поправками, а последняя точно и подробно.}

Г. акад. Голубинский тут же в примечании [стр. 228, пр. 4] замечает, что если бы были произведены в Херсонесе умелые раскопки, то, может быть, и открыли бы что-либо важное, так как древние строители церквей имели обычай иссекать записи, с показанием времени построения и таковая Владимира была бы открытием величайшей важности. К несчастью, на нахождение чего-либо подобного, по-видимому, надо покинуть надежду. Многолетние [более двадцати лет], тщательнейшие раскопки именно такие, «как умеют делать другие люди», открыли десятки церквей; в некоторых находили монеты, положенные в основу, мощи, заложенные при освящении церкви, но нигде даже и признака какой-либо записи или надписи о времени построения не обнаружено, так что этот обычай на Корсунь не распространялся. Впрочем, если удастся показать, что этими раскопками утверждалась безусловная истинность всего летописного рассказа об осаде Корсуня, то и это уже будет их великой заслугой в глазах историка.

Утверждение о том, что обычай монтировать на стенах церквей строительные надписи не распространялся на Херсон, не совсем верно. Надпись, высеченная на трех камнях арочного входа, была найдена в 1890 г. при раскопках Трехапсидного храма в XXVI квартале центральной части Херсонеса. Правда, надпись говорит не о по-

Итак, в основе всего эпизода Анастаса лежат два указания, оба верные, но различные, подробностей устройства водопровода в Корсуне; оба они в точности подтверждены раскопками во всех подробностях. В технике водопроводов летописцы существа не понимали, а потому и показывали различно, что и понятно, так как на Руси ничего подобного, до наших дней, никогда не бывало. Это безусловно удостоверяет нас в том, что в правдивости подобного рассказа не может быть и малейшего сомнения, а между тем, его выпускают не только в наше время, но уже и в «Жит. ос. сост.» этого рассказа нет. Приходится думать, что его знали немногие или, что его вовсе не было, и он выду- (*С. 273*): ман. И то, и другое совсем невероятно, по чрезвычайно решающему значению этого обстоятельства для взятия города и по совершенному соответству с природою вещей в Корсуни. Мне кажется, что здесь можно принять еще и иное объяснение, которое и будет наиболее вероятным. Надо думать, что первоначально был большой, подробный рассказ об осаде, составленный очевидцами и участниками, с такой последовательностью событий и в таком виде, как то намечено предыдущими объяснениями. Позднейшие составители, как «Нач. Лет.», как и «Жит. ос. сост.», стояли далеко по времени от взятия Корсуня, в котором они уже не видели чего-либо чрезвычайного и не находили надобным повторять длинный рассказ с мелкими, незначительными, по их мнению, и даже малопонятными для них подробностями о давно бывшей осаде. Поэтому, списывая, сокращали, сохраняя лишь то, что каждому из них казалось достаточным для понимания существа дела. Для связи им приходилось некоторые выражения удерживать и из пропущенного, а это выдает самый прием, замечаемый при сравнении эпизодов осады «Жит. ос. сост.» с «Нач. Лет.». В первом сразу же видно, что для составителя поход под Корсунь и его осада второстепенны, и он их значительно сокращает. Все подробности похода и указания места стоянки под Корсунем, столь важные и правдивые, опущены совсем; сказано только «осади град, и стоя б мсцъ», но ведь поход был и стан также, их не мог не знать, в какой ни есть форме, составитель. Затем угроза Владимира стоять и более трех лет, также выпущена, но тоже несомненно была известна составителю «Жития», так как приводимый им совет Ждьберна, есть явный ответ на угрозу, так сказать, повторяющий ее слова: прстоишь и три года, а все-таки не возьмешь. Ждьберн как будто сообщал, что проносят *питie и кормъ*, но проносить питье почти невозможно и, наверно, этого не делали, не только здесь, но и нигде. Человеку надобно, приблизительно, по весу, вдесятеро больше питья, чем корма; кроме того, для проноса питья не обойтись без крайне неудобной, ломкой посуды, которую приходится передвигать с особой осторожностью, чего не было в данных условиях тайного и трудного проноса; а главное, в питье не было никакой надобности, так как оно получалось в городе по водопроводу. Очевидно, (*С. 274*): что *питie «Жития ос. сост.»* поставлено не на своем месте и только для того, чтобы указать сразу на возможное наступление с голодом и жажды, гораздо более важной и менее предотвратимой, чем голод. Но с прекращением проноса корма и даже питья, никак в городе, где еще был нетронутый водопровод, не могла возникнуть жажда. Наконец, в том же «Житии ос. сост.» говорится, что для прекращения проноса корма и прорыва блокады Владимир, будто бы, *велъль земляной путь прекопати*, но выше показано, что по самому смыслу дела это совсем невероятно и ни к чему послужить не могло; такое указание

стройке храма, а об упокоении некоего иеромонаха Петрония. Однако ее местоположение может означать, что храм построен в память этого человека или по его завещанию. Надпись гласит: «Упокоился во блаженной памяти и раб божий Петроний, иеромонах и клирик и благодетель святой церкви... месяца ноября в день..., индикта 2, лета 6692». Т.е. надпись датируется 1183 годом [11, с. 34.] (прим. публ.).

есть тоже простое заимствование, не у места поставленное, взятое из конца эпизода Анастаса, где, как и следует, прекопание водного протока вполне естественно и целесообразно. До чего здесь ясны сокращения и заимствования видно из показания самого же «Жит. ос. сост.», где сказано, что город, после прекопания пути, лишившего его не только корма, но и питья, все-таки держится еще три месяца. Если такой срок возможен в отношении корма, который мог быть в запасах и был, то это совершенно немыслимо в отношении воды, которую нельзя запасти на 3 месяца¹⁾¹. Значит, показанием 3 месяцев «Жит. ос. сост.» подтверждает существование водопровода, известного составителю, но непонятого им. В то время, по незнанию водопроводной техники, естественно было на Руси думать, что питье само не приходит (С. 275): дит, а может лишь проноситься, в таком смысле и поправлен неудачно первоисточник.

Обратившись к «Нач. Лет.», несравненно более точной и подробной, мы видим, что и она избегает определенного показа продолжительности осады, быть может потому, что не хотела обнаружить этим слабую успешность дела, веденного ее героем. Однако, косвенные указания этой продолжительности все-таки сохранились и здесь, как показано выше в объяснениях 4-го момента осады. «Изнемогаху в градѣ», говорит летопись, не досмотрев, о продолжительности осады, приведшей к изнеможению, упустила сказать. Вслед за тем выходит, что изнеможденные жители все-таки не послушали угроз и не сдались; это остается без объяснения, но очевидно, что причина тому была в эпизоде, рассказанном Ждьберном, т.е. в прорыве блокады, эпизоде пропущенном, но известном составителю «Нач. Лет.». В показании Анастаса летопись говорит, что водопровод идет от востока, что совершенно нелепо по местным условиям и подобная ошибка прямо невероятна у такого знатока местных условий, каким был первый составитель летописи; в этом указании надо видеть простую перестановку, взятую позднейшим составителем из показаний Ждьбера о проносе корма, где путь от востока вполне верен и уместен¹⁾².

Итак, составитель «Жит. ос. сост.» знал эпизод Анастаса, а составитель «Нач. Лет.» эпизод Ждеберна, но вероятно, каждый из них думал, что это одни и то же, а потому, сохраняя один из рассказов, пополнял по соображению выражениями, взятыми из выпускаемого рассказа. Счастье одинаковыми эти эпизоды, столь различные по существу и, в особенности, по последствиям, было тем легче, что тот и другой начинались известиями на стреле; это же обстоятельство, мне кажется, и ныне дает повод выбирать между ними, но уже сказано, как была естественна, часта и обыкновенна в те времена передача на стреле.

Не сомневаюсь, что и эпизод с присыпью [приметом] к стене, пропущенный «Жит. ос. сост.», был также известен его составителю (С. 276): и не помещен им, вероятно, по неуспешности самого дела. «Жит. ос. сост.» гово-

¹⁾ Предполагают, что Корсунь, как видно по раскопкам, обиловал цистернами и, значит, мог иметь большие запасы воды [Завитневич, Владимир Св., отд. отт., 95]. Действительно, найдено очень много ям, но в таковых много раз находили остатки соленой рыбы [хамсы – род сардинки] и зернового хлеба, к тому же все эти ямы совершенно открытые сверху. Все это делает невероятным предположение о назначении их для воды, которая так не могла долго сохраняться, грязнясь и портясь. Имея свежую воду из водопровода, никто не захочет пить затхлую из ям, а наполнять таковые на случай надобности, могущей появиться, быть может, через несколько месяцев, тоже никто не станет. Да и очень мало вероятно для знающих ничтожность корсунских водных источников, чтобы воды было так много, что можно было делать запасы сверх дневного потребления. Настоящая цистерна пока открыта только одна, именно на восточной стороне, изо всех раскопок, объемом около 4-5 тысяч ведер; воды из нее могло хватить на два-три дня, если она была полна в момент отрезывания водопровода. См. наш комментарий к прим. 3 на с. 273 по нумерации страниц оригинала публикации (прим. публ.).

²⁾ Шахматов, ор. с. 111; из «Сл. о том како кр. Влад.».

рит, что после прекращения прорыва блокады Владимир стоял еще 3 месяца, но не мог же он стоять, ничего не делая.

Общий вывод из всего сказанного следующий: превосходное, тонкое до мелочей знание местных условий, отчетливо показывает, что все эпизоды осады, как «Жит. ос. сост.», так и «Нач. лет.» не вымыщлены, а действительно случились и записаны очевидцами, близко стоявшими у дела и хорошо его понимавшими; стало быть, показания всех этих источников пополняют, а не заменяют друг друга. Порядок эпизодов будет именно вышепоказанный, что определяется совершенно понятной и неизбежной военно-исторической и топографической логикой. Сводя к одному месту показания этих источников, несколько пополнив их указанием Никоновской летописи, весь рассказ об осаде Корсуня в его наиболее подробном виде [говорю о существе, а не о формах языка, которых не смею касаться] будет таков:

«В лѣто 6496¹⁾), кнѧзь же Владимириъ въбѣрзъ събира воя своя, Варяги и Словѣны и Кривичъ и Бѣлгари Чѣрныѣ³⁾) иде на Корсунь, градъ Греческий, и затвориша Корсуняне въ градѣ; и ста Володимеръ обѣ онъ поль града в лимени, дали града стрѣлище едино¹⁾ или мало вяще²⁾, і осади град³⁾). И боряхуся крѣпко изъ града¹⁾, Володимеръ же много тружався, не успѣваша ничтоже²⁾, и стоя 6 месѣц³⁾). И, страшаше имъ²⁾, рече Володимеръ къ гражданомъ: «аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта». Оні же не послушаша того¹⁾). Бысть же в том граде муж Вареженин⁴⁾ именемъ Жбернь, і написавъ на стрелѣ і пустив в полкъ Варягом и рече донесите стрѣлу сию кнѧзу Владимиру, і написано на стрелѣ, гсдрю кнѧзу Владимиру, приятель твои Ижбернъ³⁾ великоу сягоу имѣть к тебѣ, и семь ти възвѣщаю⁴⁾): аще стоиши ты с силою под градъмъ годъ или дѣва или три³⁾ не имаше гдадъмъ истомити Корсоуня⁴⁾), корабльници бо приходить потьмъ землянымъ [с питиемъ и] с кѣрмъмъ въ градѣ³⁾, есть же поуть тъи оу твоего воинства отъ вѣстока⁵⁾). Кнѧзь же Владимиръ, оувѣдѣвъ поуть тъи Варяжинъ по- (С. 277): велѣ копати пут земляныи людиамъ³⁾). И не истомиша гладъмъ Корсуняне⁴⁾). Володимеръ же изряди воа своя и повелѣ приспу сыпати къ граду. Симъ же спущимъ Корсуняне¹⁾, тайно извнутрь града²⁾ подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую перстъ¹⁾). Елико же ратні сыпляху [землю вровь] толикожъ граждане тайно крадяху у нихъ землю²⁾ и ношаху к собѣ в градъ, сыплюще посрѣдъ града; воини же присыпаху боле, а Володимеръ стояше¹⁾ зря удивляшеся, яко ничтоже успеваху сыплюще²⁾). И, по трехъ мѣсяцихъ³⁾, се мужъ Корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ, напсовъ сице на стрѣлѣ: «кладязи, яже суть за тобою [отъ вѣстока], ис того вода идетъ по трубѣ, копавъ переими». Володимеръ же се слышавъ... И ту абыe повелѣ копати прекі трубамъ, и преяша воду; людье изнемогоша водною жажею и предаща¹⁾⁶⁾).

1) Лаврентьевская, изд. 1872 г. (здесь и далее (1-6) – прим. А.Л. Бертье-Делагарда. – В.Х.).

2) Никоновская, изд. 1767.

3) Жит. ос. сост. Ак. Н.

4) Жит. ос. сост. Публ. Библ.

5) Сл. о т. како кр. Влад.

6) Слова в скобкахъ явно невѣрно вставлены.

Рассмотрев описание осады Корсуня, следует коснуться вопроса о том, кто мог быть первоначальным его составителем. Этот вопрос в отношении всей Корсунской легенды историки решают весьма различно; в эти решения входит, как одна из составных частей легенды, и осада Корсуня; только об этой части я и позволю себе высказать свое мнение и то лишь с военно-описательной точки зрения. Предполагают первоисточником всей легенды описание [одно или несколько], составленное, по мнению одних, греком, других – русским, корсунянином или киевлянином. Столь близко не решусь указывать в отношении самой осады, могу лишь с совершенной несомненностью утверждать, что все ее описание, во всех мельчайших подробностях, отчетливо показывает, что его составляли *осаждающие*, а не *осажденные*. Выражаясь современными понятиями, это краткая, но, вероятно, полная и несомненно точная выборка из походного и осадного журналов владимира штаба, и ничего более. Конечно, все это составлено по свежей памяти и, вероятно, (С. 278): русским, но возможно, что этим занимался грек, и даже корсунянин, однако, бывший на стороне Владимира и вместе с ним. Последнее не кажется мне вероятным; грек, а тем более из Корсуня, не выдержал бы, чтобы не сказать чего либо в смысле претерпенных бедствий осажденными, как на то сделан слабый намек в «Жит. бл. Влад.», явно составленном греком. В «Нач. Лет.» и «Жит. ос. сост.», заимствовавших все из русских первоисточников и не видевших надобности поправлять их в смысле, благоприятном для Корсуня, ничего подобного не усматривается.

После всех сделанных выше объяснений, можно представить с достаточной ясностью поход на Корсунь и его осаду. Излагая выражениями современного понимания этих дел, можно всему этому дать такое краткое описание.

Владимир, собрав поспешно отборную дружины, около шести-восьми тысяч, из служивших ему варягов и разных подвластных народов, пришел с нею в устье Днепра, где и прождал до конца лета почти. Год этого похода, силы дружины, причины похода, ожидания и осады Корсуня, одним словом, введение этого события в кругооборот мировой политики, будут показаны далее. Приблизительно в начале августа неожиданносложившиеся обстоятельства вынудили Владимира осадить Корсунь, для чего он собрал достаточные разведочные данные, указавшие подробно и хорошо местные условия Корсуня и относительное значение частей его укреплений. После того, выступив морским походом на лодьях, идя вдоль крымского прибрежья, Владимир подходил к Корсуню прямо с севера.¹ Пользуясь добытыми сведениями, с большой отвагой и превосходным пониманием наилучшего положения для себя и наиболее опасного для Корсуня, Владимир с дружиной ворвался в порт города, ныне Карантинную бухту, захватив его, а вместе с ним и морские средства города. Стал он в глубине бухты, где и расположил дружины станом, в удобнейшем месте, укрытом от всех ветров, изобильно снабженном водою и находившемся вне выстрелов и взоров со стен города. За этим блестящим началом, однако, не последовало скорое взятие города. Совершенное незнамство Владимира с военной техникой, отсутствие у него осадных орудий, умения их (С. 279): построить и ими управляться не могло быть возмещено никаким мужеством и отвагой в том случае, когда дело

¹ Полагаю верной мысль А.Л. Бертье-Делагарда о том, что, при незначительной мореходности «моноксилов» росов, двигаться к Херсону они могли только вдоль берега. Но (повторюсь) это допущение полностью исключает возможность их внезапного прорыва в Карантинную бухту, т.к. из Херсонеса западное побережье Крыма хорошо просматривается до нынешней Николаевки. Поэтому, если допустить (хотя это и невероятно), что о приближении врага стратигу не сообщили из днепровских эмпориев херсонитов, эскадру Владимира практически весь город должен был увидеть задолго до ее приближения (прим. публ.).

шло о непреодолимой для голых рук преграде в виде прекрасных, высоких и прочных стен культурного города. Пришлось возложить единственную надежду на взятие города измором, для чего он и был обложен с суши. В этом отношении обстоятельства сложились неблагоприятно, потому что осада подошла к тому времени года, когда город успел уже собрать весь свой урожай и ввезти к себе все надобное на пол года и более, а следовательно, он мог безопасно и упорно отсиживаться, в расчете на помощь извне.

Последовавшее затем долгое стояние под стенами города дружины, в осень и зиму, с неизбежными последствиями болезней и голодания, все более и более утомляли и расстраивали ее. В эту пору, для поддержания боевого духа дружины и для военной добычи, особенно продовольствия, конечно, делались набеги на окрестные горные страны Тавриды, о чем скажу еще и далее. Но все это не ускоряло осады, и всегда нелюбимая сторожевая служба, и без того неважная, стала вестись столь плохо, что горожане смогли завязать сношения извне и, пользуясь хорошим знанием местных условий, получали продовольствие со стороны, через Большую бухту [ныне Севаст. рейд]. Владимир терял терпение, грозил стоять без конца, но это не помогало, и город не думал сдаваться. Так могло бы продолжаться очень долго, но дело исправило случайное сообщение какого-то варяга из города, указавшего Владимиру путь, по которому проносили продовольствие, а затем нетрудно уже было и прекратить это. Впрочем, осада и после того не подвинулась, и город продолжал держаться, очевидно, имея большие запасы. Тогда Владимир попробовал единственный доступный ему способ действенной осады города: он стал приметывать к городской стене землю, рассчитывая по ней послать дружину на приступ. Но не зевали и корсуняне, упорно защищавшиеся с самого начала; они проломали стену внизу насыпи и выбирали ее снизу так, что она не вырастала. Невежественные храбрецы изумлялись, ничего не понимали, упорствовали и, наконец, бросили, и тут не достигнув успеха.

Трудно сказать, чем бы кончилась осада; очень возможно, что с наступлением весны и прибытием хотя бы незначительного подкрепления ([С. 280](#)): ния городу, ее пришлось бы снять. Но счастье и удача были на стороне Владимира. Общее политическое положение вещей близ Царьграда делало немыслимым посыпку в ту пору какого бы то ни было подкрепления оттуда, а в самом городе нашелся предатель, указавший Владимиру жизненную артерию города, его водопровод. Перекопать линию труб было нетрудно, и город, лишенный воды, запасы которой у него были ничтожны, вынужден был сдаться, изнемогая от жажды. Случилось это после девятимесячной осады, около конца апреля следующего года.

Во всей этой осаде мы видим у руссов знакомую, впредь всегдашнюю картину: большую отвагу, ведшую очертя голову на трудное, непосильное дело, терпеливую выносливость, преодоление всяческих трудностей и, вместе с тем, совершенное военно-техническое невежество. Выручило счастье, а может быть, и воля Провидения.

Для большей ясности дела приходится ввести осаду Корсуня в круговорот тогдашней политики, а потому, следует рассмотреть отношение этого события к соприкасающимся с ним ходом жизни в сопредельных странах.

Установление совершенной точности, достаточной полноты и ясности всего рассказа «Нач. Лет.» об осаде, делает эту ее часть таким определенным историческим документом, к которому никак нельзя отнести пренебрежительно и что бы то ни было из него исключить. С ним необходимо

считаться, не приложивая его, с помощью разных перемен, к чужеземным показаниям, да и с таковыми, насколько мне кажется, получается совершенное согласование.

Год взятия Корсуня «Нач. Лет.» а именно 6496=988; но о взятии того же города есть и косвенный, без точного года, случайно сделанный намек Льва Диакона. Исследования Васильевского и бар. Розена, привлекшие к решению этого вопроса восточных писателей, показали, что небесное знамение [северное сияние], предвещавшее, по мнению Льва диакона, земные беды, в том числе – взятие Корсуня, показалось 7 апреля; другое [комета], указавшее следуя (С. 281): дующие несчастья, явилось 28 июля; оба в 989 году. Стало быть, Корсунь, по Льву Диакону, взят после первого знамения и ранее второго, между апрелем и июлем 989 года, а не в 988 г., как говорит «Нач. Лет.»; в конце июня полагают бар. Розен и Ф.И. Успенский¹⁾¹⁾. Оставалось выбирать между этими числами, определением «Нач. Лет.» или Льва Диакона, а так как летописные показания вокруг этого вопроса как бы несомненно стали признаваться почти что сплошным вымыслом, да и действительно включают в себя некоторые числовые несогласования и трудно приемлемые многоглаголанья, то их все отбрасывают, и признается, что Корсунь был взят в 989 году. От этой отправной точки идут определения времени иных событий, связанных с осадой, крещение Руси в том числе. К этому же сроку подгоняются и все события предшествовавших лет, не имея на то особых данных.

Кажется, наиболее полное в таком смысле толкование всего этого заключается в новейшей статье г. Сркули, оно состоит в следующем²⁾²⁾. Признав временем взятия Корсуня лето 989 года, становится необходимым согласовать это показание с иными прочно установленными фактами; главнейшим из них оказывается пребывание в Византии вспомогательного отряда руссов, посланного Владимиром в Царьград, еще с осени или даже лета 988 года, т.е. ранее взятия Корсуня, по Льву Диакону. Послать царям на помощь большой отряд отборных людей, имевший самое крупное значение при одержании двух решительных побед, утвердивших владычество царей и тут же, к ряду после того осаждать и взять их же город, последование событий трудно мыслимо. Для объяснения этого обстоятельства делается такого рода предположение: Владимир заключил тайный договор с царями, в силу которого он должен был креститься и послать вспомогательный отряд, за что получал субсидию и руку царевны Анны, сестры царей. Исполнив договор со своей стороны, крестившись и послав войска на помощь, узнав о (С. 282): конечном поражении мятежного Варды Фоки, с помощью его же отряда, Владимир все еще долго ждал приезда к нему царевны, но, не дождавшись, решил вынудить у Василия II исполнение договора силою, которую и показал, осадив и взяв Корсунь, страшая царей дальнейшими бедствиями; на эту угрозу те и сдались.

Эти предположения кажутся возможными пока заключаются лишь в рассказе, но если к ним приложить мерку времени и сообразный с ним анализ, дело будет иным.

Предполагается, что договор с царями заключен Владимиром в конце 987 г. в Киеве. В следующую весну послан вспомогательный отряд руссов. Лишь весной 989 года [13-го апреля], что известно совершенно точно, произошло окончательное поражение Варды Фоки в сражении под Абидосом с

¹⁾ 1) Васильевский, *К истории 976-986 годов*, Ж. Мин. Нар. Пр., март, 140-146, 156-157; Бар. Розен, *Имп. Вас. Болгаробойца*, 215, Успенский; Вас. Болгар., рецензия, Ж. Мин. Нар. Пр., 1884, апрель, 313.

²⁾ 2) St. Srkuli, *Drei Fragen aus der Taufe des heil. Wladimir*, Arch. f. sl. Phil. 1907, XXIX, 268-280.

участием руссов¹⁾¹. Владимир, доверчиво относящийся к греческим обещаниям, дающий в распоряжение греков свой отборный, большой отряд, терпеливо выжидающий полтора года обещанной царевны, в то же время избавляющий царей от опасности, ставящий их в положение вовсе не нуждаться ни в нем, ни в его войсках, и все это без вознаграждения, едва ли будет правдивым историческим лицом. Он начинает обнаруживать нетерпение лишь после апреля 989 года [Абидосская битва]; напоминает об исполнении условия, ведет переговоры и ждет долго, как говорит автор²⁾². Все это должно было занять немало времени. Узнать в Киеве о происшедшем на Босфоре, начать из Киева переговоры, ждать их выяснения, а тем более приезда царевны и все это успеть сделать в течение двух месяцев, остающихся до июля, явно невозможно, а затем еще приходится пойти и взять Корсунь. Явилась необходимость в предположении ускорения всего, для чего меняется местопребывание Владимира. Предполагается, что он, отправив вспомогательный отряд, весной 988 года сам пошел в Тмутаракань. Там, конечно, было ближе к Царьграду или Корсуню, чем из Киева, но кроме простой возможности для такого предположения нет какого-либо основания, а выше уже сказано, (С.283): как невероятно удаление Владимира в Тмутаракань в это время. Находясь в договорных отношениях с Василием, войдя в круг мировой политики, отдав свою лучшую дружибу, самому Владимиру уйти из средоточия своих сил и средств, забраться в глухой угол, отрезанный пустынными странами с враждебным бродячим населением и в лучшем случае доступный не более полуго-да, едва ли допустимо. Но и такое предположение улучшает дело немного. Как бы скоро ни сносился Владимир с Царьградом, все же пришлось два-три раза обослаться и ждать немало; во всяком случае, ранее июня и даже конца его, по условиям морского плавания, он не мог рассчитывать увидеть царевну. Только после того, не дождавшись, уверившись, что его обманывают, он мог решиться употребить силу. Но ведь таковую он отдал уже грекам, другую надо было еще собирать или значительно усиливать, соответственно неожи-данно явившемуся решению; затем, собранную дружибу организовать для морского похода и, наконец, дойти с нею до Корсуня. На все это уже никако-го времени не остается, в лучшем случае несколько дней, со взятием города включительно. Значит, даже из Тмутаракани мог только с малыми силами его личной охраны прийти, увидеть и победить. Но как ни мало веры заслужива-ют летописные показания, все же они всем существом своим говорят о нелег-ком и нескором взятии Корсуня и это тем примечательнее, что обратное, т.е. быстрота, особенно отвечает и была бы уместна в предполагаемых здесь ска-зочных вымыслах, если допустить такие. Явная медленность осады по ле-тописи – лучшее доказательство отсутствия сказочности в рассказе о ней. Ес-тественно и само собой понятно, что войска, не располагающие никакими осадными средствами, не могли скоро взять город с прекрасными стенами; простоять под ним приходилось очень долго. Еще важнее будет здесь иное. Собираясь напасть на Корсунь, надо было подумать, в каком положении ока-жется вспомогательный отряд, уже брошенный в среду византийцев, могших его уничтожить в отместку. Ведь все это были не что иное как заложники и большое число их нисколько дела не улучшало. Разбросать отряд мелкими частями; всячески затруднить снабжение продовольствием или даже вовсе лишить его; предательски напасть на них; перетравить, чем ни попало, (С.284): хотя бы питьевой водой; на все это весьма способны были греки, и Владимир не мог этого не знать, потому что и сам поступил бы не иначе.

^{1) 1} Бар. Розен, *op.c.*, 25. 406.

^{2) 2} Srkuli, *op.c.*, 268-269.

Надо думать, ввиду возможности таких соображений, пришлось сделать еще предположение¹⁾¹⁾. Допускается, что Корсунь взята Владимиром по тайному согласию и даже побуждению на то самих царей, желавших этим показать общественному мнению, сколь страшен сей варвар, и тем объяснить крайнюю необходимость всячески ублажить его, даже жертвуя порфирородной сестрой. Однако, тогда еще ранее на царство обрушилось столько величайших бед, что для его спасения оправдывались всяческие меры, до призыва варваров и родства с ними включительно; взятие Корсуня становилось ничтожным булавочным уколом, сравнительно говоря, совсем излишним для возбуждения общественного мнения, которое в ту минуту, тем менее могло быть возбуждено, что находилось под свежим впечатлением только что прошедшего полного разгрома восстания Варды Фоки и возвращения победоносным царям отпавшей М. Азии. Все соображения о привлечении общественного мнения были несравненно обстоятельнее во время заключения договора, полутора годами ранее, однако, его заключили, предлагая царевну и не отдавая Корсуня, и вовсе нельзя предполагать, что тогда уже думали его не исполнить и получить к тому возможность. Предательство Анастаса будто бы и было следствием такого тайного условия, так что и послан он был царями. Таким образом, из сказочной летописи все же заимствуется эпизод с Анастасом, за явностью вымысла вовсе выброшенный в своде Корсунской легенды; даже сам Анастас становится как бы официальным предателем. Едва ли что-либо подобное могло произойти в действительности. Предательство своего же города царями, хотя бы и византийскими, трудно понимается, тем более, после победного торжества, но если оно и предполагалось, все же Анастаса не к чему было посыпать в Корсунь. Ведь город, ввиду тайны, не мог знать, что его будут осаждать в шутку, и с предателем мог поступить очень сурово. Само предательство, вообще говоря, нелегко осуществить из города, в особенности в короткий срок нескольких дней, и если оно было неизбежно, (С.285): то прямое место Анастасу не в городе, а в дружине Владимира; придя с нею под город, он и мог показать водопровод пальцем, в первый же день, не рискуя быть пойманым горожанами или не понятым Владимиром, когда посыпал ему справку на стреле. Наконец, зачем же было столь добросовестному предателю бежать потом под защиту Владимира, как поступил Анастас, ему следовало прямо идти в Царьград за наградой.

Полагаю все эти предположения невозможными, как по их существу, так и по очевидному недостатку времени для исполнения. К тому же, подогнав время, во всем этом рассказе все-таки остается полное несогласие в самом существе событий со всеми известными их описаниями у арабских [Яхъя, Ал-Макин, Ибн-ал-Атир], армянских [Асохик], и византийских [Зонара, Кедрин] писателей. Все они одинаково друг за другом указывают такую совершенно естественную последовательность: заключается договор, Владимир крестится, венчается с царевной, и уже после всего посыпается вспомогательный отряд. В указанных предположениях Владимир крестится, дает вспомогательный отряд, и лишь после долгого ожидания, наконец, венчается с царевной; совсем иная последовательность, в которой Владимир играет роль обманутого простачка, с чем весьма трудно примириться.

Кроме иной последовательности, Яхъя, а с него и Ал-Макин, прямо свидетельствуют, что царь начал переговоры, когда руссы были врагами, но в 987 году никакой видимой вражды, т.е. войны между руссами и греками не было; со времен Святослава мир не нарушался. Высказывалось предположение о возможности в походе Владимира на болгар 985 года (6493) видеть

¹⁾ Srkuli, op.c., 269.

болгар дунайских, а отсюда получалась возможность участия Руси в бою против греков близ Средца и, стало быть, взаимной вражды. Но летопись, говорящая о болгарском походе 985 года, прибавляет, что Владимир возвратился в том же году в Киев, следовательно, не мог быть под Средцем в 986 г. Почти такое же мнение ограничивает победы Владимира 985 года северной Болгарией без участия в бою при Средце¹⁾¹, но в таком случае он (**С.286**): является естественным союзником греков, а не их врагом. Болгары дунайские были давно знакомы Руси; в дружине Владимира наверно были воины, вывавшие со Святославом в этой Болгарии, поэтому глубокомысленная шутка Добрыни, едва ли сюда приложима, как замечал Карамзин. Ее могли сказать о народе малоизвестном, с которого дани еще не брали, а Дунайскую Болгарию Святослав считал срединой своей земли. В этом походе, в связи с лодьями Владимира, шли берегом торки, чemu леса берегов Волги не могли быть неодолимым препятствием. Но поход тех же торков, из придонских степей на Дунай, с переправой через многие огромные реки и сквозь становища враждебных печенегов, едва ли возможен; во всяком случае, тогда совершенно невозможно думать о непременной и неизбежной связи во время похода обоих отрядов, лодейного и сухопутного. Мне кажется ясным, что этот поход был против волжских Болгар¹⁾², так что вражду греков с Владимиром, указанную арабскими источниками, надобно искать в чем-либо ином, а не в этом походе. Бар. Розен пояснял, что Яхъи выражение «*а они его враги*» не значит непременно, что в то время между руссами и греками шли военные действия, но это могло быть²⁾³. Все же крайне удивительное обстоятельство, обращение к врагам за помощью, остается без объяснения, которое и невозможно при допущенной выше последовательности событий.

Сверх того, рассматривая все стороны этого вопроса, недостаточно сохранить естественную последовательность событий, а приходится обратить внимание еще и на время года, потому что во всем этом неизбежны морские сообщения, не всегда доступные. Напр., г. акад. Голубинский, столь верно почитающий возможность посылки вспомогательного отряда ранее взятия Корсуня не постигаемой, также полагает, что тайное крещение было в 987 году, а взятие Корсуня не позднее начала 989 г., так чтобы помочь царям могла быть оказана уже к началу апреля [Абидосская битва была 13 апреля]. Хотя последование событий (**С.287**): здесь и естественное, но осуществление их истинно невероятно, так как в начале года, до апреля, даже одиночные сообщения по Черному морю для переговоров, без которых дело не могло статься, крайне трудны и долги, а переправа целой дружины в эту пору года и вовсе невозможна. К тому же даже и это дела не выяснит, потому что дружина руссов была в Царьграде не только к началу апреля, но и много раньше, участвуя в первом бою под Хрисополем, тоже бывшем после того, как Владимир стал зятем царей¹⁾⁴. Когда именно было сражение под Хрисополем, точно не определено, но оно должно было произойти значительно ранее Абидосского, по малой мере настолько, чтобы вспомогательный отряд успел оправиться после первого боя и дойти под Абидос. Но этого мало. О Хрисопольской победе узнали грузины, союзники Варды Фоки, покинули его сына и ушли домой. Сам Варда Фока, *после того*, вел долгие сношения для устранения патриарха Антиохийского и достиг этого в начале марта 989 г. Именно соображения со всеми этими обстоятельствами дали основания считать

¹⁾ Голубинский, *Ист. Русск. Церкви*, 2-е изд., I, 167, примеч.

²⁾ Подробнее П. Голубинский, *Об Узах и Торках*, Ж. Мин. Нар. Пр., 1884, июль, 10-12; Завитневич, *Владимир Св.*, 38-44, 51.

³⁾ Бар. Розен, *оп.с.* 195.

⁴⁾ Голубинский, *оп.с.*, 150-151; Васильевский, *Варяго-рус. друж.*, Ж. Мин. Нар. Пр., 1874, ноябрь, 123-124.

временем Хрисопольской битвы лето 988 г.²⁾¹. Асохик указывает, что Абидосское сражение было в следующем году, после Хрисопольского. Васильевский, приведя это указание, замечает, что здесь считаны мартовские годы [6496]; если так, то все же Хрисопольское сражение не могло быть позже февраля 6495 мартовского или 989 январского³⁾². Академик Ф.И. Успенский полагает, что между этими сражениями был промежуток в несколько месяцев, и бой под Хрисополем был еще летом 988 года⁴⁾³. Принимая даже самый поздний срок Хрисопольского боя, февраль 989 г., этим самым поздним приходится признать, что вспомогательный отряд руссов, для возможности участвовать в нем, должен был прибыть в Царьград не позднее конца лета 988 г. Была высказана догадка о приходе этого отряда в Царь- (**С.288**): град сухим путем¹⁾⁴. Мне кажется, что такой военный поход, шеститысячной дружины, от Киева через степи с ордами печенегов и земли враждебной Болгарии, дело невероятное, а в зимнюю пору прямо-таки физически невозможное. Значит, и сухопутный поход, в лучшем случае, должен был закончиться тоже не позднее конца лета 988 года, так что и тут приходим к тому же выводу. А так как невозможно допустить, чтобы вспомогательный отряд был послан ранее взятия Корсуня, то и последнее не могло случиться позднее лета 988 года. Понятно, что оно не могло быть и заметно ранее покаянного эдикта Василия II от 4 апреля того же 988 года. Отсюда видно, что это время, одинаковое с определенным «Нач. Лет.», никак не согласуется с показанными выше предположениями.

Иное будет дело, если представить описание всех этих событий согласно с упомянутыми древними писателями, указаниями наших летописей и условиями морских сообщений в Черном море. Получится возможное и ясное последование событий, раскроются причинная их связь и вероятные побуждения для некоторых, напр. взятия Корсуня. Сделаю это возможно кратче.

Жестокое поражение, нанесенное болгарами вблизи Средца 17-го августа 986 года (6494)⁵⁾⁵ молодому царю Василию II, вынудило его самого бежать, поставив и династию, и даже государство в крайне опасное положение. Уже и до того многолетнее восстание Варды Склира и войны с болгарами истощили все силы, приходилось искать помощи на стороне, не останавливаясь перед выбором способов. Тогда применили обычное средство - натравливание одних варваров на других. Вероятно, вспомнив договор со Святославом, обязывавший руссов помогать грекам, отправили к Владимиру посольство осенью того же года. Показным лицом посольства был миссионер, для проповедования Руси христианства, и это записала «Нач. Лет.» под тем же годом; о самом посольстве она ничего не говорит, потому что его настоящая (**С.289**): цель, да и оно само были тайными и не могли быть иными по самому существу дела. Это посольство должно было стараться заключить договор с Владимиром о присылке вспомогательного отряда для действия против болгар. Что посольство было, это очевидно по смыслу всех источников, кроме прямого показания «Нач. Лет.», вопрос может быть только о его времени. Несомненно также, что и почин всего этого дела был со стороны греков, чем объясняется и прикровенность, тайна этого посольства, о котором ничего не должны были знать, особенно болгары. Отсюда получается доказательство верности летописного показания и объяснение его малоопределенности. О ходе переговоров с этим посольством точного ничего не известно, но об их существе можно догадываться если обратить

¹⁾²⁾ Бар. Розен, *оп.с.*, 208, 405.

²⁾³⁾ Васильевский, *Варяго-рус. друж.*, Ж. Мин. Нар. Пр., 1874, ноябрь, 122, примеч.

³⁾⁴⁾ Успенский, Имп. Бол. Ж. Мин. Нар. Пр., 1884, апр., 313-314.

⁴⁾¹⁾ Васильевский, *К ист. 976-986 г.*, Ж. Мин. Нар. Пр., 1876, март, 173.

⁵⁾²⁾ Бар. Розен, *оп.с.*, 21, 190.

внимание на отношение сторон. Основною чертою переговоров должно было быть взаимное недоверие. Русь для греков – жестокие скверноубийцы, зверообразные, кровожадные варвары; греки для Руси – богатые, но коварные, льстивые предатели, способные на все. При таком положении нелегко заключить договор, еще труднее обеспечить его исполнение, ибо каждая сторона все-го более боялась быть обманутой другой. Набрать на Руси сильную дружибу было немудрено, это вопрос денег, за которыми греки не стояли, но нельзя думать, чтобы дружина согласилась пойти, а Владимир отпустил бы ее от себя так просто, на слово, без обеспечения. Владимир, бесспорно, был человек государственного ума, и невозможно мыслить, чтобы он отдал грекам такую уйму людей, становившихся, в сущности, заложниками, без равносильного возмещения; шесть тысяч лучших, отборных воинов, потому самому и предводительствуемых близкими, вероятно, частью родственными Владимиру вождями; есть даже указания, что он сам вел эту дружибу в Царьград¹⁾¹ и если не дошел туда, то на то впоследствии явились особые причины. Деньги в настоящем случае не могли быть соизмеримой величиной, к тому же Владимир справедливо думал, что деньгами дружины не купить [т.е. верной и преданной], а с дружиной деньги добываются. Пос- (С.290): лам приходилось, кроме денежного вознаграждения, найти залог для размена. Таким залогом и могла быть порфи-рородная сестра царей. Отсюда становится очевидным, что не Владимир домогался руки царевны, не он ведь начал все эти переговоры; наоборот, рука царевны была предложена Владимиру послами, и хотя источники такой по-становки дела прямо не утверждают, но она несомненна по самому существу.²

¹⁾ Васильевский, К ист. 976-986 г., Ж. Мин. Нар. Пр., 1876, март, 148-154.

²⁾ Таким образом, А.Л. Бертье-Делагард отстаивает следующую реконструкцию событий. Василий II просит у Владимира помочи против болгар, тайно предлагая выдать за киевского князя свою сестру Анну, и посыпает для этого «философа» с тайной миссией. Владимир идет к Днепру, чтобы обменять Анну на дружибу. Но Василий уже передумал, так как болгарская угроза ослабла, и Анну не прислал. Тогда Владимир решил оказать давление на императора и задумал захватить Херсон с той дружибой, которая была предназначена для византийцев, но осталась невостребованной. Чтобы получить публичный повод к войне, Владимир сватается к «дочери корсунского князя» и получает ожидаемый отказ. Повод найден – Херсон осажден. Тем временем начинается восстание Варды Склира, потом – Варды Фоки, который, возможно, вступает в дипломатические сношения с осаждающим Херсон Владимиром.

Данная реконструкция невероятна в важнейших ее компонентах:

1. Об императорских посланцах летописи всегда сообщают, что пришли (пришел) посланные от царя. Вот лишь некоторые примеры:

- сообщение Лаврентьевской летописи о послах Иоанна Цимисхия к Святославу. Вот –небольшой фрагмент подробного рассказа о членочной дипломатии византийских послов (боляр по терминологии летописи) «*шиже придоша ко црю . и созва цръ болары . рѣша же послани иако придохомъ к нему . и вдахомъ дары . и не зрѣ на на . и повелъ схоронити . и реѣ единъ искуси и еще посли ему шруже . шни же послушаша его . и послаша ему мечь . и ино шруже .*» [10, стлб. 71].

- сообщение Никоновской летописи о византийский послах к Ярополку: «*В лето 6487 (979) ... Того же лета прииодише послы от Греческаго царя к Ярополку, и взяша мир и любовь с ним, и яшася ему по дань, якоже и отцу и деду его. Того же лета прииодиша послы к Ярополку из Рима от папы*» [13, с. 39].

- сообщение Лаврентьевской летописи о членочной дипломатии послов Владимира: «*црѧ . быстъ печальна . [и] въздаста вѣсть сице гл҃ца . не достоитъ хѣганомъ за поганыи дати . аще са крѣтиши то и се пѹлучиши . и црѣво нѣ нѣсъ приимиши . и с нами единъ вѣрникъ будеши . аще ли сего не хощени створитъ . не можемъ дати сестръ своеи за та . си слышавъ Володимеръ реѣ . посланымъ ѿ црю . глѣте црма . тако иако азъ крющоса...*» [10, стлб. 110].

О прибывшем в Киев «философе» говорится совершенно иначе: «*прислаша Грыци . къ Володимеру философа*», т.е. он прибыл не от высшей византийской власти. Можно осторожно предположить, что такой посынец мог прибыть от Варды Склира, начало мятежа которого приходится на 986 г. (летописное лето 6494) [10, стлб.86], т.е. год прибытия в Киев «философа».

2. Предполагать, что «греческий философ», даже если он прибыл из Константинополя, имел полномочия предложить руку Анны язычнику и варвару в обмен на военный отряд, также нельзя. Во-первых, потому что это было запрещено политической традицией Македонской династии со времен Константина Багрянородного: «*Если когда-либо народ какой-нибудь из... неверных и нечестивых северных племен попросит о родстве через брак с василевсом, т.е. либо дочь его получить в жены, либо выдать свою дочь, василевсу ли в жены или сыну василевса, должно... отклонить эту их неразумную просьбу, говоря такие слова: "Об этом деле...*

Из такого положения вещей следует, что распространенные объяснения дальнейшего хода событий, в которых рука порфирородной царицы столь высоко ценится, что из-за нее греки, в критическую минуту, все-таки обманывают важного союзника, а Владимир идет на крайне тяжелый и сомнительный военный поход, - психологически невероятны. Греческие цари и их послы должны были давно знать, на какую жертву решались и, очевидно, не столь уже высоко ее ценили, а Владимир, сам не добивавшийся царевны вначале, не мог и впоследствии ценить одно неполучение ее превыше меры.

Разумеется, не обошлось без того, чтобы при переговорах не оценивались и не понимались политические стороны этого брака, все выгоды, осуществимые, однако, только при непременном условии взаимного и добровольного согласия сторон. Перед Владимиром, в таком случае, открывалась возможность и все выгоды общения с культурными странами. Греки, конечно, напирая на чрезвычайный почет такого брака, сознавали, что они устраивают враждебную болгарам силу в тылу их. Все же политическая сторона была для Владимира второстепенной; нельзя думать, чтобы он слишком высоко ценил нечто ему совсем незнакомое и невещественное – родство; главным для него делом было получение ценного залога, обеспечивавшего дружины, посыпанную в далекую, неведомую, но притягательную страну на весьма выгодных условиях.¹

Как бы то ни было, но непременным условием для спасения видимостей, греки ставили принятие Владимиром христианства. Это требование, в своем существе, не встретило затруднения, потому ли что Владимир считал его не значащим, или потому что оно было подготовлено многим: и внутри, в роде Владимира, и извне, у соседей, теперь это мудрено решить. Ведя переговоры тайно, (С.291): в то же время Владимир благосклонно выслушивал и явную проповедь миссионера, отдавая ему предпочтение перед другими, в меру устанавливающихся тайных условий, но все же на предложение креститься отвечал уклончиво, как замечает «Нач. Лет.». Что в это время у Владимира были представители и иных верований не только не удивительно, но, так сказать, само собой разумеется, раз что о прибытии греков узнали в Киеве. Уклончивый ответ Владимира также нимало не странен, он прямо показуется, если только допустить то, что именно и было, т.е. что Владимир соглашался принять крещение, но тайно; понятно, что при этом явно он мог говорить лишь уклончиво. На тайном крещении, конечно, настаивал Владимир, а не греки, вынужденные уступить; причины этого тоже понятны, они лежали в неподготовленности дружины и народа и, может, еще более в недоверии к грекам. Надо было начать кому-либо исполнять договор, это и со-

---

страшное заклятие и нерушимый приказ великого и святого Константина начертаны на священном престоле вселенской церкви христиан святой Софии: никогда василевс ромеев да не породнится через брак с народом, приверженным к особым и чуждым обычаям, по сравнению с ромейским устройением, особенно же с иноверным и некрещеным (выделено мной – В.Х.)... Дерзнувший совершить такое должен рассматриваться как нарушиль отеческих заветов и царских повелений, как чуждый сонму христианскому и предается анафеме"» [8, с. 59]. Во-вторых, потому что ни один источник не содержит такой информации. Все они без исключения (византийские, древнерусские, арабские, армянский) четко указывают, что Владимир потребовал себе Анну в жены, а не наоборот; древнерусские летописи конкретизируют: потребовал из захваченного после долгой осады Херсона.

Поэтому, поход Владимира на Херсон, ставший прямым нарушением русско-византийских договоров 945 и 971 гг., не был спровоцирован враждебными действиями или недобросовестностью византийцев. Рискну предположить, что время для нападения на византийский анклав Владимир выбрал с учетом начинавшегося в Византии опаснейшего мятежа Варды Склира (переросшего в восстание Варды Фоки), нападений болгар на европейские фемы империи, и крайней непопулярности Василия II в народе в тот период. Вообще, в нападениях росов на Византию можно усмотреть четкую закономерность: они совершались тогда, когда в империи обострялась внутриполитическая ситуация или происходил мятеж. Подробнее об этом см.: [31; 32; 33] (прим. публ.).

¹ Предположение, что Владимир рассчитывал (или ему обещали) получить деньги за направленную в расположение Василия II дружину, также полностью лишено источниковой основы (прим. публ.).

гласился сделать Владимир, но так, что всегда мог отрицать бывшее, благодаря тайне, в том случае, если бы греки со своей стороны не исполнили обещаний, а дружины, обманутая в своих ожиданиях, стала бы «сему смыться». Все это было в самом конце 986 г. (6494).

«На другое лѣто по крещении к порогам ходи», сказано в «Похвале».¹ Отсюда видно, что вслед за договором, при первой возможности весной, т.е. в 987 году (6495), Владимир повел лично набранный отряд не потому, чтобы он сам не нашел дороги, а вследствие условленного места для размена заложниками. В устьях Днепра он давал дружины, ему царевну. Вот это личное предводительство дружины, назначенной царям, вероятно, и дало повод к думам, что Владимир был с нею под Царьградом. Численность вспомогательного отряда была условлена в шесть тысяч человек², но для охраны Владимира при возвращении с царевной и дарами, нужны были еще силы, думаю, около двух тысяч, едва ли более³.

(С. 292): Придя в устье Днепра, Владимир со своей стороны отправил известительное посольство, что требуется смыслом вещей и видно из «Нач. Лет.», под этим же 987 годом (6495). И это посольство также неизбежно должно было иметь тайную цель и прикрывающую ее явную. Тайная – дать знать о прибытии и, конечно решить окончательно, куда и как действовать отряду; явная – исследование веры. В этом последнем смысле, Владимир должен был понимать, что как ни сильна его власть, но же все для перемены веры надобна некоторая подготовка, которую и начали в виде гласного отправления исследователей. В этом поступке, так освещенном, решительно ничего нет ни сказочного, ни удивительного, тем более, что это ни к чему не обязывало. Разумеется, посольство было так подобрано и послано с таким внушением, что заранее было известно, к чему оно должно прийти; в требуемом смысле оно и дало ответ, явно пристрастный в пользу греков; по-видимому, оно и было только в Царьграде, а об остальном говорило, лишь бы что-нибудь сказать. Для полноты.

Явный прием этого посольства в Царьграде вполне отвечал предположениям, ибо его величественность грекам ничего не стоила, но тайные с ним переговоры, потому и неизвестные «Нач. Лет.», были неудовлетворительны. Пожалели греки царевну, она ли упорно отказалась, на что прямо ссылаются восточные писатели, просто ли (и это вернее) положение вещей улучшилось,

¹ Только «Древнее Житие» Владимира, включенное в «Память и похвалу...» Иакова Мниха, сообщает о походе Владимира к порогам. Ни летописи, ни другие варианты Жития св. Владимира, ни иностранные хроники этой информации не содержат. О цели похода не говорится и в этом единственном источнике. Значит, увязывать данное сообщение с событиями Корсунского похода, Крещения Руси и женитьбы Владимира на Анне крайне рискованно. Стремление историографов (начиная с Е.Е. Голубинского) непременно включить «поход к порогам» в контекст «Корсунской легенды» вынуждает их делать неправдоподобные выводы из сообщений реальных, многочисленных и взаимодополняющих источников. Поэтому, проще предполагать, что если Владимир и ходил зачем-либо к порогам, то с русско-византийскими отношениями и Крещением Руси этот поход никак не связан. Но необходимо помнить также, что путь Владимира к Херсону в любом случае пролегал через днепровские пороги. И потому, в информации «Древнего Жития» нет противоречия: Владимир вначале дошел до порогов, а на следующий год взял Херсон. Если руководствоваться византийским сентябрьским календарем, получится, что Владимир принимал «философа» и предшествовавших ему послов ранее первого сентября 986 г. (в лето 6494), вышел в направлении Херсона ранее 1 сентября 987 г. (еще не закончилось лето 6495), а до Херсона добрался уже после 1 сентября, когда наступило лето 6496 (01.09.987-31.08.988), т.е. летописный год «Корсунского взятия», женитьбы князя и Крещения Руси. Такая реконструкция полностью согласуется с хронологией древнерусских летописей (прим. публ.).

² 1) Василевский, *Варяго-русск. друж.*, Ж. Мин. Нар пр., 1874, ноябрь, 121-125, 1875, март, 99, 150.

³ 2) Цель этого похода в пороги не указана, она объясняется просто походом только на печенегов, но это прямо не указано и ни из чего не видно, (С. 292): чтобы пороги почему-либо были важны для разгрома печенегов; туда вообще походом на них не ходили. С другой стороны, отягчение Руси лодьями и возней с их перетаскиванием по быстрым делало в этих местах бой крайне трудным, а неожиданность нападения конникам печенегам всячески облегчалась, так что нельзя думать, чтобы поход на печенегов повели туда, где их нет и в столь невыгодных условиях; пример Святослава был у всех в свежей памяти. Наконец, о возвращении в Киев в этом же году не говорится.

но вместо царевны прибыли лишь уловки и обещания. К лету 987 года нападения болгар несколько притихли, может, именно потому что они узнали про готовящийся вспомогательный отряд и боялись за свой тыл, по крайней мере, о болгарских действиях в эту пору ничего не известно; значит, посыпать на них руссов не виделось никакой надобности; с другой стороны, тогда (С. 294): предлог и нашли, потребовав то, на что заранее ожидали отказ, конечно, не одну руку дочери, но с нею и подчинения, сдачи города «по дань».

Переговоры с царями, ожидание царевны, не могшей прибыть по морю ранее июня или июля, наконец, переговоры с Корсунем, дают основание считать, что из устьев Днепра Владимир вышел в море не ранее конца июля или начала августа. Брать всю дружину, приведенную из Киева, было излишне и даже опасно. Предпринимая далекий, нелегкий и, быть может, продолжительный военный поход, приходилось обеспечить сообщение с Днепром, операционной базой Владимира. Поэтому я думаю, что под Корсунь пошло тысяч шесть, а остальные стерегли устье Днепра. Идя на Корсунь, возможно, надеялись захватить город быстрым, почти неожиданным нападением, но это не удалось, и как только пришлось прибегать к обложению, то взятие города измором должно было неизбежно затянуться и произошло лишь после очень долгого времени. Конечно, о нападении руссов и осаде горожане дали знать царям, но оттуда не могло быть помощи, частью вследствие наступления осенних непогод, а всего более потому, что как раз в это время, с половины августа тайно, а с конца сентября открыто, поднял мятеж Варда Фока, объявив себя царем и завладев М. Азией; в конце года он был на берегах Босфора против Царьграда¹. О Корсуне там не приходилось и думать. Счастье и здесь служило Владимиру, а может быть, и сторонники Варды Фоки его направляли.

Осада города по записям русских источников продолжалась девять месяцев, следовательно, закончилась, и то предательством, около конца апреля 988 г. «На третье лѣто (по крещении) взят Корсунь», сказано в «Похвале»; в этом же году показано взятие Корсуня и в «Нач. Лет.», в которой лишь та ошибка, что она весь поход, начатый еще в 987 году, описала в год взятия города, 988, т.е. 6496.

Владимир, взяв Корсунь, дал знать о том царям, требуя царевну и, конечно, крупного вознаграждения дружине, особенно в окуп за Корсунь, грозя самому Царьграду участью взятого города. Эта угроза (С. 295): кажется теперь простым бахвальством зазнавшегося варвара, но не так на неё смотрели царьградские политики и вступили в переговоры.

Обыкновенно предполагается, что Владимир осадил Корсунь, имея в виду его взятием к чему либо принудить царей; оказать на них непреодолимое давление в смысле исполнения договора, завоевания веры, присылки царевны, доставления священников и наставников, и т.под.; именно взятием города он, будто бы, и достиг какой-либо из этих целей. Мне кажется, что оценка влияния на политические соображения взятия Корсуня учитывается здесь неправильно. Едва ли Владимир стремился к чему-либо подобному и наверно ничего такого не мог бы достигнуть одним взятием города. Угроза взять Корсунь могла, как и всякая угроза, оказать большее или меньшее воздействие на противника, но взятием этого города руссы никогда не грозили; раз же что эта угроза осуществлена, её значение самой по себе, опять таки как и всякой иной, совершенно исчезает. Наступает влияние нового положения вещей, в котором взятый Корсунь мог иметь значение для будущего хода военных операций и в смысле возможного ущерба царей, как географически,

¹⁾ Бар. Розен, оп. с., 23, прим. 156.

так и показом военного могущества Владимира. Понятно, что захват столь удалённого города, отрезанного морем от владений царей, в смысле будущих военных операций не имел никакого значения; в прямом же смысле показа военной силы его значение было скорее отрицательным, так долго и невежественно провозились варвары под небольшим, одиноко брошенным на их произвол городом. После такого военного опыта угроза взять Царьград могла казаться лишь смешною. Царь Василий, перенёсший в то же время завоевание чуть не половины своих европейских владений, отпадение почти всей М. Азии, видевший победоносные войска мятежников на самом Босфоре, именно тогда писавший эдикт, что он не знал никакого добра в жизни, но не осталось никакого рода несчастья, которого бы он не испытал¹⁾¹, и всё же боровшийся не сдаваясь, едва ли мог почувствовать прибавку горести (**С. 296**): от взятия Корсуня. Каково бы ни было значение Корсуня вообще, но его взятие в ту пору, в смысле влияния на общую политику царей, было второстепенно, даже прямо таки ничтожно. Изощрённые византийские политики должны были понимать, что совершившееся взятие города есть не изменяемое прошлое: никакими уступками нельзя было вернуть бедствий его осады и взятия, а удержать город в своих руках, завладеть им навсегда, Владимир явно не мог. Значит всё это было поправимо в скором времени, если удержится царство, к чему и были направлены все их усилия. Отсюда следует, что никакие нежелательные уступки не могли быть вынуждены у царей одним взятием Корсуня. Это мне кажется совершенно очевидным, а если допустить, как теперь принято думать, что Корсунь взят в 989 году, т.е. после поражения Варды Фоки, то победоносный царь на это взятие едва ли обратил бы внимание. Правда и в 989 году были замешательства со стороны старого бунтовщика Варды Склира, с которым цари и вступили в выгодную для него сделку, но таковая была заключена 14 октября, много позднее предположения самого позднего срока взятия Корсуня, когда последнее было давно учтено обеими сторонами и вспомогательный отряд руссов, при всяких предположениях, находился в полном распоряжении царей; стало быть, между взятием Корсуня и договором с Вардой Склиром нет причинных связей²⁾².

В том то и дело, что под Корсунем счастье продолжало служить Владимиру изумительно, безгранично. Корсунь он взял годом ранее, чем теперь стали думать, т.е. весной 988 года и если бы этот год не был точно определён «Нач. Лет.», то его можно было бы угадать. Именно в минуту взятия города Варда Фока ещё стоял на Босфоре грозным победителем, владыкой чуть ли не половины царства, а Василий писал покаянные эдикты, и в Царьграде прекрасно понимали, да знал это наверное и Владимир, когда грозил, что в ту минуту меч руссов будет решать участь не ничтожного Корсуня, а всего царства. Бросить тот меч было одинаково просто, быстро и легко, к тому же Босфору, как в сторону царей, так и Варды Фоки. Отсюда и составилось психологиче- (**С. 297**): ское значение взятия Корсуня в нём самом вовсе не заключавшееся, а если угодно будет признать такое объяснение, то этим самым и будет дано простое доказательство от разума взятия этого города именно в весну 988 года, не уступающее хронологическому указанию. Все согласны в признании чрезвычайности политической победы Владимира, последовавшей за взятием Корсуня, меняются лишь взгляды на причины этой победы, и установление вышесказанного служит ключом к пониманию возможности угроз Владимира; было чего бояться, из-за чего стараться царям, во что бы то ни стало, привлечь его на свою сторону. Близкое будущее оправдало такую политику.

¹⁾ Бар. Розен, *оп. с.*, 23, 193; Васильевский, *К ист. 976-986 г., Ж. Мин. Нар. Пр., 1876, март*, 121, 139.

²⁾ Бар. Розен, *оп. с.*, §2, 212, особенно 214-217.

Из Царьграда попробовали ещё поторговаться на тему принятия христианства, но Владимир с существом этого не спорил, а в подробностях исполнения византийские политики вынуждены были уступить в главнейшем. Во имя спасения царей и державы, убедили царевну, и уже не в обмане, а просто на полную волю Владимира отправили её в Корсунь, *ранее чем получили дружину*. Разумеется, и денежные субсидии должны были быть громадны, оплачивая и дружину, и взятый ею город.¹ Положение было таково, что никакие уловки или отсрочивания не могли применяться, пришлось выложить сполна всё.

Теперь надобно заметить, что все сообщения южного Крыма с Византией, искони и до наших дней, всегда шли на перевал, через Чёрное море к Синопу, а уже оттуда вдоль анатолийского берега. Так ходили войска Митридата VI на помощь Херсонесу, так шла и последняя турецкая эскадра с десантом в Крым, в 1774 году; так ходят и сейчас беспалубные турецкие ко-чермы, привозя в Крым такой ничтожный груз, как дрова или яблоки, и увозя соль, а в оба конца контрабанду. Причина тому лежит в особенностях морских условий. Перевал через море требует времени в благоприятную погоду не более суток, причём в середине моря, в хорошее время, видны оба берега, обстоятельство известное ещё Страбону. Затем, на обоих берегах летом дуют правильные бризы: днём с моря, ночью с берега; значит уходя на ночь из Крыма к утру доходят почти до половины моря, идя всё время попутным бризом, а там скоро подхватываются своим дневным бризом, тоже попутным; вдоль Анатолий- (С. 298): ского берега идут в Царьград, тем же бризом, в полветра; обратный путь совершается точно также. Говорю это для пояснения возможной быстроты сообщения и отсюда следует, что при достаточно благоприятных условиях, летом, тогдашние лёгкие суда достигали Царьграда в три-четыре дня, не более. По «Нач. Лет.» стороны, после взятия Корсуня, сносились трижды и только в ответе по третьему разу прибыла царевна. Со всем этим, однако, видимо спешили: «*и посылаше промеж себя скорые послы*», сказано в «Жит. ос. сост.»¹⁾². Как бы то ни было, все эти ссылки заняли, считая с запасом, времени не более четырёх-пяти недель, следовательно, царевна, переправляясь в лучшую пору года, была в самом начале июня в Корсуне.

Так как спешили обе стороны, то крещение и венчание не затянулось, и те же корабли, что привезли царевну со свитой, должны были увезти и вспомогательный отряд, который и мог быть в Царьграде к началу июля и даже ранее. Этот отряд, составленный из воинов бывших под Корсунем, конечно, там же последовал примеру князя и крестился; он был пополнен до шести тысяч из оставшихся на устье Днепра или вновь прибывших из Руси. Намёк на образование этого отряда мне видится в странном и иначе необъяснимом замечании «Жит. Ос. Сост.» и друг., о том, что Владимир, взяв Корсунь, не распустил полков, т.е. не считал дело конченным и готовил дружину к дальнейшим боям²⁾³. Отплыв в Царьград, попав, наконец, в страну заветных мечтаний, хорошо встреченный, как прибывший в самую критическую минуту, особенно ретивый, как все новообращённые, отряд служил царям, новым родственникам князя, за совесть. В двух боях, в конце лета 988 года под Хрисополем и 13-го апреля 989 года под Абидосом, он дрался отлично, главным образом содействуя разбитию на голову мятежных войск Варды Фоки, утвердив тем оконча-

¹ Еще раз подчеркну, что никаких данных о денежных расчетах между сторонами источники не сообщают. Говорится лишь о вывозе из Херсона христианских реликвий, античных статуй и уводе греческих церковно-служителей. Остальное – домыслы, не базирующиеся на информации письменных источников (прим. публ.).

²⁾¹ Шахматов, *оп. с.*, 47.

³⁾² Шахматов, *оп. с.*, 32, 47.

тельно царские венцы на головах Василия и Константина. Вот с каких пор защита легитимизма стала видеться в деяниях русских людей.

(С. 299): Отослав вспомогательный отряд и получив в то же время всяческие дары и духовенство, Владимир, забрав, что хотел, из Корсуня, построив там церковь, конечно, маленькую, род обыденки, с осталною частью дружины уходил в Киев¹⁾¹. Корсунь оставлен был грекам, вероятно по договору и, конечно, за большой выкуп; главная тому причина была в том, что он совсем, ни на что не был надобен Владимиру, а сохранить его за собою не представлялось никакой возможности. Давая почётное объяснение, «Нач. Лет.» указывает, что город пошёл как бы в вено царицы.

Только что выше повторено, что в Корсуне было и крещение, и венчание Владимира, как то показано в «Нач. Лет.»; не вижу, почему бы ей не верить. Тайное крещение 986 года никому не было ведомо, сам Владимир, очевидно, по его же многократным замечаниям и выражениям, не придавал ему окончательного значения, почему и вновь выражал несколько раз после того желание креститься; в этих пожеланиях нет и противоречий, стоит только понимать их как намерения объявить о своём крещении и как подготовку к тому окружающих. Мало того, что тайное крещение никому не было известно, но едва ли корсунцы, понятно, от осады и взятия крепко пострадавшие, видевшие поступок Владимира с их «князем» и его семейством, а также царевна, при которой тоже Владимир «хотя безв'єріе сотворить»²⁾² (С. 300): могли поверить, что благодать крещения коснулась такого грешника. Дружина, которую без сомнения побуждали креститься, также не легко верила рассказу о давнем и тайном крещении князя и ждала показа. Поэтому, я думаю, что Владимира или торжественно крестили вторично, сочтя первое крещение никому неведомым, или устроили ему столь близкое участие в крещении его приближённых и дружины, что это всем должно было казаться именно крещением, которое с этого времени и стало считаться официально. Это объяснение недостаточно канонично, хотя детей и крестят вторично, если не точно известно, что они крещены; поэтому возможно данное проф. Малышевским, не только для Владимира, но и для Ольги, а именно что у них прежде было оглашение, а уже затем, значительно позже и самое крещение¹⁾³. Очень немногие знали и вспоминали первое тайное крещение или оглашение Владимира, которое, хотя и перестало быть тайным, но в своё время не сопровождалось видным торжеством, потому и не запечатлелось в памяти. Однако, следы его бытия и счёт лет от него дошли и до нас, составляя как бы отличие от «Нач. Лет.».

Здесь у места будет сравнить, хронологические данные «Нач. Лет.», «Похвалы» и других. В «Похвале» имеется немного показаний на время, всего десять, и те даны тремя различными системами, что не свидетельствует в пользу их самостоятельности и верности. Прямых годовых чисел в ней только два и так как оба даны не одним годом, но месяцем и числом, то их и

¹⁾ «Нач. Лет.». передаёт показание очевидца о том, где именно в Корсуне стояли и стоят, и эта церковь, и палаты царицы и Владимира, что превосходно подтверждает добросовестную точность летописного рассказа, повторяющего прямые показания очевидцев. Конечно, нет никаких оснований считать эти палаты нарочно построенными, на что даже и времени нельзя было бы сыскать. Просто очистили помещения, в изобилии находившиеся, часто очень хорошо отделанные, с мозаичными полами, в связи со многими церквами и открытые раскопками в нескольких местах.

²⁾ Шахматов, оп. с. 47. Как Владимир поступил со взятым городом в точности неизвестно, но всего вероятнее, что по праву тогдаших победителей, т.е. беспощадно. Рассказ о том «Жит. ос. сост.», думается мне, должен быть весьма близким к правде. Его подтверждает и совершенное молчание об этом столь, вообще, осведомлённой «Нач. Лет.»; нельзя же было ей указать на разбойные дела Владимира и тут же приводить его благочестивые изречения. Подробности, указываемые в «Никоновской Лет.» (стр. 62) о том, что будто бы Владимир, войдя в город, «укрепи и уласка всех», явная выдумка позднейшего защитника памяти св. князя.

³⁾ Малышевский, Ист. Русск. Церкви, рецензия, Отчёт о XXIV присужд. нагр. гр. Уварова, 35, 50-51.

должно считать точными: одно – смерть Владимира, 15-го июля, 1015 г. (6523); другое – его единодержавие в Киеве, с 11-го июня 978 г. (6486). Оба эти года такие же и в «Нач. Лет.», в которой единодержавие в Киеве хотя и показано в 980 году (6488), но это показание поправляется самою же «Нач. Лет.» тем, что вся продолжительность времени правления Владимира исчислена в 37 летах, а это будет точно только от 978 года, а не от 980-го²⁾¹.

(С. 301): Затем, семь показаний времени в «Похвале» даны условной системой, от какого-либо события, и уже по одному этому легко допускают возможность ошибки, чему способствует и особенность выражения: на такое-то лето, после того-то, причём первым годом считается момент основного события. Напр. в третье лето взят Корсунь, что может пониматься как через два года на третий, т.е. с промежутком более двух лет, по счёту же «Похвалы» это значит через год на второй, так что промежуток может быть немногим более одного года, а потому, считающие тайное крещение в конце 987 года или даже в начале 988, все же отсюда выводят взятие Корсуня в 989 году¹⁾². Таким способом в «Похвале» показывается, что единодержавие Владимира наступило на восьмое лето по смерти его отца Святослава; но Святослав убит весной 973 г. (6481) и, следовательно, 987-ой год будет только шестым¹⁾³. Эту ошибку полагают исправить, ведя счёт не от смерти Святослава, а от его последнего похода, перед которым он посадил в Киеве Ярополка, а Владимира в Новгороде, но это случилось в 970 г. (6478) и, значит, самодержавие окажется на девятое лето, как по летописи. Выходит, как ни считай, что здесь в «Похвале» две ошибки, и в где, и в существе. Далее в «Похвале» имеется весьма важное показание: «Крестившися князь Володимер в десятое лето по убиеніи брата своего Ярополка». Десятое лето от 978 года будет 987 г. (6495) и на этом именно показании основывается утверждение тайного крещения в конце 987 г., а так как Корсунь взят, по той же «Похвале» в третье лето по крещении, то это взятие и считают в 989 году (6497). Тот же год крещения показан и в Несторовом «Житии Бориса и Глеба». Однако, в «Нач. Лет.» не косвенно, а прямо, числом, взятие Корсуня показано годом ранее в 988 г. (6496) и выше приведены данные для того, чтобы считать это показание точным и единственным возможным, следовательно, тайное крещение, применяя счёт «Похвалы» (на (С. 302): третье лето) было в 986 г. (6494), а этот год будет не десятым, а только девятым от убийства Ярополка¹⁾⁴. В Никоновской и Псковской так и показано в девятое лето²⁾⁵. Возможно, однако, что здесь нет ошибки и показания, и «Похвалы», и «Жития Бориса» одинаковы с «Нач. Лет.». Всё дело в том, что неизвестно в точности, какими годами вели счёт, мартовскими или сентябрьскими. Обычно принимают, что мартовскими; хотя и нет ни одной данной по близости крещения для проверки, но несомненно, что довольно близко в «Нач. Лет.» попадаются показания и сентябрьскими годами, напр. события 6524 г., похода Ярослава, а также смерть Ярослава в 1054 г. (6562) и другие, указаны сентябрьским годом³⁾⁶. Если счастье, что вокруг крещения Руси года сентябрьские, то показания «Похвалы» и «Жития Бориса» будут верны и согласны с «Нач. Лет.»; крещение, бывшее хотя и в конце 986 года (6495 сентябрьского и 6494 мартовского), но будет именно на десятое лето по убийству Ярополка, т.е. с лета 978 г. (6486 сент. и мартовского года). На второе лето поход в поро-

^{1) 2)} Srkulj, op. c., 247-249; подробно об этом вопросе.

^{2) 1)} Завитневич, Владимир св., 153, 198.

^{3) 2)} Смерть Святослава возможна и в 872, но ошибка всё равно останется. См. Розен, op. c. 182; Ламбин, Куник, Васильевский, о где смерти Святослава, 154, 164, 180.

^{4) 1)} Голубинский, op.c., I, 130-131, 183. Указав эту ошибку «Похвалы» предлагается читать девятое лето, но сам автор относит крещение к 987 году, т.е. именно на десятое лето, так что для него тут нет ошибки.

^{5) 2)} Никоновская, I, 25; Псковская, Собр лет. IV, 175.

^{6) 3)} Степанов, Таблицы для реш. летописн. зад. на время, Извест. Акад. Н., т. XIII, кн. 2, 97-98, 102, 112-113.

ги, показанный в «Похвале», вовсе не отмечен «Нач. Лет.», но он естественно необходим. О взятии Корсуня в третье лето уже сказано. В четвёртое лето, т.е. в 989 г. (6497), «Похвала» показывает закладку церкви Богородицы, совершенно так и в «Нач. Лет.» (Лавр. спис., в иных иначе, от 989 до 991). В пятое лето – основание Переяслава, т.е. в 990 году, а разные списки лет. показывают от 992 до 995, значит, это что-то сомнительное вообще и, по всем вероятиям, ошибочное повсюду. Наконец, установление десятины показано довольно согласно в «Нач. Лет.» в 996 г. (6504), а в «Похвале» на девятое лето, что от 986 будет в 994, а от 987 в 995, т.е. опять вероятна ошибка, как ни считать. Десятинная церковь была освящена 11 или 12 мая. Первое, вероятнейшее, в день празднования «обновления Царьграда», им пока- (С. 303): зание «Нач. Лет.» не заподозривается¹⁾. Второе, не имея какой-либо определённой памяти, было, конечно, воскресеньем, приходившимся на 12 мая в 995 году (6503); в таком случае показание «Нач. Лет.» неверно и могло бы быть верным показание «Похвалы», если бы не противоречило согласованию предыдущих её показаний с крещением в 986 году.

Третья система счёта в «Похвале» оказывается в следующем показании: «Поживе князь Владимир по святым крещении 28 лет». Здесь счёт ведётся уже не на такое-то лето, а прямо круглым числом истёкших лет. Владимир умер 15-го июля 1015 года, следовательно, двадцать восемь лет исполняется в точности, считая с 15 июля 987 года: с конца этого года будет только двадцать семь с половиной, а с конца 986 года двадцать восемь с половиной. Но «Похвала» считает целыми годами, а так как по «Сказанию о Борисе и Глебе» видно, что Владимир прожил по крещении более 28 лет («уже минувшемъ летомъ 28 по святѣмъ крщеніи впаде в недугъ»)²⁾, то верен счёт именно от конца 986 года, как сказано выше.

Из сказанного можно усмотреть, что показания «Похвалы», как и следовало ожидать, по разнообразиям систем счёта, не надёжны; значительная их часть (шесть) одинакова с «Нач. Лет.» или может быть под неё подведена; остальные (четыре) явно ошибочны и будут таковыми, в 986 или в 987 году предположить тайное крещение.

Из Корсуня Владимир мог выйти в конце июня или начале июля и возвратиться в Киев в конце июля же, но точное направление его пути неизвестно. Вероятнее всего, что он прошёл ближайшим и легчайшим путём, прямо вверх по Днепру, но возможно думать, если сюда применить Сурожскую легенду, что он отправился из Корсуня через Тмутаракань и Азовское море; только по этому пути царица Анна, упоминаемая в легенде, могла разболеться на Чёрной воде (теперь речка Кара-Су); но может быть, в этой легенде идёт дело о (С. 304): времени более раннем и иной царице³⁾. Во всяком случае, даже и этим путём, в начале августа все могли быть в Киеве, где и крестилась Русь в то же лето. Догадка книжки XVI века о том, что Русь крестилась 1-го августа, физически оказывается возможной⁴⁾. Могли, однако, и зимовать в Корсуне или в Тмутаракани, на что нет никаких указаний; возвращение было бы лишь в 989 году, тогда же и крещение, но это не отвечает показанию «Нач. Лет.».

¹⁾ Голубинский, оп. с., 181, прим.

²⁾ Завитневич, Владимир Свят., 120.

³⁾ Васильевский, Жит. свв. Георгия Амастр. и Стеф. Сур. СССII-СССIII; Голубинский, оп.с. I, 55. Во время долгого стояния под Корсунем не только возможны, но прямо неизбежны более или менее дальние поиски отдельных отрядов руссов, для всякой добычи, особенно продовольствия. Один из таких отрядов, с которым мог быть сам Владимир или кто-либо из крупных вождей, пройдя вдоль всего побережья, «плени от Корсуня и до Корча»; тогда мог быть взят Сурож, при условиях, давших канву для легенды.

⁴⁾ Голубинский, Обр. Руси в Хрис. Ж. Мин. Нар. Пр., 1877, март, 121, примеч.

В изложенном заключается объяснение многих недоумений, а также и указаний восточных писателей, говорящих, что царь Василий просил помощи у руссов, бывших тогда его врагами. Так как никакой вражды давно уже не было между Русью и греками, то это показание надобно понимать как относящееся к войне под Корсунем; этому соответствует и указание Яхьи о том, что Василий вступил в переговоры после того, как Варда Фока подошёл к Хрисополю, т.е. после конца 987 года³⁾¹, значит, предварительный договор в Киеве, как тайный, остался Яхье неизвестным. Тот же Яхья говорит, что крещение было позже заключения договора (впоследствии). Все объяснения этого выражения, крайне неопределенного, если в нём видеть продолжительное время, требуют посылки вспомогательного отряда прежде взятия Корсуня, что явно невероятно, и к тому же, допуская это, приходится оставить без объяснения весьма странное обстоятельство, а именно обращение за помощью к врагу. Это «впоследствии» может объясняться, если предположить, что Яхье были известны какие-либо неопределённые слухи о тайном договоре 986 года, в отношении которого (С. 305): рого крещение в Корсуне и будет впоследствии, а обращение к врагам останется относящимся к переговорам по взятии Корсуня.²

Выше представленное течение событий соответствует, насколько мне кажется, сведениям о том не только чужеземных писателей, но и наших летописных показаний, а сама осада Корсуня обставлена «Нач. Лет.» столь тонкими, ясными и точными по местным условиям подробностями, что видеть в них вымысел нет возможности. Даже года так близко и хорошо сходятся, как только возможно при сравнении столь различных систем счёта. Некоторые, очень немногие, указания времени, явно несогласованные, таковыми и остались, что будет, впрочем, при каких бы то ни было предположениях.

Есть только одно показание, которому придавали очень большое и даже решающее значение, совершенно не подходящее ко всем вышеизложенным соображениям и числам. Это показание Льва Диакона, не хронологическое и случайное, лишь истолкованное нашими учёными. По этим последним толкованиям, с приложением хронологии арабских писателей, выходит, что Корсунь был взят в 989 году, между апрелем и июлем, годом позже, чем по «Нач. Лет.» и чем то возможно полагать по логике событий¹⁾³. Никакого объяснения этому нельзя подобрать, кроме того, что случайное, вздорное в своём существе, показание Льва Диакона и в хронологическом отношении также мало заслуживает доверия, как и в своём смысле. Нелепая вера в небесные знамения, предвещания, сны, предчувствия, главным образом зиждется на самообмане. Её большим приверженцем был Лев Диакон, почитавший себя особенным знатоком в толковании таких знамений. В подобных случаях, верующие всячески тщатся подогнать события согласно их веры и незаметно для себя ошибаются. Так же было и в настоящем случае. Корсунь взят действительно в апреле, но только годом ранее, а падение Верии, предуказанное по Льву Диакону тем же знамением, произошло неизвестно когда, но кажется

¹⁾3) Бар. Розен, оп. с., 197-198.

²⁾ Недоумение А.Л. Бертье-Делагарда разъясняет новый перевод соответствующего пассажа из труда Яхьи Антиохийского, выполненный и обоснованный в 1995 г. А.Л. Пономаревым и Н.И. Сериковым: «И истощились его (Василия II – В.Х.) богатства, и побудила его нужда послать к царю русов - а они враги его, чтобы просять их помочь ему в настоящем его положении. И согласился он [Владимир] на это. И заключили они между собой договор о свойстве и браке царя русов с сестрой царя Василия, после того, как он поставил ему условие, чтобы крестился тот и весь народ великий. (И не причисляли себя русы тогда ни к какому закону, и не признавали никакой веры). И послал к нему царь Василий после этого митрополитов и епископов, и они окрестили царя и всех, кого охватывала его власть, и отправил [Василий] к нему сестру свою (она построила много церквей в стране русов). Когда же факт брака между ними [Владимиром и Анной] утвердился, прибыли войска русов также и соединились с войском ромеев...» (цит. по: [17, с. 162, прим. 21])» (прим. публ.).

³⁾1) Васильевский, К ист., 976-986 г. Ж. Мин. Нар. Пр., 156-157; Бар. Розен, оп. с., 214-217. Известия II Отд. И. А. Н., т. XIV (1909), кн. 1.

ся, тоже не в то время. Самая чрезвычайная важность предсказанных событий теперь ([С.306](#)): трудно понимается. Чем было взятие Корсуня говорено выше, а Веррия, надо думать, была ничтожной крепостцой, судя по тому, что Василий, отняв её в 991 году, просто её срыл, чего не делают с важным местом¹). Как бы то ни было, показание Льва Диакона совершенно не согласуется не то что с какими-либо несущественными подробностями, а с самым основным смыслом всех событий, рассматриваемых здесь; о них, впрочем, у Льва Диакона нет и малейшего намёка. Допуская верность единственной сделанной им заметки, приходится допустить вместе с тем или отправку на помошь царям отряда и в то же время ведение войны с ними же, или обращение этой войны в заранее условленную шутку, или возвращение отряда на время осады и вторичную его посылку, или морские походы зимой и взятие Корсуня одним мановением. Все эти предположения трудно мыслимы и всё-таки оставляют, будучи сделанными, много разных обстоятельств вне возможности объяснения.²

Мне кажется, что такое крайне сомнительное, одиночное показание, никаким образом не может заслуживать большего доверия, чем подробные, многочисленные, во многом безусловно точные показания наших летописей. Да это и понятно. Льву Диакону не хотелось рассказывать или даже желалось скрыть всё бывшее вокруг крещения Руси. Наши летописцы и хотели, и должны были говорить о важнейшем в ту пору военном событии, первом на государственной памяти Руси, – взятии сильного, укреплённого города, культурной страны, а затем о неисчислимом по своему значению крещении их отечества. Можно было спутать, даже забыть многое вокруг крещения, при всём желании сказать верно и полно; это было дело, покрытое в значительной мере дипломатической тайной и, во всяком случае, малоизвестное, не народное, представлявшееся лишь простым исполнением повелений власти, в их существе малопонятных; всё это так и осталось сомнительным в подробностях. Иное дело взятие Корсуня; это был первый военный подвиг Руси в смысле покорения сильной крепости могущественного ([С. 307](#)): царства, всем известный и понятный во всех его частях. Воинственная дружина, добывшая своему князю славу и сказочную, заморскую царевну, себе самой честь и выгоду, знала весь поход и гордилась им. Подробности славного взятия не только не составляли тайны, но всем рассказывались и повторялись, а потому, и должны были стать общеизвестными; их забвение было бы невероятно. И действительно, мы видим, что тщившиеся быть правдивыми летописцы сохранили нам не выдуманные сказки, а истинную, правдивую историю осады Корсуня, славнейшего подвига их дедов.

А. Бертье-Делагард.

Декабрь 1908 года.

г. Ялта.

¹) Бар. Розен, *оп. с.*, 28, 228; Васильевский, *К ист. 976-986 г.*, Ж. Мин. Нар. Пр., 1876, март, 141.

²) В соответствии с новейшим переводом сообщения Льва Диакона о «взятии тавроскифами Херсона», выполненным и обоснованным Н.М. Богдановой [4], вошедшем в академическое издание «Истории» Льва Диакона [12], его сообщение не входит в противоречие с хронологией древнерусских летописей и арабских хроник. В настоящее время данный отрывок переводят следующим образом: «*X.10. И на другие тягчайшие беды указывал восход появившейся тогда звезды, а также напугавшие всех огненные столбы, которые показались затем поздней ночью в северной части неба; ведь они знаменовали взятие тавроскифами Херсона и завоевание мисянами Веррии*» [12, с. 90]. А.Л. Пономарев и Н.И. Сериков убедительно показали, что под огненными столбами следует понимать северное сияние, наблюдавшееся в сороковых широтах (по данным китайских хроник) 16 декабря 988 г. Опираясь на глагол «*знаменовали*», делается вывод, что к тому времени Херсон был уже взят. Значит, данные Льва Диакона не противоречат хронологии событий, отстаиваемой А.Л. Бертье-Делагардом, а подкрепляют ее (прим. публ.).

VI

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ

**ПРОБЛЕМА РОДОВОГО И ЮРИДИЧЕСКОГО ДОЛГА
В АНТИЧНОМ МИРЕ И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТРАГЕДИЙ СОФОКЛА «ЭДИП В КОЛОНЕ» И «АНТИГОНА»)**

ТЕРЕНТЬЕВА Е.М.

Филиал МГУ в г. Севастополе

Античная мифология сегодня необходима не только для того, чтобы понять специфику истории Древней Греции: она стала достоянием всей европейской и вообще западной культуры в широком смысле слова, и нужна не только специалистам-историкам, этнографам и лингвистам. Не зная (хотя бы «в первом приближении») сказок и легенд Эллады, невозможно понять и оценить целый ряд более поздних произведений художественного искусства или музыкальных сочинений, но особенно тесную связь с древними образами сохранила литература. Античные сюжеты, которые церковь пыталась искоренить в течение почти тысячи лет, не погибли: с эпохой Возрождения они вошли в культуру Нового времени. Уже в XX в. немало европейских писателей прославилось благодаря творческому переосмыслению древних мифов. Популярность завоевали произведения Г. Манна, Ф. Фюмана, Дж. Апдейка, Дж. Джойса и, конечно, Ж. Ануя, Б. Брехта и И. Бунина, рассмотренные в данной работе. Необходимость изучения литературы, как и других жанров искусства, для историка очевидна: этот источник служит прямым отражением социальных, экономических и политических процессов, а также культуры людей той или иной эпохи.

Имя Эдипа, героя фиванского цикла, сегодня широко известно хотя бы в связи с терминологией психологии и психиатрии. Его можно считать классическим воплощением вины и невиновности, олицетворением безуспешной борьбы с предначертанной судьбой. Менее известна современному человеку судьба другого мифического персонажа, дочери Эдипа Антигоны, любимой героини многих античных и современных авторов, воплотившей их представления о долге.

Если следовать мифологической хронологии, впервые Антигона появилась перед зрителем в трагедии Софокла (ок. 496 – 406 гг. до н. э.) «Эдип в Колоне». «Голодная, босая», она наугад ведет слепого отца по дорогам Эллады [7].

Традиционно интерес исследователей этой пьесы приковывает к себе сын Лая. Некоторое внимание уделяется также Креонту и Тезею, как образцам «положительного» и «отрица-

тельного» правителя. А вот женские образы практически забыты, что особенно странно, учитывая внимание к трагедии «Антигона».

Между тем предпосылки трагедии Антигоны заложены уже здесь. Она ушла с отцом, хотя никто не вынуждал ее к этому: в родном доме осталась ее сестра Исмена. Скитания для героини – не жертва, а единственно возможный путь. Это было сознательным выбором, отравившим представления девушки о дочернем долге. Очевидно, что двигала ею и любовь к слепому и беспомощному отцу, изгнанному из Фив.

«Я рождена любить – не ненавидеть» [8, с. 199], скажет она позже Креонту, и эта сентенция – не просто слова, а вполне зрелая жизненная позиция героини.

Из слов Эдипа зритель узнает, как сыновья и Креонт вынудили его покинуть город, чтобы он не навлек новых несчастий на Фивы: «Я изгнан из родной земли детьми родными». Значит, по сути, они виноваты и в скитаниях Антигоны: забота об участии сестры не заставила их изменить свой приговор отцу. И все же именно она смогла уговорить Эдипа встретиться с сыном, потерявшим трон: «Дозволь, чтоб брат пришел, мою исполни просьбу... Отец, злом отвечать на зло не подобает». Она искренне рада встрече с Полиником, «который непрестанно... в душе» и искренне надеется, что взаимопонимание еще может быть достигнуто: «Пускай польется речь на радость нам, ...и, может быть, заговорит безмолвный». О собственной обиде она и не думает, обрадованная встречей с братом.

Позже, видя бесплодность попытки Полиника умилостивить отца, Антигона сама пытается образумить брата: «Молю, меня послушай... Верни войска – притом скорее! – в Аргос, и сам себя и город не губи. Какая польза родину разрушить?».

Наконец, в этой сцене нужно отметить еще один эпизод, который обычно не привлекает внимания исследователей. Полиник, слыша проклятья отца и грозное пророчество «Ты никогда не опрокинешь града, сам падешь, запятнан братской кровью, вместе с братом», просит сестер о последней услуге в случае, если исход битвы будет именно таким: «Молю богами!.. Родного брата не лишайте чести: могильный холм насыпьте надо мной. Так похвалу, которой вы достойны за подвиг ваши, совершенный для отца, удвойте, исполнив просьбу брата» [7].

И здесь в глаза бросается разительное несходство сестер. Исмена также присутствует при этой сцене, ведь она была возвращена вместе с Антигоной. Более того, Полиник обращается к обеим девушкам одновременно, однако отвечает ему лишь старшая: очевидно, Исмена уже тогда считала, что не дело женщины вмешиваться в спор мужчин, пусть даже кровных родственников. Вновь зритель встречается с Антигоной уже в одноименной трагедии, которую начинают слова героини, обращенные к сестре. Вызвав Исмену из дворца, она сообщила о решении Креонта похоронить лишь младшего брата, Этеокла, оставив старшего «добычей хищным птицам» [8, с. 182]. Этот демонстративный жест призван показать, что станется с каждым, «кто с мечом к нам придет». Узнав об этом, Антигона решает исполнить родственный долг и похоронить брата. Описанная Софоклом ситуация не была четко задана мифом: она во многом создана фантазией драматурга, опиравшегося лишь на общую линию известной истории о несчастном отцеубийце и его семействе. В более ранних источниках Эдип вообще не имел детей от матери, т.к. боги вскоре раскрыли тайну союза, после чего, однако, Иокаста осталась в живых, а ее сын даже создал «нормальную семью».

Имя Антигоны не упомянуто ни в одном из «дософокловских» источников, за исключением трагедии Эсхила (525-456 гг. до н. э.) «Семеро против Фив». Лишь Салустий (IV в.) приводит сведения о том, что грекам лучше была известна сестра царевны, Исмена, которая, увлекшись страстью к одному из семерых вождей, вышла за пределы городских стен и там была убита. У Эсхила же события развиваются по иной схеме: Антигона действительно отправляется хоронить брата против воли дяди, однако она не одинока: вместе с ней к месту последнего боя отправляется целая группа фиванок, готовых помочь. Так что яркая индивидуальность героев и своеобразие сюжета – плод индивидуальной работы Софокла (недаром известен рассказ о том, что афиняне, восхищенные драмой, избрали драматурга стратегом).

Однако взгляды исследователей на творчество Софокла очень противоречивы: восхищался ли он своими мятежными героями, был ли певцом афинской демократии, либо патри-

архального строя [6, с. 251], или фаталистом, твердо верящим во всесилие и всеведение богов? Возможно, что все перечисленное отчасти верно.

Традиционно поведение Антигоны принято объяснять узами родства и почтением к подземным богам, чьей жертвой должен стать всякий умерший. При этом практически не уделяется внимания другому аспекту проблемы. Выше уже упоминалась обращенная к сестрам мольба Полиника о погребении в случае, если поход аргивян окончится неудачей. Значит, нужно отметить, что Антигона была связана не только абстрактными представлениями о воле богов, но и последней просьбой брата, которого она больше не видела в живых. Учитывая, что пьеса «Эдип в Колоне» была написана позднее, кажется несомненным, что Софокл таким образом хотел немного «сместить акценты» предшествовавшей трагедии. Думается, что другую проблему, поднятую в произведении, можно сформулировать через ряд вопросов. Должны ли живые исполнять слово, данное мертвым? И значит, могут ли мертвые вообще рассчитывать на память живых? И имеют ли они на пороге смерти право связывать других обещаниями, которые непросто исполнить? Здесь на второй план отступают и «божественные законы», и «семейное право» и остается суть: могут ли люди после смерти рассчитывать на любовь тех, кто любил их при жизни? Но, с другой стороны, что такое просьба человека, готовящегося к смерти: земная сущность или попытка закрепить последнюю, но неразрывную связующую нить между собой и близкими?

Конечно, в позиции Антигоны есть и свои слабые стороны. Стоит отметить, что подземные боги, на которых она все же ссылается, – покровители родовых уз и загробного мира [8, с.196], однако никак не хранители сильного и свободного государства, о котором в первую очередь должен был заботиться Креонт. Но, слишком быстро вжившись в роль царя, он забыл о том, что государство должно существовать для людей, а не люди для государства; помня лишь о правах правителя, он совершенно не учитывает права сестры. Креонт ведет себя как тиран: диктуя свою волю даже фиванским старейшинам, он цинично «откровенничает» с сыном: «Государство – собственность царей!» [8, с.207]. Все это не могло не возбудить симпатию античных зрителей к самоотверженной героине.

Учитывая, что V в. до н.э. – время расцвета афинской демократии, видимо, верно будет видеть в поступке Антигоны и акт сопротивления тирании [9, с.18-19]. Креонт, жестокий и упрямый убийца племянницы, становится совершенно отвратительным деспотом в последней пьесе Софокла, посвященной его родному Колону. Думается, что этого драматурга можно считать одним из первых, кто затронул и другую проблему, получившую значительный резонанс в XX в.: проблему столкновения индивидуума и власти или «системы», в данном случае воплощенной в образе царя.

Но есть одно обстоятельство, которое могло бы низвести поступок Антигоны до глупости, если бы не искренний пафос драматурга: изначально ясно, что героиня берется за непосильную задачу. И дело не в угрозах Креонта, а в том, что молодая аристократка просто физически неспособна была вырыть могилу для взрослого мужчины. Символическое погребение пришлось осуществить, «сухой присыпав пылью по обряду», что не помешало бы собакам и птицам лакомиться гниющим мясом, однако и этого было достаточно, чтобы заслужить смертный приговор. Некоторые исследователи считают вторую попытку Антигоны похоронить брата немотивированной [10], т.к. она уже должна была понять тщетность своих усилий и успокоиться на том, что хотя бы попыталась выполнить его волю. Кроме того, еще в первый свой приход она, вероятно, должна была совершить все необходимые обряды, способствующие переселению души на Елисейские поля. Однако, нужно признать, что удовлетворившаяся этим героиня ничем не походила бы на Антигону в изображении Софокла, для которой важно было не только формальное исполнение родового долга, но и результат.

Образ Антигоны трагичен даже на фоне истории ее семьи. Эдип и Иокаста расплачиваются за грехи пусть невольные, но собственные, братья погибают оттого, что не могут передать наследство отца, ими же изгнанного из города. Антигона же расплачивается только за ошибки других.

Особое значение имеет этимология имени героини. Приставка отрицания «ауты» нередко встречается в современных языках, второй же корень не совсем понятен. Слово «*υφεία*» [4, с.282] означает «угол» («сгиб»): возможно, имя героини приблизительно можно перевести как

«несгибаемая», что вполне соответствует той роли, которую ей пришлось сыграть в истории рода (хотя, с другой стороны, перевод может быть и прямо противоположным – «избегающая углов», то есть мягкая, податливая). С другой стороны, слово «γύνη» значит «колено» [4, с.276], и примерный перевод может быть «не становящаяся на колени» (непокорная). Наюнец, «γονή» [4, с.275] – «роды», «плод», «дитя», «потомство»: вместе с противительной приставкой получается «не имеющая потомства», что также соответствует судьбе героини (во всяком случае, в изображении Софокла). Однако существует и другое толкование, возводящее вторую часть имени к корню «γον» в значении «дающий жизнь»: в таком случае, имя может означать «заменяющая мать».

Еще ярче оттеняется образ Антигоны на фоне довольно посредственной и лишенной индивидуальности фигуры Исмены. Это типический образ благородной эллинки – зависимой от мужчины и твердо знающей свое место в доме. Она, возможно, не меньше Антигоны скорбит о брате, однако уверена, что бессмысленно пытаться «совершать, что выше сил».

Наконец, дополняет образ намеченная Софоклом романтическая линия. Антигона – невеста Гемона, сына Креонта. Хотя симпатии зрителей целиком на стороне несчастных влюбленных, нужно отметить, что сами они – совершенно разные люди и служат разным идеалам. Здесь невольно напрашивается аналогия с другим, не менее известным произведением европейской литературы – трагедией «Ромео и Джульетта» У. Шекспира. Не нужно слишком углубляться в тайны классической поэзии, чтобы увидеть, какая пропасть разделяет двух героинь. Мягкая и нежная Джульетта готова простить любимому убийство ее родственника, но не может отстоять свое право на любовь перед родителями: ей легче притвориться умершей, чем доказывать право на счастье в собственном понимании. Но, как говорят, маски имеют свойство прирастать к лицам, и Джульетте в соответствии с избранной ролью приходится умереть.

Антигона же – носитель совершенно других принципов и идеалов: она смогла переступить через свою любовь и личное счастье ради любви к брату, ради долга. Напротив, Гемон немного напоминает пылкого Ромео. Поначалу он пытается возвратить к разуму отца, ссылаясь на то, что «город весь жалеет... деву». Ведь он – мужчина и для него неприлично мотивировать свою просьбу к отцу личным желанием, хотя из предшествовавших слов независимого наблюдателя – Исмены – зритель узнает, что «нет нигде подобной гармонии» [11], как в отношениях будущих супругов. В то же время юноша обеспокоен и положением отца, навлекшего на себя антипатию всего города. И все же, когда надежды обраузмить Креонта уже не осталось, его выбор определяет чувство, а не долг крови. Он уединяется в пещере с трупом Антигоны и поднимает руку на отца, во второй раз попытавшегося разлучить его с невестой, на этот раз мертвой. Когда же Креонт в ужасе бежал, Гемон покончил с собой, обняв тело любимой (возможно, известная заключительная сцена «Собора Парижской богоматери» была подсказана В. Гюго именно Софоклом?). Здесь действует уже не гражданин, чья жизнь принадлежит полису, а частное лицо, индивидуум, поступки которого во многом определяются эмоциями, что прекрасно понятно и знакомо людям Нового времени. Потеряв Антигону, он смог забыть не только о тиране-отце, но и о матери, тихой и уравновешенной эллинке и идеальной жене, которая только через самоубийство смогла выразить свое отношение ко всему происходящему.

Совершенно иной человек – противостоящий Антигоне Креонт. С одной стороны, можно говорить о том, что фетиш власти заслонил для него реальную жизнь, которая не поддается четкому декларированию, несмотря на самые жестокие законы. К тому же царь – авторитарный диктатор, грубо навязывающий свою волю народу: ведь симпатии фиванцев на стороне девушки, ее поддерживают даже родной сын тирана и предсказатель Тересий. С другой стороны, Креонт буквально обязан казнить племянницу, чтоб продемонстрировать свою власть. Ведь Антигона нарушила первый же его указ, и если он не накажет ее, фиванцы и в будущем не будут придавать значения приказаниям правителя, а это чревато ослаблением государства.

Однако вина Креонта в том, что он, требуя от других отказаться от родового долга в пользу юридического, сам неспособен на этот шаг. Потеряв сына и жену, он горько раскаива-

ется в своем поступке, простые человеческие чувства берут верх над царем-законодателем, страдающим от собственного решения.

По сути, пьеса «Антигона» – о трагедии людей, вынужденных выбирать между тремя социальными ролями: личности, гражданина и члена рода. Как личность человек судит государственные порядки с позиции разума, оценивая их целесообразность; как гражданин он обязан подчиняться им беспрекословно; как член своего рода он обязан отдать погившему последние почести.

Стоит отметить, что Софокл был далеко не единственным античным автором, обратившимся к фиванскому циклу и, в частности, к печально известному походу семерых. Значительную художественную ценность имеют трагедии Еврипида, Антимаха, в меньшей степени Стесихора. Однако они не смогли затмить трагедий Софокла. Вероятно, произошло это оттого, что только ему удавалось балансировать на тонкой грани, отделявшей высокий пафос от напыщенности: созданные им образы монументальны, однако не теряют своей человечности и достоверности.

Разумеется, как и любое выдающееся произведение, «Антигона» привлекала внимание множества исследователей и порождала самые разные гипотезы. Широкое распространение получили взгляды Ф. Гегеля, трактовавшего трагедию как конфликт семейного и государственного права. Такая позиция позволяет назвать Креонта справедливым носителем «нравственной силы» [5]. Как единоличное воплощение всех трех ветвей власти, он требует уважения не столько к собственным законам, сколько к авторитету власти как таковой. Наказание выносится не племяннице, ослушавшейся дяди, но гражданке полиса, преступившей его закон, который, хотя и не был освещен временем, однако безмолвно одобрен жителями. С этой точки зрения оба начала, согласно Гегелю, являются правыми в своей системе представлений, однако в равной степени односторонни и, следовательно, неправы, относительно друг друга.

Той же позиции придерживался В. Белинский, неоднократно обращавшийся к этой трагедии в своих статьях. Более того, он считал Антигону романтическим началом, столкнувшимся с суровой реальностью.

Несколько схожим был взгляд Н. Чернышевского, которому драма представлялась как «борьба двух требований нравственного закона». Он характеризовал действия Креонта как изначально (в отношении Полиника) более справедливые, чем поступок Антигоны. Несправедливым Креонту становится лишь по отношения лично к Антигоне, как олицетворению другого, традиционного начала. Можно заметить двойственность этой точки зрения: если согласиться с ней, нужно признать, что моральное превосходство и правота признаются за человеком лишь до тех пор, пока он не решится активно защищать свои убеждения.

Но, вероятно, подобные теории не совсем верны. Ведь к XIX в. понятие долга в представлении людей древности была уже окончательно забыто, и Гегель, говоря лишь о «семейном долге» Антигоны, забыл о том, что этот термин в середине I тыс. до н. э. был бы чуждым для эллинов: «ячейкой общества» являлся род. То есть Антигону вела не только личная любовь к брату, но и подчинение тем «неписанным законам» разлагавшегося родового общества, которые еще нестерлись из памяти поколений, однако были проигнорированы царем.

Позже немало исследователей обращалось к проблеме, поднятой Софоклом. Среди «вечных образов», созданных античной мифологией и литературой, Антигона заняла заметное место. Сюжеты фиванского цикла были популярны среди известных латинских авторов. В эпоху Средневековья тема античной мифологии и философии была фактически запретной, однако это не помешало появлению оригинального французского «Романа о Фивах» (ок. 1150 г.), хотя куртуазный жанр и не смог передать всей глубины сюжета. Новое время вновь возродило интерес к античности. Фиванский цикл и, в частности, судьба Антигоны вдохновили деятелей самых разных видов искусства. Одноименные музыкальные произведения создают К. Глюк, К. Сен-Санс, Ф. Мендельсон-Бартольди, Д. Бортнянский и другие выдающиеся композиторы. Сильные и проникновенные образы юной отважной эллинки представляют полотна Ф.-Дж. Гарриета («Эдип в Колоне», 1798), Дж. Краффта («Эдип и Антигона», 1809), К. Брюллова («Эдип и Антигона», 1821), Н. Литраса («Антигона перед телом Полиника», 1865), Ф. Лейтона («Антигона», 1882) и др.

Однако длительный промежуток времени не прошел бесследно: ментальность европейцев за два тысячелетия изменилась, традиционные ценности были пересмотрены, и то, что казалось эллинам простым и очевидным, стало вызывать споры. Родовой долг, вступив в противоречие с юридическим, стал терять свое первостепенное значение с точки зрения людей новой эпохи.

Поскольку в XX в. древний сюжет стал восприниматься в соответствии с новыми представлениями о чести, морали и долге, Антигоне пришлось пройти долгий путь от конкретного образа до символа. В статье рассмотрены лишь несколько знаковых интерпретаций, наиболее известных в современном мире и зачастую формирующих представления людей, не слишком близко знакомых с творчеством Софокла, о фиванском цикле. Эти произведения представляют различные стили в литературе прошедшего столетия и расположены не в порядке своего появления, а по мере удаления авторов от формального эталона.

В 1947 г. в Швейцарии была впервые поставлена «Антигона» Бертольда Брехта. Обращение немецкого писателя и драматурга к теме фиванского цикла не случайно.

Война Фив и Аргоса изображается вполне реалистично и вызывает совершенно конкретные ассоциации. Цель этой войны – аргосские железные рудники, потому действия фиванцев изначально лишены привычного флеря патриотической борьбы за свободу. Но те же копи снабжают аргосцев добрым оружием: война становится ожесточенной и затягивается вопреки ожиданиям Креонта. Не выдержавший кровопролитной бойни Полиник, младший брат в изображении Брехта, дезертирует. Можно предположить, что он не вынес не только вида льющейся крови, но и ощущения непосредственной сопричастности к этому преступлению: ведь он и Креонт принадлежали к одному роду, и простые воины, вероятно, возлагали часть вины тирана и на его племянника. Убивает беглеца его же дядя, шедший во главе нового отряда фиванцев.

Брехт во многом опирается на текст Софокла в переводе Ф. Гельдерлина. Однако зрителю с первого взгляда становится ясно: что-то не так, игра идет «не по правилам». Огромное значение в пьесе имеет место действия. Софокл остановил свой выбор на площади перед дворцом, а, как известно, агора всегда олицетворяла античный полис. В обработке Брехта площадь уже далеко не воплощение государства, а просто «площадка для игры» [2, с. 162].

А. Гитлер, П. Геббельс, А. Розенберг всячески подчеркивали прямую преемственность между классической (как древнегреческой, так и римской) и немецкой культурой. Искусственно созданный идеальный образ античности, как воплощения благородной простоты и спокойного величия, вызывал недоверие Брехта, отлично знавшего обратную сторону нацизма. Он решил указать место действия драмы по-своему: конструкция сценической декорации имела идеологическую важность. Вместо имитации изысканных архитектурных деталей зритель видит варварские культовые шесты, украшенные конскими черепами. Таким представлялось Брехту место для изображения роли «насилия при распаде правящей верхушки» [2, с. 160].

Ранний пролог кажется по духу совершенно не соответствующим первоначальному замыслу писателя – показать раскол элиты. Две молодые работницы завода не имели ни малейшей возможности повлиять на «высокую политику», а эсэсовец не напоминает Креонта хотя бы потому, что вынужден исполнять чужие приказы. Да и Полиник образца 1945 г. – банальный дезертир, а не царский сын, несущий долю ответственности за весь свой род. Однако этот пролог служит для того, чтобы воскресить в памяти зрителя недавнее прошлое, указывает, что действие пьесы апеллирует не только к античной истории, но и смыкает «седую древность» с современностью. Ведь антигоны, готовые пожертвовать жизнью ради своих представлений о долге и чести, существовали не только в старых преданиях.

Как уже упоминалось, изначально Брехт задался целью показать процесс нарастания противоречий внутри правящей элиты. Но когда гитлеризм был побежден, над миром нависли новые угрозы, и человечество оказалось перед новыми проблемами: первоначальная постановка проблемы стала слишком узкой и несовременной. Четыре года спустя, в 1951 г. Брехт написал новый пролог, который выдвигал на передний план другую идею трагедии – подвиг Антигоны, продиктованный человечностью. Тем самым он уводил зрителя из сферы конкретных политических аналогий в область более общих, непреходящих философских и эстетиче-

ских проблем: проблем человечности и человеческого достоинства, ответственности за свои поступки, противления злу и покорности силе.

Брехт стремился модернизировать «Антигону», не меняя ее философской направленности, сделать трагедию близкой и понятной его современникам. Для этого пришлось отказаться от идеи рока, тяготеющего над родом Лая, однако гуманистический пафос Софокла и основные элементы фабулы удалось сохранить.

Антигона Брехта – собирательный образ, воплощение всех немцев, покинувших Германию из-за неприятия фашизма. Э. Ремарк, Т. и Г. Манн, Э. Барлах, многие другие деятели культуры и, наконец, сам Брехт были вынуждены покинуть родину оттого, что не представляли развития цивилизации вне гуманистических принципов, несовместимых с расовой теорией. В определенном смысле они предали государство, являвшееся их родиной, но остались честны перед всем человечеством, а главное – перед собой. Думается, что драма Брехта – попытка объяснить эту позицию прежде всего другим немцам, принявшим доктрину Гитлера в полной мере. Какое из человеческих качеств ценнее – патриотизм или гуманизм – каждый должен решать для себя, но выбор Брехта очевиден.

Его Антигона – очень сильная личность, а главное – она умеет самостоятельно мыслить и принимать решения, не оглядываясь на мнение большинства. Человечная и милосердная девушка не боится своим открытым сопротивлением тирану подвергнуть собственный народ опасности поражения в войне.

Брехт кардинально меняет роль Креонта: в трактовке Софокла он кажется опьяненным неожиданно обретенной неограниченной властью и потому так жестоко пресекает сопротивление племянницы; в обработке же он изначально выступает в качестве верховного правителя Семивратного города, который ради удовлетворения собственных амбиций посыпает свое войско на смерть.

Но все малодушие и низость Креонта раскрываются в его последних словах. Герой Софокла на заключительных страницах представляется искренне кающимся грешником. В обработке же Брехта тиран относится к городу, как к частной собственности, которой можно распоряжаться в зависимости от настроения. После гибели сыновей и наследников судьба полиса становится ему безразлична: *«И Фивы пасть должны. Со мной падут. Всему конец. Пускай стервятники пирут. Так хочу я»*. Вероятно, Антигона уже давно догадывалась о его позиции, иначе вред ли смогла бы серьезно утверждать, что *«Лучше бы... среди развалин сидеть города своего..., чем с тобою ... в домах врага»* [2, с.132]. И упивающиеся победами Фивы из-за самоуверенности вождя вдруг оказываются лицом к лицу с войском аргивян, жаждущих мести за разрушенный и сожженный город.

Стоит отметить, что использование иносказания сделало образ героини Брехта более универсальным, а значит – долговечным. Если б драматург написал пьесу об антифашистке-подпольщице, она стала бы просто еще одним произведением о Второй мировой. Но он выбрал другой путь, сумел избежать осмыслиения образа лишь с пацифистских позиций, и его Антигона, «дочь» 1940-х гг., стала воплощением сопротивления любому политическому и идеологическому насилию, что расширило философское значение образа, сделало его близким и понятным для людей XXI в., живущих уже в другом мире.

Воплощением иных идей стала Антигона в интерпретации Жана Ануя. Следует признать влияние фашизма на появление и этой пьесы, написанной в 1942 г., когда половина Франции находилась за демаркационной линией. Потому античные Фивы в какой-то степени воссоздают картину жизни этой оккупированной страны.

Однако на этом сходство двух произведений и заканчивается. Если Брехт во внешней форме старается следовать принципам античной трагедии, то Ануй отходит от общепринятых канонов (прежде всего, бросается в глаза то, что трагедия написана прозой). Немецкий классик переосмысливает события фиванского цикла сквозь призму политики, в то время, как его французский коллега уделяет больше внимания социальных отношениям.

Наконец, если Брехт абсолютно одобряет поступок Антигоны, то Ануй не столь однозначен в оценке своих героев. Особенно это касается образа царя: Креонт Софокла (и Брехта) в какой-то мере второстепенен и односторонен: он убежден, что твердо знает, где добро и где зло, кто из братьев – патриот, а кто – враг. Креонт в изображении Ануя совершенно иной: он

– отнюдь не односторонний тиран и уж тем более не воплощенное зло. Этот ценитель искусства и бывший завсегдатай антикварных лавок – типичный государственный деятель, по-своему мудрый и заботящийся о благе народа в своем понимании. Он – всего лишь олицетворение реальной жизни с ее практицизмом: царь делает то, что считает должным и искренне уверен в своей правоте. Из всей гаммы человеческих отношений он признает только деловые. Как и политики XX в., он отлично осознает значимость «пропаганды». Для него не важно, кому именно воздать хвалу, кого заклеймить предателем: главное, чтобы фиванцы поняли, что их ждет в случае, если они пойдут против своей родины, чтобы «надышались этим воздухом» [1], в котором явственно ощущается запах разлагающейся плоти, а сколько для этого потребуется трупов – один или три – не так важно.

Этому Креонту нельзя отказать в силе воли: он готов до конца исполнять свои обязанности, как сам их понимает. В определенном смысле он – идеальный политик: трагедия в собственной семье не заставит его отказаться от своих представлений о долге, и с этой точки зрения он приближается к своей племяннице. Конечно, ему не угрожала смерть, но, думается, что этот персонаж смог бы принять и ее, лишь бы не отступать от намеченной линии поведения. Это – правитель-циник, который поначалу даже не мыслит принять поступок племянницы всерьез. Он не слишком высокого мнения о людях вообще и о подвластных ему фиванцах в частности, не любит и не уважает их, однако готов сделать все, чтобы они жили в процветающем, крепком государстве. Как зоолог-селекционер, он заботится лишь о благополучии «вида», а не отдельных «особей».

Понятие законности царь вводит в абсолют: «*Я властелин, пока не издал закон. А потом – нет*», излагает он сыну принципы своей морали. Многим историческим деятелям было бы, чему поучиться у этого правителя. Но что, если этот закон – нелепый? Креонту не хватает гибкости, чтобы признать свою неправоту, он не может переменить решение так быстро, забывая о том, что только законы гуманизма нельзя отменять. И, в итоге, ради поддержания нелепого указа на казнь отправляется человек.

При этом хор подчеркивает, что иногда грозный тиран чувствует себя усталым и подумывает о том, чтобы отказаться от власти, к которой, по собственному признанию, и не стремился. Но приходит новый день, Креонт видит, что вокруг нет никого, кому бы он смог спокойно передать Фивы, и все начинается с начала: круг замыкается. Не случайно царь в трагедии сравнивается с простым рабочим, а управление государством – с ремеслом, которому он научился отдаваться целиком.

Тиран Анюя чем-то напоминает А.Ф. Петена, главу коллаборационистского правительства Виши. Его философия – «...*Нужно, чтобы кто-то стоял у кормила... Команда не желает ничего больше делать и думает лишь о том, как бы разграбить трюмы, а офицеры уже строят для одних себя небольшой удобный плот, они погрузили на него все запасы пресной воды, чтобы унести ноги подобру-поздорову... Где уж тут помнить о всяких тонкостях, где уж тут обдумывать, сказать «да» или «нет», размышлять, не придется ли потом расплачиваться слишком дорогой ценой и сможешь ли ты после этого остаться человеком?... Не осталось больше ничего, кроме корабля, у которого есть имя, и бури*». Конечно, это не оправдание коллаборационизма, но попытка разобраться в его природе и сущности: ведь маршал Петен и его союзники любили свою страну, не бросили ее, пытались нормализовать жизнь и сохранить хотя бы видимость независимости Франции, которая официально объявила военный нейтралитет.

Таким же представляется и Креонт: он думает лишь о судьбе Фив, участь членов его семьи отходит для него на второй план. Он благосклонно расположен к племяннице и любит своего сына, что явственно видно из их диалогов. Но даже смерть всех близких людей, включая жену Эвридику, не может заставить его изменить распорядок дня и перенести ранее назначенный совет, хотя, наверное, он лучше, чем кто-либо другой понимает бесполезность этого собрания: но долг есть долг. Горе данного персонажа – «от ума», ведь он отлично понимает свою неприглядную роль в этой истории. Давно уже он думал о том, чтобы переложить «грязную работу» управления людьми на тех, «которые не привыкли много раздумывать». Гемон явно не подходит на роль преемника: в их диалоге открывается наивный ребенок, который

свято верит во всемогущество отца. Значит, однажды приняв на себя ответственность, нельзя отступать, – вот что стало жизненным кредо Креонта.

Такая трактовка образа тирана привела к совершенно своеобразному изображению Антигоны. Она хотела похоронить брата из любви к нему и из уважения к родовому долгу, однако неожиданно выясняется, что для членов ее семьи эти слова никогда не имели значения: кутила и бездельник Полиник растрачивал казну в кабаках, а когда отец отказался оплачивать долги сына, ударил его, после чего «завербовался в аргивянское войско»; Этеокл пытался убить отца и «намерен был продать Фивы тому, кто большие даст»; наконец, сам Эдип вполне спокойно отнесся к своей судьбе и не только не стал слепым странником, но «не желал ни умереть, ни отказаться от престола», хотя Иокасты давно уже не было на свете.

Рациональный Креонт находит выход и предлагает Антигоне забыть об этом эпизоде, но героиня не может принять это предложение. Слова Креонта разрушили ее ясный и добрый мир, в первый раз она столкнулась с реальной жизнью во всей неприглядности: девушка и сама признает, что для нее лучше было бы не знать правды. И все же она не отступает от своего намерения, хотя и сама вряд ли сможет объяснить его смысл. Главное для нее: не признать правоту Креонта, не согласиться с его доводами, которые кажутся такими разумными, иначе соглашаться придется всю оставшуюся жизнь: достаточно один раз принять полуправду за истину, и настоящей правды уже не отыскать никогда. Узнав, что существование самых близких для нее людей всегда строилось на обмане и соглашательстве, Антигона отказывается «лгать... улыбаться... продавать себя», иными словами не хочет вести «нормальную жизнь», но прекрасно понимает, что прожить по-другому в реальном мире невозможно. Единственный способ борьбы для нее – смерть, которая может заставить тех, кто еще способен мыслить самостоятельно, задуматься об обществе, которое они составляют. В конечном счете, смерть девушки стала попыткой разбудить соотечественников, показать им альтернативный путь, пройти по которому самой Антигоне было «не суждено».

В каком-то смысле Антигону можно рассматривать как воплощение идеалистического начала, несвойственного Европе XX в. При этом драматург неоднократно подчеркивает ее инфантилизм; недоумение вызывает тот факт, что двадцатилетняя девушка (а возраст ее указан очень точно) во всем дворце не смогла найти ничего, кроме детской лопатки, чтобы засыпать труп брата, а когда это «орудие» уносят, она принимается рыть землю руками. Эта девушка не странствовала со слепым отцом по всей Элладе, никогда не испытывала лишений и не готова к испытаниям; тем тяжелее ее выбор. По своему развитию она скорее напоминает ребенка, а детей нельзя судить за «государственные преступления».

И все же Антигона умирает, чтобы еще раз напомнить современникам Ануя, что в условиях господства грубой силы всякий компромисс и даже самая незначительная уступка приведет к потере свободы и сотрудничеству с врагом, кем бы он ни был – строгим дядей или немецким оккупантом.

Иронично, но очень «жизненно» звучат слова хора: «...Тут все свои. В сущности, ведь никто не виноват! Не важно, что один убивает, а другой убит. Кому что выпадет». Софокл не мог бы вставить в свою трагедию такую фразу, для человека Древнего мира рамки добра и зла представлялись более четкими. Этот тезис подчеркивает современность пьесы гораздо сильнее, чем такие анахронизмы, как сигарета Полиника или издательство «Высшей французской школы».

В античной трагедии речь идет о случае, оборачивающемся роком против человека: тиран Софокла деспотичен стихийно, он еще ослеплен неожиданно доставшейся ему властью казнить и миловать. Борьба Антигоны с этой стихийной жестокостью равносильна борьбе с роком, с судьбой. У Ануя же трагизм возникает из бесполезности сопротивления реальному миру с его повседневной «стандартной» жестокостью, которую люди с возрастом перестают замечать, как нечто само собой разумеющееся. Власть для Креонта Ануя – не фетиш, не самоцель, а осознанное бремя, от которого нельзя спрятаться, и понимание этого дает ему силы жить дальше, последним в роду. Для Антигоны же главное – не только похоронить родственника (ведь она даже не знает, кому из братьев воздает последние почести), но и отстоять право быть собой и иметь возможность независимого выбора, чем бы ни пришлось пожертвовать, и это – позиция человека XX в., но не античности.

Совершенно особое место в литературе XX в. занимают произведения, содержащие лишь иллюзорный намек на образ античной героини. К ним можно отнести такие книги, как «Антигона-43» Л. Пипкова или «Антигона и другие» П. Карваша. В этом же ряду стоит и «Антигона» И.А. Бунина.

Все упоминавшиеся выше произведения были написаны «на злобу дня», чего нельзя сказать о рассказе Бунина. Автор намеренно уходит от действительности, сложно поверить, что эти страницы были написаны в конце 1940 г., когда в Европе уже полыхала мировая война. Перебравшись в затерянный в горах Грас, писатель уходит в свой мир – мир дореволюционной, все еще немного патриархальной России.

Сюжет рассказа на первый взгляд банален. Студент, приехавший погостить к дяде и тете, влюбляется в красивую сестру милосердия, ухаживавшую за старым генералом, и соблазняет ее [3, с. 463-470]. Об этой связи становится известно, девушке приходится покинуть дом под вымышленным предлогом, и студент, еще недавно размышлявший о браке с ней, прощается с сестрой на перроне, готовый «кричать от отчаяния». Вот и все. Но это произведение – лишь аллюзия на греческий образ. Кажется, что Катерина Николаевна не имеет ни малейшей связи с героиней Софокла. Однако само название рассказа – яркий показатель того, что античная мифологическая система стала органической частью русской литературы, и для любого образованного человека было понятно, на какой сюжет намекает автор.

С одной стороны, рассказ Бунина принципиально искажает образ героини Эллады. Традиционно считается, что он – о любви, как и большая часть произведений этого писателя. Однако на сюжет можно взглянуть и по-другому. Ведь Антигона – прежде всего беззащитная девушка, которой приходится противостоять окружающему миру.

История сестры милосердия туманна: она упоминала о старом одиноком отце и брате, однако не ясно, существовали ли они в действительности. Зато вполне ясно другое: этой девушке не от кого ждать помощи и рассчитывать приходится только на себя. Ее жизнь – серое, безрадостное существование служанки, которое скрашивают лишь книги де Мопассана и Октава Мирбо. Она наверняка прекрасно понимает, что ее связь с прибывшим гостем поверхностна и совершенно беспersпективна, однако не может себе позволить отказаться даже от такого мелкого и тривиального, но все-таки – приключения. Эта Антигона едва ли была избалована судьбой, у нее, в отличие от ее прототипа, нет перспективы стать царицей иуважаемой матерью семейства, но тем остree умеет она ценить жизнь во всех ее проявлениях. Она даже не пытается изобразить чопорность, ведь эти короткие минуты близости могут заставить ее хотя бы ненадолго забыть об одиночестве, пусть обмануться, но поверить, что она кому-то дорога.

Двух героинь разделяет два с половиной тысячелетия, объединяет же – все то же бесправное, подчиненное положение в обществе. Формально Катерина Николаевна независима, однако степень ее свободы хорошо ощущима: это свобода умирать от голода в случае, если она не найдет себе работу. Едва ли ей в самом деле нравится ее ремесло: возить инвалидное кресло старого ограниченного генерала.

Проблемы долга ее не заботят: возможно, у нее ни перед кем и нет долгов. Но что роднит ее с героиней Софокла – это способность идти на рискованные, вызывающие и предосудительные с точки зрения общества поступки и мужественно расплачиваться за них. Обе девушки лишены предрассудков своего круга и своевольны, но искренни; обе стремятся жить, не оглядываясь на условные моральные запреты.

Думается, что имя Антигоны, за столько веков превратившееся в иносказательную характеристику с несколько ограниченной смысловой нагрузкой, было необходимо для того, чтобы подчеркнуть эти черты, заставить читателя задуматься о сходстве прототипа с современным образом, и, следовательно, увидеть в этом рассказе нечто большее, чем банальную историю несостоявшейся любви.

XX в. стал временем пересмотра многих традиционных ценностей. Все более популярным становится образ Антигоны, несколько заслонивший фигуру ее отца: деятели искусства все чаще задумываются о понятии долга, чем о проблеме вины как таковой. Возможно, это вызвано общей социальной и политической ситуацией в мире: с одной стороны, расцветает яркая, увлекающая идея о создании идеального, справедливого общества, с другой – необходимо бороться с усиливающимся милитаризмом, в крайней форме развившимся в странах

«оси». XX в. – время тех, кто, подобно Антигоне, твердо верил в свое дело, не боялся действовать, не раскаивался в совершенном и не просил прощения.

В это время появляются одноименные оперы А. Онеггера (1930) и К. Орффа (1949). Своеобразные образы создают режиссеры Р. Вольфхарт и Э. Гринфилд. Однако, ведущим видом искусства XX в., несмотря на успехи кинематографа, остается литература: появляется множество принципиально разных произведений, озаглавленных просто: «Антигона».

Три указанных произведения не теряют своего значения и сейчас, хотя мир середины XX в. в значительной степени отличался от современного. Секрет успеха их авторов тот же, что и секрет Софокла: сквозь призму древней легенды читатель или зритель легко может разглядеть современный ему мир; частный вопрос погребения в данном случае – это вопрос свободы совести, который рано или поздно встает перед каждым и аллегорически может быть передан через хрестоматийную фразу Раскольникова «Тварь ли я дрожащая или право имею?». И все три героини дают положительный ответ, прекрасно понимая всю меру ответственности, которая ложится на любого независимого человека, не желающего действовать согласно общепринятым правилам, если не считает их справедливыми.

Анализ этих трех одноименных литературных произведений XX в. дается не в хронологической последовательности, а в зависимости от того, насколько тесно связанными с оригиналом они представляются. Ведь собственное имя Антигоны за долгие тысячелетия превратилось в нарицательное, перейдя в разряд символов.

Если античный драматург обращается к проблеме несовместимости понятий юридического и родового долга, то авторы XX в. подходят к ситуации по-иному, пытаясь проанализировать, в чем же вообще должен выражаться долг отдельного человека перед родиной, человечеством, семьей и перед самим собой.

История Антигоны продолжается и в XXI в.: в 2004 г. появилась драма «Аристон» В. Корки, в 2008 г. состоялась премьера ораториальной оперы С. Слонимского «Антигона». Можно надеяться, что и в будущем интерес к проблематике мифа не угаснет, и будут появляться новые самобытные произведения, действительно достойные внимания.

Источники и литература.

1. Ануй Ж. Антигона / пер. Дмитриева В. [Электронный ресурс] // Сайт «Либрусек». Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/126506/read>
2. Брехт Б. Обработки / сост. Фрадкин И. /пер. Апта С. М., Искусство, 1967. 512 с.
3. Бунин И.А. Антигона // Рассказы. – М., Правда, 1983. С. 463-470.
4. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991. – 1370 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Эстетика / ред. Лифшиц М. – Т. 2 // [Электронный ресурс] // Сайт «Либрусек». Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/187186/read>
6. Радциг С.И. История древнегреческой литературы. М., Лист Нью, 2004. 544 с.
7. Софокл. Эдип в Колоне/ пер. с др.-греч. Шервинского С.В. [Электронный ресурс] // Сайт «Библиотека Мошкова». Режим доступа: <http://www.lib.ru/POEEAST/SOFOOKL/>
8. Софокл. Эдип-царь. Антигона / пер. с др.-греч. Шервинского С., Познякова Н. // Античная драма. М., Художественная литература, 1970. С. 119-228.
9. Ярхо В.Н. Трагедия Софокла «Антигона». М., Высшая школа, 1986. 111 с.
10. Rose J. L. The Problem of the Second Burial in Sophocles' Antigone [Электронный ресурс] // Сайт «JSTOR». Режим доступа: <http://www.jstor.org/pss/3293220?cookieSet=1>
11. Sophocle. Antigone [Электронный ресурс] // Сайт «UCL». Режим доступа: http://mercure.fltr.ucl.ac.be/Hodoi/concordances/sophocle_antigone/texte.htm

**СТОЛОВЫЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ КУВШИНЫ ХЕРСОНЕСА
ИЗ ЦИСТЕРНЫ В ХСVII КВАРТАЛЕ:
ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ И МЕТРОЛОГИИ**

ТЮРИН М.И.

Филиал МГУ в г. Севастополе

Введение в научный оборот массовых археологических материалов и их систематизация – одна из важнейших задач археологической науки. Актуальна она и для археологии эллинистического Херсонеса. Некоторые группы находок (амфоры, чернолаковая керамика) уже получили достойное отображение в работах исследователей [15; 7]. Есть, однако, целый пласт археологического материала, который до сих пор не привлекал к себе столь пристального внимания в качестве самостоятельного источника. Речь идет о простой столовой керамике херсонесского производства. Несмотря на наличие ряда весьма удачных публикаций¹, в которых представлена эта группа находок, все же нужно признать, что ни общепринятой типологии, ни обобщающих работ, посвященных херсонесской столовой посуде, не существует². Между тем, она составляет значительную, а иногда (как в рассматриваемом случае), и основную часть керамического материала из раскопок эллинистических комплексов на территории Херсонесского городища и его хоры.

Очевидно, что разработка подробной классификации херсонесской эллинистической столовой керамики и, в частности, херсонесских кувшинов, невозможна без публикации материалов отдельных археологических комплексов. В последнее время, к сожалению, работы в этом направлении ведутся недостаточно активно.

В этой связи привлекает внимание материал из раскопок цистерны в ХСVII квартале Херсонеса, исследованной в 1991 г. Объект представлял собой вырубленное в скале прямоугольное углубление (1,45x1,45x1,9 м.), заполненное керамическим боем (рис. 1). По амфорному материалу комплекс датирован III в.до н.э., точнее – в пределах конца первой четверти – середины последней четверти III в. до н.э. [9, л. 30]. Результаты раскопок были кратко опубликованы М.И. Золотаревым [20]. Пришло время дать характеристику наиболее массовой (более 1000 фрагментов) группе находок из комплекса – кувшинам херсонесского производства, – и попытаться выделить некоторые их типы. Не претендую на исчерпывающий характер этого направления работы, попытаюсь, однако, наметить основы для разработки типологической классификации данной группы материала. Создание последней на современном этапе развития археологической науки предполагает обращение к формализованному методу систематизации материала. На начальном этапе мы имеем дело с единственным комплексом, в котором представлена лишь часть многообразия форм эллинистической столовой посуды; материалы его не дают полноценной выборки, и именно поэтому стоит ограничиться эмпирическим методом, посредством которого возможно провести предварительную классификацию до уровня предполагаемых типов.

Отправной точкой нужно выбрать работу Г.Д. Белова и С.Ф. Стржелецкого [2, с. 42]³, которые среди материалов раскопок Северного берега выделяли два типа кувши-

¹ Как правило, на материале из раскопок хоры. См., например: [6].

² В отличие от других северопонтийских центров, изучение керамического производства которых не ограничивалось лишь исследованием амфорной тары: см.: [13; 8].

³ В последующих работах ученые неоднократно публиковали новые формы сосудов. В первую очередь, необходимо отметить на известную статью Г.Д. Белова, в которой дается выполненное на высоком уровне, с привлечением многочисленных аналогий, подробное описание керамического материала из т.н. «дома Аполлония». Здесь едва ли не впервые херсонесской столовой керамике удалено достойное внимание [3]. Информацию об этой категории керамики содержат ряд изданных отчетов исследователя [1]. Кроме того, подробное описание единичной находки херсонесского кувшина содержится в заметке С.Ф. Стржелецкого [16].

нов: первый – с «вытянутым» туловом и высоким горлом; второй – с округлым туловом, узким невысоким горлом и изгибающейся ручкой. Так или иначе, эта незамысловатая «типовогия» в общих чертах использовалась (зачастую неосознанно «изобретаясь» заново), и последующими поколениями исследователей городища и его округи. Решительный шаг в направлении усложнения типологии сделан С. В. Кашаевым. В публикации [18] комплекса из постройки U-6 поселения Панское-1 исследователем выделено шесть «видов» кувшинов, большая часть которых перекликается с публикуемыми здесь сосудами. Вызывает уважение высокое качество работы. На современном уровне целые формы херсонесской столовой керамической продукции публикуются почти исключительно из раскопок хоры Херсонеса, а не самого городища [11], и это при том, что как в количественном отношении, так и по богатству форм метрополия, несомненно, богаче памятников хоры.

Современное состояние проблемы не исчерпывается необходимостью детального описания, выявления качественных связей между морфологическими признаками для дальнейшего выявления типов. Не получил должного развития вопрос о мерах объема, на которые была рассчитана херсонесская столовая керамика. Учитывая, что в направлении изучения метрологии полиса по данным амфорной тары достигнут существенный прогресс [15, с. 77-92] небезинтересным представляется сравнение объемов местных кувшинов со значениями мер, использованных при изготовлении тарной продукции. Отдельно укажу, что приведенные в каталоге объемы целых форм указаны при условии полного заполнения сосудов, что в реальности вряд ли регулярно имело место. Кроме того, я посчитал возможным перевести эти значения в уверенно реконструируемую [15, с. 79, 80] хойниковую систему измерения объема. Что касается метрических характеристик херсонесских кувшинов, то этот вопрос, бесспорно, требует дальнейшего изучения. Делать итоговые выводы здесь пока что рано. Тем не менее, ряд описанных выше сосудов (№№ 1, 3, 9, 14) явно тяготеет к хойниковому эквиваленту, что вряд ли является совпадением.

Еще раз подчеркну, что автор не стремится к построению некой общей классификации для колossalного по объему материала херсонесской столовой керамики. Публикуемый здесь материал представляет собой лишь наилучшие по сохранности формы из цистерны в XCVII квартале городища. Тем не менее, в дальнейшем сопоставление ряда таких комплексов даст базу для создания полноценной классификации кувшинов и прочей столовой керамики производства эллинистического Херсонеса. Ее создание считаю важной задачей, решение которой в перспективе окажет серьезную помощь в интерпретации и датировке многочисленных эллинистических памятников Западного Крыма.

Приведенный ниже каталог содержит лучшие по сохранности сосуды из раскопок цистерны. Как подчеркивалось выше, классификация не носит окончательного характера, и по ходу привлечения нового материала и использования статистико-комбинаторных методов предложенная модель, несомненно, подвергнется существенной доработке: часть групп, возможно, преобразуется в типы, будут выделены новые классификационные единицы.

КАТАЛОГ СТОЛОВЫХ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ КУВШИНОВ

ТИП I.

К первому типу херсонесских столовых кувшинов по традиции отнесем сосуды с биконическим туловом, высоким широким горлом, вогнутым дном и овальной или уплощенной ручкой. Абсолютное большинство кувшинов декорированы четырьмя линиями красной краски по тулову. На материалах цистерны выделяется четыре варианта типа (A, B, C, D).

Вариант I-А (рис. 2, 3). Горло сосуда прямое или незначительно сужается кверху. Венец горизонтально отогнут. Диаметр горла, как правило, больше, равен или незначительно меньше диаметра туловы. Сосуды этого варианта происходят, к примеру, из слоя пожара 70-60-х гг. III в. до н.э. Калос-Лимена [17, с.209, рис. 74, 1, 2] и прочих памятников Западного Крыма [14., с. 15, рис. 7, 15].

№1 (номера соответствуют номерам рисунков) (Инв. № 166/37226). Кувшин. Объем: 2,75л≈2,52 хойника.

Венец подтреугольный в сечении, отогнут от горла на 40 градусов. Высокое (9 см) горло резко переходит в биконическое тулово. Под венцом (на расстоянии 1,5 см) – неглубокая бороздка. Биконическое тулово декорировано четырьмя горизонтальными полосами «краски» на уровне нижнего прилепа ручки. Ручка уплощенная, слабо профилирована невысоким валиком на внешней поверхности. Ручка деформирована: нижний прилеп смещен на 2 см влево от верхнего. Черепок в изломе красновато-коричневый (2,5 YR 6/4) с примесью частиц известняка. Цвет поверхности варьируется от бледно-розового (10 R 8/1) до красновато-коричневого (2.5 YR 6/4).

Сохранность: собран из 12 фрагментов, тулово и дно додигированы, отсутствуют части венца, дна и тулова.

№2 (Инв. № 167). Кувшин. Объем: 2,55-2,6 л ≈ 2,39 хойника.

Венец подтреугольный, острый, отогнутый; доминирует верхняя наклонная поверхность венца. Горло высокое, цилиндрическое. Тулово биконическое, декорировано четырьмя полосами на уровне нижнего прилепа ручки. Ручка уплощенная. Дно вогнутое. Изделие пережжено при изготовлении: черепок в изломе коричневато-красный (10R 5/3), поверхность - зеленовато-серая (10Y 5/1).

Сохранность: реставрирован из 18 фрагментов, отсутствуют части венца и тулова; горло и тулово додигированы.

№3 (Инв. № 169). Кувшин. Объем: 2,15 л ≈ 1,97 хойника.

Венец подтреугольный, верхняя наружная наклонная плоскость венца доминирует. Высокое (9,5 см) горло в верхней части несколько отогнуто, в нижней – плавно переходит в биконическое тулово. Высокое (1,6 см) вогнутое дно с массивным клювовидным утолщением по краю. На внешней поверхности дна дипинто красной краской: Δ. Ручка уплощенная, на внешней и внутренней поверхностях ее – неглубокие широкие продольные желобки. Черепок в изломе бледно-розовый (10R 7/3), в тесте включения известковых частиц и песка. Поверхность светло-красная (2.5YR 7/6).

Сохранность: собран из 17 фрагментов, тулово и горло додигированы, отсутствуют части венца, горла и тулова.

№4. Кувшина верхняя часть. Венец подтреугольный, отогнутый, доминирует нижняя наружная наклонная плоскость венца. Под венцом – неглубокая бороздка. Биконическое тулово декорировано четырьмя красными полосами на уровне нижнего прилепа ручки. Ручка плоская, деформированная: нижний прилеп смещен на 1,8 см влево от верхнего. Черепок в изломе светло-красный (10R 7/6), в тесте – включения известковых частиц, биотита.

Сохранность: реставрирован из 7 фрагментов, дно и нижняя часть тулова отсутствуют.

№5. Кувшина верхняя часть. Венец подтреугольный, горизонтально отогнутый. Тулово декорировано четырьмя красными полосами на уровне нижнего прилепа ручки. Ручка овальная, фрагментирована. Черепок в изломе светло-красный (2.5YR 6/8), в тесте – включения известковых частиц. Обжиг неравномерен: цвет поверхности колеблется от белого (10R 8/1) до светло-розового (10R 8/4).

Сохранность: реставрирован из 13 фрагментов, дно, нижняя часть тулова, часть ручки и венца отсутствуют.

№6. Кувшина верхняя часть. Венец подтреугольный, отогнутый, верхняя наружная наклонная плоскость венца доминирует. Высокое (9 см) горло в верхней части несколько отогнуто, в нижней – переходит в биконическое тулово. Тулово декорировано четырьмя тонкими красными полосами на уровне нижнего прилепа. На прилепе полосы сливаются в пятно. Ручка уплощенная, изгибается под прямым углом. Черепок в изломе светло-красный (10R 6/8), в тесте – включения авгита и известняковых частиц. Обжиг неравномерный.

Сохранность: реставрирован из 7 фрагментов, дно и нижняя часть тулова отсутствуют.

№7. Кувшина верхняя часть. Венец подтреугольный, отогнутый, верхняя наружная наклонная плоскость венца доминирует. Высокое (7 см) горло в верхней части несколько отогнуто, в нижней – переходит в биконическое тулово, декорированное тремя узкими красными полосками. Ручка уплощенная. Черепок в изломе красновато-коричневый (2.5YR 7/4), в тесте – включения авгита, известняковых и охристых частиц, шамота. Внешняя поверхность розовато-белая (2.5YR 8/2).

Сохранность: реставрирован из 2 фрагментов, дно, нижняя часть тулова и ручки отсутствуют.

№8 (Инв. № 176). Кувшина верхняя часть. Венец отогнутый, подтреугольный. На середину цилиндрического горла нанесена широкая (1,3 см) белая полоса. На верхней грани биконического тулова, на расстоянии 2 см от перехода от горла к тулово – еще одна полоса белой краски. На уровне нижнего прилепа ручки – четыре красных полосы. Черепок в изломе розовый (5YR 7/4), в тесте - включения известковых частиц. Цвет поверхности бледно-розовый (5YR 8/2).

Сохранность: собран из 10 фрагментов. Нижняя часть сосуда, ручка, часть горла и венца отсутствуют.

Вариант I-B (рис 4, 9).

Отличается от сосудов группы А «припухлым» тулом (значение отношения диаметра горла к максимальному диаметру тулова 0,43), оканчивающимся вверху выразительным валиком.

№9 (Инв. № 171). Кувшин. Объем: 3,35 л ≈ 3,07 хойника.

Венец подтреугольный, уплощенный, горизонтально отогнут; доминирует вертикальная боковая поверхность венца. Горло высокое, цилиндрическое, отделено от яйцевидного тулова невысоким валиком. Дно вогнуто. Ручка уплощенная, овальная в сечении. Черепок в изломе оранжевый (2.5YR 6/8), с многочисленными примесями авгита, песка. Обжиг поверхности однороден (7.5 YR 6/4).

Сохранность: собран из 21 фрагмента, отсутствуют часть венца и тулово; тулово догипсовано.

Вариант I-C (рис. 4, 10-12).

Отличается от варианта А формой горла (оно расширяется кверху). Отношение нижнего диаметра горла к максимальному диаметру тулова - 0,42-0,45.

№10 (Инв. №. 168). Кувшин. Реконструируемый объем: 3,5 л≈3,21 хойника.

Венец в сечении подтреугольный, цилиндрическое тулово несколько отогнуто вверху. На расстоянии 3,5 см от венца – неглубокая небрежно выполненная бороздка. Тулово биконическое ручка в сечении овальная. Черепок в изломе красный, с включениями известковых частиц и авгита. Почти вся поверхность имеет светлую (10YR 8/1) окраску.

Сохранность: собран из 16 фрагментов, Дно и значительные части тулова, венца и горла отсутствуют, догипсованы.

№11 (Инв. №. 170). Кувшин фрагментированный.

Венец подтреугольный, отогнутый, верхняя наружная наклонная плоскость венца доминирует. Высокое (8 см) горло в верхней части несколько отогнуто, в нижней – переходит в биконическое тулово. Ручка овальная, уплощенная, профилированная низким продольным выступом. Черепок в изломе красно-коричневий (2.5 YR 6/4), в тесте – включения авгита, известняковых частиц, биотита, песка.

Сохранность: реставрирован из 15 фрагментов, венец, горло и тулово догипсованы; дно, нижняя часть тулова и ручки отсутствуют.

№12. Кувшина верхняя часть.

Венец подтреугольный, отогнутый, верхняя наружная наклонная плоскость венца доминирует. Высокое (9,5 см) горло в верхней части несколько отогнуто, в нижней – переходит в биконическое туло. Горло декорировано широкой (1,5 см) белой полосой, нанесенной ниже верхнего прилела ручки, туло – четырьмя тонкими красными полосами на уровне нижнего прилела. В районе прилела полосы сливаются. Черепок в изломе светло-красный (10R 6/8), в тесте – включения авгита, известняковых частиц.

Сохранность: реставрирован из 7 фрагментов, дно и нижняя часть тула отсутствуют.

Вариант I-D (рис. 5, 13) включает единственный фрагментированный сосуд с расширяющимся кверху относительно низким горлом.

№13 (Инв. №. 172). Кувшина верхняя часть.

Венец подпрямоугольный, с вертикальной наружной боковой поверхностью. Внешняя поверхность венца окрашена красной полосой). Высокое (8 см) горло в верхней части расширяется, в нижней – переходит в туло, отделенное от горла невысоким валиком, окрашенным красной полосой. Туло декорировано тремя узкими красными полосами. Ручка овальная, профицирована с внешней стороны продольным желобком. Черепок в изломе светло-красный (2.5YR 6/8), в тесте – включения мелких известняковых частиц.

Сохранность: один верхний фрагмент, дно, нижняя часть сосуда отсутствует.

ТИП 2 (рис. 5, 14-16; 6).

Ко второму типу отнесем мелкие кувшины, напоминающие формы варианта I-A. Практически все они декорированы красными полосами. Особый интерес представляет экземпляр № 15, украшенный изображением оливковой ветви. Можно осторожно предположить, что такие сосуды использовались именно для разлива масла.

№14 (Инв. №. 173). Кувшинчик. 1,05 л≈0,963 хойника.

Венец подтреугольный, отогнутый. Высокое (7 см) цилиндрическое горло декорировано широкой красной полосой и плавно переходит в яйцевидное туло. На туло в наиболее широкой его части, на уровень нижнего прилела, нанесены 4 полосы. Ручка плоская, на внутренней стороне – небольшой желобок. Черепок в изломе желтовато-красный (5YR 5/6), в тесте – включения авгита, немногочисленные включения известняковых частиц. Поверхность бледно-розовая (5YR 7/4).

Сохранность: собран из 23 фрагментов, туло и часть горла догипсованы.

№15 (Инв. №. 175). Кувшинчик во фрагментах. Реконструируемый объем 0,738 л ≈0,67 хойника.

Венец резко отогнутый, подтреугольный. Доминирует верхняя наклонная плоская поверхность профиля. Цилиндрическое горло кверху несколько сужается. На него нанесен выполненный красной краской растительный орнамент: венок из двух ветвей, начинающийся под верхним прилепом ручки, и заканчивающийся большой точкой в месте, диаметрально противоположном прилепу. Под венком – мелкие точки. Верхнюю часть биконического тула декорирована венком, в котором ланцетовидные листья чередуются с плодами (оливки?). Ручка в сечении плоская. Дно вогнутое, высокое, отделено от нижней части тула желобком. Черепок в изломе светло-красный (2.5YR 6/6), в тесте примеси известковых частиц и песка. Цвет внешней поверхности варьируется в пределах от белого (5YR 8/1) до светло-красного (2.5YR 7/8).

Сохранность: две группы фрагментов, по два фрагмента в каждой. Отсутствуют большая часть ручки и часть тула.

№16 (Инв. №. 178). Кувшинчика верхняя часть.

Венец подтреугольный, отогнутый. Под венцом (на расстоянии 2,5 см) – неглубокая бороздка. Туло декорировано четырьмя тонкими полосами на уровне нижнего прилела ручки. Ручка уплощенная, Черепок в изломе красно-оранжевый (5YR 6/6), примеси пироксена и кварцевого песка.

Сохранность: дно и значительная часть туловы отсутствуют, собрана из 6 фрагментов.

№17. Кувшинчик фрагментированный. Реконструируемый объем 0,881 л ≈ 0.808 хойника.

Цилиндрическое горло плавно переходит в биконическое туло, декорированное четырьмя красными полосами на уровне нижнего прилепа ручки. Ручка уплощенная. Дно глубоко вогнуто, на псевдокольцевом поддоне. Черепок в изломе светло-красный (2.5YR 6/6), содержит крупные (до 4 мм) включения известковых частиц и песка. Обжиг неравномерный, основная часть поверхности имеет светло-розовый цвет (2.5YR 8/2).

Сохранность: один фрагмент, венец и ручка отсутствуют.

№18 (Инв. №. 174). Кувшинчика верхняя часть.

Клювовидный венец отогнут. На цилиндрическом горле – широкая красная полоса. Туло декорировано тремя красными полосами на уровне нижнего прилепа ручки. Ручка овальная в сечении. Черепок в изломе светло-красный (2.5YR 6/8), имеются включения пироксена и известковых частиц.

Сохранность: дно, значительная часть туловы и венца отсутствуют, горло и туло догипсованы; собрана из 12 фрагментов.

№19. Кувшинчика верхняя часть.

Уплощенный венец горизонтально отогнут. На цилиндрическом горле – широкая красная полоса. Туло декорировано тремя красными полосами на уровне нижнего прилепа ручки. Ручка плоская. Черепок в изломе красно-оранжевый, примеси пироксена и песка.

Сохранность: дно и значительная часть туловы отсутствуют, туло догипсовано; собрана из 12 фрагментов.

№20. Кувшинчика расписного фрагмент горла и верхней части туловы. На горло красной краской нанесен растительный орнамент в виде венка и гирлянды (?). Верхняя грань туло декорирована орнаментом из растительных побегов. Ниже – три горизонтальных полосы. Обжиг неравномерный. Черепок в изломе оранжевый, в тесте – примеси известковых частиц и пироксена.

№21. Аналогичен предыдущему. Орнаментация выполнена более тонкими линиями. Сохранилась лишь одна горизонтальная полоса на туло.

№22. Кувшинчика расписного нижней части фрагмент. Донце вогнутое, изготовлено из отдельного куска теста. На уровне нижнего прилепа уплощенной ручки – три тонких бурых полосы. Черепок в изломе серый (7.5YR 4/1). В тесте включения известковых частиц. Поверхность светло-коричневая (7.5YR 6/4).

ТИП 3 (рис. 7-8).

Сосуды со сферическим туло, узким низким горлом и петлевидной ручкой, загнутой над венцом. Один из самых легко узнаваемых типов херсонесской столовой керамики. Многочисленные целые формы кувшинов этого типа происходят как из раскопок жилых кварталов городища [см., например, 2, с. 42, рис. 9, а; 1, рис. 75], так и из эргастериев за городской стеной [4, рис. 44, 53, 2]. Последний факт лишний раз подтверждает их местное происхождение. Сосуды такого типа, однако, широко известны и вне Херсонеса: в Ольвии [10, с. 14, 15, рис. 4, 1.] и на Боспоре [5, с. 203; 13, рис. 6, 23]. Продольный желобок на внешней стороне ручки кувшинов Т.Н. Книпович считала местной особенностью именно херсонесских сосудов [12, с. 144, 145]. Несмотря на значительное сходство между кувшинами этого типа из цистерны, их можно разделить по крайней мере на три варианта.

Вариант III-А (рис. 7) объединяет сосуды с уплощенным туло на плоском, чуть вогнутом дне.

№23 (Инв. №. 160). Кувшин со сферическим туловом 2,30 л≈2,11 хойника.

Венец клювовидный, профилирован желобком; в верхней части венец переходит в острый вертикальный валик. Низкое (4 см) горло переходит в сферическое тулово. Ручка петлевидная, загнута над венцом, профилирована глубоким продольным желобком на внешней поверхности. Дно вогнутое. На уровне нижнего прилепа ручки – три тонкие красные полосы. Черепок в изломе красновато-коричневый (2.5YR 7/3). В тесте многочисленные примеси крупных (до 2,5 мм) известковых частиц, песка и авгита.

Сохранность: реставрирован из 21 фрагмента, часть венца турова додигирована.

№24 (Инв. №. 163) Кувшин со сферическим туловом 2,03 л≈1,86 хойника.

Венец клювовидный, профилирован желобком; в верхней части венец переходит в острый вертикальный валик. Низкое (0,7 см) горло переходит в сферическое тулово. Ручка петлевидная, загнута над венцом, в сечении уплощенная, профилирована глубоким желобком. На уровне нижнего прилепа ручки – три плохо сохранившиеся красные полосы. Черепок красно-коричневый (2.5YR 6/4), Поверхность светло-розовая (2.5YR 8/2).

Сохранность: реставрирован из 14 фрагментов, отсутствуют часть венца, турова и дна; дно и тулово додигированы.

№25. Кувшин со сферическим туловом фрагментированный.

Венец клювовидный, профилирован желобком; в верхней части венец переходит в острый вертикальный валик, нижняя часть наружной поверхности плоско срезана. Низкое (2,5 см) горло переходит в сферическое тулово. Ручка петлевидная, профилирована глубоким продольным желобком на внешней поверхности. Черепок в изломе красно-коричневый (5YR 5/6). Цвет поверхности - светло-бежевый 2.5Y 8/3. В тесте - многочисленные частицы извести, песка и авгита.

Сохранность: реставрирован из 5 фрагментов, нижняя часть сосуда и ручка отсутствуют, тулово частично додигировано.

№26. Кувшин со сферическим туловом фрагментированный.

Венец клювовидный, профилирован глубоким желобком; в верхней части венец переходит в острый вертикальный валик. Низкое (3 см) горло переходит в сферическое тулово. Черепок в изломе зеленовато-серый (10Y 7/1). Тесто пережжено, слоится. В тесте - многочисленные известковых частиц авгита. На уровне нижнего прилепа ручки, чуть выше наиболее широкой части турова, – три красные полоски.

Сохранность: фрагменты реставрированы в две группы: верхнюю (17) и нижнюю (3) части сосуда. Ручка, большая часть венца и центральная части турова отсутствуют, тулово частично додигировано.

В отдельный вариант III-B (рис. 8, 27) выделю кувшин с туловом аналогичной формы, что и предыдущие, но на выразительном кольцевом поддоне. Интерес вызывает также тщательная обработка поверхности и качественное, хорошо промешанное однородное тесто.

№27 (Инв. №. 165). Кувшин со сферическим туловом. 1,80 л≈1,65 хойника.

Венец клювовидный, профилирован желобком. На внешнюю поверхность нанесена красная полоса. Низкое горло также украшено полоской, плавно переходит в сферическое тулово. На уровне нижнего прилепа ручки, чуть выше наиболее широкой части турова, – три красные полоски. Дно – на высоком кольцевом поддоне. Ручка петлевидная, загнута над венцом, в сечении уплощенная, профилирована двумя желобками: на внутренней и на внешней стороне. Цвет черепка на изломе варьируется от нежно-розового 5YR 7/3 (в середине) до светло-бежевого 2.5Y 8/3 (по краям). Внешняя поверхность – сглажена, бледно-желтая 2.5Y 8/3 .

Сохранность: реставрирован из 10 фрагментов, отсутствуют часть венца, турова; участок турова додигирован.

Вариант III-С (рис. 8, 28, 29) характеризуется более вытянутой верхней частью туловища и более плавным переходом к горлу. Эта форма также часто встречается и в Херсонесе [Белов Элл дом , с. 152, рис. 14, г] и за его пределами [18, р. 152, plate 80, C16].

№28 (Инв. №. 164). Кувшин со сферическим туловом. Восстановляемый объем 2,95 л≈2,7 хойника.

Венец клювовидный, профилирован желобком; в верхней части венец переходит в острый вертикальный валик. Низкое (2 см) горло переходит в сферическое туловище. Ручка петлевидная, загнута над венцом, профилирована глубоким продольным желобком на внешней поверхности. На уровне нижнего прилипа ручки – три красные полосы. Черепок в изломе светло-красный 2.5YR 6/6. Обжиг неравномерный: цвет внешней поверхности варьируется от светло-розового (2.5YR 8/2) до красновато-желтого (светло-розовая 5YR 6/62). В тесте многочисленные примеси крупных (до 2,5 мм) частиц авгита, известковых частиц.

Сохранность: реставрирован из 14 фрагментов, отсутствует значительный участок туловища, частично догипсован.

№29 (Инв. №. 161). Кувшин со сферическим туловом. 2,50 л≈2,29 хойника.

Венец клювовидный, профилирован желобком; в верхней части венец переходит в острый вертикальный валик. Низкое (2,5 см) горло переходит в сферическое туловище. Ручка петлевидная, загнута над венцом, профилирована продольным желобком по центру внешней грани смещенным в сторону желобом на внутренней поверхности. В нижней части туловища, под ручкой – округлая вмятина, нанесенная на еще сырую глину. Черепок в изломе светло-оранжевый светло-красный 5YR 6/8. Поверхность красновато-желтая (5YR 7/6). В тесте примеси песка и авгита.

Сохранность: реставрирован из 15 фрагмента, часть туловища догипсирована.

Тип IV (рис. 9, 30, 31) - двуручные кувшины.

№30. Кувшина двуручного горла фрагмент.

Венец широкий, отогнутый, внешний конур сформирован верхней наклонной и нижней вертикальной плоскостями. Ручки в сечении плоские. Черепок в изломе желтовато-красный (5YR 7/6), внешняя поверхность - светло-бежевая 5Y 8/3).

Сходный фрагмент происходит из усадьбы Панское-1, что датирует его временем до 70-х гг. III в. до н.э.[18, р. 152, plate 77, C1].

№31. Кувшина двуручного верхняя часть.

Коническое горло оканчивается валиковидным венцом, внизу плавно переходит в туловище. Ручка в сечении овальная, на уровне нижнего прилипа – три тонкие полосы. Черепок в изломе оранжевый (5YR 6/6), с примесями пироксена и известковых частиц.

Сохранность: собрана из пяти фрагментов.

Тип V (рис. 9, 32), - «хозяйственные» лагиносы, - представлен единственным крупным фрагментом.

№32. (Инв. №. 179). Лагиноса верхняя часть.

Высокое коническое горло оканчивается валиковидным венцом. Ручка в сечении овальная. Черепок светло-красный (2.5YR 7/6).

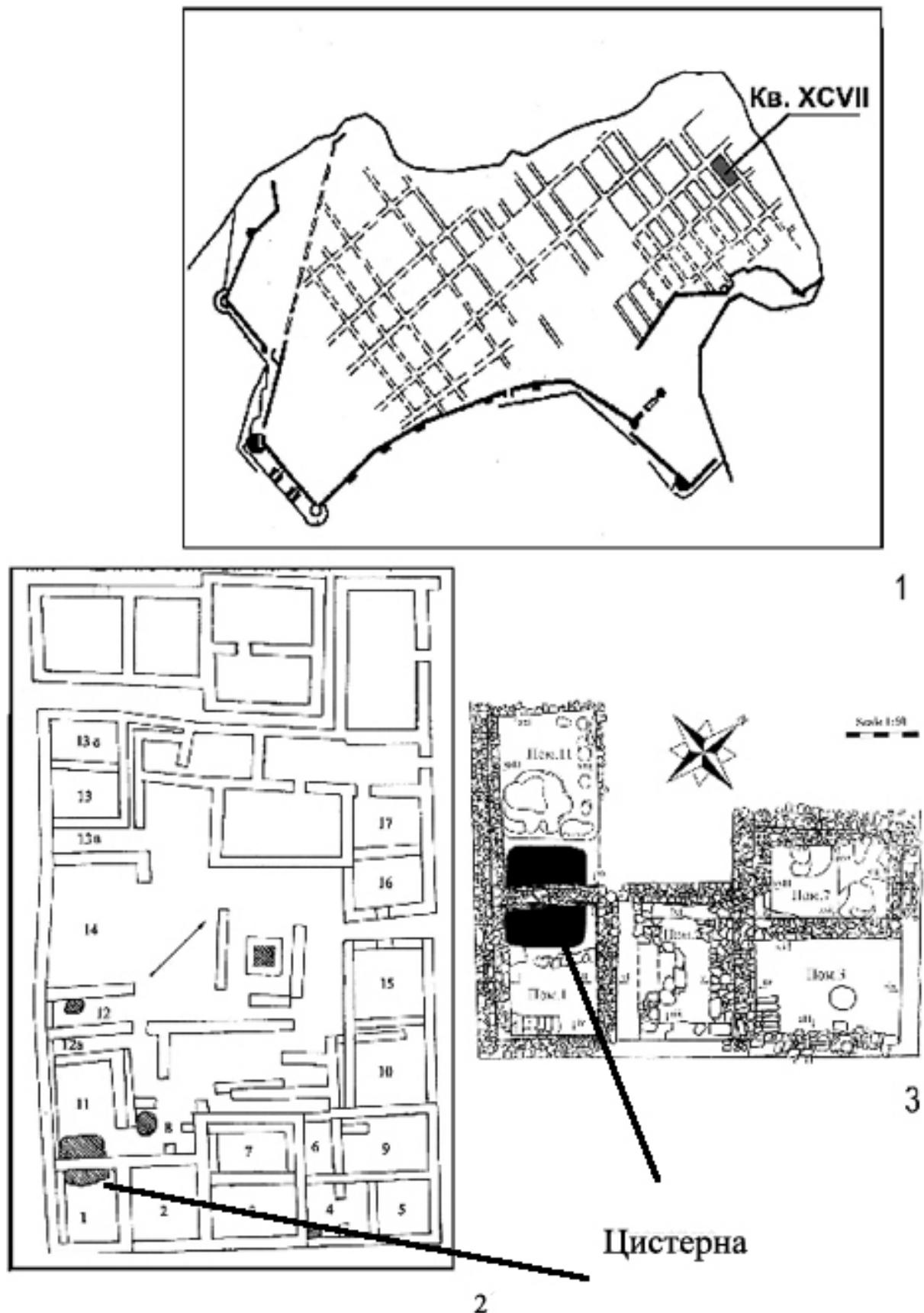
Две целые формы лагиносов происходят из «дома Аполлония» в Северном районе городища [3, с. 153, рис. XVIII, 19, а]. В целом же морфологически близкие сосуды были широко известны в античном мире и характерны для III в. до н.э. [19, р. 83-86; fig 16, 103, 104].

Источники и литература.

1. Белов Г. Д. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935–36 гг. Севастополь. 1938. 350 с.
2. Белов Г. Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI (Раскопки 1937 г.) // МИА. 1953. №34. С.32-108.
3. Белов Г. Д. Эллинистический дом в Херсонесе// Труды ГЭ. Том VII. 1962. С. 143-183.
4. Борисова В.В. Отчет о раскопках гончарных печей и склепа в Херсонесе в 1955 г. Альбом иллюстраций// НА НЗХТ. Д. № 710/2. 42 л.
5. Гайдукевич В.Ф. раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // МИА. Вып. №85. 1958., с. 149-218.
6. Дашевская О.Д. Эллинистическая расписная керамика из северо-Западного Крыма// СА. 1967. №1 . С. 162-168.
7. Егорова Т.В. Чернолаковая керамика с памятников Северо-Западного Крыма IV-II вв. до н.э. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 2009. 256 с.
8. Зайцева К.И. Местная керамика Ольвии эллинистического времени (курильницы и амфоры) // Труды Государственного Эрмитажа, 1962. т. 7. С. 184-206.
9. Золотарев М.И. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса 1991г. //НА НЗХТ. Д. №3079. 55 л.
10. Карасев А.Н., Леви Е.И. Раскопки ольвийской агоры в 1970 г. // КСИА. Вып. 144. 1975. С. 11-20.
11. Ковалевская Л. А. Комплекс столовой и кухонной керамики с усадьбы 106 на хоре Херсонеса Таврического // БИ. Вып. VIII. 2005. С. 263-272.
12. Книпович Т.Н. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья// СА. 1941. VII. С 140-151.
13. Кругликова И.Т. Ремесленное производство простой керамики в Пантике в VI-III вв. до н.э.// МИА. Вып. 56. 1957. С. 97-138.
14. Ланцов С.Б. Античное святилище на западном берегу Крыма. К., 2003. 119 с., с. 15, рис. 7, 15
15. Монахов С. Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV-II вв. до н. э. Саратов. 1989. 158 с.
16. Стржелецкий С.Ф. Камышевский клад античных монет Херсонеса//ХСб. Вып. IV. 1948. С. 107-112.
17. Уженцев В.Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани. Симферополь. 2006. 248 с.
18. Sergey V. Kasaev. Commonware//Hannestad L., Stolba V.F. & A.N. Scieglov ., Panskoye I. Vol. 1. The Monumental Building U6. Aarhus. 2002. P. 150-179.
19. Rotroff S. Hellenistic Pottery. The plain wares.//The Athenian Agora XXXIII. Princeton. 2006. 440 p.
20. Miron I. Zolotarev. A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos// Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400-100 BC. Aarhus: Aarhus University Press. 2005. p. 193-216.

Сокращения.

КСИА –	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР
НА НЗХТ -	Научный архив Национального заповедника «Херсонес Таврический»
СА –	Советская археология
Труды ГЭ –	Труды Государственного Эрмитажа
ХСб. –	Херсонесский сборник

Рис. 1. Цистерна в XCVII квартале

1. План Херсонесского городища. 2. План XCVII квартала. 3. Расположение цистерны (по М.И. Золотареву).

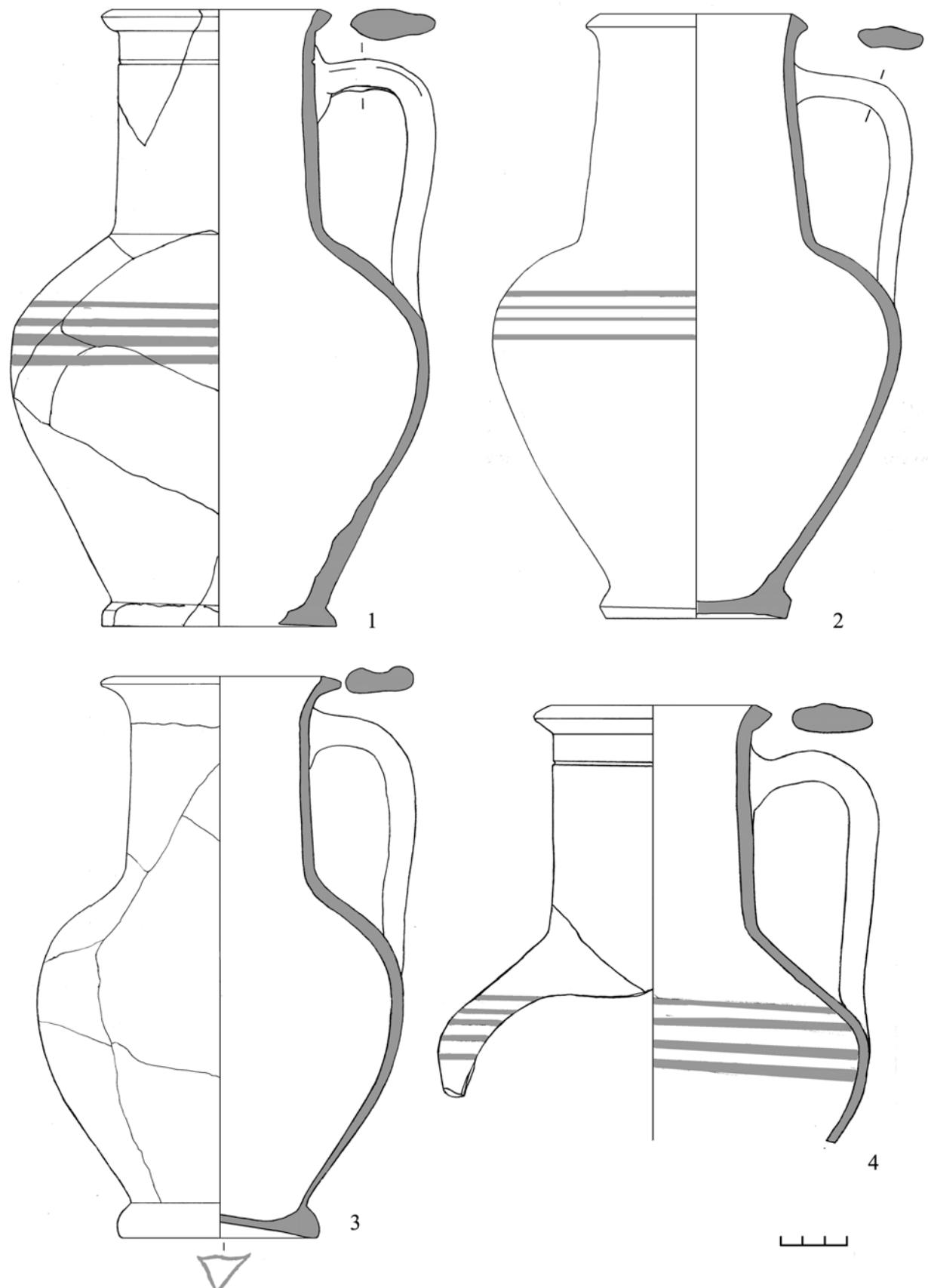

Рис. 2. Кувшины варианта I-А.

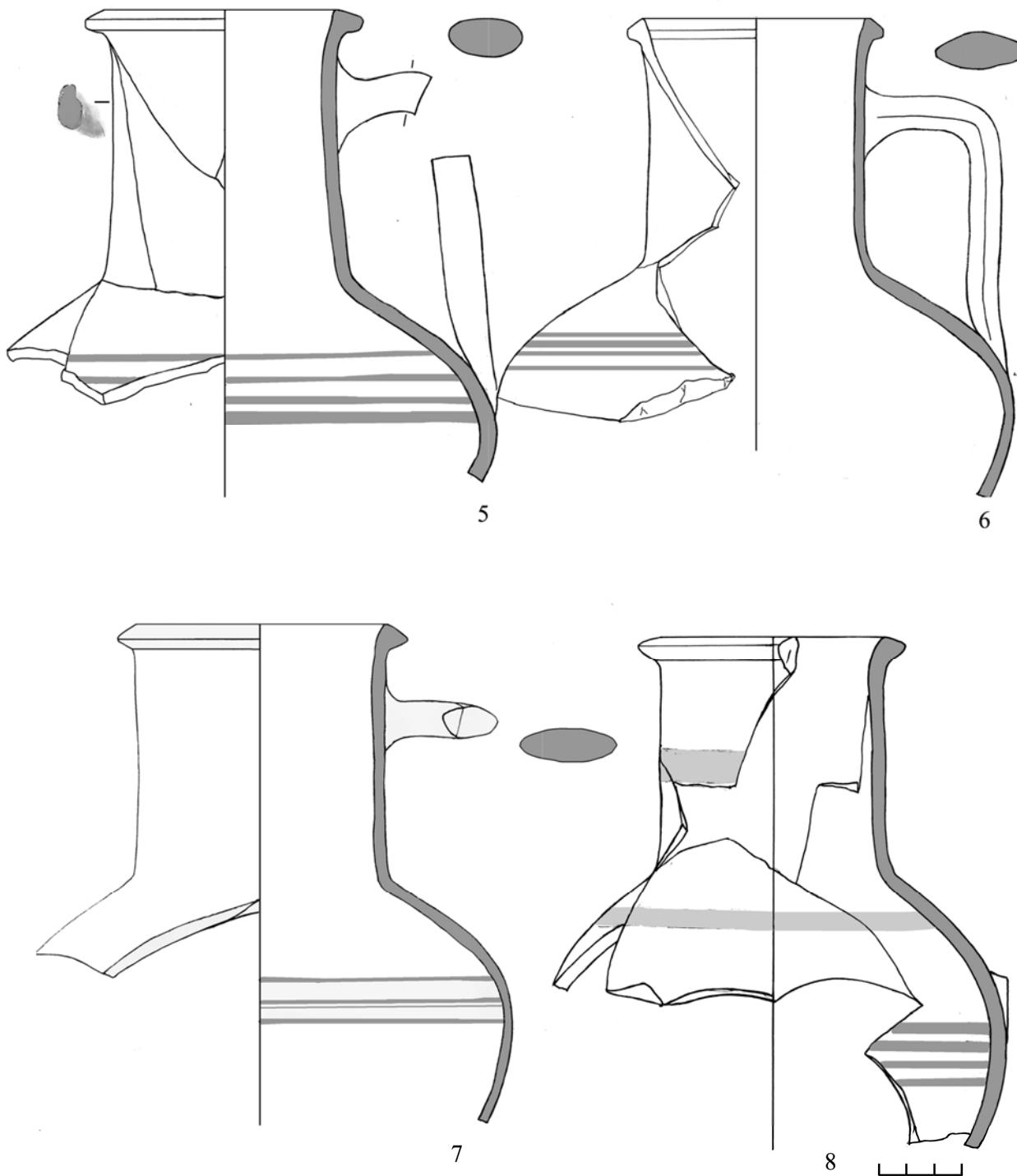

Рис. 3. Кувшины варианта I-A.

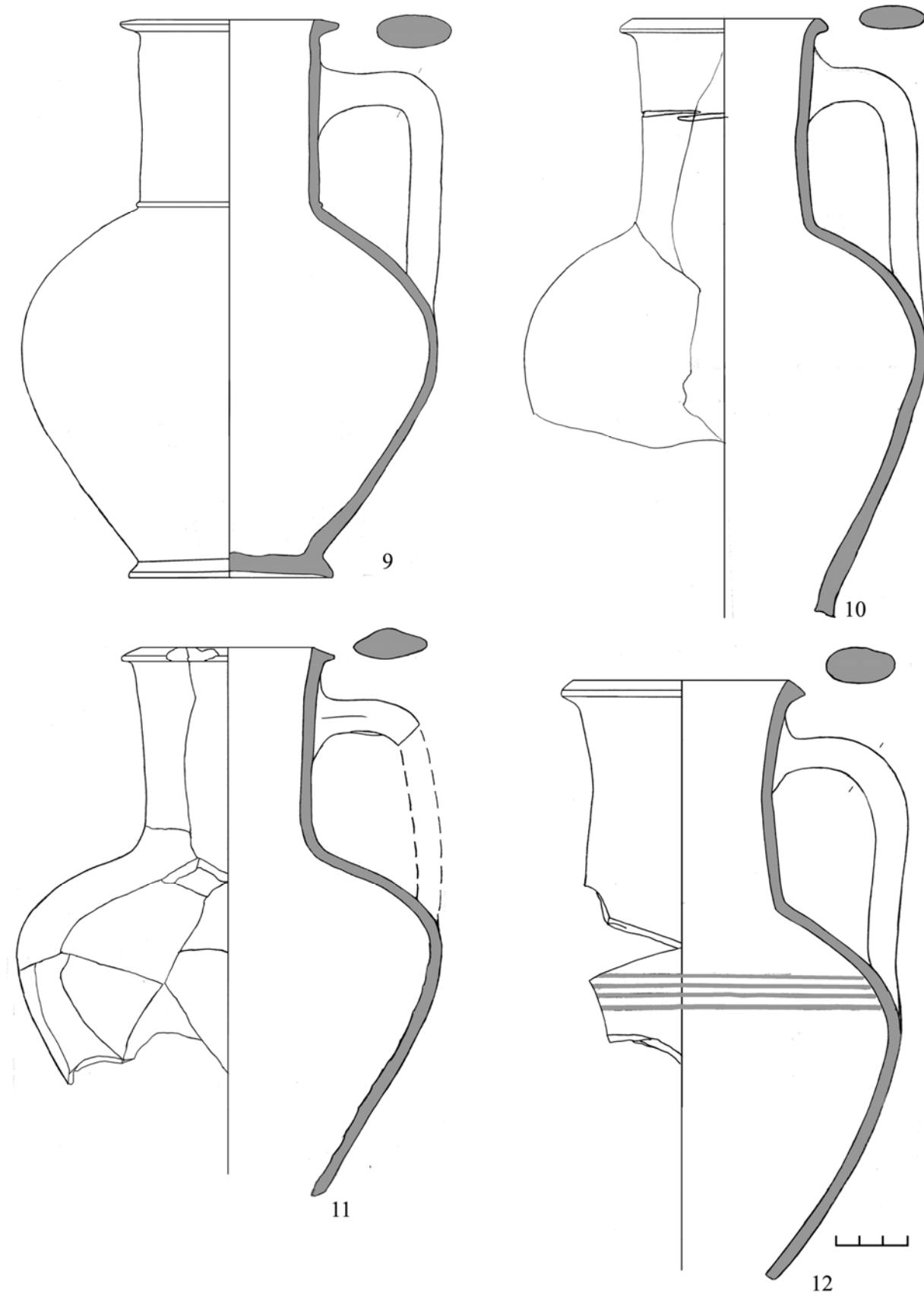

Рис. 4. Кувшины вариантов I-B (9), I-C (10-12).

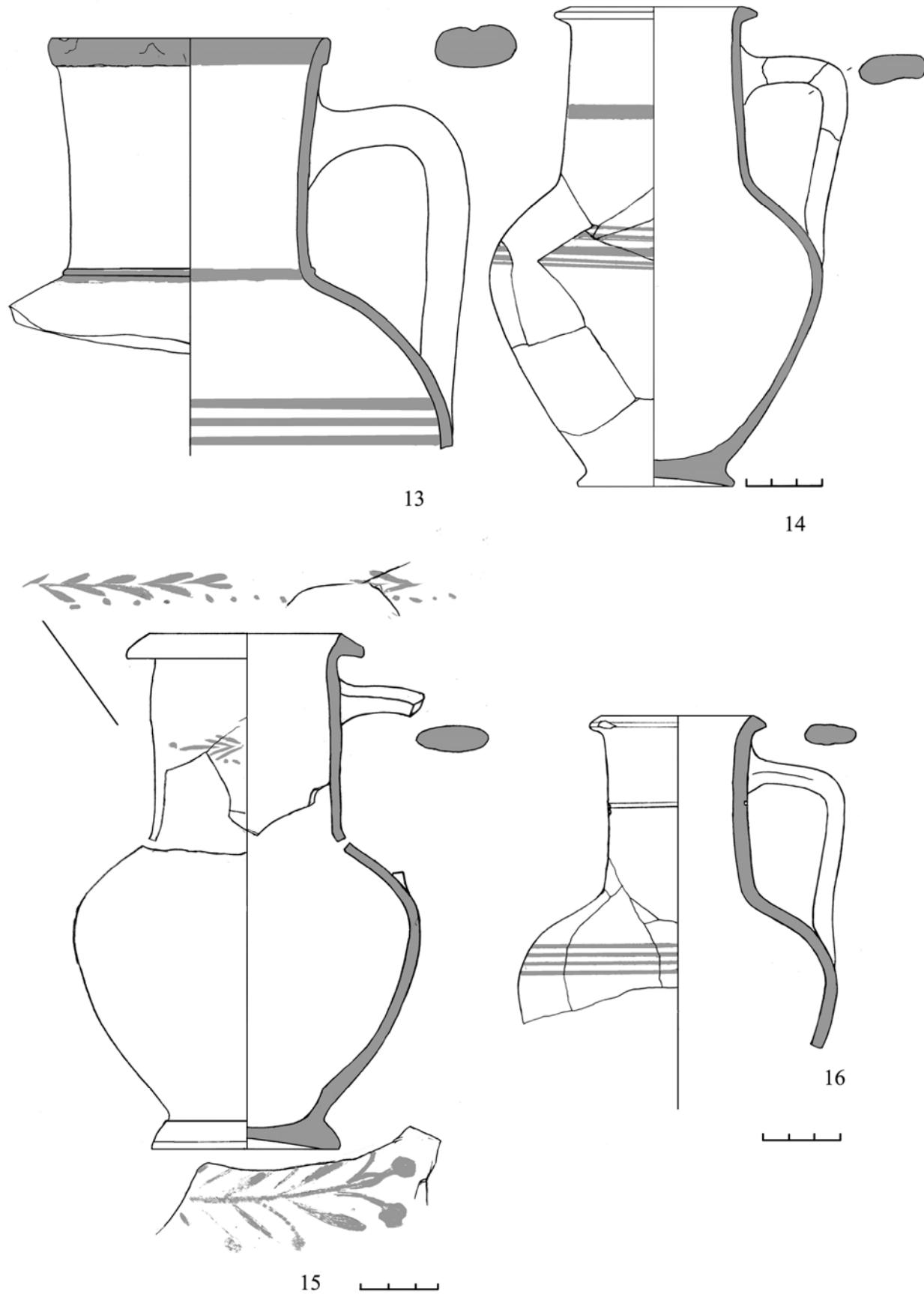

Рис. 5. Кувшины варианта I-D (13), типа II (14-16).

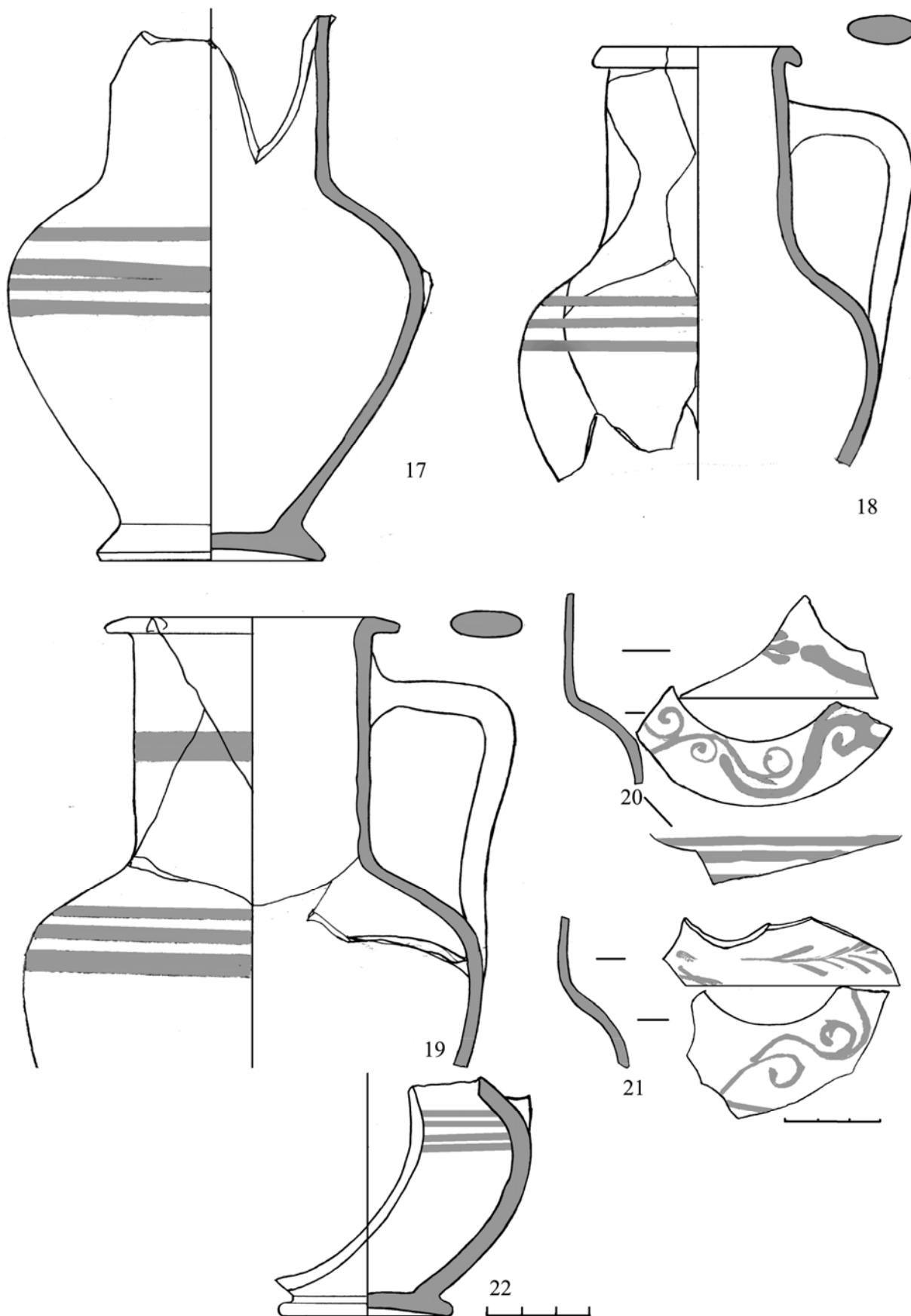

Рис. 6. Кувшины типа II.

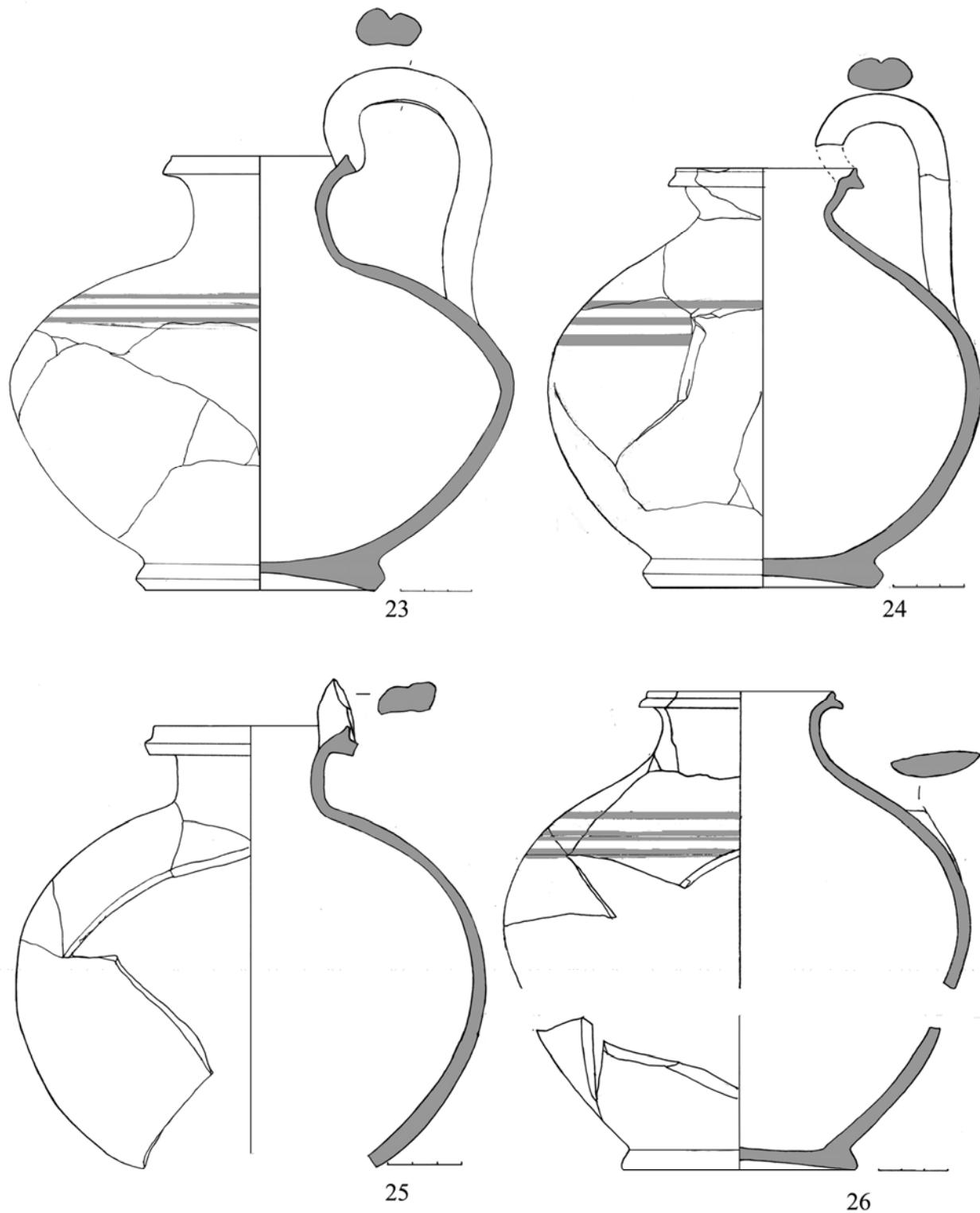

Рис. 7. Кувшины варианта III-А.

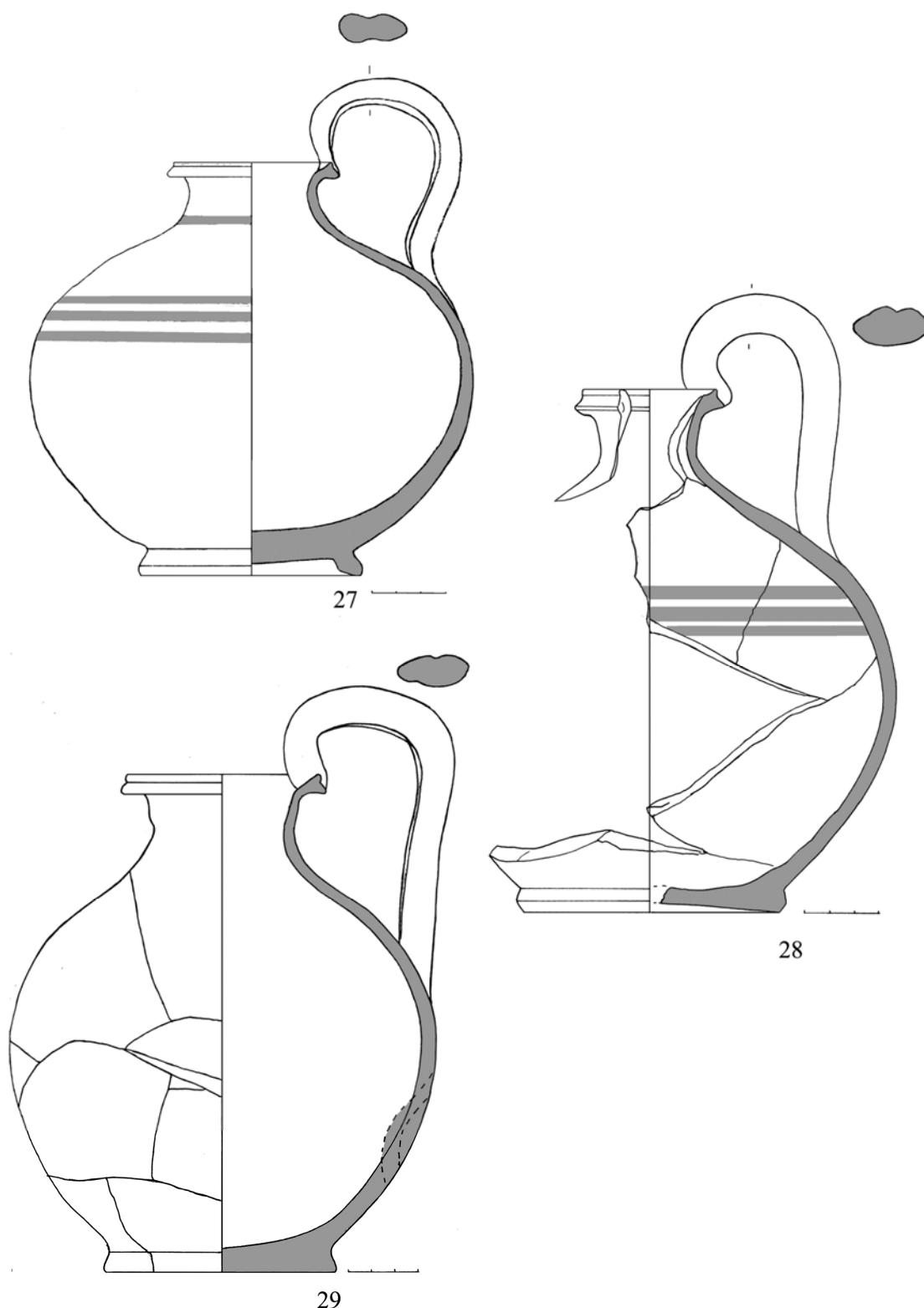

Рис. 8. Кувшины варианта III –В, III -С.

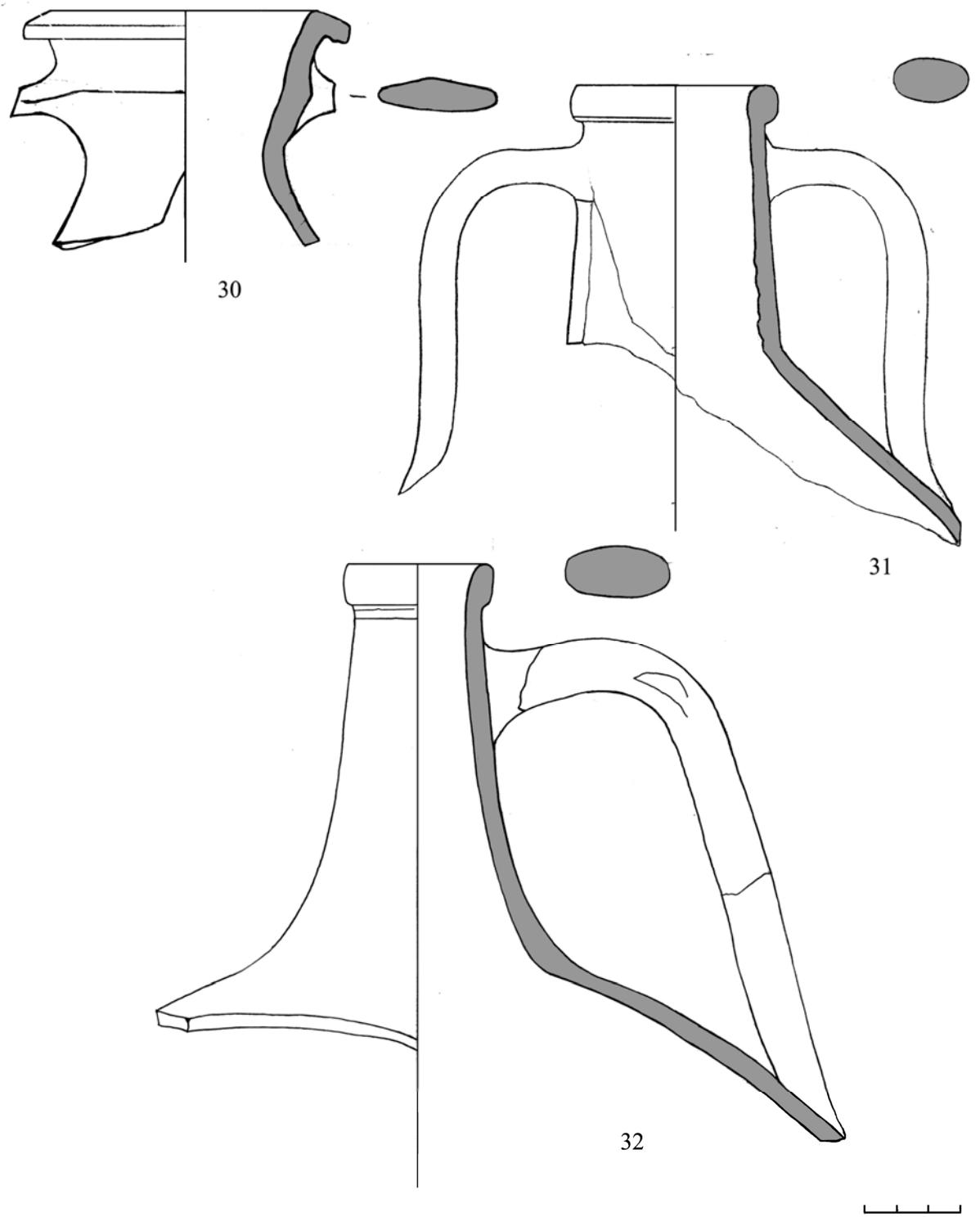

Рис. 9. Кувшины типов IV, V

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА КИЕВСКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ

Князьков А. А.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Изучение русско-византийских отношений IX-X вв. чрезвычайно затруднено по целому ряду причин, главная из которых – неполнота и фрагментарность источников. Базовое представление о контактах двух государств можно получить благодаря самому популярному и лёгкому для восприятия источнику – Повести временных лет (в первую очередь, в Лаврентьевской редакции) [13; 14]. Другие летописи и агиография, а также (в большей степени) византийские и внешние источники помогают заполнить пробелы и уточнить спорные вопросы. Но даже с их учётом история русско-византийских отношений распадается на отдельные эпизоды – такие, как нападение Аскольда и Дира в 860 г., война Святослава в 967-971 гг., взятие Херсона в 988 г. и т.п. Тем не менее, внимательный анализ источников и критический подход к ним должны способствовать работе по реконструкции целостной картины событий, дать возможность проследить, как развивалась дипломатия обоих государств, какие стратегии в своей внешней политике они исповедовали.

Стратегия Византии по отношению к Руси известна нам из «первых уст» – её сформулировал император Константин Багрянородный в труде «Об управлении империей». Это концепция «сдерживания»: росов сдерживают печенеги, находясь в войне с которыми, росы не могут подойти к Константинополю ни для войны, ни для торговли [1, с. 95]. Кроме того, с Константином связан один из хорошо известных эпизодов русско-византийских отношений – визит княгини Ольги в Константинополь, который в некоторых источниках связывается с принятием христианства. Ввиду противоречивости данных, перед исследователем религиозной политики Ольги стоят две основные задачи: выяснить, каким образом связаны и связаны ли вообще крещение княгини и её визит в Византию; попытаться найти другие сведения о религиозной политике, проводимой княгиней, и совместить их в единую картину с общеизвестными данными, которые сообщают нам летописи.

Дипломатия княгини Ольги, на первый взгляд, подробно было описана очевидцем и действующим лицом этих событий – всё тем же Константином Багрянородным в труде «О церемониях» [III, 15] [6]. Тем не менее, его описание не так уж богато сведениями о собственно русско-византийских отношениях. Цель Константина Багрянородного – пересказать дворцовые формальности, поэтому в тексте много церемониальных деталей и почти ничего не говорится о дипломатии как таковой. О христианстве Ольги он не упоминает, и единственный намёк на её религиозные взгляды – присутствие при ней «священника Григория» (намёк спорный, ведь христиане могли быть в свите княгини). Из более поздних византийских авторов о визите пишут авторы ряда хроник, заимствовавшие материал друг у друга, - Иоанн Скилица, Георгий Кедрин, Иоанн Зонара. Скилица пишет [Scyl. 240. 77-81]: «*И жена некогда отправившегося в плавание против ромеев русского архонта, по имени Эльга, когда умер её муж, прибыла в Константинополь. Крещённая и открыто сделавшая свой выбор в пользу истинной веры, она, удостоившись великой чести по этому выбору, вернулась домой*» [1, с. 118]. Незначительно дополняет эти сведения немецкий источник – Продолжатель хроники аббата Региона (традиционно считается, в соответствии с работами В. Гизебрехта, И. Вера, Х. Изенбарта, что автором продолжения, охватывающего 907-967 гг., был современник описанных событий епископ Адальберт [10, с. 101]). Он сообщает о Елене (Ольга стала Еленой в крещении), королеве русов, «*крестившейся в Константинополе при императоре константинопольском Романе*».

Описание визита княгини Ольги в Константинополь в Повести временных лет (сообщения других летописей, в частности, Новгородской I младшего извода и Никоновской повторяют его в точности) [13, с. 166-167; 11, с. 113-116; 15, с. 29-30] практически лишено какого-либо политического окраса; по сути, оно представляет собой смесь житийно-притчевого рассказа о Константине, которого Ольга перехитрила и при этом заставила себя крестить, и пышных похвал в адрес Ольгиного христианства, вполне объяснимых временем написания и авторством летописи. Похвалы в адрес Ольги, упоминания о том, как она молилась и «радовалась», как безуспешно пыталась сделать Святослава христианином, повторяются и чуть позже, после обозначенного 6463 (955) годом описания визита в Константинополь [13, с. 167]. Фактически, ничего в этом рассказе, кроме даты и имени императора, нельзя назвать хоть сколько-нибудь историчным. Среди нелетописных древне-

русских источников, упоминающих о взаимоотношениях Ольги с Византией, самый ранний – «Память и похвала князю Владимиру» монаха Иакова, написанная в XI в. Иаков пишет об Ольге: «*пойдя в Царьград, приняла она святое крещение, и жила, как следует по-божески, всеми добрыми делами украсившиесь, и почила с миром*» [3]. В житии Ольги, вошедшем в XVI в. (в эпоху Ивана IV) в состав «Степенной книги», описывается [5, с. 16-22] очень близкая к Повести временных лет ситуация (сватовство императора и крещение, совпадения местами дословные, за исключением того, что текст насыщен многословными отвлечёнными рассуждениями), однако Ольга посещает Константинополь при Иоанне Цимисхии, причём визит датирован тем же 6463 (955) г., когда Иоанна Цимисхия на престоле, естественно, ещё не было.

Следует отметить, что описание посольства Ольги в летописи завершается интересной деталью: когда она уже возвращается в Киев, император присыпает к ней послов, говорящих, что он дал ей богатые дары и ждёт ответного жеста. На это Ольга отвечает: «*Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе*» [13, с. 167]. Этот эпизод, если предположить под ним реальную основу, может отражать проблемы, возникавшие в дипломатической деятельности княгини.

Таким образом, столь обрывочные сведения не позволяют с достоверностью утверждать, имел ли визит Ольги какое-то отношение к крещению её в православной вере. Единственный по-настоящему заслуживающий доверия источник, то есть Константин Багрянородный, по сути, ничего существенного не сообщает. Так или иначе, очевидно, что факт крещения имел место, как и факт визита; связать или отделить их друг от друга на основании имеющихся данных не представляется возможным, но летописная история о непосредственном участии императора в крещении, конечно, совершенно недостоверна, а летописный фрагмент о недовольстве Ольги ещё больше доказывает, что визит ограничился, скорее всего, каким-то неудовлетворительным для русской стороны либо для обеих сторон результатом, чего в случае с крещением в Константинополе быть не могло.

Следует особо оговорить, что советская историография, в первую очередь, Г.Г. Литаврин довольно подробно проработала концепции датировки и количества походов Ольги. Так, существует точка зрения, согласно которой поездка имела место в 957 г., уже после принятия Ольгой христианства в 954/955 гг. [8, с. 41]; либо же что крещение и поездка совпали и состоялись в 957 г. Сам Г.Г. Литаврин на основании спорных датировок как в летописи, так и у византийцев (следует помнить также, что в целом ряде источников даты сильно искажаются – приводятся даже другие имена императора, к которому приезжала княгиня), предполагал, что приём состоялся в 946 г. и не имел отношения к христианству, а крестилась Ольга в 955 г. [7]. Так или иначе, все гипотезы только демонстрируют, что возможность тесной связи визита и крещения не представляется надёжно доказанной.

В историографии за сведениями об ольгином посольстве редко обращаются к уже упомянутому продолжателю Регина, который, как было показано выше, не сообщает ничего интересного непосредственно о визите в Константинополь, более того, путается в именах, сообщая, что она приходила «*при императоре константинопольском Романе*». Тем не менее, в дальнейшем автор этой хроники (то есть, как уже было сказано, сам епископ Адальберт) даёт интереснейшую информацию, показывающую нам «радующуюся» своей новой вере Ольгу из русских летописей с совсем другой стороны. Адальберт пишет, что «*в лето от воплощения Господня 959-е... послы Елены, королевы русов... явившиесь к королю, притворно, как выяснилось впоследствии, просили назначить их народу епископа и священников*» [10, с. 107]. В 960 г. «*Либуций из обители святого Альбана посвящается в епископы для народа ругов*»; однако его немедленному отправлению туда мешают «*какие-то задержки*», а в 961 г., 15 февраля, он умирает. Его сменяет на должности сам Адальберт (из обители святого Максимиана), который с обидой пишет, что «*ждал от епископа лучшего и ничем никогда перед ним не провинился*», но «*должен был отправиться на чужбину*». Король снабжает Адальберта «*всем, в чём тот нуждался*». В 962 г. Адальберт возвращается от ругов, ни в чём не преуспев, и убедившись в тщетности своих усилий [10, с. 108]. Полностью повторяет описание этого события из Продолжателя Регина ряд анналов (Саксонский annalist, Магдебургские анналы [10, с. 113]). В Хильдесхаймских анналах присутствует другой вариант описания той же ситуации. Там значится: «*К королю Оттону явились послы народа Руси с мольбою, чтобы он послал кого-либо из своих епископов, который открыл бы им путь истины; они уверяли, что хотят отказаться от языческих обычаяев... И он согласился на их просьбу и послал к ним епископа Адальберта правой веры. Они же... во всём солгали*» [10, с. 112]. Альтайские и Кведлинбургские анналы дают тот же текст, добавляя в конце: «*...ибо упомянутый епископ едва избежал смертельной опасности от их происков*»; у Титмара Мерзебургского, вскользь упоминающего о случившемся, формулировка «*изгнан оттуда язычниками*» [10, с. 138]. С небольшими

текстовыми изменениями то же сообщают анналы Ламперта и Оттенбайренские анналы [10, с. 112]. Во всех этих анналах событие датируется 960 г. Таким образом, вероятно, все эти анналы идут от другой, менее достоверной традиции.

На первый взгляд, в источниках ничего не сообщается о киевских правителях, которые предпринимали попытки принимать какую-либо другую веру, кроме православной. Тем не менее, на самом деле такое сообщение есть, причём в самой Повести временных лет: это рассказ о «выборе веры» Владимиром, кажущийся на первый взгляд одним из многочисленных летописных сказаний былинного типа. История прихода к Владимиру религиозных посольств описывается под годами 6494 и 6495 (986-987). Приходят «болгары магометанской веры», «иноземцы из Рима», «хазарские евреи» и, наконец, «пришли греки к Владимиру философа». Философ рассказывает о том, насколько ошибаются все приходившие до него, и подробно рассказывает об основах православия; рассказ чрезвычайно впечатляет Владимира, князь отпускает философа «с честию великою» [13, с. 185]. Владимир советуется с приближёнными, собирает посольство из десятерых человек и отправляет во все эти страны; когда они пришли в Царьград, царь «состорил им почести великие». Вернувшись, послы ругают все страны, а о Византии сообщают: «нет на земле такого зрелища и красоты такой... пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах». Владимир принимает решение креститься в этой вере [13, с. 186].

Ряд арабских авторов (в частности, писавший около 1120 г. Марвази, чьё сочинение «Об естественных свойствах животных» является самым старым арабским списком рассказа о славянах [2, с. 129, 133]) могут интересным образом дополнить эти данные. Они пересказывают легенду о принятии князем Буладмиров (очевидно, Владимир) христианской веры. Правда, эта вера вскоре сменяется исламом. Строго говоря, датировки арабов относятся к началу и середине X в., однако упоминание имени князя в данном случае представляется более существенным (арабские авторы редко ссылаются на конкретные имена при описании других событий – например, войны Игоря у того же Марвази). Марвази пишет, что русы «приняли христианство в месяцах 300 [912-913 гг.]. Когда они обратились в христианство, вера притупила их мечи, двери добычи закрылись за ними, и они вернулись к нужде и бедности, сократились у них средства к существованию. Вот они и захотели сделаться мусульманами, чтобы были дозволены для них набеги и священная война, возвратиться к тому, что было раньше. Вот они и послали послов к владетелю Хорезма, четырёх мужей из приближённых их царя, называемых их царь Буладмир... Пришли послы их в Хорезм, поведали цель посольства, обрадовался Хорезм-шах... и послал к ним кого-то, чтобы тот наставил их... и обратились они в ислам» [2, с. 106]. То же сообщение в несколько искажённом виде повторяется у ‘Ауфи, у Мухаммада Катиба (с другой датой – 333, т. е. 944-945 гг. – и указанием того, что русы уже приняли ислам, когда послали к Хорезм-шаху), у Димашки (с другой датой – 375, т. е. 985-986 гг.) [2, с. 106-107].

В дополнение к этому, в средневековье в Польше существовала легенда о половце, который, поехав в Александрину и там крестившись коптом, написал Владимиру послание об истинной вере [9].

На основании этих источников есть основания предполагать следующее: начиная как минимум с Ольги и вплоть до Владимира проводилась последовательная политика «выбора веры», которая потом нашла своё отражение в фольклоре, каковой, в свою очередь, лёг в основу летописного сказания. Не послы приходили к князю; напротив, князь посыпал послов, причём не с просьбой рассказать о вере, а сразу сообщая лидерам других государств о готовности её принять: доказательство тому – сообщения Адальберта и арабов. Ольга послала с подобным предложением к Оттону; Ярополк, как также известно, вёл какие-то переговоры с папой; отношения с хазарами, судя по так называемому Кембриджскому документу, были довольно тесными [12]; Владимир посыпал к саманидскому эмиру (ошибочно названному в источнике хорезмшахом); существовал (возможно) контакт с коптами; наконец, судя по всему, Владимир снарядил посольство в Константинополь, что и нашло отражение в летописном фрагменте за 987 г. (а также, например, в свидетельстве Илариона, писавшего, что «непрестанно слушал он о православной Греческой земле, христолюбивой и сильной верою... и, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином» [4]). В полном соответствии с Повестью временных лет, в итоге, после неудачи с западным христианством и (вероятно) исламом, так или иначе «заинтересованный» православием, Владимир выбирает именно его.

Каким образом можно подытожить имеющиеся данные и предположения о религиозной политике Ольги? Как известно, на протяжении первой половины X в. Русь начала утверждать себя на торговом и военном поприще (в случае с русско-византийскими отношениями примером могут служить договоры 911 и 945 гг.) Ольга проявила себя дальновидным политиком и положила начало культурному взаимодействию своей страны с более развитыми соседями – взаимодействию, которое продолжалось полвека и завершилось Крещением Руси. Её личное принятие православия нельзя однозначно считать политическим жестом – вполне возможно, что это действительно, как

утверждают русские летописи, было её личным, а не государственным делом. Однако попытка «латинской» миссии на Русь демонстрирует, что замысел отхода от язычества в государственном масштабе возник именно тогда; именно в этом и следует видеть главную политическую заслугу киевской княгини.

Источники и литература.

1. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос, 1999. 608 с.
2. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Том II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1967. 211 с.
3. Иаков монах. Память и похвала русскому князю Владимиру. Пер. Н. И. Милютенко [Электронный ресурс] // Сайт «Электронные публикации института русской литературы (Пушкинского дома)». Режим доступа: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4870>
4. Иларион. Слово о законе и благодати митрополита Илариона. Пер. А. Юрченко [Электронный ресурс] // Сайт «Электронные публикации института русской литературы (Пушкинского дома)». Режим доступа: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868>
5. Книга степенная царского родословія, содержащая исторію россійскую съ начала онъя до временъ го- сударя царя и великаго князя Ioанна Васильевича, сочинённая трудами преосвященныхъ митрополитовъ Кипріана и Макарія. Часть 1. М.: При Императорскомъ Университетѣ, 1775. 589 с.
6. Константин Багрянородный. О церемониях. [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr/cerem.phtml?id=731
7. Литаврин Г.Г. О датировке посольства Ольги в Константинополь // История СССР, 1981. № 5. С. 173-183.
8. Литаврин Г. Г. Русско-византийские связи в середине X века // Вопросы истории, 1986, № 6. – С. 41-52.
9. Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого, или до 1054 года [Электронный ресурс] // Сайт «Русская наука в интернет». Режим доступа: http://rusnauka.narod.ru/lib/author/lomonosov_m_v/3/
10. Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX-X веков. Тексты. Перевод. Комментарий. М.: Наука, 1993. 240 с.
11. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 576 с.
12. Отрывок из письма неизвестного хазарского еврея X века. Пер. П.К. Коковцова [Электронный ресурс] // Сайт «Гипотезы, теории, мировоззрение Л. Н. Гумилёва». Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/Rest/rest0505.htm>
13. Повесть Временных лет. Ч. 1. Текст и перевод / Подготовка текста: Д.С. Лихачев, пер.: Д.С. Лихачев, Б.А. Романов. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 408 с.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Издание второе. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1926-1928. 379 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 277 с.

РУССКИЙ ПОЛОН В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ И ТУРЦИИ В XV-XVIII ВЕКАХ

ЮРЧЕНКО В.С.

Филиал МГУ в г. Севастополе

Феномен русского полона в Крымском ханстве и Турции в XV-XVIII веках – весьма интересное, но малоизученное явление. Эти государства тесно взаимодействовали как с развитыми западноевропейскими странами, где уже отмирал феодальный уклад, так и с Речью Посполитой и Россией, где усиливалось крепостничество. О турецком и татарском полоне сложилось немало фольклорных стереотипов. В представленной статье проверяется их достоверность.

Крым был и остается миграционным перекрестком. Здесь оставили свой след многие народы, последовательно вытеснявшие и ассимилировавшие друг друга. Поэтому, на территории полуострова всегда была сложная этнополитическая ситуация. Сейчас в Крыму проживает три больших этноса – украинцы, крымские татары и русские. Все они считают эту территорию своей, а себя позиционируют как ее коренных жителей. Особенно отчетливо это проявляется в случае с крымскими татарами, которые не согласны с правомерностью включения Крыма в состав России в 1783 году. Между тем, русское государство стремилось к «покорению Крыма» в первую очередь для того, чтобы прекратить и предотвратить набеги татар и увод пленных.

О русском полоне в Крымском ханстве и Турции сохранилось значительное количество источников, однако их национальная принадлежность говорит об определенной однобокости источников базы. В полной мере могут использоваться произведения западноевропейских и русских авторов, тогда как турецкие архивы остаются недоступными для русских исследователей. К тому же в 1739 году фельдмаршал Б. Миних сжег Бахчисарайский архив. Однако сохранился важный нарративный источник турецкого происхождения – «Книга путешествий» Эвлии Челеби, который провел в странствиях около 50 лет [29]. В основном источники сохранились полностью, кроме отдельных работ, например, труда Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян» [15].

Чтобы оценить масштабы татарско-турецкой работорговли, упомяну крупнейшие татарские набеги на Русь. Излюбленными дорогами татар в русскую землю были Изюмский, Кальмиусский, Ногайский шляхи (последний вел в густонаселенные районы Рязани). Особенно разорительными были набеги:

- 1569 г. – когда турки и татары осадили Астрахань [10, с. 46];
- 1572 г. – битва при Молоди близ Серпухова [2, с. 48]¹;
- 1607-1617 гг. во время Смуты. Особенно следует выделить 1613 год, когда татары сидели на Руси почти «без выходу»;
- 1625 г. – когда татарам удалось захватить 50 тысяч полону;
- 1632-33 гг. – когда в полон было уведено столько народу, что стариков татарам приходилось убивать;
- 1644-1645 гг. – 20 тысяч полонянников.

В целом за первую половину XVII в. в полон попало 200 тысяч русских людей [18, с. 45, 73-76]. В XVIII в. наиболее значимым является поход 1717 г., когда татары дошли до Симбирска, и в плен было взято 20 тысяч невольников [21, с. 77].

Татары внезапно нападали на деревни, и спастись от них было невозможно, т.к. они брали с собой все, что могли унести. Мало кому удавалось спрятаться от «разбойников». Татары привязывали их конскими веревками к седлам и таким образом доставляли в Крым [7]. Захват невольников представлял собой ужасающее зрелище: «...Един Татарин

¹ Т.е. татарам и туркам удалось вплотную подойти к центру России.

до четыредесяти христиан ведяше с нужею повязавши, многое же множество иссечено быть, инии же от мраза изомроша, друзии же гладои и жажею умираху» [20, с. 239].

Самыми большими рынками работорговли были Каффа (Кефе) и Гёзлёв, откуда славян продавали в другие страны. Перо Тафур писал, что в Каффе рабов продаётся больше, чем где-либо еще [23, с. 38]. «Реализацию» невольников татары очень часто поручали армянам, хотя продавцами были также евреи и греки [18, с. 209]. Важно отметить, что представители этих национальностей часто помогали с возвратом невольников на родину. Видимо, их активное участие в работорговле объясняется не плохим отношением к славянам, а неимением других стабильных видов дохода, т.е. в большей мере это было приспособление к тем условиям, которые сложились в Крымском ханстве.

Спектр иностранных покупателей также был довольно широк. М. Литвин пишет, что рабов продавали «*сарацинам (Sarracenis), персам (Persis), индусам (Indis), арабам (Arabibus), сирийцам (Syris) и ассирийцам (Assyriis)*» [15]. Московских полонянников на рынках оценивали дешевле, чем малороссов, так как последние отличались большей покорностью и покладистостью [28, с. 539]. Больше всего русских пленников покупала Турция. В Стамбуле было несколько невольничих рынков [19, с. 101]. Ю. Крижанич пишет по этому поводу, что, не будь сбыта в Османскую Порту русских пленников, Крым переполнился бы или обратился в «руссскую землю» [9, с. 35].

Иногда пленных везли не на рынки, а на торжественное шествие в Стамбул, дабы показать всем мощь Османской империи (чаще всего это были казаки): «*Все джебежди и пушкири вместе с чорбаджи пусть выйдут через Адрианопольские ворота, возьмут несколько тысяч голов и пленных и, следуя через весь Стамбул торжественным шествием, пройдут перед церемониальным дворцом благоденствующего падишаха*» [29]. Однако заканчивалось все довольно прозаично: «*Потом они [пленные] были отведены на галеры в адмиралтейство*» [29].

Многие путешественники отмечали, что при разделе пленных захватчики не обращали внимания на вопли матерей и детей, а разделяли их по своему усмотрению. Приведу отрывок из сочинения Э.Д'Асколли: «*По возвращении в Татарию на долю пленных выпадает новое горе: победители делят их между собою, и тогда печаль еще усугубляется тем, что иному достается мать, иному – сын, кому – муж, кому жена; затем их ведут в разные города Татарии на продажу*» [30]. Получается, с первого дня пленения русские невольники испытывали шквал горестей. Их мучили не только физически, но и морально. Ведь расставание с родными и незнание их дальнейшей судьбы, наверное, одна из самых страшных бед, которые с ними происходили.

Но у такой политики по отношению к пленным была pragматическая цель. С самого начала в людях убивали дух сопротивления. В них зарождалось отчаяние, и были неспособны к поднятию мятежа против своих рабовладельцев. Концентрация незнакомых людей на галере или в хозяйствах татар давала возможность турецкому или татарскому правительству лучше ими управлять, т.к. каждый из этих пленников был сам за себя. К тому же на галере рабы находились под постоянным присмотром. Возможность сбежать, например, с каторги, создавалась только в случае договоренности с товарищем (как, например, было с Яном Стрейсом, о чем речь пойдет ниже). Но и здесь все зависело от везения. К сожалению, далеко не все русские невольники были так храбры и верны своей родине, как это описывает нам русский фольклор, где даже девушки отличаются храбростью:

«*Не белая лебедка в перелет летит –
Красная девушка из полону бежит;
Под ней добрый конь растягается,
Хвост и грива у коня расстилаются...*» [5, с. 161].

Многие из них внутренне покорились своей доле. Лишь некоторым удавалось бежать после многих лет страдания в плена. Приведу в пример 1642 год, когда некий Симонович близ Италии сумел расковать кандалы у всей группы невольников. Таким образом, 150 человек смогли спасти. Интересно, что Иван Мошкин (один из этих пленных) позже писал, что сам он пробыл на каторге 7 лет, а его товарищи и того более. Например, Ки-

рилл Кондратьев, который был взят в полон под Тулой, находился в плену у турок 13 лет, Сенцов – 15 лет, Осипов – 16 лет, а Афанасьев – 25 [16, с. 70].

Хотя были случаи побегов, которые происходили почти сразу после плена. Например, раненый стрелой валуевец Никифор Ветчинин сбежал из полона через две недели. А в 1646 году боярский сын А.И. Лукашов в возрасте 12 лет после трехлетнего плена смог уйти средь бела дня на лошади. Иногда пленнику мог попасться добрый хозяин, который сам его отпускал. Так оказался на воле некий Г. Болотов [28, с. 539, 542].

Нельзя не упомянуть и о смешении порабощенных с поработителями, так как многие из турок и некоторые из татар брали себе в жены славянок; некоторых пленников обращали в мусульманскую веру, так что через несколько поколений эти люди теряли свои этнические корни [16, с. 73].

Юные пленники пополняли янычарское войско. Это был удачный ход со стороны Османской империи, т.к. Турция использовала генофонд противника, усиливая свою армию и обескровливая чужую. Янычары были ядром турецкой армии. Если в 1475 г. их насчитывалось всего 6 тысяч, то в 1683 г. при осаде Вены они составляли $\frac{1}{4}$ войска; а к середине XVIII в. их количество достигло 113400 человек. Янычар воспитывали в специальных учебных заведениях в строгости, с раннего детства приучали к казарменной дисциплине. Они не имели права играть в азартные игры, пьянствовать или сквернословить. С 5 до 7 лет мальчиков отдавали на воспитание в мусульманские семьи, а только затем они попадали в специальные школы, где их и обучали военному делу, послушанию и покорности. Дисциплина была железная. О янычарском войске говорили, что один волосок ведет 40 человек. Дезертирство каралось смертной казнью, в основном, через удушение [17, с. 3, 10-11, 15, 31, 57]. Однако, по статейному списку П.А. Толстого (XVII в.), янычары «не покутца ни о салтане, ни о визире... только смотрят на своих начальников и без всякой противности покоряются...» [25, с. 58]. Из приведенного отрывка следует, что янычары во время войн боролись не за султана, а потому что война была их единственным ремеслом. Янычарское войско часто поднимало мятежи против своего повелителя, например, из-за плохого жалованья, которое выдавали 3-4 раза в год. Хотя питанием янычар обеспечивали бесплатно: их рацион во время похода составляли плов, лук, свежая баранина или сущеная говядина, свежий хлеб и сухари [17, с. 15]. Многие янычары становились впоследствии ремесленниками, чтобы обеспечить себя в старости. Таким образом, положение тех, кто попал в янычары, было несколько лучше, чем у других русских невольников.

Остальные славянские пленники в Османской империи и Крымском ханстве ни во что не ставились. Их могли свободно продать, подарить или обменять. О них говорили между собой как об обычном товаре. Например, Иософат Барбаро пишет: «Тогда же родич хана... Эдельмуг... приехал в Тану. Он привел ко мне одного из своих сыновей и, бросившись меня обнимать, сказал: “Я привез тебе моего сына и хочу, чтобы он стал твоим”... он подарил мне восемь рабов, русских по национальности, говоря: “Это часть добычи, которую я забрал в России” [3]. Этот отрывок свидетельствует о щедрости татарина по отношению к своему гостю, но показывает и положение несчастных пленных, которые вынуждены были скитаться по разным странам в зависимости от того, куда занесет их судьба, и терпеть все горести рабской жизни. Вот еще пример: «После этого крымские воины наделили воинов пации и жителей Аккермана...¹ разнообразными солнцеликими пленниками – в таком [изобилии], что и описать невозможно» [29].

В источниках неоднократно упоминается, что рынки невольников находились рядом с базарами, где продавался скот. М. Броневский писал, что у татар очень много невольников, «...с которыми они обращались, как со скотом» [6]. Очень многое в положении невольника зависело от хозяина. Рабы занимались в Крымском ханстве земледелием, а также выполняли все работы по хозяйству в доме владельца [16, с. 72]. Сами татары, в недавнем прошлом кочевники, мало что умели, и были неприхотливы в быту. В походах они довольствовались скучной пищей, а их лошади питались подножным кормом. Невольники рыли колодцы, до-

¹ Аккерман – турецкая крепость на берегу Днестровского лимана. В средневековье – византийский Маврокастрон, затем – генуэзская Монкастро, в настоящее время – Белгород Днестровский Одесской области (прим. ред.).

бывали соль, собирали навоз в степи. Таким образом, труд русских рабов составлял важную часть экономики Крымского ханства. При этом они питались самой дурной пищей, им предлагали худшее питье, их одежда и жилище были жалкими [4, с. 4, 17]. Не раз путешественники упоминали, что пленникам приходилось питаться гнилым мясом [15].

Особый тип пленников составляли «работники» на каторгах и галерах. А. Уманц писал, что невольники на галерах – это почти голые, обросшие волосами люди, которым железные цепи постоянно въедались в кожу. При этом если кто-либо из этих людей начинал слабее грести, надсмотрщики били их плетью. Но несчастные рабы не имели права прекращать свою работу. Единственное, что им оставалось – извиваться всем телом и бросать безнадежные взоры к небу [27, с. 16]. А ведь почти все пленные мужского пола попадали именно на эти беспощадные корабли.

Иногда турецкий султан даже специально посыпал крымского хана в поход для захвата пленных, если в это время строились новые корабли, для которых были необходимы гребцы [16, с. 68]. Очень интересным в этой связи является рассказ европейского путешественника Яна Стрейса: «Затем меня отправили на галеру, где было пятьсот рабов; с меня сняли платье, обрезали мне волосы, и голым, только в тонких полотняных подштанниках, посадили за весла, с которыми мы в шестером управлялись. Меня приковали к московиту, который уже более двадцати четырех лет пробыл на галере... Шесть недель просидел я на галере не без тяжких наказаний плетью от надсмотрщика, который угощал ею мою голую шкуру. Если даже я или кто иной гребли ловко и изо всех сил, жестокий палач бил всех без разбору, считая непорядком, если он не слышит чьих-нибудь криков... Мой товарищ, русский, часто уговаривал меня бежать... Этот русский уже несколько раз пытался бежать; но его каждый раз настигали, вследствие чего он потерял уже уши и нос» [31].

Наказания за различные оплошности были направлены на то, чтобы сломить волю человека в плenу. Ведь не так уж и много попадалось таких «московитов», которые после столькихувечий готовы были снова решиться на побег. Во избежание побега, после завершения дневных работ, пленных на ночь запирали в темные клетки. Частой пыткой было подрезание подошв ног и засыпание ран рубленым конским волосом [27, с. 13]. Непокорным прижигали раскаленным железом щеки и лбы [15].

Из этого можно сделать вывод, что невольники мужского пола не могли надеяться на лучшую жизнь в турецком или татарском плenу. Но все зависело и от хозяина, к которому попадали рабы, а также от их благосклонности к господину, который умел быть благодарным. Вот что писал Я. Стрейс: «Он [хозяин] был жизнерадостный и щедрый человек, особенно склонный ко мне... Мои обязанности и занятия были настолько приятны, что я не мог пожелать себе лучших и более спокойных дней, даже если бы был рабом у турок за пределами этого государства» [31]. То есть покорность невольников, которые прислуживали в хозяйстве у турок и татар, давала им шанс на нормальные условия существования. Но всё же они оставались рабами.

В турецких законах рабов также чаще всего упоминали как вещи или скот. Например, за кражу раба предполагалась смертная казнь [8]. Но при этом раб не ставился выше какого-нибудь верблюда или лошади. Вероятно, столь суровое наказание обусловливалось давней традицией уважения чужой собственности, которая сформировалась на Востоке. В тех же законодательных актах раб упоминается вместе со скотом: «Разве лишь в том случае, когда [будет продана] часть рабов и рабынь или часть скота».

Однако рабов в Турции часто наказывали менее сурово, чем свободного человека [8]. Возникает вопрос: почему? Видимо, потому что Османская империя стремилась демонстрировать себя на мировой арене как культурное государство, тем более что она состояла в дружественных отношениях с самыми цивилизованными монархиями тогдашнего мира – Англией и Францией. В Крымском ханстве и Турции рабы через 6-7 лет освобождались из рабства [15], но не могли покидать границ страны. Так Османская империя демонстрировала миру свой «гуманизм», но ничего не теряла в хозяйственном отношении, т.к., получив свободу, пленник продолжал возделывать землю или начинал торговать, а

значит, платить налоги и пополнять казну. Тем временем из очередных набегов татары приводили свежий полон на смену получившим свободу рабам.

Что могло ждать освобожденного пленника в России, если бы его отпустили домой? Дом, скорее всего, был сожжен татарами, на его месте обосновались другие люди. В Московском государстве активно шло закрепощение крестьян. Поэтому, многие бывшие пленники охотно продолжали служить татарам. Например, человек боярина Шереметева «обасурманился» (т.е. принял ислам), чтобы стать впоследствии толмачом при ханском дворе [4, с. 20]. Случаи карьерного взлета бывших рабов, даже при смене веры, были крайне редки. Но случаи перехода в ислам не были исключительными.

Татары распространяли среди полона слух, что после 6-7 лет рабства пленникам предоставляется свобода. На самом деле так называемые «урочные годы» значительно варьировались: от 8 до 32 лет [28, с. 537]. Как правило, пленнику не суждено было вернуться на родину. В Крымском ханстве были часты неурожай, что напрямую отражалось на судьбе русских невольников. Так, в 1629 году послы Кологривов и Дуров отправились в Крым за традиционным выкупом невольников, однако, там им ответили, что почти все невольники вымерли.

Неурожай в период Крымского ханства были зафиксированы еще в 1455 г. [12, с. 207]. В 1556 г. в Крыму наблюдалась «язва» у скота из-за бескорьи. В 1628-1629 гг. Крым постигла чума, а посевы уничтожила саранча. Страшный голод постиг ханство в 1641-1646 и в 1657 гг. За четверть пшеницы в первый недород и засуху платили 8 золотых [24, 157, 313]. Такую же сумму, но уже за осьмину пшеницы, отдавали в 1657 г.¹ Неурожай являлся одной из основных причин татарских набегов. Так, еще в 1630 году написано турецкому султану: «*И как де приходили бить челом царю мурзы и татарова, что оне оскудали, полону у них нет и хлеб в Крыме не родитца чтоб царь им велел идти Московское государство воевать...*» [26, с. 95].

Во время голода часты были случаи людоедства среди населения. Однако рабов, видимо, все же не ели, т.к. их продажа была единственной возможностью купить необходимые продукты и выжить. В голодные годы XVII в. одного невольника продавали за 100 рублей. Из приведенных в прим.1. соотношений можно догадаться, что такая сумма могла обеспечить безбедное существование русского человека на протяжении года.

В годы, когда Крым захватывал большой полон, рабы продавались по очень низкой цене – за 10 крымских золотых [18, с. 77, 110, 182, 343]. 10 золотых равнялись примерно 3,5 рублям – очень малая сумма за человеческую жизнь. Но цена, за которую продавался полонянник, далеко не всегда влияла на его дальнейшую судьбу. Если пленника покупали для сельскохозяйственных работ за огромную сумму, с ним вряд ли обращались плохо. Но Турция скупала русских пленников после неудачных набегов за большие деньги, чтобы использовать их на галерах в качестве «пушечного мяса».

Оставшись в Турции или Крымском ханстве после освобождения и не изменив своей вере, бывшие русские пленники вынуждены были платить джизью – налог, взимавшийся с немусульманского населения. Вначале она собиралась с двора (очага) и можно было уйти от налога, просто арендовав помещение, но с 1690 года этот налог обязаны были платить все взрослые мужчины немусульмане [13, с. 78]

Турки и татары были веротерпимы, и религиозного гнета пленники не испытывали. Например, в Каффе находилось 12 христианских церквей. Да и сами невольники старались сохранить свою веру. Ведь это единственное, что связывало их с родной землей и прошлым. Например, каширянина Андрея Писарева силой женили на наложнице иной веры, но детей он назвал Ивашкой и Анюткой. Некоторые потомки русских пленников бежали в родную землю и знали о своей вере благодаря родителям. У русских невольников были и свои святые: Параскева Пятницкая, Варсонофий Казанский (что примечательно, последний тоже был пленником). Именно ему те, кому удалось вернуться в Россию, впоследствии посвящали построенные ими церкви [28, с. 337 - 338].

¹ 8 золотых в XVII веке примерно равнялись 3 рублям [22, с. 375], на которые в России можно было запастись солью, конскими упряжками, отдать налог на церковь, а также купить шапку, шляпу, рукавицы и другие предметы гардероба. Причем 3 рублей на все вышеперечисленное хватало на год [14, с. 398].

Шанс вернуться на Родину у русских пленных был – посредством выкупа. Еще Иван IV ввел специальный налог, который в XVI веке назывался «посошный сбор» (т.к. собирался с каждой сохи). Впоследствии он был заменен «подворным налогом». Эти деньги, в основном, получаемые с крестьянских хозяйств, шли в посольский приказ. Цена за выкуп представителей разных сословий отличалась. В XVI веке за дворянина предлагали 20 рублей с каждого ста четвертей его поместной земли, за московского стрельца давали 40 рублей, за украинского¹ – 25, за посадского человека – 20 рублей, за пашенного крестьянина или боярского человека – 15 рублей [16, с. 71-72]. В год выходило около 20 000 рублей, что в несколько раз превышало поминки² [4, с. 28].

Татары быстро научились разбираться в происхождении невольника, иногда пленный сам вступал с поработителями в переговоры о выкупе. Если его родственники могли предложить больше, чем продавец мог выручить с продажи этого пленного, устанавливалась связь с его родными. За выкуп знатных невольников хан мог выручить громадные суммы. Так, в 1577 году Иван Грозный заплатил за плененного Василия Грязнова 2000 рублей [16, с. 72]. Часто татары не знали меры в своих претензиях. За В.Б. Шерemetева они запросили 70 тыс. рублей и 50 татар. А за Андрея Ромодановского – 80 тысяч и 60 татар. Последний эпизод имел место в 1668 году. После долгих переговоров было уплачено 40 тыс. рублей [28, с. 347].

Бывали случаи, когда московское правительство отправляло в качестве окупа вместо денег соболя и шубы, но не могло распродать их в Крыму и не получало средств на выкуп пленных [26, с. 46]. Путь в Крым был опасным. Довезти меха туда в целости еще представлялось возможным, а доставить их непроданными обратно было куда сложнее. Из-за нападений разбойников этот ценнейший экспортный товар исчезал безо всякой пользы для экономики и демографии России.

Иногда родственники пленных сами отправлялись в Крымское ханство их выкупать. Так, в 1632 году в плен был взят козловец Прокофий Давыдов вместе со своим старшим сыном Антипом. Им довелось 13 лет отработать на разных каторгах, прежде чем младший сын Прокофия Иван смог выкупить отца. За Антипа платить было уже нечем. Ему повезло, и он благополучно вернулся домой без выкупа (но такие случаи были редки). Часто пленников выкупали иностранцы, особенно паломники, которые таким образом хотели замолить свои грехи. Были и особые иностранные промышленники, которые на выкупе и передаче пленных зарабатывали деньги. Первое место здесь занимали греки. В 1645 году грек Исаи Астафьев привез в Москву нижегородца Лариона Молчанова. При этом он просил за него 125 рублей и 23 рубля издержек. В ходе переговоров он получил «всего» 100 рублей. Предприимчивым «освободителям» везло: в России не было принято отказывать в подобных случаях и возвращать невольника обратно [28, с. 344-345].

Для выкупа знатных невольников из Крыма специально снаряжались послы русского государя, которые разыскивали таких людей и старались уменьшить сумму их выкупа. Позже на границе с Крымским ханством появились специальные «разменные пункты», находившиеся на Дону, в Белгороде и ряде других городов. В Крыму даже была специальная должность – «разменный бей» [16, 71-71]. Разменный пункт имел вид укрепленного лагеря. Долгое время разменным местом служила Валуйка, которая находилась на границе со степью. Однако татары неохотно отправлялись туда. Во время подобных сношений с Россией крымцы пытались передвинуть место размена южнее, к татарским владениям (возможно, даже в Азов или Тор). Так, в 1672 году крымский гонец Мамет Хазым Амалыка прибыл в Москву и требовал перенести разменное место на Донец.

Существовал также и индивидуальный размен, т.е. выкуп отдельных пленных. Например, выкуп в 1677 году В.Б. Шерemetева проходил в Азове [1, с.164, 173]. В этом случае место обмена назначалось по соглашению сторон. При размене шел упорный торг. Пленного русского часто обменивали на пленного татарина. Причем татары писали из неволи своим близким сентиментальные записки [28, с. 341-343].

¹ Т.е. служившего в пограничном гарнизоне (прим. ред.).

² Так называлась дань татарам, выплачиваемая Российским государством Крымскому хану (прим. ред.).

По возвращении на родину полоняники должны были получать специальный окуп за «полонное терпение». Однако в реестре делам крымского двора часто упоминаются челобитные царю с прошением о выдаче этого окупа [1, с. 32, 46, 149], что свидетельствует о задержке его выплаты. Частые прошения о выдаче окупа наводят на мысль, что сумма была значимой для бывших пленников и необходимой для восстановления их хозяйства.

В заключение отмечу еще один феномен, связанный с русским полоном: окатоличивание бывших пленников. Выше упоминалось, что освобождением русских невольников часто занимались европейцы, особенно жители Венеции, которая периодически вела войны с Турцией. Поэтому русские пленники попадали в европейские государства, где им выдавались специальные грамоты, благодаря которым они получали приют на пути в Россию. Нередко европейские власти предлагали бывшим рабам остаться, т.к. понимали потенциал этих людей, закаленных в неволе. Силу не применяли, но находились люди, которые соглашались на предложение [28, с. 545 - 549]: «*А взяли их [невольников] Виницеяне на бою, и тем Виницеяне из... казны давали из воли деньги и устроили их на кораблях служивыми людьми, кто похотел остаться*» [11, с.156]. Большинство русских предпочитали возвратиться домой. Но те, кто оставался, чаще всего переходили в католичество и становились поданными других держав. Таким образом, для Отечества терялась и эта часть русского населения.

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

1. Положение русских пленных было тяжелым, хотя крымские татары и турки пытались доказать другим народам, что они не были жестоки со своими рабами. Эти доказательства строились на двух постулатах: веротерпимость и так называемые «урочные годы», когда русским невольникам давалась свобода. Действительно, открытой политики гонений против христиан не наблюдалось, но пренебрежительное отношение к людям иной веры демонстрировалось, а освобожденные рабы были обязаны платить джизью. Дети русских пленников становились свободными, только если были рождены в мусульманской вере. Ради лучшей доли для своих детей многие полоняники переходили в ислам.

2. Шансы вернуться на родину у русских пленников были невелики. 6-7-летний срок «урочных лет» часто не соблюдался. За это время из рабов старались «выжать» все силы. Меры русского правительства по организации выкупа пленных были не всегда удачными и далеко не достаточными. При этом, экономика Крымского ханства выигрывала в любом случае: за пленника платило либо его собственное правительство, либо покупатели на рынке.

3. Если пленнику удавалось вернуться на родину, ему не всегда удавалось получить от правительства положенный окуп за «полонное терпение» и восстановить свое разоренное хозяйство.

Таким образом, «татарский полон» был очень выгоден для Османской империи и Крымского ханства, но серьезно тормозил экономический и демографический рост в России. Кроме того, эта практика наложила негативный отпечаток на взаимоотношения между русским народом с одной стороны и татарами и турками с другой. Он сказывается на взаимоотношениях между этими народами по сей день, столетия спустя.

Источники и литература.

1. Бантыш-Каменский Н.Н. Реестр делам Крымского двора с 1474 по 1779. Симферополь: Тип. Таврического губернского правления. 1893.
2. Барсамов Н. Феодосия. Краеведческий очерк. Симферополь: Крымиздат, 1953.
3. Барбаро Иософат. Путешествие в Тану. [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Barbaro/frametext.htm>
4. Бережков М.Н. Русские пленники и невольники в Крыму. Одесса: Тип. А. Шульце, 1888.
5. Библиотека поэта. Исторические песни. Малая серия. 3-е изд. Л., 1956.
6. Броневский С.М. Исторические выписки [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Bronevskij/frametext1.htm>
7. Гийом Левассер де Боплан. Описание Украины [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Boplan/text2.php?id=190>
8. Книга законов султана Селим-хана. [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/>
9. Крижанич Ю. План завоевания Крыма. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891.

10. Крымский историко-публицистический альманах. Фонд «Москва-Крым». Вып. 2. М., 2000.
11. Ламанский В. О славянах в Малой Азии, Африке и Испании // СПб.: Тип. Имп. АН., 1859.
12. Материалы по истории и археологии Крыма. К.: Наукова думка, 1917.
13. Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М.: Наука., 1991.
14. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: Россспэн, 2001.
15. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin/frametext1.htm>
16. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. I. Симферополь: Крымиздат, 1951.
17. Николле Д. Янычары. М.: Астрель, 2004.
18. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
19. Петросян Ю.А. Русские на берегах Босфора.. СПб.: Ин-т востоковедения РАН, 1998.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 25.. М.: Изд-во АН СССР, 1949.
21. Попов Е.И. О некоторых малоизвестных фактах российской политики в отношении Крыма в XVII – XVIII веках // Материалы II Международной научно-практической конференции «Крым в контексте русского мира: история и современность», 2008.
22. Прохоров Д.А. Некоторые проблемы изучения истории Крымского ханства в отечественной историографии (1920-30-х гг.). Симферополь, 2000.
23. Рудь Я. Сказание о Феодосии. Симферополь: Редотдел Крым. ком. печати, 1994.
24. Русский архив / Под ред. П. Бартенева. М.: Университетская типография, 1889.
25. Русский посол в Стамбуле. М.: Главная редакция восточной литературы, 1985.
26. Савелов Л.М. Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Симферополь: Таврическая Губернская типография, 1906.
27. Уманц А. Исторические рассказы о Крыме. Севастополь: Тип. Севастопольского листка, 1887.
28. Шереметевский В. Русская старина. Кн. II. Февраль-март 1913. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1913.
29. Эвлий Челеби. Книга путешествий. [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Celebi3/text8.phtml?id=1734>
30. Эмилио д'Асколли. Описание Черного моря и Татарии. [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVII/1620-1640/Askoli/frametext.htm>
31. Ян Стрейс. Три путешествия. [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Strejs/frametext2.htm>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

†Антонова

Инна Анатольевна
(1928-2000)

†Золотарев

Мирон Ильич
(1945-2004)

†Коробков

Дмитрий Юрьевич
(1969-2001)

Директор Херсонесского музея в 1955-1971 гг. Директор Херсонесского государственного историко-археологического заповедника в 1980-1085 гг.

Кандидат исторических наук, в 2000-2004 гг. зам. заведующего кафедрой истории Черноморского филиала МГУ, зав. отделом античной археологии Крымского филиала Института археологии НАН Украины, ведущий научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический»

Научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический»

* * *

Днепровский

Николай Викторович

Дорошко

Ольга Павловна

Дюженко

Татьяна Валерьевна

Карнаушенко

Элла Николаевна

Карнаушенко

Александр Дмитриевич

Ковалевская

Людмила Александровна

Мосейко

Юлия Тарасовна

Новикова

Ольга Владимировна

Новицкая

Лариса Николаевна

Петрова

Элеонора Борисовна

Руб

Владимир Леонидович

Самойленко

Виктор Иванович

Сарновски

Тадеуш

Струкова

Екатерина Валерьевна

Ушаков

Сергей Владимирович

Хапаев

Вадим Вадимович

Чореп

Михаил Михайлович

Выпускающий редактор издательства «Невская лавра» (г. Санкт-Петербург)

Преподаватель Южноукраинского национального педагогического университета (УКП в г. Севастополе)

Научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический»

Исследователь (г. Севастополь)

Исследователь (г. Севастополь)

Научный сотрудник отдела греко-скифской археологии Крымского филиала Института археологии НАН Украины (г. Севастополь)

Аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета им.В.И.Вернадского

Преподаватель Южноукраинского национального педагогического университета (УКП в г. Севастополе)

Художник-реставратор Национального заповедника «Херсонес Таврический»

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета им.В.И.Вернадского

Аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Таврического национального университета им.В.И.Вернадского

Научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический»

Доктор философии, профессор. Директор департамента археологии римских провинций Института археологии Варшавского университета (Польша)

Художник-реставратор Национального заповедника «Херсонес Таврический»

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии НАН Украины, ведущий научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический»

Кандидат исторических наук, заместитель заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе

Соискатель Тюменского государственного университета

* * *

Князков

Арсений Александрович

Лесная

Екатерина Сергеевна

Тюрин

Максим Игоревич

Терентьева

Елизавета Михайловна

Юрченко

Валерия Сергеевна

Студент V курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе

Студентка IV курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе

Студент III курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе

Студентка V курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе

Студентка II курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе

Научное интернет-издание

Избранные статьи по материалам докладов, прочитанных в секции «Древняя и средневековая история Причерноморья» на VIII Международной научной конференции «Лазаревские чтения» 2010 года / под общей редакцией В.И. Кузищина.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

С.В. УШАКОВ, В.В. ХАПАЕВ

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Дизайн, макет и верстка выполнены
в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ в г. Севастополе

Подписано к публикации 27.01.2011 г.
Формат 70 x 108 1/16
Объем 19 п.л., уч. изд. л. 12,7.
Распространяется через сеть Интернет

